

УДК 908(571.66)  
ББК 63.3(2Камч)  
В74

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачёва

**Вопросы истории Камчатки. Выпуск 6.** — Петропав-  
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2012. —  
672 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» включает книги, впервые изданные в 1899 и 1914 гг., содержащие разносторонние сведения об истории освоения, природных богатствах, населении Камчатского полуострова и прилегающих территорий. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают о судьбе участников становления советской власти на Чукотке и партизанского движения на Камчатке в начале 1920-х гг., особенностях деятельности камчатской милиции в 1920-х гг., зарождении на полуострове авиации, истории г. Петропавловска-Камчатского. Рубрика «Автопортрет времени» повествует о жизни и творчестве первой на Камчатке заслуженной артистки РСФСР А. В. Славиной. Рубрика «От первого лица» включает автобиографические и статистические материалы, показывающие особенности развития экономики полуострова, осуществлённые и неосуществлённые проекты в этой области.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания  
«Новая книга», 2012  
© С. В. Гаврилов,  
составление, 2012  
© Авторы, 2012

ISBN 978-5-87750-195-5

## СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах .....	4
---------------------------	---

### КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>В. П. Маргаритов.</i> Камчатка и ея обитатели .....	5
<i>Б. Горовский.</i> Забытые русские земли .....	200

### ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>В. П. Пустовит.</i> Вечная мерзлота любви .....	283
<i>В. П. Пустовит.</i> Красные партизаны: кто есть кто .....	316
<i>А. А. Смышляев.</i> Начало камчатской авиации .....	365
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Административная деятельность камчатской милиции во второй половине 1920-х гг. ....	387
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Профессиональное обучение и материальное обеспечение личного состава камчатской милиции в 1920-х гг. ....	416
<i>И. В. Витер.</i> Петропавловская гавань — Петропавловский порт — Петропавловск-на-Камчатке — Петропавловск-Камчатский .....	448
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1928-й .....	490

### АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

<i>К. Д. Родионов.</i> Александра Владиславовна Родионова-Славина .....	557
---	-----

### ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. Е. Быкасов.</i> Время, события, люди .....	606
Именной указатель .....	669

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Быкасов Валерий Егорович* — научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований пешком обошёл почти весь полуостров. Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию. Действительный член Русского Географического общества.

*Витер Ирина Васильевна* — заведующая сектором краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, ведущий камчатский краевед. Область научных интересов — этнография, история Камчатки XVIII—XX вв. Автор пяти книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского, лауреат премии им. С. П. Крашенинникова.

*Гаврилов Сергей Витальевич* — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор двенадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова.

*Пасечник Александр Фёдорович* — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

*Пустовит Валентин Петрович* — историк, писатель. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий (1995 и 2008 гг.) Книги Памяти камчатцев, погибших во Второй мировой войне. Член Союза писателей России, Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества.

*Смышляев Александр Александрович* — писатель, директор и главный редактор издательства холдинговой компании «Новая книга», председатель Камчатского регионального отделения общественной организации «Союз писателей России». Автор двадцати книг и нескольких видеofilmов. Активный краевед, области научного интереса — история населённых пунктов Камчатки, отраслей промышленности, отдельных предприятий. Лауреат премии им. С. П. Крашенинникова.

# КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. П. МАРГАРИТОВ

## КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

*Маргаритов Василий Петрович*, педагог, исследователь, учёный и общественный деятель. Родился 16 января 1854 г. в станице Островской Донской области в семье священника. В 1873 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по отделению естественных наук. В 1880 г. получил степень кандидата естественных наук. В этом же году зачислен на службу чиновником особых поручений при канцелярии военного губернатора Приморской области. С 1881 г. преподавал в мужской прогимназии г. Владивостока. В 1894 г. назначен окружным инспектором училищ Приамурского края. В 1884 г. стал одним из основателей Общества изучения Амурского края (ОИАК). Организатор, участник и руководитель ряда археологических, этнографических, зоологических и геологических экспедиций в Приморье и на Сахалине. Собрал несколько коллекций, одна из которых ныне хранится в Приморском краеведческом музее им. В. К. Арсеньева. В 1892 г. эта коллекция была представлена в Москве на Международном археолого-антропологическом и зоологическом конгрессе.

При его участии создан музей ОИАК. В 1892 г. передал в него свою этнографическую коллекцию. В 1896—1897 гг. выполнял обязанности директора музея ОИАК. В 1900 г. подготовил этнографические коллекции для участия во Всемирной выставке в Париже. В 1897 г. посетил Камчатку, где изучил состояние школ и преподавания в них, придя к выводу, что меры, предпринимаемые правительством для поднятия экономики полуострова, не принесут заметных результатов до тех пор, пока население пребывает в невежестве.

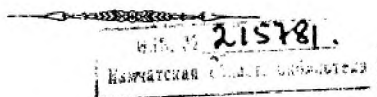
В 1888—1895 гг. председатель Совета ОИАК. В 1897 и 1901 гг. избирался почётным мировым судьей Владивостокского окружного суда. В 1909 г. избран городским головой Владивостока, занимал этот пост до 1915 г. Сдав полномочия, уехал в Кисловодск, где скончался 12 октября 1916 г. За заслуги по службе, в научной и общественно-деятельности награждён орденами Святого Станислава и Святого Владимира. Действительный статский советник (1896 г.). Автор ряда статей, книги «Камчатка и ея обитатели». В его честь названо село Маргаритово Ольгинского района Приморского края [Время и события: указатель-календарь по Дальнему Востоку на 2004 г. — Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. — С. 181—184].



**ЗАПИСКИ**  
ПРИАМУРСКОГО ОТДѢЛА  
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА  
Т. V<sup>е</sup> ВЫП. I.

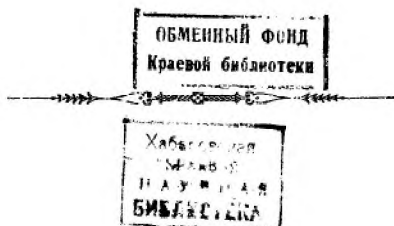
---

**КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.**



Съ рисунками, исполненными по способу ферротипіи, съ картою Камчатки и планомъ укрѣпленія Петропавловска въ 1864 г.

В. Маргаритовъ.



г. Хабаровскъ.

*Типографія канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.*

1899.

Титульный листъ книги В. П. Маргаритова «Камчатка и ея обитатели»

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1897 г., в год двухсотлетия присоединения к Российской державе Камчатки, посетил эту страну бывший приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Сам генерал-губернатор, пользуясь срочным рейсом парохода Добровольного флота, лично был только в Петропавловске и при том недолгое время.

Для ознакомления же с некоторыми, интересовавшими его вопросами в других частях полуострова, он командировал меня и чиновника особых поручений приморского губернатора Линдера, поручив нам пройти из Петропавловска в верховья р. Камчатки, спуститься по течению ея к устью и затем, если окажется возможным, пересечь полуостров по направлению к Тигилю.

Такой маршрут, более чем в 1 200 вёрст (русская верста равна шестистам сажням, то есть 1,0668 км. — *Ред.*), обнимал самую лучшую и более населённую часть полуострова и был пройден в сорок дней, причем часть пути была сделана верхом на лошадях и часть на батах (лодках) по рекам.

Не могу не признать за особо счастливую случайность, что для предстоявшего путешествия к нам присоединились два врача: петропавловский окружной врач В. Н. Тюшев и врач парохода «Хабаровск» Ю. К. Шиманский. Первый воспользовался случаем для объезда своей округи, а второй, с согласия генерал-губернатора, изъявил готовность усилить состав экспедиции со специальною целью ознакомиться с камчатскою проказою и сифилисом.

Считаю своею прямою обязанностью выразить глубокую признательность как тому, так и другому. Весёлый нрав и энергия Ю. К. Шиманского не раз являлись утешителями в тяжёлые минуты трудного пути, а В. Н. Тюшев, благодаря своему предвзрителю знакомству с краем и полному знакомству с особенностями и литературою его, был незаменимым советчиком-руководителем всей экспедиции.

Прикомандированный специалист-фотограф из ссыльно-каторжных и туземец-казак как прислуга сопровождали нас на всём пути.

Благодаря содействию начальника Петропавловской округи П. А. Ошуркова, поездка была обставлена настолько удобно, насколько можно было достигнуть этого при камчатских путях сообщения и средствах передвижения.

Нельзя не сознаться, что как я, так и спутники мои, за исключением доктора Тюшева, жившаго в Петропавловске, не были подготовлены к подобного рода путешествию и вот почему. Когда

я получил предложение ехать в Камчатку, то первоначальный маршрут моей поездки ограничивался лишь посещением трёх приморских пунктов (Петропавловска, Усть-Камчатска и Тигиля) с переездом от одного к другому на пароходе Добровольного флота во время совершения им второго камчатско-охотского рейса, ввиду чего я и спутники мои не запаслись ни обувью, необходимою в таёжном путешествии, ни одеждой и вообще ничем, в чем могла предвидеться нужда. Даже фотографический аппарат и принадлежности к нему были укупорены и приспособлены не более того, насколько это требовалось в виду каютного помещения и двух-трёх высадок с судна на берег и обратно.

Вследствие этого многие вопросы, разрешение которых было бы весьма желательно, оставлялись без внимания. Так, например, направление пути во многих местах расходилось с показаниями существующей карты Камчатки, но сделать какая-либо изменения в этом отношении не было возможности. То же самое и соби- рание коллекций по всем царствам природы было изъято из заня- тий экспедиции за неимением средств сохранить и доставить их.

В высокаторжественный день 6-го мая, отпраздновав двухсотле- тие Камчатки, главный начальник края С. М. Духовской отбыл на том же пароходе «Хабаровск» на Командорские острова, а мы заня- лись подготовкою в путь. Подготовка была окончена сравнительно скоро, но тронуться нельзя было до 10-го июня, так как большие зимние заносы снега, оставшиеся по некоторым ущельям и горист- ым перевалам, не позволяли ехать верхом на лошадях и разли- шияся реки делали путь невозможным для проезда на собаках.

10-го июня мы вышли из Петропавловска и ехали сначала на лодках до с. Корякского на расстояние 40 вёрст, затем на лошадях до второго селения от верховья р. Камчатки, до Шером на расстоя- ние 209 вёрст, далее на лодках до Усть-Камчатска на расстояние 507 вёрст и обратно на лодках же чрез с. Ключевское, до сел. Елов- ки, на расстояние 207 вёрст и, наконец, верхом на лошадях чрез так называемый Тигильский перевал в с. Седанку на расстояние 150 вёрст, откуда на лодке до с. Тигиля на расстояние 90 вёрст.

Не имея возможности изучить Камчатку детально, как хоте- лось бы, я в тоже время по поручению Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества беру на себя смелость издать свой труд под заглавием «*Камчатка и ея оби- татели*», в котором при помощи литературных источников на- мерен поделиться в кратких и общих чертах теми немногими данными, которых удалось собрать в пути и теми впечатления-

ми, которая оставила во мне эта чудная по природе, но удрученная по жизни страна.

Значительный интерес к моей статье мог бы придать альбом фотографических видов, которые удалось снять в пути более чем на двухсот негативах, и в таких местах, где фотографический аппарат впервые был виден, но, к сожалению, стоимость подобной иллюстрации является непосильной для скромных средств Приамурского отдела, а потому приходится ограничиться приложением только видов, напечатанных по способу ферротипии, как наиболее дешёвому и возможному при типографских средствах в г. Хабаровске. Издание такой иллюстрации явилось возможным благодаря содействию нынешняго главнаго начальника края Н. И. Гродекова.

Настоящим изданием «Камчатка и ея обитатели» я имел в виду, по силе умения и возможности, познакомить читателей со следующими отделами: 1) с историей страны от завоевания ея до настоящаго времени, 2) с географией ея, считая в том числе и некоторыя естественно-историческия сведения, и 3) с населением и современным его положением.

Сообразно с этим вся статья разделена на три главы с соответствующими заглавиями.

Спешу оговориться в следующем:

1) Составляя главу географии страны, я включил в неё сведения о хлебопашестве и скотоводстве, так как эти отрасли хозяйства, как не играющия никакой роли в экономическом быту камчатскаго населения, по моему мнению, являются скорее характеризующими природу страны, чем быт ея жителей.

2) За отсутствием достаточно точных литературных сведений о камчатской флоре и фауне и за неимением ни времени, ни средств для ознакомления с ними на месте, отдел этот не был мною затронут, если не считать приложеннаго в конце второй главы простого перечня растений и животных, составленнаго по иностранным литературным источникам (в настоящем переиздании перечни опущены. — *Ред.*).

3) Составляя главу о населении, я имел в виду, главным образом, современное состояние жителей. Что же касается этнографических описаний, то таковыя я не счёл нужным делать, ибо в этом случае пришлось бы целиком выписать этот отдел из «Описания земли Камчатки» Крашенинникова, единственнаго автора, имевшаго возможность и право на этнографическое описание камчадалов, так как ему лишь одному удалось видеть этот народ в полной

его неприкосновенности и целости. Все же остальные исследователи или поневоле брали с него, или же вдавались в излишняя и даже непростительныя вариации.

Источниками послужили мне следующие книги:

1) Крашенинников — «Описание земли Камчатки», изд. 1755 г.

2) «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. 1 и 2.

3) «Полное собрание законов Российской империи».

4) Словцов — «Историческое обозрение Сибири», изд. 1886 г.

5) Андриевич — «История Сибири», изд. 1889 г.

Он же — «Исторический очерк Сибири», изд. 1887 г.

Он же — «Сибирь в царствование императрицы Екатерины II», изд. 1887 г.

Он же — «Сибирь в XIX столетии», изд. 1889 г.

6) Отечественныя записки, 1851 г., т. III: «Первая Камчатская экспедиция Беринга».

7) Записки гидрографического департамента, 1851 г.: «Северная экспедиция 1733—1743 гг.».

8) Старицкий — «Очерк Камчатки», помещённый в «Живописной России».

9) Булычёв — «Об опытах земледелия в Камчатке», Известия ИРГО, 1853 г., т. IV.

10) Войт — «Камчатка и ея обитатели», СПб., 1855 г.

11) «Сын Отечества», кн. 6-я, СПб, 1849 г. «Известия из Камчатки».

12) Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. — Приложение к «Морскому сборнику» № 1, 1861 г.

13) Гагемейстер — «Хозяйственно-статистический обзор Камчатки».

14) Дитмар — «Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855».

15) Обручёв — «Геологическия сведения о Камчатке по Дитмару».

16) «Приамурския ведомости» и

17) Отчёты начальника округа за последние годы и некоторыя другие.

Переходя к описанию, считаю своею обязанностью выразить глубокую признательность как спутникам моим, так равно М. А. Постниковой и Н. А. Пальчевскому, оказавшим мне услугу составлением по иностранным литературным источникам списка птиц и растений.

## Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первые известия о Камчатском полуострове, сохранные в исторических документах, относятся к 1695 г., когда казаки, дойдя в своём поступательном движении на восток до Великого Океана, стали искать удовлетворения своих воинственных наклонностей в соседних диких странах, лежащих на юг и север от пройденного пути.

Движение вольницы казачьей, начавшееся в XVI столетии и имевшее вначале преступный характер, вскоре приняло вид действий, не только не преследуемый, но даже поощряемый правительством.

Такой исход необузданной удали казаков, побуждаемых не столько целями корысти, сколько преизбытком сил и энергии, стяжал им славу, достойную видных страниц русской истории. Корысть и злоба... Нет, не корысть и не злоба, а вернее, удаль молодецкая двигала казака вперед. Конечно, «в семье не без урода», но, тем не менее, бросать на произвол судьбы всё имеемое и лезть в огонь и в воду почти с полным сознанием гибели, требует признать за казаком чувство более высокое и достойное, чем алчность и корысть.

Труден был лишь первый шаг, труден как с физической, так и с моральной стороны, но он с успехом был сделан донцами под командою удалого Ермака, перенесшаго в 1588 г. владения Российского государства далеко за Уральский хребет.

С этого времени в течение почти двух столетий деятельность русского правительства в пределах Азии ограничивается лишь укреплением за собою владений, добытых непреклонною волею удалого казачества. К началу XVII-го столетия русские владения достигают берегов Енисея, затем реки Лены, где казаки в 1638 г. получают поддержку от правительства, выразившуюся образованием Якутского воеводства с центром правления в остроге того же имени, основанном в 1632 г. сотником Петром Бекетовым (Андреевич. «История Сибири», ч. I, с. 65), пробывавшим себе путь среди тайги и холода во главе лишь тридцати казаков.

Первыми воеводами этого воеводства, присланными из Енисейска, были братья Головины, которым, между прочим, принадлежит попытка к распространению своей власти на Амуре и на берегах Ламского (Охотского) моря.

Якутское воеводство, благодаря своему местоположению и угольям (рыболовство, звероловство, скотоводство и даже впоследствии хлебопашество), могущим удовлетворить незатейливым

потребностям казачества, в скором времени стало опорным пунктом для дальнейших поступательных движений. Отсюда выходят искатели приключений на север к Ледовитому Океану и на юг в бассейн р. Амура и далее на восток к Охотскому морю и даже до берегов Великого Океана.

Якутские воеводы, благодаря частым сношениям казаков с окружающими народами, получают сведения об Амуре, слухи о котором давно уже ходили среди казачества, узнают о существовании на восток от них, за хребтами, какого-то (Охотского) моря и о народах, живущих близ него, и, в тоже время, всё более и более распространяют свои владения на северо-восток в земли юкагиров и чукчей.

В 1643 г. снаряжается из Якутска экспедиция Василия Пояркова, который, поднявшись по р. Алдану, перешёл чрез Становой хребет в верховья р. Зеи и в 1641 г. вошёл в Амур, по течению которого спустился до устья, неоднократно вступая в бой с дучерами, гиляками и другими инородцами, населявшими прежде побережья этой реки. С устья Амура за недостатком служилых людей (около шестидесяти человек), оставшихся в целости, Поярков не рискнул подняться вверх, а в 1646 г. возвратился в Якутск берегом Охотского моря чрез р. Улью, при устье которой в то время было уже зимовье, построенное в 1640 г. (то есть за три года до экспедиции Пояркова) Иваном Москвиным, сделавшим разведки по западному побережью Охотского моря от Тауйской губы до р. Уди и собравшим первыя сведения об Амуре.

При этих разведках устье р. Охоты было признано более других удобным местом для приморского поселения вследствие чего в 1648 г. здесь было основано Шелковниковым зимовье, переименованное впоследствии в острог, а затем и в порт Охотск. К тому же времени относится и постепенное объясачание юкагиров, живущих по р. Индигирке и далее.

В 1644 г. казаки прошли на р. Колыму и под начальством Стадухина основали Нижне-Колымское зимовье, послужившее опорным пунктом для распространения русского владычества в земле чукчей и в бассейне р. Анадыра.

При своём поступательном движении казаки, дойдя до берегов моря, не останавливались и пред этою преградю. Строили лодки, из которых более большия назывались кочами и, насколько позволяло гостеприимство берегов, шли вдоль их всё далее и далее.

Обширность завоеванных стран требовала для закрепления их за русскими больших сил; местных уроженцев не хватало, след-

ствие чего якутские воеводы вызывали служилых людей из Енисейска. Те, страдая тем же, в свою очередь, обращались за подкреплением в Тобольск, на Урал и даже в Москву. Вместе со служилыми шли по доброй воле и вообще искатели приключений, шли и купцы (к числу таких выходцев-купцов принадлежал и Федот Алексеев, на долю которого выпало, как гласит предание, первым из русских быть в Камчатке), влекомые туда слухами о неистощимых богатствах, получаемых с ценного пушного зверя.

Пришлый элемент частью принимался в состав казаков, а частью входил в разряд промышленников, торговцев, из которых более состоятельные и предприимчивые вступали в соглашение с партиями казаков и, преследуя свои коммерческие цели, шли с ними рука об руку, покоря северные племена то силою, то путём торговых договоров.

Одна из таких партий воинов-промышленников, снаряженная торговцем Федотом Алексеевым, на семи кочах вышла под начальством С. Дежнёва из устья р. Колымы и направилась на восток вдоль берегов Ледовитого океана.

Начальник этой партии, Семён Дежнёв, казак Якутского воеводства, был одним из участников Стадухина, основавшего Нижне-Колымское зимовье и в числе первых познакомившийся с одним из воинственных племен Северо-Востока, с чукчами.

Безспорно, первое знакомство казаков было с чукчами анадырскими. От них казаки узнали некоторые подробности о течении большой реки, об её впадении в Великий океан и даже о существовании при её устье острова. Несомненно также и то, что казакам были известны от тех же чукчей и некоторые другие данные, на основании которых казаки могли сообразить о возможности морского пути между Колымою и устьем Анадыра. Дежнёв со своими спутниками, как мы увидим дальше, когда был выброшен на берег, знал, куда забросила его судьба и, отыскивая устье Анадыра, шёл не наобум, а с уверенностью и с предвзятою надеждою на встречу с казаками, шедшими к той же цели и с той же р. Колымы, но только сухим путём.

Казаки, дойдя до моря, волей неволею должны были познакомиться с этою могучею и в тоже время капризною стихиею. Мало помалу они научились вести борьбу с ним, а затем и пользоваться им как самым выгодным путём сообщения. Первая попытка Дежнёва идти вдоль берега была неудачна. Суровая погода и льды заставили путников вернуться назад. Но удаля казачья не остановилась пред первою неудачею. И вот Семён Дежнёв, как сказано



выше, становится во главе промышленной партии, снаряженной Федотом Алексеевым, и в 1648 г. на семи кочах выходит из устья Колымы, решившись на этот раз не уступать капризам грозного моря.

До какой степени доходила эта решимость, видно из того что, несмотря на гибель в скором же времени четырёх кочей, Дежнёв с Алексеевым продолжают путь далее, местами высаживаются на берег, ведут торговлю и одерживают несколько побед при схватках с чукчами. В сентябре того же года огибают северо-восточную оконечность Азии, проходят пролив, отделяющий этот материк от Америки; и, вероятно, попав в северное ледовитое течение, не замечая давно желанного устья Анадыра, уносятся ветром далее к югу, к берегам тогда ещё неведомой Камчатки.

К этому времени из флотилии Дежнёва оставалось только две кочи; на одной командовал сам Дежнёв, а на другой Федот Алексеев с Анкудиновым, пересевшим к нему после крушения последнего из погибших кочей.

В Олюторской губе, в пределах уже Камчатского полуострова, новая сильная буря разлучает и эти два коча, причём Алексеев с Анкудиновым погибают без вести, тогда как Дежнёв выбрасывается на берег и во главе двадцати пяти казаков проходит берегом к устью Анадыра. В 1649 г. Дежнёв поднимается вверх по Анадыру и примерно верстах в восьмистах от устья закладывает Анадырский острог, где в 1650 г. встречает казаков под командою Муторы, пришедшего с Колымы сухим путём чрез горы и тайгу.

Анадырский острог после Якутского является первым опорным пунктом, из которого в течение почти целого столетия казаки ведут борьбу с соседними народами и чрез который направляется длинный и в тоже время главный путь движения казаков в Чукотскую землю и на Камчатку.

Заслуга С. Дежнёва, совершившего столь удалой поход, состоит: 1) в фактическом открытии пролива между Азией и Америкой, на что впоследствии, сто лет спустя, было затрачено столько сил и энергии и что дало бессмертие имени мореплавателя Беринга; 2) в основании Анадырского острога, имевшего в своё время большое значение в покорении народов дальнего Северо-Востока и в 3) хотя не в прямом, но в косвенном влиянии на открытие неизвестного ещё в то время полуострова Камчатки. Приписывается Дежнёву и ещё весьма важная заслуга, а именно: описание и даже набросок карты пройденного им пути; карта эта, как думают, попала каким-то образом в руки мореплавателей, но достоверных данных об этом факте не сохранилось; по крайней мере,

в период снаряжения экспедиции Беринга о карте Дежнёва не было известно.

Федот Алексеев, разлученный с Дежнёвым бурей в Олюторском заливе, пропал без вести. О судьбе Алексеева сохранились лишь сказания и некоторые догадки о том, что он со своим кочем был на р. Камчатке. Крашенинников, бывший в Камчатке спустя около ста лет после гибели Алексеева, собрал несколько сведений об участии сего последнего, причём все сведения сводятся к следующему: один из левых притоков р. Камчатки, впадающий в неё примерно под  $55^{\circ}$  с. ш., в бытность там Крашенинникова носил название «Федотиха». Название этой речки, по словам населения, дано ей по имени самого первого из русских, прибывших в Камчатку и зимовавшего со своим кочем в устье этой речки. Предание об этом факте распространяется и далее: будто бы этот Федот на своём коче выходил потом в море, огибал мыс Лопатку и доходил до р. Тигиля, где и погиб от коряк. Не придавая достоверности этим сказаниям, Крашенинников упоминает и о следующем факте: будто бы в «отписке» Дежнёва упоминается, что Дежнёв в бытность свою на Анадыре ходил к олюторским корякам и отбил у них бабу-якутку, бывшую на коче с Алексеевым, и что эта баба сообщила ему о смерти Алексеева от цинги.

Сопоставляя эти два известия об Алексееве, Крашенинников находит вполне правдоподобным, что Федот Алексеев был и на р. Камчатке, был и у устья Тигиля, но не погиб там, а возвращаясь опять обратно по пройденному пути, погиб от цинги на берегах Олюторского залива.

Преждевременная гибель Алексеева и всех его соучастников не дала, таким образом, никаких сведений о Камчатке, а потому и честь открытия этой страны приписывается не ему, а Владимиру Атласову.

Владимир Атласов был один из последующих заместителей Дежнёва по управлению Анадырским острогом. Ко времени отправки его из Якутска среди служилых Анадырского острога, несомненно, ходили уже слухи о Камчатке и её обитателях. Причём распространителями этих слухов были, конечно, коряки, жившие в северной части полуострова и не могшие не знать о своих соседях, с которыми, очевидно, приходилось им вступать в торговые и, быть может, в военные сношения.

Со времени закрепления под скипетром русской державы Сибирского царства и в период распространения этих владений на восток, передовые отряды казаков вверялись управлению воевод,

которые, руководствуясь предначертаниями высшей власти, ставили во главе этих отрядов старших пятидесятников, прикащиков и т. п. и снабжали их, применяясь к месту и условиям, различного рода инструкциями или так называемыми «наказами», «памятями» и т. п. В подобных инструкциях, выдаваемых прикащикам, при отправлении их в отдалённые острожки, между прочим, предписывалось и «по иным рекам и новым землям, где какия народы живут, також ходить и в ясачный платёж новых людей призывать ласкою, а которые иноземцы учиняца противны и под его царскаго величества высокосамодержавною рукою быть не похотят и ясаку великаго государя платить не учнут и учнут чинити противны, поступать с ними воинским поведением, сколько милосердый Бог помощи подаст» («Памятники Сибири. История XVIII в.»). Вот главная выдержка из «наказов» и «памятей» того времени; особенно эта мысль стала проводиться с воцарения Петра Великаго, по указам котораго всем восточно-сибирским властям, между прочим, вменялось:

«И приложить тщание о сыску иных народов богатых, которых реки в моря океана Восточнаго впали и живут на островах, и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы. И про те народы всякую ведомость писать: какие у них товары и богатства, и что им из Сибири годно каких товаров, и про их правление и силу и оружие и обычей, и под чьею они властью... И чертёж, возвратясь, в приказной палате подать».

В 1695 г. по прибытии своём в Анадырский острог Владимир Атласов, снабжённый подобной инструкциею, желая проверить справедливость слухов о Камчатке, снаряжает партию в шестнадцать человек казаков под команду Луки Морозко, которому поручает собрать ясак с подчинённых уже коряк и, буде возможно, проведать о камчатском народе. Морозко с успехом исполнил поручение. С горстью вооружённых сил он проник почти до самой р. Камчатки, силою взял один камчатский острожек и, возвратясь, представил Атласову не только ясак, но и какия-то бумаги, отнятыя им у камчадалов: бумаги эти оказались принадлежащими японскому судну, разбившемуся у берегов Камчатки.

В 1697 г. во главе шестидесяти казаков и примерно стольких же покорённых юкагиров Атласов выступает с Морозко в неведомую страну. Путь лежал к Пенжинской губе и вдоль ея на юг. Соблюдая предписание высшей власти, Атласов ласкою объясачил три острога: Акланский, Каменский и Таловский (при реках того же имени) и один острог вынужден был взять силою.

Желая, вероятно, знать населённость этой местности вплоть до берегов Великого океана и, быть может, боясь оставить у себя в тылу непокоренные народы, Атласов отделяет часть своего отряда под командой Морозки и направляет их к восточному берегу, сам же с остальными людьми идёт вдоль Пенжинского моря (впоследствии в своей отписи в Якутск Атласов умалчивает об этом разделении, вероятно потому, что это разделение обезсилило отряд казаков и было причиной неудачи в нескольких схватках с коряками). На р. Полане Атласов едва не погиб со всеми казаками, благодаря измене бывших с ним юкагиров. На широте р. Тигиля Морозко и Атласов снова соединились вместе и пошли далее на юг.

Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» отмечает путь Атласова следующими пунктами: реки Тигиль, Ича, Хорюзова и Голыгина, затем назад до р. Ичи, перевал чрез хребет в долину р. Камчатки, устье р. Андриановки в р. Камчатку, где заложен Верхне-Камчатский острог, и возвращение в Анадырский острог. Кроме того, тот же Крашенинников упоминает и ещё об одном пункте пребывания Атласова на р. Камчатке, а именно об устье р. Кануч, где, по его словам, Атласов поставил крест с надписью: «сЕ году (1697) июля 18 поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов с товарищи нЕ человек», почему р. Кануч и называется до настоящего времени Крестовою.

Отдавая полную справедливость этим сведениям, нельзя, однако, не усомниться в некоторых деталях выполнения такого маршрута, а именно: 1) нельзя допустить, чтобы такое пространство было пройдено Атласовым в один год, то есть в течение 1697 г., особенно, если принять во внимание трудности путей сообщения, недостаточность перевозочных средств и постоянные задержки в виде боевых схваток, сбора ясака, разследования местности и т. п.; 2) если поход Атласова продолжался более года, допустим два или три, причём обход западного побережья предшествовал переходу в долину р. Камчатки, то является непонятным, каким образом при устье р. Конуча (ныне Крестовой) был поставлен крест в 1697 г. и почему Атласову пришла мысль поставить крест именно здесь, а не там, где он впервые вышел на р. Камчатку (в широте р. Ичи), так долго интересовавшую его, или там, где по его усмотрению пришлось ему заложить острог и 3) по словам Крашениникова, переход чрез хребет был в вершине р. Ичи, то есть там, где в настоящее время нет прохода, а теперь проходы существуют севернее, в долину р. Конуча, то есть Крестовую, и южнее, в широте расположения Верхне-Камчатского острога.

Сопоставляя все эти замечания с маршрутом, указанным Крашенинниковым, мне кажется более вероятным, что путь Атласова был следующий: соединившись с отрядом Морозко на р. Тигиле, Атласов тронулся прежде всего на р. Камчатку, для чего воспользовался перевалом вдоль р. Конучи, при впадении которой в р. Камчатку и поставил вышеупомянутый крест. Не находя в долине в р. Камчатки никаких других дорог, кроме самой реки, имеющей в этом месте течение от пяти до семи вёрст в час, Атласов не пошёл вверх по течению, а вернулся назад, зазимовал в местах уже знакомых и на следующий год пошёл вдоль берега Охотского моря, перешёл хребет по долине рек Большой и Быстрой, перешёл в вершину р. Камчатки, и в шестидесяти верстах от её истоков заложил Верхне-Камчатский острог.

В настоящее время, то есть спустя ровно двести лет после похода Атласова, конечно, никакого креста с надписью на р. Камчатке не сохранилось, хотя предание о наименовании р. Крестовой существует среди населения ещё и теперь.

Оставив в Верхне-Камчатском остроге шестнадцать человек казаков с Серюковым во главе, Атласов, на третий год после своего выхода из Анадырского острога, возвратился обратно и тотчас же выехал с лестным для него известием в Якутск, а затем в Москву. Помимо ясака, состоящего из восьмидесяти сороков соболей, семнадцати морских бобров, четырёх выдр, десяти лисиц чёрно-бурых и 191 красных лисиц, Атласов вывез с собою одного японца, попавшего к камчадалам с разбившагося японского судна.

Заслуга Атласова как покорителя новой страны, засвидетельствованная привезённым им ясаком (особенно бобры — новый сорт пушнины), была подвигом в духе того времени и согласовалась с требованиями воеводского наказа. Он и «иные землицы привёл под самодержавную руку московскаго царя» и «ясак новые народы имал» и он же «иноземцы распознал», доказательством чего служил представленный им японец.

В те годы приближалось время великих реформ Петра Великаго. Покорение Камчатки как страны, посещаемой какими-то соседними иноземцами и при том посещаемой ими морем с коммерческими целями, очевидно, не могло остаться без внимания. Вследствие этого во многих последующих наказах камчадальским и охотским начальникам вменялось в обязанность: «опроведывать Японское царство и учинять с ним торги не малые... и проведывать какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаютца, также и русские товары в том государстве какие надоб-

ны, и на которые по ходу больше бывают и станут ли они с русскими людьми торги иметь; и воинские японские люди какое у себя имеют оружие в битву и к воинскому делу каковы удобны и какими пути проезд к ним бывает».

Не был оставлен без внимания и покоритель Камчатки, Владимир Атласов. В Москве он был пожалован в казацьи головы с предложением возвратиться в Камчатку для продолжения начатого им дела, набрав с собою даже силою, если не найдутся охотники, служилых людей в Тобольске, Енисейске и Якутске. Кроме того, было приказано выдать ему потребное число пушек, пищалей, свинцу, пороху и при том дать ему знамя, барабанщика и сиповщика. Полномочия Атласова, простиравшиеся до права быть полным господином над служилыми людьми, посланными с ним в Камчатку, а равно и все распоряжения о снаряжении Атласова в Камчатку, ясно свидетельствуют, что заслуга его оценена и что приобретённая им земля заслуживает полного внимания со стороны правительства.

Отличаясь большой волей и энергией, Атласов в то же время соединял в себе качества, недостойные вождя и рискованная для управления вольною дружиною. Он был жесток, своевластен и корыстолюбив. Обласканный в Москве, он дал полную свободу своей жестокости и корыстолюбию, которые и погубили его, не дав возможности со славою окончить начатое им дело. Ещё не доезжая Якутска из Москвы, он попал в руки правосудия за явный разбой и грабительство, почему по прибытии в Якутск и был посажен в тюрьму. При проволочках того времени суд над Атласовым за разграбление им дощаников купца Добрынина продолжался более пяти лет и только в 1706 г., когда получились известия о возмущении камчадалов, Атласов был выпущен из тюрьмы и во главе ста казаков с двухгодичным запасом всего нужного отправлен в Камчатку.

Между тем в отсутствие Атласова дело постепенного покорения Камчатки шло своим чередом, и, быть может, не приди он вторично, дело обошлось бы без инцидента, опозорившего до некоторой степени имя казачества.

Серюков, оставленный в Камчатке Атласовым с шестнадцатью казаками, очевидно, не мог силою оружия влиять на покорность окружавшей его тысячной толпы инородцев, которые, пользуясь безвыходным его положением, не только отказывались от взноса ясака, но даже выражали неудовольствие на пребывание его среди них. Только путём ласковых и во всём уступчивых торговых

сношений Серюкову, ожидавшему со дня на день подкрепления из Анадырска, удалось в течение года удержаться среди камчадалов. В 1699 г. обстоятельства вынудили его оставить Верхне-Камчатский острог и идти в Анадырск. Но на пути к северной оконечности Пенжинской губы весь отряд Серюкова был разбит коряками.

В 1700 г. для наказания коряков за смерть Серюкова из Якутска был послан боярский сын Кобелев, которому за неприбытием ещё Атласова из Москвы поручалось восстановление в Камчатке всего добытаго трудами Атласова. Кобелев отомстил корякам за гибель Сврюкова, разбил их острожек Кохчу и, явившись в Камчатку, возобновил Верхне-Камчатский острог, собрал ясак с жителей западнаго побережья вплоть до р. Озерной, и для укрепления своей власти в этом районе заложил на р. Большой, в пятидесяти верстах от ея устья, Большерецкий острог.

Суд над Атласовым к 1702 г. не был ещё окончен, а потому в Якутске было решено избрать правителем Камчатки другое лицо. Выбор пал на Михаила Зиновьева, знакомаго с Камчаткою из походов Морозко и Атласова.

Зиновьев отличался своею распорядительностью, и внимание своё обращал, главным образом, не столько на расширение владений, сколько на устройство и укрепление за русскими тех острожков, которые были уже объясачены Атласовым и Кобелевым. Он устроил окончательно Большерецкий острог и, спустившись по р. Камчатке до 56° с. ш., приблизительно до места ея поворота на восток, основал Нижне-Камчатский острог. Для усиления русских сил, размещённых в трёх острогах, Зиновьев перевёл в Камчатку часть казаков Анадырскаго острога, живших в то время для сбора ясак с коряков на р. Уке, впадающей в Великий океан севернее Камчатки. Для более правильного ведения отчётности Зиновьевым были заведены ясачныя книги, куда вписывался собираемый ясак, причём все камчадалы по месту жительства были разделены на три части, с подчинением каждой из них одному из трёх русских острогов, управляемых отдельными «закащиками».

На смену Зиновьеву, возвратившемуся в Якутск в 1704 г. с большою ясачною казною, был послан пятидесятник Колесов, который, воспользовавшись спокойствием и порядком, заведённым его предшественником, сделал первую попытку к расширению владений далее на юг полуострова, в землю курильцев, часть которых ему удалось объяснить.

С известие о покорении курильцев Колесов намеревался возвратиться в Якутск тот час же после похода на них, но посланные

на смену ему один за другим боярский сын Протопопов, а затем Шелковников, не доезжая до места назначения, были убиты олюторскими коряками, почему пребывание Колесова в Камчатке затянулось до 1706 г.

Не дождавшись заместителя, Колесов вышел с ясачною казною в Анадырский острог, оставив в Камчатке трёх закащиков: Анкудинова (в Верхне-Камчатске), Федора Ярыгина (в Нижне-Камчатске) и Дмитрия Ярыгина (в Большерецке). На пути к Анадырю Колесов встретил часть казаков, оставшихся с остатками боевых и провиантских запасов после смерти Шелковникова, отделил в помощь к ним двадцать человек из своих казаков под командою Ламаева и отправил их в Камчатку. Сам же, благополучно избежав неоднократных опасности от коряков, на следующий год возвратился в Якутск.

Таким образом, к концу 1706 г. Камчатка оставалась без официально назначенного правителя под наблюдением трёх закащиков, оставленных Колесовым и присланного им же с дороги Ламаева, которому поручено было, между прочим, следить за правильностью сбора ясака. Такая разобщенность власти, бесспорно, умалила значение ея в глазах камчадалов, которые, воспользовавшись таким положением дела, не преминули воспользоваться случаем и решили избавиться от ига казаков. Возмущению камчадалов немало способствовала решимость северных коряк на убийство прикащиков Протопопова и Шелковникова. Надеясь, что олюторцы, раз осмелившись преградить дорогу казакам, не позволят им проходить в Камчатку и на будущее время, камчадалы решили истребить всех казаков, живших по острогам. Больше всего пострадал Большерецкий острог, уничтоженный со всеми бывшими в нём казаками с закащиком Ярыгиным. Волнение распространилось и вглубь страны и доходило до Авачи и до Боброваго моря, где в это время, были убиты пятнадцать человек казаков, собиравших ясак.

Возстание распространилось бы и далее и, быть может, благодаря несогласию закащиков, кончилось бы разорением остальных двух острогов, но к этому времени в Камчатке появляется снова Владимир Атласов, прежняя заслуга которого под влиянием взгляда на них в Москве, бесспорно, сильно способствовали освобождению его из под суда и следствия. Ему были возвращены все права и предоставлены те полномочия, которыми он был облечён в 1701 г. в Москве. В конце 1706 г. он был отправлен в Камчатку со ста казаками и двухгодичным запасом всего нужного.



Появление в Камчатке в июле 1707 г. свежих сил казачьих, к тому же под управлением не забытого ещё Атласова, повело к быстрому усмирению камчадалов. Партии казаков были разосланы повсюду для усмирения восставших. Одной из таких партии под командою Таратина пришлось выдержать ожесточенную схватку, кончившуюся в пользу казаков, в окрестностях Авачинской губы, жители которой долго ещё оставались упорными поборниками независимости.

Авторитета Атласова достаточно было, чтобы ускорить прекращение возстания, но, находясь вдали от власти, где царил полный произвол силу имущаго, Атласов дал простор своим дурным наклонностям, погубившим его и запятнавшим славу казачества. Ещё не доходя до Камчатки, он возбудил неудовольствие к себе со стороны служивых людей, но то было время, когда каждый казак, верный долгу своей службы, думал об усмирении восставших камчадалов. Но как только возстание было подавлено, казаки потеряли терпение выносить жестокость и корыстолюбие своего вождя. Потратив всё летнее и осеннее время в походах против восставших, казаки не успели запастись на зиму провиантом и, не получив его из казённых запасов от Атласова, подняли бунт. В декабре того же 1707 г. Атласов был лишён казаками команды и посажен в Верхне-Камчатском остроге в тюрьму. Из тюрьмы Атласову удалось бежать в Нижне-Камчатский острог, но и там казаки отказались стать на его сторону. Оставленный всеми, Атласов жил в Нижне-Камчатске частным образом, не у дел.

Между тем якутския власти, из которых, очевидно, немало было противников Атласова, узнали о жестокостях его из доноса, посланнаго его служивыми людьми ещё с пути в Камчатку, предвидели подобный исход дел камчатских, и в то ещё время, когда Атласов только что подходил к Камчатке (а именно в мае 1707 г., а Атласов прибыл в Верхне-Камчатский острог в июле 1707 г.), в Якутске был избран на место его боярский сын Петр Чириков.

В эти годы замечается особенно ожесточённое сопротивление со стороны олюторцев и вообще со стороны коряк, живших в северной части Камчатскаго полуострова. Вследствие этого путь казаков в Камчатку, пролежавший обязательно чрез земли коряков, до того был затруднён, что Чириков, назначенный в Камчатку в 1707 г., прибыл туда только в 1710 г. Иван Панютин, назначенный в помощь Чирикову в 1708 г., погиб от руки олюторов в 1709 г., а Осип Миронов, или Липин, назначенный на смену Чирикову в 1709 г., прибыл в Камчатку в конце 1710 г.

О трудностях проезда чрез земли коряков можно видеть из следующей отписи Чирикова, посланной им с дороги: «Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, столникам и воеводам Юрию Федоровичю, Михаилу Юрьевичю с товарищи Петр Чириков челом бьёт. В нынешнем 709 году, в 20 день, будучи в пути в урочищях, переправся за рекою Корагою, собрася многолюдством воровские олюторские иноземцы с луками и с копьями, в куюках на ходу днём, боем напустили и денежную казну 200 рублёв, которая вынята была, для тягости, с садненных вершних оленей и положена в иные сумы; отбили-ж и посланного из Якуцкого в камчадалския зимовья на Большую реку прикащика, сына боярскаго Ивана Панютина, убили, да с ним служилых людей побито Иван Брызгалов, Иван Оцыфоровых, а всех поголовно побито 10 человек, и многих испереранили на смерть; пороховую казну и свинец, подарочную медь и олово у многих казаков, которым роздано было везти до Камчатки, отбили и разорили в конец без остатку; живём на тундре наги и босы. А как они на нас боем попустили, и после того говорили: до Камчатки де вас сухим путём и морем не допустим, того де и в уме не держите, что быть на Камчатке. А ныне живём мы от них воров в самом тесном месте, по вся ночи подходят и караулы подсматривают. А которой послан со мною был с Иваном Панютиным государев порох, и тот порох на боях из гладких пищалей и из винтовок стрелять не годитца; а сколько пороху и свинцу и подарочной государевой казны по тундре сберём, и о том буду писать в Якуцкой впредь, буде — Бог допустит живых до Камчатки.

А про камчадалские остроги и о служилых людях по се число ведомостей никаких не слыхали. Да июля в 22 число вышеписанные олюторские иноземцы, скопився многолюдством и приходя к нашим табарам с боем, и я со служилыми людьми, прося у Христа Бога милости, выходя из табара к ним иноземцам на вылазку, учинили бой; и Божию милостию и государевым счастием, олюторских вспять прогнали, и на побеге двух человек убили и многих испереранили, а в вышеписаном на нас напуску у них человека же убили ж и пять байдар отбили. И ныне я Петр со служилыми людьми в предьядлежащей путь, буде Бог управит, идти помышляю морем байдарами. А впредь в камчадалские остроги без анадырских жителей, с одними посланными из Якуцкого служилыми людьми, идти никоими меры невозможно, для того анадырские жители порядки иноземские и бои и всякие поступки

и в коем месте от них оберегатца и жилищи их ведают. *Петр Чириков*. 1710 году, генваря 24 день. Якутск».

При таких трудностях путей сообщения известия между Якутском и Камчаткой затягивались на продолжительное время, вследствие чего Чириков, прибыв в Камчатку, не знал, в каком положении был Атласов. Очень поздно узнала об этом и якутская канцелярия, которая потом хотя и писала Чирикову о производстве следствия над Атласовым, но и это известие по тем же причинам не дошло по назначению.

В течение года Чириков управлял странюю, не касаясь Атласова, и в своё управление вёл ожесточенную борьбу с «присудом» Большерецкого острога, куда были посланы им, вины ради, главные зачинщики свержения Атласова, из которых большая часть там и погибла. Более удачную борьбу Чириков вёл с жителями восточного побережья, причём в одном из походов к Бобровому морю ему удалось захватить четверых японцев, спасшихся с разбившагося у берегов Камчатки судна.

Не успел Чириков с ясачною казною и приобретённым имуществом выехать в Якутск, как на место его прибыл Осип Миронов, или Липин (в некоторых актах, перечисленных в «Памятниках сибирской истории» это лицо называется Мироновым, а в некоторых Липиным), причём Чириков, за поздним временем года, когда нельзя уже было ехать на лодках вдоль берега, остался зимовать в Камчатке, надеясь при содействии Миронова, провезти весною всё своё добро Пенжинским морем и тем самым избежать нападения олюторцев.

Таким образом, зимою 1710—1711 г. в Камчатке жили три прикащика: Атласов, Чириков и Миронов (Липин), которые, как можно думать, прикрывали проступки друг друга и один другому представляли возможность обеспечивать своё достояние за счёт камчадалов и самих казаков. Так, Чириков собрался с Атласовым вместе идти в Якутск, а Миронов перевёз их имущество в Тигиль, дал лодку и паруса и назначил несколько казаков в качестве провожатых. Но такой план действий не был приведён в исполнение. Ненависть казаков к Миронову и к двум прежним прикащикам дошла до последних пределов, и недоверие ко вновь присылаемым прикащикам из Якутска возрастало с каждым днём. К тому же, надо думать, и деморализация самих служилых людей, успевших в течение 1708 и 1709 гг. испытать сладость безначалия, перешла границы.

В 1711 г. казаки решаются избрать себе начальников из среды своей, а Миронова, Атласова и Чирикова лишить жизни, не дав

возможности двум последним увезти ясачное и награбленное имущество в Якутск.

Первым был схвачен и зарезан Миронов, следовавший вместе с Чириковым из Нижне-Камчатска в Верхне-Камчатск, причём Чириков был схвачен и посажен в тюрьму. Затем казаки отправили под видом посланных с письмом убийц к Атласову. Посланные застали Атласова спящим и зарезали его.

Во главе бунтовщиков стояли Анциферов и Козыревский. Первый был избран атаманом, а второй есаулом. После этого началось расхищение и дележи имущества прикащиков, причём той же участи подверглось и всё то, что уже было свезено Чириковым и Атласовым в Тигиль. Судьба Чирикова была хуже других. Бунтовщики оковали его железом и бросили в реку. По совершении кровавых расправ казаки долго ещё неистовствовали и предавались разгулу. Во время этих беспорядков бывшие в ведении Большерецкого острога камчадалы отложились, почему первым делом Анциферова было усмирить их, что он и сделал с успехом. Кроме того, он обошёл с тою же целью весь западный берег и был даже у курильцев на первом от Камчатки острове.

В оправдание своих поступков казаки послали в Якутск челобитную, конечно, изобразив в самых ярких красках беззакония прикащиков и с особыми отметками выставив свои заслуги пред царём и отечеством.

В сборнике «Памятники сибирской истории» помещены три таких челобитных или отписки казаков, участвовавших в этом деле и, кроме того, шесть таких же документов, разъясняющих и дополняющих этот печальный факт. В своё оправдание казаки писали, что Атласов и следующие за ним прикащики «учали жить не горазно, забыв страх Божий и кресное целование и своё пред Святым Евангелием обобещание, тебе великому государю радения службою своею не показали, казну твою воровали... ясачным иноземцам чинили обиды и насилия великия и разорения немалыя... Лучших ясачных иноземцев, для своих бездельных корыстей, кнутьём и батогом били не повине на смерть... и буйства ради, в разгуле, с палашем в руках, на нас, рабов твоих, наметывались, многих служилых переранили, а иные на смерть закололи... Да по твоему же великаго государя указу, велено ему Осипу (относится к прикащику Осипу Миронову) нами, рабами твоими, про Апонское государство осведомиться и про новую землицу, которая есть в Носу за переливами (то есть Курильские острова), проведать... и мы раби твои ему Осипу словесно челом били, чтобы нас он

отпустил по указу про вышеписанное Апонское государство и новую землю проведать, но он Осип челобитья нашего не принял и наше челобитье с другом своим Петром Чириковым поверстали в бунт и сажали нас за то в омулку и заклёпные железа заковывал и морил токмо голодною смертью, да он же Осип, когда шёл в камчадалские остроги Пенжинским морем, покинул на отдельном судне служилых людей шесть человек; а кои служилые люди с ним Осипом на судне были, били челом, чтобы остальное судно с служилыми людьми дожидаться, а он Осип того не послушал и вперед ушёл, и те остальные служилые люди живы ныне или нет, про то никто не ведаёт».

Далее идёт перечень других поступков как вообще прикащиков, особенно Осипа Миронова. В заключении челобитной говорится: «И мы рабы твои в камчадалских острогах вышеписанных прикащиков убили для того, что они прикащики казну твою, великий государь, воровали и остановили своєю упрямою и нерадением, а своими обиды и налоги ясачных иноземцев в шаткость привели, и у нас рабов твоих твою государскую милость, денежное жалованье отнимали, и к нам рабам твоим непомерные от них обиды и налоги великие были, а за дальным разстоянием жалоба тебе великому государю от нас рабов твоих на них прикащиков не дойдёт и челобитчиков они прикащики до Якутскаго города не допустили б для того, что ведают на себя многия улики и воровства, и в том мы рабы твои в своём убожестве тебе великому государю вину свою страдничью приносим».

Несколько месяцев спустя казаки послали дополнительную челобитную, в которой, как бы в противовес упущениям по службе, происходившим, по их словам, от «нерадения» прикащиков, они постарались выставить все свои заслуги и действия, совершенные после убиения прикащиков: «Державнейший царь, государь милостивейший (упоминают Чирикова и Миронова, тогда как об Атласове почему-то умалчивают). В нынешнем 1711 году, прежде бывшие прикащики от нас побиты, и за такую свою страдничью вину пошли мы рабы твои служить тебе на Большую реку умирать изменников, которые, в 1707—1710 годах, тебе изменили и острог на Большой реке сожгли, а казну твою великаго государя ограбили, и с того вышеписанного году по нынешний год по всягодно служилых людей побивали, а ясачную казну, порох, свинец и пищали отбивали ж. И ныне мы рабы твои лучшаго иноземца Кушугу с родниками его приступом взяли, а на том их месте новый земляной острог построили. И нынешним же летом

лучший иноземец Канач, с пятью его острогами, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу нашему с приступом приходили. И мы острог и ясачное зимовье отстояли и казну твою великаго Государя спасли, и на вылазку из острога своего выходили и Канача с изменниками ратным боем побили... А в нынешним, а государь, 1711 году, мы раби твои с Большой реки в ту Курильскую землю, на край камчадальскаго Носу ходили, и с того Носу мы раби твои в мелких судах и байдарах за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам рабам твоим, по твоему великаго государя указу, проведать и дать той земле особый чертёж. И будучи мы раби твои на первом острове, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкий... А за другим переливом, на другом острове, живут иноземцы езовитяне; и собралось многое число, а бою с нами не дали... И мы раби твои стояли на той земле их двои сутки, а дать бою за малолюдством не посмели и себя от них опасли... И они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море, близ де Матмайскаго города и Японскаго государства и об том государстве радетьельное своего тщание к службе твоей великаго государя мы раби твои приложим и чрез дальнюю видимую землю проведать впредь обещаемся» (казаки знали, как относился государь к проведыванию иных государств, а потому и выдавали свой поход к курильцам как особо важную заслугу).

Между тем из Якутска на смену Миронову явился, ничего не зная об участии последняго, десятник Василий Савостьянов (Щепеткой), который только благодаря своей осторожности спасся от руки подосланных убийц и только тогда приступил к некоторым карательным мерам против бунтовщиков, когда Анциферов погиб, будучи сожжён живым в Авачинской долине, куда он зашёл для сбора ясака.

Факт сожжения Анциферова с его казаками свидетельствует, между прочим, о той ненависти и злобе, до которой казаки довели камчадалов. Камчадалы хитростью заперли казаков в доме и зажгли его. При этом оставшиеся в доме аманаты (заложники. — *Ред.*) из камчадалов не только не выражали протеста, но даже просили своих сородичей жечь весь дом, не стараясь об их спасении, лишь бы не дать возможности спастись Анциферову и его казакам.

Савостьянов, кроме своего ясака, собрал всё, что только осталось от прежних прикащиков и что в виде повинной приносили ему для царской казны смирившиеся казаки. Благополучно

избежав нападения олюторцев, он привёз в Якутск в 1712 г. ясачную казну, не получаемую там с 1710 г.

В 1712 г. в Камчатку, ещё до возвращения Савостьянова, был назначен бывший уже в Камчатке в 1704 г. Василий Колесов, которому, кроме обычного в то время наказа «приводить иноземцев в ясачный платёж и проведывать иныя земли», было поручено производство подробного дознания об убийстве трёх прикащиков и о приведении дел камчатских в должный порядок.

Опытный в делах камчатских и наученный горьким опытом своих предшественников, Колесов разумными мерами и энергичными действиями усмирил казаков и в течение года привёл всё в должный порядок. Строгия и карательныя меры, не исключая пыток и казней, он употреблял против тех, которые во время бунта отличались своею жестокостью. Из остальных же одних простил, других наградил, а некоторым дал возможность загладить «свои вины» исполнением возложенных на них важных поручений. Так, Козыревскому, стоявшему во главе бунтовщиков, Колесов поручил идти на Большую реку, построить там суда и, «дабы заслужит своя вины», идти на Курильские острова для приведения новых народов в русское подданство и для наведения более точных справок о Японском государстве.

Заканчивая свою деятельность по управлению Камчаткой, Колесов в начале июня 1713 г. отправил в Якутск подробное описание всех своих мероприятий с указаниями, какия и на кого из казаков он наложил наказания за буйство, кого повесил, кому пальцы отрубил, кого на плаху клал или бил кнутом и батоном.

Как на одну из причин беспорядков Колесов в том же донесении указывал на азартныя игры служилых людей в карты и кости: «А как они проигрываютца до нага и на службу великаго государя бывают не в исправах и надеются на грабежи и убийства, кто боится, того и грабят и меж собою животы дуванят». (По В. И. Далю: *дуванят* — старинное казачье выражение, означающее раздел добычи после набега. — *Ред.*)

Интересное, между прочим, замечание Колесова, выведенное им из следствия, что главные бунтовщики и самые ненадёжные казаки — родом из Тобольска. В заключение своего донесения, Колесов просит распоряжения Якутской канцелярии 1) о запрещении азартных игр; 2) о прекращении высылки в Камчатку казаков из тобольских уроженцев и 3) о разрешении перенести Нижне-Камчатский острог ближе к Ключам, на более сухое место, где бы можно было, согласно заявлений казаков, построить церковь.

Кроме этого, так сказать, следственного донесения, Колесов в тоже время послал в Якутск и вторую отписку, в которой, ссылаясь на малолюдство команды, заявляет о невозможности ему идти с ясачной казною в Якутск чрез земли олюторцев и просит остаться в Камчатке до более удобного времени.

В январе 1713 г. из Якутска был дан наказ анадырскому прикацику дворянину Афанасию Петрову идти в Камчатку вместе с назначенным туда прикащиком Иваном Енисейским и учинить суд и разправу, если это не успел ещё сделать Василий Колесов. Афанасий Петров возвратился затем для постройки Олюторского острога, а Енисейский остался в Камчатке.

Енисейский был один из первых, посетивших Камчатку ещё во времена Морозки, Кобелева и других. В 1711 г. он получил звание дворянина, а в 1713 г. назначен в Камчатку на место Колесова. Завершив окончательно следствие над казаками, Енисейский по проекту Колесова перенёс Нижне-Камчатский острог ближе к подножию Ключевского вулкана и построил там церковь.

О прибытии в Камчатку духовных особ впервые упоминается в 1705 г., когда для проповеди слова Божия был выслан туда из Тобольска архимандрит Мартиниан, который, надо думать, и пережил среди казаков все смуты и распри. Имя его упоминается в отписке Афанасия Петрова, где один из пойманных бунтовщиков показывал, что при дележе имущества убитых прикащиков на долю архимандрита Мартиниана досталось: шуба собачья да дворовая девка Атласова.

При Енисейском был удачный поход на немирных и долго сопротивлявшихся камчадалов Авачинского и Паратунского острожков. Ему же пришлось получить ясак с трёх Курильских островов, доставленный Козыревским, посланным туда ещё Колесовым. Козыревский доставил, между прочим, чертежи этих островов, сведения об Японском государстве и двадцать два золотника золота, взятого у японцев.

Енисейскому пришлось возвращаться в Якутск в 1714 г. вместе с Колесовым, который, как упомянуто выше, не рисковал один ехать через земли коряков, которые с каждым годом всё более и более ожесточались против русских.

В то время на р. Олюторе был дворянин Петров, которому предписано было устроить там острог и содержать постоянно команду, дабы таким образом обезопасить путь камчатским казакам к Анадырскому острогу. По прибытии Колесова и Енисейского к Олюторской реке Петров встретил их и, выждав зимний путь, отправился



сопровождать к Анадырску. На пути, благодаря измене сопровождавших их юкагиров, все они были убиты и ясачная казна их была разграблена.

После такой катастрофы было сделано распоряжение: не возить ясачной казны и вообще казённого груза чрез Анадырск и вместе с тем было вменено в обязанность якутского воеводы озаботиться подысканием в Камчатку другого пути. Такое распоряжение было сделано в царствование Петра Великого, в бытность сибирским губернатором князя Гагарина и якутским воеводой полковника Ельчина. Наряду с другими партиями, направленными к исследованию морей и берегов северо-восточных владений, была снаряжена в Охотске партия Козьмы Соколова, при которой имелись корабельные мастера, матросы и необходимая для морского судна снасти.

Соколов построил в Охотске судно и в 1716—1717 гг. совершил поездку вдоль берегов и открыл кратчайший путь в Камчатку чрез Ламское (Охотское) море к устью р. Большой. С этого времени начинается быстрое возрастание Охотска, который к началу 1730-х гг. становится портом и центром правления всех северо-восточных владений, не исключая и Камчатки.

После Енисейского, пока ещё не установлено было правильное сообщение через Охотск в Камчатку, в 1714 г. был назначен пятидесятник Петриловский, который жадностью и зверством превосходил всех своих предшественников. Петриловский был в Камчатке более двух лет; после него Козьма Соколов, который открыл путь из Охотска в Камчатку. Петриловский кончил службу тем, что казаки не вынесли его жестокостей, отправили его имущество и посадили в тюрьму. Из Камчатки он был отправлен под строгим караулом в Якутск уже в 1719 г., после производства следствия по поводу перекупки казаками ясачной казны от коряков, ограбивших и убивших прикащиков Колесова, Енисейского и Петрова.

После этого в Камчатке один за другим были прикащики Ведливцев, Колычев, затем Суровцев, от которого принял Уворовский, с которым одновременно были Поротов и Качанов. В 1719 г. в Камчатку был послан боярский сын Харитонов. Судьба всех этих прикащиков была не лучше их предшественников. Большинство из них погибло от окончательно развратившихся к тому времени служилых людей и озлобившихся камчадалов.

Вполне правдоподобную характеристику того времени даёт отписка Максима Лукашевского, одного из прикащиков 1720 г.,

когда одичавшая толпа казаков дошла до крайних пределов распущенности, когда каждый, не пренебрегая никакими мерами, делает всё по своему произволу, не исключая даже измены царю и отечеству, и, не стесняясь, прикрывает свои поступки саном монашества. В заключение Лукашевский говорит, что если не будут теперь же приняты меры, если эти казаки не будут удалены из Камчатки, а на место их не будут присланы новые и притом под управлением «начальнейшаго», то в Камчатке будет одно лишь самовластие, возмущение и в службе государевой остановка.

При таких печальных обстоятельствах Камчатка доживала до двадцатых годов прошлаго столетия (восемнадцатого. — *Ред.*), когда в связи с реформами Великаго Петра начинают проявляться заботы о всестороннем изучении всех приморских владений, входивших в состав Российской Империи. С этого времени для северо-восточных окраин начинается новая эпоха, наступает период исследований и экспедиций.

Охотско-камчатский путь, открытый Соколовым, год от году обставляется всё большими и большими удобствами (конечно, в размерах того времени). Снаряжается партия Евреинова и Лужина для исследования Курильских островов и вообще берегов Охотскаго моря. Для приведения в известность и окончательнаго присоединения к подданству России северо-восточных инородцев отправляется в 1727 г. по высочайшему указу так называемая «чукотская» экспедиция под начальством Шестакова и Павлуцкаго. Наконец, в том же году по указу ещё Петра Великаго, воспоследовавшему 23 января 1724 г., в пределах Камчатки появляется первая экспедиция Беринга, занимавшаяся в Камчатке с 4 сентября 1727 г. по 14 июля 1727 г. приготовлением к плаванью для определения границ между Азиею и Америкой.

Хотя представители этих экспедиций и не принимали прямого участия в делах управления Камчаткою, но, тем не менее, появление их с полномочиями от российского правительства, конечно, не могло не влиять на судьбы камчатских дел.

Влияние это отражается на умалении значения казаков в глазах полудиких камчадалов, для которых казак-пятидесятник в сравнении с членами экспедиции перестал казаться чем-то высшим, властью имущим, а, скорее, непрошеным гостем и самовольным извергом. Вследствие этого, когда экспедиции оставляют на время Камчатку, не повлияв на организацию, не дав ей административнаго устройства, среди камчадалов в 1731 г. являются свои собственные вожди, возставшие за свободу родины.

Из последних казачьих прикащиков, собиравших ясак в Камчатке, были: Штинников в 1727, Новгородов в 1730 и Шехурдин в 1731 г., по отъезде котораго и начался камчатский бунт.

Партия Евреинова и Лузина коснулась только юго-западного побережья Камчатки, в пределах владений Большерецкого острова. Более видное участие в судьбах этого полуострова выпало на долю майора Павлуцкого, участника партии Шестакова.

Шестаков, направив Павлуцкого из Якутска в Чукотскую землю, сам прибыл в Охотск. Воспользовавшись здесь судами первой Беринговой экспедиции, он разделил свою партию на два отряда: одну на судне «Гавриил» под командою Генса направил к Удской губе и Шантарским островам, а сам, тоже на судне, пошёл на север. На пути Шестаков потерпел крушение (в Тауйской губе?) и с командой, которая спаслась, пошёл к корякам и чукчам сухим путём. На берегах р. Пенжины он встретил большое полчище чукчей и в первой же схватке погиб со всею командою, состоявшей из пятидесяти человек.

Гораздо успешнее вёл дело Павлуцкий. Он прошёл Чукотскую землю с юга на север и с запада на восток и во всех битвах, отличавшихся кровопролитием, остался победителем над непокорёнными чукчами. В одной из таких схваток ему удалось отбить от чукчей вещи, принадлежащая погибшему Шестакову и его казакам. В октябре 1731 г. Павлуцкий, отправив много пленных в Якутск, возвратился в Анадырский острог и снарядил отряд казаков к устью Анадыря для содействия судну, посланному из Охотска для описи устья этой реки и упрочения там русских владений. На этом судне («Гавриил» под командою того же Генса) должна была придти значительная часть казаков из камчатского отряда.

Но судно «Гавриил» на этот раз не пришло, так как было задержано бунтом камчадалов, возставших за независимость, под начальством своих тойнов Харчина и Гонгоча.

Как только экспедиционные силы оставили Камчатку, камчадалы взяли за оружие и решились перебить всех оставшихся в их стране казаков. Такой жестокий замысел и был бы приведён ими в исполнение, если бы судьба на этот раз не подействовала русским.

Камчадалы, разведав об участии отряда Шестакова и не видя особой опасности со стороны Павлуцкого, находящегося, во-первых, далеко, а во-вторых, обезсиленного ожесточённой борьбой с чукчами, и, наконец, вполне рассчитывая на непримиримую вражду к казакам коряков, ожидали только того момента, когда глав-

ная опора русских — судно «Гавриил» с большею частью казаков уйдёт в море по направлению к Анадыру.

20 июля 1731 г. судно, действительно, вышло из устья Камчатки, но за поднявшимся противным ветром стало при устье на якорь. Вожди камчадалов, получив известие об отходе судна и не дождавшись окончательного его отплытия, приступили к избиению казаков. Часть мятежников пошла вверх по реке, а часть напала на Нижне-Камчатский острог, предавая всё огню и мечу и не щадя ни жён, ни детей. Но, получив известие о том, что судно стоит на якоре у устья р. Камчатки, Харчин сделал распоряжение укрепиться в Нижне-Камчатском остроге и послал известие вверх по реке, чтобы все старались защитить взятый им русский острог. Штурман «Гавриила» Генс, узнавши о бунте, отменил поход на Анадыр, вошёл снова в устье р. Камчатки и послал команду с ружьями и пушками на выручку острога. Казаки сначала уговаривали мятежников сдаться волею, но, получив в ответе грубые насмешки и ругательства со стороны Харчина, разгромив стены пушками, приступом взяли острог. Харчин спасся хитростью и пошёл вверх по реке, собирая вокруг себя партии бунтовщиков. На берегу р. Ключевки Харчин, стоя во главе большого войска, хотел было вступить в переговоры с казаками, но, схваченный хитростью, взят был в плен и заключён под стражу. К этому времени начали было стекаться к подножию Ключевского вулкана тойоны других камчадалских острогов: Еловский, Камышевский и другие. Казаки постарались, однако, не допустить их до соединения и разбили порознь всех, направив свои преследования вверх по р. Камчатке, а также и по другим направлениям. Резня продолжалась до конца года и даже более, причём казаки прошли всю Камчатку, усмирив большеецких и вообще пенжинских бунтовщиков; ходили даже к авачинским камчадалам.

Между тем в Петербург прибыли два японца, высланные туда из Камчатки при следующих обстоятельствах: в 1729 г. у южной оконечности Камчатки разбилось японское судно, причём команда его в числе семнадцати человек спаслась и устроила на берегу Камчатки стоянку, куда было свезено японцами с затонувшего судна всё, что было необходимо для продовольствия. В это время в тех местах появился русский пятидесятник Штинников с командою для сбора ясака. При виде разного рода имущества японцев Штинников не утерпел и, несмотря на полную покорность японцев, перебил их всех, кроме двух, которых оставил себе в услужение. Для покрытия своей вины Штинников откупался награбленным

добром от влиятельных казаков, но когда прибыл новый начальник, Новгородов, поступок Штинникова с японцами обнаружился. Он был взят под стражу, а два японца были отправлены в Петербург, причём в Петербурге было писано также известие и о камчатском мятеже. Вследствие этого было указано послать якутского полка майора Мерлина. В помощь ему вызвать с Анадыра майора Павлуцкого, снабдить их необходимым количеством солдат и боевыми припасами и поручить им расследовать дело о бунте и убиении японцев, причём следственное дело было приказано прислать в Иркутск для подтверждения (утверждения. — *Ред.*).

Мерлин и Павлуцкий построили новый Нижне-Камчатский острог при устье р. Радуги в тридцати верстах от устья р. Камчатки и жили там до августа 1739 г. По получении из Иркутска подтверждения приступили к наказанию виновных, не щадя ни камчадалов, ни казаков, при этом из русских были казнены Новгородов, Штинников и Сапожников, а из камчадалов Харчин и много других. Строгое и, вероятно, правдивое возмездие, понесённое виновными, прекратило в Камчатке самопроизвол и насилие. С того времени мир, покой и тишина водворились в этом отдалённом уголке Российской Империи, особенно после повеления императрицы Елизаветы Петровны ввести особые инструкции для управления Камчаткою, когда особенное внимание было обращено на упрочение там православной миссии и заведены школы. Времена Мерлина, так круто повернувшая судьбы Камчатки, надолго остались в памяти народа, передаваясь из рода в род, и сохранились до настоящего времени как поговорка: «Как быть тогда не веселу, когда всех нас повесили». Эта поговорка существует и в настоящее время, но происхождение её приписывается упомянутому времени.

Между тем в Петербурге снаряжалась вторая северная экспедиция Беринга, затеянная на этот раз в самых широких размерах и обошедшаяся казне свыше полумиллиона рублей. В 1730 г. по возвращении своём из первой экспедиции, Беринг представил императрице две записки. В первой он, как ознакомившийся с Камчаткою и видевший всю бывшую там неурядицу, обращал внимание её величества на эту неустроенную, но важную страну, перечислял все нужды этой окраины и предлагал меры к удовлетворению их. Во второй записке Беринг проектировал новую экспедицию для всего северо-восточного края, для изучения его в естественно-историческом отношении и подробного описания.

Во внимание первого предложения Беринга в мае 1731 г., то есть за месяц до начала камчатского бунта, и как бы предугады-

вая его, последовал высочайший указ об устройстве Охотско-Камчатского края с центром правления в Охотске, с учреждением в нём порта, подчинив ведению его и Анадырский край.

Первым начальником вновь учрежденного управления был назначен бывший директор Морской академии и обер-прокурор Сената Скорняков-Писарев, проживавший в то время в Якутске в ссылке за участие в делах против князя Меншикова.

Второе желание Беринга снарядить экспедицию было осуществлено высочайшим указом в апреле следующего 1732 г.; в это время возникла, было, даже мысль вверить Берингу управление Охотско-Камчатским краем, почему Писареву был уже послан отказ. Но вскоре Сенат постановил, что Берингу, обременённому прямыми его обязанностями, не хватит времени заниматься этим делом, а потому, назначив для Камчатки особаго начальника, к чему главною причиною были известия о камчатском бунте, для управления Охотским краем Сенат постановил избрать отдельное лицо. Выбор пал опять-таки на Писарева, известного в Петербурге за человека энергичнаго и весьма образованнаго. Камчатским начальником был назначен майор Павлуцкий, который и прибыл в Камчатку из Анадырска для разбора дела о камчатском бунте вместе с полковником Мерлиным.

Мерлин выехал из Камчатки в 1739 г. по окончании возложеннаго на него поручения, а Павлуцкий оставался там до 1747 г. и во многом способствовал делам экспедиции, особенно Крашенинникову, прибывшему в Камчатку на боте «Фортуна» в 1737 г. в числе первых чинов этой экспедиции.

В 1747 г. Павлуцкий выехал в Анадырск для усмирения воставших чукчей, но в одной из схваток был убит. Окончательно усмирил чукчей Шмалёв, присланный в 1752 г. во главе ста солдат, после чего борьба этого народа с русскими стихает и с 1755 г. никаких воинственных набегов с их стороны не было.

Вторым начальником Камчатки был назначен Борисов, а в Охотске вместо Писарева, ведшаго всё время вражду с Берингом и вообще с членами экспедиции, был назначен Девьер, тоже из ссыльных, деятель времен Петра Великаго.

Из подробнаго описания деятельности обширной северной экспедиции видно, до какой степени она имела влияние на судьбы всего северо-восточнаго края и даже Сибири. Все предшествовавшия распоряжения, даже в отношении неотложных нужд этой страны, как бы ступшевываются пред начертаниями этой экспедиции. Все предположения и мероприятия, уже начатыя с затратою

труда и времени, как бы поглощаются Берингом и немецкими учёными. Недаром историограф Словцов говорит: не дай Бог второй такой экспедиции, иначе вся Сибирь была бы измучена и уничтожена. С одной стороны, заслуга северной экспедиции, бесспорно, велика, но с другой, она, как нам кажется, во многом отдалила благоустройство нашей северо-восточной окраины вообще и Камчатки в частности.

Разбои и грабежи по камчатско-анадырскому пути и затем злоупотребления камчатских казаков, окончившиеся камчатским бунтом, послужили в своё время побудительной причиной к тому, что правительство решилось принять меры для устранения этих зол. С возведением Охотска на степень порта и главного административного центра для северо-восточной окраины предполагалось было: 1) завести четыре судна для перевозки на них в Камчатку всякого груза и лиц, как начальствующих, так равно и частных, с установлением провозной платы в размере 50 коп. с пуда и 50 руб. с частного пассажира; 2) отделить «для нужд его и Камчатки особую команду в триста человек; 3) перевести в Камчатку до пятидесяти семейств крестьян-хлебопашцев из Якутска, снабдив их сеянным хлебом и скотом; 4) озаботиться устройством церквей и даже школ, для чего был отправлен в Камчатку игумен Варфоломей Филевский с иеромонахом и иеродиаконом; 5) купцам и вообще частным предпринимателям (для плавки руд, добычи смолы, соли и т. п.) дать льготы на десять лет и 6) назначить для управления Камчаткою особаго начальствующаго с подчинением его охотскому начальнику, а для сбора ясака послать туда особых комиссаров.

Но не успели эти мероприятия войти в силу и в исполнение, как настало время второй северной экспедиции, и всё, что было начато, или поглотилось ею, или, если что и приводилось в исполнение, то настолько, насколько это представлялось возможным, не мешая ходу дел экспедиции.

Северная экспедиция продолжалась немного более десяти лет (1733—1743 гг.) и дала государству отрывочные и неточные орографические (орография — описание различных элементов рельефа и их классификация по внешним признакам вне зависимости от происхождения. — *Ред.*) и гидрографические сведения о северо-восточной окраине. В 1743 г. Сенат, резюмируя последствия этой экспедиции, в докладе своём от 24 октября (Андриевич. «Исторический очерк Сибири», т. III, с. 271) говорит, что экспедиция стоила казне чрезвычайно дорого, но чуть ли не дороже она обо-

шлась народу. Население, занятое в течение десяти лет перевозкой экспедиционных грузов и тяжестей и пополняя команды ея своими рабочими, лишилось скота, рабочих рук, а вследствие этого начался недород хлеба, а затем и голод. В конце доклада, который удостоен высочайшего утверждения, Сенат говорит: «По таковым обстоятельствам ту экспедицию, от которой Сенат ни малаго плода не признаёт, надлежит вовсе отставить, людей распустить, а Чирикову и Шпанбергу оставаться в Иркутской провинции до выяснения вопросов, связанных с экспедицией».

Между тем положение камчатских дел если и изменилось, то с небольшим шагом к лучшему. Закончился период буйства и кровавых расправ, но зато настало время тихаго порабощения путём экономическим. Начальствующие и их сподручные, а наряду с ними и торговцы, находясь всё же вдали от высших властей, своими притеснениями и вымогательствами доводят население до нищеты. Под влиянием известий о злоупотреблениях камчатских, в 1745 г. был издан указ, в силу котораго туда отправлен был Вульф, для расследования и осуждения виновных.

Сопоставляя два указа, один от 21 мая 1733 г. и другой от 24 сентября 1745 г., мы видим, что хотя первый был вызван кровопролитной резней, а второй не имел ничего подобного, но, тем не менее, основные причины, побудившия к изданию этих указов были одни и те же: притеснения вымогательства и обманы покорённых инородцев. Разница между этими двумя периодами, отстоящими друг от друга на двенадцать лет, проглядывает лишь в том, что в 1730-х гг. это зло вызывало со стороны аборигенов страны протест, а в 1740-х гг. население впало в апатию.

Правительство, побуждаемое искренним желанием поднять умственно-нравственный уровень населения, чему способствовали, отчасти, донесения камчатских начальствующих, не оставляло без внимания вновь присоединённую страну и в этом отношении. Первая духовная миссия в Камчатку была послана туда, как уже упоминалось выше, в 1705 г. в лице монаха Мартиниана, деятельность котораго выразилась в основании Успенской пустыни и в крещении ста душ камчадалов.

Вторая миссия была послана в Камчатку вслед за возвращением Беринга из первой экспедиции и состояла из игумена Филевского, одного иеромонаха, одного иеродиакона и из нескольких новгородских священников, проживавших в Якутске в ссылке. Миссия эта, как видно из указа об ея назначении, была обставлена заботами начальства как со стороны перевозочных средств, так



равно и со стороны обеспеченности её существования на месте. Игумен Филевский сам не доехал до Камчатки. Причины возвращения его с дороги кроются, надо полагать, или в слухах о камчатском бунте, тогда ещё не прекратившемся, или, что вернее, в невозможности следовать столь длинным гужевым трактом, занятым уже в то время нуждами второй экспедиции Беринга. Миссия Филевского завезла и препроводила далее по назначению необходимые принадлежности для церквей и школ, которые и доставлены в Камчатку ссыльными новгородскими священниками, прибывшими туда по собственному желанию.

Наконец, третья миссия была отправлена в 1742 г. под управлением архимандрита Иосафа Зенкевича. Зенкевич снарядил миссию, снабдив её большими запасами книг, не исключая даже латинских и французских, иконами и вообще церковными принадлежностями, не исключая церковного вина, но от поездки почему-то отказался, уступив место своё архимандриту Иосифу Хотуневскому. В состав миссии вошли два иеромонаха Пахомий и Иосаф, несколько священников из Тобольска, два церковника и пять учеников из Московской академии, которые предназначались для учительских обязанностей при школах. Миссия прибыла в Камчатку в сентябре 1745 г. и нашла там до трёх тысяч душ крещённых инородцев, обращённых в христианство ссыльными новгородскими священниками, приложившими в этом отношении особое старание «вины своей ради». Деятельность миссии распространялась и на курильцев, куда был послан иеромонах Иосаф.

Архимандрит Хотуневский в 1750 г. был переведён на кафедру иркутского епископа, а место его в камчатской миссии занял иеромонах Пахомий, продолжавший с успехом дело своего предшественника до 1760 г. и по выезде своём уступивший место протоиерею Стефану Никифорову, прибывшему в Камчатку вместе с архимандритом Хотуневским в качестве церковника.

Дело, ревностно начатое Хотуневским и с любовью продолженное Пахомием и Стефаном Никифоровым, дало следующие результаты: в главных пунктах были устроены церкви, числом пять; обращено в христианство более семи тысяч душ инородцев; в населённых пунктах устроено сначала три, а затем ещё десять школ, в которых обучалось до трёхсот инородческих детей.

По представлению выехавшего в Москву Пахомия, учащимся детям указом Сената 1764 г. января 13, постановлено по примеру войсковых школ выдавать хлеб, одежду, обувь и даже жалованье. По выходе учащихся из училища, они освобождались от ясака,

а при назначениях в ряды служилых и в церковнослужащие им отдавалось преимущество. Тем же, которые после этого останутся жить по обычаям своих отцов, никаких льгот не предоставлялось, и от ясака они не освобождались.

К заслугам, как этой, так и предшествующих миссий, группировавшихся вокруг Успенской пустыни, основанной некогда Мартинианом в самой плодородной местности Камчатки, нужно отнести и первые попытки развести хлебопашество и скот.

Ещё с самага присоединения Камчатки привычка к хлебу первых ея завоевателей-казаков побуждала их к попыткам развести здесь хлебные злаки. Основанная монахом Мартинианом Успенская пустынь явилась первым опытным полем. С открытием охотско-камчатского пути, когда в Камчатку стали посылаться команды и вообще служащие, хлебный вопрос начал интересоваться и высшее начальство.

Доставка в Камчатку хлеба крайне тяжела и невыгодна. Климат и почва присоединённой Камчатки, по-видимому, могли удовлетворить условиям произрастания злаков, вследствие чего предложены заботы о местном хлебопашестве. С этою целью в 1731 г. предписывается охотскому начальнику Скорнякову-Писареву переселить в Камчатку из Якутска крестьян-пахарей и тунгусов-скотоводов. Заботы о содействии великой северной экспедиции отдалают эту меру на десять лет.

В 1740 г. снова было приказано переселить в Камчатку до пятидесяти семейств, часть которых действительно была переправлена и поселена в Большерецком остроге. В 1743 г. начальник Камчатки Борисов оставил при Большерецке девять семей и переселил пять семейств в Верхне-Камчатск и шесть в Нижне-Камчатск, к которым немного спустя переселились затем четыре семьи из оставшихся в Большерецке. В следующие два года прибыло ещё несколько семейств, которые и распределились в долине р. Камчатки.

В 1760 г. в связи с вопросом о снабжении войск провиантом был снова поднят вопрос о хлебопашестве в Камчатке. Чиновник якутской канцелярии Чередов, отец которого состоял начальником камчатской команды, предложил свои услуги стать комиссионером по отправке доброкачественных семян и необходимых земледельческих орудий в Камчатку, где по его проекту отец его мог бы с успехом руководить посевом и сбором хлеба. К обсуждению этого вопроса был привлечён адмирал Лаптев, который, ссылаясь на показания членов северной экспедиции, знакомых с климатическими

условиями Камчатки, особенно окрестностей Авачинской губы, оспаривал возможность получить там удовлетворительные результаты от хлебопашества. Дело это подробно разобрано в докладе Сенату, который 23 января 1761 г. указал выдать на это дело Чередову тысячу рублей и переселить в Камчатку хлебопашцев из Иркутской губернии и сподручных к земледелию казаков из Якутска, дав им льготы по отношению различного рода повинностей, причём в помощь Чередову назначен был Лебедев.

Наряду с заботами правительства, направившего своё внимание, главным образом, на обезпечение камчатского населения продовольствием и на поднятие в нём религиозно-нравственного и умственного уровня, начала мало помалу развиваться частная предприимчивость и торговля. В июле 1764 г. издан указ, по которому объявившиеся в Камчатке беглые оставляются там на свободном жительстве, если только обнаружат склонность к хлебопашеству или к какому-либо труду. Добыча соли, заведённая на охотском побережье ещё заботами Петра Великого, перешла в Камчатку в виде казённых солеварен. В 1764 г. эти солеварни приказано передать на самых льготных началах в частные руки. То же самое выразилось впоследствии и относительно вина, табаку и прочего.

Особенного внимания заслуживает частная предприимчивость того времени, направленная к отысканию пушных и водных богатств по берегам и островам Великого океана. В этом отношении большая заслуга остаётся за северной экспедицией, которая дала почин и показала пути в этих водах, отметив траурными точками некоторые пункты в них.

Остатки северной экспедиции, обезсилившей в борьбе с бурями Великого океана, возвратились в пределы камчатских берегов. Команда командора Беринга, наполовину погибшая, похоронив своего вожда на одном из Командорских островов, названном его же именем, еле добралась в Авачинскую губу с едва живым Стеллером и тут же умершим Делилем. Известия о пушных богатствах, доставленные членами экспедиции и привезённые ими бобры и котики, не остались без внимания предпринимателей-купцов. С тех пор, несмотря на полное отсутствие на месте сведущих моряков и приспособленных к морю судов, среди местных жителей постоянно появляются смельчаки, рисковавшие странствовать по морям для отыскания островов и вообще мест, богатых пушниную. Благодаря таким смельчакам, Великий океан не заградил пути наступательному движению русских даже в пределы Западного материка.

К числу таких смельчаков относятся: 1) сержант камчатской команды Басов, который в 1743 г. вместе с купцом Серебрянниковым построил в Нижне-Камчатске по своему плану и своими средствами какую-то утлую ладью и достиг на ней Командорских островов, откуда вывез ценные меха и куски самородной меди, вследствие чего один из Командорских островов назван Медным; 2) в 1745 г. по этим следам направляются туда же купцы Чупров и Трапезников, причём штурман их, простой крестьянин Неводчиков, открыл острова Атту и Агату; 3) купцы Рыбинский, Тюрин, затем Толстых, Серебрянников, Глотов, Пономарёв и другия открывают один за другим и все остальные острова Алеутской гряды и, наконец, 4) Бечевин в 1761 г. достиг берегов Аляски.

Все эти предприятия, хотя и не имеют, по-видимому, ничего общего с полуостровом Камчаткою, но, тем не менее, это не могло не отразиться на Камчатке, так как полуостров этот служил для них базой. Сначала центром отправлений на восток служил Охотск, но затем, к концу уже 1700-х гг. и особенно в начале нынешняго (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия, вся деятельность Охотска мало помалу перешла в Камчатку.

В связи с возрастанием интереса к северо-восточным водам Великаго океана возрастала и жизнь в Камчатке и увеличивались потребности ея, требовавшая, в свою очередь, всё большего и большего внимания со стороны правительства. Сибирский губернатор Соймонов, ревностный сторонник Беринговой экспедиции, в 1761 г. назначил в Камчатку начальника из морских офицеров Хмелевскаго, который мог бы оказывать пользу своим знанием и советами отправлявшимся в море промышленникам. Под конец своего правления Сибирью Соймонов испросил разрешение снарядить экспедицию под управлением лейтенанта Синда, одного из участников экспедиции Беринга, к отысканию и описанию американскаго берега в широтах Чукотскаго носа. Синд отправился из Охотска в 1764 г., зазимовал близ Тигиля, затем обогнул Камчатку и снова зазимовал на р. Уке близ Карагинскаго острова, и только в 1766 г. направился в Берингов пролив. Результат его поездки свёлся к нулю, так как американскаго берега он не достиг и с повреждённым судном едва возвратился назад.

В 1764 г. назначенный вместо Соймонова сибирским губернатором Чичерин с особою радостью доносил императрице о подвигах простых камчадалских мореходов Глотова и Пономарёва, которые на судне купца Никифорова в 1758 г. вышли из Нижне-Камчатска, прошли по всем близ лежащим островам Алеутской

гряды и в 1759 г. объясачили и привели в русское подданство острова Умнак и Уналашку. Поздравляя его величество со вновь приобретёнными землями, Чичерин в то же время просил о назначении более сведущих людей из морских офицеров для обстоятельного описания всех островов и земель в Восточном океане, разведанных русскими простыми промышленниками.

В ответ на это ходатайство воспоследовало милостивое внимание императрицы к мореходам-труженикам, они удостоены высочайших наград и дано секретное распоряжение о снаряжении новой, довольно значительной, экспедиции под управлением капитан-лейтенанта Креницына и его помощника лейтенанта Левашёва. Снаряжение экспедиции обошлось казне свыше ста тысяч рублей. Цель её была не только описать Алеутские и другие острова, лежащие в северных водах Великого океана, но также и берега Америки и побережья Берингова пролива, везде в то же время заявляя о милостивых отношениях императрицы к покорённым народам. Надеялись, что эта экспедиция обогнёт Чукотский нос и в водах Ледовитого океана встретится с другою экспедициею, направленною к Шпицбергену под начальством Чичагова.

Креницын и Левашёв прибыли чрез Сибирь в Охотск в октябре 1765 г., снарядили два старых судна и построили два новых. В октябре 1766 г. экспедиция отправилась в путь и тот час же начала претерпевать неудачу за неудачей. Одно судно разбилось в Курильской гряде, другое у берегов Камчатки при устье Большой реки, где с большим повреждением сели на мель и остальные два. На следующий год экспедиция зазимовала в Нижне-Камчатске и потом уже тронулась только на двух судах, прошла Алеутские острова и зазимовала: Креницын на о. Унишаке, а Левашёв на о. Уналашке. Результат был ничтожен. Креницын утонул на обратном пути в р. Камчатке, а Левашёв вернулся в Петербург и доставил самые отрывочные сведения о пройденном пути.

Между тем настало время, когда одного морского офицера в лице Хмелевского, предназначавшагося для руководства промышленными судами, стало недостаточно для всего камчатского побережья. Вследствие этого по просьбе Чечерина было командировано туда несколько морских офицеров под управлением одного старшаго. Императрица, издавая указ, писала: «Мы не токмо онаго отправляющагося офицера (старшаго), но и всю его команду императорскою нашею милостию обнадеживаем, повелеваем вам (адмиралтейств-коллегии) их при отправлении к получению чина представить, каковой они по счастливом возвращении в отечество,

паки получить имеют, с приобщением при том вечнаго пенсиона против получаемого по чину в оном пути жалованья, считая такое в двойном размере».

Этих офицеров по проекту Чичерина предполагалось помещать под видом частных лиц на промышленныя суда, по одному на каждое, с тем, чтобы они «ни в чём не препятствуя промыслам, вели бы обстоятельные журналы и описания путешествиям». Такой способ описания вновь приобретённых земель, очевидно, был признан более надёжным и более дешёвым, нежели снаряжение отдельных экспедиций.

Не получая от экспедиции никаких данных, императрица в то же время утешалась почти ежегодными известиями о новых приобретениях простых промышленников, причём не пропускала случая одарять их наградами и своею милостью. Единственно, чего она требовала от них и всегда в своих указах прописывала, так это «чтоб они ласково и без малейшаго притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями», но открытия продолжались, а великодушныя желанія и наставленія императрицы оставались без исполненія. Прикрываясь сбором ясака, промышленники не стеснялись для достиженія своих корыстных целей никакими мерами, переходившими нередко в жестокость и разбой, следствием чего было изданіе в 1779 г. указа о запрещеніи собирать ясак с близлежащих островов, особенно с Курильских, и разрешалось «знакомство ласкою и правдивою торговлею».

В 1783 г. на Алеутских островах появляется почётный гражданин Шелехов и купцы Голиковы, которые сделали попытку основать первую промышленную компанію с капиталом в семьдесят тысяч рублей. Ловкій и предприимчивый Шелехов в скором времени захватил в свои руки главную торговлю и постепенно начал расширять свои операціи. Начатое им дело на компанейских началах и увеличенное открытіем и присоединеніем Прибыловых островов постепенно разрослось и под конец, после уже смерти Шелехова, приняло в 1798 г. названіе «Россійско-Американской компаніи», которая под разными затем кличками и составом переменялась несколько раз и в настоящее время существует под именем «Русскаго товарищества котиковых промыслов».

Как ни тяжелы были для казны спеціальныя экспедиціи, столь неудачно окончившіяся, но, тем не менее, потребность в них ввиду новых открытій была настолько настоятельна, что императрица Екатерина II, несмотря на неудавшуюся экспедицію Креницына,

в 1785 г. снарядила новую под командою Билингса и трёх лейтенантов: Галла, Сарычева и Беринга (внука капитан-командора В. Й. Беринга. — *Ред.*).

Задача экспедиции состояла в том, чтобы: 1) пройти из р. Колымы в Берингов пролив или обратно; 2) исследовать и описать Алеутские острова, а также и Курильские до Японии и Кореи; 3) дойти до берегов Америки и 4) жителей вновь присоединённых островов и земель приводить в русское подданство. Билингс получил при этом инструкцию, по которой ему поручалось, собирая статистические сведения, производить следствие и налагать наказание на тех промышленников, которые позволяют себе обходиться с инородцами жестоко и несправедливо.

В начале царствования Екатерины II слухи о богатствах северо-восточной окраины всё более и более привлекали в Камчатку промышленников и вообще искателей приключений. Кроме этого элемента, население Камчатки пополнялось и различного рода ссыльными. Некоторые из них, действительно, принесли известную долю пользы, но были и такие, которые оставили после себя следы разврата, интриги и буйства. К числу последней категории принадлежал, между прочим, ссыльный Беневский, наделавший в своё время много шума не только в Камчатке, но и за границей.

Беневский прибыл в Охотск в 1769 г. и представил охотскому начальнику Плеснеру поддельное письмо с хорошей для себя рекомендацией. В 1770 г. Беневский с пятью товарищами был отправлен в Камчатку в Большерецкий острог к начальнику Нилову. Здесь он, благодаря своей образованности и ловкости, скоро заслужил к себе расположение и сошёлся тоже с ссыльными той же категории, из которых более всего сблизился с гвардии капитаном Хрущёвым. Ознакомившись с положением всего его окружающего, Беневский задумал составить заговор, заявил себя страдальцем за интересы наследника престола Павла Петровича. Кроме близких к Беневскому людей, в заговоре приняли участие выгнанные из промышленных партий матросы и команда одного разбившагося к этому времени у Большерецка торговаго судна. Заговор кончился тем, что бунтовщики убили Нилова, захватили канцелярию, казначейство и провиант и на бывшем в Большерецке судне выехали для отыскания островов, богатых золотом. Странствование их продолжалось несколько лет. Были они в Японии, на Формозе и на китайском берегу в Макао. Здесь Беневский, продав судно, с приближёнными выехал в Европу на французском фрегате.

Некоторые из его уцелевших спутников по прибытии в Париж прямо заявили о своём имени и звании и были отправлены в Россию, а затем снова в Сибирь. Беневский же достиг у французского правительства назначения на о. Мадагаскар, где опять составил заговор для передачи острова одной американской компании. Для прекращения беспорядка на Мадагаскаре туда была послана команда, которая и нашла Беневского мёртвым.

Политические события царствования императрицы Екатерины II и её преемников, очевидно, отвлекали внимание их от более настойчиваго устройства северо-восточных владений. Между тем жизнь этой окраины прогрессировала и требовала всё новых и новых забот. Заботы были направлены, главным образом, на введение в Камчатке земледелия и скотоводства и затем на усиление как административной, так и воинской власти.

Правительство начало более наблюдать за переселившимися крестьянами, присылая к ним новые силы, и не переставало давать им всевозможныя пособия. Бывший в то время сибирским губернатором Соймонов то и дело требовал от камчатских начальников Лебедева, а затем от Недозрелова отчётов и соображений о камчатском земледелии, с показанием причин безуспешности этого столь важнаго дела. Недозрелов дал отчёт, из котораго видно, что, несмотря на все заботы и принуждения жителей, все усилия правительства и сорок лет постоянных трудов и издержек на введение в Камчатке хлебопашества не привели ни к каким утешительным результатам и не могли победить местных препятствий.

Между тем лёгкая добыча рыбы и выгодныя занятия охотничьим промыслом заставили переселенцев мало помалу освоиться с бытом туземцев: они завели собак, хлеб заменили юкалой (сушёной рыбой), а всё остальное пополняли пушным промыслом.

Подполковник Плениснер, назначенный командиром Охотскаго края, по настоянию того же Соймонова лично прибыл в Камчатку в 1764 г. и по осмотре заключил, что безуспешность земледелия будто бы происходит от того, что места для посевов избраны неудачно и что крестьяне не радеют о хлебопашестве, не имея никаких выгод ни от посевов, ни от скотоводства, так как значительная доля с этих промыслов поступала в собственность казны. Вследствие этого по ходатайству Плениснера в 1765 г. последовало преобразование хозяйственной системы: казённый хлеб и скот были розданы населению с тем, чтобы все доходы поступали целиком в пользу хлебопашцев, а для казны было устроено опытное



поле на казенной заимке близ старого острожка Машурского. Место это избрано и одобрено самим Плениснером и его уполномоченным Шмалёвым. Нововведение это могло вполне поощрить камчатских поселенцев, но, к сожалению, сама природа тому препятствовала. Хотя, конечно, нельзя не признать заслуг и деятельности Шмалёва, но, тем не менее, отчёты за четырёхлетний период вновь подтвердили, что Камчатка по климатическим условиям неблагоприятна для земледелия. К этому времени по р. Камчатке образовалось уже несколько деревень: Мильково, Шигачинское, Машурское, Кирганик и Ключевское, растянувшиеся по р. Камчатке почти на триста вёрст, но хлебопашество ни в одной из них не было удачно.

В 1768 и 1769 г. Камчатку постигло страшное бедствие. В пределах ея появилась оспа и нанесла сильный вред населению, а вместе с тем и земледелию. До двадцати тысяч жителей из туземцев и переселенцев сделались ея жертвою.

В это время в Большерецке появляется некий спекулятор Рышков, который наподобие Беневского, его современника, сумел заслужить расположение начальника Нилова и по отъезде Шмалёва занял его место. Рышков, хотя и подавал льстивыя надежды на земледелие и выгоду от него, но, тем не менее, и его деятельность в конце концов не имела никакого результата.

В 1772 г. вслед за убийством Нилова и связанной с ним истории Беневского, было введено в Камчатке отдельное от Охотска управление, и главным командиром ея, с присоединением к ней и Гижинского округа с р. Анадыром, назначен был майор Бем, снабжённый обширными полномочиями. Камчатская команда была усилена.

Наряду с различными мероприятиями, направленными, главным образом, на упрочение взаимных отношений населения Камчатки, Бем несколько лет сряду употреблял все средства к улучшению камчатского земледелия. Но все благие намерения Бема не имели видимого успеха, и все его приказы и инструкции командирам к старостам оказались не достигающими цели. Таким же усердием к хлебопашеству отличался и преемник его, Рейнике, бывший в Камчатке с 1782 по 1785 г. Урожайи, несмотря на все старания, были самые скудные, а нередко не возвращались даже и семена.

В 1786 г., с усилением промышленной деятельности в водах Великого океана, восточный берег Камчатки, сравнительно с западным, приобретает больше интереса, почему и центр правления Камчаткой переходит из Большерецка в Нижне-Камчатск. Начальник получает наименование городничаго и внимание его на-

правляется на прибрежное промышленное население. Внутренняя часть полуострова остаётся без внимания; земледелие окончательно падает, жители окамчадаливаются и с хлебного довольствия переходят на рыбное (юкалу).

В 1799 г. с увеличением русских владений в водах Великого океана явилась потребность в увеличении камчатского войска, вследствие чего по указу 1800 г. был сформирован камчатский полк в двухбатальонном составе, с высылкою ему знамён. Снова возник вопрос о снабжении полка хлебом, и снова внимание правительства было обращено на камчатское хлебопашество. Ввиду этого полк был сформирован по образцу ландмилиции, причём занятие нижних чинов хозяйством не только не запрещалось, но даже поощрялось.

В 1803 г. по указу от 11 августа в Камчатке было учреждено областное правление, причём командир полка переименован в начальника области с местожительством сначала в Верхне-Камчатске, а затем — в Нижне-Камчатске. Областное правление состояло из председателя (начальника области, он же и комендант), одного судьи, земского исправника и двух заседателей, секретаря и двух писцов. Власть начальника области распространялась и на полк, который был преобразован в камчатский батальон в составе пяти рот. Одна рота назначалась для Гижиги, куда отправлялся также и особый комиссар. Для успешного перевоза почты учреждено четыре должности экспедиторов, причём охотская почта должна направляться на судне сначала в Тигиль, затем к устью р. Воровской и Большерецк (впоследствии добавлена и Петропавловская гавань).

Для привлечения служащих по всем частям было установлено особое положение, по которому содержание назначалось в двойном размере. При назначении каждый служащий получал следующий чин и прогоны по положению. Впоследствии была введена десятилетняя пенсия. Кроме того, служащие получали провиант, муку и крупу из казённых складов. Первым начальником области был назначен Кошелев, которым была составлена инструкция для сношения камчатского начальника с сибирским генерал-губернатором и с министерствами, к которым по известным вопросам он мог относиться прямо, без посредства сибирской власти.

К этому времени Российско-Американская компания, принятая в 1799 г. под высочайшее покровительство, достигла уже заметного развития. На трёх судах, прибывших в 1803 г. в Охотск, где компания имела свою контору, доставлено было с островов

мехов почти на полтора миллиона рублей, причём одних бобров было более пятнадцати тысяч штук. При таком широком развитии дела компании трудно было довольствоваться теми примитивными судами, которые мог производить тогда Охотский порт, и вверять их самоучкам-штурманам. К 1804 г. компанейский флот состоял из двух двухмачтовых судов. Недостаток судов и труднопреодолимые препятствия по доставке провианта и товаров Сибирью и чрез Охотск приводили компанию в совершенную невозможность своевременно снабжать колонии всем необходимым, выдвинули вопрос, поднимавшийся ещё во времена Беринга, о проложении в камчатския воды кругосветнаго морского пути, а вместе с тем и наступал конец главенства Охотскаго порта в русских водах Великаго океана.

При таких обстоятельствах в начале царствования императора Александра I по проекту Резанова и министра коммерции графа Румянцева было решено снарядить в Кронштадте два судна и отправить их в Великий океан. Половина издержек была отнесена на средства казны и половина на компанию. Суда были приобретены в Лондоне и поступили под командование лучших для того времени морских офицеров — Крузенштерна и Лисянского. Крузенштерн командовал судном «Надежда», на котором был Резанов в качестве посла в Японию, и Лисянский — «Невою», предназначенною для нужд компании. Благополучный и успешный исход этой первой русской кругосветной экспедиции, во-первых, умалил значение Охотскаго порта, во-вторых, возвёл Петропавловскую гавань на степень главнаго опорнаго пункта в северо-восточных водах и, в-третьих, предрешил вопрос о преимуществе в Камчатке сил военно-морских пред сухопутными.

Вскоре после экспедиции Крузенштерна (1803—1806) последовало кругосветное плавание Головнина (1809—1811). Затем с перерывом на время войны 1812 г. были экспедиции Коцебу (1815—1818), вторая Головнина (1817—1819), Лазарева (1822—1824), Литке (1826—1829) и другия. Все эти кругосветныя экспедиции при вступлении в северо-восточныя воды Великаго океана как по служебным, так и по своим личным целям направлялись в Петропавловскую гавань, как самую лучшую в этих водах стоянку для судов и могущую в этом отношении поспорить с лучшими портами всего света. Таким образом, самыя обстоятельства дела повели к упадку Охотскаго порта, за которым осталось значение лишь места отправки и получения почтовой корреспонденции чрез Сибирь.

Петропавловская гавань представляет из себя уютный уголок в северо-западной стороне Авачинской губы и на камчатальском наречии носила название Ниякина. Для русских бухта Ниякина стала известна с 1740 г., когда Беринг, отправившись из Охотска с Чириковым на двух судах («Св. Пётр» и «Св. Павел») во вторую свою экспедицию, открыл это удобное для стоянки судов место и остался здесь на зимовку. Беринг построил там провиантский магазин и заложил церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла. С тех пор все почти суда, на долю которых выпадала судьба плавать в этих водах, не пропускали случая провести несколько суток отдыха в этом тихом пристанище. Единственный недостаток этой бухты — отсутствие реки, следовательно, места для рыбного промысла. Вследствие этого бухта не была заселена камчадалами и долго не заселялась русскими. Лишь только с установлением охотско-камчатского судоходства и с усилением в Камчатке более или менее правильно организованной команды, вокруг церкви, заложенной Берингом, начинают селиться русские казаки, следившие за сбором ясака по берегам Авачинской губы.

В 1812 г. последовало новое преобразование камчатского управления. Указом этого года от 9 апреля камчатский баталион реформирован. Из него выделена была флотская рота для Петропавловской гавани и комплект казачьей команды. При этом желающим было предоставлено право оставаться в крае и заниматься хлебопашеством; все же остальные были переведены на службу в Иркутск.

Областное правление, как слишком обременительное для жителей и правительства, упразднено и управление всем полуостровом вверено командиру Петропавловской морской роты, с назначением ему помощника из флотских офицеров, а для ведения гражданских дел — секретаря и трёх писцов. Кроме того, в его распоряжение назначены: комиссар, два лекаря и три лекарских ученика.

Идея такого преобразования камчатского управления принадлежат Крузенштерну и вообще членам его экспедиции. Представленные Крузенштерном в Сенат соображения, с которыми, очевидно, были солидарны многие из лиц, стоящих во главе правительственных сфер, выяснили, что Камчатка, если размагивать её в политическом и коммерческом отношениях, является весьма важным пунктом, благодаря которому Россия твёрдую ногу стала в водах Великого океана.

Благодаря ей превосходной гавани, расположенной в Авачинской губе, в ней могут сосредоточиться военно-морские силы

и коммерческий флот, который, развивая свои предприятия, может вести сношения с Китаем, Японией, Филиппинскими и Сандвичевыми островами и Америкой, упрочивая и развивая в то же время русския алеутско-американския владения. Получая из сопредельных стран необходимые товары, Камчатка может в то же время явиться вывозным рынком продуктов пушного, рыбного и китоваго промыслов. С этой точки зрения Камчатка, действительно, являлась страной, заслуживающею внимания и забот правительства. В смысле же страны для процветания в ней жизни и культуры — она не представляет из себя ничего интереснаго. Сообразно с этим взглядом и административное устройство Камчатки было направлено, чтобы обставить всем необходимым Петропавловскую гавань и всё, что может относиться к мореходству в этих водах. Устройство же внутренней части Камчатки принято во внимание настолько, насколько это требовалось принципом жизненной законности и насколько это было необходимо для немногочисленнаго населения, без обременения его, по возможности, никакими повинностями.

После этого Охотский порт существовал ещё более тридцати лет, и если не был закрыт, то только потому, что имел сухопутное сообщение с центром России и что Россия в это время не обладала морскими средствами настолько, чтобы обезпечить правильный кругосветный путь в Камчатку.

Последним начальником Камчатки (после Кошелева, затем Сомова), во власти котораго находился и баталион и гражданская администрация, был генерал-майор Петровский, со всем своим штатом отозванный из Нижне-Камчатска в Петербург. Новое управление было организовано под начальством капитана 1-го ранга Рикорда с местожительством в Петропавловске, на постепенное устройство котораго приказано отпускать ежегодно до пяти тысяч рублей.

Со времени перваго кругосветнаго путешествия, вызвавшаго указанныя перемены, для Камчатки настаёт новый и самый лучший период ея жизни. И если экспедиции Беринга служили началом новой эры для Камчатки, после чего началось окончательное водворение в ней русской власти, то экспедицию Крузенштерна нужно признать началом новаго периода, когда эта власть начинает крепнуть и развиваться для дальнейшаго поступательнаго движения на юг.

Правда, тяжёлая для России война 1812 г. отвлекла на несколько лет внимание правительства от Камчатки; но, начиная

с 1817 г., интерес к Камчатке снова возрастает. Удачный выбор первых флотских начальников, каковыми были Рикорд, а затем Голенищев, много способствовал первоначальному устройству этой окраины.

В 1817 г., когда гавань была уже несколько обставлена, Рикорд обратил внимание на нужды жителей. По его ходатайству снова был возбуждён вопрос о сельском хозяйстве, чему немало способствовал голод от недолова рыбы. Для снабжения жителей провиантом в таких исключительных случаях были заведены провиантские склады в главных пунктах: в Тигиле, Большерецке, Нижне-Камчатске и Верхне-Камчатске, куда провиант мог поставляться водою.

С поднятием вопроса о сельском хозяйстве было признано необходимым и образование подрастающего поколения в духе, способствующем сельской и портовой жизни. Положением, утверждённым 27 февраля 1817 г., в Петропавловске было открыто ремесленное училище с кузнечным, плотничьим и слесарным отделениями. На первоначальное обзаведение школы было отпущено пять тысяч рублей, и столько же на содержание ея. В 1820 г. в Петропавловске было открыто двухклассное духовное училище и переведено духовное правление из Нижне-Камчатска.

5 марта 1821 г. был утверждён план Петропавловскаго порта и на устройство его, кроме ассигнуемых пяти тысяч рублей, приказано отпускать ежегодно такую же сумму для постепенного возведения необходимых построек.

Жизнь Камчатки развивалась, но вместе с тем росли и потребности. В 1825 г. в виду, конечно, больших выгод, могущих последовать от облегчения правительства в деле снабжения Камчатки провиантом, была учреждена при содействии Министерства государственных имуществ Камчатская земледельческая компания с капиталом в восемь тысяч рублей. Компания существовала до 1832 г. и, убедившись в невыгодности этого предприятия, прекратила своё существование.

Неудачный исход земледельческой компании не повлиял, однако, на продление забот правительства в этом направлении. В царствование императора Николая I вопрос этот снова был возбуждён с особою энергиею. С этою целью Министерство государственных имуществ в 1840 г. выписало из Германии учёнаго агронома Кегеля и отправило его в Камчатку. Кегель прибыл в Петропавловск в конце 1841 г. и со следующей же весны приступил к исследованию полуострова в целях своей специальности.

Существовавшая в то время в Петропавловске ремесленная школа с успехом вела свою деятельность, но деятельность эта была направлена преимущественно к целям порта. Кегель решил деятельность школы несколько расширить и видоизменить соответственно со своими предположениями. Вследствие этого он возбудил вопрос о переносе школы вглубь страны, чтобы, обучая детей грамоте и ремеслам, обучать их и рациональному ведению сельского хозяйства на месте. Ходатайство его было уважено, и школа была перенесена в одно из лучших селений, в Мильково, расположенное в долине Камчатки в двадцати верстах ниже Верхне-Камчатска. Программа школы была расширена введением Кегелем различного рода производств: мыловаренного, кожевенного и прочих.

Быть может, поставленный таким образом на рациональную почву вопрос о сельском хозяйстве в Камчатке и принес бы надлежащий результат, но, к сожалению, начавшийся в скором времени неприязненные отношения между Кегелем и начальником Камчатки, капитаном 2-го ранга Страннолюбским, перешедшие под конец в явные противодействия начинаниям Кегеля, не дали сему последнему довести своего дела до конца. Дело кончилось тем, что школа в Милькове была закрыта и проектирована к открытию снова в Петропавловске; Кегель, а вскоре и Страннолюбский были отозваны из Камчатки.

В конце сороковых годов, со вступлением в управление Сибирью графа Муравьева-Амурского, вопрос о благоустройстве Камчатки и о сельскохозяйственном ее положении достиг высших, но и последних своих границ.

В 1849 г., 2 декабря, по указу данному Сенату («Полное собрание законов», 1849 г., № 23692) последовало решение об изменении порядка управления Охотско-Камчатского края, причём было повелено: 1) из частей, подведомственных камчатскому приморскому управлению, и Гижигинского округа, состоящего в ведении охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатскою областью; 2) управление по всем частям новой области вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, с непосредственным подчинением генерал-губернатору Восточной Сибири и 3) Охотский порт, по неудобности его, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край к Якутской области, причём охотский окружный суд перевести в Камчатку.

Вслед за сим по представлению графа Муравьева-Амурского и по рекомендации епископа Иннокентия на пост камчатского

военного губернатора был назначен В. С. Завойко. Вступив в управление Камчатской областью (5 августа 1850 г.), капитан 1-го ранга В. С. Завойко был произведён в следующий чин и немедленно приступил к устройству Петропавловского порта и к исправлению тех недостатков, которые он считал важнейшими. В то время в Петропавловске, вследствие перевода туда офицеров и нижних чинов из Охотска, народонаселение увеличилось почти вдвое, и ощущался большой недостаток в жилых помещениях и вообще в строениях. В. С. Завойко самолично обошёл все долины рек, имеющих сток к Авачинской губе, и добыл 15 886 штук деревьев, годных для построек, изготовил необходимое количество кирпича и других строительных материалов и в течение 1850 и 1851 гг. соорудил две казармы, одиннадцать флигелей и два магазина. Заботясь о благоустройстве порта, Завойко возобновил церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла, построил губернаторский дом, обсадив его тополёвой и берёзовой рощей, роскошные стволы которой украшают Петропавловск и до настоящего времени.

Кроме того, заботами Завойко в Петропавловске была устроена пристань, причём часть набережной выстлана камнем (жалкие остатки этой мостовой видны и до сего времени) и было уже приступлено к сооружению ряда лавок (гостинаго двора), при помощи которых предполагалось увеличить доход города.

Осенью 1850 г. получилось известие о крушении нескольких перевозочных судов, служивших средством развоза продовольствия по всем рейдам камчатского побережья, почему Завойко поставлен был в необходимость приступить к постройке новых и к исправлению старых судов. В течение двух лет, не выходя из ремонтной суммы, были сделаны: шхуна, бот, плашкоут и двенадцативёсельный катер. Кроме того, было куплено за дрова шесть вельботов; исправлены: транспорт «Байкал», транспорт «Иртыш» и тендер «Камчадал» (сведения взяты из рапорта Завойко от 5 декабря 1852 г.).

Тяжёлым гнётом на душе заботливого губернатора лежали различного рода болезни, присущия суровой и грязной обстановке камчадала и соприкасающегося с ним пришлага населения. К числу таких болезней необходимо отнести: цингу, сифилис, проказу и временами оспу. По ходатайству Завойко был усилен медицинский штат, устроены больницы в населённых местах полуострова и построены лечебницы при паратунских и малкинских горячих ключах. Паратунские ключи находятся близ Петропавловска и ежегодно посещаются любителями, почему ванны их



поддерживаются частным лицом до настоящего времени; малкинские же ключи в настоящее время совершенно заброшены.

Разъезжая по полуострову, Завойко принимал близко к сердцу все нужды населения, старался о благоустройстве его, причём в борьбе с невежеством не стеснялся принимать и карательные меры. Благодаря его заботам, население мало-помалу оставило свои старинные сырые земляные жилища, переменяв их на бревенчатые избы. Так называемые «юрты» (жилища из жердей и корья или шкур животных) остались лишь у кочующих инородцев. Особенное внимание Завойко обращал на сельское хозяйство, возобновил и поддержав всё, что было начато когда-то Кегелем.

Остатки пашен, мельниц, кузниц и т. п., заведённых трудами Завойко, видны по некоторым камчатским деревням и доселе. Близ Верхне-Камчатска видны следы разработки железной руды и остатки мельничных жерновов. В мельковской церкви и по настоящее время висит колокол, отлитый по распоряжению Завойко для верхнекамчатской часовни местными средствами. Ткацкое мастерство, заведённое Кегелем, нашло себе поддержку в лице Завойко, и в настоящее время не редкость встретить среди жителей (например, селения Мильковского) в обращении полотно местного изготовления.

Для урегулирования подводной повинности среди населения Завойко установил почтовые станции, построил на длинных переломках казённые избы, измерил расстояния между станциями, устроив на каждой станции известное число потяг (нарт с собаками) или батов (в летнее время) с точным указанием прогонной платы с пассажира и пуда клади.

Особенное внимание Завойко, как упомянуто выше, было обращено на сельское хозяйство вообще. К сожалению, хлебопашество не имело успеха, тогда как скотоводство и особенно огородничество, энергично поддержанные Завойко, ведутся в Камчатке и по настоящее время с должным успехом и служат большим подспорьем к местным жизненным продуктам.

Для характеристики мероприятий, предпринятых по отношению к Камчатке восточно-сибирским генерал-губернатором графом Муравьёвым-Амурским, и для пополнения сведений о деятельности Завойко воспользуюсь данными, собранными А. П. Сильницким. Состоя членом Приамурского отдела ИРГО, он получил в 1895 г. поручение извлечь из владивостокского портового архива сведения, относящиеся к эпохе Муравьёва. А. П. Сильницкий изъявил полное своё согласие на помещение здесь выдержек из его статей

по сему предмету, помещённых в «Приамурских ведомостях» за 1895 г.

30 октября 1848 г. только что назначенный на пост восточно-сибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьев писал бывшему ещё в то время начальнику Камчатки Машину следующее: «По малому успеху принятых к развитию в Камчатке ремесл и сельского хозяйства мер, а именно: учреждения там ремесленной школы и содержания учёного агронома, садовых учеников и т. д., учёный комитет Министерства государственных имуществ, рассмотрев в минувшем году это дело, находит, что дальнейших успехов в хозяйстве Камчатки следует ожидать не от быстрых перемен в порядке существующем и не от введения хозяйства искусственного, теперь ещё невозможного, но единственно от мер поощрительных, которые должны состоять в облегчении местным жителям покупки разных семян и земледельческих орудий, в отводе им в потомственное владение обработанных земель, в выдаче наград за успехи в хозяйстве и т. п. Посему учёный комитет полагает, не возобновляя закрытой в 1844 г. ремесленной школы и не посылая агронома на место уволенного в прошлом году Кегеля, возложить на начальника Камчатки, как полного хозяина и распорядителя этого края, поощрение туземцев вышеозначенными мерами к сельскому хозяйству, с предоставлением в его распоряжение суммы, отпускаемой на содержание ремесленной школы и на улучшение сельского хозяйства в Камчатке.

Господин министр государственных имуществ, не давая сему предположению дальнейшего хода, в бытность мою в Санкт-Петербурге в октябре 1847 г. передал мне копию представленной ему департаментом сельского хозяйства записки, в которой изложены как меры, предпринятые до того времени правительством к развитию сельского хозяйства в Камчатке, так равно мнения разных лиц о возможности там земледелия и, наконец, предположения учёного комитета, и просил доставить моё заключение по сему предмету.

22 ноября 1847 г. я сделал господину министру отзыв, последствием которого было то, что граф Киселёв предположения мои и учёного комитета о мерах к развитию сельского хозяйства внёс в комитет министров. Государь Император по рассмотрении поднесённой комитетом выписки из состоявшегося в оном по сему предмету журнала, *не изъявил* соизволения на прекращение дела полезного и уже начатаго, но не получившаго до сего времени развития по несогласию местных властей, по неудачным их распоряжениям или иным причинам, изволил выразить мысль, “что на

*Камчатку должно смотреть не в настоящем этого края положении, но в будущем ея предназначении, то есть как на важный пункт для развития торговли с Америкой и с прилежащими странами”.*

Посему Его Величество в уверенности, что при надлежащем направлении мероприятий местных властей, при большем с их стороны усердии и стремлении к успеху сего дела, а не к разрушению того, что сделано, оно возьмёт другое направление, высочайше повелеть соизволил: передать ближайшему рассмотрению и соображениям моим вопрос о возстановлении в Камчатке ремесленной школы и земледелия.

Получив об этой высочайшей воле отношение господина министра государственных имуществ от 19 февраля с. г., я уведомил графа Киселёва, что в будущем году сам располагаю быть в Камчатке, и тогда проверив лично все обстоятельства на месте, сообщу мои соображения по изложенному предмету. После всего этого я считаю в настоящее время неудобным входить в переписку по ходатайству вашего высокоблагородия, объяснённого в вашем рапорте».

Далее Муравьёв предписывает начальнику Камчатки войти в подробное рассмотрение просьбы о присылке в Камчатку двух сведущих учеников из земледельческого училища для образования на месте камчадал и вообще выяснить «какими бы положительными средствами можно было осуществить мысль Его Величества Государя Императора насчёт возстановления ремесленной школы и земледелия в Камчатке. Соображения ваши сообщите мне с первою же имеющею отправиться по получении вами сего предложения почтою из Камчатки». В конце этого предписания Муравьёв собственноручно приписал: «Если бы, паче чаяния, сам я не успел к тому времени быть в Камчатке».

На предписание Муравьёва начальник Камчатки 16 мая 1849 г. доносит, что сельское хозяйство в Камчатке у камчадал и у крестьян плохо. Лучшие места для огородничества и хлебопашества, по словам рапорта, по р. Камчатке. Отдаленные на севере селения по укинскому и паланскому берегам, также начали усердно разводить огороды и скотоводство; но как практические занятия по земледелию недостаточно известны туземцам, то начальник Камчатки предполагает иметь опытных сельских хозяев из туземцев в каждом селении. Это, по заявлению начальника Камчатки, принесёт действительную пользу делу.

Существование ремесленной школы, если она будет находиться в Петропавловске, начальник Камчатки признаёт полезным.

Для преподавания в школе и ремесл, признаётся полезным командирование в Камчатку двух сведущих учеников земледельческого училища. Один должен заведывать хозяйственной частью школы, а другой — учебною. Практические познания в ремеслах, по словам рапорта, воспитанники приобретут, работая вместе с мастеровыми портового адмиралтейства, а также работая у вольнонаёмных мастеров под надзором своего учителя. На содержание школы испрашивается сумма 3 562 руб. в год.

Для поощрения учеников ремесленно-земледельческой школы в их занятиях, начальник Камчатки полагает полезным выпускаемых из школы с одобрительным аттестатом освобождать от платежа ясака на пять лет и таковую меру поощрения определить в виде опыта хоть на первые три выпуска, сверх всего на первое обзаведение хозяйством выдавать от казны каждому «по одной рогатой скотине или конной, приличную экипировку, делая таковые расходы из сумм, отпускаемых на опыты сельского хозяйства в Камчатке».

«Если, — пишет в сём рапорте начальник Камчатки, — вашему высокопревосходительству благоугодно будет разрешить ремонт школьных строений, и если будут присланы два ученика земледельческого училища, то школа может быть немедленно открыта, и будут приняты все подлежащая действия к исполнению мысли Его Императорского Величества».

Но в то время как изложенный проект начальника Камчатки пошёл на рассмотрение генерал-губернатора, Камчатка вступила, как упомянуто выше, в новую фазу своего существования: она была выделена в особую область под управлением военного губернатора с назначением на эту должность В. С. Завойко, для которого сельское хозяйство Камчатки составляло, как мы уже говорили, главную заботу его деятельности.

Новый военный губернатор Камчатки В. С. Завойко ещё до получения на рассмотрение проекта бывшего начальника Камчатки представил Муравёву свои соображения насчёт сельского хозяйства в Камчатке, причём он предлагал: «Прислать в лето 1851 г. двадцать дельных хлебопашцев в зачёт рекрут, снабдив их семенами и инструментами. Во время пути давать переселенцам одежду и 30 коп. в сутки взрослому мужчине и по 10 коп. в сутки на содержание женщины и малолетних, по числу душ в семье. По прибытии в порт дать им на обзаведение по 100 руб. серебром и на год солдатский паёк, а на другой год по 50 руб. серебром и паёк на девять месяцев. Разделить их и поселить на

два отряда. Собрал от природных камчадалов девиц около девятидесятилетнего возраста, отдать их в один отряд, а в другой послать камчадалских мальчиков от двенадцати-пятнадцатилетнего возраста.

Завести школы и учить земледелию и хозяйству на деле. Переселённые крестьяне должны работать двадцать лет: три дня на училище с девочками и мальчиками и три дня на себя. Для школы потребно прислать пожилую женщину с хорошей репутацией, умеющую грамоте, в смотрительницы за нравственностью девиц и для обучения девочек грамоте и молитвам. Грамоте и молитвам обучать их один раз в сутки, а остальное время зимою и летом заниматься должны камчадалския девицы с крестьянами во всех полевых работах и рукоделиях, стряпней и поскотоводству. Для девочек полезно прислать также одного семейнаго ткача со станком и самопрядом. В мужской школе полагал бы я за полезное грамоте не учить, ибо, я считаю, полезна грамота тогда крестьянину, когда его мать научит и вместе молитвам в самом нежном возрасте ребячества; для того-то я и полагал бы обучать девочек грамоте. Учителем и смотрителем для мальчиков потребно назначить старичка-крестьянина, благочестиваго, который, вероятно, должен найтись в крестьянах, которые поселятся. В мужской школе учить мальчиков ремеслам и извозу, и всему до их быта относящемуся. Но для них полезно прислать одного опытнаго воспитанника земледельческой школы для устройства мельниц и молотильных машин, что необходимо нужно, где население малое и потребность в работниках велика».

«Я надеюсь, — продолжает губернатор, — ежели завести две означенныя школы, то из этого произойдёт в среде Камчатки хлебопашество. Девицы, выйдя из школы, приобвыкши к крестьянскому труду и сделавшись матерями, оне, потерявши камчатский быт, зная грамоте и постигши религию, обучат своих детей молиться и трудиться. Мужья их, вышедши из сего заведения, не в состоянии быть охотниками и, привыкши к труду в школе, и по выходе, получая обзаведение, которое ему школа даёт своими хозяйственными способами, поневоле будет хозяин, да и начальство вправе будет требовать, дабы был непременно исполнен назначенный посев хлеба и затем уже дозволится ему заниматься, чем хочет».

Кроме заведения школ, Завойко предлагал в пополнение флотского экипажа прислать шестьдесят человек. Они, будучи первые два года со свежими силами и привычные к сохе, произведут хлебопашество в первое время с пособием всех воинских нижних

чинов в первоначальной разработке земли. После двух лет рекрут взять в обучение службе, а на обработанную землю поселить камчатских жителей и требовать новых посевов. Этими мерами, говорит губернатор, обеспечится продовольствие хлебом камчатского войска.

Представляя генерал-губернатору Муравьёву свои соображения, губернатор просит не исчислять потребной суммы на содержание и обзаведение школы. По мысли губернатора, расходы как на переселение двадцати семейств, так и на школы покроются суммою, которую Государю Императору благоугодно будет соизволить и сколько будет dobroхотных пожертвований. Для начала дела губернатор сам из собственных средств жертвует триста рублей на школу. Если бы предположения губернатора удостоились утверждения, то он просит распоряжения послать переселенцев чрез Аян, послать для них в Аян годовой запас провианта по числу душ, хлебныя и огородныя семена, а также сорок коров. Муку, по мысли губернатора, следует выслать из Кронштадта, всего три тысячи пудов. Из Аяна переселенцы будут перевезены в Камчатку на корабле.

Известно, что генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв проектировал ещё более широкия меры к улучшению быта бедствующей Камчатки. Меры эти сводятся к следующим: 1) американскую епископскую кафедру перевести в Петропавловск; 2) завести пароходное сообщение Камчатки с берегами Охотского моря (уголь, говорит Муравьёв, есть в Тигиле и близ Аяна); 3) обратить должное внимание на китобойство в Охотском море (в этом, говорит Муравьёв, заключается миллионы самого справедливого дохода; предприимчивые люди всего света, исключая русских, уже получили многия сотни миллионов с этого богатства, принадлежащего русским); 4) переселить в Камчатку три тысячи семейств русских земледельцев; переселение начать по учреждении пароходного сообщения по Охотскому морю; переселять ежегодно известное число семейств до трёх тысяч, снабжая их скотом, всем необходимым для первоначального домообзаводства.

Хлебопашество в Камчатке, говорит Муравьёв, обещает богатые плоды. Весь расход на поселение трёх тысяч семей простирается до 1 350 000 руб. Расселение трёх тысяч семейств, Муравьёв предполагал произвести в течение десяти лет, а потому и сказанная общая сумма расхода на заселение Камчатки должна была израсходоваться не сразу, а в течение десяти лет. «Огромныя средства Восточной Сибири всё бы исправили, всё бы пополнили, всё бы устроили».

При таких надеждах и сладких мечтах о недалёком будущем жила Камчатка в начале пятидесятых годов. Казалось, что вот-вот и наступят для этой отдалённой окраины благие дни. Но, увы, многия причины не дали осуществиться этим ожидаемым надеждам. Главнейшая из причин та, что на третий год существования Камчатской области объектом внимания Муравьёва, благодаря открытию Невельским судоходности устья Амура, сделалась не Камчатка и смежные с нею северные округа, а Амур и Уссурийский край. Только благодаря вот этому обстоятельству все заботы о Камчатке отошли в область забвения, и с тех пор этот отдалённый уголок, только что подготовившийся занять видную роль среди российских окраин, стал клониться к постепенному упадку. Сначала был оставлен Петропавловский порт, затем из области Камчатка стала округой. После этого начали сокращаться одно за другим открытые учреждения: суд, школы, больницы и прочие.

Нельзя обойти молчанием столь славного финала, которым Камчатка закончила свои цветущие дни. Я говорю о героической защите Петропавловска от англо-французской эскадры. Эпизод этот заслуживает тем более подробного описания, что им Камчатка стяжала себе славу и им же, как бы в угоду судьбе, похоронила все мечты и надежды, воздвигнув памятник в виде трёх больших могил, украшенных тремя чугунными крестами с надписью на трёх языках: русском, английском и французском: «Здесь лежат герои, верные своему долгу и отечеству».

26-го мая 1854 г., то есть в момент самого разгара административной деятельности Завойко, была получена весть о вероятии разрыва России с Англией и Францией (А. Сильницкий. «Адмирал В. С. Завойко и его деятельность в Приамурском крае в муравьевскую эпоху». — Приамурские ведомости, № 227).

14 июля было получено известие от нашего генерального консула в Соединенных Штатах, что война между Россией, Англией и Францией объявлена и что наши восточные порты приказано привести в оборонительное положение. В то время, когда Завойко получил это известие, в состав петропавловскаго гарнизона входил 47-й флотский экипаж, численность которого с мастеровыми, престарелыми и инвалидами не превышала четырёхсот человек. Этого числа было недостаточно даже для действия при орудиях, и поэтому при орудиях были размещены писари морского ведомства, обученные, насколько позволило короткое время, к действию из пушек и из ручного оружия. Для прикрытия артиллерии и для отражения десанта людей не было. Вслед-

ствие этого 20 июля Завойко объявил жителям Петропавловска-го порта следующее воззвание:

«Получено известие, что Англия и Франция соединились с врагами христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может возгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля. Я надеюсь, что жители в случае нападения неприятеля не будут оставаться праздными зрителями боя и будут готовы с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред и что обыватели окрестных селений в случае надобности присоединятся к городским жителям. При приближении неприятеля к порту быть готовыми отразить его и немедленно удалить из города женщин и детей в безопасное место. Каждый должен позаботиться заблаговременно о своём семействе. Уведомляю вас, что я донёс его императорскому высочеству генерал-адмиралу Константину Николаевичу, что, сообразив средства к защите, надеюсь при помощи Всевышнего, при воодушевлении храброго войска и всех защитников Петропавловска отразить неприятеля.

Я пребываю в твёрдой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия всё, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови. Убеждён, что флаг Петропавловска во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Вследствие этого возвания гражданские чиновники, все жители порта, камчадалы соседних с Петропавловском деревень единодушно изъявили намерение не оставаться праздными зрителями ожидаемого боя и пожелали с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред. Ввиду этого в конце июня из волонтёров был сформирован особый отряд, который поступил под начальство правителя канцелярии губернатора коллежского асессора Лохвицкаго.

В течение последних чисел июня, весь июль и до 17 августа, дня появления в Авачинской губе англо-французской эскадры, день и ночь, при участии всех и каждого, от губернатора до журналиста его канцелярии, производилась усиленная постройка батарей и накатывание на них орудий, которые предварительно должны были быть сгружаемы с транспорта «Двина» и фрегата «Аврора», прибывших в Петропавловск случайно и увеличивших его боевые средства (транспорт «Двина» привёз в Петропавловск



людей для пополнения 47-го флотского экипажа. «Аврора» в день обнародования манифеста о войне России с Англией и Францией, 1-го апреля 1854 г., находилась в перуанской гавани Каллао. Узнав о войне, «Аврора» в виду неприятельских судов снялась с якоря и после 66-дневного, крайне бурного и утомительного плавания достигла Петропавловского порта и бросила здесь якорь. «Аврора» должна была присоединиться к японской эскадре графа Путятина, но 66-дневное плавание так утомило команду, что плыть далее Петропавловска не представлялось возможным).

Если принять во внимание малолюдность Петропавловска, слабый гарнизон, отсутствие технических приспособлений и крайнюю крутизну гор, на которых сооружались батареи, то приведение Петропавловск в течение двух с половиной месяцев в оборонительное состояние есть незабываемый показатель выдающейся энергии В. С. Завойко и его способности воодушевить подведомственных ему людей к дружной работе, которая, по словам американских газет того времени, создала твердыню в таком ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвещённых мореплавателей и который никогда не смоют волны всех пяти океанов.

Защитников Петропавловска в день появления англо-французской эскадры было 870 человек, в том числе: генерал — один, штаб-офицеров — четверо и обер-офицеров — 37, волонтёров и нижних чинов, считая в том числе писарей, денщиков, камчатских казаков и камчадалов — 837 человек. Из этого числа 284 человека находились на фрегате «Аврора» и 65 человек на транспорте «Двина». Таким образом, сухопутного гарнизона было всего 488 человек. Из числа 488 человек были выделены два стрелковых отряда в 50 и 49 человек и, кроме того, 65 человек были назначены для тушения пожаров в городе от ожидавшегося бомбардирования. Для действия на батареях в распоряжении Завойко оставалось всего 320 человек.

Батареи Петропавловска, числом семь, были расположены так: крайняя батарея № 1-й, расположенная на Сигнальном мысу и вооружённая пятью пушками, защищала вход в гавань с левой стороны. Постройка этой батареи по случаю каменистаго грунта стоила больших трудов.

Батарея № 3-й — на перешейке между Сигнальной и Никольской горами; вооружение её состояло из пяти пушек, взятых с «Авроры». Эта батарея, защищая город и гавань, расположенные непосредственно сзади неё, сама была настолько открыта, что, по

выражению одного из участников боя, у прислуги на этой батарее были закрыты одни лишь пятки. Для устройства настилки на этой батарее была употреблена деревянная площадка с «Авроры».

Батарея № 7-й — на низменности северного конца Никольской горы, ближе к городу, вооружённая шестью короткими 24-фунтовыми пушками, взятыми также с «Авроры». Орудия стояли без платформ, лесу нельзя было достать, и потому батарея не могла действовать исправно.

Сзади этих трёх батарей, под защитой Сигнальной горы, стоял в гавани фрегат «Аврора», имевший полное вооружение (22 пушки) лишь с левого борта, обращённого к выходу. Остальные орудия фрегата были размещены по береговым батареям. В одной линии с «Авророй» стал десятипушечный транспорт «Двина», также с половинным числом орудий. Эти суда в упор защищали гавань. Командирам «Авроры» и «Двины» было приказано обороняться до последней крайности, а затем зажечь суда, свести команды на берег и присоединить их к отрядам.

На кошке, идущей от материка к Сигнальной горе, у самого берега была расположена батарея № 2-й, защищённая прочным бруствером, только что оконченным перед приходом неприятеля. Эта батарея была сильнейшим из всех петропавловских укреплений.

Верстах в двух южнее батареи № 2-й, ближе ко входу в Авачинскую губу, на отлогости горы Красный Яр находилась трёхпушечная батарея № 4-й.

С северной стороны города, за Никольской горой, у озера Култушного, по берегу которого идёт дорога в город в обход горы, была построена батарея № 6-й, вооружённая четырьмя пушками с транспорта «Двина». Эта батарея могла действовать лишь по высадившемуся неприятелю, который двинулся бы в обход Никольской горы.

Вооружение Петропавловска состояло всего из 60 орудий: 33 на шести береговых батареях и 27 орудий «Авроры» и «Двины». На каждое орудие было по 27 зарядов. Утром 17-го (29-го) августа 1854 г. в Авачинской губе появился трёхмачтовый английский пароход под американским флагом. Пароход вне выстрелов с батареи занялся промером глубины, а затем направился к выходу.

18-го августа вечером союзная эскадра под начальством контр-адмиралов: английского Прайса и французского Феврие-де-Пуанта вошла в Авачинскую губу. Всего на эскадре было более 205 орудий. После незначительной с обеих сторон перестрелки грозная эскадра стала на якорь вне выстрелов с наших батарей.

Ночь прошла спокойно. Рано утром 19-го августа на эскадре началось движение, к Раковому мысу были высланы три шлюпки для промера; пароход стал бросать бомбы через перешеек, Сигнальную и Никольскую горы; фрегаты также стреляли через батарею № 1-й, но около полудня все приготовления внезапно прекратились. Это произошло потому, что английский адмирал Прайс застрелился.

20-го августа (1 сентября) с раннего утра движение на эскадре усилилось. Генерал Завойко в ожидании десанта на батарею № 4-й поставил отряд стрелков и волонтеров, всего около ста человек, между батареями № 2-й и № 4-й, на высоте, в кустах; другой отряд был расположен у Сигнальной горы, а третий в городе — для тушения пожаров. Отрядам приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками.

В половине восьмого утра генерал Завойко пригласил священника на батарею № 1-й отслужить молебен. Во время чтения св. Евангелия с неприятельской эскадры раздался пушечный выстрел и над головами молящихся пронеслось ядро. Английский пароход взял на буксир три фрегата (два с боков, а третий сзади), повёл их к батарее № 1-й. Прекрасный солнечный день, какие редко случаются в пасмурной Камчатке, был днём первого Петропавловского боя.

Снеговые вершины огнедышащих гор ослепительно сияли на ярком фоне неба; легкий ветерок чуть заметно играл крепостным флагом на Сигнальной батарее (№ 1-й). Весь гарнизон на местах; тёмная масса судов медленно, с огромными усилиями подвигалась к берегу. «Ребята, видите? — сказал Завойко, указывая на грозные суда. — Многие из нас умрут славною смертью; последняя наша молитва должна быть за Царя!»

Пароход между тем отдал буксиры; фрегаты выстроились в линию. С батареи Красного Яра (№ 4-й) раздаётся выстрел; неприятельские фрегаты отвечают ядрами и бомбами. Между нашими ближайшими к неприятелю батареями (№ 1-й и 4-й) и его судами разгорается оживлённая канонада. Идёт неравный бой наших восьми орудий против восьмидесяти неприятельской эскадры.

Командир батареи № 1-й лейтенант Гаврилов, раненый в голову и ногу, не оставляет своего места, но держаться более невозможно: платформы засыпаны землей выше колес, станки подбиты... Генерал Завойко, находившийся на этой батарее, приказывает заклепать орудия и оставшиеся заряды отправить на батарею № 2-й. Офицеры и команда направлены на батарею № 4-й, кото-

рой угрожал десант. Вместе с тем Завойко распорядился, чтобы командиры батарей № 3-й, 6-й и 7-й, не участвовавших в деле, оставя у орудий по два человека, шли со своими командами против неприятеля, если он, овладев батареей № 4-й, двинется на батарею № 2-й или к городу. Сам губернатор отправился в город и привёл оттуда третий стрелковый отряд на батарею № 2-й, где к нему присоединился высланный по его приказанию с фрегата «Авроры» отряд (32 человека) под начальством мичмана Фесуна.

А тем временем неприятель на тринадцати гребных судах и двух ботах вёз десант на отлогий берег горы Красный Яр. Командир расположенной здесь батареи (№ 4-й) мичман Попов, видя невозможность держаться против шестисот человек, спрятав оставшийся порох в потайное место, заклепал свои три пушки и с 28 человеками прислуги стал отступать по направлению к городу.

Но едва лишь французы высадились на батарею Красного Яра и с восторженными кликами водрузили своё знамя, с английского парохода бомба по ошибке ударила в самую их середину. Не успели они опомниться, как наш фрегат и транспорт открыли по ним меткий огонь. В тоже время отступавший было мичман Попов, соединившись с отрядами, посланными с «Авроры» и из города, с криком «ура!» бросился назад на батарею. Неприятельский десант бегом пустился к шлюпкам. Окрестные горы Петропавловска огласились радостным «ура» защитников.

Заставив умолкнуть две наши передовые батареи, три неприятельских фрегата и пароход подошли ближе и из восьмидесяти орудий открыли сильнейший огонь по батарее № 2-й, действовавшей лишь из десяти орудий и составлявшей теперь единственное препятствие к нападению на «Аврору» и «Двину».

Эти последние не могли оказать содействия батарее, так как неприятельские суда были укрыты от огня наших судов Сигнальною горою. Несмотря, однако, на такое огромное неравенство сил, батарея № 2-й под умелым и энергическим руководством лейтенанта князя МаксUTOва (Дмитрия) действовала героически и, засыпаемая неприятельскими снарядами, выдержала девятичасовой упорный бой, заставив неприятельские суда к шести часам вечера отойти на прежнее якорное место.

Во время этого боя мичман Фесун под сильнейшим неприятельским огнём перевёз на катере порох с «Авроры» на батарею № 2-й. Характерная черта в действиях этой батареи та, что она, не отвечая на дальние выстрелы судов, открывала учащённую пальбу, лишь только суда подавались ближе. Заслуживает упоминания

и тот факт, что на этой батарее для подачи зарядов служили мальчики двенадцати-четырнадцати лет. Одному из этих детей-героев, Матвеем Хромовскому, ранило руку. Малолетний Хромовский, по свидетельству Завойко, с удивительною твердостью духа перенес операцию, состоявшую в отнятии руки. Все дети во время сражения исполняли свои обязанности с превосходною расторопностью и были так веселы, что, как говорит донесение В. С. Завойко великому князю, по окончании боя начинали спускать в воду бумажные кораблики.

Во время единоборства батареи № 2-й с неприятельскими фрегатами английский пароход под защитой дыма два раза пытался форсировать проход в Петропавловскую гавань, но, встречаемый сосредоточенным огнём «Авроры», «Двины» и батареи № 2-й, оба раза быстро отходил назад. Не удалась также и попытка высадить десант на перешейке у батареи № 3-й: меткое ядро этой батареи потопило неприятельскую шлюпку с людьми фрегата «Эвридика».

Потеря наша в первом бою (20 августа): шесть убитых и тринадцать раненых (в том числе лейтенант Гаврилов). Потеря неприятеля неизвестна; своих убитых и раненых на Красном Яре он подобрал с собою. Повреждения на неприятельских судах, по видимому, были немаловажны: всю ночь на них раздавался стук плотничьих работ. Значительныя повреждения, причинённые бомбардировкой в наших трёх батареях (№ 1-й, 2-й и 4-й), за ночь были исправлены, заряды и прислуга пополнены и к следующему утру батареи были готовы снова открыть огонь, за исключением трёх орудий, заклёпанных на батарее Красного Яра.

Следующие два дня (21-го и 22-го августа) прошли спокойно. Защитники Петропавловска приготовились за это время встретить новое нападение. Это последнее, состоявшееся 24-го августа, было задумано уже с другой стороны, по совету двух американцев, которых союзники встретили в Тарьинской бухте на похоронах английского адмирала. Американцы подали союзникам мысль атаковать Петропавловск с северной стороны, где, как сказано выше, пролегалла дорога между Никольской горой и Култучным озером, которая вела прямо в город через батарею № 6-й. Уже вечером 23-го августа с перешейка (батарея № 3-й) замечено было необыкновенное движение на неприятельской эскадре. С туманным разсветом 24-го августа на наших батареях заметили движение парохода. На гауптвахте Петропавловска ударили тревогу, губернатор обошёл батареи, суда и отдельные отряды. На его привет-

ствия везде слышался один ответ: «Умрем, а не сдадимся!» К семи с половиной часам утра туман рассеялся, и пароход, взяв с боков по фрегату, повёл их к батарее № 3-й, которая первая открыла огонь. Английский фрегат, будучи на буксире, ответил ей целым бортом. Командир батареи № 2-й (князь Александр Максутов 2-й) продолжал действовать успешно: первым ядром был сбит английский флаг. Английский фрегат на буксире прошёл дальше к батарее № 7-й и стал на якорь, а против батареи № 3-й стал французский фрегат и открыл по ней жесточайший огонь: весь перешеек буквально был изрыт ядрами. Пятипушечная, совершенно открытая, батарея первое время действовала успешно против тридцати пушек фрегата. Каждое ядро попадало в оснастку или в корпус, но по прошествии получаса из пяти пушек остается лишь одна, остальные приведены в негодность, половина прислуги ранена и перебита.

Неприятель, пользуясь этим, свозит десант. Князь А. Максутов бросается к единственной уцелевшей пушке, наводит её, и большой французский катер вместе с десантом идёт ко дну. Фрегат в отместку даёт залп целым бортом. Ураган ядер и бомб несётся над батареей; она вся в дыму и обломках. Князь Максутов падает с оторванной рукой, а неприятель посылает залп за залпом, подбивает последнее русское орудие и свозит, наконец, десант.

В то же время английский фрегат по северную сторону Никольской горы громит батарею № 7-й капитан-лейтенанта Кораллова. Защищённая земляным валом, эта батарея держалась несколько долее, но, наконец, и её 24-фунтовые короткия пушки сбиты и засыпаны землей. Кораллов, раненый деревянным обломком в голову, уведён с батареи. Неприятель приступает к высадке: двадцать три гребных судна и два бота с войсками в количестве девятист человек под прикрытием парохода, открывшего пальбу через головы своих, направляются к берегу. За десантом следует на шлюпке французский адмирал Феврие-де-Пуант с обнажённой шпагой. Высадившись на батарею № 7-й, неприятель разделяется на три отряда и ведёт атаку: два отряда поднимаются на Никольскую гору, а третий идёт в обход против батареи № 6-й. Две попытки овладеть этой батареей отражены картечью, и неприятель, унося с собой убитых и раненых, поворачивает также в гору, вслед первым двум отрядам.

Завойко, убедившись, что озёрной батарее больше не грозит опасность, посылает два отряда: лейтенанта Анкудинова и мичмана Михайлова, по тридцать человек каждый, занять гребень

горы в помощь находившимся там шестнадцати стрелкам, приказав командиру «Авроры» отрядить туда же столько людей, сколько окажется возможным.

В это время часть французов и англичан уже спускалась с пальбой с северной оконечности Никольской горы, а другая часть, распространившись по гребню, вошла в связь с высадившимися на перешейке. С этой стороны неприятель открыл огонь по «Авроре» и «Двине». У северной оконечности Никольской горы неприятель отброшен огнём орудий батареи № 6-й и огнём единственно в Петропавловске полевого орудия, бывшего под командой титулярного советника Зарудного.

В то же время отряды Анкудинова и Михайлова, а также отряды с фрегата (прапорщика Жилкина, лейтенанта Пилкина, мичмана Фесуна), с батареи № 2-й (гардемарина Давыдова) и из резерва (капитана Арбузова) числом всего около двухсот человек стройной цепью, безостановочно идут вперёд, не взирая на ружейный огонь и ручные гранаты засевшего на вершине горы в кустах неприятеля, и с криком «ура!» почти одновременно бросаются в штыки. Бой закипает на всём протяжении горы. В зелени кустов Камчатки перемешиваются красные мундиры англичан, синия и красные рубашки матросов Франции и России. В кровавой рукопашной свалке изредка, то там, то здесь слышна ружейная пальба. Неприятель дрогнул и обратился в паническое бегство: союзники толпами бросаются с высоких и крутых обрывов в море. Отступление с северной оконечности горы (у батареи № 7-й), также беспорядочное, сопровождалось меньшею потерей: неприятель бежал к шлюпкам, унося с собою трупы.

Но отступление на гребных судах было ещё бедственнее для врага. Наши отряды, засевши на обрывах, поражают удаляющихся ружейным огнём, когда они садятся в шлюпки. Из шлюпок раздавались стоны. Один баркас ушёл только под восемью веслами, на другом люди подымали вверх руки, как бы прося пощады. Несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющихся гребных суда, некоторые пускались вдогон за поспешно удаляющимися шлюпками вплавь; находили спасение немногие. Чтобы помочь своим, французский фрегат подходит ближе к берегу и открывает по защитникам Петропавловска огонь, но почти безвредный.

Вскоре неприятельская эскадра вышла из-под выстрелов и направилась в Тарьинскую бухту. В час пополудни у нас ударили отбой, и защитники Петропавловска собрались к пороховому по-

гребу, где был отслужен молебен за дарованную Господом победу. Так окончилось вторичное нападение на Петропавловск. Потери наши в деле 24-го августа: тридцать один убитый и шестьдесят пять раненых (в том числе два офицера, из них князь А. Максудов умер 10-го сентября). В городе, кроме сожжёнаго рыбнаго сарая, было повреждено шестнадцать зданий. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» тоже пострадали, хотя и незначительно, так как корпуса их были прикрыты перешейком (батареи № 3-й). Нам досталось: одно английское знамя, семь офицерских сабель и пятьдесят шесть ружей. На берегу найдено тридцать восемь неприятельских трупов. В плен взято четыре человека, из них три тяжело раненых. Потеря неприятеля в деле 24-го августа простиралась до четырёхсот человек, а всего при двух нападениях на Петропавловск — до четырёхсот пятидесяти человек. Суда союзников также оказались значительно повреждёнными: английский фрегат «Президент» был совершенно избит нашими снарядами и впоследствии с большим трудом добрался до островов Ванкувера (у берегов Америки, почти на той же — пятидесятой — широте, что и Петропавловск).

Донесение о блистательном поражении неприятеля было послано Муравьёву в Иркутск с князем Максудовым и было получено им 6-го ноября 1854 г.

«Радостную весть о блистательном отражении англо-французской эскадры и десанта при нападении на Петропавловский порт, — писал Муравьёв Завойко, — я получил от лейтенанта 47-го флотскаго экипажа князя Максудова. Ваше донесение я отправил с тем же офицером в Санкт-Петербург его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу.

Хладнокровие и распорядительность ваши, личное посещение всех пунктов бывших действий, при мужестве войск, одушевлённых вами, были главнейшими причинами блистательнаго отражения неприятеля. Я поставил себе приятною обязанностью представить об этом его высочеству. Прошу вас принять от меня изъявление искренней и душевной признательности, поздравить от моего имени всех тех, кои удостоились принять участие в этом деле, покрывшем новою славою русское оружие на отдалённейшем краю нашей империи. Вместе с тем уведомляю ваше превосходительство, что вместе с лейтенантом князем Максудовым я получил все представления ваши, касающиеся доставления весною будущаго года разных предметов в Камчатку и соображения ваши, относящиеся до защиты Петропавловскаго порта на случай нападения



неприятеля в будущем году. Относительно доставления в Камчатку разных предметов продовольствия и прочаго мною сделаны уже здесь надлежащая распоряжения, равно как и об отправлении по Амуру всего необходимаго для усиления Петропавловскаго порта; о некоторых же артиллерийских предметах я вхожу ныне же с представлением к его императорскому высочеству. Все эти предметы, команды и продовольствие будут сплавлены по Амуру с первою возможностью плыть по этой реке, и будут доставлены в Камчатку».

В то время как Максutow был на пути в Иркутск, Завойко готовился к вторичному нападению неприятеля в весну 1855 г. Весь петропавловский гарнизон, все вообще жители были привлечены к работам на батареях, которыя сильно пострадали от англо-французских бомб и ядер.

В то время как в Петропавловске происходили энергические работы по приведению этого города в возможность защищаться от новаго нападения, в судьбе Петропавловска произошла крупная перемена. 29-го декабря 1854 г. великий князь Константин Николаевич на представление Муравьева о предложенных им мерах к обороне Петропавловска ответил следующими словами:

«Ваше превосходительство полагает укрепить для будущаго лета Камчатку, для чего потребуются большия усилия и невероятные труды, результат коих ещё весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах, высадить порядочный десант, то едва ли все меры, которыя мы в состоянии будем принять, будут достаточны для отражения его. Если же он подобнаго нападения не предпримет, то все усилия наши не будут нужны и составят нам лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которыя мы действительно в состоянии защищать, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможности хвастаться победой. В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот и который мы в состоянии защищать, если мы соединим в нём все усилия наши, есть *не Камчатка, а Амур*, и потому не сочтёте ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военныя силы, а, напротив, оттуда вывести оныя, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морския управления упразднить, суда и экипажи вывести и все военныя способы сосредоточить на Амуру.

Мысль эту я докладывал Государю Императору и она удостое-на предварительного одобрения Его Величества».

Получив такой рескрипт его высочества, Муравьев писал Завойко следующее:

«Имея в виду таковое Высочайшее одобрение, основанное на принимаемой системе действий вообще против неприятеля и зная, что эскадра наша в здешних местах не может быть усилена и в будущем году и, следовательно, Петропавловский порт останется без всякаго благонадежнаго сообщения с устьем Амура или Аяном, а также, усматривая из полученных мною сведений, что неприятельская эскадра, действовавшая в настоящем году, усилена даже линейными кораблями, я признаю необходимым перенести из Петропавловскаго порта всё находящееся там: военные способы, морскую команду и управления, как военные, так и гражданския, в Николаевский пост, на устье Амура; оставить в Камчатском округе только управление земское с присвоением исправнику всех обязанностей, кои возложены на земских исправников малолюдных округов Сибири, и почтовую контору».

Таким образом, к концу 1855 г. участь Камчатки была решена. Центром внимания Государя и высшаго правительства *с этого времени сделался Амур и его устье*.

Жители сначала полагали, что перевод флота и администрации в Николаевск — временная мера и что по заключении мира всё придёт опять в прежний порядок. Но ожидания и надежды их не оправдались.

В. С. Завойко вышел из Авачинской губы в апреле 1855 г., и с тех пор в течение первых 33—34 лет из пяти военных губернаторов, управлявших Приморскою областью, в состав которой вошла Камчатка, ни единый не заглядывал в этот оставленный и как бы забытый край. Амур и затем вновь присоединённый Южно-Уссурийский край отвлекли всё внимание администрации. Камчатка же, а равно как и соседние с нею северные округа, Гижигинский и Охотский, остались на попечении одних лишь исправников и мелких чиновников. В первое время, когда в Камчатке оставались ещё кое-какия учреждения и казённое имущество, туда командировались чиновники для ревизии по тем или другим частям управления.

Чиновники эти объезжали иногда (в большинстве же случаев ограничивались пребыванием в одном лишь Петропавловске) селения, осведомлялись о положении и нуждах жителей, о действиях начальствующих над ними лиц, ревизовали делопроизводство и счётную часть в окружном управлении исправника и обо всём

ими усмотренном и дознанном доводили до сведения губернатора подробными, но не лишёнными субъективности отчётами. Но и это мера в скором времени была прекращена и не практиковалась со времён военного губернатора Казакевича (назначенного после Завойко в 1859 г.) до начала 1880-х гг.

Таким образом, более чем в течение двадцати лет Камчатка оставалась в исключительном и никем не контролируемом управлении исправников. Губернаторы знакомились с вверенными им северными округами по донесениям исправников и, вполне довольствуясь этими сведениями, по заведённому порядку препровождали их генерал-губернаторам. Исправники, конечно, доносили в большинстве случаев, что всё обстоит благополучно и что жители блаженствуют благодаря заботливости о них областного начальства.

Только к началу 1880-х гг., когда котиковый промысел Командорских островов стал входить в видную торговую роль и когда в целях выяснения этого вопроса начали командироваться туда то военные суда, то чиновники, Камчатка как бы вскользь, так сказать, по спопутности, стала опять посещаться свежими посторонними людьми, подававшими иногда свои мнения об этом бытом уголке нашей родины.

Насколько все эти сведения, доставляемые моряками и чиновниками, были благодетельны для жителей Камчатки, увидим из описания современного положения населения Камчатки, помещенного мною в третьей главе, здесь же не могу не выразить своего сожаления, что все эти сведения отличались односторонностью и все почти сводились к одному — житель Камчатки бедствует, а купец, эксплуатируя его, блаженствует, и что для устранения этого зла всегда почти рекомендовалось купца теснить всеми мерами, а жителя оставлять на волю Божию. Притесняя купца, стесняли в то же время и торговлю — этот главный фактор в развитии страны, который, как уже признано везде, требует поощрения, а не стеснения.

Между тем в Камчатке более чем где-либо торговля нуждается в поощрении и рациональном содействии правительства. Отдалённость и малопродуктивность края, затруднительность плавания в туманных водах, отсутствие безопасных мест для выгрузки (за исключением одной лишь Авачинской губы), риск от невозможности страховать сгруженные на берег товары, медленность и неверность обращения капиталов, огромные накладные расходы и прочее — всё это пугает предпринимателей и при положи-

тельном отсутствии мер к устранению этих неудобств ставит камчатскую торговлю в условия, не преодолеваемые никакими со стороны купцов благими намерениями.

В последнее время, когда весь вообще Приамурский край, благодаря Великому Сибирскому рельсовому пути начинает входить в роль всеветного торгового рынка, внимание к Камчатке с ее естественными богатствами начинает мало-помалу снова возрастать. Снаряжаются научные экспедиции, изучаются рыбные и вообще промысловые богатства, принимаются меры к улучшению судоходства и путей сообщения и прочее, но к чему эти заботы приведут, будет видно после.

## Глава II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКИ. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАМЧАТКИ. ВУЛКАНИЗМ И ОРОГРАФИЯ ПОЛУОСТРОВА. КРАТКИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКИЯ СВЕДЕНИЯ. КЛИМАТ, ХЛЕБОПАШЕСТВО И СКОТОВОДСТВО. ФАУНА И ФЛОРА

Крашенинников, рассматривая вопрос о происхождении наименования полуострова Камчатки, говорит, что некоторые производят слово «Камчатка» от слова «Канчата», имени легендарного воина, будто бы жившего когда-то на самой большой реке полуострова, прозванной по этому Канчатаю, а отсюда это название, переделанное казаками в «Камчатку», перешло на весь полуостров, орошаемый этою рекою.

В этом объяснении происхождения названия «Камчатка» сам Крашенинников сильно сомневается, так как от природных жителей полуострова при всём своём старании он не мог узнать ничего ни о сказочном герое, ни о реке, где он жил. Среди камчадалов ни о каком герое Канчате, ни о каком другом в этом роде легенды не существует. К тому же, добавляет Крашенинников, «камчадалы ни рек, ни озер, ни гор именем людей не называют, но дают им имена по некоторым свойственным им качествам» и «что Камчатка река самими камчадалами называется не Канчатою, а Уйкуял, что значит на их языке “Большая река”».

Вследствие таких доводов Крашенинников более склонен произвести слово «Камчатка» от корякского слова «хончало», искаженного из слова «коач-ай», что значит «житель реки Еловки». Коряки как северные соседи камчадалов по местным условиям должны были познакомиться с ними чрез жителей р. Еловки, и прозвище, данное ими еловцами, перенесли впоследствии и на

всех жителей полуострова. Таким образом, по Крашенинникову, «Камчатка» произошло из «хончало», а «хончало» из слова «коач-ай».

Крашенинников был в Камчатке в то время, когда она только что была завоёвана казаками и, следовательно, речь аборигенов страны застал ещё, так сказать, в целости, без всякой примеси постороннего элемента, а потому объяснение его, имеющее опору в способности русских извращать иноземные названия до неузнаваемости, бесспорно, имеет за собою известную степень вероятия. Не посягая нисколько на правдоподобность толкований Крашенинникова, я в то же время нахожу не лишним упомянуть, что слово «Камчатка» существует в употреблении среди донских казаков в наше время. В области Войска Донского, которую, бесспорно, следует признать родоначальницею якутских казаков, можно и теперь встретить выражение: это место ровное, степное, а то искомканное, комовое, камчатое, то есть изрытое, покрытое неровностями.

Слово «комовое» и «камчатое» применяется и к предметам, когда нужно выразить понятие присущей предмету уродливости, неправильности. Для примера могу указать на один род дыни, семена которой имеют крайне искажённую форму и которая повсеместно на Дону называется «камчаткою» или «комовкою». Нет никаких оснований допускать, чтобы этот сорт дыни получил название от полуострова Камчатки, а, скорее, можно думать, что этот полуостров назван казаками под влиянием тех же впечатлений, под влиянием которых они прозвали указанный сорт дыни по бугроватости её семян. Исходя из этого, я склонен думать, что первые из посетивших Камчатку казаков, рассказывая своим товарищам вынесенные ими впечатления о вновь открытой стране, как сильно гористой, покрытой всевозможными скалами и выступами, словом, искомканной (выражаясь донским наречием), прозвали её Камчаткой или Комовой.

Одновременно со мною прибыл в Петропавловск один уроженец области Войска Донского, и когда мы, воспользовавшись первым ясным днём, взойшли на Петровскую (у подножия которой расположен Петропавловск) гору, чтобы полюбоваться окрестностями, то первое, что я услышал от этого донца, было выражение: «Ну и правда комчатка». На мой вопрос, что это значит, он объяснил мне, что на Дону для выражения понятия о такой местности, какая представлялась нашему взору, существует слово «комчатое» или «комовое».

Первые сведения о Камчатке, доставленные завоевателями её казаками, очевидно, не могли быть строго определёнными, даю-

щими хотя приблизительное понятие о географии страны. В начале семнадцатого столетия, хотя и было в обыкновении предписывать воеводам, пятидесятникам чтобы они всегда старались о составлении чертежей и ландкарт завоёванных земель, и хотя эти сведения, быть может, и доставлялись ими, но придавать какое-либо определённое значение этим документам, безспорно, нельзя. Даже такие лица, как Козьма Соколов, которому принадлежит честь первого открывателя морского пути в Камчатку, шёл туда ощупью и, в свою очередь, не оставлял за собою никаких географически определённых мест и пунктов.

Первая экспедиция, снаряженная по указу Петра Великого с целью описания берегов Камчатки и Курильских островов, относится к 1719 г. и состояла под управлением геодезистов Лужина и Евреинова, которые прибыли в Камчатку в 1720 г. и проследовали от устья Большой реки на юг к Курильской гряде. Эта поездка не принесла никаких видимых плодов в смысле описания виденных стран. Первая экспедиция Беринга (1725—1730 гг.) на всём своём пути от Охотска к Берингову морю сделала только несколько определений одних лишь широт и обозначила направление камчатского берега к северу. Экспедиция Шестакова (1727—1732 гг.) имела более военный характер и, хотя простирала плавание к Курильским и Шантарским островам и даже к Америке, но никаких определений не делала и не доставила никаких сведений.

Более или менее точные сведения о географическом положении Камчатки начинаются со второй экспедиции Беринга (1733—1743 гг.), когда было сделано несколько астрономических наблюдений, послуживших опорными пунктами для дальнейших работ, произведённых впоследствии некоторыми членами этой экспедиции, оставшимися на службе в Охотске после её окончания. Во время действий экспедиции описание южной части полуострова Камчатки было поручено штурману Елагину (в 1739 г.), который составил карту берега от Большерецка до мыса Лопатки и отсюда до Авачинской губы.

Западный берег был впоследствии описан геодезистами Ушаковым в 1742 г. от Большерецка до р. Паланы (севернее Тигиля) и Елистратовым в 1787 г. от Тигиля до р. Пенжины. Ушаков, начавший 1-го марта 1742 г. опись от р. Воровской (54,5° ш.), достиг 15 апреля р. Паланы (59° ш.), откуда был принужден возвратиться по неприязненности жителей. Потом, с 26-го мая по 4-е июня, он описал берег от р. Воровской к югу до Большерецка (53,75° ш.). Опись производилась с берега с астрольбиею и цепью,

причём экспедиция состояла из трёх человек и передвигалась на собаках (сведения эти, а равно как и последующия, относящиеся к описанию западного берега, взяты из брошюры неизвестного мне автора под заглавием «Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова»).

Описанный берег до р. Белоголовой (57° ш.) довольно ровный, низменный и болотистый. Горы сопровождают его сперва в расстоянии вёрст пятьдесят, потом ближе. Леса в расстоянии от четырёх до пятнадцати вёрст от берега мелкие. Множество впадающих в море речек, быстрых и неглубоких, с камчадалскими острожками почти на каждой.

22 июня 1787 г. Елистратов был послан из Тигиля со штурманским учеником Песковым на двух байдарках с командою в двадцать человек. Они прошли р. Таловку и доходили до р. Пенжины, но не были допущены коряками вверх по реке. Пройденные ими берега вообще утесисты, с моря окаймлены подводными и наружными камнями. На пути своём Елистратов посетил камчадалов, живших между Тигилем и р. Лесной, и сделал этнографическое описание их.

Описание восточного берега Камчатки производилось: 1) Елагиным в 1739 г., от Лопатки до Авачи; 2) гардемаринном Юрловым в 1742 г.; 3) геодезистом Гилёвым в 1790 г., от Авачи до Лопатки и далее Курильские острова и, в то же время, от Авачи до мыса Шипунскаго унтер-офицером Худяковым. Кроме того, в начале текущего столетия, с открытием кругосветного пути, в этом деле принимают участие члены кругосветных экспедиций, из которых большую часть работ с разбором всего предшествующаго произвёл капитан Литке в 1828 г.

Наконец, в 1830—1835 гг. по распоряжению правителя Камчатки Голенищева совершена была детальная опись восточного побережья штурманами Ильиным и Скрыповым, работы которых вошли в карту, изданную Гидрографическим департаментом в 1851 г. С тех пор никаких специальных описаний берегов полуострова Камчатки не было, если не считать отдельные съёмки, производимыя в разное время крейсирующими в тех водах судами нашей Тихоокеанской флотилии.

Полуостров Камчатка составляет одну из самых отдалённых северо-восточных окраин нашего обширнаго отечества, и если Сибирь, по изстари установившемуся мнению русского народа, является синонимом страны холодной и угрюмой, то тем более восточная приокеанская ея часть, то есть Камчатка, рисуется та-

ковою в воображении многих знающих о ней лишь то, что она где-то за Сибирью и притом неизмеримо далеко. На самом же деле, если взгляд такой и имеет известную долю справедливости, то благодаря лишь особым местным условиям, а не в силу географического положения, ставящаго Камчатку наряду, и даже выше, с губерниями средней полосы европейской России. С одной стороны, Камчатка как полуостров, омываемый на протяжении девяти десятых своего контура водою, с другой, как страна, не заходящая своими северными пределами далее шестидесятих градусов широты, стоит в условиях, дающих повод ожидать в ней всех благ природы для жизни и даже процветания ея.

Полуостров Камчатка с востока и юго-востока на протяжении тысячи вёрст омывается Великим океаном, носящим в этом месте название Камчатского моря. С запада и северо-запада на расстоянии около 1 400 вёрст полуостров прилегает к Охотскому морю с Пенжинской губой. Южная оконечность Камчатки отделяется от Курильской гряды проливом «Первым» и только северо-восточной своею оконечностью, шириною около ста вёрст она примыкает к суше. Залегая в таких границах, Камчатка в форме несколько изогнутого эллипсиса простирается с юго-юго-запада на северо-северо-восток на 1 200 вёрст и занимает пространство между  $51^{\circ}$  и  $61^{\circ}$  северной широты и между  $125^{\circ}$  и  $133^{\circ}$  восточной долготы, что делает разницу во времени восхода солнца с Петербургом почти на девять часов. Оканчиваясь на юг под  $51^{\circ}$  с. ш. низким мысом, носящим название «Лопатка» (по сходству формы его с костью позвоночных животных — лопаткою), полуостров к северу постепенно расширяется, достигая наибольшей ширины в четыреста вёрст под  $56^{\circ}$  с. ш. и затем также постепенно суживается, отклоняясь в своём направлении на северо-восток и образуя под  $60^{\circ}$  с. ш. перешеек не более ста вёрст шириною.

Эту узкую часть, в пределах которой протекают р. Пустая к Пенжинской губе и р. Анапкой к Великому океану, Крашенинников считает началом полуострова, тогда как географическия данныя, а равно как и геологическия напластования дают более основания считать северною границею полуострова линию, соединяющую устья рек Таловки (в Пенжинскую губу) и Олюторы (в Великий океан), то есть параллель  $61—62^{\circ}$  с. ш. В районе этой параллели оканчиваются постепенным переходом в плоскогорье главныя камчатския горы с одной стороны, а с другой начинается так называемая вечно мокрая тундра, называвшаяся раньше Заносьем (а также Парапольским долом).



Топографический характер этой местности (топография — географическое и геометрическое изучение местности путём проведения съёмок и создания на их основе карт. — *Ред.*), а также некоторые, правда, чисто случайные сведения (земля замечена промерзлою на один фут (русский фут равен  $1/7$  сажени, или 12 дюймам, то есть 0,305 м. — *Ред.*), а глубже талою на полторы сажени (сажень равна трём аршинам, или семи футам, то есть 2,13 м. — *Ред.*), ещё глубже заледеневшею, далее жидкий ил, под илом камень) о геологическом напластовании ея дают повод полагать, что Заносье принадлежит к числу новейших образований, вышедших на дневную поверхность в сравнительно недавнее время. Хотя строго научных данных, подтверждающих этот взгляд, до сего времени не добыто, но, тем не менее, вероятность этого предположения усиливается ещё и тем фактом, что Заносье, по мнению некоторых этнографов, являлось некогда границею двух весьма резко отличающихся народностей — коряк и камчадалов, что, конечно, можно объяснить, допустив, что эта полоса ранее была проливом, отделяющим материк, где жили чукчи и коряки, от острова, заселённого камчадалами.

Петрографическое строение полуострова (петрография — наука о составе и происхождении горных пород. — *Ред.*), согласно мнению всех бывших там исследователей, характеризуется резким распределением трёх форм: *древне-кристаллических пород*, составляющих, так сказать, основу всего полуострова, *изверженных*, как продукт вулканической деятельности, и *осадочных*, относящихся к мезозойской эре и встречающихся на западном склоне к Охотскому морю и преимущественно в системе р. Тигиля и севернее к оконечности Пенжинской губы. Осадочных пород, кроме аллювиальных (наносных из галечника, гравия песка и глины. — *Ред.*) отложений в долинах рек, внутри полуострова, а равно как по восточному берегу его и в южной части, почти не встречается.

Составляя основной массив полуострова, кристаллические породы, как граниты, порфиры и прикрывающая их метаморфические сланцы, являются в то же время материалом, образующим главные остовы хребтов полуострова.

Естественные разрезы, образуемые механическою силою воды горных речек, дают иногда ясную картину напластований древних кристаллических пород, сопровождаемых покрывками из метаморфизованных сланцев, в большинстве случаев то неправильно приподнятых, то сброшенных, то, наконец, поставленных на голову. Базальты и трахиты, как продукт последующего за

охлаждением земной коры периода, очевидно игравшего видную роль в образовании полуострова, составляют вторую массу материала, из которого слагаются дополнительные хребты и отдельные высоты и выступы полуострова. Наконец, более новые вулканические образования, сопровождаемые обыкновенно сбросами, разселинами и заполнениями их различного вида лавами, составляют третью категорию материала для образования причудливых и в то же время полных дивного и дикаго величия петрографических картин.

Что касается осадочных пород, то участие их в образовании дневной поверхности полуострова, по-видимому, ограничено, и имеет место в западной прибрежной полосе и, главным образом, в северной части ея, вдоль берегов Пенжинской губы, где отроги главного хребта значительно понижены и местами сходят на нет. Разрезы рек этого угла дают возможность определить залежи глин, глинистых сланцев и песчаников различной конструкции и окраски. Песчаники, обнажающиеся по р. Седанке, Тигилю, Палане и прочими местами, содержат палеонтологические остатки прежней пресноводной и морской фауны.

В обнажениях Тигиля весьма часто встречаются конкреции величиною иногда до аршина (аршин равен шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*) и более в диаметре, при раскальвании которых попадают довольно часто окаменелости.

Среди осадочных пород, вероятно, третичного возраста, залегает уголь, представляющий на взгляд все стадии перехода бурых углей к чёрным углям. Лучшие выходы угля находятся в образованиях речных долин Подкагирской и Лесной, худшие — в Седанке и Тигиле.

Незначительность исследования Камчатскаго полуострова в геологическом отношении объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что эта отдалённая окраина, несмотря на самый глубокий интерес в этом направлении, до сего времени почти не посещалась специалистами-геологами, а, во-вторых, и потому, что сбор геологических коллекций, по которым специалисты могли бы и не посещая полуострова ориентироваться в строении его хребтов и возвышенностей, слишком труден и для туриста почти недоступен по местным тяжёлым условиям. Полная невозможность зимних экскурсий и благодаря отсутствию дорог затруднительное экскурсирование по хребтам и долинам летом ставят собиранье тяжёлых геологических коллекций в трудно выполнимые условия. Вследствие этого любителям-туристам, проходя

разрезы, приходится глядеть на них, видеть и ограничиваться определениями на глаз.

Из известных до сего времени геологических данных о Камчатском полуострове больше всего заслуживают внимания сведения, собранные Эрманом и Дитмаром, имевшим возможность экскурсировать в различных направлениях по полуострову по несколько раз. Подробность определений их сводится к следующему:

Кристаллические породы: гранит, сиенит, гнейс и слюдяный сланец развиты в центральной части полуострова между  $53^{\circ}$  и  $56,5^{\circ}$  ш., составляя, так сказать, остов полуострова. Отдельные выходы этих пород встречаются и в других местах (Шипунский мыс в Авачинской губе и по верховьям р. Начики). С запада и востока центрального остова залегают глинистые и метаморфические сланцы, образующие отроги и второстепенные хребты, причём эти сланцы настолько видоизменены, что едва сохранили свою слоистость. Глинистые сланцы, по-видимому, имеют незначительное распространение. Дитмар наблюдал их в виде валунов по речкам западного берега и в виде залежи в разрезах р. Лесной. По словам доктора Тюшева, чёрные глинистые сланцы выходят по берегу р. Начики, не доезжая сел. Апачи.

Третичные отложения, состоящие из песчаников с пропластками глины, содержащими остатки морских и пресноводных моллюсков, а также отпечатки двусемянных и хвойных растений, распространены по западному берегу от р. Калпаковской вплоть до перешейка полуострова, имея главные выходы по рекам Харьузовой, Ваямпольке, Седанке, Тигилю и Лесной. Третичные отложения местами прорваны базальтами и мелафирами.

Значительное участие в строении Камчатки принимают древние и новые вулканические породы, занимая не только всю (за исключением отдельных выходов) восточную половину полуострова, но и делая значительные выходы в главном Камчатском хребте, особенно начиная к северу от Ичинской сопки. Здесь встречаются трахиты, андезиты, образуя отдельные возвышенности. Почти одновременно с трахитами на дневную поверхность выступают базальты и мелафиры, образуя иногда скалистые выступы в море как по восточному, так и по западному берегу полуострова.

Ещё менее исследованы полезные ископаемые, из числа коих, несомненно, есть железная и даже медная руды, каменный уголь, сера и даже золото. В этом отношении, надо полагать, большую услугу окажет ныне действующая охотско-камчатская горная экспедиция, которой отпущены значительные средства от прави-

тельства и на которую возложено исследование залежей полезных ископаемых по всему побережью Охотского моря (по известиям, полученным в последнее время от этой экспедиции, ею найдены несомненные признаки золота в вершине р. Облуковиной, впадающей в Охотское море, примерно под  $55^{\circ}$  ш.).

В орографическом отношении полуостров имеет свои особенности, обуславливающая, с одной стороны, гидрографию страны, и с другой, некоторые климатические явления, а, следовательно, и распределение как флоры, так и фауны, и за ними и населения. При этом необходимо иметь в виду, что на орографию Камчатки, бесспорно, сильное влияние имел вулканизм.

Полуостров Камчатка, как известно, лежит в области того вулканического кольца, которое охватывает всё побережье Великого океана и представляет из себя арену, где сила подземного огня с особою интенсивностью проявляла и теперь ещё проявляет свою деятельность. В прибрежной полосе Великого океана, а равно как и в области всех его островов, вулканы распределяются то группами, иногда даже правильно — группирующимися вокруг одного главного, то рядами, простирающимися по прямым или изогнутым направлениям, иногда на значительное число вёрст. Ряды вулканов располагаются обыкновенно в виде цепи гористых, с конусообразными вершинами, островов или в виде отдельных возвышенностей по направлению какого-либо материкового горного хребта.

Число вулканов, составляющих ряд, а равно как и расстояния между ними, бывает различно. Ряд Чили, например, состоит из тридцати трёх вулканов, ряд Алеутских вулканов из сорока восьми, а Камчатский из тридцати восьми. В некоторых местах вулканы располагаются близко друг от друга и даже касаются своими основаниями один другого, как это можно наблюдать в среде камчатских вулканов (Коряцкий, Авачинский и Козельский), или же расстояние между ними измеряется милями и даже десятками миль, например, ряды Чилийский, Курильский и другие. Особенного внимания заслуживает тот факт, что вулканические ряды все почти без исключения располагаются или в прямолинейном направлении (Чили), или в дугообразном (Курильский, Алеутский и другие), но никогда в ломано-криволинейном. Иногда два или более вулканических ряда располагаются в сравнительно близком расстоянии один от другого. В этом случае в направлении их всегда замечается параллельность.

При объяснении теории вулканизма громадное значение имеет близость больших водных бассейнов. Большая часть известных

вулканов расположены или на островах, или в прибрежной полосе материков. Только весьма немногие потухшие вулканы находятся внутри материков, но и это исключение с большею вероятностью объясняется тем, что деятельность этих вулканов проявлялась в те времена, когда вблизи их были моря или озера, границы которых отодвинулись в более позднейшие геологические эпохи.

Перенося все замеченные явления относительно вообще вулканизма на полуостров Камчатку, мы видим, что эта местность по всем данным своего географического положения как нельзя более благоприятствует проявлению в недрах её этой великой подземной силы. Действительно, Камчатка находится, как уже сказано выше, в пределах великаго Тихоокеанскаго вулканическаго кольца, затем самая отдалённая внутренняя часть её находится не более 120—150 вёрст от берегов больших водных бассейнов и, кроме того, что особенно заслуживает внимания, Камчатка находится на пересечении направления двух дугообразных вулканических рядов — Курильскаго и Алеутскаго. Вследствие этих причин, Камчатка, соединяя в себе все условия к проявлению вулканическаго действия, служила, служит и бесспорно будет служить ареною действий этой могучей силы.

Геогностическая основа полуострова состоит, как уже было сказано, из древних кристаллических пород гранитов, сиенитов и порфиоров, а также из метаморфических сланцев глинистых, тальковых, хлоритовых и т. п. Эти породы, по-видимому, слагают из себя геологический центр полуострова, находящийся между 53° и 54° с. ш. В этом месте горные хребты образуют узел, от котораго, как от сердца, расходятся три главныя артерии, питающия полуостров. Узел представляет из себя высокое болотистое плоскогорие, окружённое с боков высокими горами и называемое местными жителями «Ганальскою мокрою тундрою». По вычислениям, произведённым барометрическими наблюдениями, высота этой тундры над уровнем моря достигает двух тысяч футов, причём высшая точка её находится на полпути между селением Ганалы, лежащем на притоке р. Большой, и селением Пуццино, расположенным у верховьев р. Камчатки.

Горы, отделяющия тундру от склонов к Охотскому морю, представляют из себя массивный с плоскими контурами хребет, направляющийся с севера на юг, тогда как с восточной стороны вдоль тундры тянется так называемый «Ганальский хребет», ясно видимый ещё из Петропавловска и представляющий из себя сочетание всевозможных, самой причудливой формы, отдельных

возвышенностей, представляющихся взору наблюдателя в виде зубьев исполинской пилы, почему и название этого хребта «Ганальские остряки». Ганальский хребет в северо-восточной своей части понижается, разбиваясь на несколько отрогов, спускающихся в большой распадок, которой в восточном своём углу заканчивается стройным, потухшим уже вулканом, называемым «Камчатскою вершиною».

Северо-восточные отроги Ганальскаго хребта, покрытые снегом, а равно как и склоны «Камчатской вершины», дают начало тем небольшим ключикам, которые, соединяясь всё более и более между собою, проходят чрез восточный край «Ганальской мокрой тундры» и дают начало самой реки Камчатки, которая, мчась в этом месте с быстротою водопада, чрез каких-нибудь вёрст тридцать представляет из себя уже реку, могущую питать рыбою целое селение Пушино.

С другой стороны при таких же точно источниках, но только направленных своим течением на юго-запад, окружающие хребты и мокрая тундра дают начало р. Быстрой, принадлежащей к системе р. Большой, впадающей в Охотское море. Путешественнику, находящемуся в верхней точке мокрой тундры, представляется полная возможность наблюдать, как одни ручейки текут к р. Камчатке и как другие — к Быстрой. Восточный склон тех же Ганальских хребтов и та же «Камчатская вершина» дают в то же время источники для массы небольших речёнок, направляющихся на восток и юго-восток и составляющих систему третьей водной артерии, реки Авачи и других, впадающих в Великий океан (Жупановой, Березовой).

Ганальская тундра с окружающими горами, давая начало указанным водным системам, является, в то же время, и горным узлом, от котораго направляются все главные хребты полуострова в разныя стороны. На север и на юг отсюда направляется главный Камчатский хребет, который проходит вдоль всего полуострова, сравнительно круто опускающийся к долине реки Камчатки и отлого, переходя постепенно в прибрежныя низменности, к берегам Охотскаго моря. Южная часть его, прорезавшись долиною р. Большой, теряет правильность своего направления, разбивается на несколько отдельных хребтов, получивших местныя названия «Обещанный», «Гладкий», «Ипилка», «Апчен» и другие, и, благодаря особой деятельности в этой части полуострова вулканизма, наполняет её, начиная с 52° ш., самой разнообразной формы ущельями, вершинами, обрывами и т. п.

В районе того же узла получает начало и второй камчатский хребет — Восточный, имеющий отсюда северо-восточное направление и в противоположность западному имеющий отлогие склоны к долине р. Камчатки и крутые, даже обрывистые уступы к берегу океана. Этот Восточный хребет следовало бы считать продолжением Ганальских гор, от которых он отделён только тем распадком, где берёт начало р. Камчатка, и который образовался, очевидно, благодаря появлению на дневную поверхность вулкана «Камчатская вершина». Ганальский хребет, направляясь на юг, начиная с  $53^{\circ}$  с. ш., постепенно спускается и переходит в ту же мокрую тундру высотой до двух тысяч футов над уровнем моря, служащую водоразделом ручьёв и речек — системы р. Большой и р. Авачи. Вследствие такого расположения Ганальского хребта и его отрогов, а равно как и неприступности их, летний путь из долины р. Авачи (из с. Корятского в селение Ганалы) в верховья р. Камчатки лежит чрез упомянутую мокрую тундру в с. Начики, в с. Малки, расположенную на р. Большой, и вверх по р. Быстрой до с. Ганалы, то есть, путь этот удлиняется по крайней мере раза в три.

От Ганальского горного узла получают начало и несколько других, второстепенных хребтов, из которых выдаются рельефнее других Пиничевский и Жупановский. Оба эти хребта начинаются от «Камчатской вершины» и направляются: Пиначевский на юго-юго-восток к Петропавловскому мысу с включением всех возвышенностей Авачинской группы и вулканов, а Жупановский — на юго-восток к Шипунскому мысу. Наибольшая возвышенность этого последнего хребта называется Жупановскою сопкою.

Главный Камчатский хребет, наполнивший своими разветвлениями всю южную часть полуострова, проходит западной стороной Ганальского горного узла и направляется, как сказано выше, вдоль всего полуострова на север с небольшим под конец отклонением на северо-восток. Самая высшая точка его находится приблизительно под  $56^{\circ}$  с. ш., где возвышается одна из самых колоссальных камчатских вершин, потухший Ичинский вулкан, покрытый со всеми побочными своими возвышениями вечным снегом и, по рассказам жителей, даже льдом. От этого места, которое в то же время приходится, примерно, в самой широкой части полуострова, главный хребет понижается как к югу, по направлению к Ганальскому узлу, так равно и к северо-северо-востоку, проходит самую узкую часть полуострова, в районе реки Пустой и Ананкоя, и, дойдя с постепенным понижением  $61^{\circ}$  с. ш., переходит в плоскогорье и в тундристое пространство, называемое «Парапольским долом»,

или «Заносьем». Этот хребет в климатическом отношении, а равно как и в жизни населения играет видную роль. Защищая внутреннюю часть полуострова от влияния холода Охотского моря, он, в то же время даёт начало многим рекам, сбегаящим с его западных отлогих склонов и служащим удобным местожительством инородцев.

Этот хребет отделяет от всего полуострова западную прибрежную полосу, расширяющуюся местами, где хребет отходит от берега вёрст на пятьдесят и даже более. Хребет, спускаясь к Охотскому морю отрогами, переходящими в большинстве случаев в прибрежную низменность, изрезывает эту местность поперечными падами, служащими руслом для многих речек, текущих по параллелям к Охотскому морю. Таких речек насчитывают до ста восемнадцати, и большая часть из них, протекая нижним своим течением по низменному и мягкому грунту, подверженному в то же время силе морских приливов, являются весьма удобными для промысла рыбы. В этом обстоятельстве и кроется, между прочим, причина, почему западная полоса, несмотря на всю непривлекательность климата ея, является одним из населённых (конечно, сравнительно) мест всего полуострова. Из рек этой местности более всего заселены: Тигиль, Подкагирная, Лесная, Паланская, Ичинская, Воровская, Большая и другие. Некоторые из них по величине своей, как, например, Тигиль и Большая, дают возможность к поселению двух и даже более селений, тогда как остальные только по одному и только невдалеке от устьев.

Второй Камчатский хребет — Восточный, называемый иногда Мильковским, Верхне-Камчатским, Валагинским и прочим, наполняет своими отрогами всё пространство, ограниченное долиной р. Авачи, Ганальским горным узлом и долиною р. Камчатки с одной стороны и берегом Великого океана с другой. Под 56° с. ш. он прорезывается рекою Камчаткою (Камчатския щёки) и направляется далее к берегам Кронотского залива, где и соединяется с отрогами главного западного хребта. Восточный хребет несколько ниже западного, но так как вулканическая деятельность проявилась здесь с большою силою, то и вид его, представляющийся взору наблюдателя, полон дикаго величия и не поддающейся описанию грандиозности. Отлого спускаясь к долине Камчатки, он в то же время крутыми обрывами и неприступными скалами наполняет всё восточное побережье. Склоны его местами далеко выступают в море и, хотя образуют заливы и бухты, но вследствие подводных камней и открытости с моря, все они, за исключением



одной лишь знаменитой Авачинской губы, мало доступны для мореплавателей. Вследствие той же крутизны восточных склонов, восточное побережье мало имеет распадков и долин для скопления вод в виде рек. Реки этого побережья, за исключением немногих, носят характер быстрых горных потоков, непригодных для рыбных промыслов, а потому и не имеющих значения для населения. Из рек этого побережья только пять, кроме Камчатки, находящейся в исключительных условиях, могут удовлетворять потребностям камчадальского поселения.

Если признать Ганальский хребет за продолжение Восточного, то сей последний, следовательно, пройдя Ганальский горный узел, переходит в южную часть полуострова, где разбивается совместно с западным на несколько второстепенных гребней, заполняющих эту местность в самых разнообразных формах и направлениях. К таким второстепенным хребтам, получившим от жителей местные названия, принадлежат: Ольховый, Топольевый и прочие, служащие истоками правых притоков р. Авачи. Из вершин этой местности, хотя и небольших, но по форме заслуживающих внимания, выделяются две Топольевыя сопки, остатки прежней деятельности вулканических сил.

Далее на юг и юго-запад проходят гребни Поперечный и Вацкажац, между которыми берёт начало р. Корякская, один из больших притоков Авачи, а затем Халзан, Шанка и Ипукых, служащие уже истоками для притоков р. Большой, текущей в Охотское море. Из рек этой системы, протекающих в этой нагорной местности, заслуживает внимания Начика, берущая начало из озера, расположенного у подножия хребта Вацкажац, тогда как правые истоки ея получают начало на мокрой тундре, с которой сбегают ручейки и в р. Корякскую. В этой же горной местности расположено и с. Начика, из котораго идут два пути — чрез с. Апачу в Большерецк и на р. Быструю в с. Малку, а затем в Ганалы и далее в вершину Камчатки, Ещё далее идут хребты: Обещанный, Гладкий и другие, которые можно признать за отроги главного западного хребта.

Рельеф поверхности Камчатского полуострова сильно изменился под влиянием вулканической силы. Следы этой деятельности на полуострове повсюду. На севере она обнаруживается под 62° ш. в виде горячих ключей. На юге же, начиная с 51,5° ш., выступает целый ряд вулканов, который, бесспорно, является продолжением Курильского ряда. Мало того, при более детальном осмотре всех конических вершин полуострова, из которых большинство пре-

кратили свою деятельность, очевидно, в доисторический период, можно провести два вулканических ряда: один западный, начинающийся потухшими вулканами по западному и юго-западному берегам Курильского озера и продолжающийся на север чрез Апачинскую (53° ш.) и Ичинскую (56°) сопки, то есть вдоль западного хребта полуострова, и второй ряд, более выдающийся, начинающийся с Кошелевской сопки (51,5° ш.) и продолжающийся на север вдоль восточного побережья полуострова.

Западный ряд по времени своей деятельности относится к более древним вулканам, из которых только два, Уташут и Апачинская сопка, по слухам (как выражается Дитмар), производили извержения ещё в историческое время. К этому ряду можно отнести следующие потухшие вулканы: Чаохч, Уташут, Ксудац, Вине, Голыгинская и Апачинская сопки, остатки древних кратеров по западному хребту, Ичинская сопка (самая высокая из потухших вулканов), потухшие кратеры на Тигильском перевале и далее конусы (базальтовые по Дитмару) Эллеулекен и Морошечная сопка.

Восточный ряд по своему происхождению более позднейший, чем западный, имеет в числе своих конусов совершенно потухшие, недавно закончившие свою деятельность и ныне действующие. Этот ряд на юге начинается Кошелевой (Камбалиной) сопкой, за которой следуют сопки: Озерная, Хадутка, Асачинская (конус провалился в 1848 г. во время землетрясения с сильным извержением пепла). Далее на север идут: Поворотная (Мутновская), Опальная и Вилучинская, из которых последняя, по правильности своего очертания и благодаря близости к берегам океана и Авачинской губы, является первою красавицей, восторгающею внимание путника, идущаго на корабле в Петропавловский порт.

Все перечисленные вулканы ныне не действуют, хотя некоторые из них, судя по отсутствию или незначительности барранкосов (глубокие эрозионные борозды, прорезающие склоны конуса в радиальном направлении. — *Ред.*), вероятно, действовали ещё в недавнее время. Мутновская сопка, хотя не постоянно, а временами, проявляет свою деятельность и в настоящее время, извергая из своих расщелин клубы водяного пара, или, как выражаются местные жители, «временами дымит».

Далее на север вслед за Авачинской губой в восточном вулканическом ряду, помимо отдельных возвышенностей, являются и группы вулканов, которые, впрочем, нисколько не нарушают правильности ряда. Большая часть этих вулканов принадлежит к самым значительным по величине Камчатским сопкам, и большинство из них

ныне действуют, обнаруживая свою деятельность извержением водяных паров, пепла и даже лавы.

Первая группа вулканов к северу от Авачинской губы, верстах в тридцати от нея, состоит из трёх сопок: Коряцкой (Стрелочной), Авачинской и Козельской. Впрочем, Козельскую сопку, по мнению всех исследователей, поднимавшихся на склоны Авачинской сопки, нельзя считать за отдельный конус, а скорее за изорванный вал, которым когда-то был окружён кратер Авачинской сопки, подобно тому, как Везувий окружён соммой. По слухам, да и вообще по всем данным, с большим вероятием можно допустить, что Авачинская сопка была когда-то гораздо больших размеров, чем она в настоящее время есть, и больше соседней с ней Коряцкой сопки.

Глубоко врезавшиеся барранкосы ея, видимые даже с Петропавловской горы, и очертания ея в виде одного лишь массивного основания конуса без шатра, застилаемого постоянно исходящими из многих трещин парами, ясно свидетельствуют, что этот вулкан пережил несколько периодов своей деятельности, проявляя её в различной степени напряжённости. Уже в историческая времена известны сильныя извержения этого вулкана, а именно в 1737 г., затем в 1827, 1855, 1878 и 1881 гг.

Крашенинников, почти свидетель (в это время плыл на судне из Охотска к Большерецку) извержения Авачинского вулкана в 1737 г., так описывает это поразительное явление:

«Октября 6 дня 1737 г. пополуночи в третьем часу началось трясение и с четверть часа продолжалось так сильно, что многия камчатския юрты обвалились и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилась на берега вода сажени на три в вышину, которая, ни мало не стояв, сбегала в море и удалилася от берегов на знатное разстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежняго, но при отлигии столь далеко она сбегала, что моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после того спустя последовали валы ужаснаго и несравненнаго трясения, а при том взлилась вода на берег в вышину сажени на тридцать, которая попрежнему ни мало не стояв, сбегала в море, и вскоре стала в берегах своих, колеблясь чрез долгое время. Перед каждым трясением слышен был под землю страшный шум и стенание. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многия бед-

ственно окончили живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами сделались».

Явление это, замечает Крашенинников, с особою силою проявилось по восточному берегу, тогда как по западному (Охотскому) в гораздо меньшей степени. Землетрясение продолжалось до весны 1738 г.

Извержение того же вулкана в 1827 г., записанное со слов жителей спутником Литке, Постельсом, началось 27 июня ночью. Сначала появилось слабое пламя на вершине горы. Около же десяти часов утра, вместе с дождём выпало значительное количество пепла. Так продолжалось три дня, причём атмосфера затемнелась и слышен был непрерывный подземный гул, сопровождавшийся периодическими ударами. Утром 29 июня чувствовали сильное колебание почвы, от которого во многих избах Авачинского селения разбились стекла и расселись брёвна. Вслед за сим последовало извержение с большим количеством пепла и дыма. К ночи густые облака дыма рассеялись и профиль вулкана ярко обозначился разноцветными огнями от вершины его до подошвы. Из самого жерла безпрестанно вылетали раскалённые камни, подобно огненным шарам и крупным искрам. После этого пепел и дым уменьшились, подземный гул затих, и в течение двух дней не происходило никаких особенных явлений, но в течение восьми дней по юго-западному склону горы, обращённому к Аваче и Петропавловску, «простиралась огненная струя и вулкан продолжал дымиться; как и прежде происходили извержения» (прямого источника у меня не было под руками, а сведения эти взяты из статьи Старицкого, помещённой в XII томе «Живописной России»).

Извержения последующих годов (1855, 1878 и 1881) отличались меньшею степенью напряжённости. К сожалению, подробных сведений о них не сохранилось, что можно объяснить до некоторой степени тем обстоятельством, что с 1855 г., как уже упоминалось выше, Камчатка лишилась своего значения и вместе с тем среди ея обитателей мало осталось интеллигентных сил, от которых как от компетентных лиц возможно было бы ожидать точных наблюдений и сведений о столь интересных явлениях. Да и в настоящее время деятельность камчатских вулканов, по силе и энергии превосходящая вулканические проявления Этны и Везувия, остаётся большею частью под наблюдением одних лишь туземцев, совершенно не способных к подобного рода деятельности. Надо думать, что Приамурский отдел ИРГО не оставит без внимания столь интересных явлений природы в районе его действий

и рано или поздно откроет в Камчатке свою метеорологическую станцию с надёжным лицом во главе и с необходимыми инструментами для наблюдений за силою подземного огня.

Авачинский вулкан «дымит» и в настоящее время, причём пары выходят из него по многим трещинам часто меняющимся. По словам жителей, временами бывают и небольшие извержения.

Доступ к этому вулкану, хотя, по-видимому, и не особенно крутому, очень затруднителен. Не говоря уже о тех препятствиях, которые представляются туристу благодаря выходу из трещин по склонам горы паров и различного рода удушливых газов, приходится пройти несколько вёрст болотами и зарослями ползучих кустарников, за которыми начинаются обвалы, провалы и т. п. Путешественники, как, например, Постельс, Дитмар и другие, пытались подниматься на Авачинский вулкан, но никто не мог достигнуть его вершины, благодаря удушливым парам и газам и прочим указанным причинам.

Спутник наш, В. Н. Тюшев, прибыв в Петропавловск на службу в 1894 г., также делал попытку подняться на Авачинский вулкан. По его словам, довольно сильное извержение этого вулкана было в октябре того же 1894 г., причём после значительного сотрясения окружающей местности и извержения тучи пепла и камней вылился поток лавы шириною сажень триста и длиною на две трети всего конуса.

В. Н. Тюшев дал мне следующее описание своего восхождения на вулкан спустя четыре месяца после указанного извержения: «Быть в Камчатке, постоянно наблюдать поразительно величественные явления вулканизма и не сделать попытки поближе взглянуть на эти проявления могучей жизнедеятельности нашей планеты как организма мне казалось невозможным. Поэтому воспользовавшись первым представившимся случаем, я с одним из Петропавловских жителей отправился к Авачинскому вулкану в середине февраля 1895 г. с целью и твёрдым намерением добраться до его вершины. В то время сопка эта ещё проявляла, иногда даже значительной напряжённости, вулканическую деятельность. Надо сказать, что с самого прибытия своего на Камчатку в апреле 1894 г. я замечал, имея всё время перед собою вид на этот вулкан, в нескольких местах его срезанной вершины, имевшей совершенно правильную конусообразную форму, по временам поднимавшееся столбы газов и паров, но настолько незначительные, что многими даже местными жителями на это не обращалось никакого внимания, и вулкан считался потухшим со времени, кажется

1870-х гг., когда, по словам местных жителей, “сопка лопнула и пустила воду”, до октября 1894 г., когда последовало сильное извержение, сопровождавшееся излившимся потоком лавы, хорошо видимым от Петропавловска в змеистой линии.

След предшествовавшего извержения до сего времени отлично сохранился в виде русла, несомненно, грязевого потока, представляя собою широкую долину заваленную сплошь горами обломков пористых и плотных лав, обломков, достигающих величины нескольких кубических сажен и других вулканических продуктов. Вид ущелий, образованных силою этого потока, прорвавшего своей стремительностью каменные гряды, встреченные им на своём пути, обожжённый и полусасыпанный рыхлыми продуктами лав, целые утёсы лавы, снесённые течением за много вёрст от вулкана, — всё это невольно наводит на мысль о той невероятной мощи, проявленной здесь вулканом, пред которой всё достигнутое человеком в получении механической силы совершенно бледнеет и представляется чем-то игрушечным.

Медленно поднимаясь в гору (местность от самого берега моря повышается по направлению к Авачинской и Коряцкой сопкам представляя собою обширное подножие этой вулканической группы), мы через несколько часов выехали на собаках на русло упомянутого выше потока, известное у всех местных жителей под названием “сухой реки”, от которой подъём становится значительнее, а с тем вместе и затруднительнее. Смотри на Коряцкую и Авачинскую сопку издали, например, с Авачинской тундры, медленно понижающаяся к Петропавловску, становится очевидной связь Мишенной горы как конечного пункта поднятий с названными сопками и общий геологический состав их (светлых цветов трахиты) на самом деле заставляет признать эту связь и общность по времени их образования.

Остановившись к вечеру у предела кустарниковой растительности (*Alnus incana*, *Pinus sembra pumila*), приблизительно на двух с половиной тысячах футов высоты, утром на другой день, всё ещё на собаках, мы отправились далее. Уже на месте остановки ясно было слышно какое-то особенное грохотание, какой-то гул, точно что-то громадное массивное рушилось и своим падением заставляло дрожать землю на далёкое расстояние. Вечером при сгустившейся темноте можно было отчётливо наблюдать поразительный гигантский фейерверк. В известных интервалах вдруг вершина вулкана освещалась красным цветом и из нея вылетал целый сноп огней, от светло-красного до тёмно-малинового цветов,

разлетавшихся кистью в разные стороны и через несколько секунд падавших на склоны вулкана. Вслед за этим из кратера показывалась раскалённая масса лавы, скатывавшаяся в одном направлении по склону и быстро темневшая.

Каждый раз, как выливалась, или, вернее сказать, выдавливалась лава и медленно скатывалась вниз, от её массы отделялись глыбы, гигантскими прыжками и с увеличивавшейся скоростью летевшие с оглушительным грохотом вниз. Иной раз мы слышали над собою какой-то свист, подобный тому, какой слышится при полёте пули, ударившейся и отскочившей от встреченного препятствия.

Смотря на всё происходившее перед нами, ясно было, что лава, моментально застывая с поверхности, колется на массу острорёберных громадной величины осколков, которые, отделившись от общего потока, несутся вниз с увеличивающейся, как сказано, быстротой, но всё ещё в раскалённом состоянии, и, ударившись где-нибудь в массивные обнажения, дробятся на более мелкие части, которые с треском летят дальше по всем направлениям, вычерчивая на тёмном фоне горы или ночного неба красные дуги.

Проходя мимо трахитовых старых обнажений и старых лавовых потоков, мы остановили собак как раз у того места, докуда достиг поток лавы названного выше извержения октября 1894 г. Отсюда подъём ещё круче. На расстоянии нескольких сажен вдоль потока снег стоял, но не всюду, так что иной раз поток, казалось, залегал на самом снегу. Придерживаясь потока, представлявшего нам собою здесь гору камней и целых утёсов, набросанных друг на друга в самом хаотическом беспорядке, мы стали подниматься вверх, намереваясь этим путём достигнуть вершины. Резко выделяющиеся в общей чёрной массе лавы своим белым цветом камни и целые пласты настолько останавливали на себе наше внимание, что мы решились, несмотря на частые взрывы, происходившие через короткий промежуток времени то там, то здесь среди потока, подойти поближе, чтобы взять образчик этой белоснежной породы.

Каково же было наше изумление, когда мы, добравшись по горячим обломкам лавы до названных белых камней, нашли не камни, а снег, удивительным образом чередовавшийся с лавовыми глыбами, ещё горячими настолько, что отбитые куски лавы невозможно было держать в руке, не охладив их предварительно в снегу.

Выбраться на вершину потока оказалось не так легко. Карабкаясь с утёса на утёс и с камня на камень всё выше и выше, выбирая при этом камни более охладившиеся, чтобы не испор-

тить тонкия подошвы местной обуви (торбаза), не раз принуждены были быстро соскакать обратно вниз, когда прямо под ногами раздавался подземный гул, предвестник взрывов. Едва успевая достигнуть основанья потока, мы наблюдали вслед за гулом, как тончайшая вулканическая пыль тонкой струёй вырывалась со страшной силой в воздух, затем тотчас же груды камней взлетала вверх, падая назад вокруг выхода газов и струи или столба пыли и пепла.

Ряд взрывов, происходивших в одном и том же месте, обуславливал конусообразное накопление лавовых обломков, образуя на крайне неровной поверхности потока несколько отдельных возвышений “бокк”. Удовлетворив своему любопытству, мы спустились вниз, следуя всё дальше вдоль самого потока. Очень часто мы проходили мимо громадных утёсов, изолированно торчавших из снежной поверхности, которые первоначально нами были приняты за начальные выступы сопки, но истинная природа которых нам скоро стала ясна. Теперь, на высоте 4 500—5 000 футов, можно было отчётливо видеть, как из кратера медленно поднимались лавовыя массы, медленно сползавшия по склону, от которых откалывались отдельные глыбы и утёсы, стремительно нёсшиеся вниз, усеяая белые склоны сопки многими чёрными тыками. И теперь видно было, как отдельные глыбы, выброшенные ужасною силою из земной глубины, описав в воздухе дугу, падали на склоны и, ударившись о скалистые обнажения, разламывались на сотни мелких камней, со свистом пролетавших высоко в воздухе над нашими головами.

Открывавшийся вид превосходил всякое описание. Далеко внизу на горизонте расстилалась безпредельная гладь Великаго океана, обширная Авачинская бухта казалась отсюда лишь небольшим озерком, позволяя различать, как на плане, все ея заливы и мысы. Прямо перед нами поднималась вершина вулкана, глухо рокотавшаго, выбрасывая с невероятной силою бомбы и скалы, и со страшным грохотом скатывавшаяся масса лавы, нагромождавшей ниже груды камней, утёсов и скал.

Немало не подозревая возможной опасности, мы подвигались вперёд, когда неожиданно в нескольких шагах от нас упала раскалённая глыба и, остановившись на мгновение, глубоко врезавшись в толщу снега и вызвав громадный столб водяных паров, покатиалась дальше, оставляя за собою след в виде глубоко взрытой в снегу борозды. После этого, несмотря на все доводы с моей стороны, что вершина близка, и достигнуть её вполне возможно,



мой спутник остался непреклонен, решив, что дальнейшее восхождение слишком опасно, что не стоит рисковать жизнью из-за удовольствия добраться до края кратера, где, говорил он, кроме горячих камней, как и где мы были, ничего “порядочного не было”».

По измерениям различных путешественников, высота Авачинского вулкана равняется: по Лаперузу — 8 424, Ленцу и Постельсу — 7 995, Литке — 8 756, Эрману — 8 912 и Бичи — 9 050 футов. Выше всех на Авачинский вулкан поднимались Постельс и Тюшев, первый на 7 000 футов, откуда он видел оба моря: Охотское и Берингово с Великим океаном, и второй — на 6 400 футов.

Другой, соседний с Авачинским, вулкан из этой группы есть Корякская, или Стрелочная, сопка, которая основанием своим соединяется с основанием Авачинской.

Вышина Корякской сопки по определению Литке 11 212 и по Эрману — 11 822 футов. По стройности и правильности очертаний Корякская сопка много превосходит Авачинскую. По историческим данным неизвестно, когда этот вулкан был в действии. Только недавно с юго-западной стороны его, немного ниже вершины, образовалась трещина, из которой в настоящее время выходит водяной пар непрерывной и сравнительно тонкой струей. Корякский вулкан представляет из себя вторую после Вилючинской сопки сторожевую башню, диким величием которой приходится любоваться путникам, подплывающим к Авачинской губе.

Следующий, ныне дымящийся вулкан — Жупановская сопка, обнаруживший свою деятельность в 1882 г. Высота ее считается 8 854 футов. Затем идут: два Шемячика (малый и большой, из которых большой дымит), Кихпинич и Узон. По свидетельству Дитмара, Шемячик в прошлом столетии был с острою коническую вершиною, но затем часть его провалилась, а в половине нынешнего столетия было даже извержение пепла и лавы.

Следующая затем сопка — Кроноцкая, которая вместе с пятью или шестью другими меньшей величины сопками окружают Кроноцкое озеро. По мнению Эрмана, Дитмара и вообще очевидцев, Кроноцкое озеро, подобно тому, как Курильское и Палланское озёра и даже Авачинская губа, представляет из себя ничто иное, как вместилище когда-то бывшего большого кратера. Все три указанных озёра находятся на некоторой высоте над окружающею местностью и окаймляются валообразными берегами, поблизости которых, вокруг озера, располагаются несколько конических вершин, бывших, очевидно, когда-то второстепенными кратерами, окружавшими один главный. Судя по окружающей местности, обилие вод

этих озёр не может пополняться стоками с окрестных вершин, а необходимо допустить, что главное питание их происходит внутренними подземными источниками.

Реки, вытекающие из этих озёр (Кроноцкая, Палана и Озерная, или Курильская), ниспадают в виде шумных водопадов с отвесных скалистых берегов, которыми окаймляются озёра, с высоты от полутора до трёх саженей, причём, по словам жителей, вода с такою силою стремится вниз, что ударяется о землю не у подножия скалы, а в некотором расстоянии от него, так что между скалою и струей водопада остаётся совершенно свободный проход. Наблюдатель может стоять у подножия скалы и любоваться, как с силою и с шумом река бежит над его головою.

Далее на север от Кроноцкой группы идут вулканы: большой и малый Толбачики, Ушкинская и Крестовская сопки и наконец самая высокая, стройная и интенсивнее других в данный момент действующая Ключевская сопка. Толбачинские вершины расположены в углу между р. Камчаткою и притоком её Толбачиком. По словам Крашенинникова, Большой Толбачик «дымил» с давних лет, но только сначала водяные пары выходили из главного кратера, а затем прекратились и показались из трещины хребта, соединяющего Большой и Малый Толбачики, ближе к Малому.

Тот же Крашенинников со слов жителей сообщает: «В 1739 г. из образовавшейся на хребте трещины выкинуло огненный шарик, которым, однако, весь лес по околежащим горам выжгло. За шариком выбросило как бы облако, которое час от часу распространилось больше, на низ отпускалось и покрыло пеплом снег вёрст на пятьдесят во все стороны. При этом извержении было небольшое землетрясение. Большее трясение земли чувствовалось несколько раньше этого, в половине декабря 1738 г. Мы ехали тогда из Большерецка и стояли станом около хребта Облукавинского. Станный шум в лесу, который сперва слышали, почитали мы за возставшую бурю, но как котлы наши с огня полетели, и мы, сидя на санках, зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясения было токмо три вала, а вал за валом следовал почти поминутно».

В настоящее время Толбачик «дымит», причём пары выходят из хребта вблизи Малого Толбачика.

Камчатский вулкан и соединенные с ним одним общим основанием Крестовская и Ушкинская сопки лежат как раз на пересечении двух дуг вулканических рядов: Курильско-Камчатской и Алеутско-Камчатской. Вследствие этого, как и следовало ожидать, сила

подземного огня в этом районе должна проявляться с большею напряжённостью, чем во всех остальных местах полуострова. И действительно, с самых древних для нас известных времён Ключевской вулкан проявлял и теперь проявляет с большою напряжённостью, сравнительно с другими, деятельность. Насколько известно, этот вулкан постоянно дымится и раза по два, по три в год выбрасывает пепел, а иногда и потоки лавы.

В окрестных местах пепел ложится иногда довольно толстым слоем, в отдалённых же (даже в Тигиле, за триста вёрст) более или менее тонким, едва заметным. Слои этого пепла с переслойками из ила часто можно видеть в размытых обрывах по берегам р. Камчатки. В настоящее время в выбрасывании паров и пепла замечается следующая особенность: днём в ясную и тихую погоду из кратера с силою вылетают непрерывно один за другим клубы или кольца (наподобие того, как при выстрелах из мортирных пушек) белого водяного пара числом восемь и затем девятый клуб или кольцо больших размеров и обязательно чёрного цвета (очевидно, с большою примесью пепла). После этого тотчас же опять следуют восемь белых и один чёрный выброс и т. д. При наблюдении же ночью, особенно в тёмную, то же явление представляется наблюдателю ещё с большим эффектом. Пары и пепел окрашиваются огненным цветом, причём вместе с пеплом вылетают иногда (мне лично пришлось видеть один раз) раскалённые бомбы, которые, описав в воздухе кривую, падают на склоны горы.

В прошлом году, в бытность мою в Камчатке, все извержения из Ключевского вулкана выбрасывались на юго-восточную сторону, обращённую к океану, причём ночью по этому склону весьма эффектно обрисовывалась огненная полоса, спускающаяся от кратера до трети шатра с ярким заревом, исходящим от нея. Был ли это поток лавы или это было отражение внутреннего огня из образовавшейся щели, до подлинности узнать не удалось. Жители же выражаются так: «Нынешний год сопка льёт лаву к морю».

Год же тому назад, по словам жителей и доктора Тюшева, имевшего случай наблюдать за кратером Ключевского вулкана из Тигиля, продукты извержения выходили прямо вверх и разбрасывались во все стороны в виде розетки (после моего выезда из Камчатки зимою 1897—1898 г., как передают очевидцы, лава выливалась с большим напряжением по направлению к селению Ключевскому).

Выдающиеся извержения Ключевского вулкана были в 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 гг.

Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» так описывает извержение Ключевского вулкана, бывшего в 1737 г. (то есть начавшагося за несколько дней до его прибытия в Камчатку): «Сей ужасный пожар начался сентября 25 числа и продолжался с неделю с такою свирепостью, что жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскалённым камнем. Пламя, которое внутри ея сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда вниз, как огненная река, с ужасным шумом. В горе слышен был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от котораго все ближния места дрожали.

Особливый страх был жителям в ночное время, ибо в темноте всё слышнее и виднее было. Конец пожара был обыкновенный, то есть извержение множества пеплу, из котораго однакож немного на землю пало для того, что всю тучу унесло в море. Вымётывает же из нея и ноздреватое камень и слитки разных веществ, в стекло превратившихся, которыя великими кусками по текущему из под нея ручью “Биокосю” находятся. После того 23 числа октября, по полудни в седьмом часу, было в нижнем Камчатском остроге такое сильное землетрясение, что многия камчатския жилища попадали, печи в казацких избах разсыпались, у церкви колокола звонили и самую тамошнюю новую церковь, которая построена из толстаго лиственничнаго лесу, так распатало, что бревна из дверных колод и из пазов совсем вон вышли; а продолжалось оно с переменною до самой весны 1738 г., однако гораздо легче прежняго».

Подробных сведений о других извержениях Ключевского вулкана не сохранилось, так как наблюдателями их, очевидно, были лишь аборигены страны. Только извержение 1853 г., бывшее во время пребывания в Камчатке Дитмара, более или менее известно. Началось оно в октябре, а окончилось в феврале следующего года. Сильный гул предшествовал извержению, причём, что всего интереснее и что наблюдается и теперь, то это то, что гул этот, наподобие глухих отдалённых раскатов грома, слышен вдали (на десятки и даже сотни вёрст) от самага вулкана, тогда как в селении Ключевском, Крестовском и других близлежащих никакого гула не слышно.

В бытность мою в Верхне-Камчатске (за триста вёрст), в Мильковском, Машурском селениях раскаты подземнаго грохота раздавались постоянно. «Ключевская сопка шумит», — как выражались жители. Чем ближе же мы приближались к вулкану, тем гул слышался нам слабее, и в селениях Ушкинском, Крестовском и Ключевском гула совершенно не было слышно. Во время извержения

1853 г. огромные потоки лавы (базальтовой) излились на восточную сторону, по направлению р. Хапичи и на западную, к с. Козыревскому. У этого селения можно проследить потоки базальтовой лавы, очевидно, нескольких периодов. Один из таких потоков образует здесь обрыв на берегу р. Камчатки. Поток этот, по всем вероятностям, появился ещё в прошлом столетии, так как он покрыт в настоящее время довольно толстым слоем земли, заросшей кустарниками и деревьями.

Воспользовавшись несколькими свободными днями, я и спутники мои решились на попытку подняться на Ключевской вулкан настолько, насколько это окажется возможным по удобствам пути туда и по состоянию погоды. Это последнее обстоятельство при подобных экскурсиях играет важную роль, так как даже на такой высоте, как подошва сопки, атмосферные осадки, дождь при низкой температуре и непроницаемый туман делают путешествие затруднительным и почти безцельным.

Группа Ключевского вулкана (Жрестовская и Ушкинская сопки) расположены на общем основании, плато, возвышающемся над общим уровнем до 4 500 футов. Кроме указанных главных вулканов, плато это имеет ещё несколько второстепенных, меньших размеров конических вершин (шатров), из которых четыре довольно симметрично окружают Ключевской шатёр. Плато начинается у самого селения Ключевского и требует для поднятия на вершину его при верховой (шагом) езде почти целый летний день. От селения до центральной оси вулкана считается двадцать четыре версты.

2-го июля 1897 г. в час дня в сопровождении проводников и любителей (охотников) из местных жителей мы тронулись из селения в юго-восточном направлении. День был ясный, температура 19,2° по Реомюру (1 градус Реомюра равен 1,25 градуса Цельсия. — *Ред.*), барометр 30,18 (дюйма, то есть 766 мм рт. ст. — *Ред.*); высота пункта отправления принята за ноль. Дорога (тропа) шла сначала берегом р. Камчатки среди кустарников шиповника (*Rosa canina*), боярышника (*Crataegus*), тальника, жимолости (*Lonicera coerulea*) и густой высокой травы, между которой особенно выделялась своими размерами так называемая «сладкая трава» из семейства зонтичных (растение это употребляется жителями в пищу). Через короткое расстояние тропа отошла от берега Камчатки и направилась лесом по направлению к сопке. Местность стала неровной, холмистой. Происхождение холмиков можно объяснить неровностями застывшей в древности лавы, которая затем покрылась слоем земли и заросла лесом и травой.

Лес состоит из крупного березняка и местами из тополей и вербы. Подлесок из тех же (боярышника, жимолости и прочих) кустарников. Тропинка, по которой пришлось ехать, представляет из себя единственный путь на сопку. Ею пользуются жители только осенью, когда отправляются на подножие вулкана за оленями и каменными баранами. Редко посещаемая тропа эта заросла кустами, почему приходилось то и дело руками отклонять ветки и сучья деревьев, нависших над дорогой, или нагибаться под них.

Через час ровной шаговой езды поднялись на высоту 600 футов, а через треть часа ещё на 400. На высоте 1 000 футов берёзовый лес заметно уменьшается, редеет и становится тоньше, ниже и неправильнее. Местами попадаются кусты рябины. Вместе с тем начинают попадаться кусты ползучаго ольховника (ольховый сланец). Далее, на высоте 1 300 футов, ольховник вытесняет все остальные деревья, местами он представляет из себя заросли, чрез которые пришлось пробираться, прорубая предварительно тропу топорами. Трава ниже, зелень в общем гораздо свежее. Попадаются белые цветочки лютиковых. Местами между кустами видны площадки, покрытыя чёрным вулканическим песком и пеплом.

К пяти часам высота 1 600 футов; берёзовый лес совершенно окончился. Ольховник и некоторые травы ещё не расцвели. Встретилось место, покрытое старой травой; очевидно, только что стаял снег. Местами едва начинает пробиваться трава и показываются жёлтые цветочки какого-то вида из лютиковых (*Ranunculus*). Кроме цветов лютика, попадаетея и *Rododendron chrysanthum*. Лошади идут гораздо медленнее, поднимая чёрную вулканическую пыль. В пять с четвертью высота 1 800 футов. Заросли ольховника усилились и приходится пробиваться не иначе, как с топором в руках.

В пять с половиной высота 2 000 футов. Растительность слабее, ольховник ниже. Начинают попадаться цветки из крестоцветных (*Cruciferae*). Ольховник ниже и реже, попадаетея брусника. Во всех промоинах и ложбинах лежит снег, окрашенный пеплом в чёрный цвет. К шести часам высота 2 600 футов, барометр 27,36; растения попадаются: *Veratrum*, *Rododendron*, *Angelica*, *Trolleus*, *Ranunculus* и *Pinus Cembra pumila* (наблюдения барометра и определение растений, по пути собранных, производил спутник В. Н. Тюшев, естественно-историческая познания которого помогали во многих отношениях).

Пользуясь последней травой для корма лошадей и небольшими кустиками ольховника и ползучаго кедровника (*Pinus cembra pumila*) для дров, остановились на ночлег, имея впереди овраг со снегом, из

под которого журчал ручеек чистой воды. Сторона оврага, обращённая к вулкану, возвышалась футов на двести и прорезывалась в нескольких местах гребешками лавовых потоков, на которых ясно можно было видеть бывшее расплавленное состояние пород. Помимо полной остеклованности с поверхности, наблюдались ещё и характерныя для лав скрученность и извитость, объясняемая поступательным движением вязко-жидкой и быстро остывавшей каменной массы. Масса эта, излитая в огромных количествах, в своём поступательном движении, встречая на пути своём всякия препятствия, должна была в силу механических законов отклоняться от прямого направления, изгибаться и, быстро остывая со своей поверхности, как стекло, трескалась на части. Осколки эти, представляя собою груды каменных глыб, выводились из первоначального своего положения дальнейшим движением огненной реки, надвигались друг на друга и образовали таким образом во многих местах по склонам вулкана целые ряды (гребни) лавовых осколков.

Течение породы в момент ея расплавленного состояния можно было видеть и из расположения пустот, пор (массы были пористы), которыя вытянуты все решительно в направлении бывшего движения лавового потока. Величина пустот сильно варьирует (от миллиметра до нескольких сантиметров по оси). Встреченная здесь лава была чрезвычайно твёрда; при откалывании издаёт металлический звук; с поверхности остеклована. Также остеклованными являются и стенки пор. На некоторых глыбах видна была слоистость, что зависело от разной окраски текших и соприкасавшихся друг с другом пород. Цвет лавы тёмно-серый, даже чёрный; реже красно-кирпичный.

Всё сказанное о лавовых потоках наблюдалось и на следующий день, при дальнейшем поднятии к вулкану.

Чудный вид представлялся нам, сидящим у своих палаток пред колоссальным шатром вулкана. На далекое расстояние были видны горы самых разнообразнейших и причудливых форм и очертаний, и между ними слегка блестящей лентой извивались поверхности рек Камчатки, Еловки и других. Видны были озёра, лагуны, кое-какие выдающиеся выступы Тигильскаго перевала, Харчинския горы с дымящимся Шивелучем и прочее, и всё это при ярко-фиолетовой окраске солнечнаго заката имело чудный, полный величия и дивной прелести вид.

В девять часов температура 7° Реомюра, барометр 27,36.

3 июля в пять часов утра температура 9° Реомюра, барометр 27,33. Небо совершенно пасмурное, затянутое густыми облаками.

Путь без тропы по шероховатой лавовой местности, местами лишь покрытой жалкой на вид травянистою растительностью. Местами попадаются ложбины, заполненные снегом и служащая руслами горных потоков. Ложбины эти прорываются горами осколков камней различной формы, тогда как края ложбин окаймлены гребнями лавовых потоков. Местами ложбины эти переходят в дикие ущелья с нависшими скалами, из-под которых с шумом и пеной вылетают каскады горных потоков. Разселины между скал заполнены снегом, переходящим иногда в ледяные пласты с пролойками из чёрного пепла и песку.

К девяти часам утра поднялись на высоту свыше 4 000 футов (считая от селения), дошли почти до самого седла, то есть гребня, которым Ключевской вулкан соединяется с Крестовской сопкой. Погода испортилась окончательно, шёл мелкий дождь и временами налетал густой туман. Густота тумана настолько была велика, что лишь с трудом можно было разглядеть предметы в расстоянии двух-трёх сажень. Кругом растительности никакой, видна лишь тёмно-серая поверхность, усеянная то там, то сям горами камней.

Дальнейшее движение стало невозможно. Проводники отказывались идти дальше, говоря, что при таком тумане, который может усилиться ещё более, и при дожде нельзя оставаться долее в местности, где нет ни корму лошадям, ни дров для варки чая. По их словам туман, продолжающийся иногда неделями, есть одна из главных опасностей в этих местах. Густота его доходит иногда до того, что всадник едва видит голову своей лошади, и тогда легко бывает сбиться с пути и в течение нескольких дней бродить без огня и горячей пищи.

В десять часов утра под дождём было решено повернуть назад. Особенно не хотелось отказаться от осмотра больших залежей льда (ледника), из-под которого вытекает целая речка, называемая жителями Студёной, и до которых, по словам проводников, оставалось пройти не более вёрст трёх.

По определению путешественников наклон скатов вулкана со всех его сторон выражается в 36—37 градусов, а высота его, считая подъём над общию местностью, определена Эрманом в 16 032, а Литке — в 16 503 футов.

Вулканическая сила, проявляющаяся безпрестанной деятельностью Ключевского вулкана, не ограничивается здесь, то есть на пересечении двух вулканических дуг, только этим. Каких-либо в сорока-пятидесяти верстах от Ключевского вулкана только по другую сторону р. Камчатки возвышается не меньшей



величины и ныне действующий вулкан Шевелуч. По массивности он едва ли уступает (если только не превосходит) Ключевскому вулкану. Величие его умалется пред сим последним благодаря лишь провалившемуся и сильно изорванному шатру его. Шевелуч не имеет правильности очертаний. Говорят, вершина его состояла когда-то из двух конусов, но в 1854 г. оба конуса провалились, оставив за этим великаном вид чего-то гигантского, но разрушенного.

Вулкан этот с незапамятных времён не обнаруживал никакой деятельности, но в 1854 г., в ночь на 18-е февраля, то есть в момент временного прекращения действий Ключевского вулкана, вершина его провалилась со страшным грохотом и треском, и началось истечение потоков лавы во все стороны. Потоки эти достигали берегов Еловки, причём выпала такая масса песку и пепла, что снег в окрестностях покрылся слоем его в один фут, следы же этих продуктов уносились даже до Тигиля. Мелкие продукты извержения Шевелуча (песок, пепел), по словам жителей, всегда бывают жёлтого цвета, почему в напластованиях речных наносов их легко отличать от продуктов Ключевского вулкана. Жители Тигиля даже пользуются этим признаком для определения, из какого вулкана донеслась до них пыль: из Ключевского (если чёрного цвета) или из Шевелуча.

Шевелучем заканчивается ряд вулканов восточного побережья. Севернее его следы вулканической деятельности проявляются лишь горячими ключами.

Нельзя обойти молчанием, не указав на факт, что в пределах приблизительно той же широты (на картах Ичинская сопка обозначена гораздо южнее действительности, на самом деле она едва-едва, что видно на глаз, южнее Ключевского вулкана), где расположены только что описанные вулканы, находится давно потухший, но по высоте и размерам (по определению Эрмана) превосходящий все камчатские вершины вулкан Ичинская сопка. Очевидно, если пересечение вулканических дуг в этой широте сказывается в историческое время деятельностью двух могучих вулканов, Шевелуча и Ключевского, то в доисторический период эта сила проявлялась колоссальным жерлом Ичинской сопки.

Местность, занимаемая Ичинскою сопкою, представляет из себя вздутие западного хребта, понижающегося отсюда постепенно во все стороны. Вздутие это простирается на несколько десятков и даже сотен вёрст в окружности и сопровождается гребнями и скалами базальтовых выходов. Вершина сопки вечно покрыта сне-

гом и окружена падами и ущельями, заполненными льдом (ледник). Ичинскую сопку Эрман называет колоссом камчатских гор.

Заканчивая описание отдельных вулканов, необходимо упомянуть о сопке «Камчатская вершина», или Баккенинг, как называют её некоторые. Сильно разрушенный вал её кратера окаймляет лавовый конус, находящийся в точке, откуда простираются остроконечные гребни — на север Восточный хребет, отделяющий бассейн р. Камчатки от р. Жупановой, и Ганальский на юг, служащий водоразделом реки Авачи с одной стороны и Большой с притоками Начика и Быстрой — с другой.

В связи с вулканической деятельностью находятся горячие ключи, очень многочисленные на Камчатском полуострове. Распространение их, а равно как и химический состав вод этих источников почти не исследованы. За исключением двух-трёх источников, выходящих на дневную поверхность в более или менее населённых местностях, об остальных сведения имеются со слов жителей-охотников и притом самого неопределённого свойства.

Более других известны, благодаря своей доступности, Паратунские, Начикинские и Малкинские источники, которыми, как известно, жители пользовались с давних времён, руководствуясь советами знахарей и своим собственным соображением. В начале текущего столетия и особенно во времена Завойко Паратунские и Малкинские ключи пользовались вниманием и служилого сословия, почему при этих источниках и были возведены для пользования больных разного рода постройки и даже больницы. Паратунские ключи, по близости их (двадцать пять вёрст) от Петропавловска по р. Паратунке, впадающей в Авачинскую губу в юго-западном её углу, и по настоящее время посещаются приезжими, почему там и теперь ещё имеются купальни в виде небольших бревенчатых срубов, прикрытых крышей и поставленных на высоких стойках над источником. Пол этих строений находится аршина на полтора над водою и имеет посредине своей отверстие с лестницей, спущенной в воду, по которой и сходят купающиеся в источник. За отсутствием посетителей, Малкинские ключи, находящиеся близ с. Малки на левом берегу р. Быстрой (приток р. Большой), совершенно заброшены, и только с трудом можно убедиться о прежде бывших здесь строениях и вообще о заботах прежнего начальства.

Некоторые из источников, по словам жителей, отличаются особенною силою напряжённости и высокою температурою. К таким источникам жители относят: Банные ключи, находящиеся у источников

реки того же имени, составляющей левый приток р. Большой, и источники Вершинские, находящиеся у подножия западного (главного) хребта в долине р. Вершинной, истока р. Двух-Юртенной, и носящая разные названия. Одни называют их Двух-Юртенскими, другие — Харчинскими или Седанкинскими и т. п. Вода этих источников выбрасывается вверх аршина на полтора-два и имеет настолько высокую температуру, что всякая живность, попавшая в неё, погибает, варится.

В значительности температуры источников мне самому лично и моим спутникам пришлось убедиться на Начикинских источниках. В один из ключиков нами была положена рыба и чрез некоторое время была доведена почти до полной сваренности.

Общий вид ключей следующий: обыкновенно по склону какой-либо горы или близ подножия ея располагается целый ряд или два, реже больше, небольших углублений, в центре которых пробивается в виде пузырьков, а иногда фонтанчиком, вода, излишек которой ручейком стекает в следующее такое же вместилище и тоже с таким же ключиком, затем в следующее и т. д., пока, наконец, не изливается в какую-либо реченьку. При этом замечено, что самые верхние ключики имеют наивысшую температуру, температура же следующих ключиков постепенно понижается. В Паратунских, например, и Начикинских источниках купаться возможно только в четвёртом или пятом ключиках, которые для этой цели углублены и расширены жителями; в выше лежащих же, по высоте температуры, купанье невозможно.

Горячие источники, обыкновенно, сопровождаются холодными ручьями или тоже ключами. В летний жаркий день можно пройти мимо источников, не заметив их. Вечером же или рано утром, когда температура воздуха понижается, присутствие источника всегда сказывается облаком пара, стоящего над ним.

Систематического и научно-точного анализа вод камчатских горячих источников не было, а если и были, то самые поверхностные и приблизительные. Например, анализ Малкинских ключей определён по осадку, выпаренному из воды их, и выражается: 0,72 кремнезёма, 0,04 серной кислоты, 0,037 глинозёма, 0,03 железной окиси, 0,022 извести и 0,143 воды. Летучия же вещества, безспорно играющая важную составную часть, определялись обыкновенно на вкус и обоняние. Обыкновенно приписывают всем вообще камчатским источникам большое содержание сероводорода, углекислоты и даже хлора. При такой гадательности анализа вопрос об исследовании вод камчатских источников остаётся открытым.

По опыту жителей, некоторых случайных посетителей и по тем немногим данным о камчатских ключах, которые сохранились с начала нынешняго столетия, известно, что воды этих источников, например, Паратунских и Малкинских, помогают от всех кожных болезней, ревматических и т. п. Приписывается им также свойство укреплять и восстанавливать силы малокровных, худосочных и вообще изнурённых и даже излечивать болезни глаз. Вода Паратунских ключей имеет отчасти слабительные свойства.

Из других, более известных горячих источников Камчатки можно указать на Явинские, Голыгинские, Апачинские (близ селений того же имени), Тимановские (содержат селитру), находящиеся в верховьях р. Авачи, Жупановские, Шемячикские, Курильские и самые северные Укинские (в долинах реки того же имени).

В прямой зависимости от распределения главных хребтов и отдельных гор камчатских находится и направление речных систем этого полуострова.

Из главного горнаго узла (Ганальской тундры), как из сердца, вытекают главные артерии — реки Камчатка, Большая и Авача, которые орошают полуостров и в тоже время служат почти единственными путями для сообщения восточнаго и западнаго побережья с внутренностью страны.

Из этого узла в северо-восточном направлении, по чудесной и обширной долине, образовавшейся между двумя главными — Западным и Восточным — хребтами, протекает р. Камчатка, орошая полуостров на протяжении почти пятисот вёрст. Под  $56^{\circ}$  ш., как раз в том треугольнике, который получится от соединения линиями трёх вершин: Ключевской, Шивелуча и Ичинской сопки, р. Камчатка, приняв с севера большой приток — Еловку, круто поворачивает на восток, проходит между Шивелучем и Ключевским вулканами, прорезывает Восточный хребет, образуя щёки с пролётом в сто саженей шириною, и в той же широте впадает в Восточный океан.

Долина р. Камчатки, образуемая двумя хребтами, по мере удаления их друг от друга, к северу постепенно расширяется, дойдя до наибольших своих размеров в пределах той же  $56^{\circ}$  широты. В Щёках она суживается до минимума, затем снова расширяется, образуя большую котловину, окружённую горами, где находится Нижне-Камчатск, перенесённый туда ещё Павлуцким и Мерлиным в 1740-х гг.

Ниже этого селения вёрст на пять или шесть р. Камчатка выходит из гор и на протяжении вёрст двадцати пяти протекает до самаго устья по тундристой низменности.

Восточный и Западный хребты в верховьях р. Камчатки, образуя в общем узкую, сравнительно, долину, местами спускаются ясно очерченными террасами; и где появляются эти террасы, там долина несколько расширяется, представляя из себя как бы котлообразное вместилище. Впечатление остаётся такое: как будто всё нынешнее верхнее течение Камчатки представляло когда-то из себя ряд озёр, соединённых друг с другом протоками. По мере того как протоки углублялись, озёра сбывали, оставляя берега свои в виде террас, пока, наконец, из прежних озёр и протоков не образовалось русло нынешней Камчатки. Быть может, подобные же террасы существуют и в среднем течении Камчатки, но для наблюдателя, плывущаго по этой реке, вследствие отдалённости боков долины и густоты лесной растительности оне не видны.

Весьма характерным является крутой поворот р. Камчатки на восток в район образования трёх больших вулканов. Быть может, детальное исследование этой местности и разъяснит причины бывших здесь переверотов, но теперь пока приходится оставаться в области предположений и догадок.

Устье реки Камчатки, подобно тому, как и устья многих других камчатских рек, особенно западного побережья, носит характер лагунных отложений. Обыкновенно при впадении рек образуются береговые озёра, отделяемые от моря узкими, иногда очень длинными наносами из песка и гальки, носящими название кошек. Морские прибой и приливы, встречаясь с течением рек, местами увеличивают эти отложения, местами размывают, отодвигая в то же время и устья рек то в ту, то в другую сторону. При устье р. Камчатки с левой стороны находится большое, вёрст пятнадцать в поперечнике, Нерпичье озеро, которое протокою соединяется с р. Камчаткою. Впрочем, трудно решить, впадает ли Камчатка в протоку озера или протока впадает в Камчатку, которая с этого места отклоняется от своего направления на юго-восток и, пройдя вдоль длинной (вёрст шесть) кошки, впадает в море.

На всём своём протяжении р. Камчатка принимает в себя массу рек и небольших речек, стекающих по склонам главных хребтов, причём более значительныя впадают с левой стороны, с которой спускаются к Камчатке более отлогие склоны западного хребта. К таким рекам принадлежат Еловка, Козыревская, Кирганик, Андриановка, Ковыча, Валагина, Китильгина и другие.

Из того же Ганальскаго узла, но уже по другую сторону, на юго-запад, в Охотское море стекает р. Большая со значительным притоком Быстрою, имеющею до двухсот вёрст длины. Река Боль-

шая сама по себе имеет незначительное протяжение и в нижнем своём течении представляет скорее узкий длинный залив, наполняющийся морскою водою во время приливов почти вплоть до Большерецка, то есть вёрст на тридцать пять от моря. У Большерецка р. Большая принимает с правой стороны приток р. Быструю, которая берёт начало в Ганальском узле близ истоков Камчатки и несёт большую часть вод этой системы. Далее на восток р. Большая принимает притоки: Апачу, Боаню, или Банную и Начику, которые скорее можно признать за разветвления главной реки, чем за притоки.

Река Начика правыми своими притоками вытекает из водораздельной тундры, к которой спускаются южные склоны Ганальского хребта и которая в то же время служит источником для правых притоков (р. Каряцкой) р. Авачи. Тундра эта возвышается над уровнем моря на 2 000 футов и служит перевалом из долины р. Авачи в систему реки Большой. Реки Апача, Банная и несколько других, менее значительных, берут своё начало из хребтов южной части полуострова. Таким образом, р. Большая, благодаря своим притокам, занимает сравнительно большой район.

Наконец, третья водная артерия, берущая начало из того же центрального узла, есть р. Авача, текущая в юго-восточном направлении в Авачинскую губу. На существующих картах истоки р. Авачи обозначены неправильно. На самом деле начало их гораздо севернее, близ северного конца Ганальского хребта, по склонам «Камчатской вершины». Река Авача, по рассказам жителей, в верхнем своём течении распадается на три реки: правая Авача, берущая начало с Ганальского хребта, средняя, имеющая своим истоком озеро, лежащее у подошвы горы «Камчатской вершины» и близкое к Ганальской тундре, и левая Авача, вытекающая из гряды Авачинских вулканов.

Из значительных притоков р. Авачи являются: р. Пиничева, впадающая с левой стороны против селения Старый острог, и с правой стороны р. Каряцкая, у устья которой расположено камчатское селение Каряцкое, и которая берёт начало из той же тундры, из которой и р. Начика, как указано выше.

Проход из верховьев Авачи в верховья р. Камчатки затруднителен, и если доступен, то только зимой на собаках. Летний же путь хотя и длинный, но более доступный, лежит вдоль р. Каряцкой к истокам р. Начики, затем переходит к с. Малка на р. Быструю, откуда проходит в с. Ганалы и в селение Пушино, лежащее уже на р. Камчатка.

Кроме этих трёх главных речных систем, полуостров Камчатка, благодаря большому и вечному запасу влаги по высоким горам, изрезывается массой второстепенных рек, которые вследствие меридианального расположения главных гор имеют течения в большинстве случаев по направлению широт, одни в Охотское море, а другие в Великий океан.

Из таких рек более значительны на западном побережье, а именно: Подкаagirная, Лесная, Палана с озером того же имени, Тигиль, имеющая протяжение до двухсот вёрст, Харюзова, Белоголовая, Морошечная, Сопочная, Ича, Облуковина, Колпакова, Воровская, Коловская, Голыгина, Явина и Озерная с Курильским озером. Всех рек по западному берегу насчитывается сто восемнадцать, и большинство из них в прежние времена при устьях имели поселения. Восточный берег менее богат реками. Из них к северу от Авачи более других значительны Жупанова, Шемячик, Кроноцкая с озером того же имени, Столбовая (к северу от Камчатки), Озерная и Карагинская.

Из всех перечисленных рек по протяжению своему больше всех р. Тигиль, на которой по удобству (конечно, сравнительно с другими) её устья и по близости к границе населения немирных коряк, в половине прошлого столетия, когда русские окончательно водворились в Камчатке, был построен острог, переименованный вскоре в крепость. Печать с надписью «Тигильская крепость» хранится и до сего времени у тигильского частного командира казачьей команды.

Устье р. Тигиля относится также к типу лагунных берегов, окаймлённых «кошками» и большими лайдами (отмелями), обнажаемыми и заливаемыми во время приливов и отливов. Приливы достигают здесь больших размеров и наполняют реку солёною водою почти до селения Тигиля, расположенного верстах в пятидесяти от устья. Река Тигиль берёт начало в главном западном хребте в широте 57°, где этот хребет несколько понижен, образуя как бы впадину между подножиями Ичинской сопки с одной стороны и склонами Белаго хребта с другой. В северной части этой впадины река Еловка, приток р. Камчатки, и р. Седанка, приток Тигиля, своими истоками близко подходят друг к другу, и здесь же находится так называемый Тигильский перевал, соединяющий долину р. Камчатки с р. Тигилём. Высшая точка этого перевала около 3 500 футов.

В климатическом отношении Камчатский полуостров находится в значительно худших условиях, чем следовало бы ожидать по

его географическому положению. Во-первых, широты, занимаемая Камчаткою, ставят её в условия несколько не хуже средних губерний (Курская, Черниговская и другие) Европейской России, а во-вторых, положение ея, как полуострова, девять десятых которого омывается водою, а priori заставляет предполагать, что климат ея несравненно лучше, чем он есть на самом деле. В действительности же моря, от которых следовало бы ожидать смягчающих влияний, и являются главной причиной суровости климата.

Камчатка омывается водами Великого океана и Охотского моря и имеет в близком соседстве неистощимое и вечное хранилище льдов — это Северный Ледовитый океан, холод которого чрез водные и воздушные течения остаётся не без влияния на близ лежащая и доступная для них страны.

Берингов пролив как единственная на большом протяжении ворота для сообщения двух различных по температуре водных масс, бесспорно, имеет важное значение для системы воздушных и морских течений. По свидетельству барона Норденшильда, массы тёплого воздуха, залегающая над Великим океаном, и массы холодного воздуха, направленные с полюса, задерживаясь береговыми высотами, направляются в эти ворота и здесь, расположившись по плотности своей один над другим, проходят тёплые к северу, а холодные к югу.

Но если воздушные течения имеют достаточно простору для прохода друг под другом, то океанские, по узости и сравнительной мелководности пролива, не могут вмещать всей массы гонимых ими вод, которые вследствие этого волей-неволей должны искать себе другого направления. По свидетельству компетентных мореплавателей, южные тёплые течения, сталкиваясь в Беринговом проливе с северными холодными, образуют круговорот, причём частью проходят одно над другим, а частью отклоняются: тёплые направляются обратно вдоль берегов Америки, а холодные под влиянием вращения земли прилегают к азиатскому берегу, достигая этим путём и берегов Камчатки.

Вот причина, благодаря которой мы замечаем явную обособленность в фауне и флоре в одних и тех же северных широтах Старого и Нового света.

В замкнутом бассейне Охотского моря, по исследованию Шренка, воды движутся подобным же образом. Каждому течению, идущему с юга, соответствует встречное, направляющееся с севера.

Благодаря каким-то исключительным особенностям этого бассейна, ледяные массы, образовавшиеся в северных его пределах,



задерживаются в нём, особенно в юго-западном углу его, в течение почти целого лета.

Известному естествоиспытателю Миддендорфу, да и вообще многим мореплавателям, не раз случалось бороться в этом море со льдами в июне, июле и даже в августе.

При таких обстоятельствах воздушные токи, проходя чрез Охотское море, ни летом, ни зимою не могут получать от него благоприятных данных для смягчения климата, лежащего на пути их Камчатского полуострова.

Остаётся одна лишь юго-восточная часть полуострова, омываемая водами Великого океана с остатками тёплага японского течения Куро-Сива, которая до некоторой степени имеет возможность умерять зимнюю стужу соседними водами. Но и это влияние нельзя признать за вполне благоприятное. Смягчая зимний холод, воды Великого океана, встречаясь с холодным течением, дают в то же время такую массу атмосферных осадков, что за зиму в южной части полуострова скопляются большие залежи снега, остающиеся до половины июня в низменных местах, не говоря уже о вершинах гор, а летом всё восточное побережье подвержено обильным дождям и губельным туманам.

Таким образом, благодаря таким свойствам окружающих вод, Камчатский полуостров не получает от них ничего отрадного в климатическом отношении.

Северная оконечность полуострова, представляя из себя высокое плоскогорье, открыта ветрам Ледовитого океана, равно как и соседних морей, Охотского и Берингова.

Здесь нет отрады для жизни ни летом, среди болот и тундр, покрываемых туманом, ни зимой, когда снежные вьюги разгуливают по всем направлениям.

Неуютно жить и на юге полуострова среди диких скал и тёмных ущелий, где солнца не бывает видно по целым неделям и где летние туманы и зимняя метели парализуют всё, что от природы нуждается в свете и тепле.

Середина полуострова, благодаря прохождению вдоль её двух значительных хребтов, Западного и Восточного, разделяется на части: восточную с характерным морским климатом, западную с более континентальным и среднюю, занимающую средину между ними. На восточном берегу более атмосферных осадков и меньше резкого холода, тогда как на западном, наоборот, меньше влаги и сильнее холод. По тем немногим метеорологическим наблюдениям, которые производились в некоторых местах полуострова,

известно, что средняя температура трёх летних месяцев в Авачинской губе не превышает  $+12^{\circ}$  Реомюра, тогда как в Тигиле, на западном берегу, на  $5^{\circ}$  севернее Авачи, средняя температура этих месяцев  $+14^{\circ}$  Реомюра, причём средняя годовая в Петропавловске  $+1,74^{\circ}$ , тогда как Тигиля ниже нуля. Если же взять во внимание холода обеих побережий, то окажется: в Петропавловске, например, зимние морозы редко бывают ниже  $-20^{\circ}$  Реомюра, в Большерецке же, каких-либо вёрст на 120—150 западнее, во время зимних холодов нередко застывает ртуть.

Несравненно в более лучших климатических условиях находится средняя, внутренняя часть полуострова или собственно долина бассейна р. Камчатки. Окружённая со всех сторон высокими горами, она более или менее закрыта как от сырых восточных ветров, так равно и от северных и северо-западных сухих и холодных воздушных течений. Обширная Камчатская долина (до 15 тыс. кв. вёрст), несмотря на то, что южные её части возвышаются над уровнем моря от 600 до 1 500 футов, покрывается весеннею растительностью гораздо ранее прибрежных мест, где в это время весна ещё борется с зимой.

По наблюдениям агронома Кегеля, старавшагося о разведении злаков в долине р. Камчатки, в 1844 г. средняя температура летних месяцев близ селения Милькова, лежащаго на 930 футов над уровнем моря, оказалась равной  $+14,3^{\circ}$ , причём самое большое тепло в июле равно  $+26^{\circ}$ ; последний весенний утренник был 14-го мая равным  $-0,5^{\circ}$ , а первый осенний 16 августа  $-1^{\circ}$ . Несмотря на утренники в августе, средняя температура этого месяца была равна  $+32^{\circ}$ . По словам жителей, утренние инеи бывают в июне и в начале августа. Поздние утренники весною и ранние (даже в летние месяца) под осень — есть характерное явление для всей Камчатки.

Подобные утренники одинаково бывают как в середине полуострова, так равно и в прибрежных полосах, а потому вполне естественно думать, что причина их кроется не в одном лишь влиянии моря, но и в чём-либо другом. По мнению многих, понижение температуры, достаточное для образования инея, зависит от той массы льда и снега, которая скопляется на высоких горах, дающих начало холодным потокам и речкам, и от тех морских тундр и болот, которыми питаются они. Гор же и вообще мест, на которых снег не изсыкает в течение целаго года, в Камчатке вполне достаточно. При путешествии вдоль всего полуострова не проходит ни одного дня в июле, чтобы не встретить снег в горах, в глубоких падах и даже в сравнительно низких и ровных местах, по которым

приходится ехать вьюком. Произрастание цветущей зелени и даже под снежным покровом — есть явление для Камчатки вполне обыкновенное. Дитмару пришлось видеть летом на восточном побережье целую берёзовую рощу, распустившую свои зелёные ветви над сплошным белым покровом снега. По склонам гор постоянно попадаются островки роскошной летней зелени, рельефом выделяясь на белом фоне снежных покровов.

При такой обстановке, понятно, цветёт и долгоденствует только то, чему сама природа определила расти в Камчатке. Всякое же искусственное разведение привозных растений, по свойствам своим неприменимым к климату Камчатки, есть безуспешное посягательство на непреодолимые силы природы, что и подтвердилось столетним опытом над культивированием хлебных злаков в Камчатке. В долине р. Камчатки достаточно тепла, достаточно и света, но период для вегетации хлебных злаков слишком часто сокращается появлением утренних инеев и притом сокращение это слишком не определено, слишком растяжено, чтобы иметь возможность приспособиться к нему. В один год сокращение вегетационного периода выражается днями, а в другой месяцами, почему и урожаи хлеба годами бывают обильны, а бывает и так, что от посева собирается одна солома.

Тучные травы, роскошные цветы и разные ягоды Камчатки (особенно долины р. Камчатки) с первых времен завоевания её русскими постоянно и вполне естественно наводили на вопрос: возможно ли в Камчатке хлебопашество?

Разбирая этот вопрос, необходимо разбить его на два: 1) есть ли в Камчатке действительная потребность в хлебопашестве и может ли эта отрасль хозяйства заменить и восполнить то, к чему сама природа приурочила аборигенов страны, и 2) возможно ли по климатическим условиям в Камчатке успешное земледелие?

Природный камчатский житель (будет ли это камчадал или русский, родившийся в Камчатке в третьем-четвёртом поколении) до сего времени смотрит на хлеб как на суррогат, без которого ему легко обойтись, и есть любить его и даже падок к нему, то как к лакомству, а не как к пище, требуемой свойственными его организму особенностями. Во многих пунктах Камчатки хлеб (привозный) в настоящее время в большом употреблении, но ни один камчадал не останется зимовать без юколы (сушёной рыбы), без которой для его организма наступает голод. Без хлеба же большинство живёт и зимует, не жалуясь на голод. Ни один камчадал, отправляясь в путь, не возьмет с собою хлеба вместо юколы, по-

добно тому, как ни один россиянин в подобных случаях не возьмёт мёду вместо хлеба. При суровости климата и неудобствах жизненных условий питательность хлеба недостаточна в сравнении с объёмом его, тогда как юкола (конечно, хорошо приготовленная) в этом отношении стоит несравненно выше и к местной жизни более приспособлена. Кроме этого, так сказать, прямого преимущества юколы перед хлебом, потребность в ней является настоятельной и в другом, косвенном отношении. Теперь уже признано, что собака для камчадала то же, что для земледельца лошадь или бык, и заменить её теми последними, опять-таки по местным условиям, нет никакой возможности.

В Камчатке нет дорог и быть не может. Там есть (и то местами) вьючные тропы, которыми жители и пользуются для вьючного проезда на лошадях, но не надо забывать, что это пользование возможно только в течение каких-либо трёх и много четырёх месяцев, в остальную же часть года сообщение возможно только на собаках. При долгих и глубоких снегах лошадь сама по себе, без всякой клади, часто становится в безвыходные условия, тогда как собака свободно проходит и снежные сугробы и тонкий лёд и не боится ни вьюги, ни мороза. Если добавить к этому, что собака — необходимый спутник и помощник на охоте, без чего камчадал обойтись тоже не может, то ясно станет, что в Камчатке собаку заменить нельзя ни лошастью, ни быком (в отчёте окружного начальника за 1896 г., между прочим, упоминается о следующем факте, ясно говорящем в пользу собак, сравнительно с лошастью. После 15 октября промышленники на лошадях выехали в лес на соболиный промысел, но в ноябре выпал огромный снег, который от сильных морозов покрылся обледенелою корой, но не столь прочной, чтобы выдерживать лошадь. На местах охоты корму для лошадей не было запасено вовремя, а потому пришлось или оставлять лошадей в тайге без корму или же, что некоторые жители и сделали, вывозить их на собаках в селения. Подобный же факт перевозки лошадей на собаках был констатирован и Завойко, когда по его распоряжению жители завели сани и поддерживали дорогу. Случилось, что несколько возов, запряжённых лошадьми, были застигнуты в пути пургою, причём снегу выпала такая масса, что лошади не могли идти, и их пришлось вывозить на собаках. С тех пор всякое сообщение на лошадях зимою было оставлено как средство для Камчатки невозможное).

Для зимнего продовольствия этих необходимых животных, которых каждому хозяину приходится иметь минимум 10—12,

необходимо заготовить на девять месяцев в году (в летнее месяцы собаки, как выражаются жители, «сами промышляют себе корм») должное количество корма, при выборе которого ни в каком случае хлеб не может заменить лёгкой, не громоздкой и в то же время питательной юколы или вообще рыбы. Заготовка юколы и вообще рыбы впрок совершается в летние и осенние месяцы, то есть как раз в то время, когда заботы хлебопашца поглощаются всецело полевыми работами. Принимая рыбу как продукт, не заменимый для камчадала хлебом, обработка которого отвлекла бы от заготовки юколы, вопрос о необходимости в Камчатке хлебопашества решается сам собою отрицательно.

Теперь возможно ли в Камчатке хлебопашество? На восточном побережье зимние запасы снега в долинах рек, где бы можно было сеять хлеб, не стаивают до июня и даже до половины июля месяца (в прошлом году нам не удалось выехать из Петропавловска раньше 10 июля. На собаках нельзя было ехать, потому что реки вскрылись, а на лошадях, на которых можно было бы переехать реки, нельзя было ехать, потому что в долинах залегали ещё сугробы снега), летом часто бывают губельные туманы и сильные ветры, а под осень, в августе месяце, начинаются уже инеи.

На западном берегу полуострова, хотя не бывает больших снежных заносов, но зато и почва настолько промерзает, что не даёт возможности вовремя и с успехом пользоваться ею для посева хлебов. К тому же и качества почвы этого побережья не пригодились для этой цели. Остается одна лишь внутренняя часть полуострова, собственно долина р. Камчатки, которая и по климату, и по почве вполне соответствует потребностям земледелия; но здесь опять являются побочные обстоятельства, как, например, ранние инеи, отстранить которые не в силах человеческое знание, и с которыми человеку волей-неволей приходится считаться. Крепкие нервы какого-нибудь борщевика, шаламайника и других камчатских трав выдерживают температуру утренников, тогда как нежные культурные злаки гибнут.

Благодаря всем этим обстоятельствам, положительные опыты земледелия, более столетия производимые со значительными затратами труда и времени, доказали полную непригодность его к Камчатке как к стране, где снег выпадает слишком рано, сходит поздно и где при туманах и ранних инеях холодная роса, а нередко и морозы бывают во время цвета хлебов, даже в самой умеренной части полуострова, то есть в долине р. Камчатки. При подобных условиях может ли земледелец иметь какая-либо верная

данныя на урожай, и кто согласится жертвовать трудом и капиталом в деле, где на один год удачи представляются десять лет неудачных, и, наконец, кто согласится менять надёжный промысел рыболовства на рискованное занятие хлебопашеством?

Для характеристики опытов камчатского земледелия приведу таблицу посевов и сбора за время с 1763 по 1766 гг., составленную г. Булычёвым, командированным в Камчатку в царствование Николая I для исследования этого вопроса на месте.

	1763			1764		
	Засяно десятинъ.	Посяно пуд. и ф.	Снято.	Засяно десятинъ.	Посяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи . . . . .	2	11 п. 10 ф.	6 п. 15 ф.	3	21 п. 4 1/2 ф.	13 п. 35 ф.
Пшеницы . . . . .	3/8	1 „ —	1 „ 7 1/2 „	1/8	— 35 „	Поябля.
Ячменя . . . . .	1 3/4	19 „ —	24 „ 6 „	2	26 п. 30 „	42 п. 24 ф.
Овса . . . . .	1/8	1 „ —	3 „ 19 „	1/8	6 „ —	12 „ 25 „
Конопля . . . . .	—	—	—	—	—	—
Гороху . . . . .	—	—	Поябь.	—	—	Поябь.

	1765			1766		
	Засяно десятинъ.	Посяно пуд. и ф.	Снято.	Засяно десятинъ.	Посяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи . . . . .	3	20 п. 49 ф.	14 п. 24 ф.	—	—	—
Пшеницы . . . . .	1 1/2	— 8 1/2 „	Поябля.	—	—	—
Ячменя . . . . .	2 1/2	40 „ 24 „	16 п. 30 ф.	3	45 п. 20 ф.	18 п. 16 ф.
Овса . . . . .	1 1/2	26 „ 26 „	32 „ 20 „	1	19 „ 20 „	7 „ 27 „
Конопля . . . . .	1/4	5 „ 20 „	10 „ 7 „	1/4	5 „ 20 „	1 „ 26 „
Гороху . . . . .	—	—	Поябь.	—	—	—

По сведениям, собранным тем же г. Булычёвым, результаты камчатского земледелия в последние годы были: в 1770 г. весь посев, кроме конопли, погиб от инея; в 1781 г. хлеб не созрел; в 1782 г. хлеб был попорчен инеем, хотя и собрано несколько более семян; в 1783 г. не возвратили семян. В начале нынешняго столетия земледелие велось урывками и результаты были неутешительны. В 1830 г. образовалась земледельческая компания, которая, потратив капитал в восемь тысяч рублей, прекратила своё существование за невозможностью предприятия.

В пятидесятых годах этого столетия забота правительства о земледелии усилилась, но с переводом областных управлений и порта в Николаевск затихла, и хлебопашество в малых размерах при всевозможных поощрениях и даже принуждениях ведётся кое-где в селениях Камчатской долины и до настоящего времени.

Я видел эти посевы, но на вид они были таковы, что я, зная их местонахождение, не мог отыскать их, прежде чем жители не привели меня на место и не показали пальцем на жалкую зелень ячменя. И это в июле месяце.

Вековая неудача в хлебопашестве вознаградилась для камчатских жителей успехом в разведении огородных овощей. Правда, некоторые сорта и этой отрасли хозяйства не привились в Камчатке, но большинство из корнеплодов в настоящее время составляют существенное подспорье в жизни камчадалов.

Огородничество было заведено в 1770-х гг. начальником Бемом. С той поры жители Камчатки с успехом разводят репу, брюкву, редьку, лук и т. п., и особенно картофель, которого в 1845 г. с 648 огородов было собрано 18 тыс. пудов. Огородничество привилось одинаково успешно по всей Камчатке и особенным вниманием пользовалось со стороны военного губернатора Завойко, который, зная непредприимчивость жителей Камчатки и дабы заинтересовать их в деле разведения огородных овощей, прибежал к поощрительным мерам. Так, в 1850 г. он, выписав из Петербурга огородных семян, роздал их жителям с подробными инструкциями ухода за ними и на 1-е октября 1851 г. назначил в Петропавловске выставку, объявив при этом, что лучшие сорта овощей получают премии по пять рублей. В назначенный срок при большом стечении народа из горожан и соседних деревень, в присутствии всех местных властей Завойко объявил выставку открытою. С весами и мерою в руках при напряжённом внимании заинтересованной публики Завойко сам обошёл и измерил все лучшие экземпляры овощей и общим решением присудил премии; причём награду в пять рублей получили: 1) редька — 14 фунтов 24 золотника (один золотник равен 4,266 г. — *Ред.*) весом и величиною 1,5 фута длиной и 5 дюймов в толстом конце; 2) за редьку в 12 фунтов весом и величиною 2 фута длины и 3 дюйма в толстом конце; 3) кочан капусты 7 фунтов; 4) картофель весом 1 фунт 3 золотника; 5) репа в 7 фунтов 20 золотников; 6) морковь в 41 золотник и 7) свёкла в 90 золотников. Замечательно, что бобовые растения нигде в Камчатке не принялись. По-видимому, даже дикорастущия из этого семейства не имеют достаточного распространения (по мнению Дитмара, недостаточность этого сорта растений объясняется бедностью камчатской почвы известковыми солями).

Заботы правительства, направляемые с давних пор главным образом на земледелие в Камчатке, не оставляли без внимания и скотоводства как главного подспорья хлебопашцу. В этом отно-

шении успех был ясный и был бы вполне достойный внимания каждого жителя, если бы и в этом деле не было второстепенных, побочных причин, препятствующих более широкому развитию его. Первая причина — это недостаточность рабочих рук в семье камчадала, которому в течение лета в одно и тоже время пришлось бы делить свой труд на два важных дела — ловить рыбу и заготавливать сено для скота на целых восемь зимних месяцев. Мне случилось быть свидетелем в Тигиле, в каком затруднительном положении были жители, когда хороший ход рыбы совпал с сенокосом. Более досужий хозяин днём заготавливал сено, а вечером до глубокой ночи ловил рыбу, большинство же бросало сено на произвол судьбы и переходило на рыбалку. Случись же в это время сильный дождь, что нередко бывает, то, во-первых, необранное сено всё погибнет, а во-вторых, горная река от быстрого стока воды выходит из берегов и разрушает (весьма обыкновенное явление) рыбные запоры, возобновление которых на несколько дней занимает всех без исключения жителей, причём, случается, они пропускают и ход рыбы и лишаются сена.

Вторая, не менее веская причина, тормозящая разведение скота, это собаки. Как ни странным, быть может, покажется это явление, но, тем не менее, это факт, с которым камчадалу приходится считаться. Северная ездовая собака отличается особенным стремлением к стадности. Если завоюет одна, то завоюет и все, если на что-либо бросится одна, то моментально на то же накидываются и другие. К тому же ездовая собака не выносит в своём соседстве никакой живности, и если мирится с лошадью и коровой, то только благодаря их большому сравнительно с ней росту и силе. В Камчатке нельзя держать ни овец, ни свиней, ни птицы домашней, всё это разрывается собаками. Даже взрослая корова, если только она побудит чем-либо хотя одну собаку кинуться на неё, как в момент её не станет, разорвут на части. Были примеры, и не так давно, как собаки разрывали детей на глазах отца и матери. В общем камчатская собака смиренная и даже трусливая, но раз почему-либо она бросается на кого, то нет сил удержать от того же и других. Примеры разрывания собаки собаками — вещь вполне обыкновенная в камчатских селениях. При таких условиях каждый хозяин вынужден бывает держать телят почти лет до двух взаперти, под плотной крышей и прочным затвором, что, конечно, не может не влиять на успехи развода скота.

Каждый хозяин держит у себя скота столько, сколько ему под силу, имея в виду трудную заготовку сена и затруднительное



сооружение помещений для него. Рогатый скот имеется у многих, так как молочные продукты вошли в повсеместное по Камчатке употребление, лошадей же держат только более зажиточные и где в семье несколько мужских рабочих рук. По собранным мною справкам, в 1897 г. во всей Петропавловской округе числилось лошадей около восьмисот голов и рогатого скота немногим более двух тысяч.

Что же касается до условий камчатской природы, то она вполне благоприятствует скотоводству. Правда, продолжительная зима при недостатке заготовленного корма, хотя и изнуряет скот, но зато сочная и питательная трава весною быстро поправляет его и восстанавливает затраченные им силы. В конце мая и начале июня мне уже не удавалось видеть исхудалого скота.

В долине р. Камчатки, где местность защищена от сильных ветров и где на некоторых площадях почему-то (?) снегу зимою бывает очень мало (кроме западного побережья, где в силу климатических условий зимы бывают малоснежны, в Камчатке среди гор указывают на несколько площадей, на которых, вероятно, под влиянием расположения гор и хребтов, снег зимою выпадает в незначительном количестве, тогда как по соседству с севера и с юга к ним прилегают места с большими снежными заносами), скот и особенно лошади пользуются круглый год подножным кормом. К числу таких мест относятся, между прочим, окрестности селений Толбачинского и Козыревского.

Жители этих селений по малоснежности зим заготавливают сена в самом незначительном количестве, выгоняя скот круглый год на подножный корм. Среди лугов и зарослей этого района, по уверению жителей, водятся десятки и даже сотни диких (одичавших), никому не принадлежащих лошадей. Надо думать, что когда-нибудь несколько заблудившихся и потерявшихся лошадей дали начало подобным диким косякам. Некоторые из жителей, как, например, староста селения Козыревского, считаются специалистами по части ловли этих диких лошадей. Если у кого явится потребность в лошади, то он обращается к подобным смельчакам и любителям и через них за известное вознаграждение достаёт себе лошадь.

Факт существования в Камчатке лошадей в полудиком состоянии сам по себе говорить о пригодности этой страны к скотоводству. Быть может, мог бы и рогатый скот водиться в Камчатке в полудиком состоянии, если бы этому не препятствовали стаи волков да медведи, от которых бойкая и привыкшая к каменистым обрывам камчатская лошадь легко отбивается и уходит.

Скотоводство в Камчатке началось с первым переселением туда крестьян в царствование императрицы Елизаветы Петровны и затем постоянно поддерживалось подвозом новых особей при Екатерине II. Первую пару лошадей вывез в Камчатку майор Павлуцкий, когда был назначен туда начальником после камчатского бунта, бывшего в 1731 г. С тех пор скот в Камчатке не переводился, а постепенно размножался и под влиянием благоприятных условий камчатского климата и корма улучшался, о чём свидетельствуют многие, видевшие скот, как камчатский, так и якутский, который считается родоначальником первого. К сожалению, жители Камчатки, не интересуясь особенно скотоводством, не обращают никакого внимания на половой подбор производителей. Есть даже такие хозяева, которые нарочно оставляют небольших бычков, для которых, по их расчёту, меньше корму приходится заготовлять. Жеребцов оставляют только для приплоду таких, которые отличаются кроткими качествами, хотя бы во всём остальном они были ниже всякой критики, имея ввиду что с приплодом их меньше будет возни при объезде.

Кроме лошадей и крупного рогатого скота, едва ли можно надеяться на разведение в Камчатке других более мелких домашних животных. Необходимость содержания собак в большем числе исключает всякую возможность разводить овец, коз, свиней и прочего. Домашняя птица содержится кое-где в самом незначительном количестве и то только любителями. При этом для сохранения их от собак устраиваются высокие и плотные изгороди, прикрытия сверху сеткою из проволоки или из обыкновенного прядева.

К разведению овец, для которых домашняя собака является непримиримым врагом, кроме того, не благоприятствует и камчатская природа. В Камчатке нет места, где можно было бы разводить их. Всяду или горы, поросшие непроходимым кустарником, или тонкия и вечно сырые тундры, покрыты мхом и болотною растительностью.

Относительно разведения свиней можно с большою вероятностью сказать, что оне с большим успехом могли бы разводиться по всей Камчатке, так как при правильном и заботливом хозяйстве недостатка в корме для них нельзя ожидать, но собака опять-таки исключает эту возможность.

К числу домашних животных Камчатки, впрочем, исключительно в северной части ея, принадлежит домашний олень, родоначальником котораго признаётся северный дикий олень, обнимающий своим распространением огромная пространства всей

северной полосы старого и нового света. Дикий северный олень встречается везде севернее  $60^{\circ}$  с. ш., в местах же гористых, как, например, в Камчатке, распространение его спускается до  $52^{\circ}$  и даже  $51^{\circ}$ . Голые горные площади и отлогости, отличающиеся скудностью растительности, или те обширные тундры, которые сплошь покрыты мхом, являются любимым местопребыванием этого животного, где оно, смотря по времени года, разбивается то на отдельные особи, то соединяется в огромные стада и кочует то с севера на юг, то с юга на север.

С давних пор северный житель приручил это животное, и в настоящее время все северные народы обязаны ему своим благосостоянием и даже жизнью. Домашний олень заменяет северному дикарю всех почти домашних животных, так как кормит, греет и возит его. В средней и южной части Камчатского полуострова дикий олень водится исключительно на горах и по склонам их за пределами лесной растительности; ниже 3 000 футов он попадает как исключение, разве только по западному хребту, где лесистость незначительна и зимние снежные заносы бывают не столь велики, как в других местах полуострова.

В связи с этим и домашний олень мало пригоден для жителей этой части полуострова, где горы преобладают перед тундрами и где мох вытесняется дикорастущими травами, не вполне пригодными для пищи оленя, которому, сверх сего пришлось бы добывать себе корм в течение почти восьми месяцев из-под глубоких снежных покровов.

В тех северных широтах полуострова, где хребты теряют свою скалистость и постепенно переходят сначала в высокое плоскогорье, в так называемый Паратольский дол, представляются все естественные условия для жизни дикаго оленя, а следовательно, и для разведения стад домашнего оленя. Ламуты и коряки, владея большими стадами оленей, являются истыми господами этого неприятного пространства. Значительный запас влаги, скопляющийся в этой нагорной местности над вечно мерзлою подпочвою, благоприятствует произрастанию здесь мха, незаменимаго для оленя корма. Мох достигает здесь значительных размеров как по росту, так и тучности. Под влиянием сильных ветров, господствующих в этой части полуострова в течение круглого года, эта местность представляет из себя по истине губкообразную массу, непроходимую ни для какого другого домашнего животного, кроме лёгкого и ширококопытного оленя. Благодаря господствующим ветрам то с запада, то с востока, снег не ложится здесь толстым слоем

и потому мох бывает доступен оленю как летом, так и зимой. В летнее время, когда в тундрах появляются мириады гнуса (комар, мошка и прочие), владельцы олених стад поднимаются с ними выше на отроги гор и, делая эти передвижения, заходят вглубь полуострова, примерно до 58° с. ш., где и проводят большую часть лета, держась преимущественно на открытых безлесных плоскогорьях.

О численности оленей, имеющих у коряк и ламутов в пределах Камчатского полуострова, нет верных данных, так как сами хозяева, обыкновенно, не знают им счёта. По официальным данным, их насчитывается около сорока тысяч, вероятнее же всего, их гораздо больше.

Непримиримым врагом для домашнего оленя является ездовая собака, а потому там, где вся жизнь человека зависит от благосостояния перваго, там нет места последней. Ездовая собака, как бы ни была утомлена своею работою в упряжи, никогда не пропустит случая, чтобы не набросится на оленя. Достаточно одного запаха оленя, чтобы возбудить энергию и поднять последние силы упряжной собаки, и тогда нет силы удержать её от нападения на оленя. Коряки и ламуты, приезжая к камчадалам, далеко от жилищ оставляют своих оленей, дабы не подвергать их опасности со стороны собак. Со своей стороны и камчадалы, если не желают быть непрошенными гостями, никогда не рискуют на своих собаках выезжать в становища коряк, не приняв мер к предосторожности на случай встречи собак с оленями.

Напротив того, охотничья собака, или, как принято называть её в Камчатке, «ламутская», является самым ревностным хранителем и защитником оленьих стад. Куда бы олени не пошли, какую бы нужду они не несли, собака всегда и везде с ними. Она помогает хозяину в пасьбе оленей, загоняя и направляя их в ту или другую сторону, она отыскивает заблудившихся и зорко следит за приближением волков и предупреждает как оленей, так и хозяина во всех опасных случаях и даже тогда, когда благодаря какой-либо случайности к стаду оленей приближается нарта с собаками. Словом, по отношению к оленям и вообще к домашним животным между охотничьей и езжалой собакой существует полная противоположность. Насколько первая проникнута заботой о сохранности их, настолько вторая остаётся непримиримым врагом их.

Ламутская собака несколько меньше езжалой, телосложения более стройного, череп имеет круглый, морда острая; отличается тонким чутьём и умными глазами, преисполненными жизни и энергии.

Езжалую собаку, если не ставить ей в вину ненависть ея к другим животным, следует признать за одно из благодарных животных для всех жителей севера, не пользующихся услугами оленя. Если и есть за нею недостатки, как-то: упрямство, отсутствие привязанности, апатичность, неряшливость и прочее, то это скорее можно отнести к недостаткам от воспитания и ухода за нею, нежели к природным, врождённым ей качествам. Действительно, едва ли есть какое-либо другое из домашних животных, к уходу за которым так небрежно относился бы человек, как относятся северные инородцы к своей езжалой собаке. В течение почти круглого года (кроме осени) ей приходится переносить холод, голод, усталость и самое жестокое обращение. Зимой она, можно сказать, не вылезает из «алыка» (упряжи), служа верой и правдой своему хозяину и находясь всё время впроголодь. Никаких помещений для собаки жители Камчатки не устраивают. Какая бы погода не была, будет ли это зимою в сильные морозы и метели или летом в сильный жар, проливной дождь, ездовая собака держится на привязи у вбитаго в стороне от строений кола, не имея ни покрышки, ни подстилки.

Зимой собак держат на привязи, дабы всегда иметь их готовыми на случай какой-либо поездки, иначе они разбегаются и оставляют хозяина без всяких средств к передвижению.

Весною и большую часть лета, когда все зимние запасы корма истощаются, а новых ещё не наготовлено, ездовая собака особенно бывают злы и даже опасны. Мучимые голодом, оне набрасываются на всё, что может служить хотя бы намеком на пищу: ремни, обувь и даже грязные тряпки поедаются ими. В это время, по необходимости, приходится держать их на привязи, иначе от них нет спасенья никаким домашним животным. Бывали случаи, когда собаки разрывали детей и даже друг друга. Изнурённая зимнею работою ездовая собака особенно удручающее впечатление производит весною, когда длинная скомканная шерсть клочками покрывает исхудалые бока, когда тело ея бывает испещрено то ссадинами, то царапинами и при всём том, почти без корму, ей приходится лежать в холодной весенней грязи и сырости у своего кола и издавать унылое нытьё и завыванье, ожидая иногда по целым суткам какой-либо подачки от своего беззаботнаго хозяина.

В довершение всего, с наступлением лета целые мириады комаров набрасываются на них, беззащитных и беспомощных, причём бывают нередко случаи, когда собака, выбившись из сил, погибает окончательно. Только осенью, когда начинается обильный

ход рыбы, собаки отпускаются на волю и сами добывают себе рыбу из мелких речек. Не давая собакам никакого ухода, камчатские жители не стараются и об улучшении их. Лучших щенят они кастрируют и употребляют для езды, для приплода же оставляют таких самцов, которые как по росту, так и по силе непригодны бывают для езды. Вследствие этого порода ездовых собак постепенно ухудшается и терпеливо ждёт поры, когда на судьбу её будет обращено большее внимание.

По отчёту за 1896 г. всех ездовых собак в Камчатке числилось 14 138.

Фауна Камчатского полуострова характеризуется представителями, одарёнными от природы всеми средствами для борьбы с условиями жизни суровой и холодной страны. Здесь нет ни одного вида, ближайшие родичи которого могли бы являться в то же время обитателями более тёплых стран. Вернее, в Камчатке нет той смеси в представителях царства животных, которою характеризуется, например, Уссурийский край, где лось, медведь и тигр скрываются в одних и тех же зарослях ели, винограда и дуба. Напротив, представители камчатской фауны представляют из себя один общий тип, тип животных холодного севера.

Разнообразие видов каждого из отделов наземных животных невелико. Значительная часть из семейств мелкопитающих или совершенно отсутствуют, или имеют своих представителей в двух, трёх и даже одном виде. Одно из обширных семейств камчатской фауны, а именно *J. Mustelidae*, состоит всего из шести видов. Если не считать, например, домашнюю кошку и домашнюю свинью, которые встречаются как редкость, то представителей этих семейств можно считать совершенно отсутствующими в пределах Камчатского полуострова. Из травоядных, кроме домашнего быка, в Камчатке водятся олень и каменный баран.

Пресмыкающихся и гадов почти совершенно нет в Камчатке; представителем этого отдела является один лишь вид *Salamandrilla Uosnesensku*, который попадает весьма редко и, благодаря существующему среди жителей суеверию (древние камчадалы считают ящериц за шпионов бога; бог посылает ящериц на землю, чтобы подсматривать за проступками людей и доносить ему, вследствие этого жители считают своею обязанностью убивать их, как только увидят), вероятно, будет совершенно истреблён.

Обособленность камчатской фауны и беднота в разнообразии семейств и видов её сближает этот полуостров с островами Курильской гряды и тем самым подтверждает вероятность существовавшей

когда-то отделённости его от материка в виде острова. Иначе трудно подыскать причину, почему многие животные охотского побережья в ней не встречаются (лось, белка, ручной бобр и другие).

Млекопитающая камчатской фауны (список составлен по: Крашенинникову «Описание земли Камчатки»; Ю. Симашко «Русская фауна», 1851 г.; А. Миддендорфу «Сибирская фауна в путешествии на север и восток Сибири»; И. Полякову «Систематический обзор полёвок Сибири», 1881 г. и Бобрицкому «Основы зоологии», 1890 г.)...

*Бурый медведь.* Камчатский медведь по цвету шерсти имеет все переходы от рыжаго до чёрно-бураго, иногда с большою примесью светло-серых волос (с проседью). Как исключение, впрочем, очень редкое, попадаются экземпляры почти белые. Мне удалось видеть в Петропавловске огромную шкуру медведя, у которого голова, хребет и лицевые стороны ног были светло-бураго цвета, остальные же части были совершенно белыя.

У молодых особей иногда бывают белые ошейники, которые у взрослых экземпляров не наблюдаются. По словам жителей, медвежата с белым ошейником, а равно как и матки их, отличаются большею, сравнительно, свирепостью.

Любимым местопребыванием камчатскаго медведя служат склоны гор, покрытые густыми зарослями кедровника и ползучаго ольховника, где он держится большую часть года. Только к осени медведь спускается ниже к ягодным кустам и в долины рек для ловли рыбы. Камчатские охотники летом и особенно весной на поиски за медведем обыкновенно отправляются в горы, осенью же охота на медведя производится с челноков (батов) по рекам, берега которых, по словам жителей, в это время бывают, положительно, истоптаны медведями, промысляющими рыбу. Камчатския реки, только не в период разлива или не в момент случайных наводнений, отличаются чистотою и прозрачностью воды. Плавающую в ней рыбу, особенно лососей, во время их хода можно бывает видеть на глубине аршина и даже более. Медведь, сидя на берегу, зорко следит за рыбой и при первой же возможности бросается в воду (иногда даже ныряет) и схватывает её (обыкновенно лапою).

Рыболовством медведь занимается с особым вниманием, чем, собственно, и пользуются охотники, подплывая к нему на батах как можно ближе. Ещё недавно был случай (мне достоверно известный), когда один из морских офицеров, охотясь за медведями, увидел его ловящим рыбу; медведь так был занят этим де-

лом, что не заметил, как офицер, прежде чем выстрелить в него, снял с него фотографию.

По словам жителей, нередко медведь при ловле рыбы в небольших и мелких речках употребляет следующий приём — он ложится поперёк речки и тихим движением лапы мутит вокруг себя воду. В этом случае рыба почти в упор подплывает к медведю, чем он и пользуется. При счастливой ловле медведь отъедает только голову рыбы, туловище же, как менее жирное, бросает на съедение лисам, воронам, чайкам и прочим.

Камчатский медведь вообще нрава кроткого и на человека почти никогда не бросается. Исключением бывают случаи, когда раненый медведь усиленно преследуется или когда медведице приходится защищать своих медвежат. В общем надо сказать, что в Камчатке не проходит года, чтобы кто-либо из смелых, но неопытных охотников не пострадал бы от медведя.

Медведь среди жителей Камчатки пользуется особой симпатией. Про медведя поётся в песнях и слагались сказания, начало которых относится к первобытным временам, когда камчадалы поклонялись своему богу «Кутхе» и когда были ещё в полудиком состоянии. В одной из таких сказок происхождение медведя отождествляется с происхождением человека, чем, между прочим, объясняются существующия среди северных инородцев различного рода празднества в честь медведя и многия суеверия, тщательно соблюдаемые охотниками при стрельбе, снятии шкуры с медведя и прочие.

Охота на медведя считается любимым развлечением жителей, особенно так называемая «осенняя охота на лошадях». К концу осени медведь при обилии рыбной пищи сильно жиреет, делается неповоротливым и не может долго и скоро бежать — «загорается», как говорят охотники. В это время медведь обыкновенно выходит на более открытыя места, поросшия брусничой и другими ягодами, куда отправляются и партия охотников верхом на обученных для этого лошадях. Привыкшия лошади не боятся медведя и, раз медведь пошёл на уход, смело подбегают к нему на желаемое для всадника расстояние. Верховые охотники окружают медведя со всех сторон, набрасывают на него иногда петли и бьют или из ружья, или даже палками.

О количестве медведей в Камчатке можно судить до некоторой степени по числу добываемых шкур. Было время, когда охотник мог убивать в год до пятидесяти и более медведей; теперь же этот промысел значительно упал. В общем можно сказать, что



в Камчатке ежегодно убивается до полутора тысяч медведей. Средняя стоимость шкуры равняется десяти рублям (цены 1897 г., когда спрос на них несколько увеличился).

Медвежьим мехом жители пользуются как постелью; кожу употребляют на ремни и подошвы. Мясо и жир идут в пищу и на освещение изб; большим распространением, особенно в захолустных местах, пользуются медвежьи кишки, которыми жители затягивают оконные рамы вместо стекол.

*Камчатский волк* отличается густотою и пушистостью меха. Цвет его, смотря по временам года, представляет все стадии перехода от сераго к белому. В северной части полуострова к серому цвету примешивается иногда и рыжий. Особого промысла на этого хищника в Камчатке нет. Бьют его по сподутности на охоте за другими животными, вследствие этого уничтожение его не заметно. Пушистый и прочный мех волка употребляется жителями на изготовление одеял, тёплых покрывал и на изготовление так называемых кукулей, то есть больших своеобразно сшитых мешков, употребляемых для спанья в них зимою в пути.

*Камчатская лисица.* Характерною особенностью вообще лисиц является приспособляемость ея цветнаго покрова к оттенкам окружающей местности. Смотри по месту жительства лисицы или, вернее, ея родины, цвет ея меха находится в явной зависимости от окружающей среды. Примыкающая к Камчатке с севера огромная тундристая пространства, постепенные переходы их к югу в высокия плоскогория и затем в горы и голыя скалы дают полный простор к изменению лисьяго меха из светло-рыжаго в тёмно-бурый и почти чёрный цвет. Разнообразие характера местности Камчатки с прилегающими к ней странами, вероятно, и есть причина тому, что лисицы этой страны, являясь одним и тем же видом, представляют из себя целый ряд видоизменений, исключительно по цвету шерсти их. Видоизменения эти бывают настолько разнообразны, что самые лучшие охотники и знатоки лисьяго меха не всегда могут ясно определить, какую лисицу следует признать за чёрно-бурюю и какую за красную, а обыкновенно выражаются так: та черней, другая красней.

По окраске меха камчатских лисиц называют: красная (обыкновенная лиса), огнёвка (огненно-красная), крестовка (с тёмным крестом по загривку), сиводушка (тёмно-серая) и чёрно-бурая (почти чёрная с седою остью).

Камчатския лисицы, особенно в северной части полуострова и Гижигинской округе, отличаются густотою меха и считаются

лучшими в Сибири. В пределах Петропавловской округи ежегодно добывается до тысячи штук лисиц всех сортов, причём чёрно-бурых не больше десяти-пятнадцати. Лучшая чёрно-бурая лисица ценится от 100—150 руб., худшая — от 30—100 руб.; крестовка и сиводушка — 15 руб. и обыкновенная — 5 руб. (цены взяты на месте от жителей в 1897 г.).

Истребление лисиц в Камчатке идёт довольно заметно. Ещё в 1870-х гг. из Камчатки вывозили ежегодно до двух тысяч штук, в прежние же годы, особенно в прошлом столетии, первые купцы-пионеры вывозили их тысячами.

*Песец.* Ещё в прошлом столетии, как упоминает о том Крашенинников, песцов в Камчатке было такое множество, что жители убивали их палками, отгоняя от своих жилищ, и мех их считался самым безценным. Теперь же песцов добывают в год не более десяти-пятнадцати штук. Песец меньше обыкновенной лисицы, и по цвету меха различается: голубой песец с тёмно-синеватым цветом шерсти и чисто белый. Голубых песцов в Камчатке теперь совершенно нет.

*Камчатский соболь* отличается длиною ости (ость — длинные и прямые волосы, тонкие у основания и утолщённые у вершины; верхний ярус шерсти, на уровне нижней половины ости находится подшерсток. — *Ред.*) и густотою пуха. В этом отношении он превосходит соболей всех других сибирских окраин, и если уступает некоторым из них, то только по цвету шерсти. Камчатский соболь светлее, например, удскаго, витимскаго, но по всем остальным качествам он много превосходит их. При этом замечено, что соболя северной части Камчатки (тигельские) темнее, тогда как южной — светлее. Играет ли в этом отношении какую-либо роль цвет окружающей местности или, быть может, на окраску соболя влияет яркость зимняго солнца, сказать трудно.

Обыкновенным местопребыванием соболя считаются лесистые отроги и склоны гор, особенно истоки горных речек. Соболь не заходит по горам выше пределов лесной растительности, но и не спускается ниже известного предела в долины больших рек, покрытых луговою растительностью или густыми зарослями лиственных дерев. Для обитания соболь предпочитает вообще местность с преобладанием хвойных пород, особенно кедровых; из лиственных же им предпочитается березняк и рябина. Заслуживает особаго упоминания то обстоятельство, что по укинскому побережью Камчатки часто попадаются почти совершенно белые соболя, собственно лимонно-жёлтаго цвета, считающиеся, в общем, явлением

редким. Исключительный район нахождения этих соболей и отличная совершенно окраска шерсти, заставляют высказать здесь предположение, не составляет ли этот «белый» соболь какого-нибудь иного вида, как легко различимы разновидности соболей камчатского и сахалинского.

Благодаря общепринятому взгляду торговцев, что тот соболь ценнее, у которого цвет шерсти (ости) и подшёрстка темнее, шерсть выше и гуще, «белый» соболь не имеет ценности, несмотря на оригинальный цвет.

Вследствие особой дикости соболей, жизнь его до сего времени мало изучена. Время беременности соболя с точностию не определено, тогда как наблюдения в этом отношении могли бы оказать большую услугу в деле сохранения этого ценного зверька от окончательного истребления. В настоящее время охота на соболя производится с половины октября по 1-е марта, рассчитывая, очевидно, что с этого времени начинается гонка, спаривание и беременность соболичьих маток. Но если принять во внимание, что соболь в пределах Камчатского полуострова ежегодно уменьшается, то нельзя не усомниться в том, что установленное время охоты на него не захватывает, хотя отчасти, периода размножения его. Иначе трудно объяснить, почему, несмотря на видимую неизменяемость камчатской природы и на то же число охотников, уменьшение соболя идёт быстро вперед. Ещё в сороковых годах этого столетия на долю каждого охотника приходилось убивать соболей в пять и даже десять раз больше, чем теперь.

Камчатское население, в особенности инородческое, занимаясь с искони веков преследованием соболя с целью мены его на другие предметы первой необходимости, как-то: чай, хлеб, материи, соль, порох, свинец и т. п., настолько изучило нрав и образ жизни этого хищника, что нашло возможным даже различить соболя по его характеру на так называемого «каменщика», «денщика» и «ночника». Первый своим местопребыванием избирает обыкновенно каменистые местности в предгорьях хребтов, густо поросших зарослями кедровника и ольховника, что делает охоту на него крайне затруднительной и не так удачной, как на второго, который характеризуется тем, что преследует свою добычу обыкновенно по дням, скрываясь ночью где-нибудь или также в камнях, или в дупле какого-нибудь дерева, почему охота на него также часто оканчивается неудачей. Соболенщик, замечая издали приближение охотника, заблаговременно успевает убежать. Проще всех добывается соболь-ночник, имеющий обыкновение, подобно каменщику, охотиться только по ночам, а по

дням мирно спать, забравшись в дупло старой эрмановской березы или тополя, не подозревая, что промышленник, очень искусно разбираясь в запутанных следах, быстро находит убежище и тем или другим способом убивает соболя.

Охоту на соболя различают осеннюю с собакой и зимнюю перенюгой. Начиная с октября месяца и по ноябрь, иногда позднее, словом, до того времени, когда снег не станет настолько глубок, что езда по лесу на лошадях прекратится, охотники выезжают на лошадях, беря с собою зверовых собольих собак в места, где предполагают найти соболей, часто, в зависимости от местности, за несколько десятков вёрст от своего селения. Приучённая собака, отыскав след соболя, преследует его до тех пор, пока не заставит соболя взбежать на дерево; лаем, который резко отличается от лая на медведя, призывает отставшего хозяина, который, увидав соболя, убивает его из ружья. Этого рода охота чрезвычайно затруднительна в той местности долины р. Камчатки, где растёт густой еловый лес. В этой чаще соболь совершенно незаметно ни для собаки, ни для охотника, перебегает с дерева на дерево по густой хвое и совершенно скрывается от преследования.

Отправляясь на охоту за соболем зимой, промышленник вооружается лыжами, ружьём, собакой и главное, берёт так называемую «соболью сетку». Найдя в лесу свежий след соболя, охотник идёт по следу до тех пор, пока не найдёт места, куда соболь скрылся. В зависимости от того, будет ли убежище соболя утес или одиноко стоящее дерево, или занесённая снегом чаща кедровника, располагается сетка с расчётом, что выпугнутый соболь не может никуда иначе скрыться, как только запутаться в сетке.

Окружив таким образом сетку, которая разстанавляется при помощи тонких палочек, охотник, если дело происходит поздно уже вечером, оставляет около сети в качестве сторожа собаку, подвешивает к сети колокольчик, а сам уходит даже за несколько вёрст от этого места на «становье». Собака добросовестно исполняет обязанности сторожа, зорко следя за всем, что происходит внутри искусственной изгороди. Соболь, наскучившись дневным сидением, к ночи выходит из убежища для отыскания себе пищи и здесь, ища выхода из загороди, шевелит сетку, что, в свою очередь, заставляет звонить колокольчик. Собака бежит на звон, хватая соболя и тотчас же несёт его к охотнику; или же, задушивши соболя, сторожит его до возвращения охотника.

Часто случается, что соболь, чувствуя опасность, не выходит в эту ночь, тогда утром охотник приходит и начинает искусственными

мерами выпугивать и выживать соболя. Дерево срубается, или в дупле его разводится огонь, чтобы дымом соболя выгнать из приюта, или, если соболь скрылся в кедровнике, его начинают пугать, втыкая в кедровник длинную палку-«посох». Словом, принимают всевозможные меры к тому, чтобы «выжить» соболя. Надо сказать, что это не всегда удаётся. Бывают, по рассказам, случаи, когда зверёк высиживает, томясь голодом, по нескольку дней в своём убежище и промышленник, заключив, что соболь ушёл, оставляет это место, даром потратив несколько дней на неудачное преследование.

Всякий промышленник различает по следу пол соболя, называя самку «маткой или маточкой» и самца «мужиком или мужичком». Никогда по Камчатке не услышишь, чтобы какой-нибудь зверь различался на самок и самцов.

Для предохранения камчатского соболя от окончательного истребления местною администрациею принимаются меры, к числу коих относится отвод заповедных мест, где охота, безусловно, воспрещена. Таких мест два — одно в районе Кроноцкого озера, другое на юг от Вилучинского вулкана, вдоль восточного побережья почти до мыса Лопатки, в местности, носящей название Асача. Насколько данная местность подходяща для намеченной цели, сказать не решаюсь. Скажу только, что при выборе их, очевидно, руководствовались тем соображением, что оне совершенно безлюдны и, следовательно, более удобны для сохранения их заповедности. Что же касается того, соответствуют ли оне по своим природным качествам всем условиям жизни и размножению соболя, сказать трудно, пока условия эти не будут изучены. Достоверно пока то, что заповедность мест Асачи и Кронок введена ещё в 1882 г. Несмотря на это, количество соболя продолжает уменьшаться. Для сохранения соболя в последнее время сделано распоряжение о перевозке живых соболей на Карагинский остров, где, как заявляет начальство, все природныя условия благоприятствуют жизни этого ценнаго зверька. Предполагается, что Карагинский остров впоследствии сделается разсадником камчатского соболя. Мера эта признана целесообразной и достойной поощрения. Не принято, по-видимому, одного лишь во внимание: почему Карагинский остров, несмотря на одобрение его местною властью, не признан самою природою годным для жизни на нём соболя, котораго, как свидетельствует история завоевания Камчатки, там никогда не было.

*Выдра.* Речная выдра водится повсеместно в Камчатке и составляет один из второстепенных предметов промысла. В Петро-

павловской округе ежегодно добывается от 250—300 выдр, местная цена которым, смотря по величине и качеству меха, колеблется от 5—15 руб. за штуку.

*Росомаха.* Несмотря на небольшой рост и неуклюжее телосложение, росомаха принадлежит к самым прожорливым и более других опасным хищникам Камчатского полуострова. Жертвою ей бывают не только птицы и мелкия животныя, но даже олени, бараны и домашний скот. На крупных животных она набрасывается со скал или с дерев, куда забирается обыкновенно для подкарауливания добычи. Набросившись, например, на оленя, росомаха перегрызает ему кровеносныя сосуды на шее и до тех пор держится на нём, пока он не упадёт, истощённый кровью.

По словам охотников, росомаха прибегает иногда к следующему оригинальному приёму при нападении на диких оленей. В горах, у подножия обрывов и скал, по открытой и поросшей мхом местности пасутся олени. Росомаха, забравшись на обрыв, начинает скатывать один за другим камни, сначала небольшие, затем всё более и более крупные. При первоначальном шорохе катящихся камней олени напрягают всё своё внимание, но потом, убедившись в совершенной обыкновенности подобнаго явления в горах, перестают обращать внимание на катящиеся камни и продолжают пастись. Дождавшись этого момента, росомаха свёртывается в клубок и вместе с камнями сама скатывается по направлению к оленям, и здесь, выждав удобный момент, вцепляется в подошедшаго к ней оленя.

Мех росомахи у северных инородцев в большом употреблении и почёте. Им обыкновенно отделяется лучшая зимняя одежда и шапки, и отделка эта предпочитается всем другим мехам.

Росомах в Камчатке добывается до ста штук ежегодно.

Из остальных видов семейства *Mustelidae* особаго внимания заслуживает *морская выдра* или *морской бобр*, называемый иногда *камчатским бобром*. Чудный мех этого животного привлек внимание ещё первых завоевателей Камчатки, которые включили его в число меховой рухляди, отправляемой в ясак в Москву. Всесторонния достоинства боброваго меха с первых же пор появления его на рынке вызвали большой спрос на него. Вследствие этого, как казаки, так равно и объясаченные камчадалы с особым старанием направили свой охотничий пыл на преследование этого ценнаго и в то же время кроткаго животного.

В начале прошлаго столетия бобры водились почти по всему восточному побережью, особенно же на юг от Камчатскаго мыса,

почему часть океана, омывающая это побережье, и носила название «Боброваго моря». Первые завоеватели Камчатки без особого труда собирали в ясак по несколько «сороков» бобровых шкур, цена на которые была не выше цены на соболя или лисицу и, во всяком случае, гораздо дешевле шкурки россомахи. К концу прошлаго столетия, с появлением в камчатских водах партий различного рода промышленников, особенно же с появлением в наших северных водах промысловых американских шкун, численность камчатских бобров начала сильно уменьшаться. В первой половине настоящего столетия многия из бобровых лежбищ окончательно опустели, а в 1870-х и 1880-х гг. бывали годы, когда бобров в Камчатке совершенно не было видно.

В настоящее время имеется одно лишь бобровое лежбище на юго-восточной оконечности полуострова в районе мысов Жёлтаго и Лопатки, где несколько лет тому назад вновь появились бобры и куда, начиная с 1893 г., ежегодно отряжается местной администрацией для охраны лежбища от хищнических шхун команда, состоящая из двух казаков и пяти частных охотников.

Команде этой вменяется: 1) не позволять хищническим шхунам высаживать на берег своих промышленников для добычи бобров и вообще животных в пределах юго-восточной части полуострова; 2) промыслять бобров, но не иначе, как только сеткою и притом не более двух штук на каждого человека, входящего в состав команды, и 3) охотиться на всех животных, кроме соболей, и не производить ружейных выстрелов ближе 9—10 вёрст от боброваго лежбища. Это последнее обстоятельство предусмотрено потому, что бобр принадлежит к самым боязливым и крайне нервным животным. Ружейные выстрелы не только отгоняют бобров от лежбища, но, пугая их, сильно влияют на правильность половых отправлений, а следовательно, и на размножение, чем, между прочим, и объясняется быстрое уничтожение этого животного с появлением в Камчатке огнестрельнаго оружия.

Добытые охранною командою бобры продаются в Петропавловске с аукциона, причём половина вырученной суммы выдаётся команде, а остальная часть поступает в доход казны. В 1894 г., например, команда доставила в Петропавловск тринадцать бобров, которые и были проданы за 7 027 руб.

Судя по официальным донесениям окружнаго начальства, цель охраны достигнута. В 1893 г. к бобровому лежбищу подходили две хищническия шхуны и хотели высадить часть своей судовой команды (более двадцати человек) для промысла бобров, но, узнав

о существовании береговой охраны, удалились. В последующие годы партии хищников хотя и не появлялись на берегу у лежбища, но шхуны их неоднократно были видимы крейсирующими вдоль берега и вокруг мыса Лопатки.

Результаты от охраны получились следующие: в 1888 г., по словам охотников, бобров на лежбище было не более двадцати; в 1894 г. количество их определено командою, примерно, от пятидесяти до восьмидесяти, в следующие же годы численность их, по-видимому, увеличилась ещё больше, а вместе с тем расширилось и распространение их. В настоящее время на юго-восточной оконечности полуострова образовались уже два лежбища и, кроме того, есть слух, основанный, впрочем, пока на рассказах жителей, что бобры появились и на прежде бывших когда-то лежбищах, более севернее, а именно у мыса Столбового (достоверность этих сведений пока ещё не подтверждена).

Из всех грызунов, водящихся на Камчатском полуострове, особенного внимания заслуживают так называемые «красный мышонок», или «лялькоч» и сероватого цвета «медвежонок», или «чимокок», играющие видную роль в экономической жизни камчатского, как русского, так и ещё более инородческого, населения. Как тот, так и другой вид собирают большие количества сараны и кемчиги в своих подземных жилищах в особых отделениях нор, называемых мышинными амбарами, или атнучами. Этими запасами жители пользуются, отправляясь (главным образом, женщины и дети) в августе и сентябре на «осенний бабий промысел».

Каждая промышленница, вооружённая длинной палкой с железным наконечником — «посошком», или «теликашкой», бродит по обширной тундре, изрытой маленькими грызунами, и то и дело втыкает посох в рыхлую тундровую почву, заключая по получающемуся звуку и ощущению о присутствии или отсутствии сараных или кемчижных складов. Раз атнуч найден, его разрывают, и весь наличный запас ссыпают в травяные мешки «ачалы». Иногда количество сараны или кемчаги так значительно в одном гнезде, что их хватает на полную ношу. Название «*Myodes oeconomus*», данное Палласом виду красного цвета, более соответствовало бы второму виду сероватого цвета, который жителями считается «самой хозяйственной» мышью.

Относительно периодичности появления их на полуострове должно сказать, что и в настоящее время среди камчадалов западного берега существуют рассказы, как о том вскользь упоминает Эрман в своём «*Reise die Erde V. III*», о перенесении мышей



морем с каких-то далёких островов. Чтобы не утонуть, мыши пользуются морской пеной. Обволокнутая ею, она несется по морю к берегам Камчатки и здесь ветром выбрасываются целыми тысячами на берег, все мокрые и обезсиленные тяжёлым путём. Название упомянутого здесь вида «медвежонка» находит своё объяснение в том, что, по рассказам, сохранившимся среди тех же западно-береговых камчадалов, на этот вид мыши охотился, как за медведем, камчадальский лесной дух Пихляч, рисуемый обыкновенно человеком самого маленького роста, «как ребёнок», который развезжает на крохотной нарточке, запрягавшейся или соболями, или белыми куропатками, или даже медведями. Таких езжалых зверей и теперь отличают камчадалы.

Местом распространения этих полевых служат низменности, луга и тундры, поросшие или сараной, или кемчигой. Во всяком случае, за пределы древесной растительности виды эти не идут. Напротив того, два вида *Arctomys*, именно *monax* и *bobak*, водятся исключительно в хребтах, избирая своим местожительством пустоты между голых горных утёсов, немую тишину которых изредка нарушают своим свистом. *Arctomys citillus* водится как в высоких хребтах, так и по открытым низменностям, доходя до самого моря. Некоторое значение в промысловом отношении имеет только *Arctomys bobak*, тёплый и прочный мех которого изредка идёт среди инородцев на шитьё рукавиц, опушку к ним, на шапку и ещё реже на продажу русским.

Что касается до домашней мыши, то должен сказать, что ни мне самому, ни кому-либо из жителей, которых приходилось об этом спрашивать, видеть этого зверька не удавалось. Точно так же и другой вид этого семейства — крыса, надо думать, была сюда завезена на судах, что может подтверждать её последовательная область распространения. Первоначальными пунктами были Петропавловск и Усть-Камчатск, отсюда крысы были завезены вверх по рекам в селенья Авачу, Сероглазку, Старый острог и Коряки, и по реке Камчатке в Нижне-Камчатск.

*Зайцев* в Камчатке очень много; особой охоты на них не существует, так как мех не имеет достаточного сбыта и в незначительном употреблении среди жителей.

Из *ovicornia* следует упомянуть *ovis argali*, известного в Камчатке под названием *барана*; их только один вид. Животное это держится почти повсеместно в камчатских хребтах и составляет собою немаловажный предмет охоты для всего камчатского поселения, благодаря тёплому меху и очень нежному мясу. Для охо-

ты за баранами промышленники отправляются партиями в несколько человек для того, чтобы преградить все доступные баранам выходы из утесов, в которых они обыкновенно держатся, спасаясь от преследований своих многочисленных врагов — человека, медведя, волка и росомахи.

По рассказам охотников, это чрезвычайно подвижное, вполне горное животное отличается замечательной ловкостью, доходящей до виртуозности при скачках и перебеживании среди отвесных утёсов. Мне передавали промышленники-инородцы как факт, что баран, не находя иного выхода из спасительных камней, бросается с десятисаженной кручи вниз и, падая на свои красиво загнутые рога и отчасти на грудь, как ни в чём не бывало, вскакивает и бежит далее. Говорят, что баран свободно пробегает по отвесной плоскости скалы, имея опорой для ног закраину едва в ладонь шириной, и удивительным образом сохраняя при этом равновесие. Наиболее удобным временем для охоты за баранами считаются месяцы ноябрь, декабрь и январь, когда все непролазные чащи ольховника и кедровника, одевающие подножие хребтов, забиваются снегом, открывая тем доступ охотникам к «бараньим камням». Когда же начинаются оттепели и твердый, как лёд, горный снег покрывается гладкой ледяной коркой, охота за баранами прекращается, потому что подъём для преследования баранов в хребтах становится опасным. Малейшая оплошность охотника, один неверно рассчитанный шаг грозит падением с высоты десятков и сотен футов. Немало существует рассказов о таких падениях, сопровождавшихся не только смертью, но и совершенной потерей охотника в пропастях, недоступных человеку.

Из *cervidae* только один вид — это *Cervus Tarandus* L. Надо, однако, сказать, что необходимо различать здесь если не два совершенно самостоятельных вида, то, по крайней мере, две разновидности *северного оленя*, как дикаго и домашняго. Различие между ними резко бросается в глаза даже видящему оленя в первый раз. Дикаго олень значительно крупнее ростом, рога его не так ветвисты, но большей величины, чем у домашняго. Копыта при побежке расставляются гораздо шире, и цвет шерсти однообразный серый. Шкура дикаго оленя больше и крепче, почему и предпочитается жителями шкуре домашняго для выделки различной одежды.

Из оленьих шкур выделываются, главным образом, торбаса (род обуви) летние, или «кожаные», которые отличаются от зимних, или «камасных», не только кройкой, но и материалом, получаемым

из узких полосок шкуры, снимаемых с ног оленя. Из той же ножной шкуры делаются зимняя рукавицы «камасные».

Мех барана считается после медвежьего самым теплым, и потому из него шьются так называемые «кукули», представляющие собою меховые мешки, в которых спят инородцы и камчатские русские во время своих зимних поездок.

Отряд морских животных представляет собою глубокий интерес по тому большому значению в крае, какое он имеет в экономической жизни всего камчатского населения. Несмотря, однако, на то, что моржовые клыки представляют собою значительную ценность по сравнению со всеми продуктами, получаемыми от остальных ластоногих, на первое место по экономическому значению должно поставить обыкновенную нерпу (*Phoca vitulina*). Область её распространения, по словам местных жителей, весьма обширная, занимая собою почти сплошь всё побережье полуострова, как по восточную, так и по западную сторону, держась преимущественно в местах произрастания морской капусты и вблизи устьев рыбных, более значительных рек, по которым нерпы, говорят, поднимаются за рыбой вверх, часто на значительное расстояние. В Авачинской бухте нерпы, несмотря на постоянное преследование со стороны промышленников г. Петропавловска и селений Озерного, Николаевского, Авачи, Паратунки, Сероглазки, Хутора и Старого острога, всё ещё держатся в некоторых её местах, выходя на берег на береговые камни, затапливаемые при приливе водою. Места таких выходов многочисленных стад нерп на берег известны у местных жителей под названием «лежбищ».

Главный промысел ведется западно-береговыми камчадалами, селения которых расположены обыкновенно недалеко от моря и по таким рекам, в устьях которых всегда держатся нерпы. Охота производится ружьями и особыми гарпунами, так называемыми «нерпичьими спицами». Из ружей стреляют нерп, плавая весною в море на своих утлых лодках — «батах». Спицами же закалывают зверя, осторожно подкрадываясь к нему на лежбище или подкарауливая нерпу вблизи берега, когда она занята ловлей держащейся вблизи самага берега мелкой рыбы.

Добытая нерпа почти вся идёт в употребление: кожа выделяется и идёт на шитьё особых дорожных сум и мешков «калаусов», на подбивку необходимых в жизни камчадала лыж, на шитьё торбасов, на подошвы к ним, на ремни, требующиеся при стройке нарт, главным образом, и всей собачьей упряжи. Жир идёт в пищу людям и на освещение. Мясо, несмотря на его неприятный вкус

и какой-то особый запах, идёт в пищу. Даже желудки не выбрасываются, а берутся, тщательно вымываются и служат своеобразными сосудами для хранения оленьей крови, жира нерпы или же служат поплавками для поддерживания рыболовных сетей.

Из многочисленных видов *Phoca* жителями Камчатки различаются: нерпа, лахтак, отличающийся от первой большой сравнительно величиной и окраской, и «школьник», значительно меньших размеров сравнительно с обыкновенной нерпой. Что касается до крылатой нерпы, то говорят, что она водится только в самых северных частях камчатского побережья. К жителям долины р. Камчатки нерпичьи шкуры идут большею частью от торговцев или же непосредственно от береговых камчадалов. Только жители селений нижнего течения Камчатки, то есть Усть-Камчатска, Нижне-Камчатска и Камаков имеют возможность самостоятельно заниматься морским, то есть нерпичьим промыслом. Шкуры упомянутых разновидностей нерп или же видов имеют в камчатском обиходе одинаковое применение. Сивуч почти не имеет промыслового значения в крае потому, что местопребывание его ограничивается по восточному берегу Камчатки каменистыми мысами, далеко от остальных селений, кроме Петропавловска и Усть-Камчатска. Почему если и удаётся в иной год добыть несколько шкур этого зверя, то только жителями названных поселений, располагающих несколькими шлюпками, позволяющими совершать пеезды в море.

Сивучий ремень и сивучьи подошвы, благодаря своей прочности, имеют ещё большую ценность, чем лахтакчи. По западному берегу мне называли единственное лежбище у мыса Утхолокского, или, по местному, Окланай, где сивучей собирается до нескольких будто бы тысяч, но и здесь охотятся на них только камчадалы Утхолокского селения, довольствуясь несколькими штуками. Охота на них здесь сопряжена со значительными затруднениями, потому что местность, где собираются сивучи, совершенно недоступна с моря и только с трудом с суши, представляет собою груду хаотически набросанных друг на друга утёсов.

Морж, водившийся ранее, как видно из описаний Крашенинникова, Стеллера и указаний Дитмара, почти по всему восточному побережью Камчатки, теперь, по сообщениям охотников, водится только за Шипунским мысом да на острове Карагинском. Что же касается до предположений некоторых о нахождении моржей у мысов Кронцкаго, Камчатскаго и Столбового, то предположения эти нуждаются в проверке. От моржа берётся только

кость, то есть клыки, и шкура. Клыки сбываются промышленниками местным торговцам по 15—25 руб. за пуд. Шкура же разрезывается надвое и идёт на подошвы.

*Котик морской*, собственно говоря, в Камчатке не водится, а заходит на рифы юго-восточной оконечности этого полуострова в то время, когда совершает обычный свой переход из южных морей к Командорским островам или обратно. Из таких мест, которые более всего посещаются морскими котиками при их переходах, указывают на мысы Козлова и Столбовой, где, как многие думают, котик иногда остаётся и на более долгое время для совершения половых отправлений.

*Кит*. Судить о том, какие из видов китов водятся в настоящее время в водах, омывающих Камчатку, я не решаюсь, потому что видеть их лично не только в целом виде, но и по частям мне не удалось. Поэтому приходится ограничиться только немногими сведениями, сообщёнными мне местными жителями, которые различают по величине и по присутствию или отсутствию так называемых «усов», отчасти по окраске, три вида: усатый, или большой, кит, полосатик и самый малый по величине — безусый.

Животные эти более знакомы жителям западного берега, чем восточного, что зависит, вероятно, отчасти от того, что население охотского побережья гуще, чем берингова и тихоокеанского, почему жители имеют случай при своих поездках по побережью чаще натолкнуться на выброшенную морем тушу кита, в то время как восточный берег, почти совершенно пустынный, только на незначительной полосе посещается жителями. Следовательно, здесь выброшенный кит чаще остаётся незамеченным. Кроме того, можно думать, что на охотское побережье на самом деле выкидывается больше китов, чем на восточное, потому что первое представляет собою границу бассейна, сравнительно с океаном, незначительного, притом замкнутого, в котором носимые по поверхности, так или иначе ускользнувшие от промышленников-хищников, киты не могут никуда деться и должны быть прибитыми в конце концов к берегу. Вот почему я думаю, что утверждение инородцев, что в Охотском море китов больше, чем в Беринговом и в части Тихого океана, омывающей юго-восточную оконечность Камчатки, не может считаться вполне достоверным.

Самими жителями полуострова киты в настоящее время не промышляются, да и в дошедших до нас описаниях других путешественников нет указаний на то, промышлялись ли киты ранее. По рассказам, инородцы, особенно западного берега, довольствуются

ся случайно находимыми, как замечено, выброшенными китами, находящими по странной случайности свою могилу на суше, с которой некогда они удалились в море, приспособив и переменив свою организацию. Наибольшую ценность у инородцев имеют большой, или усатый, кит, достигающий, по рассказам, громадной величины — 17—20 сажений. Нашедший пользуется правом взять себе нижнечелюстные кости, вся же остальная туша делится поровну между жителями селений, не только тех, между которыми кит был выброшен, но и между более далекими, для чего жители о подобной находке извещаются.

Берётся, главным образом, жир и мясо, если свежее, да более толстые рёбра, нижнечелюстные кости и усы, если они ещё сохранились. Жир и мясо идут в пищу как людям, так и собакам, а из костей, которые весьма тщательно распиливаются на тонкие пластинки, делаются подрезы к нартовым полозьям для придания нарте большой каткости в весеннее время года, когда снег начинает таять и прилипать к деревянным полозьям. Усы идут в продажу местным торговцам. Говорят, что за последние годы количество выбрасываемых морем китов значительно уменьшилось и ещё продолжает уменьшаться, что зависит, по всей вероятности, от хищнического избиения китов в наших водах американцами, увозящими ежегодно из одного Охотского моря продуктов китобойного промысла на несколько миллионов долларов.

Из семейства Delphinidae называют *касатку* и *белуху*. Ни то, ни другое животное в настоящее время жителями не промышляется, разве только случайно удаётся жителям Тигиля убить одну или две белухи в лето. Животное это поднимается большими стадами с началом прилива вверх по реке Тигилю, подобно нерпам, для преследования рыбы, приблизительно на 20—25 вёрст, на каком расстоянии действия прилива более незаметно, и с отливом снова сплывают в море. Явление это можно ежедневно наблюдать на устье р. Тигиля.

Побывавший в Усть-Тигильском посёлке, вероятно, обращал внимание на несколько сравнительно небольших якорей и обрывки железных цепей. Это, передают тамошние жители, остатки несколько десятков лет тому назад существовавшего здесь белуховаго промысла, начатаго будто бы одним из компаньонов бывшей Российско-Американской компании господином Пауэрсом и уже вскоре прекратившагося. От белухи жителями берётся только жир, идущий исключительно в качестве осветительнаго материала.

### Глава III. НАСЕЛЕНИЕ

Народонаселение Камчатки состоит из коряк, камчадалов, небольшого количества ламутов, ещё меньшаго алеутов и курильцев и русских колонистов, образовавшихся из потомков казаков-завоевателей, крестьян-переселенцев и добровольцев, поселившихся в этом укромном уголке нашей обширной родины.

Алеуты и курильцы по малочисленности своей не могут быть причислены в число главных, коренных аборигенов страны, а, скорее, являются элементом случайным, пришлым сюда с соседних мест в погоне, вероятнее всего, за пушным зверем. Не имели и не имеют также особаго значения в жизни этой страны и ламуты, попавшие сюда под влиянием распрей враждовавших соседей или каких-либо других причин и сжатые в своих небольших владениях с одной стороны коряками, с другой камчадалами. Кроме русских, бесспорно, первенствующее значение в числе населения полуострова принадлежит корякам и камчадалам, но и из них, по многим данным, приходится признать камчадалов за аборигенов страны, за первобытных владельцев полуострова. Что же касается коряков, то, несомненно, они являются пришельцами с севера.

Орогеологическое строение Камчатки ясно свидетельствует о сравнительно недавнем появлении на дневную поверхность Парапольскаго дола и образование полуострова из одного из северных островов Курильской гряды, по тем же данным является более чем вероятным.

Антропологическое родство коряк с чукчами и резкая разница их с камчадалами заставляет предполагать о том, что существовала более явственная физическая граница между этими разнотипичными народами, нежели таковая существует в данное время. Таковою границею и был, очевидно, пролив, отделяющий камчатский остров от материка и имевший дном своим нынешний Парапольский дол, или Заносье, как прозвали его казаки.

Корякочукотская народность, бесспорно, принадлежит к монгольскому племени и после общаго для всей Сибири движения народов заняла весь северо-восточный угол Азии, распределившись так: коряки к югу и несколько к западу, а чукчи к северу и востоку. В то же время и курильцы под влиянием распространения китайско-японской расы имели движение с юга на север, избрав ареною своей жизни ряд островов и вытеснив северных своих родичей на камчатский остров, где они, обособившись, составили отдельную народность, и впоследствии, волей неволей, пришли в соприкосновение с коряками.

Такое предположение об отдельности Камчатки в виде острова и о заселении его с юга, а не с севера, быть может, и покажется смелым и не имеющим достаточных данных для своей основательности, но, тем не менее, возможность его подтверждается ещё и тем фактом, что сохранившиеся до некоторой степени типичные камчадалы имеют по наружному виду ясное сходство с курильцами, а чрез них и с японцами. Безспорно, лучшими данными за и против такого предположения были бы детальные этнографические и антропологические исследования восточных народностей, но пока их нет, мнения о родственности их приходится высказывать по наружному виду.

Как известно, японцы по типу разделяются на два класса, ясно отличающихся между собою по телосложению, форме черепа и устройству лица. Интеллигентный класс японцев характеризуется: продолговатый контур черепа (долихоцефолия), лоб сравнительно высокий, лицо овальное, скулы не выдаются, нос орлиный, губы тонкия и цвет кожи белый и нежный. Второй класс, так называемый «рабочий» или «крестьянский», к которому принадлежат преимущественно жители северных островов, отличается особенностями, приближающими его к восточно-азиатскому типу: череп более округлый, лицо широкое и плоское, нос приплюснутый, лоб низкий, скулы выдающиеся, губы толстыя и почти полуоткрытыя, разрезы глаз почти горизонтальные и рост небольшой, но телосложение коренастое, плотное.

Сравнивая камчадалов, с одной стороны, с коряками, с другой — с японцами и принимая во внимание все только что перечисленные племенные признаки, приходится признать более родства между первыми и последними, нежели между первыми и вторыми. Конечно, культурность японцев слишком отдалила их от камчадалов, но, тем не менее, характерные признаки ясно сближают эти две народности, тогда как близость камчадалов с коряками проявляется в отсутствии лишь культурности и в некоторых обычаях и верованиях, непосредственно связанных с этим отсутствием.

Связующим звеном между камчадалами и японцами являются курильцы, из которых жители первых северных островов признаются по всем признакам родственными прежним жителям мыса Лопатки и вообще южной части Камчатки. Правда, жители Южных Курильских островов, по-видимому, сильно отличаются по типу своему как от японцев, так и от камчадалов, но отличие это проявляется только в их волосатости и отчасти в росте (южные курильцы большого роста и волосаты, почему и называются «мохнатыми»),



то есть в признаках, значение которых при распределении человеческих рас до сего времени ещё не выяснено достаточно. Если же эти признаки отбросить, а основываться на главных, то есть на форме черепа, лба, на форме лица, носа и т. п., то постепенный переход от японцев к камчадалам чрез курильцев становится более ясным и весьма вероятным.

Первые завоеватели Камчатки, казаки, застали коряк живущими уже в пределах северной части полуострова, где по выдающимся рекам: Олюторе, Уке, Палану и Каменной жили так называемые «оседлые» коряки, а в тундрах, в верховьях этих рек и далее на север до р. Анадыра кочевали «бродячие», или «оленьи» коряки.

Коряки — народ монгольского происхождения. По физическому сложению, в особенности же по устройству черепа и лица, значительно отличаются от прочих, кроме чукоч, народов севера, как-то: тунгусов, ламутов, якутов и прочих. Сходство же их с чукчами довольно значительное, что и служит причиною выделения их в одну общую народность. Как коряки, так и чукчи имеют форму черепа, сжатую со сторон и несколько приподнятую сзади. Лица коряк круглыя, хотя встречаются и продолговатыя, скулы выдаются умеренно, нос сравнительно высокий и бывает даже с горбом. Лоб довольно высокий, подбородок круглый. Выражение лица скорее умное и большею частью серьёзное. Бороды нет, волосы гладкие чёрные; у мужчин обыкновенно стрижены, тогда как у женщин длинные и заплетённые всегда в две косы. Цвет кожи жёлтовато-смуглый, у женщин блее и нежнее. По телосложению коряки стройны, крепки, гибки и роста выше средняго; небольшой рост, а так же сутуловатость и узкость плеч встречаются как исключение.

Соединяя в себе многия достоинства в физическом отношении, коряки в то же время характерными являются и в нравственных качествах. Они смелы, самонадеянны и самостоятельны. Самостоятельная и вольная жизнь их породила в них полное отвращение ко всякому роду ограничениям, к подчинению и опеке. Каждый коряк сам себе закон и хозяин своему «я». Окружённый со всех сторон необъятной и труднопокоримой тундрой, коряк, владея ею под прикрытием пурги и холода, чужд всякаго со стороны вмешательства в его жизнь. Чужд он и всякаго рода нововведений и советов: олень и тундра — вот всё, чем поглощена его жизнь. Где бы ни был коряк, мысли его всегда бродят около своего стада, а глаза его всегда ищут хорошаго пастбища для оленей. С особою

отвагою и притом прямо, открыто вступают в борьбу со всяким, посягающим на их самобытность. «Не ходите к нам, корму вам не дадим, а если пойдёте, то будем драться с вами, — так говорили коряки партии Елистратова, занимавшегося в 1787 г. описанием берегов Пенжинской губы и желавшаго подняться вверх по р. Пенжине. — От стариков мы слышали, что русские побиты там (в верховьях Пенжины) за то, что от голоду делали старикам нашим всякия обиды отнятием кормов; и ныне лучше быть не может».

Так же, очевидно, открыто говорили коряки и казакам, с которыми им пришлось вести непримиримую борьбу более чем полстолетия.

Храбрый против врагов коряк в то же время и взыскателен к самому себе. В повседневной жизни своей он день и ночь бывает поглощён заботами о сохранности своих оленей и постоянными ради их пастбища переездами с места на место. Особенно же трудны зимняя холодные ночи, когда чуть ли не под открытым небом ему приходится зорко сторожить свои стада от хищных зверей, причём ни завывания бури, ни вой волков не ослабляют его энергии и не уменьшают его бдительности.

При всей своей нетерпимости к подчинению и внешнему вмешательству в его жизнь, коряк в то же время крайне гостеприимен, добродушен и предупредителен. Мирному гостю предлагается и кров, и закалывается лучший олень, а уставший путник всегда находит у коряка все содействия в своих нуждах.

В настоящее время, к сожалению, не всем корякам можно приписать выше указанные качества. Злая судьба и здесь, как и везде, обездолив некоторых из них, силою своего гнёта извратила их, отняв всё прирождённое хорошее и не дав ничего лучшего, свойственного их натуре, привычкам и уменью.

Заняв в общем движении северно-азиатских народов нынешнее место жительства, коряки почти со всех сторон оказались сжатыми соседями, с которыми, волей-неволей, пришлось вести борьбу за существование. Борьба подчас оказывалась непосильною, и вот некоторые из них, борцы за самобытность, лишились своих стад, с ними и всего, чем жили их отцы и деды и на чём сосредоточивались все их помышления.

Вся жизнь коряка, всё его благосостояние зависит от целостности его стада. Олень для коряка всё. И вряд ли есть на свете какое-либо другое животное, которое играло бы в жизни человека такую всепоглощающую роль, как олень в семье коряка. Олень возит, кормит, поит и одевает своего обладателя, а для коряка, при

его замкнутом умственном кругозоре в его неодолимой тундре, больше ничего и не надо. Но вот с севера в погоне за той же тундрой, как необходимого условия для благосостояния оленьих стад, начали теснить коряков чукчи, народ более сильный. С запада постепенно надвигались тунгусы, ламуты и прочие, а на юге все места были уже заняты камчадалами, народом хотя и более слабым, чем они, но носящим за собою более нравственного права на обладание этими местами.

Волей-неволей начинаются частые войны, которые усиливаются ещё более с появлением казаков. Коряки входят в союзные сношения с чукчами и даже пропускают в земли камчатския ламутов, как авангард против водворившихся на полуострове казаков, но всё это не отстраняет от них надвинувшейся бури. Многие из них лишаются стад и обездоливают, а вслед за тем поневоле переменяют образ жизни. Скитание со стадом по горам и тундре заменяется упорным сидением у реки и моря в ожидании хода рыбы. В настоящее время по образу жизни коряки разделяются на кочующих — это коренные коряки, живущие и донныне по обычаям предков, перегоняя в течение круглаго года свои стада с места на место и переезжая за ними со всем своим скарбом, и осёдлых, то есть таких, которые обеднели, потеряв свои стада, и поселились по рекам, поддерживая своё существование рыбною ловлею и охотой на наземного и морского зверя.

Бродячие коряки живут в палатках из лёгких жердей, покрытых оленьими шкурами. Кочевья их распространяются по всему тундристому плоскогорью, называемому Парапольским долом, имея предельною границу на севере р. Анадыр, до котораго доходят, впрочем, очень редко, боясь вступать в неприязненные отношения с чукчами, заселяющими эту реку и не позволяющими никому вторгаться в их пределы.

Западную границу распространения коряк строго провести нельзя; вообще они занимают все северное побережье Охотскаго моря с большим заходом во внутрь страны. На юг коряки спускаются до 56° ш., куда ежегодно прикочёвывают для сдачи ясака и обмена своей добычи на свинец, порох и другие нужные для них товары. Бродячие коряки все объясачены и, несмотря на полную их недосыгаемость по причине непроходимости тундр, ясак платят исправно. В настоящее время редкий коряк имеет стадо оленей в тысячу голов, тогда как прежде большинство из них считались богатейшими собственниками среди всех северо-восточных народов. Владельцы нескольких тысяч оленей и даже десятков тысяч бывали не редкость.

По мере того как некоторые семьи коряк лишались своих стад как необходимого средства передвижения и вольной обеспеченной жизни, они становились в необходимость избирать себе более определённые и постоянные места для жительства, а вместе с тем и изменять свои обычаи и привычки. Моря и реки заменили им тундру и горы, а водные богатства — оленя. В зависимости от устья рек и расстояния их одного от другого явилась разобщённость коряцких семейств друг от друга. Одни поселились по берегам восточного океана, другие по Охотскому морю. Такая разобщённость явилась причиною того, что все осевшие коряки, потеряв обычаи предков, разделились и между собою на несколько отделностей, усвоивших себе те или другие особенности под влиянием чисто местных условий. Даже язык разделился на несколько наречий, сходных между собою и коренным языком, но разных в подробностях.

По месту жительства и наречию оседлые коряки разделяются на четыре рода:

1) *Каменцы и паренцы*. Под этим именем разумеются оседлые коряки, поселившиеся после потери своих стад по устьям рек, впадающих в северную оконечность Пенжинской губы. Название своё получили по имени наибольших своих деревень Парена и Каменной. По официальным сведениям, число их простирается до трёхсот пятидесяти душ обоего пола и живут они в семи деревнях, расположенных вокруг северной оконечности Пенжинской губы. Каменцы и паренцы причислены к Гижигинской округе. С переменою образа жизни и жилища коряк изменились: вместо круглой, куполообразной или конической юрты, устраиваемой кочевниками из тонких жердей и оленьих шкур, жилища оседлых коряк состоят из землянок самого несовершенного устройства.

Землянка устраивается так: вырывается неглубокая яма, сажени три в квадрате, и прикрывается сверху двухскатной крышей, состоящей из толстых жердей, прикрытых дёрном и древесной корой. Иногда внутренность ямы обкладывается срубом из таких же жердей, выступающим над поверхностью аршина на полтора; в таком случае дёрном обкладывается и наружная часть сруба. В середине крыши оставляется отверстие для дыма, служащее в то же время и дверью. Вход в юрту возможен только сверху чрез это отверстие, к которому для этой цели приставляется бревно с глубокими зарубинами, служащими ступенями. Такая землянка согревается вечно курящимся очагом, расположенным посредине юрты, и собственным теплом самих обитателей. Кроме

того, для большого сохранения тепла, особенно в зимние ночи, внутри землянки, так же как и у кочующих коряков, развешиваются полога из шкур. Смотря по числу семейств в каждой юрте и количеству душ в семье, числопологов и величины их бывают различны. Внутреннее устройство юрты или землянки одинаково с тем, как и у других народов подобного типа, и отличается всегда крайнею неряшливостью; смрад, грязь и зловоние необходимая принадлежность подобных жилищ.

Главные занятия каменцев и паренцев, как и других оседлых коряк, составляют рыбная ловля и охота на морского зверя (нерпа, лахтак, кит и прочие). Охота же на соболя, лису, медведя является занятием второстепенным, служащим коряку подспорьем в его невзыскательной жизни.

К числу особых занятий, присущих каменцам и паренцам преимущественно пред другими коряками и вообще соседями, относится кузнечное ремесло. Ножи, топоры, кольца, копыя и тому подобныя предметы, встречающиеся у всех соседних инородцев, являются произведением этих оседлых коряк, причём некоторыя изделия, как, например, ножи и копыя, по чистоте и правильности своей отделки, заставляют удивляться тому, как эти полудикари при полном несовершенстве инструментов и приспособлений могут обнаруживать такое умение в этом деле. Кузнечныя изделия служат предметом торговли с кочующими коряками, у которых оседлые выменивают продукты оленеводства и вообще пушной товар.

Наречие каменцев и паренцев, как и у всех коряк, отличается жесткостью по причине множества небных и гортанных звуков, встречающихся в их словах. Вообще коряцкий язык, выработавшийся среди обособленных кочующих семей, благодаря простоте их жизни и ничтожеству умственной деятельности отличается несложностью и крайнею бедностью своего лексикона. Наречие каменцев и паренцев хотя и изменилось под влиянием более частаго общения с соседями в смысле увеличения форм и произношения, но, тем не менее, благодаря бедности кореннаго языка, является самым простым и легко усваиваемым посторонними, почему при всех торговых сделках и вообще при сношениях с другими инородцами (чукчами, тунгусами, ламутами) в пределах нынешней Гижигинской округи объяснения идут всегда почти на коряцком языке (наречии каменцев и паренцев).

Религия коряк, как и всех инородцев северной Азии, живущих в полудиком состоянии, есть шаманизм. Как ни странно, что именно эта форма религии предпочитается северными племенами, но, тем

не менее, это факт, объяснение которого кроется в давно признанной истине: «Начало религии есть страх», и эта истина с большей интенсивностью проявляется там, где умственное развитие стоит на низкой ступени и где самые лучшие умы из окружающих не могут дать объяснения самым обыкновенным, но в то же время могучим явлениям природы.

Многие проявления сил природы, весьма понятные и объяснимые с точки зрения образованного человека, для дикаря являются сверхестественными, недостижимыми. Особенно сильное впечатление производят на ум дикаря те явления, которые идут в разрез с деяниями человека и сопровождаются гибелью и опустошением. Зло долее помнится, чем добро, страх сильнее чувствуется, чем благородность, и всякое нарушение естественного хода явлений сильнее поражает ум и сердце, нежели великолепнейшее из обыкновенных, но безобидных проявлений природы. Поэтому дикарь во всём могучем, но в то же время странном для себя, видит силу, пред которой преклоняется и изыскивает средства к устранению ея или умилоствлению. Бог как всеобъемлющее существо признается всяким последователем шаманизма, но внимание его поглощается теми злыми духами, которые воплощают в себе те или другие, страх и гибель возбуждающие явления окружающей природы. Всякий дикарь прямо говорит, что он не любит обоготворяемого им злого духа, но боится, а потому и умилоствление его в виде жертв, поклонений, считает для себя обязательным, ничем неотстранимым.

Отсюда почитание и уважение к лицам, которые по натуре своей склонны и способны входить в общение с этими злыми духами и быть посредниками между ними и человеком. Такими посредниками являются шаманы, от которых и весь религиозный культ получил своё название. Быть может, среди шаманов и шаманок и найдутся такие, которые, пользуясь невежеством окружающей толпы, предаются обычному при этом культе беснованию ради своих личных интересов, но, без сомнения, многие из них являются ревностными и по их глубокому убеждению истинными ревнителями своих обязанностей по призванию. Разубедить шамана в его заблуждении нет сил; пока он будет жить в той же обстановке и при том же умственном кругозоре, никакие беседы и уверения не помогут. В этом обстоятельстве кроются, между прочим, частые неуспехи миссионерства и обыкновенные явления рецидивизма в деятельности тех ревнителей слова Божия, которые игнорируют умственным развитием своей паствы. Дайте

школу, дайте образование, и шаманизм изсякает сам собою, «аки воск от лица огня». Без этого же главного аргумента все старания окажутся не только неубедительными, но даже развращающими, убивающими всё чисто хорошее природное и не дающими взамен ничего лучшего и прочного, что на самом деле мы и видим очень часто на тех дикарях, которые попали под влияние искажённой, а потому и губительной для них цивилизации.

Примеры, когда выкрещенцы из дикарей, твёрдо верившие в учение Христа, но не имеющие прочной образовательной подкладки, обращаются к умиловителю злых духов для избежания каких-либо зол и бедствий, нередко и чаще всего являются там, где учение слова Божьего основано не на воспитании и грамотности, а на вере и привычке. Поступки таких людей управляются и вызываются не тем, чему они верят, а тем, что они видят, ощущают, сознают. Религия кочующих коряков — чистый шаманизм с полным сознанием и верою в него; религия каменцев и паренцев — искажённый уже шаманизм, не заменённый ничем лучшим, но пошатнутый уже в некоторых догматах влиянием извне.

2) *Полланцы*. Местопребыванием этих обедневших коряков служит северо-западный берег полуострова Камчатки, начиная вёрст на четыреста южнее каменцев и кончая Воямпольским селением, находящимся в пятидесяти верстах на север от Тигиля. Эта отрасль коряцкой народности получила название от наибольшего своего селения — Поллана, расположенного при устье р. Полланы (Паланы), вытекающей из большого нагорного озера того же имени.

Из других селений, обитаемых этими коряками, известны: Пусторецк, Подкогирная, Лесная, Кликоль, Кохтала, выселок Ургинский и Воямполка. Все эти селения расположены вдоль морского берега при устьях рек того же имени. Число полланцев обоего пола простирается до тысячи душ, все они крещены и имеют в каждом селении часовню, а в Поллане церковь и церковный причт. Жилища полланцев более основательны, ближе подходят к русским избам, хотя в северных деревнях встречаются и полуземляные юрты. Некоторые из жителей начинают заниматься огородничеством и скотоводством. Большинство говорит по-русски, но заметно, что с постепенным удалением на север русский язык и обычаи проявляются всё слабее и слабее, так что жители Пусторецка и Подкогирного селений значительно уже отличаются от остальных в образе жизни и обычаях, сохранив до сего времени некоторые особенности своей национальности в одежде, занятиях и наклонностях.

3) *Укинцы*, то есть коряки, поселившиеся по р. Уке, впадающей в Великий океан под 58° ш., то есть в одной параллели с полланцами. Название укинцев впоследствии перешло и на других коряков, избравших для своего места жительства соседняя реки: Озерную, Хомомо, Ивомку (Ивашку. — *Ред.*), Дранку и Карагу, при устьях которых и расположены деревни того же имени.

Укинцы совершенно тождественны с полланцами, живут в таких же избах, разводят скот, лошадей и занимаются огородничеством. Число жителей во всех этих деревнях около трёхсот душ обоего пола; все они крещены, имеют часовни и церковь с причтом в с. Дранкинском.

Главным насущным хлебом, как и на западном побережье, служат продукты рыболовства и охоты на китов, тюленей разных семейств и прочего. Особенным у укинцев предметом промысла служит сивуч и морж, водившийся когда-то при укинском побережье в значительном количестве, а теперь только в пределах Карагинского острова.

4) *Олюторцы*. Первоначальное поселение этих коряков было по р. Олюторе, а затем они распространились и далее, образовав девять деревень вдоль северо-восточного побережья Камчатского перешейка. Насколько укинцы по нравам и обычаям близки к полланцам, настолько олюторцы близко стоят к каменцам и паренцам. Жилища их состоят из полуземляных юрт; бревенчатые избы весьма редки, особенно на севере, где религия, обычаи и особенно сти выговора почти тождественны с кочующими коряками.

Олюторцы с давних пор были известны своим коварством, мстительностью и неуживчивостью. Самое сильное и упорное сопротивление русским завоевателям-казакам оказывали олюторцы, да и теперь, особенно жители северных деревень, едва ли с особым удовольствием и покорностью смотрят на русскую власть и на обычай платить ежегодный ясак. Занятия олюторцев тождественны с прочими сидячими коряками и отличаются уменьем выделывать из моржовой кости разные мелкие вещи: коробочки, трубки, кольца, игрушки и прочие.

Между этими, только что перечисленными разновидностями оседлых коряков, в середине полуострова по возвышенным местам кочуют ламуты и небогатые стадами кочующие коряки, которые летом прикочевывают с торговыми целями к Тигилю и к своим осевшим сородичам, привозя продукты оленеводства и охоты и запасаясь здесь хлебом (для лакомства), табаком, свинцом, порохом, железными изделиями.



Коренное население полуострова Камчатки, как уже сказано выше, составляют камчадалы, или ительмены, как они сами себя называли, народ, по моему мнению, южного происхождения, то есть курило-японского и японско-китайского.

Крашенинников, первый исследователь Камчатки, признавая за камчадалами родственность их с китайцами, путь движения их описывает так: из Монголии перешли они к морю и, убегая от нашествия других народов, вдоль берега и вокруг Пенжинского моря дошли до Камчатки, где как в уютном от соседства уголке, основались окончательно. Приписывая им такое движение, упомянутый автор в то же время говорит, что такое переселение камчадалов было совершено в глубокой древности, когда монголы не знали ещё употребления металлов (иначе они передали бы их и камчадалам), и притом переселение их предшествовало движению якутов и тунгусов. Иначе эти последние или опередили бы их, и попали в Камчатку ранее их, или, идя непосредственно за ними, они, волей-неволей, должны бы были знать о них хоть что-нибудь, чего опять-таки, по всем данным можно заключить, не было.

Таким образом, по описанию Крашенинникова выходит, что ранее двух тысяч лет тому назад (когда еще монголы не знали употребления металлов) от монгольской расы отделилась небольшая часть людей, и ничем и никем не гонимая, тронулась к морю, потом прошла вдоль всего моря, не встречая на пути своём никаких аборигенов и не побуждаемая к такому переселению никакой народностью, идущее сзади её (иначе с этою народностью пришлось бы вступать в те или другие сношения и тем самым оставить о себе какая-либо известия, чего, как говорит Крашенинников, «не примечено»). В конце концов эта отрасль монгольского племени под влиянием как бы какого-то инстинкта, дойдя до Парапольского дола, повернула на юг и, заняв Камчатский полуостров, составила особую народность, названную впоследствии камчадалами, дотоле неизвестную ни чукчам, ни ламутам, ни тунгусам и ни якутам.

Такое переселение камчадалских праотцев, переселение, поистине, можно сказать, вольное, ничем не вынужденное и притом среди безлюдной тайги и болот, быть может, и было возможно в те отдалённые времена, но, тем не менее, нельзя не видеть в таком объяснении натяжки, особенно имея в виду более легкий и более вероятный путь движения древних камчадалов от той же монгольской расы, но чрез острова, чрез Японско-Курильскую гряду, которая в то время, быть может, и не была ещё в такой раздельно-

сти, как теперь, что в силу особого проявления на ней вулканической деятельности легко могло быть.

Камчадалы, благодаря своему особенному складу характера и восприимчивости, до такой степени подпали под влияние русских и, передав сим последним некоторыя по местным условиям неотменимыя привычки и обычаи, так быстро смешались с ними, что разграничить их на две отдельные народности теперь почти нет возможности. Такая быстрота ассимиляции объяснима отчасти тем, что первые русские казаки в течение долгаго периода появлялись в пределах Камчатки без женщин и, оставаясь там на жительство, очевидно, брали себе жен из камчадалок.

Благодаря такому обрусению камчадалов и окамчадалению русских, один лишь Крашенинников, бывший там вскоре после завоевания Камчатки, успел ещё застать камчатское племя в чистой его неприкосновенности. Последующие же за ним исследователи с каждым разом, год от году, всё более и более лишались возможности наблюдать чистоту типа, нравов и обычаев этого племени. В этом же, между прочим, заключается причина, почему описания камчадалов Крашенинниковым несколько отличается от показаний какого-нибудь Елистратова, описывавшаго их в 1787 г., то есть спустя сорок лет после Крашенинникова, а описание мореплавателей начала этого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия отличаются несколько от описания Елистратова. Наконец, если взять современные показания о камчадалах, то оне окажутся во многом противоречащими со свидетельством о них Крашенинникова.

В силу этих соображений, мне кажется, будет более справедливым, говоря о камчадалах, как об отдельной первобытной народности, придержаться мнения Крашенинникова. В одном лишь, мне кажется, сей исследователь был не прав, назвав камчадалов «нравами грубы». Вероятнее всего, этими словами он желал указать на полное отсутствие среди камчадал какой-либо цивилизации, а не на грубость, вытекающую из жестких, зверских наклонностей. Иначе как-то трудно верится, чтобы кроткие современные камчадалы могли иметь предков, отличавшихся грубостью и жестокостью характера. Очевидно, древние камчадалы были настолько же грубы, насколько по первоначальному впечатлению кажется нам всякий полудикарь, не имеющий понятия о культурной жизни.

Крашенинников так описывает древних камчадалов: «Телом смуглы и черноволосы, глаза малы, лица плоски и не столь продолговаты и скулисты, как у других сибирских народов; щёки

одутловаты, губы толсты и рот превеликой; возрасту все почти средняго, плечисты и присадисты, особливо кои живут при море и морскими зверями питаются; великанов по всей Камчатке нет». Далее: «В житье гнусны, едят из одной посуды с собаками и никогда её не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары; волос на голове не чешут, но расплетают на две косы, как мужчины, так и женщины... а у которых волосы малы, те парики носят, которые бывают весом до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют; женской пол красивее и кажется умнее, чего ради из баб более шаманов бывает, чем из мужеска пола».

Затем: «Нравом грубы, о Боге, пороках и добродетелях имеют развращённое понятие; за вящее благополучие почитают объядение, праздность и плотское совокупление; похоть возбуждают пением, пляскою и рассказыванием любовных басен; главным грехом скуку и беспокойство считают, котораго избегают всеми мерами, не щадя иногда и своей жизни, чего ради прежде самоубийство у них было последний способ удовольствия, и по покорении их казаками до того умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтобы не допускать камчадалов до самовольной смерти...

Живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя... Законов никаких не имеют, начальников не признают; старые и удалые люди имеют в каждом острожке преимущество, которое однако ж только в том состояло, что их советы предпочитались...

Богатства, славы, чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любочестия и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а при том ярость, ненависть и мщение...

Учтивства в словах нет и поздравления нет в обычае; шапок не снимают и не кланяются друг другу; в разговорах столь глупы, что кажется, будто бы они токмо языком разнились от безсловесных животных, однако любопытны и всякой вещи происхождение объявить стараются...

Все вообще места в свете, небо, воздух, воды, землю, горы и леса населяют различными духами, которых больше Бога опасаются и приносят им жертвы, а Бога, напротив, не токмо не боятся, но и злословят... Суд и расправа у них общая, удовольствие обидимому равное воздаяние, кто кого убил, тот от сродников убиен бывает... Ворами, кои часто уличались, обжигали руки, обвив их берестою, а кои в первой раз бывали пойманы, тех бивали без всякаго от вора сопротивления, после чего такие люди принуждены были жить на един без помощи и всякаго с другими обхождения...

Жен имеют по одной, по две и по три... Великое искусство имеют пересмежать всякаго и точно представлять по походке, по голосу, речи и т. п... Но сколь они в житье ни гнусны и в поступках ни глупы, однако, во всем такое мнение имеют, что нет лучше житья их и удовольствия, чего ради казачьему житью, в чём с их не сходно, не без презрения удивляются...»

Переходя затем к описанию жилищ, домашней утвари, обстановки и вообще обыденной жизни, Крашенинников замечает: «Токмо ныне (то есть сорок-пятьдесят лет спустя после покорения Камчатки казаками) во всём последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприяли христианскую веру и стараются во всём российским людям последовать, насмехаясь житью предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. Во всяком остроге определён начальник, который тайон называется и которому поручены суд и расправа над подчинёнными криминальных дел. Во многих местах построены избы и горницы по российскому обыкновению, а инде и часовня для молитвы; заведены там и школы, в которыя сами камчадалы охотно отдают детей своих...»

По Крашенинникову, жилищем камчадалам служили такие же полуземляные юрты, как и у соседних коряков (см. выше), и устраивались они подобным же образом. Как там, так и здесь наверху юрт оставлялось отверстие, под которым устраивался очаг и которое служило для выхода дыма, а равно как и для входа и выхода (дверь) самих обитателей.

Сбоку юрты оставлялось ещё отверстие, служившее как поддувало и в тоже время дверью, но проходить чрез него приходилось ползком и считалось, особенно для мужчин, весьма зазорным. Казаки-завоеватели, не привыкшие к трудному выходению и нисхождению, пользовались этими боковыми отверстиями, которыя со временем стали оставляться в больших размерах и, в конце концов, было обращено в обыкновенную дверь. На прилагаемой фотографии (см. фотовкладку. — *Ред.*) изображено жилище современного беднаго камчадала, которое, очевидно, является переходною ступенью от древних земляных юрт с одним лишь верхним отверстием к современным бревенчатым избам и которое теперь попадаетса весьма редко, только у самых бедных жителей Камчатки.

Рядом с ним сооружен так называемый «балаган», устраиваемый по одному типу у всех северных инородцев, живущих рыбною ловлею, и служащий летним помещением для хозяина и зимним хранилищем заготовленной рыбы и вообще всех продуктов.

Устройство балагана на высоких стойках вызвано, во-первых, тем, что под ним, как под навесом, образуется крытое помещение для просушки рыбы (юкалы), во-вторых, тем, что, благодаря высоте стоек балаган, как хранилище припасов, является недоступным для собак, лис и других животных, и, в-третьих, тем, что при таком устройстве летнее жильё в нём является убежищем от излишней сырости и особенно от комаров и вообще от гнуса.

Необходимую принадлежность жилья всякаго инородца-рыболова составляют рыбные вешала. Постройка эта представляет из себя незатейливую двускатную крышу, поставленную на высоких стойках, к которым в несколько рядов прикреплены горизонтальные помосты из жердей. На жердях подвешивается более свежая рыба (только что распластанная), а на помосты переносится более или менее подсохшая. Такие вешала ставятся как в селениях вдоль реки, так и у мест, где ловят рыбу, если они отстоят от селения в некотором разстоянии.

Описывая жилища древних камчадалов, Крашенинников упоминает и о домашней их обстановке, которая отличалась отсутствием всякой культурности и присутствием всего примитивнаго. Примитивны были у камчадал и домашния орудия, и употребляемое им оружие. По всему видно, что так называемый «каменный период» с прибытием в Камчатку русских только что прекратился там. Даже в бытность там Крашенинникова закоренелые камчадалы по старой привычке ещё употребляли орудия из камня и кости.

Огонь камчадалы, как и все дикари, добывали трением, для чего брали кусок сухого дерева с небольшою ямкою, в которую вставлялся конец сухой же палочки, и приводили её в быстрое вращательное движение при помощи небольшого лучка. За неимением огнеупорной посуды варку пищи производили в деревянных чашках при помощи раскалённых камней.

«Чего ради, — пишет Крашенинников, — и писать бы о том более нечего, если бы сей народ, так как другие, имел тогда или знал употреблять металлы; но как они без железных инструментов могли всё делать, строить, рубить, резать, шить, огонь доставать, как могли в деревянной посуде есть варить, и что им служило вместо металлов, о том, как о деле не всякому знаемом, упомянуть здесь не пристойно, тем наипаче, что сии средства не разумной или учёной народ вымыслил, но дикой, грубой и трёхперечесть неумеющий; столь сильна нужда умудрять к изобретению потребнаго в жизни...

Инструменты делались из оленьей и китовой кости, также и яшмы, горного хрусталя и иного камня... Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Чего ради лодки, большие чаши в такой чести и удивлении бывали, как нечто дорогое, сделанное из дорогого металла...

Железные инструменты почитались высоко ещё во время моей бытности, а железную и медную посуду токмо те употребляли, которые знали, что есть чистота и старались российскому житью последовать, в том числе знатнейшие новокрещённые тайоны...»

Религия древних камчадалов была шаманизм со всеми проявлениями, свойственными этому верованию и общими у всех полу-дикарей северной Азии. В основе, как и у других инородцев, признается божество доброе, милостивое, с крайне непоследовательными представлениями о его могуществе и участии в судьбе человека, котораго, обыкновенно, считают происшедшим от этого божества. Главную же роль в судьбе человеческой жизни принимают второстепенные боги, обыкновенно злые и вечно враждующие со всем живущим. Не имея возможности разъяснить себе причины всех явлений природы и в то же время сознавая всю их мощь, всё их величие, дикарь поневоле видит в них сверхъестественную силу, которую и обоготворяет под различными наименованиями и придумывает различные способы умилостивления их.

Главное божество камчадалы называют «Кутха», которое по сотворении земли сошло в Камчатку и на каждой из главных рек оставило потомство, от котораго и произошли отдельные камчадалские роды — еловцы, авачинцы и прочие. Таким образом, по верованию древних камчадалов, самим Кутхою был определён каждому роду свой удел, в районе котораго он и должен был жить, пользуясь его богатствами: рыбою, соболем, нерпою и прочим. Следы путешествия Кутхи остались в виде гор и долин. Последним местопребыванием в Камчатке Кутхи считается р. Озерная с Курильским озером, где он сел на свои баты (лодки) и отплыл из Камчатки.

Кроме Кутхи, камчадалы почитали и еще одно «доброе» божество, которое охраняло их юрты, их очаг от злых духов и в честь котораго в каждой юрте ставился идол. Затем все остальные божества представлялись камчадалам в виде злых духов, которыми были населены огнедышащие горы, пропасти, леса, моря, реки и вообще всё, среди чего человеку приходилось вращаться и, добывая пропитание, рисковать жизнью или своим благосостоянием.

Отсюда все заботы и умилоствления злым духам и никакого внимания Кутхе.

Свет, по верованию камчадалов, вечен, души бессмертны, которые по смерти человека переходят в подземное царство, во власть старшаго сына Кутхи, Гаеча, который жил в Камчатке и умер первым из всех людей. В подземном царстве души соединяются с телом и снова возстают для жизни, но жизни вечной и не сопряжённой с теми трудностями и опасностями, как на земле, а напротив, будет во всём полное изобилие. Несмотря на такое представление о загробной жизни, камчадалы, как передаёт Крашенинников, крайне не симпатично относились к телам умерших, они их не жгли и не зарывали в землю, а бросали на съедение зверям и собакам.

Не симпатичны были у древних камчадалов и понятия о добродетелях и пороках. Дозволялось человеку делать всё, что служило к удовлетворению его желаний и страстей, не ограничиваясь ни средствами, ни мерами, тогда как самая человеческая проявления души и сердца признавались за грех и величайший порок. Так, по их верованию, убийство, прелюбодеяние, обман и т. п. не считались за порок, тогда как спасение утопающего, например, или подание помощи засыпанному снегом считалось за непрости́мый грех, влекущий за собою несчастья.

Крашенинников приводит следующие суеверия камчадалов, которые в небольших проблесках сохранились и до настоящего времени: «Пить горячия воды, мыться в них и всходить на огнедышащая горы за несомненную почитают погибель и, следовательно, грех, вопиющий на небо; грех у них и над кислую рыбою драться или ссориться (от чего может последовать гибель); грех с женою совокупляться, когда с собак сдирают кожи (от чего на теле может появиться короста); грех соскабливать снег ножом с обуви (случится буря); грех мясо различных зверей и рыб варить в одной посуде (будет несчастье в ловле и охоте); грех ножи и топоры точить в дороге (от чего бывают бури и непогода) и другия подобныя сему мелочи».

Из обычаев древних камчадалов, описываемых Крашенинниковым, особеннаго внимания заслуживает обычай *сведения дружбы*, который состоит в следующем: если кто пожелает свести дружбу с кем-либо, то он приглашает его к себе в гости, приготовив предварительно в большом количестве какого-либо (лучшаго) кушанья и натопив юрты до возможно сильной степени, и начинает усиленно угощать своего будущаго друга, прибавляя всё время этого кушанья и подтапливая юрту. При этом хозяину разрешает-

ся выходить из юрты и не принимать участия в еде. Гость же должен есть, не вставая с места, до тех пор, пока всё не съест или откажется от дальнейшего угощения, откупаясь от него всем, что только хозяин не попросит у него.

Если угощения не хватит, то дружественный союз считается не состоявшимся, а если гость не съест всего предложенного кушанья и откажется, то хозяин берёт с него сначала лучшую одежду, обувь, затем оружие, собак и вообще всё, что пожелает. В конце концов гость уходит голый или получает от хозяина ненужное тряпье, лишь бы чем было прикрыться, и, в свою очередь, приглашает нового друга к себе в гости, и так же угощает, и обирает его до ниточки. Этим обычаем пользовались иногда и казаки, когда желали выманить у камчадала или чёрную лису, или другую какую-либо дорогую пушнину.

Из других камчадалских обычаев, соблюдаемых с некоторыми изменениями коряками и чукчами, более всего интересны свадебные. Каждый жених, облюбовав себе невесту, переселяется на житье к будущему тестю и, иногда не говоря ему ни слова о своих намерениях, начинает на него и на семью его работать, стараясь показать при этом всё своё уменье, проворство и полную покорность. По истечении известного срока, достаточного для полного знакомства с ним, жених испрашивал позволение «хватать невесту», на что, смотря по оценке его тестем и невестою, получал согласие или отказ. С получения согласия невеста поступала под особенно бдительный надзор родственниц и вообще знакомых женщин, причём на неё надевали несколько одежд и даже опутывали рыболовной сетью. Все старания жениха направлены к тому, чтобы, не смотря на надзор со стороны женщин, уловить момент для того, чтобы схватить невесту и разорвать на ней до обнажения известных частей тела все одежды, опутанная сетью.

Женщины, охраняющие невесту, старались притом не только отгонять жениха, но и били его, чем попало. Случалось, что жениху приходилось по несколько раз возобновлять свои попытки схватить невесту, но бдительные женщины не допускали его. Нередки были случаи и такие, что жених получал какое-либо увещье от неистовства охранительниц и поневоле отказывался от невесты. Если жениху удавалось схватить невесту, чем, собственно говоря, и кончался весь обряд женитьбы, то он получал уже право на ночлег с нею и на другой день увозил домой к отцу своему или в свой собственный дом, а для празднования свадьбы возвращался к тестю по прошествии некоторого времени.



Хватание невесты соблюдалось только в том случае, если невеста в первый раз выходит замуж; если же она вдова или находилась в разводе с первым мужем, то обряд женитьбы сводился к обоюдному лишь согласию обеих сторон. Расторжение брака, что случалось очень редко, решалось заявлением и волею мужа, без всяких обрядов. Вдовы не пользовались уважением и получали возможность вторично выходить замуж только в том случае, если кто-либо из посторонних мужчин вступал с нею во временное сожитительство. Свадебные пиры состояли из обжорства, плясок и песен, причём руководительницею пира избиралась какая-либо шаманка, которая совершала различного рода наговаривания и даже жертвоприношения.

Пляски камчадалов крайне безсодержательны и не изящны, и сопровождаются, главным образом, неуклюжими телодвижениями и резким криком. Более других осмысленна пляска в подражание походке и играм животных; один, например, изображает медведя, а другие медвежат и медведицу или ещё что-либо в этом роде.

Что касается до песен, то Крашенинников говорит, «что в песнях камчадалских нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся или смешными, или достойными удивления... В любовных песнях изъявляют склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другия обстоятельства... Все песни сочиняют наиболее девки и бабы, которые имеют весьма чистые и приятные голоса...»

Для примера Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» приводит песни, сложенные камчатскими бабами в честь его, полковника Мерлина и майора Павлуцкого с переложением мотивов их на ноты. В песнях этих нет ни жизни, ни стихосложения, а передаются только привычки или занятия воспеваемых лиц. Так, например: «Если б я был Павлуцкой, то бы повязался белым галстухом», или: «Если бы я был студент (Крашенинников), то описал бы всех чаек» и т. п.

Описывая нравы, верования, обряды, обычаи и привычки древних камчадалов, Крашенинников, поражаясь грубостью и гнусностью некоторых из них, говорит: «В таком крайнем заблуждении находился сей народ ещё и с первых годов моей бытности там, но ныне во всём последовала великая перемена, ибо тщанием всемилостивейшей нашей Государыни Императрицы Елизаветы Петровны все камчадалы приняли христианскую веру. От святейшаго Синода отправлены проповедники со всем, что потребно было к обращению столь дикаго народа, которые имели столь желаемый

успех в учении, что не только обратили в христианскую веру, но и возбудили желание к учению; завели школы по разным местам, в которых камчадалы отдают детей своих без всякаго принуждения, а некоторые учат их своим коштом (за свой счёт. — *Ред.*). По таким обстоятельствам сомневаться не можно, что христианская вера по всему побережью чрез несколько лет распространится».

Предсказание Крашенинникова сбылось. Христианство распространилось по всему полуострову, начиная с низменной Лопатки и кончая теми тундрами, где прекращается осёдлая жизнь коряков и где начинаются вольные скитанья кочевников. Уничтожились верования и обычаи и сгладились нравы; теперь уж не услышишь по всей Камчатке ни завывания шамана, ни диких криков пляшущих; всё смирно и обстоит благополучно. Но, увы, то было самобытное племя, то был народ, полный жизни, полный своих собственных, неподдельных взглядов, а теперь какая-то обездоленная, попанная судьбою смесь, какое-то тело, вынудое из грязи, обсушенное, но неочищенное. «В житии гнусны и нравами грубы», — писал когда-то Крашенинников о камчадалах; теперь же, если бы этот учёный побывал в Камчатке, то, вероятнее всего, написал бы: «Житием изсушены и нравами бедны».

То было время, когда можно было отличить, кто камчадал, кто русский, теперь же слилось всё воедино, всё обратилось в «камчатского жителя», которого нельзя характеризовать ни по скулам, ни по лбу и глазам, а скорее по признакам, ясно свидетельствующим о вырождении племён, по отсутствию типичности, воли и собственная мнения. Раньше камчадал «делал», теперь камчатским жителем «делается», тогда он — «я», теперь он орудие для самого себя. Отнять было легко и ещё легче, пожалуй, не дать ничего, но зато тяжело и прискорбно смотреть теперь на всё, что получилось из этого.

Кому неизвестно, что если дикая, первобытная страна подвергается колонизации, то влияние этого отражается, прежде всего, на ея коренных обитателях. Не говоря уже о том воздействии, которое дикарь испытывает от изменения физиономии местности, неминуемо следующего за появлением более культурной нации. Для него от столкновения с пришельцами становится неизбежным невольное порабощение всех своих воззрений, нравов, привычек, — словом, всей своей физической и нравственной жизни. Прежде всего, оскудевают привычные для дикаря промыслы, охота и рыбная ловля; шаг за шагом дикари отрываются от своего обычного образа жизни и поддаются влиянию чужеземцев, принося им в жертву всё свое самобытное с несравненно большою

скоростью, нежели успевают позаимствовать от них что-либо взамен отданного. Вслед за сим наступает постепенное исчезновение всего старого и появление страны во всём изменённом по жизни, по окраске, по колориту. Проходят годы и старое всё забывается, уступив место новому, более культурному, лучшему, и страна вступает в новый фазис жизни. Против такого течения обстоятельств нельзя и возражать. Но так ли было с Камчаткою?

С появлением русских мирная жизнь дикаря нарушилась. Начинаются кровавые стычки и войны, гибнет народ, леса трещат, реки мелеют. И то, что прежде служило дикарю нивою, откуда он почерпал для себя всё нужное, весь насущный хлеб, мало помалу отходит на второй план, лишается первенствующаго значения, уступая место новой житнице, более культурной ниве, начинается обработка и обсеменение очищенной от излишняго леса земли, преследуется собака, верный друг дикаря, и заводятся лошадь и корова. Осушаются болота и жгутся луга, горит вместе с ними и лес, а вслед за тем исчезает и соболь, последний рубль дикаря. Но всё это нипочем, впереди рисуется новая жизнь, представляется новое учение, основанное на гуманных началах, обставляется оно необходимыми атрибутами — образованием, заводятся школы и выписываются учителя, руководители в нравственной и обыденной жизни. Словом, туземец-дикарь попрали всю свою физическую и нравственную жизнь, дабы вступить в новую, более культурную. Но не успел он освоиться со всем вновь привитым, как настал момент, когда всё цивилизующее, обещавшее руководить новыми принципами, новыми идеями, оставило его, бросив на произвол судьбы. В результате получилось: первобытная Камчатка исчезла с лица земли, а на свет появилась Петропавловская округа, забытая Богом и людьми.

Петропавловская округа занимает собою пространство от южной оконечности полуострова Камчатки до устья рек Лесной, впадающей в Охотское море, и Корагинской, впадающей в Великий океан. Пространство, занимаемое ею, исчислено, примерно, в 210 000 квадратных вёрст, с народонаселением по последней переписи в 8 344 души обоого пола, считая в том числе как кочующих инородцев, в количестве 1 759 душ, так равно остальных камчатских жителей, в числе 6 585 душ.

Народонаселение это распределяется так: на севере округа по обоим побережьям живут, как уже упоминалось выше, оседлые коряки. Между ними кочуют ламуты и бродячие коряки. Русские, если только кто по тщательном изучении отыщет там этот тип, живут в Петропавловске, Тигиле и в нескольких деревнях по среднему и южному течению Камчатки, не считая отдельных семей,

разбросанных среди камчадалских семей. Остальное пространство или, вернее сказать, остальные рыбные реки, с плотностью 0,03 на квадратную версту, заселяют камчадалы, если только, опять-таки, кто постарается отличить этот тип и провести между ним и остальным населением ясные границы. Между русским населением обыкновенно выделяют казаков, но выделение это основано на служебных их обязанностях, которые они отправляют как внутренняя полиция, а не на типичности, которая и здесь потеряна до неузнаваемости.

Преследуя свои прямые служебные цели, мне при проезде по Камчатке пришлось быть далеко не во всех селениях. По свидетельству же людей компетентных, можно сказать, что камчадалский тип более всего сохранился по западному побережью полуострова, где среди жителей не утратился ещё камчадалский язык, на котором в обыденной жизни до сего времени происходит изъяснение. В окрестностях же Петропавловска, а равно и во всех селениях, расположенных вдоль всего полуострова по главному центральному пути от Петропавловска до Тигиля, все жители говорят на русском языке, причём преобладающее большинство камчадалского языка совершенно не знают. Из селений этого района, более других сохранивших камчадалскую типичность, можно указать на: Ганальское (на р. Быстрой, у подножия Ганальского хребта), Кирганик (по среднему течению р. Камчатки) и Седанку (на р. того же имени, впадающей в р. Тигиль).

Жители всех остальных селений представляют из себя полную смесь типов русско-камчадалского происхождения. Разница только в том, что в одних селениях преобладает русский тип, как в с. Желкове, Ключевском и прочих, а в других камчадалский: в селах Малке, Корякском и других.

Для удобства управления всё население разделено на одиннадцать участков, из которых каждый состоит из нескольких селений одного и того же района. Всех селений, не считая бродячих инородцев, — 66, которые распределяются следующим образом:

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число жителей.		НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число жителей.	
	Муж-чин.	Жен-щин.		Муж-чин.	Жен-щин.
Участок I-й.			» Авача . . . . .	37	38
Городъ Петропавловскъ . . . . .	206	186	» Николаевское . . . . .	53	42
Малкъ Петропавловскій . . . . .	8	2	» Паратунна . . . . .	33	32
Хуторъ Тоенской . . . . .	2	1	» Озерное . . . . .	21	20
Селеніе Стрѣглазна . . . . .	46	48	» Хуторъ . . . . .	3	5
» Халактырна . . . . .	20	21	» Старый Острогъ . . . . .	47	37
			» Корякя . . . . .	42	36

Селеніе Начика . . . . .	25	18					
	<b>Итого . .</b>	<b>549</b>	<b>486</b>				
<b>Участки II-й.</b>				<b>Участки VII-й.</b>			
Селеніе Мьяльков . . . . .	171	163	Селеніе Крутогорское . . . . .		38	47	
Верхне-Камчатск . . . . .	40	39	Облюковское . . . . .		64	88	
Шером . . . . .	22	27	Воровское . . . . .		58	74	
Пущино . . . . .	19	11	Колпаковское . . . . .		48	64	
Гональское . . . . .	36	48	Ичанское . . . . .		39	87	
Кярганик . . . . .	33	29	Сопочное . . . . .		50	51	
Машур . . . . .	54	45	Морочинское . . . . .		66	56	
Щалява . . . . .	28	24	Бьлоголовское . . . . .		23	24	
Толбачик . . . . .	36	39					
	<b>Итого . .</b>	<b>433</b>	<b>425</b>		<b>386</b>	<b>441</b>	
<b>Участок III-й.</b>				<b>Участки VIII-й.</b>			
Селеніе Комаковское . . . . .	40	34	Селеніе Ковровское . . . . .		56	57	
Нижне - Камчатское . . . . .	67	60	Утхолодское . . . . .		49	42	
Усть - Камчатское . . . . .	61	68	Напойское . . . . .		39	33	
	<b>Итого . .</b>	<b>168</b>	<b>162</b>	Харьзовское . . . . .	193	138	
<b>Участок IV-й.</b>				Саданка . . . . .	55	44	
Селеніе Ушковское . . . . .	25	32	Аманинское . . . . .	39	47		
Коимревское . . . . .	30	28	Тяглинское . . . . .	175	159		
Крестовское . . . . .	32	40					
Ключевское . . . . .	162	180					
Харьвинское . . . . .	23	29					
Еловское . . . . .	25	31					
Озерновское . . . . .	25	21					
	<b>Итого . .</b>	<b>322</b>	<b>361</b>		<b>540</b>	<b>520</b>	
<b>Участок V-й.</b>				<b>Участок IX-й.</b>			
Селеніе Дранинское . . . . .	38	48	Селеніе Войнопольское . . . . .		63	66	
Иванкивское . . . . .	19	18	Высел. Ургянский . . . . .		4	4	
Унянское . . . . .	5	5	Селеніе Кахтанское . . . . .		115	120	
Ходюлинское . . . . .	11	10	Паланинское . . . . .		112	114	
Караганское . . . . .	47	47	Кинильское . . . . .		67	66	
	<b>Итого . .</b>	<b>120</b>	<b>128</b>	Лясновское . . . . .	86	94	
<b>Участок VI-й.</b>					<b>Итого . .</b>	<b>447</b>	<b>464</b>
Селеніе Большерыцк . . . . .	57	58	<b>Участок X-й.</b>				
Апачинское . . . . .	67	64	Коряки 1-го рода . . . . .		163	183	
Малкинское . . . . .	62	47	Коряки 2-го рода . . . . .		127	115	
Утканское . . . . .	31	22	Коряки не причисленные . . . . .		43	53	
Кяхчянское . . . . .	33	37					
Коловское . . . . .	37	30					
Голяганское . . . . .	26	32					
Яванское . . . . .	21	15					
	<b>Итого . .</b>	<b>334</b>	<b>305</b>		<b>Итого . .</b>	<b>333</b>	<b>351</b>
<b>Участок VII-й.</b>				<b>Участок XI-й.</b>			
				Коряки 1-го рода . . . . .	57	63	
				Коряки 2-го рода . . . . .	45	38	
				Лясновские не причисленные к округу . . . . .	157	140	
				Ламуты болгарского рода улганского . . . . .	108	115	
				Чукчи . . . . .	10	5	
					<b>Итого . .</b>	<b>554</b>	<b>521</b>

Город Петропавловск, основанный Берингом в 1740 г., расположен в северо-восточном углу Авачинской губы и находится под 53°1' северной широты и 128°26' восточной долготы.

Знаменитая Авачинская губа, представляя из себя большое котлообразное вместилище, от природы наделённое всеми удобствами для стоянки судов, как бы в дополнение ко всем своим качествам, вмещает в себе ещё несколько мелких и ещё более

уютных бухточек, из которых более других заслуживают внимание Тарьинская, Раковая и Петропавловская, или Малая Авача.

Малая Авача отделяется от Большой продолговатым гористым мысом, вытянувшимся с севера на юг, почти параллельно берегу и состоящим из двух продольных гор: Никольской и Сигнальной, которые вместе с береговыми возвышенностями (Петровская, Мишенная и другие), действительно, делает этот уголок малодоступным не только для всех ветров, но даже и для военных действий со стороны неприятеля, что и подтвердилось во время осады Петропавловска англо-французскою эскадрою в 1854 г. В довершение, так сказать, всех требований для безопасной стоянки судов, Малая Авача разделяется песчаною кошкою, словно природным молом, на два рейда: внешний, прикрываемый Сигнальною горою, и внутренний (так называемая Петропавловская губа), представляющий из себя небольшое, до двухсот пятидесяти сажень в поперечнике, ковшеобразное вместилище, удобное и возможное для стоянки средних судов и соединяющееся с внешнею частью глубоким проходом сажень в тридцать шириною.

В течение прошлого столетия вся камчатская деятельность сосредоточилась в трёх острогах: Большерецком, Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском. Не берусь сказать, какого вида были эти административные пункты в то время, теперь же они представляют из себя убогия деревушки, ничем не напоминающия о прежнем их значении.

Немногим чем отличается от них и Петропавловск, который состоит из восьмидесяти пяти небольших убогих домиков, расположенных на берегу Петропавловской бухты по склонам двух сходящихся здесь гор: с правой стороны — Петровской, или Берёзовой, и с левой — Никольской, составляющей начало Сигнального мыса. Раньше, говорят, окружающия горы были сплошь покрыты лесом и город представлялся утопающим в зелени, теперь же все береговые возвышенности покрыты только травою и жалким низкорослым кустарником: ольховником, кедровником и прочим. Исключение составляют возвышенности Сигнального мыса, где столетний берёзовый лес представляет из себя заповедную рощу, тщательно сберегаемую жителями и начальством в память героев, обогривших эти места своею кровью во время обороны Петропавловска в 1854 г.

За отсутствием поблизости строевого леса жители для постройки своих хижин пользуются первым попавшимся лесом, преимущественно тополёвым, вывозимым зимою на собаках за двадцать-

тридцать вёрст из долины р. Авачи. Лучшими постройками являются: казённый дом начальника округа, полицейское управление и два-три дома, принадлежащие купцам и «Товариществу котиковых промыслов», которое для своих построек, как жилых, так и пакгаузных, вывезло лес из Америки.

Как ни странно и как ни обидно, а приходится констатировать факт, что для зажиточных жителей Петропавловска выгоднее выписывать для своих нужд лес из Америки, нежели по горам и бездорожью вывозить его за каких-нибудь сотню-две вёрст из долины р. Камчатки, изобилующей лесом.

Под влиянием более частаго пароходнаго общения с внешним миром жизнь петропавловцев сложилась несколько иначе, чем внутри полуострова. Это влияние проникло даже и в окрестные селения: Сероглазку, Паратунку, Авачу и даже Старый Острог (ныне Елизово. — *Ред.*). Жителей этих мест хотя и нельзя назвать достаточно обеспеченными в их существовании, но, тем не менее, в жизни их проглядывает чистота, опрятность и даже щегольство.

В городе следующие достопримечательности: 1) на кошке, разделяющей Петропавловскую бухту на два рейда, поставлен по повелению Императора Александра III памятник «Слава» в честь геройской защиты города от неприятеля в 1854 г.; 2) об этом же доблестном деле свидетельствует и так называемая *братская могила*, где погребены как русские, так и неприятельские воины, павшие при той же защите. На могиле поставлены три чугунных креста с надписями на русском, французском и английском языках: «Здесь лежать воины, верные своему долгу», и часовня, где ежегодно 24 августа с особою торжественностью служитя панихида по воинам, на брани убиенным; 3) памятник Берингу, основателю г. Петропавловска, поставленный в церковной ограде, и 4) Памятник Лаперузу, погибшему в камчатских водах; этот памятник поставлен на узком и седлообразном перешейке, отделяющем Никольскую гору от Сигнальной, и представляет из себя гранитную глыбу неправильной формы с надписью «Памяти Лаперуза 1787 года».

Помимо этих достопримечательностей, нельзя не указать на некоторые остатки «дел рук человеческих», которые с грустью напоминают о более счастливых днях Петропавловска. К числу таких остатков относятся: чудный, хотя и небольшой, берёзовый парк, сохраненный и устроенный бывшими правителями Камчатки; признаки бывшей когда-то набережной, вымощенной камнем; валы и углубления бывших здесь батарей и укреплений;

груды камней и сгнивших обрубков на месте бывших казарм, больниц и прочего.

Петропавловская округа находится под непосредственным управлением начальника округа и его помощника, составляющих вместе с наёмным писцом окружное полицейское управление, находящееся в г. Петропавловске. Являясь главным административным органом округа, полицейское управление в то же время относит обязанности и других необходимых для отдаленной окраины учреждений, как-то: казначейства, акцизного надзора, интенданства, почтового и прочих. В заботе о здравии населения при полицейском управлении состоит единственный для всей округа врач и три фельдшера (в Петропавловске, с. Ключевском и Тигиле), снабжённых небольшими, для пользования от обыкновенных болезней, аптечками.

Для отправления полицейской и караульной службы в распоряжении полицейского управления имеется команда, состоящая из пятидесяти казаков и при них пяти урядников. Камчатские казаки суть прямые наследники тех служилых людей, которые высылались сюда когда-то из якутского и отчасти иркутского казачьих полков для отправления различных полицейских обязанностей. В настоящее время всех казаков в Петропавловской округе насчитывается 670 душ обоего пола, местом жительства которых служат Петропавловск и его окрестности, Тигиль, Усть-Камчатск и Большерецк.

Из этого сословия комплектуется вышеупомянутая полицейская команда, срок службы в которой не определён, а каждый служит до тех пор, пока позволяют силы. Не надо думать, что камчатский казак представляет из себя что-либо подобное военнослужащему, обученному воинским артикулам; нет, это просто-напросто член известной касты, именуемой казачьим сословием, сохраняющей за собою право поступать в состав полицейской стражи. Этим правом казаки дорожат, потому что получают пайковое довольствие, что, при отсутствии какого бы то ни было заработка, является для них большим подспорьем в скудной жизни, тем более что служба полицейская не особенно отвлекает их от семей и их хозяйств.

Живут они в своих домах, занимаются рыбною ловлею, охотою и вообще живут так, как и все остальные жители. Камчатская казачья служба настолько проста и чужда всяких формальностей, что на непривычного человека производит впечатление полной халатности к делу. Камчатский часовой на посту варит себе



чай, спит, а от нечего делать ловит рыбу и прочее. Простота режима камчатской полицейской стражи сложилась под влиянием той добросовестности и честности, которыми, к чести сказать, отличаются вообще жители Камчатки. Воровства в Камчатке нет, разбоя тоже. Хотя «праздность есть мать всех пороков», но эта истина не приложима к камчатскому жителю. И если бы не страсть к спиртным напиткам, которою одержимы все коренные жители Камчатки, и если не вменять им в вину проступки против седьмой заповеди, то можно было бы сказать, что в Камчатке нет греха, а если и бывают иногда какие-либо проступки, то, скорее, от недоумия, нежели от порочности души. Лучшим доказательством добронравности камчатских жителей служит статистика уголовных и гражданских дел, поступивших в окружное полицейское управление за последнее шестилетие: в 1891 г. — 3, в 1892 г. — 4, в 1893 г. — 1, в 1894 г. — 14, в 1895 г. — 11, в 1896 г. — 10.

Доходы с Петропавловской округи слагаются из государственных податей в размере 90 коп. с ревизской души, из ясака в кабинет Его Императорского Величества по 2 руб. 86 коп. с каждого ревизского инородца; из земских сборов по 38,5 коп. с души и со сборов с различного рода торговых и других документов. В 1896 г. всех поступлений было: податей 396 руб. 90 коп., ясаку 3 039 руб., земских сборов 484 руб., пожарный и страховой сбор 158 руб., от продажи торговых документов 3 884 руб., за свидетельства на рыбные промыслы 2 034 руб. и от бобрового промысла 1 614 руб., всего 11 610 руб.

Расходы же казны, считая содержание полицейского управления, врача, учителя и всего духовенства, равняются 22 451 руб., то есть в два раза более доходов.

На населении лежат следующие натуральные повинности: 1) подводная для развозов по округе полицейских чинов, врача, духовенства, нарочных и почты; 2) содержание мостов и перевозов, исправление зимних дорог и обстановка их вехами; 3) содержание в отдельных помещениях прокажённных и 4) выгрузка и перевозка с пароходов казённых продовольственных припасов.

Как ни ничтожны, по-видимому, перечисленные повинности, но, тем не менее, оне тяжело ложатся на бедное население, особенно подводная, которая при громадности расстояний и отсутствии сносных путей сообщения, отнимает много времени и отвлекает жителей от прямых их занятий. То же самое и повинность по содержанию прокажённных, которых хотя и немного, но где они есть, там жители с риском для своего собственного благополучия

должны бывают строить близ своего селения помещение для них, заготавливать для них провизию на целый год и вообще заботиться о содержании их. Так, например, в с. Николаевском, где мужских рабочих рук имеется только пятнадцать, ежегодно приходится содержать пять-десять человек прокажённых.

Каждое селение во внутреннем распорядке подчиняется своему выборному старосте. В таких же местах, как Тигиль, Усть-Камчатск, где имеются казённые продовольственные магазины и куда ежегодно заходят морские суда, те же обязанности возложены на урядника из казаков, называемого частным командиром, власть которого по поручению начальника округа распространяется и на более широкий район.

Кроме внутреннего распорядка, на обязанностях старост и частных командиров лежат заботы об обеспечении жителей продовольствием. Этот род обязанностей едва ли где-либо ещё в Российской Империи является столь необходимым, как в Камчатке и вообще в наших северных округах. Камчатский житель по складу ума и характера есть особый тип, получившийся от смеси беззаботного дикаря с русским переселенцем, выросшим под постоянною опекою правительства, или же с казаком-завоевателем, не привыкшим думать о завтрашнем дне. Дикарь всегда смотрел на реку и на тайгу как на кладовые, откуда он может взять всё нужное тогда, когда захочет. Этот взгляд передался, отчасти, и нынешнему камчатскому жителю. С другой стороны, русский крестьянин, переселившись в прошлом столетии в Камчатку по инициативе правительства, выработал взгляд на самого себя не как на самостоятельного хозяина, а как на работника, от которого требуется работа, а не забота о следующем дне.

В силу таких исторически сложившихся обстоятельств, от первобытного дикаря и прежнего русского переселенца получились потомки, крайне апатично относящиеся к своему собственному благосостоянию. В прежние годы, когда нетронутая природа Камчатки изобиловала богатствами, жители не нуждались в особом обеспечении себя на зиму продовольствием, но затем, когда промысловые животные в лесах и морях стали постепенно уменьшаться, а некоторые и совсем почти перевелись (морская корова), и когда обилие рыбы стало изменчиво, жители Камчатки оказались непривычными, и, по неразвитости своей, неспособными к борьбе за существование. Вследствие этого начались голодовки, а за ними, как необходимое следствие, и различного рода болезни, доходившая иногда по губельности своей до больших размеров.

Неоднократные голодовки вынудили, наконец, ближайшее начальство принять меры к предупреждению их. Как на главную причину в этом отношении было обращено внимание на своевременную и более аккуратную заготовку главного продовольствия — юкалы и вообще рыбы. Приказано было во всех селениях завести общественные запасные магазины, куда каждый житель обязывался вносить известное количество юкалы и ежегодно обновлять её, дабы таким образом иметь запасный кусок провизии на случай голодного года. Такие магазины имеются почти в каждом селении и хранятся старостой, которому в то же время вменяется в обязанность следить и понуждать жителей к тому, чтобы каждый из них своевременно заботился о заготовке потребного для своей семьи количества юкалы, заводил огороды, разводил скот и прочее.

Ход рыбы по камчатским рекам продолжается в течение всего лета и осени, причём жители, по апатичности своей, всегда стараются отложить заготовку юкалы на осень, когда рыбы бывает больше и улов ея легче; но случается, что осенью рыба почему-либо не пойдет в реки, и жители остаются на зиму без провизии. Ввиду этого на обязанности старосты лежит забота, чтобы жители заготавливали рыбу при первой возможности, а не надеялись на более обильный ход ея.

Для обеспечения жителей хлебом и необходимыми припасами для пушного и рыбного промыслов и в целях понижения цен на эти припасы, в округе устроены казённые продовольственные магазины, в которых попечением областной администрации ежегодно заготавливается: мука, крупа, соль, порох, свинец и неводное прядево. Таких магазинов теперь пока три: в Петропавловске, Тигиле и Усть-Камчатске, но есть предположение устроить ещё два: в Воровском селении и Ключевском, и к заготавливаемым припасам прибавить ещё табак, чай и сахар.

Товары из казённых магазинов продаются жителям во всякое время по цене, обошедшейся казне при заготовке. На случай же голодовок мука и крупа содержится в двойном количестве и продаётся с таким расчётом, чтобы на зиму их всегда оставался полный годовой запас. Из этих же магазинов выдаётся пайковое довольствие всем вообще служащим, духовенству и всей казачьей команде. В 1897 г., в бытность мою в Камчатке, во всех трёх казённых магазинах было налицо: муки 11 102 пуда, крупы 1 324 пуда, соли 4 081 пуда, пороху 121 пуд и свинцу 228 пудов.

Казёнными складами заведуют вахтеры из казаков под непосредственным наблюдением частных командиров. Товары обык-

новенно отпускаются за наличные деньги, по крайней мере, так предполагалось при первоначальном устройстве складов, но опыт на первых же порах показал, что при таких требованиях далеко не все жители могут пользоваться припасами из казённых складов; в Камчатке монеты нет в употреблении, по крайней мере, девять десятых жителей не пользуются ею, а обыкновенный способ торговли — меновой, и всё состояние камчатского жителя выражается его имуществом и наличием пушнины, которая и служит вместо монеты. В Камчатке редкий житель скажет вам цену какой-либо вещи в рублях, а всегда определяет её на число соболей, лисиц или же другой пушнины.

Вследствие таких обстоятельств, волей-неволей пришлось отказаться от торговли на наличные деньги, а отпускать хлеб и другие припасы за пушнину. Во избежание же возможных злоупотреблений со стороны вахтеров (цель складов: снабжать жителей без всякого барыша для казны), в последнее время, установился следующий порядок продажи из казённых складов необходимых припасов. Вахтер отпускает их жителям в долг, за круговой поручкой целого селения, а весной или в конце зимы, когда производится сбор податей и ясака, жители вносят примерную стоимость долга пушниною, которая продаётся начальником округа с аукциона в Петропавловске, и вырученная сумма идёт на погашение долга. Если же при этом выручаются излишние деньги, то таковые сдаются на руки жителям по принадлежности.

Такой способ продажи предметов первой необходимости при полной добросовестности жителей как нельзя более оберегает их от многих злоупотреблений. Нельзя не пожалеть, что подобным же образом нельзя обставить и частную торговлю, при которой, благодаря неразвитости и поголовной безграмотности жителей, произвол торговца как в ценах на товар, так и в оценке пушнины доходит до крайних пределов. Чем выше ценит соболя житель, тем выше ценит свой товар купец. В результате получается: на наличные деньги соболя можно купить в Камчатке не дешевле 22 руб., купцу же при обмене на товар и при его собственной оценке он обходится не дороже 10—12 руб. Этим же, между прочим, объясняется тот факт, что камчатского соболя на месте нельзя купить дешевле 20—22 руб., тогда как в Москве он покупается за 15—18 руб.

Камчатская торговля определяется ценностью привозимых товаров и вывозимой пушнины. В навигацию 1896 г. на рейдах камчатского побережья было морских судов: в Петропавловске —

15, в Усть-Камчатске — 3 и Тигиле — 3. На этих судах привезено товару, считая в том числе и казённый груз, на 120 974 руб., пушнины из тех же мест вывезено на 73 110 руб. Излишек ввоза, наблюдаемый почти всегда, объясняется тем, что Петропавловск, по удобству для стоянки судов, до некоторой степени, играет роль складочного места, откуда затем часть товаров развозится по всему побережью Охотского моря.

Не стану разсматривать подробности камчатской торговли, так как цель моя — дать общую характеристику жизни в Камчатке, а скажу только, что как не старалось и не старается правительство оказать содействие камчатскому населению против злоупотреблений торгующих, но достигнуть видимых результатов в этом отношении не могло и не может, так как жители стоят на слишком низкой степени умственного развития, и, по безграмотности их, нет возможности установить ни цен на товары, ни контроля над продажей их. С другой стороны, нельзя не обратить внимания и на тот весьма странный факт, что как ни велики те барыши, при которых камчатские купцы ведут свою торговлю, но, тем не менее, ни один из них не выехал из Камчатки с таким состоянием, которого можно было бы ожидать, судя по получаемым им барышам. Тогда как таких, которые оставили там последнее своё состояние, можно указать не один десяток.

Неустройство правильных морских сообщений с цивилизованными странами, бурность и негостеприимность камчатских морей и гаваней, наконец, полное отсутствие внутренних путей сообщения тяжёлым бременем ложатся на все коммерческие предприятия и, обездоливая камчатских жителей, не без труда, лишений и риска переносятся и самими купцами. Покойный Филиппеус, известный камчатский коммерсант в своей предсмертной записке о Камчатке высчитал по официальным данным, что куль муки, стоящий в Петербурге 8 руб., по доставке его в руки камчадала благодаря указанным затруднениям обходится в 22 руб. 24 коп.

Быт камчатских жителей повсеместно один и тот же. Жилища с полным обиходом домашней утвари и тип надворных построек со всеми приспособлениями и необходимыми хозяйственными вещами везде, как у камчадалов, так и русских, одни и те же. Старых камчадальских жилищ не осталось, все дома выстроены из брёвен, плохо обделанных и дурно сложенных в сруб с конопаткою из моха.

Жители, за небольшим исключением, не знают употребления ни пилы, ни рубанка. Единственными инструментами при построй-

ках и поделках служат топор, нож и тесло. Доски, косяки, рамы и прочее тешутся топором. Стекла для окон употребляются только у зажиточных и вообще там, куда можно провезти их из порта на лодках, не прибегая к вьючной перевозке. У бедных и вообще в захолустных селениях вместо стекол для окон употребляют выделанные кишки и пузыри различных животных. Крыши везде из травы и корья, за исключением весьма редких случаев. Кирпичные печи имеются, кажется, только в Петропавловске. Обыкновенный размер камчатской избы колеблется между шестью и девятью квадратными саженьями, бывают и меньше. Распределение внутреннего помещения почти одно и то же везде. Капитальная стена разделяет сруб на две части: меньшая, без печи и потолка, играет роль передней и служит для склада домашнего скарба, а большая, с потолком и печью, разделяется досчатой перегородкой на чистую половину и кухню. Печь из деревянного остова, обложенного сырцом и глиной, ставится с таким расчётом, чтобы она составляла третью часть всей перегородки и выходила бы топкою в кухню, а стенками в чистую половину.

Штукатурки не существует; наклонность к украшению стен картинами заметна. К сожалению, приходится сказать, что если есть в домах картины, то почти исключительно вырезки из иностранных иллюстраций; любимых русских картин, как, например, Илья Муромец, Бова Королевич, взятие Москвы, бегство самозванца и прочие ни в одном доме не встречал.

Десяток, два, а иногда и меньше подобных домиков, разбросанных без всякого порядка и плана у берега какой-либо реки, обыкновенно с шумом пенящейся между кустов и груды камней, составляют камчатские селения, которые, на первый взгляд путника, всегда кажутся большими, благодаря большому количеству рыбных вешалов, балаганов и амбаров, разбросанных как между домами, так равно и вдоль берега реки.

Если тип камчатской бревенчатой избы, по справедливости, приписывается нововведению русских крестьян, то устройство вешалов и рыбных балаганов, принятое теперь и всеми русскими, бесспорно, является наследием от древних камчадалов. Кроме вешалов и балаганов, большинство хозяев имеют вблизи домов и обыкновенные амбары, величиною не более трёх-четырёх квадратных саженей, которые устраиваются из толстых, сравнительно, бревен и покрываются двухскатной крышей из травы или корья.

Дворовые участки обыкновенно не огорожены. Городьба ставится только вокруг огородов, если таковые имеются. Необходимую

принадлежность каждого селения составляет часовня, которая всегда ставится особняком и делается из такого же материала, как и дома. Более убогой постройки молитвенного дома, как камчатская, едва ли можно встретить где-либо в Российской Империи, не говоря уже об архитектуре и отделке. Между ними можно указать такие, у которых вместо окон проделаны просто дыры, открываемые на время службы. Церквей по всей Камчатке только десять, остальные же селения в течение года пользуются по мере надобности приездами приходского священника, который исправляет необходимые требы.

Самым уютным местечком во всякой деревушке представляется обыкновенно крутой берег над быстро бегущей речкой, но вдоль всего берега, кроме вешалов с сотнями и тысячами развешанных лососок, тянется ряд ям, в которых жители заготавливают так называемую «кислую рыбу». Во время обильного лова рыбы её без всякой чистки сваливают в эти ямы, прикрывают землю и оставляют гнить и перекисать до самой зимы, когда употребляют её в корм собакам. К весне содержимое ям, состоящее из вполне разложившейся рыбы, обыкновенно искармливается собакам, а иногда и самим жителям, и ямы остаются открытыми для выветривания, благодаря которому для всякаго будет ясно, насколько сильна вонь на берегу реки.

Русские, переселившись в Камчатку, успели ввести здесь свою религию, язык и жилища, но не удержали за собою ничего коренного русского, или совершенно забыв его, или изменив до неузнаваемости. Они оставили прежние свои занятия и забыли то, что знали на родине, как-то: прясть, делать сохи, бороны, выделывать горшки, ковать железо и т. п. Имея конечную целью — научить аборигенов хлебопашеству и скотоводству, они сами утратили всякое понятие о них. Взамен этого они научились у камчадалов звериным промыслам, разогнав предварительно зверя; научились домашним обиходным занятиям и по примеру туземцев начали заготавливать себе на зиму вместо хлеба — рыбу, вместо пеньки — крапиву и т. п., нисколько не стараясь об улучшении первобытных инструментов, способов и приёмов обработки.

Таким образом, русские, передав аборигенам веру и тем самым смягчив их нравы, не только не подняли уровень их развития, но скорее сами как бы опустились на несколько ступеней, как бы окамчадались, и в настоящее время не служат даже и хранителями родовых обычаев и чистоты своего родного языка, который по всему полуострову обратился в своеобразный, неприятный на

слух, говор. Туземцы, учась русскому языку, вероятно, коверкали его со свойственным им акцентом и тем самым приучили и самих русских искажать его. Так, например, говорят: «ждравствуйте», «копилье», «сыбко», «шопычка» (сопка); «обчий» вместо «общий», «клиса» вместо «крыша» и прочее.

Что касается до особенностей одежды, обуви, домашней утвари и прочего, то подвести в этом отношении какие-либо определённые итоги нет никакой возможности. Желающему коллекционировать этнографические предметы Камчатки пришлось бы собирать предметы всевозможных образцов и типов, представляющих смесь предмета, употребляемого северными дикарями и культурным народом, не исключая японцев и американцев.

Относительно одежды и обуви можно сказать, впрочем, что всё летнее ближе к покрою русскому, а всё зимнее — к инородческому. В Камчатке теперь уже нельзя встретить одежду из рыбьей кожи, но нет там и русского овчинного тулупа.

Камчатский житель передвигается или на собаках по сугробам снега, или на лодках по реке, пешком, а иногда верхом; последнее редко, так как в Камчатке почти нет дорог.

Собачья упряжь, нарта (санки) и способ управления при езде на собаках одинаковы у всех северных жителей Азии и много раз уже составляли предмет подробного описания, а потому на описании их не стану останавливаться. Скажу только, что езда на собаках в течение почти восьми зимних месяцев является единственным способом сообщения, возможным в этой дикой, малонаселённой горной стране, где лошадь, благодаря большим снежным заносам, сама по себе является совершенно беспомощною, не говоря уже о том, когда ей приходится везти кладь на сотни вёрст среди пурги и холода, не встречая ни жилья, ни запасов корма. Все попытки правительства усилить в Камчатке скотоводство в ущерб собаководству не имели успеха, и собака, этот тормоз цивилизации, как прозвал её доктор Дыбовский, и донныне остается в Камчатке первенствующим домашним животным, продолжая верою и правдою служить своему хозяину. Отказавшись от услуг лошади, русский переселенец поневоле отказался и от телеги, заменив её нартою и батом, только в некоторых случаях пользуясь седлом.

Летних путей сообщения, в смысле проезжих колёсных дорог, в Камчатке нет, и вследствие гористости местности и частых рек, болот, скал и оврагов, быть не может. Частые метели и глубокие снега не позволяют проделывать её и зимою. Только одна собака при незначительной тяжести длинной нарты (нарта весит не более



20—30 фунтов; на неё кладётся от 10—15 пудов) может пробежать без всякой дороги от пятидесяти до восьмидесяти, а иногда и более вёрст в сутки, не останавливаясь ни пред какими дурными условиями пути.

Отправляя в течение зимы тяжелыя обязанности, собака в остальное время года пользуется отдыхом и отпускается на волю. Впрочем, в последнее время по распоряжению начальства стараются держать собак на привязи до конца лета. С весны и в начале лета собак кормят остатками рыбы от зимних запасов и отбросами свежей рыбы. В конце же лета и особенно осенью, когда начинается так называемый «валовой ход рыбы», собаки, обыкновенно, сами занимаются ловлею рыбы по мелким речкам и делают это с особою ловкостью. В августе месяце мне случилось наблюдать, как стая собак, расположившись вдоль обмелевшей речки, помогала друг другу ловить красную рыбу, фунтов в десять и более весом. При этом одна часть собак с шумом и лаем бросалась в углубленные места (русло реки состояло из ряда ям и обмелевших мест) и выгоняла оттуда спрятавшуюся рыбу на мелкия места, тогда как вторая часть, стоя на отмелях, зорко следила и, пользуясь моментом, схватывала выскочивших рыб и выносила на берег.

С наступлением обильнаго хода рыбы собаки едят только одне головки рыбы, оставляя туловища нетронутыми, вследствие чего в осеннее время берега многих мелких речёнок бывают забросаны сотнями и тысячами гниющей рыбы. Особою ловкостью в ловле рыб, по словам жителей, отличаются медведи, для которых местом промысла служат не только обмелевшие реки, но и более глубокия, лишь бы вода была прозрачна.

В летнее время главным средством передвижения служит бат, то есть долблёная лодка, которая в тоже время является и необходимою принадлежностью при рыбной ловле. Материалом для батов служит ветловый и тополёвый лес. И в этом случае устройство батов и способы передвижения на них (при помощи вёсел, шестов и собак) остались те же самые, какие были и раньше у прежних камчадалов и, вообще, инородцев северо-востока. Заменить их чем-либо не удалось до сих пор, так как мелкия каменистыя и быстрыя реки Камчатки только и доступны бывают для плавания по ним на лёгких и мелкосидящих батах.

Для удобства плавания по большой реке и вниз по течению иногда соединяются при помощи ремней и жердей несколько (два или три) батов в один паром, на который можно и грузу больше положить (один бат слишком неустойчив) и на котором,

если нужно, является возможность расположиться с большим комфортом: можно бывает устроить палатку, развести дымокуры, пить чай и прочее.

Нет ничего приятнее, как после утомительной езды верхом на лошадях пересесть на камчатский паром и плыть на нём вниз по течению быстрой реки. Вы любуетесь постоянно меняющимися картинами природы и видами местности. Быстрота реки местами доходит до десяти и более вёрст в час. Что ни час, то новая местность: то вам приходится проплывать вдоль нависших кустов и деревьев, словно по аллее, то среди зеленеющих лугов или групп нависших скал и обрывов. По берегам то и дело мелькают то стаи уток и гусей, то зайцы, лисы, а иногда и бурый медведь пройдёт ленивою поступью вдоль берега и снова скроется в лесу. Всё это при отличной летней погоде является истинным наслаждением для лиц, любящих природу и путешествие.

Выше было сказано, каких хлопот и усилий стоило правительству введение в Камчатке хлебопашества. Заботы эти длились до 1854 г. Правда, в некоторых местах и до сего времени существует посев хлеба (исключительно ячмень), но занятие это является такою же второстепенною отраслью хозяйства, как пчеловодство или садоводство где-либо в черноземной полосе России. Уродит Господь — счастье, а не уродит, так не велика беда, с голоду не умрут.

Другое дело рыба, которая для жителей Камчатки является хлебом насущным. Река здесь играет роль нивы, но нивы, к сожалению, малоизученной и до сего времени не обрабатываемой и не удобряемой. В течение двух столетий русские владеют полуостровом; с появлением русских, привыкших к прочной оседлости и большой скученности, многия камчатския реки начали засариваться и загрязняться, и вместе с тем всё чаще и чаще начали повторяться недоходы рыбы, а затем и голодовки.

Для примера можно указать на селение Озерное, расположенное в пределах Авачинской губы при истоке небольшой речки, соединяющей большое нагорное озеро с р. Паратункою. По словам жителей, речонка эта считалась рыбною и с избытком питала всё селение. Теперь же для заготовки рыбы жители принуждены бьвають ходить на другия реки и уже подали заявление о перемене места жительства. Положим, точнаго определения причин подобного явления нельзя указать, пока не будут исследованы камчатския реки вообще, но, тем не менее, есть основание думать, что Озерное селение лишилось рыбы благодаря тому, что в течение многих лет сваливали скотский навоз к берегам своей кормилицы.

Главные сорта рыб, составляющих насущный хлеб для камчатских жителей, — лососёвые (*Salmo*), которые большую часть своей жизни проводят в глубинах северных морей, откуда для метания икры входят в реки.

Лососи обыкновенно входят в реки большими стадами и при этом обнаруживают такое непреодолимое стремление к движению вверх по реке, как необходимого условия для отправления их половых функций, что никакие препятствия не останавливают этой рыбы и не заставляют её возвращаться назад в море. Замечено, что некоторые лососи, дойдя до какой-либо преграды, лезут в такие отверстия, о которых срывают себе бока, выбрасываются на отмели и бьются на них до тех пор, пока не перейдут их или не лишатся жизни, но никогда не возвращаются назад. Не только быстрые места, так называемые «шивера», но даже пороги и водопады, иногда в несколько футов вышиной, не являются для них препятствием. Так, Паланская река выходит из озера в виде водопада, но это обстоятельство, по словам жителей, не препятствует красной рыбе проходить из моря в озеро.

Существенными для жителей Камчатки видами рыб из семейства лососевых являются: *Salmo Lagoscephalus* (хайко, или амурская кэта), *Salmo Lycaodon* (красная рыба, или нярка, по-охотски), *Salmo Sagvinolentus* (кижуч) и особенность Берингова и камчатских морей — *Salmo Orientalis* (чавыча).

Чавыча — весьма вкусная рыба, величиною аршина в полтора, доходит до двух с половиной пудов веса. Общий вид рыбы одинаков со всеми другими лососями, как-то кэтой, красной и прочими. Отличительным признаком является рост ея, причём особенно выделяются размеры головы и ширина посредине. Цвет чешуи на спине синеватый с тёмными пятнами, а по бокам серебристо-белый. Впрочем, цвет этот с поднятием чавычи вверх по реке, как и у всех лососей, меняется, переходя в красный и даже тёмный. Мясо чавычи светло-красное и очень нежное; остов головы с большим преобладанием хрящей пред костями.

Вход чавычи в реки начинается раньше других и, как видно, в известной постепенности, начиная с севера. В реке Камчатке первая чавыча начинается появляться в конце апреля (устье Камчатки иногда загромождается плавучим льдом, в таком случае вход чавычи в реки запаздывает недели на две, на три), тогда как в Большерецке — во вторую половину мая. В Авачинской губе в 1847 г. первая чавыча была поймана 12-го мая. Чавыча заходит далеко не во все реки Камчатки. Так, на восточном берегу

обыкновенными местами лова ея служат р. Камчатка и реки Авачинской губы, а на западном же берегу реки Большая и Тигиль в большом количестве. В остальные реки чавыча не заходит. Благодаря своему объёму и силе чавыча поднимается вверх по реке с таким стремлением, что впереди ея всегда подымается вал. Жители зорко следят за этим валом (для наблюдения за ходом рыбы на берегу делают высокий помост) и как только заметят, то тотчас же забрасывают сеть или невод.

Не отличаясь обширностью своего распространения, ход чавычи в то же время не отличается, по-видимому, и численностью экземпляров в каждом отдельном стаде. В Авачинской губе каждый заброс сети считается удачным, если в него попадёт две-три чавычи. В Усть-Камчатске лучший улов чавычи в один раз определяется одним или несколькими десятками, тогда как в среднем течении р. Камчатки мне удалось только раз видеть, как жители вытащили невод с пятью экземплярами (некоторые утверждают, что чавычи, также как и другие лососи, большими стадами попадают в невод, но мне этого не случилось видеть).

Ход чавычи на восточном берегу начинается и кончается раньше, чем на западном. Первую чавычу я увидел в Петропавловске 12-го мая, а последнюю в Тигиле 23-го июля. Отличаясь высокими достоинствами своего мяса, чавыча в то же время является неудобною для заготовки ея впрок в виде юкалы (сушёная рыба). Заготовка юкалы состоит в том, что с рыбы снимается вся мясистая часть в виде двух пластов и вешается на все лето под навесом для просушки. Никаких других приёмов не употребляется. При таком способе заготовки, само собою разумеется, юкала, более или менее сносная, выходит только из таких рыб, мясистые части которых не столь толсты и не так жирны, как, например, у чавычи. Юкала из чавычи, хотя и высоко ценится, но трудно сохраняется и скоро горкнет. В силу таких особенностей чавычи, она является только лакомством для камчатских жителей весной и в начале лета; впрок же заготавливается далеко немногими из зажиточных жителей и то только в солёном виде и редко в копчёном.

Так называемая «красная рыба» (в Охотске — нярка) появляется у берегов несколько позже чавычи, затем одновременно с нею заходит в реки и проникает во все самые отдалённые протоки и ручейки, причём, по словам жителей, предпочитает те из них, которые вытекают из озёр, составляющих, так сказать, конечную цель ея путешествия.

Величина красной рыбы обыкновенно три-четыре аршина, а весом доходит до пятнадцати фунтов. Юкала из этой рыбы предпочитается пред другими, хотя вследствие примитивной заготовки ея жителями Камчатки она скоро горкнет и требует особенного ухода для сохранения ея.

Красная рыба, а равно как и следующая за ней кэ́та являются главными жизненными продуктами не только Камчатки, но и всего побережья Берингова и Охотского морей. В удачные для хода рыбы годы и этот сорт лососей входит в реки большими стадами и, как свидетельствуют многие, иногда положительно запруживает реки. В таких случаях не только неводами или какими-нибудь другими рыболовными снастями можно бывает ловить эту ценную рыбу, но даже собаки и медведи без всяких затруднений достают её из воды прямо зубами. Случаи улова в один день и одним неводом от трёх до пяти тысяч лососей в Камчатке не редкость.

Пределом распространения красной рыбы на юг, по-видимому, служат берега Охотского моря, тогда как кэ́та, или по-камчатски «хайко» (*Salmo Lagoscephalus*), является главным рыбным богатством и всего побережья Татарского пролива, и даже северных берегов Японского моря.

Ход чавычи, красной рыбы и хайко с небольшими опаздываниями, одна за другой, продолжается в течение всего лета, до сентября месяца. В осенние же месяцы появляется в реках кижуч (*Salmo Sangninolevtus*), который остаётся здесь до самых холодов и даже до января месяца, когда, как думают, начинается обратный ход его в море. Поздний ход кижуча служит большим подспорьем для жителей, не заготовивших почему-либо юкалы в течение лета, и тем более является желательным, что заготовка этого сорта рыбы приходится в то время, когда легко сохранить её в замороженном виде.

К числу осенних рыб из того же семейства *Salmo* принадлежит горбуша (*Salmo Proteus*), которая в сравнении с другими лососями не имеет особаго значения и если заготавливается, то для корма собакам. Особаго внимания заслуживает тот факт, что горбуша в более южных широтах, как, например, по берегам Татарского пролива, появляется всегда раньше кэ́ты, тогда как в пределах камчатского побережья она редко сопровождает эту последнюю, обыкновенно же, особенно в Охотском море, ход ея начинается гораздо позже всех других лососей, кроме кижуча.

Камчатка богата и такою рыбою из семейства *Salmo*, которая круглый год держится в реках и сточных озерах и только весною

спускается в бухты. К таким рыбам принадлежит камчатский голец (*Salmo Leucomaenis*), которого насчитывают несколько сортов. Не стану перечислять остальные сорта рыб, как-то: сельдь различных сортов, треска и прочие, которые хотя и имеют большое экономическое значение, но не для камчатских жителей, не дошедших в своём развитии ни до каких культурных потребностей, а довольствующихся только тем, чем можно продлить жизнь от лета до весны, а лето, по выражению жителей, само питает человека.

Кроме выше перечисленных лососей, жители Камчатки другими рыбами не пользуются, разве только в самых исключительных случаях и только тогда, когда улов этих рыб не представляет для них никаких затруднений. Так, например, в камчатских морях водится мелкая рыба из того же семейства *Salmo*, так называемая «уйки» (*Salmo Socialis*), которую во время её хода можно бывает черпать прямо из реки каким угодно черпаком и даже просто веслом. По словам очевидцев, уйки иногда выбрасываются бующим морем в таком количестве, что берег бывает покрыт ими на несколько десятков вёрст в длину слоем по колено вышиною.

Несмотря на всё обилие рыбы, не оставляющей Камчатку почти в течение круглого года, жители этой страны большею частью живут впроголодь, а нередко переживают и настоящий голод. Причины такому как бы ненормальному явлению следующие: 1) характер самих жителей; 2) взгляд их на реку, как на кладовую, из которой, если надо, можно доставать, не заботясь об исправности и пополнении её, и 3) отсутствие всякой инициативы в деле улучшения рыболовных снарядов и способов при заготовлении рыбы впрок. В свою очередь, эти три причины сводятся к одной: полное отсутствие умственного развития, благодаря которому интерес их жизни не распространяется далее удовлетворения животных потребностей.

Крашенинников, описывая камчадалов, говорит: «Живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя; богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия и гордости, но токмо роскошь и похоть со своими плодами». Тоже самое почти можно сказать и о современных жителях Камчатки, как о русских, так и камчадалах. Никто из камчатских жителей не сознавал и не сознает, что есть возможность предупреждать различного рода случайности, вредно отзывающиеся на жизни рыб, на их питании, размножении и на заходе в реки. Никто из них не думал, и при настоящем умственном развитии едва ли думает, что есть на свете

и другие, более культурные средства к жизни, чем те, которыми они оставили себя.

Орудиями и снарядами рыбной ловли служат так называемые «запоры», сети, невода, марики и дрыгалки. Самым интересным и в то же время самым распространённым по всей Камчатке рыболовным снарядом является запор, который устраивается так: поперёк всей реки ставится городьба, состоящая из нескольких вбитых в дно реки колев с горизонтальными перекладинами и нескольких решёток, связанных по двум или трём линиям из тонких палочек. Колья и перекладины делаются и ставятся каждый год новые, решетки же по миновании надобности снимаются и на следующий год обновляются и снова прикрепляются к кольям и перекладинам. Посредине городьбы, смотря по числу семейств (или вернее компаний из двух-трёх семей), участвующих в снаряжении запора, оставляется несколько узких проходов.

В каждом проходе устраивается из рам и подобных же решёток нечто вроде коридора с двухколенным изгибом. В задний конец коридора вставляется особый снаряд, так называемая «морда», которая по форме своей напоминает продолговатую (около сажени длины) бочку, сделанную из тонких палочек, связанных лыком или прядевом. Задний конец морды заделывается наглухо, тогда как передний прикрывается клапаном из тонких прутьев, дающих возможность рыбе проходить внутрь морды, но прекращающих её всякое отступление назад. Подобная ловушка, конечно, применима только для такой рыбы, как лососи, которая не только не боится ни каких преград, но готова преодолеть всякие препятствия, лишь бы миновать их, и идёт дальше вверх по реке для нереста.

Рыба, дойдя до запора, ищет хоть какой-либо лазейки для прохода чрез него и попадает сначала в коридор и затем в морду. Морда укрепляется на двух вертикально стоящих кольях, по которым, по мере надобности, она то подымается, то опускается. Во время лова каждый хозяин по несколько раз в день подплывает на бату к своему коридору, подымает морду и вынимает рыбу. При хорошем ходе рыбы морда, по словам жителей, набивается иногда до такой степени ею, что положительно не остается места, чтобы просунуть туда руку.

Сети и невода, которыми пользуются в настоящее время камчатские жители, как по конструкции, так и по материалу далеко не представляют того совершенства, которого следовало бы ожидать от них как от вековых рыболовов. Сетью пользуются исклю-

чительно на взморьях и по бухтам, неводом же — в устьях больших рек и в редких случаях, в нижнем и среднем течении их, где ширина реки и грунт ее дна оказываются к тому пригодными.

Все остальные орудия для рыбных промыслов, как марик (особаго устройства крючок на длинном шесте), дрыгалка (сетка особаго устройства) и прочие являются второстепенными и употребляются только для улова мелких, для юкалы негодных, рыб или тогда, когда нет под рукою другого средства, а рыба чуть не сама выскакивает на берег. Рыболовство, доставляя главные жизненные продукты камчатским жителям, в то же время не является для них особо любимым занятием. На рыболовство они смотрят как на страдную работу и так к ней и относятся.

Любимым занятием считается охота во всех ее видах и способах. В Камчатке все, от мало до велика, охотники и охотою же, смотря по успешности в ней, определяется удачность или неудачность года. Как не обезпечь себя камчадал рыбою, но если он не промыслил ни одного соболя, то год этот, по его мнению, считается худым. Употребляемые прежде луки, клепцы, обмёты и прочее отошли в область предания. Теперь главным орудием для охоты служит ружьё и в исключительных случаях сетка (на соболя), силки и другое. Ружья у камчатских жителей можно встретить всех сортов, начиная с винчестера и бердана и кончая кремнёвой и даже самодельнаго образца.

Главным предметом охотничьяго промысла служит соболь. Промысел начинается обыкновенно с первым выпавшим снегом, примерно около 15 октября, и продолжается до 1-го марта, когда во время дневных солнцепёков снег начинает подтаивать. Собственно говоря, сезон соболиного промысла и удачность его зависит от состояния снега. Глубокий и рыхлый снег утомляет охотника и его собаку и даёт возможность соболу, по легкости его, избегать опасности. Вследствие этого лучшим временем промысла считается конец осени, когда снега бывают ещё неглубоки, и в середине зимы, когда толстый слой снега настолько затвердеет, что не проламывается ни под охотником, ни под его собакой.

Соболиный промысел производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, способствующие быстрому его истреблению, теперь строго воспрещены. Соболь по натуре своей хищный и в то же время очень дикий зверёк, а потому он держится в местах диких и отдалённых от жилья человека. Промышленнику ввиду этого приходится уходить вглубь тайги на несколько дней и даже недель, запастись всем необходимым:



палаткой, провизией, ружьём, сеткой, собакой и лыжами. Занявши какой-либо район для охоты, обыкновенно где-либо в верховьях речки, промышленник каждый день проходит по нему по всем направлениям, стараясь открыть след соболя. Раз только свежий след найден, промышленник пускает по нему собаку, а сам с ружьём и сеткой следует за ней.

В этом случае большую роль играет умная охотничья собака. Лучшими для охоты собаками считаются ламутския, которые и приобретаются за высокие цены (от 25—100 руб.). Соболю не отличается быстротою бега, а потому скоро настигается собакой и прячется от нея или на дерево, или в груды камней, или в какое-либо другое убежище. Достигши этого, собака становится и не выпускает соболя до тех пор, пока не придёт промышленник. Бывали случаи, что собака более суток оставалась над соболем, ожидая отставшаго и заблудившагося хозяина.

В истории завоевания русскими всей северной части Азии соболю играл важную роль. Считаясь любимым и ценным мехом среди русских богачей, соболю с давних пор служит целию для промышленников, которые, опираясь на силу и удачу казаков и постоянно осведомляясь, где есть соболю, шли всё далее и далее вглубь страны, пока не прошли её вплоть до Великаго океана, где поиски за тем же соболю распространились во все, куда было можно, стороны.

Приход русских в Камчатку был роковым годом для камчатскаго соболя, который по пушистости своей более всего привлекал алчность промышленников. Первобытные аборигены страны не ценили соболя, и если убивали его, то по сподручности с охотою на других, более нужных для них животных, а потому соболю в те времена водился в Камчатке в большом количестве. С приходом русских появился спрос на соболя и с каждым годом начал возрастать, так как мех этого зверька шёл и на покупку товаров, и на уплату ясака. Началась усиленная охота на соболя и вслед за тем и постепенное истребление его. Ещё сто лет тому назад соболей из Камчатки вывозили тысячами и даже десятками тысяч в год, теперь же добыча одной, двух и много трёх тысяч в год считается удачным промыслом.

Количество упромышленных в Камчатке соболей за последние десять лет выражается в следующих цифрах: в 1886 г. — 3 235, в 1887 г. — 2 795, в 1888 г. — 2 695, в 1889 г. — 2 375, в 1890 г. — 1 336, в 1891 г. — 1 908, в 1892 г. — 1 029, в 1893 г. — 2 493, в 1894 г. — 2 145, в 1895 г. — 2 265, в 1896 г. — 1 048.

Постепенное уменьшение соболя в последнее время обратило на себя внимание местной администрации, которая озабочена изысканиями способов к ограждению соболя от окончательного истребления.

После соболя вторым ценным зверем по достоинству своего меха считается лиса, которая водится в Камчатке в нескольких видах — красная, сиводушка и реже чёрно-бурая. Лисий промысел, так же, как и соболий, со времени завоевания Камчатки русскими сильно упал. Для предохранения его также приняты меры и запрещены способы охоты, ведущие к безцельному истреблению зверя.

Особенно заметный вред лисьему промыслу был нанесён в начале 1880-х гг., когда был введён в употребление для добычи лисиц стрихнин, при помощи которого много лис было отравлено, но за частыми пургами и большими снегами своевременно не были найдены. Употребление стрихнина теперь строго воспрещено.

В течение последних трёх лет медведей в Камчатке убито: в 1894 г. — 1 541, в 1895 г. — 1 257 и в 1896 г. — 903. Цена за шкуру медведя 10—40 руб.

Из числа других животных, которых жители промышляют как для продажи, так и для собственного употребления, можно указать следующих: морской бобёр (незначительное число), песец (самое незначительное число), волк (незначительное число), горностай (около 150 в год), росомаха (около 100 в год), выдра (от 250—300 в год), каменный баран (около 300 в год), северный дикий олень (около 600 в год) и различные виды ластоногих: моржи, нерпы, сивучи и лахтаки (от 1 500—3 000 в год). Из перечисленных животных особаго внимания заслуживают ластоногия, которя в жизни населения играют видную роль, доставляя им ремни и кожи для хозяйственного и домашнего употребления.

Все промысловыя животные с появлением в Камчатке культурнаго человека сильно уменьшились в численности. Раньше здесь встречался морской котик, теперь его совершенно нет. Морж водился прежде по всем берегам Камчатки, теперь он остался лишь в одном месте у Корагинскаго острова; то же можно сказать о ките, морском бобре и других животных. Крашенинников сообщает, что лисиц и песцов в Камчатке было так много, что их убивали палками, отгоняя от собак во время кормления, соболей же камчадалы не только не считали ценными, но даже смеялись, когда казаки-завоеватели брали их как ясак. Всё это в настоящее время изменилось до того, что легче бывает достать хороших соболей

и лисиц где-либо на цивилизованных рынках, нежели среди жителей самой Камчатки.

С покорением Камчатки русскими соболь стал считаться денежною единицею; с тех пор при платеже ясака, при всех торговых операциях всё оценивалось и рассчитывалось на соболя, а лиса, выдра и другие явились как разменная монета. При раскладке податей и вообще всех повинностей расчёт производился шкурками этих животных. Не жалели тогда соболя русские, не дорожили им и камчадалы. Да и немудрено: каждый ясачный промышленник мог убивать в зиму от тридцати до семидесяти соболей и, следовательно, свободно мог расплачиваться за всё. Теперь же промысел считается удачным, если охотнику удастся добыть в течение зимы от трёх до пяти соболей с затратою на это большого труда и времени.

Всё, что сказано относительно промысла соболинаго, аналогично с добычею и других ценных пушных зверей. Таким образом, ясно, каково было богатство прежде и каково теперь, чем измерялось благосостояние прежних дикарей и чем выражается оно теперь, среди теперешних жителей этой страны. Разница в довольстве жителей ещё более выразится, если взять во внимание потребности бывших аборигенов страны в сравнении с требованиями, предъявляемыми нынешним жителям Камчатки. Тогда не было ясака, тогда не было и других повинностей; каждый жил «беззаботно», помышляя лишь о настоящем и думая лишь о себе. Русская колонизация, принеся в Камчатку более цивилизующия начала жизни (общинность, законность и прочие), внесла в то же время и целый ряд требований, обуславливающих эти начала. Взамен же тех средств, которыми раньше дикари обладали, не дала ничего, или лучше сказать, хотела дать, но ничего не вышло.

С подчинением камчадалов требованиям русской власти и с обращением их в христианство, было, по-видимому, твёрдое намерение ввести в их среду культурность путём умственного и нравственного развития подрастающего поколения. С этою целью были посланы туда миссионеры, благодаря ревностной деятельности которых дело пошло настолько успешно, что к царствованию императрицы Екатерины II в Камчатке насчитывалось одиннадцать церквей и столько же школ, причём, как видно из отчётов того времени, все аборигены страны, за исключением немногих бродячих дикарей, были обращены в христианство и более половины детей школьного возраста со свойственной камчадалам любознательностью изучили русскую грамоту.

В то время и правительство шло на помощь образованию камчадалов. Предоставлялись различные льготы учащимся и тем, кто успешно оканчивал курс в школах. Для большего усовершенствования в русской грамоте открывались школы с более широкою программю; в конце прошлаго столетия была открыта полковая школа, затем ремесленная, духовное училище и, наконец, в царствование императора Николая I сельскохозяйственное училище с полным курсом и с производством практических работ и занятий. При такой системе в деле колонизации эта чудная страна, безспорно, теперь была бы уже более чем состоятельною и, во всяком случае, не являлась бы для правительства тою обузою, от которой оно теперь откупается ежегодно несколькими десятками тысяч рублей. Хлеб, порох, свинец, мануфактурныя произведения и вообще все необходимые в жизни предметы и товары вывозятся в Камчатку и не иначе, как с субсидиею от правительства.

В 1855 г., когда русскими было занято устье Амура, весь интерес правительства перешёл с Камчатки на эту последнюю окраину. С этого момента в Камчатке всё пошло к упадку и забвению; закрылись учреждения, обветшали церкви и пала школа, а вместе с тем понизилось и то религиозно-нравственное воздействие, благодаря которому имелось в виду поставить камчатских жителей в более или менее культурныя условия. Правда, школы и церкви существуют в Камчатке и в настоящее время, но при тех условиях, которыми они обставлены, признать за ними хоть какое-либо цивилизующее значение было бы ошибочно. В такой безкультурной стране, как Камчатка, церковь без школы не может идти далее слепого выполнения обрядностей, на которыя как жители, так и сам причт смотрят как на повинность. Священник отслужил, а мирянин заплатил, тем дело и кончается. Мне известен случай, как один из крестившихся инородцев, опоздавши к исповеди и причастию, заботился не о том, что остался без столь важнаго для христианина таинства, а о том, что не сдал принесённую им за эту обрядность белку.

Весь полуостров в церковном отношении разделён на восемь приходов. В одном из людных селений каждого прихода имеется церковь и причт, состоящий из священника и одного или двух псаломщиков (в Петропавловске причт состоит из протоиерея, священника, диакона и двух причётников). Церковная обстановка крайне скудная, если не считать исключением несколько дорогих икон и некоторых других вещей из церковной утвари, имеющих в Петропавловской и Нижне-Камчатской церквах, куда

в прежние годы нередко поступали пожертвования от мореплавателей, находивших в этих уголках отдых от бурь Великого океана.

Училищ в Камчатке девять, из них в Петропавловске одноклассное городское училище, по положению 31 мая 1872 г., и восемь церковно-приходских школ, существующих в селениях при церквях. Петропавловское городское училище, основанное в 1893 г., содержится Министерством народного просвещения с отпуском из казны 1 557 руб. 95 коп. и с пособием от города в размере 900 руб. Кроме того, в последнее время ассигновано еще 600 руб. на содержание при этом училище мастерской, преимущественно бондарной. Указанные средства расходуются на содержание учителя, его помощника, на выписку пособий и на содержание дома как для училища, так и для учителя.

Училищный дом, если только можно так выразиться, есть, собственно говоря, досчатый барак, служивший некогда торговой лавочкою. Приспособление этого строения в училищное помещение выразилось тем, что в нём была поставлена печь и стены были обшиты кругом вторым рядом досок, причём пространство между досками засыпано землею. Признать такое помещение за училищное нельзя, так как оно не выдерживает ни малейшей критики.

Город Петропавловск, или, лучше сказать, остатки некогда бывшего порта, собственно говоря, не имеет городского сословия, потребности которого вызывали бы необходимость открытия у них городского училища, по положению 31 мая 1872 г., а потому существующее Петропавловское училище не достигает там своей цели. Петропавловский мальчик сам по себе не нуждается в тех познаниях, которые может дать ему подобного рода училище. С другой стороны, при тех условиях, которыми обставлено это училище, он не в силах получить там и таких познаний, с которыми он мог бы быть полезным для общества. Училищное здание не в состоянии вместить более тридцати мальчиков, а по величине и удобствам не представляет решительно никакой возможности иметь более трёх отделений. Кроме того, подобный план училища предназначен исключительно для мальчиков, а потому петропавловския девочки, волею неволей, остаются без обучения (вопреки существующим правилам, в Петропавловске разрешено принимать по мере возможности и девочек, заканчивая обучение их трёхгодичным курсом).

Словом, училищных средств (дом, денежные суммы, пособия и прочее) как для постоянного городского училища слишком много. На эти средства можно было бы содержать, по крайней мере, два начальных училища, не исключая из числа школьников

и девочек. Городския же училища при крайней непригодности училищнаго здания нельзя обставить в должном порядке ни одного, хотя бы в одноклассном составе. Между тем, более или менее сносно обставленное городское училище в Петропавловске могло бы оказать существенную пользу населению полуострова, являясь там разсадником вполне грамотных молодых людей, могущих быть местными учителями в сельских школах. Это обстоятельство тем более является настоятельным, что в такую страну, как Камчатка, нет желающих ехать сельскими учителями за плату, увеличенную против обыкновеннаго даже вдвое.

Камчатския селения, не имея средств на содержание присланных к ним учителей, в то же время не имеют и возможности готовить их из своих привыкших к местной жизни мальчиков. Да не одних только учителей для Камчатки могло бы воспитывать Петропавловское городское училище. Там всякий грамотный человек отыскивается с трудом. Для примера можно указать на церковный причт, из числа котораго есть некоторые совершенно безграмотные, а если они и отправляют свои обязанности, то наизусть, понаслышке.

Разсматривая нужды камчатскаго населения в этом направлении, приходится пожелать: 1) преобразовать Петропавловское училище, по крайней мере, в двухклассный состав, при котором, безспорно, будет более шансов на успех, нежели при одноклассном составе; 2) построить здание с помещением для заведывающаго училищем и 3) иметь при новом здании хотя одну комнату для местнаго интерната, в котором сельския общества на своём собственном иждивении могли бы содержать мальчиков (допустим, по одному от каждаго причта или общества) для подготовки их в учительския звания. Подобный вопрос во время моего проезда по Камчатке был возбуждён неоднократно среди жителей, раз только речь заходила о школе и вообще, о грамотности, и везде приходилось слышать полную готовность общества к приготовлению учителей из местных уроженцев вышесказанным путём.

В селении же Ключевском староста так энергично ухватился за эту мысль, что на другой день ко мне был приведён мальчик лет тринадцати, котораго жители изъявили желание содержать в Петропавловске для обучения его учительскому «знанию». К счастью, один из моих спутников, петропавловский врач Тюшев, предложил свои услуги, пока будет разрешаться вопрос о Петропавловском интернате, взять этого мальчика для указанной цели в Петропавловск к себе, на своё иждивение.

Мальчик действительно был взят и в настоящее время учится в Петропавловском городском училище с особым, по моему предположению, вниманием со стороны заведующаго училищем. Желательно, чтобы этот опыт увенчался полным успехом, так как жители Камчатки по свойственной им любознательности весьма склонны к обучению грамоте, но, к сожалению, по бедности своей лишены возможности пользоваться ею. Примеры самоучек нередки; готовность к обучению не останавливается и пред тем, когда отцу приходится отвозить сына в школу, находящуюся за несколько десятков вёрст от его селения. Большим тормозом в этих случаях служит постанова камчатскаго школьнаго обучения, требующая иногда нескольких лет для того только, чтобы мальчик научился едва-едва читать или писать.

Мне известен, например, такой случай, когда отец в течение четырёх зим возил своего сына в соседнюю школу и когда спросил учителя о причинах неуспешности сына, то получил ответ: «До твоего сына не дошла ещё очередь, привози на следующую зиму».

Дело вот в чём: камчатская школа обыкновенно вверяется первому попавшемуся грамотею, и хотя считается церковно-приходскою, но священник по обширности своего прихода (не по числу жителей, а по разбросанности их на целыя сотни вёрст) является в ней редким гостем, в виде наблюдателя. Грамотей же обыкновенно так ведёт своё дело: садится рядом с двумя или тремя мальчиками и начинает разучивать с ними какую-либо молитву или отрывок (из псалтыря, священной истории, часослова) сначала по буквам, затем по слогам, а потом уже с произношением полных слов. И до тех пор занимается с ними, оставляя всех остальных школяров на произвол судьбы, пока не научит каждого из них читать взятую им статью, а затем уже переходит к следующим двум или трём мальчикам, заставляя прежних повторять «зады» и т. д.

При таком способе камчатскаго обучения, как ни странно это слышать в наш просвещённый век, пришлось наткнуться в двух из семи пресловутых камчатских школах на следующие факты: 1) взял я священную историю и предложил прочитать одному из учеников первое попавшееся заглавие и, к удивлению, получил ответ, что он по этой книге не учился. Я ко второму, и тот тоже заявил, что не по той книге учился. В результате оказалось, что одни ученики умели читать только псалтырь, другие историю, а третьи оказались специалистами по части молитв; 2) один ученик поразил меня своим ростом и летами (семнадцать лет), и когда я осведомился о причине долгаго обучения, то получил ответ,

что до него только в прошлом году «очередь дошла»; 3) один мальчик оказался сведущим до некоторой степени по всем специальностям камчатской школы: знал несколько молитв, читал наизусть некоторые псалмы и умел рассказать кое-что из священной истории, между тем он считался в разряде, до которого «ещё очередь не дошла». Дело объяснилось тем, что этот ученик, способный и очевидно внимательный, слыша, как учитель разучивает то или другое с его товарищами, успел, не дождавшись ещё очереди, научиться понаслышке; 4) в два предшествовавших года мне по распоряжению главного начальника края пришлось высылать в камчатские школы учебники и учебные пособия. Посещая камчатские школы, я, к удивлению своему, убедился, что присланные мною книги хранятся закупоренными, и учителя не нашли полезным пустить их в употребление, быть может, даже потому, что они сами «по таким книгам не учились».

Сказанных примеров достаточно, чтобы судить, какова школа в Камчатке и каково её значение в этой стране. Если же ко всему сказанному прибавить, что камчатские школы часто не функционируют или по неимению здания, или по болезни учителей и руководителей, или по каким-либо другим причинам, то едва ли я заслужу упрек, если скажу: в Камчатке школы нет. Не было её и прежде, до завоевания её русскими, но тогда отсутствие её не было столь ощутительным, как теперь. Тогда и дикарь жил вольно, своею естественною жизнью, довольствуясь своим мировоззрением; теперь же он, выбитый из своей колеи и обруселый, является совершенно беспомощным в борьбе за существование. Потерявши обычай и верования своих отцов, он коснулся плодов цивилизации, но не успел ещё освоиться с ними, как настал момент, когда он лишился возможности постигнуть всю суть их.

К сожалению, в Камчатке, как и везде в подобных случаях, нетронутая натура дикаря явилась более восприимчивою не к хорошему, а ко всему дурному, скорее растлевающему и душу, и тело, нежели облагораживающему. Явились пороки, а вслед за ними явились и болезни, бороться с которыми дикарь оказался неподготовленным. Вследствие этого от двадцатитысячного населения камчадалов по последней переписи всех жителей Камчатки осталось немного более восьми тысяч, считая в том числе как инородцев, так и тех русских, которые когда-то были переселены сюда с целью колонизации страны. В самое цветущее время Камчатки против различного рода эпидемий принимались меры: заводились больницы, рассылались аптечки, выписывались



доктора, фельдшера и прочее. Но прошло время, и осталось население без медицинской помощи, без хлеба, без зверя и без всякой помощи.

Между тем гнетущая нищета и страшные болезни всё более и более подавляли камчатское население. Явилась оспа и тысячи жертв унесла в могилу. Появился сифилис с его ужасными последствиями и, наконец, проказа. Позволю себе привести сведения о проказе в Камчатке, собранные и любезно предложенные мне врачом Ю. К. Шиманским, сопутствовавшим мне в течение всей поездки по Камчатке со специальной целью — исследовать камчатскую проказу и сифилис на месте. Реферат доктора Шиманского, читанный в Обществе изучения Амурского края, был передан самим автором в моё распоряжение, но я беру из него только то, что относится к Камчатке.

Первый раз в архиве Петропавловской церкви смерть помечена от проказы в 1843 г., февраля 3-го дня (Илья Казаков). Однако есть основания думать, что в Камчатке от проказы умирали и гораздо раньше, так как в книгах об умерших за прежние годы неоднократно попадаются отметки «умер от язвы», «болен тлетворною язвою» и т. п. Очевидно, в те отдаленные годы не особенно ясно и определенно констатировали формы болезней, служивших причиною смерти. Более подробные сведения о проказе начинаются с пятидесятых годов, когда в Камчатке медицинский персонал достиг наибольших размеров и когда во главе этого персонала стоял медицинский инспектор.

В медицинском отчёте за 1851 г. говорится: «Проказа в Камчатке принадлежит к болезням эндемическим (эндемия — постоянное существование на территории какого-либо, чаще инфекционного, заболевания. — *Ред.*); господствует здесь давно и по форме своей составляет болезнь жестокою и страшную, потому что совершенно неизлечима».

В 1852 г. в Петропавловском морском госпитале лечилась от проказы одна женщина и тут же умерла. В то время была выстроена лечебница для прокажённых на западном берегу Авачинской губы, у Дальнего озера, затем она была перенесена на Паратунские ключи под названием «карантинного заведения».

В 1854 г. в карантинном заведении пользовались одиннадцать человек прокажённых. Кроме них, из дела того же года видно, что от проказы были пользованы врачами при поездках их по округу ещё пять человек, два на западном берегу полуострова и три на восточном. Из последующих отчётов за многие годы можно ви-

деть, что ежегодное число больных проказою выражается цифрою десять-пятнадцать человек.

Карантинное заведение в пятидесятых годах пользовалось со стороны местного начальства полным вниманием и содержалось в должном порядке, затем оно начало клониться к разрушению, что до некоторой степени можно видеть из отчёта одного врача за 1875 г., где о паратунской лечебнице говорится следующее: «Заведение это удалено от порта на Паратунския ключи, где больные для излечения болезни пользуются ими. Туда помещают людей, страждущих болезнью, называемую проказой. По желанию находящихся там больных, я посещал их и обязанностью считаю объяснить замеченное мною. До перенесения из Петропавловскаго порта на Амур карантин этот состоял в гражданском ведомстве, и больные получали от казны с избытком некоторую даже роскошь в довольствии. С того же времени больные были причислены к морскому полугоспиталю и положение их ухудшилось. При мне было их четыре человека, они помещаются в доме без сеней, вместо печи в нём был камин, рамы в зимнее время одинарные, необмазанные, стены не проконопачены и крыша при дожде даёт течь.

Участь этих больных заслуживает самага человеколюбиваго попечения, ибо не было примера, чтобы кто-нибудь вышел из карантина, получивши облегчение, и поступивший в него осуждается на вечное заключение. Они знают наперед, что от сей болезни смерть, и смиренно ждут её. Я сам видел, как один больной делал себе гроб».

В настоящее время не только карантиннаго заведения, но даже и остатков от него не сохранилось.

В истории камчатской проказы был в одно время весьма важный инцидент, имевший большое значение в развитии этой болезни, а именно: к числу больных проказою ошибочно присоединили страдающих наследственным сифилисом. Картины как той, так и другой болезни близки друг к другу, но различны по мерам для борьбы с ними. Из хроники паратунскаго карантиннаго заведения замечательно было одно донесение (1853 г., 28 сентября № 109) о случае исцеления от проказы: «Посетив заведение на Паратунских ключах, я нашёл, что дочь якута Коркина Авдотья от проказы очистилась, о чём имею честь донести вашему превосходительству».

Затем начинается роковая ошибка: смешение проказы с сифилисом. По всей вероятности, рассказанный случай был случай

исцеления сифилиса, та как проказа неизлечима. Смешение этих болезней имело последствием то, что борьба приняла двойственный характер, и ошибочно направленные меры не могли иметь положительного результата. Больные смешивались не только в определении болезни, но и теоретически. По этому поводу доктор Эбербах так писал: «Есть другая весьма серьёзная болезнь в северных округах нашей области, угрожающая по характеру своего течения медленным уничтожением всего населения, это — наследственный сифилис, называемый издавна проказою».

Как самые понятия о болезни, так и борьба приняли двойственный характер. С одной стороны прокажённых лечили ртутными втираниями и помещали в лечебницы, с другой — сифилитиков не лечили. Такое смешение болезней из специальных отчётов перешло затем в правительственные органы и распоряжения. Так, в архиве Петропавловского окружного правления за 1875 г. (№ 2903) из дела о мерах против заразительных болезней видно, что правительство решило устроить для указанной цели временные (сначала на три года, затем продолжено ещё на три года) лечебницы в Петропавловске, Тигиле, Ключевском селении, Гижиге и Охотске, причём на каждую лечебницу было ассигновано 4 500 руб. ежегодных.

Мера эта, хотя и дорогая, но как временная оказалась недостижущею целью. Проказа не требует больничного лечения, а наследственный сифилис не поддаётся временному лечению, а требует периодического пользования в течение всей жизни больного. Доктор Дыбовский в своём отчёте за 1880 г., разбирая действия открытых в 1875 г. лечебниц, приходит к совершенно отрицательному выводу об их деятельности.

Из дел камчатских архивов можно видеть, что со стороны администрации часто принимались меры к борьбе с сифилисом и отдельно от проказы. По свидетельству врачей, бывших в Камчатке в пятидесятых годах, сифилис появился здесь с самых первых годов завоевания этой страны русскими. Что же касается проказы, то появление её, вероятнее всего, совпадает с переселением в Камчатку якутов, присланных туда правительством для разведения скотоводства. По крайней мере, такое предположение подтверждается относительно тех якутов, которые были переселены в Камчатку в тридцатых годах этого столетия. Жители селения Николаевского, служащего в настоящее время с закрытием всех лечебниц и больниц местом выселения для прокажённых, так говорят о первоначальном появлении проказы: «В тридцатых го-

дах были присланы якуты для разведения скота, которые болели этою болезнью и все умерли; затем в пятидесятых годах сюда были вызваны иркутские казаки, из которых некоторые поселились в старых домах якутов и тоже начали хворать теми же язвами; семьи этих казаков до сего времени имеют прокажённых».

Статистические данные, основываясь на показаниях врачей, сводятся к следующим цифрам: прокажённых (настоящая проказа) бывает в Камчатке ежегодно от восьми до пятнадцати человек; а сифилисом во всех его формах — от тридцати-сорока человек. В 1897 г. во всей Камчатке больных проказою было десять человек, из коих пять вновь заболевших и за смертью двенадцати человек в 1896 г., пять оставалось от прежних лет.

Доктор Шиманский, осмотревши их совместно с доктором Тюшевым, говорит следующее: «В селении Николаевском живёт бабушка Димова. Ей около девяносто лет. Вся семья: муж, сыновья и дочери болели проказой и умерли. Она сама за всеми ухаживала и всех по очереди кормила, однако сама здорова. Теперь у нея живет внучка, больная проказой, и присланный в прошлом году прокажённый Зимирев.

Николай Зимирев, двадцати лет, сильного телосложения, сын матроса. Причина неизвестна. Отец умер двенадцать лет тому назад в язвах, но прокажённым не считался. Мать здорова, сестра тоже. Начало болезни не помнит. В прошлом году появился зуд и язвы на ногах. Теперь картина болезни: тёмно-багровые пятна на бёдрах, груди и спине и шишки, частью изъязвившиеся, на разгибательных сторонах рук и ног. На ногах большие пальцы совершенно отвалились, торчат кости в язве; до болезни жил в Петропавловске и занимался домашними работами (*Lepa mixta*).

Внучка Димовой, Мария Порошева, двенадцать лет, больна два года. Отец болел семь лет. Родни больше нет, отец и мать умерли. До болезни ничем не страдала. На теле язвы и на разгибательной стороне рук пятна, на лице узлы. Смешанная форма.

В следующем доме живет отдельно Аксинья Максимова, пятьдесят лет, родом из Иркутска; первый раз замужем за Порошовым. Заболела в августе 1895 г.; муж умер шесть лет тому назад; был во Владивостоке, откуда возвратился больным язвами и умер. Сын Егор, тридцать лет, умер два года тому назад от проказы.

При осмотре ея: ноги в ранах тёмно-багрового и коричневого цвета, лицо в ранах, надбровные дуги гниют. Железы увеличены. Лечилась ртутными втираниями и декоктом (лекарственная форма, устаревшее название отвара. — *Ред.*). Жалуется на

боли и ломоту в костях. Можно предположить смешанное страдание — Lues et lepra.

В Петропавловске живёт больная проказой в туберозной форме жена казака Юшина, Елена Юшина, двадцать пять лет, незаконнорожденная, по матери Новограблена. В семье Новограбленных были в прежнем поколении прокажённые. Мать умерла, но была здоровой. Причина болезни неизвестна. Живёт в семье, которую составляют муж и дочка четырёх лет. Дочка здорова, муж тоже. Начало болезни относится к 1893 г.: был зуд на ногах, пузыри, которые лопались; от них остались только рубцы. Прошлой осенью щека отекала и как бы одеревенела. Затем на щеках появились бугорки — *Lepra Tuberosa*. С июня принимает лекарство, назначенное доктором Слюниным, но плохо переносит — рвота.

И раньше в Петропавловске были больные проказой. Был болен Попов и вся его семья. Дом рухнул; на этом месте теперь дом Русанова. Матрос Ипашьев заболел и умер; вся семья тоже вымерла.

По другую сторону залива, у впадения р. Авачи, стоит селение Авача. Прежде были тут больные якуты. Теперь я нашёл одну только больную, жену заместителя старосты Климова, Феодосию, тридцати пяти лет, алеутка, родом с острова Беринга. Живёт в семье, которую составляют муж и пять детей. Замужем двадцать лет. Заболела год тому назад.

В семье мужа были прокажённые, за которыми она и ухаживала. Дети и муж здоровы. Картина болезни: пятна и рубцы, с анестетическим центром, окружённые иногда пигментным валиком язвы. Одного ребёнка кормит, трое маленьких возле неё. Не лечилась; по алеутскому обычаю обмывается мочёй. Живут крайне бедно и грязно; в хату вход через хлев, сама изба скорее похожа на землянку.

По дороге в Николаевское есть селение Дальнее Озеро, на котором и было первоначально карантинное заведение для прокажённых. Староста заявил, что подозревают в проказе Мурашёва Александра. При осмотре найдены пятна и бугры; на ногах особия возвышающиеся образования, очень чувствительныя. До болезни занимался рыбной ловлей и соболиным промыслом. Едал испорченную и больную рыбу (некоторые допускают связь между больной, так называемой “саранной” рыбой и проказой).

Начал болеть в октябрь прошлого года. Был зуд и отёк левой руки. Живёт в семье; при нём жена, две дочери (семнадцать и восемнадцать лет) и сын двенадцати лет. Все здоровы. Жена, рождённая Занина, из Авачи; в её семье были прокажённые.

Последний больной в этом районе оказался на Паратунских ключах. Собственно, под подозрением было два человека: Бочанцев и Черкатина Наталья. Последней тридцать два года, голень занята сплошной язвой. Но периоститы, увеличенные желёзы, характер язвы — типично сифилитический. Живёт с братом в полуразрушенной землянке, в крайней нищете. Митрофан Бочанцев — статный, крепкий тридцатилетний мужчина, взял восемь лет тому назад жену из семьи прокажённой. В то время она отличалась цветущим здоровьем, но вскоре (на двадцать третьем году жизни) появились роковые пятна. Она умерла два года тому назад от проказы, оставив двух детей. Дети здоровы. В мае прошлого года у Бочанцева потемнело лицо, на нём стали появляться белесоватые пятна, и соседи стали поговаривать о предполагаемой проказе. По последним известиям, он уже переселился в Николаевское.

По р. Камчатке только в низовьях есть больные. Близ Нижне-Камчатска в отдельной юрте живут двое больных — Попов и Помазнина. Даниил Попов, пятидесяти лет, занимался рыбной ловлей и звериным промыслом. Заболел в марте 1896 г., когда заметил на теле сыпь. В семье прокажённых не было. Многочисленные бугры на коже лба и пятна по телу. Дарья Помазнина, пятидесяти лет, родилась в Еловке. Семьи нет, родители были здоровы. Заболела давно. Бугристость лица резкая. Бугры на локте и предплечье сине-багрового цвета. Летом обоим приносят пищу родственники или знакомые, зимою десятник, или, по назначению от общества, по очереди.

Наконец, последний больной в Камчатке живёт в избушке в двух верстах от селения Ключевского, Кречетов Алексей, двадцати трёх лет. История его такова. Лет двадцать тому назад к отцу его привезли со шкуны больного матроса в язвах; матроса этого он и приютил у себя до отправки его в Петропавловск. Однако не прошло года, как тот умер. За больным ухаживала сама хозяйка и стирала его бельё. Вскоре сама заболела: появились пятна по телу, ноги отекали и стали, по местному выражению, “как чурки”. Голос переменился. Несколько лет спустя она умерла.

Затем, спустя ещё короткое время, сын, заметив на себе такие же пятна, сам объявил о своём страдании. Вскоре то же появилось и у брата. Миром решили их обоих выселить и поселить вблизи селения, у берега реки, где и выстроили им лачужку. Старик отец (семьдесят лет) ежедневно подходит и кладёт им пищу. Однако не сразу свыклись они со своей участью. Тот, который сам объявился, смело бродил около селения и, заливаясь слезами, кричал

нечеловеческим голосом. Для безопасности пришли и приковали его к дереву. Тогда несчастный смирился.

Кроме характерных пятен и язв он был лишен движения, так как обе ноги уже несколько месяцев совершенно отнялись. За несколько дней до нашего прибытия брат его тут же скончался. Почти два дня несчастный пробыл с трупом брата. Наконец, принесли еду, забрали мертвеца и похоронили.

Мы застали оставшагося в живых в нескольких шагах от лачужки, всего покрытаго комарами. Он подполз к нам на руках; кроме проказы, у него развилась цинга».

Заканчивая эти сведения, замечу, что на содержание камчатских прокажённых у господина начальника округа в Петропавловске хранится сумма, составившаяся из пожертвований, в количестве 1 170 руб. 23 коп., каковая при ревизии оказалась налицо.

Какия же обобщения можно сделать из вышеприведённых сведений?

1. Число прокажённых в Камчатке очень невелико — всего десять человек.

2. Случаются новые заболевания. Именно из девятнадцати зарегистрированных в прошлом году осталось только пять, к которым в 1898 г. прибавилось ещё пять случаев новых заболеваний (Бочанцев, Мурашёв, Климова, Зимирёв, Порошова).

3. Возраст заболевших 12—25 лет.

4. Больные составляют, в общем, одну седьмую долю процента всех жителей.

5. Проказа в большинстве случаев заразительна.

6. В истоки р. Камчатки зараза занесена из окрестностей Петропавловска, куда проникла из Якутска.

7. Особенно тяжёлых форм, с отваливанием конечностей, не наблюдается.

8. Если существует наследственность, то в поздней форме.

9. Проказа держится семьи.

10. Отделение плохо проведено, многие не отделены и находятся в условиях образования новых гнёзд.

11. Констатируется болезнь, обыкновенно, слишком поздно, когда она уже в сильном развитии.

12. Содержание больных везде крайне неудовлетворительно, несмотря на то, что средства, хотя и ничтожные, имеются в наличности.

13. Питание почти исключительно рыбной пищей, отсутствие растительной пищи и суровый климат делают организм более восприимчивым.

14. Если проказа не быстро распространяется, то вследствие очень трудных путей сообщения.

15. Отделение не встречает сопротивления в народе.

16. При настоящем экономическом положении страны содержание прокажённых ложится тяжёлым бременем на те семьи, где есть больные проказою.

Принимая во внимание разбросанность населения, низкую степень его экономического благосостояния и трудность передвижения больных на большие расстояния при существующих в Камчатке путях сообщения, доктор Шиманский из всех мер, применяемых для прекращения распространения проказы в разных странах света, останавливается на так называемой сельской изоляции больных, как наиболее целесообразной и доступной для камчатских жителей. Всех больных в Камчатке в настоящее время десять, и отделить их в подходящие помещения, устроенные вблизи родных селений, пока не составит особого труда и не потребует больших расходов от казны.

Хотя подобные изолированные жилища находятся в Камчатке и теперь, но они до такой степени плохо обставлены, что улучшить их более чем желательно.

Не менее того желательно и улучшение вообще врачебного дела в Камчатке. С прекращением деятельности временных лечебниц и средств, отпускаемых на них, то есть с 1880 г., медицинская часть в Камчатке очень пошла назад. Доктор Дыбовский, выехавший из Камчатки в 1881 г., писал так: «Больниц нет, средств нет, аптек тоже, поездки врача по округе стеснены. Все это при крайней бедности населения и трудности способов передвижения делает единственного на всю Камчатку врача бессильным в борьбе, как с временными эпидемиями, так и с существующими эндемиями и болезнями вообще». То же можно сказать и теперь, что резко бросается в глаза в сравнении с прежними временами.

Развитие страны весьма тесно связано с состоянием народного здоровья. Постоянные эндемии или временные эпидемии, прежде всего, отнимают рабочие руки, затем парализуют энергию здоровых, и тем самым ослабляют промышленность, а, следовательно, и общее развитие края. Английская королевская комиссия 1893 г., пробывши около шести месяцев в Индии для исследования проказы, опирая свои выводы на 250 тысячах случаев заболеваний, придаёт громадное значение изучению местных условий — климатических, расовых, социальных и особенно экономических. Улучшением этих условий исчерпываются все меры против заразы, для



прекращения которой необходимым условием считается забота об экономическом и культурном развитии страны.

Таким образом, основываясь на выводах одной из цивилизованных стран Европы, мы приходим к заключению, что для избежания всех зол в стране и для поднятия степени её благосостояния, необходимы, прежде всего, заботы о культурности её жителей. Кто станет оспаривать, что первенствующую роль в этом деле должна играть школа. К сожалению, история последних лет Камчатки говорит нам противное: школа была там забыта, мало того, она была там попорана. Забыта потому, что в данный момент её нет там; а попорана потому, что она была там до пятидесятых годов, но её уничтожили.

Правда, в последнее время, в связи с общим развитием Приамурского края, Камчатка всё более начинает обращать на себя внимание. Принимаются меры для охранения камчатских морей от хищничества частных предпринимателей, посылаются и вызываются разного рода лица для разрешения общих вопросов по управлению, хозяйству и вообще нуждам страны. Командируются специалисты для изучения промысловых богатств и условий их разработки и, наконец, снаряжаются целые экспедиции, стоющие целые сотни тысяч рублей, для исследования минеральных богатств этой страны. Создать промысел, развить его и тем поднять экономическое положение страны — вот идея, вокруг которой группируются главные из перечисленных мер. Как ни рациональна такая постановка вопроса, но ожидать от неё пользы для местных жителей едва ли возможно.

Как бы идеально ни была обставлена подобная промышленность она, при полной умственной инертности местных жителей, не явится для них школою жизни, а скорее средством окончательного подавления физического и нравственного их бытия. Кому неизвестно, что во всяком деле, а тем более в промышленности, при конкуренции, сильный давит слабого. Допустим, в Камчатке будет положено начало золотопромышленности, рыбным промыслам в широком размере, китобойству и прочим.

Если эти предприятия отдать в руки местных жителей, то по отсталости и неразвитости их из этого ничего не выйдет, а если же передадут их пришельцам, то по той же причине местный житель явится в роли слабого, а пришелец в роли сильного, что мы и видим в столетней истории пушного промысла и торговли, отданных в конце прошлаго столетия в руки различного рода компаний.

В силу таких соображений, как бы ни были целесообразны указанные выше мероприятия, они по отношению к Камчатке останутся менее чем полумерами, если не будут приложены предварительные заботы об умственном развитии самих жителей. Развейте умственные силы их, тогда они сами найдут у себя и золото, и уголь. Они сами научатся сохранять и рыбу, и соболя, они, наконец, сами определяют, что им привозить и что вывозить, словом, они сами будут знать, что им делать и как им жить.

*Автор воспроизведённой ниже книги «Забытые русские земли» Борис Константинович Подгурский (псевдоним Борис Горовский) прожил короткую, но насыщенную жизнь (1888—1915). Этот журналист, путешественник, исследователь посвятил много сил и времени изучению отдалённых уголков Российской Империи, в том числе Чукотки и Камчатки. Его написанные в простой и увлекательной форме путевые очерки, изданные как приложение к влиятельной ежедневной петербургской газете «Вечернее время», издававшейся с 1911 по 1917 г., пожалуй, впервые познакомили широкую российскую публику с теми основными задачами, которые предстояло решить в ходе освоения северо-восточной окраины России. В их числе установление надёжной судоходной связи отдалённых районов с метрополией, необходимость охраны природных богатств и противостояния неконтролируемому иностранному проникновению, развитие морского, рыбного, пушного и горного промыслов, просветительская и культурная работа среди коренного местного населения.*

*Большинство этих задач были успешно решены к середине XX в., но уже в его конце, да и сейчас, вновь оказались актуальны. Поэтому заключительные слова изданной в 1914 г. книги, написанные ровно век тому назад, и ныне звучат тревожным напоминанием нам о том, что существует опасность потери территории, некогда приобретенной благодаря трёхвековому движению русских «встречь солнцу»: «Мы сделаем непоправимую ошибку, если не обратим теперь же самого серьезного внимания на свои владения, внимания не только правительства, но и всего общества. Если развал, который там теперь царит, будет так же прогрессивно идти вперёд, Америка и Япония окончательно вытеснят нас из Камчатки и Чукотского полуострова и овладеют колоссальными богатствами, которые мы упустили только благодаря нашей традиционной нерадивости и халатности». Как известно, природа пустоты не терпит.*

*В настоящем переиздании сохранены стилистические особенности исходного материала, но использована современная пунктуация. Иллюстрации изъятые из текста, сгруппированы и перенесены в фотографическую вставку. Три из них опущены ввиду низкого качества в оригинале.*

**Б. ГОРОВСКИЙ**

## **ЗАБЫТЫЯ РУССКИЯ ЗЕМЛИ**

### **ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ**

Быть ознакомленным со страной — значит изучать её, имея под руками источники, дающие пусть не слишком обширное, но верное представление о крае.

Как всякая крупная величина составляется из суммы самых мелких, так и жизнь любого центра страны всегда зависит от процветания питающих его мелких уголков. А если при этом такой «уголок» является целым обширным краем, обладающим собственными богатствами и имеющим самостоятельное значение, но мало известным лишь в силу своей отдалённости от метрополии, халатность при изучении его граничит уже с преступной небрежностью.

Когда мне пришлось столкнуться с жизнью Чукотского полуострова и Камчатки и приняться за их изучение на месте, я невольно вспомнил о своих ученических годах, начал припоминать, какое представление об этих далеких краях давали учебники географии...

Память мне абсолютно ничего не ответила. Не доверяя себе, я просмотрел многие современные учебники — и развел руками; об этих окраинах либо не говорят ничего, либо дают такие сведения, которые совершенно далеки от истины. Беллетристическая же и публицистическая литература по этому вопросу широкой публике совершенно неизвестна. Недавно я прочёл перечень массы книг на эту тему, но ведь таковых перечней никто не знает, ибо почти все они помещаются в каких-нибудь официальных отчётах, надо знать, где искать их, а для этого нужно, чтобы публика интересовалась тем краем, о котором вздумается читать. О том, что ни в одном источнике я не нашёл ни малейшего желания увлечь интересующегося человека этими обширными, богатейшими, но неизвестными нашими владениями и говорить нечего: этим благородным порывом по адресу русских забытых земель не воспы-

лал ни один автор. Наши самые популярные учебники географии говорят об азиатских владениях России слишком мало.

Теперь, когда в Сибири сильно развились такие торговые центры, как Красноярск, Омск, Иркутск, Чита, наконец, Владивосток, когда великий сибирский путь сорвал с громаднейшей полосы земель оковы неприступности, когда тысячи переселенцев идут туда и становятся в лучшие условия своего благосостояния, ученик из такого учебника почерпает лишь общия указания, совершенно не объясняющие истинного значения для страны этих владений. Что же касается Чукотского полуострова, Камчатки, района Амура, повествование об этих краях не выдерживает никакой критики. Внимание учебников привлекли реки Обь, Енисей, Лена, Амур, которым посвящено десятка два слов, тогда как такая река, как Анадырь, протекающая по стране на расстояние с лишком тысячи вёрст, вполне судоходная на двести вёрст от устья, не возбудила к себе никаких симпатий. Далее, о Чукотском полуострове — ни звука, кроме равнодушного замечания, что самый крайний восточный мыс Азии — Дежнёв. А где же все золото, о котором последнее время так много говорят, которое может дать в недалёком будущем России такой же доход, как Аляска Америке?

Где колоссальное количество пушнины, расходящейся по всему миру с Чукотской земли? При описании рыболовства в самых общих чертах упоминаются реки Обь, Иртыш и озера Байкал и Зайсан, между прочим, и Амур. Учебник скромно умалчивает о том, что на мировых рыбных рынках Амур занимает второе место после Камчатки, о рыбопромышленности которой уже совсем не говорится ни слова. Что с Камчатки вывозится рыбы ежегодно и русскими, и японцами в среднем на три-четыре миллиона рублей, что там более пятисот рыбалок, что в Усть-Камчатке работают два рыбных консервных завода, это, очевидно, не интересно. Тогда как наша рыба питает главнейшие рынки Америки и Англии, такой учебник говорит: «По причине дурного засола и неумения приготовить рыбу впрок сибирское рыболовство ограничивается только удовлетворением *местных* нужд». Об ошибках в описании значения городов, в перечислении мест тех или других пород зверя, не стоит и говорить.

В «Азиатской России», составленной преподавателями географии Крубером, Григорьевым, Барковым и Чифрановым, при описании севера Чукотского полуострова и берегов Колымской губы есть фраза: «Единственное возможное здесь сообщение — верхом». Не буду оспаривать справедливости этого, но прибавлю:

«Только вдоль реки Колымы, которую надо считать вне Чукотского полуострова, да и то в течение двух летних месяцев». Когда в 1910 г. на Чукотский полуостров впервые привезли лошадей, чукчи толпами ходили за ними, с таким изумлением глядя на диковинного зверя, с каким европеец обратил бы свой взор на вдруг воскресшего ихтиозавра. Мне лично ни разу не пришлось слышать о другом способе передвижения, как на собаках. Далее этот курс говорит, что чукчи не татуируются — ещё в 1911 г. я почти всех их видел татуированными; что «чукчи никогда не моются» — это далеко от истины. Они моются, и очень часто, но, правда, не водой с мылом, а... собственной мочой.

Есть ошибки даже у такого географа, как Реклю. «Тайга, — говорит, например, он, — почти везде представляет безмолвный лес, без насекомых и птиц... под тенью ея не увидишь ни одного живого существа». Тайга на самом деле славится своей богатейшей охотой на дичь, кабанов, лосей, знаменитых северных тигров и т. д. Если автор в данном случае хочет дать ученику понятие о покрывающей Сибирь на тысячи квадратных вёрст тайге, он ошибается: понятие получится совершенно неправильное.

Вот как грешат против истины наши источники познаний по географии России. Ведь далекия наши владения не клочок земли, ничего не стоящий, о котором можно было бы и забыть. Это край, который может дать стране громадные богатства, заслуживающий труда изучения и интереса к себе.

Я коснулся учебников, как источников, долженствующих считаться наиболее верными. О частной литературе в данном случае говорить не стоит, ибо иначе пришлось бы писать целые томы.

В один прекрасный момент человек с таким знанием далекой окраины назначается туда на административную должность, и в результате — тот развал, который существует сейчас на наших берегах Тихого и Ледовитого океанов, то полное незнание с жизнью края, о котором Реклю говорит: «...из всех частей Сибири ни одна не осталась более чуждой славянскому миру, несмотря на завоевание ея русскими... чем Чукотский полуостров и Камчатка». Слова того же Реклю о Петропавловске: «...один из этих маленьких заливов есть знаменитая губа Авачинская, одна из бухт, оспаривающих у Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско право на звание *лучшего порта* в свете», — лишний раз иллюстрируют наше нежелание знать то, что мы имеем, нежелание дать к тому подходящие средства и целесообразную постановку дела изучения своей страны.

БОРИСЪ ГОРОВСКІЙ.

---

ЗАБЫТЫЯ  
РУССКІЯ  
ЗЕМЛИ

ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ И КАМЧАТКА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

---

Съ 55 иллюстраціями и 1 картой

---

*Издание Б. А. Суворина*



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Титульный лист книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

При составлении своей книги я не задавался мыслью дать обществу серьёзный научный труд; я хочу только чтобы ряд написанных очерков, высказанных мнений хоть немного заинтересовал общество, привлек бы его внимание к далеким, забытым краям. Тогда каждый, кто интересуется этой темой, всегда сумеет найти такой источник, который узко будет его учить, тогда явится и необходимость в составлении книг, строго обдуманых, в определённой системе дающих человеку те познания, которые нужны для изучения наших далёких желанных земель.

## Часть I. ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

### I. Забытая страна. Чукчи

«Мыслим ли хозяин, не знающий своего жилья, и что в нём имеется? Но одинаково странно жить в крае — и не знать его...» — вот слова, которые автор одной брошюры поставил девизом, когда разбирал «Наши богатства».

«Странно не знать края»... Да, странно и больно сознавать, что у нас есть край, на который махнули рукой, который, по-видимому, никому не интересен.

От пятидесятой до семидесятой параллели северной широты и от 110 до 180 градуса долготы лежат наши далекия русския владения — Чукотский полуостров и Камчатка.

Немного времени прошло с тех пор, как большинство читающей публики живо интересовалось отплытием из наших вод в далекия, неизвестныя скитания экспедиции лейтенанта Брусилова. Намерения экспедиции, ея цель, предстоящия условия плавания — всё это представляло собою массу тем для разговоров, обсуждений, обмена мнений и т. д., но ни разу не пришлось услышать серьёзно поставленного вопроса: «А что это за земли, в которыя они идут, нужно ли их изучение, что эта экспедиция может дать, стоит ли тот край такого внимания?»

Лично меня, как человека, часто встречавшагося с лейтенантом Брусиловым в далёком неведомом Ледовитом океане, изучавшаго вместе с ним наши северо-восточныя владения, именно последний вопрос заинтересовал более, чем всё остальное. Я хочу поделиться с публикой теми впечатлениями, которыя у меня сохранились от недавняго пребывания на северо-восточных берегах Ледовитаго океана, берегах наших, русских, но известных любому иностранцу лучше, чем нам самим.

Далеко за пределом всякой цивилизованной жизни, омываемый холодными тёмными водами Ледовитаго и Тихаго океанов, имеющий в своей несложной забытой истории лишь одно, смутно припоминаемое имя простого казака Дежнёва, прозябает в безпросветной глуши богатейший край — Чукотский полуостров.

Уже простой взгляд на карту даёт основание предполагать в недрах Чукотскаго полуострова те же богатства, что мы видим в Аляске. Но американцы на Аляске имеют богато разработанные рудники, имеют вполне оборудованные пути сообщения; всего в полтораста милях от крайняго восточнаго мыса — Дежнёва, где у нас ужасающая глушь — на американском берегу имеется портовый город Ном (Nome). А у нас... кто-то когда-то решил, что местное население (те же чукчи, что и на Аляске) — вымирающие остатки дикарей, а посему не стоит-де заботиться ни о них, ни о местности, ими населённой.

Мрачныя, обрывистыя, лишённые всякой флоры дикія скалы, ограждающія землю от нападения страшнаго там противника — океана, высокія голыя горы, едва видимыя сквозь дымку тумана за грозным рядом скал, долгое время не рождали в голове редких видевших их путешественников мысли, что на Чукотском полуострове есть жизнь, хотя и дикая, есть громадныя богатства, нетронутыя рукою человека.

Лишь последнее время мы начали обращать наши взоры туда, но много раньше нас познали всю выгоду знакомства с этим краем американцы.

Когда тридцать лет тому назад мы продали Америке за семь с половиной миллионов Аляску, мы не подозревали, что отдали за безценок колоссальное богатство, такое же, какое можем открыть теперь на Чукотском полуострове. В этом крае в изобилии водятся пушной зверь; все меха расходятся по всему миру оттуда; там громадныя стада китов, моржей, белых медведей — этих ценных обитателей моря. В недрах Чукотскаго полуострова покоится золото, платина, уголь, — всё это ждет разработки. Все эти богатства, правда, в слабой степени, кроме пушного промысла, эксплуатируются американцами-хищниками, ибо официально им, конечно, это не разрешается. Но побороть их нам чрезвычайно трудно.

Американцы давно изучили наш край, познакомились близко с населением, снискали в нем к себе большое уважение. Где ж тут спорить нам, которых жители и не знают? Разумеется, вытеснить американцев, занять их положение, перевести в свой карман всю эксплуатацию Чукотскаго полуострова, — вот насущная задача



для России, задача, которую мы должны стремиться выполнить, во что бы то ни стало. Но надо помнить, что это работа крайне тяжёлая, залог успеха которой зиждется прежде всего на основательном изучении края людьми, которые для этого будут посланы туда, и на возможно более популярном ознакомлении с далёкими землями широкой публики.

Местное население — чукчи (чаукту, или, как они себя называют, «туски») — дикари, мало ушедшие от первобытного состояния, но привившие себе поверхностно некоторые внешние признаки цивилизации, ведут своё происхождение от монгольского племени. У обитателей Чукотского полуострова много общего в жизни, в языке с населением северных берегов Америки и Гренландии; это подтверждает предположение, что по всему побережью Ледовитого океана население родственно между собой.

Многие исследователи высказывают предположение, что некогда чукчи обитали гораздо южнее — в верхней Монголии, но постепенно другими народами были оттеснены к берегам Ледовитого океана. В 1869 г. особым указом строго определена территория чукотской оседлости; на громадном пространстве в 704 000 кв. вёрст насчитывается до 4 000 человек (хотя Реклю считает 12 000 — это вряд ли верная цифра). Чукчи резко разделяются на две категории: оленные и более оседлые. Первые — кочующий народ, бродящий по всему пространству Чукотского полуострова с огромными стадами оленей; некоторые богатые чукчи имеют более 2 000 голов оленей. Оседлые чукчи в последнее время обосновались на прибережной полосе; их занятие — рыболовство, звероловство и торговля пушниной.

Эти две категории сильно отличаются друг от друга своим языком и вследствие разницы в условиях жизни, понятно, и бытом, но общия, основные черты всего их племени одинаковы.

Чукчи по натуре очень воинственный и храбрый народ; условиями своей суровой жизни они отлично закалены против всяких невзгод. Мне пришлось раз наблюдать, как чукча переносит боль. К нам на пароход приехал молодой чукча с товарищем, немного говорившим по-английски. От этого переводчика узнали мы, что нужен доктор. Когда свели его в лазарет, оказалось, что у первого под мышкой какой-то громадный нарыв, величиною с кулак, необычайно твёрдый. Доктор нашёл необходимым немедленно его разрезать. Чукча совершенно спокойно это выслушал и уселся на табуретку. Жутко было смотреть, как этот больной спокойно просидел более получаса с поднятой рукой, которую поддерживал его

товарищ, пока производилась операция. За всё время, пока доктор очищал от гноя большую полость с разрезом около шести сантиметров длиной, чукча ни разу не выказал и признака боли. Когда операция была окончена, он подробно выслушал наставления доктора, что надо делать дальше, потом долго благодарил, и как ни в чём не бывало, сел в свою байдарку и уехал.

Живут чукчи обыкновенно по пять-шесть семей вместе, причём самый старый и (или, часто, самый богатый из стариков) выбирается «тойоном» — вождём и руководителем всей общей семьи. Такой руководитель пользуется громадным уважением и авторитетом, образовавшаяся под его начальством большая семья живёт своей отдельной жизнью, но живёт всегда без всяких распрей и раздоров.

Чукчи крайне гостеприимны, сильно развита в них любовь к детям. Я ни разу не наблюдал, чтобы чукча не только наказал своего ребёнка, но даже прикрикнул на него; они буквально обожают детей и сильно балуют их.

Можно привести интересный пример редкой для дикаря привязанности матери к ребёнку. Лет тридцать тому назад посетившим Чукотский полуостров лицом была вывезена в Россию девочка трёх-четырёх лет. Далее ребёнок был отдан в один из институтов. Девочка обещала быть очень интересной, что и исполнилось, когда она, кончив институт, стала взрослой барышней, скоро вышедшей замуж. Мать этой девочки жива и, узнав, что её дочь где-то в России, пришла два года тому назад на русский пароход, где говорила, что собирается ехать в Россию отыскивать свое дитя, на что уже у неё скоплены деньги. При этом она торжественно показывала серебряный рубль.

Одежда чукчей состоит исключительно из звериных шкур (большею частью оленьих), примитивным способом сшитых наподобие платья и надеваемых мехом внутрь, прямо на тело. Снимает чукча свою одежду лишь тогда, когда она окончательно износилась и требует замены новой. Пищей этим дикарям служит главным образом сырая рыба, а одним из лучших деликатесов — сырыя же внутренности кита или моржа, обильно приправленные китовым жиром. Ещё три года тому назад одному из европейцев, путешествовавших вместе со мною по чукотским деревням, было предложено радушными хозяевами следующее блюдо: смесь из внутренностей моржа и рыбы с большим количеством рыбьих голов (что считается особым лакомством). Приправлено всё это было моржовым и китовым жиром. Моются чукчи всегда собственной мочой; я предложил раз одной чукотской девушке кусок мыла,

показав на ея собственной руке, как надо употреблять его. Чукчанке это мытьё как будто очень понравилось, по крайней мере, она смеялась от души, но только я успел отвернуться на одну минуту, как уже половина куска была... ею съедена.

У чукчей до сих пор ещё сохранились такие обычаи старины, как умерщвление стариков. Очень часто, когда чукча начинает чувствовать, что вследствие своей старости уже становится в тягость другим, он просит, чтобы его убили; обыкновенно это должен сделать собственный сын или ближайший родственник, и отказать старику в такой просьбе считается преступлением. Трупы чукчи часто сжигают или выставляют на деревянном помосте для растерзания хищным птицам; хотя теперь уже, мало-помалу, исчезают эти старинные обычаи. Чукчи обращены в христианство, но, разумеется, учение это им незнакомо. Насколько они понимают христианство, можно себе представить хотя бы по тому, что среди изображений своих богов есть у них и изображение того Бога, о котором им говорили — просто они некоторые основы христианского учения перевернули на свой лад.

У чукчей в полной мере сохранились жертвоприношения животных и шаманство. Хотя у них существуют особые исполнители этого обряда, так сказать, верховные шаманы, но и кроме них шаманить может каждый чукча. У Тана (В. Г. Богораз-Тан, известен также как Тан-Богораз — этнограф, писатель, общественный деятель, кочевал с чукчами в 1895—1897 гг., написал монографию «Чукчи». — *Ред.*) есть прекрасное описание этого обряда. Он приводит пример шаманства для умиловивления бога вьюги, причём дословно переводит их заклинания: «Уквун (имя чукчи) снял бубен, испробовал звонкость оболочки колотушкой из китоваго уса и приготовился приступить к священнодействию. Обе лампы были погашены, в пологе было темно, как в гробу; но темнота эта жила и как будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звук колотушки раздавался как набат. Уквун надрывался от усердия, извлекая из своего горла самые странные и сложные напевы: подражал храпу моржа и клёкоту орла, рычал медведем и гоготал гагарой, завывал в унисон вьюге, бушевавшей на дворе. Но напрасно слушатели кричали: “Тычь, гычь! (правда)”, — поощряя его и вместе с тем стараясь выставить перед призываемыми духами его силу в наиболее выгодном свете. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, по-видимому, никакого внимания на его призыв и никак не хотели задержаться на минуту и откликнуться. Быть может, им хотелось ещё поте-

шиться над беззащитной тундрой, и они не одобряли затеи Уквуна, клонившейся к их умиротворению.

“Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей! — протянул наконец Уквун. — Гей, гей! Я человек, я ищущий, я зовущий”...

Он решил от простых напевов перейти к заклинаниям, которые считаются гораздо более действительными.

“Маленькая рыбка векам, — запел он громким и протяжным речитативом. — Гей, гей. Выросла и стала больше кита. Гей! Она лежит среди открытого моря; шея ее стала как остров, спина ее вытянулась материком. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задел концом крыла за землю Люрен, дай ответ”.

Но буря опять пролетала мимо, не откликаясь на призыв.

“Над истоком бегущей воды, на вершине белаго хребта, у гремящего ледника живет молния, мать горнаго эха. Она летает по небу, гремя железными крыльями... Из-под ног ее брызжет алый огонь... Если ты вылетел из ее узких ущелий, дай ответ”.

Но ответа не было по-прежнему...»

Это описание даёт характерную картину обрядов чукчей.

Живут чукчи почти исключительно звероловством, сбытом пушнины, ниже стоит моржовый промысел. Все Чукчи прекрасные моряки. На своих небольших байдарках из кожи моржа чукчи не знают страха перед какой бы то ни было непогодой. Вооружены они привозимыми американцами винчестерами. Каждый чукча уже с детства великолепный стрелок.

Я говорил лишь о чертах их дикаго состояния. Но какой резкий, в первый момент трудно укладываемый в голове, контраст составляют со всем этим зачатки культуры, привившиеся в какой-то беспорядочной, безсистемной форме! На моих глазах за последние два года почти все прибрежные деревни чукчей променяли свои грязные шатры из шкур животных на чистенькие деревянные домики с железной крышей, печами, настоящими стеклами и т. д.

В бухте Провидения чукчи приобрели две моторных шхуны, научились сами справляться с моторами и теперь имеют собственный каботаж между деревнями. У них начинают появляться новейшие приспособления и орудия лова морских животных, появляются прекрасные гарпунные пушки для боя китов и т. д. Все-го забавнее, что почти в каждом домике у чукчи можно услышать граммофон. Но всё это как-то странно укладывается у них наряду с прочно держащимися дикими, первобытными нравами, ужасающей грязью, страшными болезнями (почти все чукчи больны

сифилисом, и, конечно, вследствие полного отсутствия какого бы то ни было лечения, эта болезнь свила себе в среде полудикарей прочное гнездо). Но раз чукчи восприняли хоть некоторые проявления цивилизации, правда лишь те, которые им оказались необходимыми или просто интересными, значит, они способны к восприятию и более серьёзных основ культуры. Чукчи не питают никакой вражды к иноплеменникам, охотно перенимают от них многое, что им предлагают. Но вследствие того, что народ этот никому не интересен, им серьёзно и не занимались. Всё, что чукчи имеют, исходит от американцев, а те, разумеется, заботятся об этом народе и цивилизуют его лишь постольку, поскольку это им выгодно.

## II. Мы и американцы

Чукотский полуостров так же дик своей природой, как и жизнью своих обитателей. Крайне суровый климат (снег, выпадая в октябре, сходит лишь в начале июня; температура летних месяцев, июля и августа, плюс три-четыре градуса), отсутствие какой-либо растительности, кроме травы и низкого кустарника по склонам гор, полная неспособность земли вырастить каких бы то ни было овощи, — всё это ставит край в положение дикой, глухой земли.

Но зато та же земля скрывает в себе громадные богатства. Образование земных пород в этом крае совершенно то же, что и на Аляске, которая своим значением для Америки в смысле эксплуатации богатств достигла значения, не уступающего Калифорнии. Но американцы сумели перенести цивилизацию даже в такое глухое место, как и наш Чукотский полуостров. Приспособиться можно к какой угодно дикой жизни. Американцы блестяще доказали это. На Аляске, не говоря уже о рудниках, разработанных согласно новейшим требованиям техники, находятся два портовых города: Ном и Кларенс, своим благоустройством отвечающие самым строгим требованиям.

Как больно становится, когда вспомнишь, что всё это находится в каких-нибудь трёхстах верстах от наших владений!

На весь Чукотский полуостров, который мог бы свободно поместить в себе Францию, имеется лишь 10—12 человек интеллигенции, включая в это число фельдшера, заведующего магазином и т. п. Местная администрация — два уездных начальника, один помощник и семь человек нижних чинов, которые там почему-то изстари называются «казаками».

В юго-западном углу Чукотского полуострова вливает свои воды в Берингово море громадная река Анадырь, в устье которой расположен пост Ново-Мариинск, где летом живёт начальник Анадырского уезда. Этот пост представляет собою маленький поселок с пятью жилищами. Я употребляю именно это слово потому, что назвать предназначенные для жилья берлоги домами никак нельзя. Наиболее комфортабельным жильём считается там палатка; одна из палаток имеет на своей вершине крест, рядом стоят два столба, на которых подвешены колокольчики. Это — православная церковь. На зиму всё население поста перекочевывает в селение Марково, находящееся на реке Анадырь в восьмистах верстах от устья. Марково уже несколько лучше приспособлено для жизни, но и оно стоит, конечно, ниже любого самого глухого села Европейской России. Названными двумя пунктами и исчерпываются все наши попытки к «благоустроенному» житью в крае. О каких бы то ни было рудниках, конечно, не может быть и речи, нет и намёка на их существование. Покой золота нами совершенно не нарушается.

Американцы, видя наше полное нежелание приняться за цивилизацию края, наше отчаянное равнодушие к его существованию, разумеется, воспользовались этим в полной мере. Они хозяйничают на Чукотском полуострове, как и сколько им угодно. Я говорил уже, что все богатства уходят в их руки; это результат той системы, которую они применяют при эксплуатации любой колонии. Они тщательно изучают край, подробно знакомятся со всеми его данными, знакомятся с населением, его нуждами и нравами; они «приручают» местных жителей, стараясь всё время идти навстречу их желаниям, внося в их жизнь некоторые основы культуры. Чукчи ясно видят, что всё, предлагаемое им американцами, не только полезно, но действительно необходимо. Вся жизнь чукчей зависит от боя зверей, морских животных. Американцы привозят им прекрасные ружья, орудия охоты.

Чукчам нужны средства сообщения по побережью. Те же американцы дают им моторные шхуны, обучают их управлять машинами и т. д.

Американцам, конечно, слишком выгодно, чтобы все улучшения в быте чукчей, весь маленький прогресс этого народа шёл от них. Во-первых, чукчи вынуждены платить за самые необходимые вещи столько, сколько американцы захотят, а, во-вторых, для Америки очень «удобно», что чукчи видят возможность прогресса, исходящей лишь от нея, а не от России.

Чукчи относятся буквально снисходительно к русским, как к людям, которые им ничего нового дать не могут. Были попытки завести на Чукотском полуострове склады с необходимыми для чукчей вещами. Но эти склады обычно имели всё, что угодно, до духов включительно, но только не то, что надо чукчам. Были склады у прекратившей ещё в 1909 г. своё существование одной компании по разработке золота, имеется и по сей час на посту Дежнёва склад торгового дома Чурина, устраиваются казённые склады, но всё это не то, что надо. Именно можно сказать, что все эти склады «слышали звон, да...»

Зато как только где-нибудь появляется американский магазин, чукчи сейчас же идут туда, минуя русских, — настолько прочно их доверие к американцам. Теперь американцы изгоняются из наших краев; изгнали их из Ново-Мариинска, с поста Дежнёва. Но что принесёт такая мера? Чукчи будут лишены тех необходимых вещей, которые они получали от американцев, а мы при существующей организации дела им ничего полезного не дадим.

Если как следует ознакомиться с основными требованиями чукчей, с их нуждами, если подготовить людей, знающих эти нужды, приготовить склады, установить и организовать правильный доступ необходимых товаров, тогда с легким сердцем можно гнать американцев и поставить русских. Но нужно, чтобы чукчи сразу увидели, что мы им предлагаем лучшее, чем они имели от американцев. Я говорю именно «лучшее» потому, что если мы сейчас, изгнав американцев, дадим только то, что давали они — трудно будет завоевать доверие к себе, ибо слишком уж глубоко сидит в чукчах убеждение, что мы в сравнении с американцами — ничто. У чукчей сильно развито предубеждение против нашей способности быть им не только необходимыми, но и полезными.

С 1910 г. американцам запрещено появляться на своих шхунах в наших водах; поэтому каждый нарушивший это правило именуется уже «хищником». Сути дела этот закон, конечно, не изменил: раньше американцы хозяйничали открыто, теперь — под названием «хищник». А кто же может бороться с ними? На всех хищников «стража» состоит лишь из семи «казаков» да маленькой тихоходной шхуны в распоряжении чукотского уездного начальника. Очевидно, при таких условиях охраны никакого надзора за действиями американцев быть не может.

Результат всего описанного тот, что население крайне привыкло к американцам, привыкло обращаться к ним за малейшей помощью, приучилось уважать их, твёрдо зная, что те всегда помогут

чукчам всем, чем нужно. Чукчи, не имея ни малейшего представления о русском языке, почти все говорят по-английски. И больно становится русскому человеку, когда видишь всюду, в мельчайших намеках на цивилизацию, беспорядочно разсыпанных среди местных жителей, лишь имя давшего эти крохи: «Америка», когда вынужден говорить с чукчей по-английски, когда видишь на себе взгляд чукчи, обращенный на русского как на чужого, неведомаго, ненужнаго ему человека.

### III. В пути. Ново-Мариинский пост

Подходил к концу девятый день нашего томительнаго плаванія в открытом море, вдали от берегов. Несмотря на то, что была только середина октября, в далеком Беринговом море уже начали свирепствовать осенние штормы с их пронизывающим холодом, пургой и бешеной, неутомимой качкой.

На разсвете мы увидали покрытые первым снежным пухом берега Анадырскаго лимана. Лиман этот сильно даёт себя чувствовать своими мелями уже за сорок миль до входа в реку командный персонал парохода становится серьезнее, чаще посматривает на карту, не отрывает глаз от бинокля, устремленнаго на медленно открывающіяся за туманом очертания негостеприимнаго берега. Лоцманов никаких здесь нет — приходится итти крайне осторожно, медленно пробираясь среди разбросанных могучей рекой безконечных мелей — «банок», как называют их моряки.

— Ну, вот и ход уменьшили... Смотрите, и чего это мы кружим всё время... Ох, как бы не выскочить куда-нибудь, — слышатся недовольные голоса пассажиров, жаждущих как можно скорее выбраться на сушу.

Нет нужды, что послезавтра опять надо идти дальше, опять «кружить» по лиману и опять проклинать ветер и холод, превращающие палубу в каток, на который то и дело попадают сорванные налетевшим шквалом гребни крутых волн. Об этих неприятностях забыли. Голова занята лишь одной мыслью — как можно скорее, сейчас, сию минуту почувствовать под ногами землю.

— И кто меня, спрашивается, неволил пускаться в такое путешествие?.. — слышу за собой ворчливый голос. Оборачиваюсь — стоит мой визави по столу за обедом. Он всю дорогу привлекал моё внимание. Высокий плотный мужчина лет сорока с простыми чертами лица, обыкновенной русой бородой, аккуратно причёсанной, но без претензии на что-нибудь «парикмахерское». Он невольно



заставлял меня вглядываться в его выразительные, красивые глаза. Одет он был очень чисто, но просто. Очень мало говорил вообще, а о себе никогда ничего не рассказывал. Я же, как он ни интересовал меня, стеснялся его спрашивать.

— А разве вы поневоле идёте? — спросил я в ответе на его ворчание.

— Если хотите — да, — усмехнулся мой собеседник. — Я, видите ли, нашёл на Анадыри, в четырёх верстах от устья залежи платины и золота. Сделал заявку, теперь хочу разрабатывать.

Я высказал своё удивление по поводу того, что не вижу ни его рабочих, ни каких-либо инструментов для разработки золота.

— Э, батенька, плохо вы знаете наши порядки. Я должен за эту зиму только произвести разведку, представить результат ея, а вот на будущий год можно и рабочих везти.

— Да ведь вы так теряете два года прибыльной работы?

— Что ж поделаться, — развёл он руками, — волокита... Вот зиму как-нибудь проживу с тремя людьми, а там что Бог даст, пока вчетвером поработаем.

— Да как же вы жить будете? Ведь там никаких построек нет?

Он молча показал рукой на носовой трюм. Там я увидел груды гофрированного оцинкованного железа и несколько деревянных стропил. Этот человек собирался прожить суровую зиму с тридцатипятиградусными морозами под защитой железного, кое-как собранного сарая. Ему предстояло всю зиму просидеть на одних консервах да ещё работать, чтобы представить результат разведки.

— Ну, знаете, — ответил я, — хуже трудно себе что-нибудь представить.

— Да... хотя бывало и хуже, — оборвал он вдруг разговор и отошёл.

Впоследствии я узнал, что он русский эмигрант из Америки, работал на Аляскинских золотых приисках; там его обокрали, остался без копейки. Два года тому назад пошёл на американской хищнической шхуне к нашим берегам, набрёл на участок золота, но попался. Теперь, отсидев положенное, он в компании ещё троих таких же неудачников решил заняться разработкой золота легально, сделав на этот участок заявку.

После нашего разговора я невольно задумался, представляя себе все тяжёлые условия жизни, которые ему предстоят. Начать с того, что не легко добраться до этого участка. В устье Анадыри надо высадиться и прожить в какой-нибудь холодной, грязной чукотской лачуге добрый месяц, пока установится снег; тогда можно

добраться на собаках. Или же, если не выжидать этого времени, придётся подниматься вверх по быстрому течению реки на шлюпке. Это путешествие прямо ужасно. Открытая, низкобортная чукотская шлюпка не предохранит в пути ни от ветра, ни от снега. Вода в это время года уже покрывается по ночам корочкой льда, что сильно затрудняет движение шлюпки, влекомой вдоль берега бичевой, в которую впряжены восемь-десять собак. Часто приходится останавливаться, чтобы дать отдохнуть собакам или просто размять ноги. Переезд на лодке до его участка занял бы недели две. Две недели на открытом воздухе, в холод, в пургу, не имея возможности переодеться, когда от срывааемых ветром брызг промокает платье, без горячей пищи, без моциона! Какое здоровье надо иметь, чтобы перенести безнаказанно такое испытание! А уехать раньше из Владивостока, чтобы поспеть на участок в тёплое время, нельзя было.

— В областном правлении не были готовы необходимые документы. Я клянчил, просил поторопиться — ничто не помогло. Какое им дело до морозов; они воображают, что везде — Ницца.

Да, нелегко при таких условиях работать.

А что предстоит зимой? Голое место, которое покрывается снегом, иногда аршина на два-три, постоянные ветры, несущие крепкие, острые снежинки, которые преобладающе впиваются в кожу, сильные морозы, продолжающиеся с ноября по май, — вот как встретит природа человека, решившагося на эту жизнь.

В тесной, низкой лачуге из жести, невыносимо душной от чадающего камелька, покрытой по стенам толстым слоем инея, вздрагивающей каждый раз от пронесшагося порыва ветра, которым, кажется, вот-вот снесёт её, как пушинку, надо сидеть всё время в шубе. Из каждой щели, из каждого угла задувает снаружи пушинки снега; кругом свистит, воеет ветер, точно хочет сорвать на жалкой горсти полузамерзших людей всю свою злобу...

При одной мысли обо всём этом заранее откажешься и от золота, и от денег, лишь бы не испытать всего ужаса такой дикой жизни далекаго севера.

Когда мы подходили к Ново-Мариинскому посту, нас поразило, что, несмотря на наш большой ход, мы всё же двигались крайне медленно. Оказалось, что в этом месте скорость течения реки доходит до шести-семи узлов. На обыкновенном языке это значить девять-десять вёрст в час.

Наконец пароход наш остановился, «отдали якорь», пассажиры, жаждавшие поскорее ступить на что-нибудь более надёжное,

чем танцовавшая последние четыре дня палуба парохода, готовились съехать на берег. За какую-нибудь версту от парохода виднелась низкая песчаная коса с разбросанными маленькими домишками и массой белых палаток. На одной из крыш развевался флаг. В первый момент при виде такой картины все мы были очень разочарованы, ожидая от «поста» много большего, но потом, вспомнив только что кончившееся путешествие, решили, что «каков ни есть берег — всё ж земля».

Как только спустили трап и подвели к нему шлюпку, все бросились было садиться в неё, но сейчас же остановились в нерешительности. Снизу, с трапа, кто-то даже крикнул:

— Стойте, стойте, нельзя садиться, пароход идёт ещё! Дело в том, что вокруг цепко державшейся за трап шлюпки с громадной быстротой стремилась вода, под носом бурлила пена, и, действительно, в первый момент всё это производило такое впечатление, что шлюпка вместе с пароходом идёт быстрым ходом вперёд.

Когда все расселись, нас сразу подхватило течением и через несколько секунд мы уже оказались далеко позади парохода. Матросы сели за весла, и понемногу шлюпка наша начала приближаться к берегу. Но первая попытка высадиться оказалась неудачной, потому что мы не приняли в должной степени во внимание течения и очутились много ниже того места, где предполагали сойти на берег.

Навстречу нам уже двигалось по косе всё население поста: начальник уезда с женой, его помощник, семь человек «казаков» и около двадцати чукчей.

Кстати о «казаках». Из коренных камчадалов, уже теперь совершенно обрусевших, набираются для поддержания порядка нижние чины, которые почему-то называются «казаками». Это очень низкорослый, неуклюжий народ, на вид очень слабенький. Придумали им форму с красными погонами, они крайне гордятся этим. Функции они исполняют самые разнообразные: изображают собою местное войско, вооружённое кто дробовиком, кто — берданкой, полицию сухопутную и морскую (в их распоряжении шлюпки); на посту имеется метеорологическая наблюдательная будка — «казаки» ведут наблюдения, местная «почтовая контора» обслуживается ими же.

Познакомившись с начальником уезда, мы двинулись к нему.

— Вы простите, господа, я не могу вас принять, как следует, палаццо мой уж очень примитивен, да что поделаешь — пять лет всё обещают новый построить, — обратился он к нам.

— А где же ваш дом?

— А вон, видите, с флагом на крыше.

Действительно, «дом» оказался очень невзрачным. Кое-как сколоченный из досок сарай, обтянутый весь толем и покрытый смолой, с маленькими окошечками, в которых часть стекол заменена бумагой и кусками жести, он своим чёрным цветом и видом избушки беднейшаго крестьянина в деревне производит очень грустное впечатление, в особенности, когда вспомнишь, что это жилище главного представителя власти и администрации для всего края.

— Мы сначала посмотрим мою хату, а потом перейдём в палатку, — продолжал уездный начальник. — Я буду очень рад поболтать, ведь целый год не видел свежих людей.

Вошли внутрь. Низкие потолки, две небольшие клетушки, по стенам оклеенные газетной бумагой — это и приёмная, и столовая, и спальня, и кабинет.

Рядом с домом стоит чистенькая, большая палатка. Там очень любезно нам предложили чаю, нашлись также ром и коньяк.

Разговор вертелся, конечно, около жизни на Чукотском полуострове. Большинство из нас были здесь в первый раз и с большим интересом слушали рассказы радушных хозяев.

Начальник уезда, бывший офицер С. (Николай Павлович Сокольников. — *Ред.*), живёт на посту уже шесть лет, ни разу за всё время не выезжая из края. Когда я услышал это — у меня прямо мороз по коже прошёл. Шесть лет безвыездно жить в этом ужасном своей дикостью месте, жить в таких условиях полудикаря! А этот человек не жалуется, не сетует, говорит, что вполне свыкся с таким положением, привык и к этой жизни, и к чукчам.

— Да что я, — улыбнулся нам в ответ С. — Вот, посмотрите, мой помощник тридцать пять лет уже живёт исключительно в этих краях, из них последние пятнадцать лет на посту. А попробуйте ему предложить уехать отсюда — ни за что не согласится.

Из какого-то особенного теста должен быть сделан человек, чтобы примириться с подобной жизнью, навсегда оторвать себя от культуры и оставаться ещё при этом довольным, удовлетворённым и жизнерадостным! С какими невероятными способностями человека «акклиматизироваться» в какой угодно жизни, в любых условиях приходится сталкиваться иногда во время путешествий!

В первый момент моего знакомства с начальником уезда Чукотского полуострова я невольно смотрел на него как на человека совершенно другого какого-то мира, ничего общего с нашим обыкновенным культурным не имеющего. Но когда вместе с другими

пассажирами — моими товарищами по путешествию в северных землях, я сидел на посту Ново-Мариинске в уютной, чистенькой палатке, когда завязался оживлённый разговор, когда радушно принявшие нас хозяева заняли всех крайне интересными рассказами из местной дикой жизни — я готов был забыть, что передо мной сидит человек, уже шесть лет не видевший ничего, кроме Чукотского полуострова и чукчей.

Разумеется, мы засыпали хозяев всевозможными вопросами. Меня лично очень интересовала наша торговля в крае.

— Скажите — спросил я начальника уезда, — вот вы живёте уже шесть лет здесь — много ли на ваших глазах ушло наших богатств к иностранцам?

— Я считаю, что, по меньшей мере, восемьдесят процентов. Ведь, посудите сами: за всё время моего пребывания я видел только двух русских скупщиков, да и то не из крупных; остальные — все представители иностранных фирм. Я объясняю это лишь недостатком энергии у наших капиталистов. Любой иностранец приезжает сюда с очень большими запасами товаров, не боится ни разстояния, ни климата. Просидит он здесь зиму, выменяет всё, что есть, на пушнину, на следующий год является опять. Чукча уже знает его, сам идёт охотнее к старому знакомому, чем к новичку. А наш — либо приедет с тем, что ни одному чукче не нужно, и прогорит, либо же, увидев здешнюю суровую жизнь, сразу удирает обратно. В обоих случаях он уже второй раз ни за что не приедет. Смотришь — иностранцы и берут верх, да над нами посмеиваются.

— Да вот вам пример: в прошлом году приехал сюда один молодой коммерсант. Приехал ко мне, заявляет, что решил меха покупать. «Ну, что ж, — думаю, — слава Богу, хоть один нашелся». Только поразило меня, что мало что-то у него товара, но ничего его не спросил. На другой день спрашивает меня, хороша ли тут охота. Отличная, говорю, надо только немного вверх подняться по реке. Поохотился он, четыре дня пропадал, потом вдруг, как пошел пароход обратно — он на нём и укатил. Что ему не понравилось — не знаю, верно, погода не угодила.

— Постойте, — перебил я хозяина, — не на пароходе ли «Н...» он был?

— А вы его знали?

— Видите ли, — продолжал я, — на «Н...» был один субъект, очевидно, тот самый, про кого вы рассказываете. Он, пока жил в Питере, самым искренним образом был уверен, что на Камчатке соболя бегают, как у нас собаки — любого бери и веди к себе.

Когда я был с ним в Петропавловске на аукционе бобров, он глубоко разочаровался, узнав, что шкура целого бобра стоит 800—1 000 рублей. «А я-то думал и правда, здесь мех дешев, — заявил он, — думал, рублей двадцать, что ли, бобёр, ну пятьдесят... Знал бы, так ни за что бы не поехал».

— А что ж, — ответил хозяин, — ведь и правда, в России, поди, многие думают, что здесь можно китов прямо неводом ловить, а белые медведи, как коровы, — стадами пасутся.

Разговор перешёл на цены шкур.

Хороший белый медведь стоит здесь от 50—70 рублей, перво-сортный песец — не дороже двенадцати; выделывать шкуры чукчи совершенно не умеют. Мы подсчитали, что может стоить хорошая дамская горжетка и муфта из белых песцов, если, скажем, из Владивостока отправить выделывать в Москву. Оказалось, что всё это обойдется, самое большое, рублей в 60—70; зато это будет гарнитур, который стоит в России не меньше 200—250 рублей.

Мне хотелось поговорить с казаками и, извинившись перед хозяевами, я вместе с одним из наших пассажиров вышел из палатки. К нам подошёл «старшина» казаков, нечто вроде фельдфебеля их. На берегу чукчи нагружали чем-то большую шлюпку очень оригинальной постройки. Скелет шлюпки был сделан частью из дерева, частью из костей (рёбер) кита, скреплённых тонкими кожаными ремешками. Поверх скелета туго натянута шкура моржа. Шлюпки эти чрезвычайно легки и в умелых руках чукчей развивают иногда хороший ход; единственное сообщение по реке — эти чукотския байдарки.

Когда я подошёл, чукчи как раз возились с погрузкой своего незамысловатого скарба, готовясь к переселению на зиму в селение Марково. До Маркова идут обыкновенно в такой шлюпке недели три, месяц. Мне очень хотелось попасть в Марково — эту столицу Чукотского полуострова, но, к сожалению, это было невысказано, так как тогда пришлось бы в нем зазимовать; поэтому я ограничился выслушиванием рассказов и разсматриванием фотографий начальника уезда.

#### IV. Администрация. Пушной промысел

О порядках административных в управлении Чукотским полуостровом можно говорить очень много. Не касаясь личной характеристики нынешних представителей администрации в этом крае, опишу вкратце положение, в которое они поставлены.

Условия жизни их таковы, что, поставь туда сейчас человека хоть семи пядей во лбу, он вряд ли сможет проявить там какую-нибудь полезную деятельность. Чукотский полуостров разделён на два уезда: Анадырский и Чукотский. Из них более обширный — Анадырский, который один смело вместит в себе целую Францию.

Начальник Анадырского уезда зимой живёт в Маркове, переезжая на июль и август в пост Ново-Мариинск, который, как я уже говорил, расположен от Маркова в восьмистах верстах.

При этом не имеется даже казённого катера для передвижения по реке. Уездный начальник должен совершать это путешествие, пользуясь обыкновенными чукотскими шлюпками. Такое милое путешествие обычно длится три-четыре недели, что, конечно, слишком больших удобств не представляет. А переезжать необходимо, ибо летом вся жизнь Маркова переходит на пост. Заходящие летом два парохода тоже далее поста не проходят.

Помещение на посту для начальника уезда я узко описывал. Этот сарай обыкновенно не обладает способностью слишком разниться своей температурой от окружающего его воздуха. А природа там неласковая: средняя температура наиболее тёплых летних месяцев около четырёх-шести градусов тепла. От ветров же этот домишко, расположенный на косе, совершенно не защищён.

Не знаю, что могло привести в восторг губернатора Камчатки г. Перфильева, когда он, войдя в дом начальника уезда, заявил:

— Однако, у вас тут совсем не так плохо... Наоборот, вы очень мило устроились...

Если это не была самая тонкая насмешка, то положительно отказываюсь понять, чем могло быть вызвано подобное замечание. А ведь найди он это помещение таким же отвратительным, каким его находят все, бывавшие в нём, — от него в сильной степени могло бы зависеть улучшение условий жизни на посту.

Из тысячи подобных мелочей создаётся в общем атмосфера тех условий, той невозможной жизни, в которой должен жить человек, обязанный, по идее своей службы очень много и неустанно работать.

Не только летом для обхода побережья, но и зимой для путешествия по вверенному краю уездному начальнику не даётся никаких подходящих к тому средств. У него нет ни достаточного количества людей, ни возможности получать сведения о том, что у него в уезде делается.

Понятно, что у человека, поставленного в подобные условия жизни, совершенно опускаются руки и нет желания что-нибудь

делать. Я повторяю, что не хочу в данном случае касаться личной характеристики. Мне кажется, что самый энергичный человек скоро падёт духом и перестанет работать, потому что, во-первых, поставленный уже самой отдаленностью края от цивилизованных пунктов в положение чуть не дикаря, он к тому же ещё не имеет самага необходимаго в жизни комфорта. А, во-вторых, ещё и потому, что, как он ни пытайся работать, вся его работа сведётся к какому-то верчению белки в колесе.

На этом вопросе невольно приходится остановиться, ибо первый, от кого потребуется самая большая энергия и работа при насаждении культуры в крае, — это, естественно, начальник уезда. Местному населению — чукчам — приходится слишком часто при всякой мелочи сталкиваться близко с этим представителем администрации. Увы, опять и опять приходится брать в пример американцев, которые в таком же совершенно крае, в таких же условиях цивилизации дикарей поставили дело много иначе. Они требуют от людей, так близко соприкасающихся с населением, большой и интенсивной работы, но зато и условия жизни их обставляют возможно лучше.

И это первое, о чём нам придётся серьёзно подумать, если мы захотим поставить край так, чтобы он действительно приносил нам ту пользу, которую он должен и может принести.

В этом году на посту Ново-Мариинском заканчивается постройка станции беспроволочного телеграфа. По всему краю через год должны быть станции, соединяющие мыс Дежнёв с Петропавловском, который теперь своим телеграфом связан с цивилизованным миром и с Сибирью.

Начинание хорошее, которое может быть только приветствуемо. Такой телеграфной линии может предстоить громадная будущность, особенно если использовать её как сообщение с Америкой. Телеграммы, идущая сейчас в Америку по океанскому кабелю через Европу, стоят громадных денег, тогда как тариф линии радиотелеграфа может быть сделан несравненно ниже. Естественно, что тогда ни к чему уже будет прибегать к помощи кабеля Атлантического океана. Сейчас слово из Владивостока в Америку стоит, в среднем, около рубля; стоимость же слова по такой северной линии, судя по тарифу уже существующих радиостанций, может быть оценена в 10—15 коп. (Что касается возможности быстрой передачи, то существуют приборы, функционирующие уже на некоторых станциях Америки и дающие передачу до 100—120 слов в минуту.) Такое преимущество нашей телеграфной линии может



дать очень не маленький доход России, не говоря о том, что постоянная связь Чукотского полуострова со всем цивилизованным миром — уже громадная помощь и облегчение для развитая там какой бы то ни было промышленности.

Сейчас способ сообщения с севером — морской — хромает очень сильно. Одна из главных причин та, что ближайшим отправительным пунктом для далекаго края служит Владивосток. Когда мы начнём пробуждать в этом крае прогресс, когда начнётся цивилизация его — нам придётся очень сильно считаться с необходимостью правильного и быстрого подвоза всего необходимого. Естественно, явится вопрос об удешевлении сообщения, о возможно более быстром подвозе материалов. Невольно придётся обратиться к вывозу не из Владивостока, а из Америки.

Возражений против этого, правда, может быть сделано очень много; их можно заранее предвидеть.

Дело в том, что, как я уже говорил, мы можем вытеснить американцев, только оборудовав край, а в силу этого, пока край не оборудован вполне, мы должны не только терпеть их, но и пользоваться их помощью. Это будет много дешевле и удобнее для нас до тех пор, пока на пути из Владивостока не будет порта, который мог бы служить базой для вывоза товаров, базой, удалённой от Чукотского полуострова настолько, чтобы можно было чаще пускать из нея пароходы, чтобы она была главным отправительным пунктом. Пока этого нет — необходимо воспользоваться близостью Америки, из которой товары будут доходить чаще, быстрее и дешевле. Когда я говорил о том, что мы должны давать чукчам всё, что они имеют от американцев — это значит, что чукчи должны привыкнуть иметь товары из наших рук; а чьи будут эти товары — наши или американские — безразлично. Здесь приходится руководствоваться только соображением, что удобнее и дешевле доставлять. А пока не будет базы, о которой я говорил, нам удобнее и дешевле воспользоваться сообщением от близких к нам берегов Америки, и лишь для поддержания престижа показать, что всё проходит через наши руки.

Торговля наша на Чукотском полуострове находится пока в зачаточном состоянии.

Ввозная торговля ограничивается, разумеется, лишь тем небольшим выбором товаров, которые необходимы исключительно чукчам. Но даже и к этому небольшому выбору мы не можем отнестись внимательно. На всём Чукотском полуострове имеется лишь один магазин Чурина, но и этот склад (на посту Дежнёва) совершенно не

удовлетворяет нуждам края. На Дежнёве нет многих вещей, необходимых чукчам, а что есть, производит такое впечатление, будто кто-то взял какие-то товары, набросал их как попало в склад и предлагает чукче, усиленно уговаривая его вместо необходимого чая или сахара купить кусок хорошаго мыла или зубную щётку и т. д.

Я говорил уже, что чукчи — не совсем дикари. Они прекрасно видят, когда им предлагают полезные вещи или когда им хотят «подсунуть» что-нибудь. А последняя тенденция, увы, существует. Разумеется, результатом подобного отношения к делу, подобного безалаберного подбора товаров, является то, что чукчи не желают ничего брать, только смеются над нами, и торговля наша стоит на точке замерзания. Правда, и дежнёвский склад получает меха, но каким путём? Когда чукчи распродадут за лето всё, что у них имеется, американцам, тогда их взоры обращаются в сторону нашего склада. Начинают отыскивать каких-то завалевшихся песцов, медведей и тащить всё это в склад Чурина, где всё-таки, хотя и плохим товаром, но втрое дороже платят, чем платит Америка.

Американские шхуны подходят к берегам Чукотского полуострова, нагруженные именно тем, в чём чукчи испытывают весной самую острую нужду. Чукчи ждут их появления, как манны небесной, и набрасываются на всё привезённое, отдавая пушнину до смешного дёшево. А наш пароход приходит туда на полтора месяца позже, к тому же ещё везя то, что абсолютно никому не нужно. Примером того, как чукчи жадно бросаются на необходимую для них вещь, может служить следующее. Чукчи вооружены все винчестерами, но обращаться с оружием они совершенно не умеют. Если у чукчи хоть немного загрязнилось ружьё, он его чистить ни за что не будет, а просто бросит как негодное, и при первом же появлении американской шхуны купит себе новое, платя всё, что с него спросят. Не полезно ли было бы, если бы чукчи имели возможность отдавать свои «негодные» ружья хотя бы тому же складу Чурина и получать их вычищенными и снова исправленными? Сделать это нетрудно, а между тем чукчи сейчас же набросились бы на подобную возможность ремонта, зная, что можно опять иметь свою вещь вполне пригодной для дальнейшего действия, без необходимости покупать новую и платить за нее втридорога.

Чукотский полуостров обладает, как я говорил, многими богатствами. Среди них главное место принадлежит пушному промыслу; далее идёт моржовый промысел, золотопромышленность, китобойство.

Пушнины на Чукотском полуострове громадное количество. Главный рынок её — селение Марково, в восьмистах верстах от

устья вверх по реке Анадырь. До последнего времени вся пушнина со всех сторон стекалась туда, устраивались ярмарки, число которых доходило до четырёх за зиму. Торговля, конечно, исключительно меновая. Как плата за мех на первом месте стоит чай, сахар, ружья, табак, далее такие предметы, как медная посуда, нитки, иголки, предметы роскоши чукчей — бусы, кумач, всевозможные безхитростные украшения и т. д.

Скупщики пушнины всё время жили в Маркове, получая товары на зиму с летними пароходами, заходящими в пост Ново-Мариинск, расположенный в устье Анадыри. Теперь же ярмарки с каждым годом становятся всё реже и реже, да и пушнины в Марково стало появляться очень мало, а то, что есть — сильно дорожает. Причина такого явления — всё те же американцы. Чукчи предпочитают продавать меха американцам, получая взамен то, что им действительно нужно, а не то, что их заставляют брать наши скупщики. Громадную роль здесь играет возможность получить спирт, торговлей которым американцы не стесняются.

Русскими законами ввоз спирта на Чукотский полуостров и Камчатку запрещён. Чукчи настолько падки на водку, что за бутылку спирта готовы лишиться самых необходимых вещей. За ведро спирта можно свободно купить у чукчи такое количество пушнины, которое в обмен на товары было бы продано рублей за сто.

На пушной промысел необходимо обратить серьёзное внимание. На Чукотском полуострове не существует никаких правил для охоты, нет и намека на урегулирование боя животных. Бьёт всякий, кто хочет, где, когда и что хочет. Говорить о том, насколько подобный порядок вещей не способствует правильному размножению зверей и процветанию промысла излишне; это слишком всем и каждому известно. Пушнины, слава Богу, ещё очень много, так что над этим вопросом никто не задумывался. Но вот, на чём подобные порядки уже очень сильно сказались, это на промысле моржей. Их становится слишком мало, идти за ними приходится очень далеко, забираясь на север. А между тем моржовые клыки могут иметь прекрасный сбыт, что блестяще доказано американцами, скупающими их в очень большом количестве.

## **V. Снова в пути. Бухта Провидения. Золото**

Быстро, незаметно пролетело время, проведённое всеми нами, пассажирами, на берегу в Ново-Мариинске. Уже начались сумерки, мы торопились возвратиться к себе на пароход, боясь, что вследствие сильного течения нам в темноте трудно будет приставать к судну.

С трудом выбрались все мы на палубу и долго ещё внизу, в кают-компании, обменивались впечатлениями. Простояли мы в Анадыре всего два дня и пошли дальше на север. Опять пришлось пройти этот скучный лиман с его вечно туманными берегами, с постоянными мелями. Опять мы кружили по узким проходам, чтобы где-нибудь не сесть. Опять началась воркотня пассажиров, настроение стало сразу каким-то кислым; этому много способствовало и погода. Потянуло с Берингова моря холодком. Только вышли из лимана, накрыл густой туман, с неба посыпались мельчащие капли отвратительной изморози, поднялся ветер — опять у всех мысли о качке, словом, море нас сразу встретило до крайности неприветливо.

На другой день подошли к бухте Провидения. Туман был настолько густой, что в бухту нельзя было войти, и мы принялись бродить около входа взад и вперед, дожидаясь мало-мальски ясной погоды.

Нет ничего ужаснее этого бездельного хождения перед бухтой. Представьте себе положение пассажиров, осуждённых на эту пытку: наверх выйти нельзя, всё мокро, палуба скользкая. Все томятся по каютам или в кают-компании, читать нечего — всё уже по несколько раз перечитано, разговаривать ни с кем не хочется, потому что уже наизусть знаешь каждого, да и тем для разговоров нет, все друг другу надоели, ходят мрачные, озлобленные на всех и вся...

Только и слышишь возгласы: «Господи, когда туман кончится...», «Владимир Петрович, да бросьте вы, ради Бога, ваше безконечное “Пожалей” — и без пианино тошно»... Пианист ехидно ухмыляется, но вдруг крышка инструмента теряет равновесие и с силой падает на руки музыканта. Тот стремительно вскакивает, несколько мгновений его громкая проклятия покрывают все голоса, на минуту стоит в кают-компании общий злорадный хохот...

Во время плаванья я всегда просил будить меня, если ночью мы входили в какую-нибудь незнакомую мне бухту. К шести часам утра туман рассеялся, и мы вошли в бухту Провидения. Когда я вышел на палубу, в первый момент остолбенел от резкого контраста между тем, что открылось моим глазам, и воспоминаниями о погоде накануне.

Длинная узкая бухта, стиснутая высокими скалами, крутыми обрывами, спускающимися к мертвенно спокойной воде, покрытой матовой бледностью утренних испарений. Мрачные таинственные горы, сияющие на вершинах белоснежной пеленой, освещённые

розовыми лучами не показавшагося ещё только что восходящаго солнца. На обрывах зелёныя, жёлтыя, оранжевыя краски кустарника, местами низко смотрящагося в чёрную от тени берега воду. Идеально чистый, свежий воздух, могильная тишина, едва нарушаемая монотонным стуком машины парохода, — всё это заставило забыть обо всём, кроме открывшейся волшебной картины. Прошло каких-нибудь полчаса, и мы стали на якорь.

В низкой, покрытой песком ложбине, между горами расположились три домика. Немного поодаль видны чукотския «яранги». Когда мы подходили, на берег высыпало всё местное население: старшина казаков да четверо чукчей.

Недалеко от места нашей стоянки журчала небольшая реченька. Команда отправилась на берег за пресной водой для парохода. Мне первый раз пришлось видеть такой способ перевозки воды: прочно сшитый из непромокаемой парусины мешок имеет небольшое отверстие. Мешок свозится на берег, погружается в речку, затем, когда он наполнится водой, отверстие плотно закупоривают и мешок буксируют в воде к пароходу. Мешок вмещает около двух тонн воды (120 пудов) и, наполненный пресной водой, обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в солёной морской воде.

Вместе со мною съехал на берег и наш доктор, взявший с собою, несмотря на семь часов утра, фотографический аппарат. Как только мы вышли на берег, к нам подошел старшина, прося доктора осмотреть некоторых больных чукчей. Во время разговора я заметил, что сидевшие около нас на корточках чукчи смотрят на нас очень пристально и явно позируют.

— Что это они, точно не в своей тарелке? — спросил я старшину.

— А фотографический аппарат увидали. Их тут в прошлом году с одного парохода снимали, дали потом карточки — с тех пор как увидят аппарат — сейчас думают, что снимать будут: они это очень любят.

Осмотрев больных, назначив некоторым приехать на пароход, мы с доктором сели в шлюпку и к утреннему чаю уже сидели в кают-компании.

Золото... волшебное, могучее золото. Когда попадешь в край, таящий в недрах своих этот металл, невольно чувствуешь себя точно подавленным какой-то громадной мощью. Понятно, что когда мы были на Чукотском полуострове, только и разговора было на пароходе об этом богатстве.

В бухте Провидения мы встретились с горным инженером Б., много исследовавшим горные породы Чукотской земли. Понятно, полились распросы.

Оказывается, на Чукотском полуострове, действительно, много золота. Масса росыпей, где золото доходит до тридцати трёх золотников на сто пудов руды (пуд равен 16,38 кг. — *Ред.*). Это громадное содержание. Самородки мне приходилось видеть до пяти золотников весом (золотник равен 4,266 г. — *Ред.*).

— Послушайте, — спросил я Б., — но ведь это же колоссальное богатство. Отчего же ничего о нём не слышно, никто не разрабатывает его?

— Не слышно потому, что все отчёты о нём, как вообще о всех исследованиях этого края, хранятся во всевозможных канцеляриях да кабинетах, а публике они неизвестны. Не разрабатывают его... ну, тут виновата и стовёрстная полоса, и концессия одного общества, захватившаго весь край в свои руки, да, наконец, и то, что уж очень оно далеко.

Я должен пояснить, что под выражением «стовёрстная полоса» надо подразумевать следующее: по всему побережью никому не разрешают работать в полосе ста вёрст от берега. Чем это вызвано — высшие соображения запретивших. Но только «стовёрстная полоса» — ужасное зло для всех предпринимателей, да и для России вообще. Во-первых, золото-то главным образом в этой полосе и лежит, а, во-вторых, — большая разница работать под самым берегом, или забираться вглубь. Не угодно ли жить за сто вёрст от моря в таком суровом климате!

Поселяясь так далеко, надо сначала построить там громадные склады для всевозможных материалов, для провизии и т. д.; надо соорудить чуть ли не железную дорогу к берегу, чтобы перевозить через все крутые горы грузы, словом, необходимо, по меньшей мере, ещё за год до начала работ обзавестись всем необходимым для жизни рудника; там ведь ни провизии, ни топлива не доставит. Иными словами, чтобы разрабатывать «дозволенное» золото, надо в совершенно диком месте построить целый город, способный жить совершенно самостоятельной жизнью. Это сделать невозможно. Если вводить в край культуру, то, конечно, начиная с береговой полосы, где может быть доступ грузам, провизии и т. п. Когда разовьётся жизнь на прибрежной линии, тогда только можно начать понемногу отходить вглубь страны, имея за собою постоянное сообщение с расположенными на берегу пунктами, уже приспособленными для жизни в диких землях.

Другая причина, почему нельзя было до последнего времени разрабатывать наше золото та, что с 1900 до 1912 г. право на разработку чуть не всего золота Чукотского полуострова было отдано одной компании, называвшейся «Северо-Восточным Сибирским обществом». Почти монопольная компания эта до сих пор ровно ничего не сделала...

— А вот, господа, — предложил нам Б., — отчего бы вам не начать работать? Ведь получить участок нетрудно. Выберите себе место, я вам могу дать массу указаний, где стоит начать разработку. Сделайте «заявку», то есть заявите во Владивосток, что вот такой-то и такой-то участок вы хотите взять, поставьте посередине вашей площадки столб с надписью «моё» и данный кусок земли принадлежит вам. И ведь, право, дешево: расход лишь рублей десять на гербовые марки.

Положительно, нет такого человека, который мог бы равнодушно слышать слово «золото». После предложения Б. у всех сразу глаза разгорелись, как-то все начали нервничать и пошли разпросы, разговоры. Все волнуются, лезут к Б., перебивают друг друга.

«А где лучший участок?» «А что, там самородки или розсыпки?» «Вы говорите здесь одиннадцать золотников?» «А во сколько времени я наживу деньги?» «А сколько рабочих надо; какие инструменты везти?»...

Ну, впечатление такое, что вот через полчаса все идут на берег и начнут копать. Но они быстро охладели, услышав приблизительно следующее:

— Предположим, вам сегодня понравился участок, и золота в нем непочатый угол, да и качества его хороши, смотришь — самородочки попадаются... Ну, понятно, бери его скорей, копай да наживай деньги. Вот вы приезжаете во Владивосток, делаете заявку. Сидите и ждёте ответа. Вам в Питер надо ехать, дела зовут. «К чорту, — машете вы рукой, — какие там дела, когда тут золото... Через год-два миллионером буду».

Смотришь, месяц проходит, другой, из России всё хуже письма — дела совсем плохо идут. Вы начинаете беспокоиться. Каждый день являетесь в областное управление справляться. Вам говорят, что «бумаги посланы». Скоро вы начинаете уже сомневаться, что в чиновничьем лексиконе «бумаги посланы» значит: «путешествуют по всей России». Так это вы тянете и проживаете зря деньги во Владивостоке до января, скажем. Тут уже, видя, что в Питере-то ваши дела совсем швах, бросаете всё, летите в Россию. Вот вам уже рублей около тысячи вскочило. Весной узнаете

вы, что вам дали заявку, да заодно узнаете и правила: «В первый же год сделать постройки (жильё), произвести разведку, представив её осенью по начальству. Всё добытое золото должно быть представлено, разработки же ещё в первый год начинать нельзя под угрозой, что отберут участок».

Далее вы узнаете, что работать для своей выгоды вы можете начать лишь через два года. Тут-то вы и подсчитываете всё. И окажется, что вы за первые два года должны израсходовать этак тысяч пятьдесят, а дальше поупудно сбор с золота также в казну гоните. Вот и выйдет, что вы свои пятьдесят тысяч лет в пять только окупите, а там окажется, что золота не так уж много в вашем участке (хищники всё растаскают). Тут вы и увидите, каково это заманчиво...

## VI. Золото под запретом

Из всевозможных начинаний и предприятий в области разработки чукотского золота обратила на себя внимание только одна компания «Северо-Восточного Сибирского общества», существовавшая десять лет, но ничего, как мы говорили, не сделавшая. Главные воротилы этой компании предпочитали сидеть в России, а в результате — громадный, затраченный кем-то и когда-то капитал (положим, и по сей час ещё видны следы этой затраты: построенные в разных местах склады с залежавшимися десятков лет никому ненужными товарами), ни капли пользы, полное падение дела. Но хуже и обиднее всего, что до сих пор за этим обществом ещё числятся многие лучшие и богатейшие участки с золотом, на которые, может быть, и нашлись бы охотники, да нельзя эти участки получить, ибо «арендовано уже другими».

«Северо-Восточное Сибирское общество» образовалось по инициативе одного богатого американского еврея. В России главными заправилами были горный инженер Корзухин, Кованько, Вальцов и другие. Общество получило в 1900 г. десятилетнюю концессию на разработку чуть не всего золота Чукотского полуострова. В то время ещё никто не задумывался над этим вопросом, если не считать Вонлярлярского, история которого так нашумела в своё время. (В. М. Вонлярлярский, отставной гвардейский полковник, в 1900 г. на свои средства отправил на Чукотку экспедицию К. И. Богдановича. Золото нашли, но немного. В 1901 г. Вонлярлярский снарядил туда партию геолога Иванова, но драгоценного металла она не разыскала. — *Ред.*)



Дела общества с самого начала были поставлены отвратительно; не было выработано никакого определённого плана действий, набрана масса совершенно ненужных людей, лишь тормозивших дело. Главные же заправилы, заполучив деньги, сидели в Петербурге, ничего серьёзного на самом Чукотском полуострове не предпринимая. Но так как правительство требовало, чтобы производились какие-нибудь работы, общество это начало распространять самые нелепые слухи о сказочных результатах каких-то мифических разведок, о результатах якобы производимых работ и т. д. В таком положении тянулось дело до 1910 г., когда подходил срок окончания концессии. Видя, что дело окончательно прогорает, что уплывают из рук деньги и доверие к обществу, что масса конкурентов жаждет наброситься на освобождающиеся участки, компания выхлопотала себе продление концессии ещё на два года.

В 1911 г. нарождается новая компания: «Анадырское золотопромышленное общество». Летом 1911 г. новая компания посылает экспедицию для работ по разведке. Экспедиция эта в составе тридцати пяти рабочих и одного штейгера (даже не инженера) отправляется на Чукотский полуостров только с поздним рейсом парохода Добровольного флота. Работают всего несколько дней — и уезжают ни с чем. Состав этой экспедиции сидит теперь без необходимых построек, без средств передвижения, без провизии. Официально придаться к этому обществу пока нельзя: оно в первый год по правилам «произвело разведку».

Здесь повторилась буквально та же история, что была и с «Северо-Восточным обществом». Опять пошли «золотые утки», рассказы о том, что рабочие везут с собой нелегально золото чуть не фунтами и т. д. Когда же в Петропавловске было предложено устроить внезапный осмотр рабочих, от обыска отказались. В действительности представлено золота, как результат разведки, всего лишь тридцать золотников.

Но самое грустное то, что во главе новой компании являются опять Кованько, Вальцов, Корзухин — давно знакомые имена...

Новое общество оказалось ничем иным, как той же «Северо-Восточной компанией», только преподнесшей свои услуги под другой вывеской. И опять наше золото в тех же руках, в каких было уже двенадцать лет.

Неужели близкие к сему делу власть имущие не могут найти средств выйти из заколдованного круга, созданного господами Вонярярскими, Корзухиными и прочими! Ведь есть же

много людей, которые ждут только возможности начать работы, но ждут тщетно.

Ведь надобно, наконец, подумать о том, что единственное средство развить начало промышленности — это поощрение ея с тем, чтобы всякий желающий работать мог это исполнить. Есть богатство, которое ждет эксплуатации, но находится оно в таких тяжёлых условиях, что, прежде всего, необходимо не закрепощать его за одним лицом, а дать ему волю. Пусть будет много людей, пусть возникнет конкуренция — тогда невольно явится и стремление к возможно большей выгоде. Тогда у всех предпринимателей на первом плане выступит шкурный вопрос. А теперь владеют этим богатством люди, которые отлично знают, что все им сходит с рук и что других к ним не пустят.

Из истории описанных двух компаний, владеющих нашим золотом, видно, как тяжело другим золотопромышленникам начинать дело в крае. Но и кроме этих условий есть много побочных, не менее тормозящих всякое начинание. Всё, что касается введения культуры в крае, промышленникам приходится делать самим; наша же администрация не желает, да и не может по своему неведению всего происходящего что-либо сделать в этом направлении. Неужели так уж трудно взять пример с Америки, которая смогла же поселить культуру в Аляске — родной сестре нашего Чукотского полуострова? А ведь нам это ещё легче сделать. Достаточно вспомнить только, что на Аляске нет ни крошки угля. Американцы платят за него бешеные деньги, а у нас на Чукотском полуострове открыт не один залежь угля. А это уже одно — громадный плюс, колоссальная помощь для зарождения цивилизации в крае.

Было предложение со стороны американцев построить железнодорожный путь от мыса Дежнёва вглубь полуострова, даже провести туннель под Беринговым проливом. Предложения эти отвергнуты. Пусть стомильный туннель — воздушные замки, но железнодорожное дело на полуострове может, очевидно, процветать так же, как оно процветает на Аляске.

Китобойный промысел находится не в лучшем положении, чем золото. Американцы, занимаясь в широкой мере этим промыслом у своих берегов, конечно, знают несравненно лучше нас, что за полтора-два миль, у берегов Чукотского полуострова китов сколько угодно.

Два года подряд мне пришлось видеть громадные стада китов в трёх-четырёх милях от бухты Провидения. Киты здесь так близко

подпускают к себе корабль, что иногда вот-вот, кажется, заденешь за него. Чукчи своими примитивными средствами бьют здесь три-четыре кита в лето лишь для собственных нужд, продавая один ус, да и то за безценок. Меня спросят: «Почему же, если это так легко, там никто не бьёт их?» — Да хотел бы я найти такого русского человека, который, имея деньги, поехал куда-то в Ледовитый океан, ему неизвестный и неинтересный, бить китов. Наши капиталисты предпочитают сидеть дома и спокойно получать проценты. А если и рискнет такой человек на более или менее энергичный шаг в области какого-нибудь нового предприятия, то только разве тогда, когда слишком ясно видит, что можно получить на рубль — ещё рубль. Ведь бывали же случаи, и не раз, что у нас бросались рудники, где количество золота доходило до одного золотника на сто пудов руды. Американцы довольствуются десятой долей такого содержания руды, и, как будто, богатеют, богатеет, понятно, и их край.

К счастью, киты у бухты Провидения держатся слишком близко от берега, а на берегу здесь имеется все-таки и староста, и казаки, да и резиденция чукотского уездного начальника тут же; а с 1910 г. суда под иностранным флагом не имеют права здесь плавать. Интересно только, будут ли киты ждать русского предпринимателя или уйдут куда-нибудь, где их станут бить американцы?

## VII. «Хищники» и люди

Я только что упоминал о хищниках. Приведу, кстати, небольшой эпизод из их жизни, до некоторой степени характеризующий наши с ними взаимоотношения.

Хмур и неприветлив летом Ледовитый океан, когда безконечной туманной пеленою затягиваются его мрачные берега, когда гладкой холодной сталью отливают застывшая поверхность воды. Безконечную свободную ширь ея лишь изредка медленно прорезает большая с обтаявшим по краям серым снегом, молчаливая льдина, точно подавленная общей могильной тишиной. Тоскливо ползёт это детище севера, осиротелое, оторвавшееся от могучей груди полярного ледяного покрова.

В один из таких мрачных туманных дней вдоль берега тихо пробиралась типичная чукотская байдарка, в которой, однако, был лишь один пожилой чукча, а другие два пассажира представляли собою обыкновенный тип европейца, хотя одеты были в меховое платье, немного отличавшееся своим покроем от одежды их това-

рица по путешествию. Один из европейцев, ещё молодой человек, но необычайно худой, с ввалившимися глазами на бледном лице, сохранившем, несмотря на сильную худобу, мягкия удивительно симпатичныя черты, сидя на корме, веслом вместо руля направлял байдарку, всё время пристально всматриваясь в небольшое, ограниченное густым туманом, пространство воды. Байдарка медленно двигалась по гладкой поверхности, как вдруг впереди показалась какая-то чёрная точка. Молодой человек тотчас вскочил и схватил лежавшее на дне шлюпки ружье.

— Лентайр, впереди нерпа, — вполголоса обратился он к одному из сидевших на вёслах. Второй европеец сейчас же взмахом весла повернул байдарку боком. Раздался выстрел, нерпа исчезла, но прошло пять, десять минут — она не показывалась. Тот, кого сидевший на руле называл Лентайром, покачал головой и произнёс, как бы в пространство:

— Что ж, теперь немногим хуже, чем раньше; ведь это у вас последний патрон, Николай Дмитриевич.

— Увы, да, — последовал с кормы ответ.

— Я готов придти в отчаяние... Ведь это же была наша последняя надежда — поесть хоть нерпы. Слушайте, Лентайр, ещё несколько часов и наступит ночь. А дальше... Я положительно теряю голову. Ведь мы и так уже почти сутки ничего не ели.

— Спросим совета у Ингойда, — упавшим голосом ответил Лентайр и обратился к чукче на его родном языке.

Тот долго что-то говорил, жестикулировал, всё время показывая на берег.

— Николай Дмитриевич, Ингойд предлагает пристать к берегу, он хочет поискать на ближайшей отмели какую-нибудь палку и сделать гарпун.

— Попробуем.

Скоро шлюпка была уже у берега и все трое вышли. Чукча ушёл куда-то, оставив двух приятелей дожидаться его на берегу.

Лентайр, американский подданный, уже десять лет жил на Чукотском полуострове, ведя меновую торговлю с чукчами. Это был пожилой человек на редкость крепкого телосложения, с громадным запасом здоровья, как нарочно приспособленного к суровой жизни на Севере. Последнее время он очень подружился с Николаем Дмитриевичем Кутениным, всего полгода тому назад приехавшим из России на один из глухих постов Чукотского полуострова. Кутенин, молодой врач, поехал на пост исключительно из-за отчаянных денежных обстоятельств. Его слабое здоровье очень

быстро сдало, не выдержав суровой жизни, но возвращаться назад до истечения трёх лет ему нечего было и думать. По крайней мере, так было ему сказано губернатором, недавно приехавшим на Чукотский полуостров.

За несколько дней до начала рассказа на посту среди чукчей разнесся слух, что в трёх-четырёх днях пути около берега затёрта во льдах шхуна. И вот Лентайр и Кутенин, взяв с собою одного из преданных им чукчей, решили отправиться на помощь, думая по дороге охотиться и запастись провизией, а затем на своей легкой байдарке доставить людей с затертой шхуны на берег. С первого же дня им не повезло: небольшая волна неожиданно сильно накренила шлюпку, и единственный патронташ выпал в воду со всеми патронами. Случайно у Кутенина нашлись в кармане ещё два заряда. Возвращаться на пост они не хотели, во-первых, потому, что уже далеко отошли и надеялись на два удачных выстрела, а во-вторых, слишком беспокоились за участь затёртой шхуны, зная отлично, как легко льды могут её унести в открытое море, где экипаж ждала голодная смерть.

Пока они обсуждали своё настоящее положение, подошёл Ингойд с каким-то подобием гарпуна. Все трое сели опять в байдарку и пошли дальше. До самого вечера океан по-прежнему безмолвствовал, и лишь поздно, уже в сумерки, они заметили нерпу. Ловко брошенное искусной рукою Ингойда древко насмерть поразило животное. Выйдя на берег, кое-как закусив поджаренным на костре куском мяса невкусной нерпы, путешественники решили продолжать путь. Ночь прошла спокойно, утром начали попадаться мелкие льдины, и скоро шлюпка вошла в густой лёд, где приходилось медленно пробираться, лавируя между холодными громадными льдинами, рискуя каждую минуту быть ими раздавленными. Здесь уже друзья всецело доверились Ингойду, который каким-то чутьём издали угадывал движение льдов и смело вёл шлюпку в открывавшиеся то тут, то там проходы.

Молчание царило в шлюпке, даже проснувшийся опять голод был заглушен сознанием опасности, которой была подвержена байдарка. Люди каждую минуту готовились выскочить на льдину на случай, если бы вдруг начал смыкаться какой-нибудь проход, грозя раздавить дерзкую скорлупу, так назойливо прокладывавшую себе путь среди могучих ледяных громад.

— Эх, Николай Дмитриевич, — нарушил вдруг это молчание Лентайр, — говорил я вам, что не надо ехать. Ну, смотрите, на что вы похожи? Это с вашим-то здоровьем?

— А что же мне было делать? Ведь вы не хуже меня знаете, что вот уже неделя, как наш постовой старшина со всеми своими семьёю казаками ушёл вглубь полуострова ловить каких-то хищников... А ведь все ваши же, американцы. Если бы вы знали, с каким наслаждением я собственными руками передошил бы их всех. Ведь они нас обворовывают, наше золото расхищают... А мы безсильны — ничего не сделать с ними. Эх, Лентайр, не спорю, много пользы вы, американцы, принесли краю, но ваши хищники — это бич ужасный.

— Старая песня... Посмотрите-ка, лучше, вон там, за этой большой льдиной, как будто мачты видны. Не видите? Да вон за тем маленьким проходом.

— Да, да, вижу. Несомненно, это и есть затёртая шхуна. Хорошо, что туман поредел. Только как мы пройдем к ней?

В это время Ингойд обратился к Лентайру, точно уговаривая его на что-то.

— Ингойд не советует идти в этот проход, говоря, что он скоро закроется и нас затрёт. Давайте, Николай Дмитриевич, вытащим байдарку на лед и пойдём пешком. Похоже на то, что эта льдина идёт до самой шхуны.

После каких-нибудь десяти минут хода показалась на другом конце громадного куска ледяного поля накренившаяся шхуна.

— Вот странно, — заговорил Лентайр, — ведь это американская шхуна. Как она попала сюда, так близко от нашего поста.

Кутенин вдруг упал и, поднявшись, сильно закашлялся. Лентайр с тревогой посмотрел на него.

— Николай Дмитриевич, оставайтесь вы лучше здесь и подождите нас. Я, право, боюсь, что вы через десять минут окончательно свалитесь.

— Да, мне что-то нехорошо стало. Идите вы вперед и узнайте, в чём дело.

На шхуне тоже заметили приближавшихся к ней людей и начали им что-то кричать по-английски, но Лентайр, не разобрав, в чём дело, думая, что просят идти скорее, лишь прибавил ходу.

— Не идите туда, — обратился вдруг к нему Ингойд, — мне кажется, что часть льдины около шхуны движется, там должна быть полынья; да смотрите, и шхуна уже не так сильно накренила — очевидно, около нея открывается новый проход...

Глухой треск прервал его слова. Обледеневшая корка снега разступилась под ногами путников, и оба они полетели в ледяную воду. Несколько мгновений Лентайр пытался взобраться на льдину,

но быстро коченевшие пальцы отказывались служить, скользя по гладкой поверхности льда.

Очнулся Лентайр в кровати в небольшой каюте. Рядом с ним сидел Ингойд.

— Что случилось, Ингойд?

— Я же предупреждал вас: мы провалились, но скоро подошли люди со шхуны и вытащили нас.

В это время открылась дверь каюты и вошёл коренастый человек, оказавшийся владельцем шхуны, одетый в кожаную куртку, такие же до пояса сапоги и нансеновскую меховую шапку.

— Ну, вы пришли в себя? — обратился он к Лентайру, — мы же вам кричали, что открывается проход, чтоб вы подождали... Вот кого благодарите — вашего чукчу — он вас, полузамерзшего, вытащил на льдину. Шхуна сейчас на свободной воде, я думаю вас высаживать на берег.

— Не буду тратить пустых слов благодарности. Вы сами знаете, как она велика. Но вот в чем дело: на оторвавшейся льдине остался наш товарищ — надо найти его.

Собеседник Лентайра задумался.

— Прошло уже около четырёх часов... Что ж, придется искать его. Вы можете встать?

— О, да, сию минуту.

Вокруг шхуны плавали лишь мелкия льдины. Спустили шлюпку и, взяв с собою небольшую походную аптечку и бутылку вина, капитан, Лентайр и Ингойд отправились на поиски.

Лишь к вечеру с трудом отыскивали роковую льдину. Кутенин лежал без сознания, но, к счастью, не успел ещё замёрзнуть. После долгих усилий привели его, наконец, в чувство и с громадными предосторожностями доставили на шхуну.

На утро шхуна подходила к посту. Кутенин вышел наверх и, встретившись с владельцем шхуны, неожиданно узнал в нём того самого хищника, на поиски которого отправились с поста стражники.

— Как вы позволяете себе так открыто подходить к нашим берегам? Из благодарности за моё спасение я сам не донесу на вас, но как только выйду на берег, предупреждаю: ни одной попытки к вашему спасению не сделаю.

Американец грустно улыбнулся.

— Я знаю, ваши ищут меня. Но я вовремя успел сесть на шхуну и был бы уже далеко отсюда, если бы не затёршие меня льды. Теперь до вашего поста всего четыре мили. Как видите, штиль

мёртвый, а у меня вышел весь газолин для мотора. Сегодня вернутся стражники, на шхуне же сейчас около девяти фунтов золота... Я даю вам шлюпку, через час вы будете на берегу, — вдруг резко переменяв разговор, отвернулся капитан и ушел вниз.

Шлюпка с тремя приятелями подходила к берегу.

— Николай Дмитриевич, я думаю, мы будем молчать о том, что провели ночь на шхуне, что она недалеко от поста, — проговорил Лентайр.

Кутенин посмотрел на него, но ничего не ответил.

Выйдя на берег, Кутенин взял с собой гребца шлюпки и привёл в свою небольшую хижину.

— Вот видите, здесь, в этой банке газолин, арестованный на одной из ваших шхун. С этим количеством вы скоро будете в безопасности. Берите его и передайте капитану, это всё, чем я могу отплатить ему за наше спасение...

### **VIII. У берегов Ледовитаго океана**

Есть ли краски, способные передать все дивные картины природы, картины, до того разнообразные в вариациях своей могучей красы, что иногда невольно напрашивается вопрос: «Да полно, не сон ли? Неужто это — действительность, неужто может быть наяву такой дивный вид, для описания которого не найдёшь и слов? Есть ли полотно, способное передать красоту холодного льда, голых скал, дикаго Ледовитаго океана? Нет кисти, которая могла бы изобразить волшебную картину громадного водяного пространства, сверкающего на солнце тысячами огней, цветов и переливов, спокойного, точно уверенного в своей мощи, одинаково страшной как в яркий солнечный день — так и глубокой тёмной ночью, как в летнюю тёплую пору, так и в суровую холодную зиму.

Неопытный путешественник не предположит даже, что голые скалы, круто спускающиеся в бесконечно гладкую поверхность океана, на горизонте которого проходить лишь изредка громадная льдина, так же прекрасны, как и дивные берега широкого Нила, украшенные роскошными пальмами, — берега, плавно, незаметно переходящие в медленно движущиеся струи воды, по которой взад и вперед снуют арабские лодки с их причудливой формы парусами.

Но именно в могучей, величественной суровости диких северных пейзажей чувствуется какая-то мощная сила. Когда начинает подниматься с высоких снеговых вершин предразсветный туман,



и красноватые лучи холодного полярного солнца розовым цветом окрашивают белоснежную пелену берега и прозрачный голубой лёд, медленно ползущий громадными массами по застывшей чёрно-синей поверхности, — тогда только поймёшь, что ни кипучая жизнь, ни роскошная флора, ни жгучие лучи тропического солнца не могут произвести такого сильного впечатления, какое производит эта дикая мощь, захватывающая своей могучей суровой красотой.

Такая картина открывается глазам путешественника на восточной стороне Чукотского полуострова, на мысе Дежнёве. Этот мыс — Рубикон мореплавателей, отправляющихся в Ледовитый океан, Рубикон, за которым начинается новый мир, невольно пугающий человека своим резким контрастом с обычной жизнью.

Уже в Беринговом проливе начинают попадаться льды, огибающие летом этот мыс. Стоит только пройти его, обогнуть Дежнёв — начинается таинственный Ледовитый океан с его страшным детищем — полярным льдом, с его всегда спокойной поверхностью воды, холодными лучами редкого солнца, с полной чарующей красоты картиной северного сияния. Кажется, что вступаешь в другой мир, что этот мир точно посылает тебе своих предвестников — яркую Полярную звезду, таинственное северное сияние, которое кажется каким-то могучим световым богом, сияющим холодным голубым светом, и невольно лёгкая жуть берёт, когда вступаешь впервые в эту неведомую жизнь, в этот новый мир — царство холода и смерти, царство неприступной мощи, поглотившей уже столько жертв, тех смельчаков, которые пытались раскрыть скрываемые льдом тайны северных вод.

Но не бояться этих вод чукчи. На Дежнёве есть богатейшее селение их Наукан. То тут, то там виднеются их «еранги» — конусообразные шатры из кожи моржа и звериных шкур, натянутых на китовых костях, попадают и деревянные домики, перенятые у американцев. Недалеко от селения виднеется на холме большой белый крест — единственный памятник казаку Дежнёву, открывшему этот край, первому не побоявшемуся тайн Севера, подарившему России громадные богатства, до сих пор не использованные. И как-то странно гармонирует этот унылый крест со всей окружающей его дикой пустынной местностью — детищем полярной природы.

Около селения часто можно видеть много шхун и чукотских, и хищников-американцев, ведущих торговлю с чукчами. Раннею весною, когда чуть начнут двигаться льды, американцы уже под-

ходят к нашим берегам, везя на своих шхунах всё, что к этому времени нужно чукчам, для обмена на дорогие меха. Условия плаванья крайне тяжёлые, постоянно шхуны затираются льдами. Часто затёртую шхуну вытаскивают на большую льдину и так путешествуют по воле судьбы, пока эту льдину не вынесет на чистое место. Посчастливится им, спустят шхуну и пойдут по побережью собирать меха, не повезет — замёрзнут или умрут с голода, занесённые на льдине в такие края, где даже зверь не живёт.

Возвращаются шхуны в Сиятль — портовый город недалеко от Сан-Франциско, и оттуда направляют свой товар для выделки.

Очевидно, велика выгода этой торговли, если, несмотря на все лишения, весь громадный риск стать жертвой беспощадного океана, постоянную возможность захвата русскими, американцы всё-таки твёрдо идут по намеченному пути, навстречу многим опасностям, лишь бы скупить пораньше все меха. Мы же, в чьих владениях они хозяйничают, чьи богатства расхищают, платим потом за эти же меха, пришедшие к нам из-за границы, страшные цены.

И грустно становится, что ни одного русского человека не находится, который пошёл бы туда и последовал бы примеру наших соседей.

Выше я говорил о торговле с чукчами наших товарных «складов». На мысу Дежнёва в складе Чурина мне жаловались на полное отсутствие организации правильной торговли. Но вскоре мне пришлось узнать о системе торговли наших казённых складов.

В бухте Провидения и на посту Ново-Мариинском устроены склады, которым придается вид правительственных учреждений. Цель этих складов мне никто разъяснить не мог, зато много я узнал об отношении к ним местной администрации.

Теперь, когда американцев изгнали, все товары скуплены казённым складом, но... почему-то продаются уже вдвое дороже. По чьей инициативе это сделано, куда идёт прибыль от этой торговли? Склад производит впечатление какого-то совершенно безконтрольного учреждения. Под вывеской «казённый» им заведует уездный начальник. Удивительно удачное соединение высшего в крае представителя администрации с должностью приказчика! Что же касается вывозной торговли, то она направлена куда угодно, только не в наши руки. Я уже говорил, что в Маркове бывают ярмарки. Этим исчерпывается единственная возможность для вывоза местных товаров, то есть пушнины. Несколько скупщиков, живущих там, составляют центр, около которого группируется небольшое количество мехов, но это количество слишком ничтожно

в сравнении с тем, что уходит за границу. Если в России есть меха, то они все пришли к нам из Лондона, Лейпцига, через Америку, ибо крупные скупщики-иностранцы получают для обработки наши меха из Америки.

Впрочем, для того, чтобы иметь прибыль от торговли в крае, необходимо иметь, прежде всего, своим союзником местное население, а этого у нас нет и в зачатке.

Мы столько времени не обращали никакого внимания на чукчей, что приручить их теперь будет очень нелегко. А приручить их необходимо. Американцы и на своём Севере, и в Аляске, и на Алеутских островах, прежде чем приниматься за разработку каких бы то ни было богатств, постарались привлечь к себе местное население, возбудить в нём доверие и любовь к себе.

### **IX. Итоги и выводы**

Что такое Чукотский полуостров, зачем он нам? Стоит ли им заняться и как приступить к этому? Вот вопросы, которые сами собой напрашиваются, лишь только мы начнем вдумываться в жизнь этого края. Позволю себе повторить в общих чертах всё, что я уже говорил о Чукотском полуострове. Известно, что там имеется золото. Разработка его стоит ещё на крайне низкой ступени развития, при правильной эксплуатации оно даст в будущем вряд ли менее того, что даёт Аляска. Разбросано оно, как показали исследования, по всему побережью, от мыса Дежнева до Анадыри и вверх по Анадыри, почти до селения Марково (в прошлом году некто Коваленко нашёл золото и платину в четырёхстах верстах вверх от устья реки Анадырь, где у него теперь и сделана заявка). Район громадный, который могут эксплуатировать сразу много людей. На Чукотском полуострове найдены также и залежи графита, правда, в меньшем количестве, чем золото, но всё же более чем достаточном для того, чтобы стоило его разрабатывать. Если к этим нетронутым ещё богатствам прибавить уголь, то придется согласиться, что недра Чукотского полуострова заключают в себе богатства достаточно большие, чтобы щедро вознаградить всякаго, кто приложит свой труд к добыванию их.

Пушной зверь водится в таком количестве, что пока не придется говорить о возможности уменьшения мехов. Наоборот, если правильно организовать пушное дело, то можно иметь пушнины гораздо более, чем сейчас. Теперь же весь край живёт только пушницей, ибо все северные меха расходятся по всему миру, главным

образом, с Чукотского полуострова и Камчатки. Параллельно с этим вспомним, что там много водяного зверя, китов и моржей. Всё вышесказанное уже само собой отвечает на вопрос: «Зачем нам этот край?»

Необходимо привлечь на Чукотский полуостров возможно большее число предпринимателей по всем отделам промышленности, которые только эта окраина может дать. Если туда пойдет много людей, то этим уже невольно начнётся насаждение цивилизации. Современный культурный человек настолько привык ко всем окружающим его условиям жизни, что он, хотя бы для себя только, постарается всеми силами создать вокруг себя те признаки культуры, с которыми он слишком сжился. Невольно явится необходимость улучшения и упорядочения путей сообщения, доставки товаров и провизии, явится настоящая необходимость в связи края с другими пунктами, в разрушении той страшной преграды — недосыгаемости края, которая существует сейчас.

Но как привлечь туда людей? Достаточно помочь им идти туда, пойти навстречу их нуждам, дать им широкое поле деятельности. В этом и может выразиться ценная помощь правительства.

Администрация там крайне необходима, но нужны для этого люди, знающие край, интересующиеся им. Необходимо дать этим людям большие полномочия, возможность проявления собственной инициативы во всём, что касается внутренней жизни края. Но не надо забывать, что северные наши окраины слишком далеки от всех центров, что нельзя непосредственно управлять Чукотским полуостровом, сидя в Петербурге, подводя всё под «общия правила», «постановления» и т. д. Конечно, для подобной деятельности необходимы люди, заслуживающие доверия, с которым их придётся послать на такую трудную миссию. Но в России найдутся они, надо только горячо приняться за дело, дать возможность этим людям как следует изучить край. Тенденция — как можно больше требовать и как можно меньше давать — нигде не оправдывается, а в особенности, в данном случае. Придётся считаться с тем, что люди должны столкнуться с очень суровым климатом, с полной неподготовленностью края для существования, с полудиким, недалеким от первобытного состоянием населением.

Необходимо в корне изменить те правила, которые применяются сейчас к нашим промышленникам. Я говорю к нашим, ибо фактически японцы и американцы им не подчинены. Всякий промышленник, желающий предпринять какое-нибудь дело в пределах строгой законности, стеснён в малейшем своём движении

и стеснён в высшей степени неосновательно. Во-первых, громадное стеснение — это проволочка времени. Вполне понятно, что прежде, чем начать что-нибудь на Севере, нужно иметь деньги, и немалые. И вот получается такая картина. Кто-нибудь захотел, допустим, заняться разработкой золота. Предприниматель назначает определённую сумму денег на дело, подаёт сотни бумаг (писательства в этом случае требуется много), ждёт... Через год всевозможной волокиты ему, наконец, дают категорический ответ, что можно начать «разведку», но без права производства регулярных работ. Во время разведки промышленник доходов не получает, а только тратится. Так тянется ещё год. И вот, в самом лучшем случае через два года можно, наконец, начать правильную разработку золота. А два года капитал пролежал без движения, надо было поддерживать на участке всевозможные постройки, содержать рабочих, несколько раз ездить ради хлопот в Петербург. Да кому же охота пойти на подобную авантюру?

Затем следующее запрещение относительно стоверстной полосы, о котором я выше уже писал. К этой стоверстной полосе никому не позволено притронуться, ибо... если позволить, то пойдут японцы и американцы. Да от кого же зависит предотвращение такого нежелательного явления? Подобным оправданием этого запрещения мы сами расписываемся в своей полной неспособности работать. Нет, не хочется верить этому. Есть, есть люди, которые могут и хотят работать, только надо дать им возможность этого. Если в ту же стоверстную полосу нахлынет много русских, то некуда будет идти иностранцам. А наши русские пойдут, только надо обставить их, опять-таки, соответствующими условиями.

Пора отрешиться от созданных правил, давящих всех. Пусть будет больше контроля, пусть требуют от промышленника правильной организации дела, но пусть и правительство даёт надёжную, полезную администрацию, пусть требования явятся действительно целесообразными, согласованными с жизнью в крае с нуждами населения и промышленника. А всё это возможно только тогда, когда мы примем за основательное изучение края, когда он перестанет быть для нас в полном смысле слова «terra incognita».

## Часть II. КАМЧАТКА

### Х. В пути. Петропавловск. Его будущность

Камчатка за последнее время начала сильно интересовать многих русских людей. Её посещают, изучают, её описывают, пытаются по возможности культивировать. Много сделано крупных ошибок относительно этого края — их уже не воротить и не исправить; но хорошо было бы хоть частью отдать себе полный отчёт в этих ошибках, чтобы в дальнейшем они не повторялись.

К этой далекой окраине мы до 1906 г. относились со свойственной русскому люду инертностью. Лишь после войны, когда японцы вдруг начали усиленно разрабатывать всевозможные правила и положения, касающиеся какой-то Камчатки, когда начали раздаваться робкие голоса, что там есть много богатств, когда единичные лица энергично попробовали обратить русский взор на «новую» страну — тогда только более или менее серьёзно принялись за изучение Камчатки. Но, главным образом, это изучение сводится лишь к выяснению неизвестных ещё сторон края с точки зрения естественной, научной. Сведений же о практической, промышленной стороне очень мало. Существует много брошюр, книг, статей об этом крае, но тем, кому захочется составить себе о Камчатке должное, правдивое мнение, необходимо очень осмотрительно выбирать источники и не доверять первому попавшемуся на глаза описанию. Единственные источники, которые действительно могут дать точное представление о крае — это официальные отчёты лиц, так или иначе сталкивавшихся с его жизнью, лежащие обычно во всевозможных «управлениях» и на глаза широкой публике редко попадающие.

Когда подходишь с моря к Камчатке, открывается целый ряд нагроможденных друг на друга гор, называемых сопками. Все эти сопки вулканического происхождения, очень многия из них и сейчас действуют. Не которые горы достигают очень большой высоты. Так, Ключевская сопка, находящаяся почти в центре Камчатки, высится на 13 000 футов (фут равен 0,305 м. — *Ред.*) над уровнем моря, окружность ея основания считается в триста вёрст. В ясную погоду со многих сопкок можно видеть оба берега Камчатки, и Тихого океана, и Охотского моря. Теперь на полуострове насчитывается шесть-семь больших действующих вулканов. В давния времена Камчатка много терпела от извержений. Одно из них продолжалось подряд четыре года (1727—1731), далее было

сильное извержение в 1737 г., когда огромные лавины из растаявшего льда и снега затопили много окрестных селений на десятки вёрст кругом. Очень сильное извержение было также в 1854 г., в тот самый памятный год, когда Камчатка так храбро отстаивала свои берега от нападений соединённой англо-французской эскадры. Не далее как в 1911 г. мне пришлось наблюдать с моря извержение одного из вулканов, расположенного довольно близко к берегу. В ясное солнечное утро это была картина удивительной красоты.

Переход из Владивостока в Петропавловск никогда не вызывает удовольствия пассажиров. Мы шли уже семь суток в сплошном тумане, в 60—70 милях от Курильской гряды, окружённой постоянно самыми неожиданными течениями, могущими подарить неосторожному кораблю массу неприятных сюрпризов. Всего год тому назад на этих островах разбился японский крейсер «Naniva», наскочив на них в тумане.

На восьмые сутки утром, когда все встали, мы подходили к Авачинской губе, в глубине которой расположен город Петропавловск. На высоком обрывистом входном мысу стоит единственный на всё наше побережье от Ледовитого океана до Японского моря маяк Петропавловский. Вход в Авачинскую губу замечательно красив. Пароход проходит между двумя совершенно отвесными обрывами мысов. От корабля до мыса около полуверсты, но берег настолько здесь приглуб, что можно проходить почти вплотную на глубине до пятнадцати сажен. Сейчас за входом открывается громадная бухта, вся изрезанная маленькими заливчиками. Берега плавно уходят в подёрнутую голубой плёнкой даль. Слева высится снеговая шапка Вилючинской сопки, справа сияют в лучах солнца белоснежные вершины трёх сестёр — сопки Коряцкой, Авачинской и Козельской. До того прозрачен воздух, что совсем близко кажутся эти сопки, хотя до них от входа не меньше пятидесяти вёрст. Вскоре пароход заворачивает вправо в небольшую бухточку, в углу которой приютился окружённый высокими горами, под сенью виднеющейся вдаль Коряцкой сопки, Петропавловск.

Подход к самому городу закрыть песчаной косой, тянущейся поперек бухты, не доходя до противоположного берега сажен на десять. Несколько жутко становится, когда пароход проходит между косой и берегом, проходит совершенно вплотную. За косой открывается небольшая гавань, называемая ковшом, в которой построена деревянная пристань. Ковш имеет глубину в пять

сажен, но затопленные на дне его две старья японския шхуны сильно стесняют движение судов. О дне петропавловскаго ковша один англичанин писал, что там грунт — обломки дерева и битое стекло.

По склонам гор, окружающих Петропавловск, раскинулся лес, образующий в некоторых местах отдельными группами крайне живописные уголки. В особенности красив склон горы, называемой Сигнальным мысом, отделяющий самый ковш от Авачинской губы. Здесь высокия деревья срослись верхушками, образуя дивныя аллеи, закрытия сверху от жарких солнечных лучей частой листвою. Это — любимое место прогулок петропавловцев. По побережью растянулся город, состоящий сплошь из деревянных домов, часто с очень красивым фасадом. Большинство зданий — казённые строения и дома административных лиц. В середине города высится белая деревянная церковь, в ограде которой находится памятник командору Берингу.

Улицы Петропавловска, конечно, сохраняют совершенно первобытный вид: невылазная грязь весной, летом — страшная пыль лежит на дорогах, сплошь изрытых колеями и выбоинами, между которыми то тут, то там торчат корни вырубленных деревьев.

Поражает путешественника климат Петропавловска. Он резко отличается от климата прилегающих окрестностей. Зимой температура в Авачинской губе не превышает двенадцати градусов холода, летом же держится  $+15^{\circ}$ ,  $+20^{\circ}$ . Вода в ковше летом доходит до  $+16^{\circ}$ ,  $+17^{\circ}$ , так что купанье становится вполне возможным. Дождей в летние месяцы крайне мало. Эта небольшая котловина не знает ни ветров, ни туманов. Мне несколько раз пришлось наблюдать, как входившая с океана в Авачинскую губу полоса тумана резко сворачивала у Сигнального мыса и густой стеной огибала Петропавловск, оставляя над ним чистое голубое небо.

Население Петропавловска доходит теперь до полутора тысяч; но нигде, я думаю, нет такого громаднаго процента должностных лиц, как здесь. Губернатор Камчатки, вице-губернатор, вся губернская канцелярия, масса чиновников, инженеры — всё сосредоточено в этом маленьком городке. Разумеется, всех неприятных обстоятельств, сопровождающих жизнь каждого провинциальнаго города, здесь сколько угодно. Все друг друга знают, всякий шаг каждого, как на ладони, — известен другим и т. д...

Оживляется Петропавловск летом, когда начинается навигация и заходят пароходы. Тогда в местном клубе открывается



сезон любительских спектаклей, вечеров, организуются пикники и т. п. Зимой петропавловцы усиленно занимаются спортом. На небольшом озере устраивается прекрасный каток на гладком, как паркет, льду, процветают поездки на собаках.

В Петропавловске теперь есть уже магазин владивостокской фирмы Чурина, где можно всё что угодно достать, но, конечно, по крайне высоким ценам. Разумеется, особенным комфортом жизнь населения не обставлена, но, в общем, всё же, я думаю, большинство наших провинциальных городов живёт много хуже. За время навигации, с мая по конец ноября, в Петропавловск заходят из Владивостока до пятнадцати раз пароходы, привозящие почту и газеты. В среднем почта идёт туда из Европейской России месяц. Важнейшие текущие события узнаются там по беспроволочному телеграфу. Кстати, несколько слов о нём.

Построена станция в 1910 г., но лишь с 1911 г. она начала правильно функционировать. Не везло ей отчаянно. Первый дебют её заключался в том, что сильным штормом сорвало со здания крышу и испортило все приборы. Прошло немного времени, и станция сгорела дотла от вылетающих из трубы искр. Теперь, наконец, построили всю станцию из железа и бетона, после чего установился правильный обмен депешами со станцией Николаевск-на-Амуре.

Во время стоянки в Петропавловске мы устроили прелестный пикник. На противоположном берегу Авачинской губы есть довольно большая деревня Паратунка. Около неё находятся горячие ключи. Местные жители рассказывали так много интересно о них, что мы решили туда непременно съездить.

Берегом до этой деревни надо тащиться около сорока вёрст, поэтому мы решили пересечь бухту на шлюпках. Отправились в восемь часов утра на моторном и паровом катерах. Погода была идеальная, и десять миль до другого берега мы сделали совершенно незаметно, в разговоре, всевозможных шутках и островах. На берегу нас ждали заказанные заранее верховые лошади, но последних было всего пять, так что многие отправились до Паратунки пешком. До деревни от берега оказалось ещё двенадцать вёрст пути. Буцефалы наши, оседланные самым примитивным способом, кто с верёвочными стремянами, кто и совсем без них, с седоками, из которых многие первый раз садились на лошадь, представляли прекомичную картину.

Дорога местами удивительно красива. Приходилось подчас пробираться среди кустарников, доходивших до груди седоков.

Почти всю дорогу прошли шагом. В нашей компании был один страстный охотник. Мы часто над ним посмеивались, ибо у него была привычка буквально всюду таскать с собой ружьё. Конечно, он не сел на лошадь, а отправился пешком. Каково же было наше удивление, когда уже под Паратункой наш охотник опять присоединился к нам, гордо держа в руке двух тетеревей.

Подкрепившись завтраком из взятой с собой провизии, пошли осматривать ключи. Они представляют собою небольшие озера с температурой воды от  $+27^{\circ}$  до  $+40^{\circ}$ . Говорят, подалее есть ключ с температурой до  $+70^{\circ}$ . Разумеется, все мы выкупались в двадцатисемиградусном ключе. Про целебныя свойства его рассказывают прямо чудеса. Масса примеров полного излечения ревматизма, подагры и т. п. болезней заставляют глубоко сожалеть, что эти ключи так далеки от России и так мало известны. По рассказам местных аборигенов, эта горячая сернистая вода совершенно останавливает на два года течение такой болезни, как проказа.

Наш доктор, понятно, страшно заинтересовался этим естественным курортом и взял воду в бутылку с собой для дальнейших исследований. Среди его спутников стали шутить, говоря, что доктор хочет основать здесь курорт.

— Да что вы, господа, смеетесь, — возразил он, — посчитайте, что вам может стоить такое лечение. Из Петербурга сюда можно добраться много в двадцать дней. Проживете здесь самое большее месяц, полечитесь — не говорю уже о том, что здесь, в Петропавловске, климат летом и погода точно созданы для слабого организма. Вся процедура займёт у вас два с половиной месяца и обойдётся в полторы тысячи рублей. Согласитесь, что масса больных хлынет, если только доказать, что эти ключи так чудодейственны, как о них говорят. Я слышал о них ещё в восьмидесятых годах (XIX в. — *Ред.*) и положительно, судя по некоторым данным, думаю, что едва ли где можно найти такой самой природой устроенный курорт.

Что ж, пожалуй, доктор прав. Невольно разговор о ключах принял более серьёзную окраску, и мы вынуждены были согласиться, что слова доктора не воздушный замок.

Сильно уставшие, полные самых лучших впечатлений и от пикника, и от радушного гостеприимства крестьян Паратунки, двинулись мы назад. Лишь к ночи добрались до Петропавловска, любуясь всю дорогу зеркальной поверхностью застывшей бухты, освещённой всходящей полной луной.

## ХІ. Еще о Петропавловске. Жертвы моря. Петропавловск и Николаевск-на-Амуре

Петропавловск — город чиновничьяго мира, все учреждения в нём почти исключительно правительственные. Имеется больница и начальная школа. Местные жители охотно посылают туда своих детей. Курс — двухклассный, преподает сам начальник школы и три учительницы. Вся школа содержится на небольшие казенные средства и добровольные пожертвования. С 1910 г., по инициативе вице-губернатора Камчатки при школе организован на пожертвованные суммы интернат для детей крестьян окрестных деревень, вмещающий до тридцати человек. Долго не могли придумать приманку для того, чтобы заставить жителей жертвовать. Первый почин в этом положил в 1910 г. военный охранный транспорт «Колыма». Офицерами совместно с местной интеллигенцией был поставлен любительский спектакль, давший сразу около тысячи рублей. Это был первый спектакль города Петропавловска, после котораго теперь уже правильно функционирует любительский театр, всегда дающий очень приличные сборы, идущие целиком на дела местных общественных нужд.

Петропавловская городская больница обставлена очень хорошо, но, к сожалению, в ней слишком мал служебный персонал: начальник больницы — он же единственный врач всего Петропавловска, с ног сбивается от массы работы. Помощниками его являются пять-шесть сестёр милосердия и лишь один фельдшер. В семи-восьми верстах от Петропавловска издавна существует колония прокажённых. Где гнездится зачаток этой ужасной болезни, сказать трудно, но постоянно, время от времени, прибывают туда новые больные. Вообще же Петропавловск — сравнительно здоровый город, он не знает никаких эпидемий, повальных болезней и лишь одна наша общерусская болезнь — пьянство — развита там очень сильно.

Поразило меня местное кладбище. Оно сплошь пестрит крестами могил людей, утонувших у берегов Камчатки. На первом плане стоит памятник погибшим в Петропавловске в 1906 г. шести матросам с транспорта «Колыма». Шлюпка с шестью матросами и офицером подходила к берегу, но была опрокинута бурунами. Все бросились вплавь к берегу, покрытому острыми прибрежными камнями, между которыми с шумом переливались разбивавшиеся о них буруны. Лишь один офицер поплыл в море от берега. Сколько он ни кричал людям, сколько ни приказывал уда-

ляться от камней — ничто не помогло. Все шесть человек были разбиты о камни, офицера же подобрала проходившая шлюпка.

Во время моего пребывания на Камчатке в конце мая 1911 г. жертвой бурунов стали шесть человек с парохода «Транзит».

26 мая ушёл из Петропавловска зафрахтованный Добровольным флотом норвежский пароход «Транзит». Капитан его был норвежец, оба помощника — тоже. Русскими из администрации парохода были только суперкарго (заведующий на пароходе всеми пассажирами и грузами) и его помощник. «Транзит» развозил по рыбалкам рабочих, преимущественно японцев. Всего пассажиров на нём было около четырёхсот человек. После развозки людей и грузов он должен был вернуться в Петропавловск около 10—13 июня.

27-го мая около двух часов дня в гавани Петропавловска неожиданно показался «Транзит» с приспущенными флагами. Около пристани стоял в это время военный транспорт «Колыма», который собирался уходить и уже начал оттягиваться. Немедленно был послан с «Колымы» офицер, от береговой администрации поехали на пароход уездный начальник и камчатский областной врачебный инспектор.

Около трапа стоял какой-то русский чиновник, к которому мы сейчас же и обратились с вопросом:

— Что случилось?

— У нас погибли вчера шесть человек... Никого из русских не осталось...

В первый момент мы не нашли слов, чтобы что-нибудь сказать. За два дня перед этим, когда уходил «Транзит», была чудная, совершенно тихая погода, и вдруг...

Я поднялся к капитану, говорившему только по-английски и немного по-немецки, и застал его совершенно разстроенным. Из его рассказа я понял только, что при высадке на берег в бурю, у рыбалки Налачево, в сорока милях от Петропавловска погибли шесть человек с его судна. Капитан просил меня передать командиру «Колымы», что он просит прислать офицера для производства дознания и доктора. «Транзит» не мог уйти из Петропавловска, не имея в своём экипаже русских. Разумеется, просьба капитана была тотчас исполнена. Когда я спросил пассажиров-очевидцев, выяснилась следующая картина несчастья:

Около часа дня 26-го мая «Транзит» стал на якорь около реки Налачево, где находилась рыбалка промышленника Н. Е. Германа, на которую надо было высадить сорок человек рабочих.

Берег был ещё весь в снегу, река скована льдом, и прежде, чем высадить людей, надо было отыскать удобное для высадки место. С этой целью на берег отправились на двух шлюпках — на четвёрке и рыбацком кунгасе — сам владелец рыбалки Герман, суперкарго «Транзита», его помощник, один матрос и восемь человек рабочих. На четвёрке управлялся помощник суперкарго, на кунгасе он сам. Когда подходили к бурунам, четвёрка вдруг перевернулась и только через два часа её вместе с людьми, к счастью, ещё живыми, выбросило на берег; кунгас же перевалил через ряд бурунов благополучно.

Развели на берегу костёр, обсушились немного и пошли отыскивать устье реки. Найдя место для высадки, решили отправляться обратно. Буруны в это время уже усилились. Четвёрку оставили на берегу; все сели на кунгас и тронулись.

Когда кунгас подошел к последнему буруну, на него вдруг налетел такой сильный вал, что люди не могли справиться своими четырьмя вёслами, вода хлынула, семь человек очутились на волнах. Двоих очень быстро выбросило на берег, а пять человек были отбиты к кунгасу. Кунгас же в это время был окончательно затоплен водой. Оставшиеся около него люди пытались что-нибудь сделать, поставить его при помощи якоря поперёк волн, но окончательно выбились из сил, ничего не добившись. Часть бросилась вплавь к берегу. Кунгас вдруг перевернуло, четыре человека попали под него. Тогда уже все решили бросить кунгас и спастись. Суперкарго три раза доплывал до берега, помогая людям выходить из воды, но когда отправился четвёртый раз — назад уже не вернулся...

Все оказавшиеся на берегу люди были настолько слабы, что не могли даже раздуть костер и обсушиться. Иззябшие, промокшие, они уже не надеялись вернуться когда-нибудь обратно. Руки и ноги коченели, одежда покрывалась тонким слоем льда...

Только к девяти часам утра буруны настолько уменьшились, что можно было подойти к берегу. Японские рабочие, бывшие на «Транзите», на большом кунгасе пошли на берег, привезли несчастным провизии, пытались забрать всех, но только двое решились возвратиться, остальные же под свежим впечатлением только что пережитого ужаса, пробыв в воде три-четыре часа, видя, что уже сильно темнеет, решили подождать утра. На утро их всех привезли на «Транзит».

Погибли суперкарго М. Прэде, рабочие Самуил Тихонов, Андрей Нестеркин, помощник суперкарго В. Филонович, рабочие Василий

Пануров и Пётр Павлюченко. Тела первых трёх привезли в Петропавловск, а остальных не нашли.

На следующий день, 28-го мая, состоялись похороны несчастных жертв. Грустное, тяжёлое впечатление производили три наскоро сколоченные гроба, закрытые национальными флагами. Гроб геройски погибшего суперкарго несли офицеры «Колымы», а рабочих — матросы. Почти весь Петропавловск провожал печальную процессию на кладбище...

Невольно вспомнилось, что в Петропавловске имеется уже три памятника погибшим у берегов Камчатки, а новое кладбище почти всё состоит из отдельных жертв моря.

После происшедшей катастрофы «Транзит» оказался в самом тяжёлом положении. Не имея никого в своём экипаже из русских, находясь под командою человека, который не мог нигде объясниться, — он не в состоянии был двинуться дальше. Капитан был совершенно убит — задерживались грузы, люди, терялось драгоценное время.

Видя это, командир «Колымы» дал предписание командиру транспорта «Аргунь» назначить одного из своих помощников идти на «Транзите» в качестве суперкарго, что и было выполнено в тот же день вечером. Находящийся в Петропавловске агент Добровольного флота говорит, что если бы не случайная стоянка «Колымы», они буквально не знали бы, что делать.

Войсковых частей в Петропавловске нет. В последнее время много говорили на эту тему, строили всевозможные планы, писали об отправке туда целого батальона, но пока эти планы ни во что реальное не вылились. Единственные воины там — «казаки», которых я уже описывал. Их здесь двадцать человек, исполняют они те же функции, что и в Ново-Мариинске. В Петропавловске им поручают ещё охрану кассы государственного казначейства и карцера при полицейском управлении. Кстати, в Петропавловске с 1910 г. появился один городской. Жители были ужасно горды таким явным признаком возникновения зачатков цивилизации города.

Насколько войско, составленное из «казаков», надёжно, можно судить по следующему. Зимой 1910—1911 г. в Петропавловске содержались в карцере для отправки их весной во Владивосток четверо отъявленнейших негодяев. Они терроризировали своими погромами и грабежами всё население. Долго двадцать воинов не могли их одолеть. Наконец, когда те были раз мертвецки пьяны, их как-то удалось упрятать в карцер. Кончилось это предприятие тем, что арестанты отняли у часового-«казака» ружьё и убили

одного из своих же товарищей. Не думаю, чтобы такой караул мог охранить пятьсот тысяч петропавловского казначейства, а о его чисто боевых качествах и говорить не стоит.

Как больно становится, когда вспомнишь, что всё это — потомки тех людей, горсть которых геройски отстояла Петропавловск от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.

Я так подробно описываю Петропавловск потому, что вся жизнь Камчатки сосредоточивается в нём, от него зависит всё её благосостояние.

Петропавловск как город разрастается очень быстро. Камчатка начинает сильно цивилизоваться, движение всевозможных грузов и пассажиров уже сейчас громадное, а удобств никаких. Не надо забывать, что этот город, единственный центр далекой окраины, играет исключительную роль в жизни края, роль, которая развивается с каждым днём. Петропавловск для всего Дальнего Севера — это то же, что Владивосток для Сибири, но роль его как морского порта несравненно значительнее, чем всякого другого, ибо он навсегда лишён железнодорожного пути. Немыслимо вести железную дорогу вокруг всего Охотского моря, через Камчатку, да ещё по такой местности, как камчатские крутые горы и сопки.

С громадной грустью узнал я, что при недавних ассигнованиях на Владивосток и Николаевск-на-Амуре ассигновано шесть миллионов, а Петропавловск не получил ни копейки. Стоит ли таких забот Николаевск-на-Амуре, если ассигнования на него *идут за счёт* Петропавловска, с каждым днём всё более и более развивающегося и приобретающего большое значение?

Николаевск расположен в таком неудачном, в морском смысле, месте, где никогда не может возникнуть большой торговый порт. За десятки миль от города начинаются сильные мели, проход между которыми крайне затруднителен, вообще же возможен лишь в течение весьма непродолжительного времени высокой воды. Это — для судов средней осадки, большие же грузовые, пароходы совершенно этим портом пользоваться не могут. Скоро начнётся правильное движение на строящейся теперь Амурской железной дороге. Конечно, с этого момента всё колоссальное количество амурской рыбы будет отправляться по железной дороге. То преимущество водного пути перед сухим, которое существует в больших портах, здесь сведётся почти на нет. Малый промежуток времени, в которое можно отправить рыбу, лихорадочная торопливость в её приготовлении, чтобы только не опоздать в настоящий сезон, малое количество судов, поспевающих её вывезти, дороговизна

фрахта, лоцманов, невозможность иметь большие пароходы — вот что заставит рыбопромышленника отправлять свои грузы сухим путём, где, он знает, может не стесняться ни количеством отправляемого, ни временем отправки. Знает, что всё прибудет в срок и гораздо скорее попадёт на рынок, чем морским путём.

Имея это в виду, стоит ли тратить полтора миллиона на оборудование порта, который потеряет не сегодня-завтра своё морское значение? Постройка же канала к Николаевску обойдётся, минимум, миллиона три и всё-таки своего назначения — возможности большого и дешевого движения пароходов — не выполнит.

Весь наш Северный Восток — Чукотский полуостров и Камчатка — имеют лишь одну морскую торговую базу — город Петропавловск, совершенно не оборудованную как порт.

Тем не менее, условия входа в Петропавловск не требуют ни излишне-напряженного внимания и осторожности, ни каких бы то ни было лоцманов. Выгрузка товаров крайне удобна на большом протяжении берега. Достаточно сказать, что к закрывающей Петропавловскую внутреннюю гавань косе большие пароходы для выгрузки подходят на расстояние десяти сажен. Трудно найти лучшие естественные условия для зарождения торгового порта. Надо ещё прибавить, что Авачинская губа не замерзает и для любого судна доступна круглый год.

Вся камчатская рыба, количество которой гораздо больше, чем амурской, проходит через Петропавловск. Под самым Петропавловском расположены пять больших рыбалок. А между тем нет ни пакгаузов, ни достаточного количества пристаней (есть одна небольшая, к которой пароходы вынуждены становиться по три-четыре рядом или ждать очереди), нет средств для передвижения грузов по прибрежному пути, для нагрузки их на суда и т. д. Для самих судов нет достаточного количества угля, воды, припасов, не говоря уже об отсутствии малейшего намека на мастерския. В Петропавловске нечем даже спаять два куска металла.

О громадных богатствах края и его значении для России в последнее время очень много говорят и пишут. В данный момент процветание не только Камчатки, но и Чукотского полуострова в сильной степени зависит от работоспособности их центра, а таковым является единственно Петропавловск. Создать город, который мог бы служить таким местным центром культуры, — вот ближайшая нелегкая задача, лежащая на высшей дальневосточной администрации и петербургских центральных правительственных органах.



## ХII. Коряки. Рыбные промыслы

Коренное население Камчатского полуострова — коряки, называемые камчадалами (от слова «кончало», как они себя называют). Это очень низкорослый народ с типичными чертами монгольского происхождения. Основы их жизни, религия, обряды очень сходны с обрядами чукчей. Когда-то этот народ был очень воинственным и несколько раз пытался возставать, особенно сильные возстания были в 1731 и 1740 г. Теперь они совершенно обрусели, хотя сохранили некоторые из своих старинных верований и обрядов. Внутри полуострова часто можно встретить обряд шаманства, очень схожий с таковым же у чукчей. Но такие старинные обычаи сохранились лишь в северной Камчатке, вся же южная половина ея настолько уже заселена нашими переселенцами, что стала совершенно русской во всех проявлениях своей жизни, покрылась многими разсеянными то тут, то там русскими деревнями. Среди переселенцев главное место занимают старообрядцы и молокане.

В Петропавловске камчадалами называют именно такое полурусское коренное население, почти ничего общего уже с исконными коряками не имеющее. Из этих камчадалов и набираются «казаки», которых я раньше описывал. Всё, что осталось в теперешних камчадалах от их предков, это — низкорослость и слабость, да то, что вместо всех шипящих букв они произносят «ц» или «с».

Все камчадалы — прекрасные рыболовы, пища их состоит почти исключительно из рыбы. Своих ездовых собак они кормят также «юкколой» — провяленными на солнце пластами рыбы. Скотоводство на Камчатке развито очень слабо, лишь в последнее время население начало разводить рогатый скот, взяв пример с русских переселенцев. На севере Камчатки сильно развито оленеводство. Разумеется, большой доход даёт населению звероловство. Жители промышляют преимущественно бурыми медведями, которых на Камчатке большое количество, далее идут лисицы, белки, горностаи, наконец, соболя.

Рыбная промышленность Камчатки славится во всём мире. На полуострове расположено безчисленное множество рыбалок (если считать все мелкия — около двух тысяч).

Наиболее крупныя рыбалки находятся в районе селения Усть-Камчатска, где сейчас первое место занимает рыбалка рыбопромышленника Х. П. Бирича, имеющего там же два консервных



Коряки съ матросами «Колымы».

ловство; жители промышляют преимущественно бурими медвѣдями, которыхъ на Камчаткѣ большое количество, далѣе идутъ лисицы, бѣлки, горностаи, наконецъ, соболя.

Рыбная промышленность Камчатки славится во всемъ мѣрѣ. На полуостровѣ расположено безчисленное множество рыбалокъ (если считать всѣ мелкія—около 2000).

Страница книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

рыбных завода. Усть-Камчатск вылавливает за сезон около миллиона штук всевозможной рыбы. Почти вся камчатская рыба из породы лосося, кеты, горбуши, чевычи. Параллельно с этим, на Камчатке в большом количестве развивается приготовление различных сортов икры и тука; многими рыбопромышленниками энергично развивается за последнее время лов сельди.

Усть-Камчатские консервные заводы поставляют продукты своего изготовления в огромном количестве в Англию. В Россию же они почти совсем не идут.

Мне часто приходилось слышать жалобы, что якобы на Камчатке нет леса. А между тем все постройки на рыбалке Бирича сооружены из камчатского леса, сплавленного по реке Камчатке из внутренних районов, расположенных вёрст за восемьдесят от моря. На этой рыбалке около двухсот человек рабочих, русских и японцев; при рыбалке имеются большие склады для рыбы, огромный ледник.

Очень много в этом крае таких рыбопромышленников, которые занимаются лишь тем, что берут на своё имя один из участков, который по правилам не может быть сдан японцам, и затем за приличную сумму предоставляют всю эксплуатацию японскому же промышленнику или просто всю добытую рыбу продают ему же. Многие владельцы рыбалок промышленляют ещё тем, что выменивают у местных жителей шкуры за спирт, что, конечно, так же запрещено, как и на Чукотском полуострове.

В одной из северных бухт Камчатки стоял как-то наш военный транспорт. Приезжает на него однажды коряк и заявляет, что недалеко, на рыбалке некоего Т., взбунтовались рабочие. Сейчас же были отправлены туда вооружённые матросы и два офицера для производства дознания. Владелец рыбалки заявил, что он поймал одного рабочего в продаже местному населению спирта, хотел заставить его взять спирт обратно, но тот отказался, что якобы и послужило поводом к общему бунту.

— Помилуйте, ваше благородие, — заговорил в ответ один из рабочих, — спросите всех, кого угодно — он сам всё время торгует спиртом, да ведь мы молчали.

— Откуда же у него столько спирта оказалось? — спросил один из офицеров.

— А когда мы в Петропавловске сядились на пароход, он каждому рабочему дал с собой по бутылке спирта. «Спрячьте, — говорит, — себе за пазуху. Там, на рыбалке, вам пригодится по стаканчику, когда промёрзнете или промокнете». А потом всю эту водку

он от нас отобрал, и когда нам нужно было выпить, давал какую-то бурду, настоянную на махорке, которую мы и сами не пили. Спирт-то, который мы провезли, так и пошёл весь на меха.

Увы, рассказ рабочего впоследствии вполне подтвердился. Дальше выяснилось, что вообще своим отношением к рабочим рыбопромышленник сам сознательно вызвал их отказ от работы, зная, что по контракту он прекращает платёж жалованья в случае забастовки в горячее время.

Подобные «рыболовы» попадают в руки надзора в одном из десяти случаев. Наша организация рыболовного надзора страшно хромает. Мало людей, нет средств сообщения. С 1911 г. в распоряжении заведующих отдельными районами имеются четыре небольших моторных катера, к тому же вечно находящихся в неисправности. Около рыбалки реки Панкары я видел раз начальника надзора за восточным побережьем, чиновника М. Стояла отчаянная жара. Среди голого поля раскинута небольшая палатка, наполненная комарами. Несчастный М. лежал на кровати в одном белье и тяжело дышал. При моём входе он обернулся.

— Простите, не встану. Болен, совсем болен.

— Что с вами?

— У меня лихорадка, голова трещит от боли, никуда не могу двинуться — мотор мой уже две недели стоит в бездействии; испорчен, как всегда. А тут ещё комары проклятые; я уж и то всю ночь бумагу жгу, мало помогает. Понимаете вы, эта палатка — моя главная резиденция!

На столике стоял жестяной поднос, весь наполненный пеплом бумаги...

Главная причина слабой постановки дела надзора — крайне малое количество стражников. Многие крупные рыбопромышленники мне говорили, что готовы на свои деньги держать людей, лишь бы водворить порядок и применить законные требования к массе нарушителей всех правил. Каждое неисполнение постановлений в этой области тяжело отзывается не только на кармане других рыбопромышленников, но и вообще на процветании нашего рыбного промысла, играющего такую громадную роль для всего края.

На всём побережье Камчатки товарообмен края сильно затрудняется очень плохими условиями высадки со шлюпок. Весь берег изрезан устьями рек с далеко выдвигающимися в море барями, иногда на большом пространстве имеющими глубину не более двух футов. На таких барах в месте слияния струи реки с зыбью

моря всегда происходит сильная «толчая», далеко от себя распространяющая волны. Подойдя к отлогому берегу, волна поднимается крутым валом и, разбиваясь о песок, часто образует очень высокий бурун. При таких условиях высадка на берег требует большого навыка и осторожности, ибо вместе с буруном вылетает на берег и вскидывающаяся шлюпка. Особенно славится своими страшными бурунами Усть-Камчатск, где они достигают иногда высоты одной сажени. Гребень буруна стремится всегда вернуться внутрь, и если шлюпка прозевала момент — её неминуемо зальёт и сейчас же отбросит обратно в море. Обычно при высадке выжидают большую волну, которая могла бы сразу выбросить шлюпку на берег, где её должны подхватить, уже выскочив на берег, сидевшие в ней люди и оттащить ещё дальше по берегу ранее, чем подойдет второй бурун. При обратном отправлении шлюпки люди становятся по бортам и, как только отойдёт бурун, часто по пояс в воде, быстро скатывают её вперед в море с тем расчётом, чтобы следующий вал подошёл к шлюпке лишь в таком месте, где он ещё не разбивается о берег. Потом шлюпка протягивается дальше в море по канату с заброшенным ещё при высадке далеко от берега якорем. Иногда малейшее промедление может стоить многих человеческих жизней, как я это описывал при несчастии в бухте Налачево. Практика жителей выработала там особый тип шлюпки — «кунгас» с плоским днищем, наименее опасный при выбрасывании на берег. Но, какая бы ни была шлюпка, выгрузка товара в бурунах всегда затруднительна; часто пароход простаивает несколько дней около рыбалки, выжидая погоду, благоприятную для выгрузки и теряя зря драгоценное время.

Вышеописанные условия, затрудняющие или мешающие так или иначе процветанию нашей рыбопромышленности, осложняются ещё тем, что они находятся в связи с конкуренцией Японии, выторговавшей после войны громадное количество выгодных для себя пунктов, на которых японцы имеют право лова рыбы.

### **ХIII. Японские рыбопромышленники**

Много зла причинила нам подписанная вместе с Портсмутским договором функционирующая ныне рыболовная конвенция. Что сделано — то сделано, поневоле приходится подчиняться этому, но знать это зло тоже необходимо.

Многие правила конвенции поставили наших рыбопромышленников в несравненно худшие условия, чем японских. Правда,

японцы не могут быть конкурентами для нас, ибо их рыба идёт исключительно в Японию. Казалось бы, одни другим не мешают. Но это только так кажется. Основное правило конвенции заключается в том, что русским и японским промышленникам разрешается ловить рыбу «на равных условиях». Пример: японцы для перевозки грузов пользуются исключительно своими судами, мы — исключительно своими; в результате у нас провоз груза из Владивостока на Камчатку обходится 45 коп. пуд, а на зафрахтованном японском пароходе — 12 коп. (данные частного совещания рыбопромышленников в гор. Владивостоке в 1908 г.).

Далее: «Всякий рыбопромышленник при аренде участка подписывает контракт, в котором он обязуется подчиняться всем существующим правилам и положениям, а также и могущим быть изданными». Здесь есть уже существенная разница между условиями работы наших и японских рыбопромышленников: японец должен быть предупрежден о каком-нибудь новом положении за шесть месяцев, а относительно русских это не оговорено. Конечно, «слухом земля полнится» и всегда, прежде чем выйдет новое правило, о нём, хоть по слухам, да станет известно. Но нельзя же слухи возводить на степень официального извещения, каковое должно быть сделано японским подданным.

Интересно сравнить прибыль русских и японских рыбопромышленников. Повторяю, что на русском рынке Япония не составляет для нас конкуренции, но примеры, которые я привожу, свидетельствуют о том, насколько мы по недостаточному знанию края мало позаботились о своих, сравнительно с японцами. Прежде, чем говорить о цифрах, надо объяснить причины, влияющие на развитие деятельности Японии в области рыболовства.

В данное время в Японии широко развивается общество рыбопромышленников под названием «Рорио Енкайшу Суйсен Кумияй», в переводе: «Общество морских промыслов в русской Приморской области». Насколько это общество действует решительно в деле эксплуатации наших рыбных богатств, не обращая никакого внимания на русских, может показать первая статья его устава, которая гласит: «Общество имеет своею целью упорядочить морские промыслы в Приморской области, искоренив дурные обычаи, исправить поведение рыбопромышленников и увеличить общую пользу членов общества»... Если показать это человеку, не слишком уверенному в том, что Приморская область принадлежит России, он, наверно, похвалит японцев за их радение о своей провинции.

Это общество имеет несколько отделений, из которых «Хакодате-Сибу», то есть хакодатское отделение ведает делами Камчатки. Не безынтересно бросить беглый взгляд на историю возникновения общества.

Почти всем известен факт из минувшей войны, когда некий японский капитан, решив завоевать Камчатку, явился туда с небольшим отрядом, водрузил японский флаг и объявил край оккупированным, правда, в результате он потерпел фиаско. Это был капитан запаса японского флота Наридата Гундзи. Задолго ещё до войны он считался известнейшим знатоком Камчатки, занимался энергичным проведением в жизнь идеи заселения Курильской гряды, сильно интересовался положением рыбной промышленности в наших водах. Вот он-то своей колоссальной энергией и объединил всех японских рыбопромышленников в могучее, прекрасно организованное общество, что было ещё легче привести в исполнение благодаря помощи в этом самого японского правительства. 28-го марта 1908 г. в Японии был издан закон, разрешающий всем рыбопромышленникам, работающим в иностранных водах, соединяться в союзы; но главной помощью токийского правительства явился специальный закон, гласящий, что никто не может ловить рыбу в районе действующего союза, не будучи его членом. Сознывая колоссальное значение для Японии рыбопромышленности и влияние её на всю экономическую жизнь страны, японское правительство принимает все меры к поддержанию промышленников. Так, например, сейчас в числе членов общества «Кумияй» насчитывается несколько членов парламента.

Возникшее и развернувшееся в полной мере свои действия с 1909 г. общество фрахтует сейчас около 260 судов, насчитывает у себя до двухсот членов, имеет оборот в несколько миллионов рублей, кормя семь тысяч человек. Это уже не общество, а целая отдельная, громадная корпорация. Малейшая просьба рыбопромышленника исходит здесь не от частного лица, а от мощного союза, узаконенного правительством, опирающегося на силу своей громадной сплочённости.

29-го октября 1908 г. в Токио собралось до 65 человек, заинтересованных в деле рыбного промысла. Совецание происходило под председательством самого Гундзи, подавшего первую мысль об организации союза. На этом собрании и был окончательно решён в утвердительном смысле вопрос об образовании общества.

Из краткого описания общества «Кумияй» видно, с какой неутомимой энергией японцы направляют все свои силы к приобретению доминирующего значения в промыслах наших берегов; а это

невольно наводит на мысль о близкой возможности мирного захвата Камчатки японцами в свои руки.

Но вернёмся к условиям, в которых находятся наши и японские рыбопромышленники. Аренда участков установлена одной трёхгодичная и, в виде исключения для некоторых лиц, двенадцатигодичная, являющаяся для успешного развития промысла, разумеется, наиболее желательной. При этом японцы не могут арендовать рек и 34 морских участка.

Так как все японские рыбопромышленники состоят членами «Кумий», то аренда участков у них производится после тщательных совещаний на общем собрании. Таким образом, они являются на торги уже заранее твёрдо зная, какой кому достанется участок, и имея в руках подробные данные о каждом из последних. Являются спокойные за исход торгов, ибо уверены, что русских будет очень мало. Борьба с ними, однако, вполне возможна, что показывает следующий факт, имевший место на торгах 7-го марта 1909 г. Японцы были тогда очень неприятно поражены: они в первый раз предложили взять участки на долгосрочную, трёхгодичную аренду, как неожиданно им пришлось столкнуться с сильной конкуренцией со стороны русских. Японцы явились во главе со своим консулом в количестве шестидесяти человек. В начале торгов они были совершенно ещё спокойны за предстоящие результаты, но когда уже около пятнадцати участков были заняты русскими, японцы вдруг потеряли всякое самообладание и начали азартно конкурировать даже друг с другом.

Что касается арендной платы, то для японцев она выше, чем для русских; в последнее время она увеличена в три раза (до трёх тысяч иен). Но это не имеет большого значения, ибо все цифры говорят, что японцы эксплуатируют наше побережье с несравненно большей выгодой, чем русские. Это доказывается хотя бы уже тем, что за 1907, 1908 и 1909 гг. было взято участков русскими рыбопромышленниками 55, японскими — 444. Считая, в среднем, что на долю русского предпринимателя и рабочих каждый сезон даёт 6 000 руб. прибыли, а японцу — 14 000 (Х. П. Бирич, журнал «Русское судоходство» за 1907 г., № 27), мы получим, что японцами за эти три года вывезено рыбы в 19 раз, на 5 886 000 иен больше, чем русскими.

В общем, ежегодный доход России от рыбных промыслов Дальнего Востока равняется теперь приблизительно 400 000 руб.

Если взять точные данные о ввозе русской рыбы в Японию из отчёта нашего консула в Хакодате, то они выразятся следующими цифрами:



	Привезено рыбы, пудов	На сумму, иен
1907 г.	2 043 460	2 842 796
1908 г.	2 456 646	3 735 380
1909 г.	3 637 436	4 836 884

Эти цифры показывают, что ввоз русской рыбы в Японию прогрессирует в сильной степени. Так же значительно развивается и количество японских рыбопромышленников на наших берегах.

Рыболовная конвенция заключена на двенадцать лет; вступила она в силу с 1907 г., следовательно, до 1919 г. волей или неволей, а подчиняться ей придётся, как придётся считаться и с законным правом промысла японцев на Камчатке. Если с этим вполне примириться, сидеть сложа руки и ждать грядущих событий — захват нашего края в руки японцев и постепенное вытеснение ими наших промышленников неизбежны.

#### XIV. Пароходные рейсы

В настоящее время все рыбалки наши обслуживаются пароходами Добровольного флота. Относительно дороговизны подобной перевозки грузов я уже говорил; но кроме этого отрицательной стороной является ещё крайне неудачное расписание рейсов. Правда, каждый год это расписание обсуждается совещаниями рыбопромышленников, но составляется оно, конечно, не исключительно согласно их требованиям, вследствие чего получают крупные недоразумения. В 1910 г. осенью целая рыбалка у бухты Моржевой осталась без парохода и без провизии. Чтобы попасть хоть на какой-нибудь пароход, рабочие отправлялись на кунгасах в Петропавловск.

В минувшем году путаницы было ещё больше. Вследствие гибели двух пароходов, «Транзит» и «Тордис», очень долгое время, когда уже надо было везти рыбу во Владивосток, все рыбалки оставались без пароходов, а в октябре забиравшие рыбу три парохода оказались перегруженными до такой степени, что в Петропавловске капитан отказался взять грузы с местных трёх рыбалок.

Правильной организации сообщения мешает ещё ряд затруднительных формальностей. Японец, отправляясь на Камчатку, забирает в Хакодате одно навигационное свидетельство, чем и исчерпываются все формальности для плавания, после чего он может ходить, куда ему угодно. У нас же, если рыбопромышленник должен отправить груз на Камчатку, он обязан непременно зайти в Петропавловск для выполнения массы таможенных формальностей,



Изъ судовой жизни. — Подъемъ 80-пудоваго моржа.

## XVI.

### **Командорскіе острова.—Котиковый и бобровый промыслы.**

Самая драгоцѣнная пушнина русской мѣховой промышленности—котикъ, боберъ и голубой песецъ—добывается исключительно на двухъ островахъ Командорской группы—

Страница книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

а, значит, должен потерять много лишнего времени и денег. Кроме этого существует ещё одно очень оригинальное положение. Если наш рыбопромышленник взял документы на перевоз грузов до какого-нибудь одного пункта, то никаких сообщений с другими пунктами он иметь уже не может. Другими словами, если кто-нибудь имеет две, три рыбалки, хотя бы и расположенные близко друг от друга, но разделенные чужими участками, то такой рыбопромышленник не имеет права даже на кунгасе сообщаться с одной рыбалки на другую.

Все эти недостатки в организации путей сообщения, понятно, заставляют наших рыбопромышленников сильно задумываться над этим вопросом. Образование русского каботажного было бы здесь как нельзя более желательным, и многие уже серьёзно над этим думают. Попытка организовать такое предприятие была сделана в 1910 г. Проект организации дела был очень многими рыбопромышленниками признан вполне отвечающим их насущным нуждам.

Предложено было на первый год завести четыре моторных шхуны от 80—120 тонн. Эти шхуны должны были ранней весной отправляться из Японии на Камчатку с грузом соли. Одна должна была обойти западный берег, остальные — восточный, доходя каждая до своего определённого пункта: бухта барона Корфа, Анадырь, Дежнёв. Последнюю шхуну, которая должна была ходить на мыс Дежнёв, предполагалось выстроить несколько больше остальных. Зимовка шхун предполагалась в Петропавловске, где должны быть устроены склады, обладающие необходимыми запасами для приготовления шхун к следующему плаванью.

Другая вариация этого проекта состояла в том, чтобы, увеличив число шхун, доставлять рыбу непосредственно во Владивосток. Тогда тоннаж шхун рассчитывался таким образом, чтобы каждая могла забрать груз одной средней рыбалки.

Правительство, по словам компаньонов, давало на это предприятие около 100 000 руб. пособия. Компания была уже близка к осуществлению своего проекта и весной 1912 г. должна была начать функционировать, но всё разстроилось вследствие происшедшего разлада между членами общества.

Жаль, что не удалось осуществить этого проекта. Крайние неудобства наших способов сообщения с Камчаткой растут с каждым годом.

Говоря о северных рейсах, необходимо сказать о приспособленности самих судов к этим рейсам. Добровольный флот фрахтует суда, буквально, какие попадутся. Вследствие этого созда-

лось то положение, что суда оказываются крайне неудобными для северных рейсов. Лишь пароходы «Чинтуфу» и «Цинанфу» более или менее удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются условиями плавания и обслуживания наших берегов. Развозя по побережью все рыбалки, пароход должен везти и много груза, и много пассажиров. За исключением названных двух пароходов, все остальные представляют собою тип обычного грузовика, совершенно не рассчитанного на перевозку 40—50 пассажиров каютных и до четырёхсот палубных. Вследствие этого грязь и полный хаос царят на пароходах невообразимые. А к этой картине надо ещё прибавить отчаянное пьянство среди палубных пассажиров. На пароходе, правда, имеется акцизный чиновник, но он, конечно, не в силах уследить за всем, что творится. Во-первых, большинство рабочих говорят, что они достают спирт у судовой же команды, а, во-вторых, и сами рабочие имеют возможность всегда пронести на пароход спирт незамеченным...

Сколько раз мне ни приходилось бывать на пароходах северных рейсов, всегда они производили самое отталкивающее впечатление полным отсутствием какого-либо намека на порядок.

Таких отдельных примеров безалаберности в организации рейсов много. Каждый из них сам по себе не имеет большого значения, но в сумме все это даёт очень печальную картину условий, в которых приходится жить нашему рыбопромышленнику.

А Добровольному флоту не трудно было бы позаботиться о том, чтобы в корне изменить эти условия. С другой стороны, не надо забывать, что Добровольный флот в сильной мере субсидируется правительством. Если администрация Добровольная флота не хочет считаться с необходимостью изменить постановку дела, то, казалось бы, правительство, давая громадную субсидию, может и потребовать выполнения известных условий, упорядочивающих наши пути сообщения у Камчатки. А это для Камчатки слишком важно, ибо вся её жизнь зависит от целесообразного обслуживания берегов.

## **XV. Условия плавания**

Условия плавания у берегов Камчатки очень тяжелы. Всё лето берега её окутаны туманом, зачастую приходится входить в бухту буквально ощупью. Берег обрывистый, крайне приглубый, но во многих местах имеет далеко выдающиеся в море гряды камней и рифы. Часто суда, долго не имевшие возможности проверить

своё местонахождение поступают так: подходят, по их расчётам, близко к берегу и дают выстрел. Если быстро услышат эхо, значит, действительно, берег близко, и надо уходить, если эха нет — можно идти вперед. Конечно, этот способ определения места более чем рискован: можно не услышать эхо и налететь на подводный риф.

— Помилуйте, — говорил мне один капитан парохода, — если даже и точно знаете своё место, вылететь на берег очень легко из-за неверности карт. Мне раз в этих краях пришлось идти около полутора суток открытым морем, причём на карте мой курс проходил по земле, тогда как я всё время ни клочка берега не видел.

К несовершенству карт надо ещё прибавить, что под берегами Камчатки масса неизследованных течений. Летом плавающие там военные суда занимаются тем, что каждые четыре часа бросают в море закупоренную бутылку с точным обозначением широты и долготы места бросания, но это не помогает. Во-первых, бутылки отыскиваются обычно лишь на следующий год, а, во-вторых, постоянно оказывается, что прослеженное по той или другой бутылке течение уже на другой год изменилось. До сих пор нет точного и верного объяснения причин, от которых зависят все эти неожиданные изменения течений. На всём громадном протяжении береговой черты от Петропавловска до Ледовитого океана нет ни одного маяка. Вот условия, при которых приходится плавать кораблям.

Немудрено, если каждый год там гибнут пароходы. В 1911 г. разбился пароход «Транзит», выскочив среди белого дня в тумане на мыс, стоящий буквально на большой дороге всех судов, обходящих Камчатку. «Транзит» успел свезти на берег всех пассажиров, а через два дня страшным штормом был разбит на куски. Кстати припомню — этот же самый шторм чуть не погубил военный транспорт «Колыму». Военная «Колыма» имеет назначение совместно с канонерской лодкой «Манджур» охранять наши котиковые промысла от хищников-японцев. В действительности обязанности «Манджура» и «Колымы» несколько разнятся.

Первый, действительно, занят исключительно охранным крейсерством у Командорских островов, тогда как «Колыма» имеет, строго говоря, более обширные обязанности. Она обходит за лето буквально все бухты на побережье, проходит Берингов пролив, забирается в Ледовитый океан, обыкновенно до мыса Сердце-Камень. На её обязанности лежит оказание всевозможной помощи населению в случае нужды, вплоть до перевозки пассажиров и грузов, содействия местной администрации для водворения порядка и т. д. Наряду с этим «Колыма» производит много работ по

описи берегов, промеру или исправлению карт. Каждый год ей приходится выдерживать борьбу со льдами. В 1910 г. около мыса Дежнёва большими льдинами у «Колымы» был сломан винт, в 1911 г. она так сильно помяла себе носовую часть, пробираясь во льдах, что у нея открылась течь во всём носовом отделении. Это повреждение было исправлено своими средствами: добрались до Петропавловска, там «выскочили» носом на прибрежный песок и, таким путём оголив подводную часть, переменяли все расшатавшиеся заклёпки.

Разумеется, такое плавание имеет одно громадное значение: для личного состава не может быть лучшей морской школы. Постоянные уроки плавания в океане при суровых условиях, вечная готовность к грядущей опасности, необходимость из всякой беды выходить самим, зная, что в диких краях не от кого ждать помощи, перенесение громадных лишений, — всё это вырабатывает в личном составе все качества истинного моряка. И, несмотря на всё, матросы так стремятся в это плавание, что многие из них по три-четыре года подряд находятся в северных водах.

Посланные в 1910 г. на север на судах «Вайгач» и «Таймыр» экспедиции Главного гидрографического управления Морского ведомства должны составить точнейшее описание наших берегов. Их назначение крайне ответственно, ибо все дальнейшие плавания кораблей на Севере будут руководствоваться исключительно результатами их работы.

«Вайгач» и «Таймыр» — небольшие транспорты, специально построенные для целей плавания в Ледовитом океане. Многие ошибочно называют их «ледоколами». Дико предполагать, что существует корабль, способный ломать льды Ледовитого океана. Можно лишь пробираться среди них. «Вайгач» и «Таймыр» построены таким образом, что могут провести два года где угодно среди льдов, будучи абсолютно отрезанными от всякой другой жизни. Их запасов должно хватить очень надолго, так что перспектива нечаянно оказаться затёртыми льдами и быть вынужденными зазимовать — для них совершенно не страшна. Эти транспорты имеют всё необходимое для жизни на Севере, до лыж и тёплой одежды включительно; даже их маленькия байдарки построены совершенно по типу шлюпок местных жителей. Разумеется, такое хорошее оборудование этих судов даёт им массу шансов на успешность работ. Снаряжение этой экспедиции стоит, конечно, огромных денег, но зато ея конечная цель — открытие северного пути между Европой и Азией — раскрывает богатые перспективы (как

известно, в настоящее время работы экспедиции дали прекрасные результаты, один из которых — открытие земли Императора Николая II).

## XVI. Командорские острова. Котиковый и бобровый промыслы

Самая драгоценная пушнина русской меховой промышленности — котик, бобёр и голубой песец — добывается исключительно на двух островах Командорской группы — на островах Беринга и Медном (на южной оконечности Камчатки, около мыса Лопатки, правда, также водятся бобры, но в очень незначительном количестве).

Командорские острова открыты были ещё в первой половине восемнадцатого столетия. В 1730 г. некий Гвоздév видел на восток от Камчатки землю, оказавшуюся впоследствии, в 1741 г., теми островами, которые открыл и впервые дал о них некоторые сведения командор Витус Беринг. Судьба этого исследователя крайне печальна.

Выйдя 29 мая 1741 г. из Петропавловска на шхуне «Св. Петр», Беринг сразу попал в полосу частых туманов. Потом начался период сильных штормов, всё время отгонявших судно обратно, на запад. Эти неблагоприятные условия заставили искать спокойную погоду в более южных широтах. Постоянные перемены курса окончательно сбили «Св. Петра» с толку, и Беринг решил, наконец, подняться снова на северо-запад, считая, что на восток пройдено уже слишком много. Последнее предположение подтвердилось тем, что в конце сентября мореплаватели, идя на северо-восток, увидели какие-то острова, оказавшиеся одной из групп Алеутской гряды, после чего и повернули. 4 ноября заметили опять какие-то высокие острова. В этот день разыгрался сильный шторм, нанесший «Св. Петру» крайне серьезные повреждения. Беринг решил во что бы то ни стало достигнуть берега, и, когда погода на следующий день опять улеглась, судно благополучно вошло в одну из бухт острова, названного потом именем храброго исследователя.

Однако вскоре новый шторм разбил шхуну в прибрежных бурунах, и команде судна пришлось уже подумать о зимовке. Кое-как, на скорую руку начали устраивать себе землянки, пользуясь выброшенным на берег лесом. Но злой рок неумолимо преследовал заброшенных на голый, пустынный остров людей. Среди них начал свирепствовать скорбут (цинга. — *Ред.*), и к началу декабря из 77 человек экипажа осталось в живых лишь 31. Чтобы

как-нибудь согреться, люди закапывались в песок. В такую же песчаную ванну лег сам Беринг и, не выйдя из нея, 8 декабря умер. Могила его точно неизвестна. Около предполагаемого её места поставлен в 1880 г. простой деревянный крест.

Оставшиеся в живых участники экспедиции кое-как соорудили из обломков «Св. Петра» подобие судна и весной 1742 г. добрались до Петропавловска.

Печальная судьба экспедиции Беринга не остановила исследователей, и уже с 1743 и до 1749 г. казак Басов совершил туда четыре путешествия, каждый раз привозя немалое количество мехов. Эти плаванья положили начало убою на Командорских островах драгоценного зверя. В 1776 г. на острова попал энергичный предприниматель Шелехов, по почину которого организовалось общество правильной эксплуатации зверя, превратившееся с 1800 г. в «Российско-Американскую компанию». За это время были постепенно открыты все острова Алеутской гряды, в том числе острова Прибылова под Аляской, где той же фирмой тогда же был открыт котиковый промысел. Неумелая организация дела сказалась сейчас же в следующем безпримерном случае. В 1803 г. на этих островах накопилось слишком много шкурок, и компания, боясь понижения цен на рынке, спокойно сожгла 700 000 котиков. Далее следует бессистемный бой зверя, без различия пола и возраста.

В результате пришлось сразу устроить запуск для поднятия количества котов. В это время острова уже отдаются в аренду. В 1867 г. Аляска была продана вместе со всеми Алеутскими островами, кроме Командорских, за 14,5 миллионов, после чего всё наше внимание сосредоточивается исключительно на островах Беринга, Медном и Тюленьем, который потом тоже отошёл от нас по Портсмутскому договору в 1906 г.

Нет более сырого климата на земном шаре, чем на Командорских островах, поспорить с ними могут разве только острова Прибылова. Если сказать просто, что там «вечные туманы», то вряд ли кто-нибудь представит себе действительное положение вещей, ибо никому не придёт в голову понять это дословно. А между тем это так и есть. Достаточно сказать, что воздух там настолько насыщен парами, что почти нет дня, когда бы круглые сутки не шёл «бус» — мельчайшая изморозь, которая как бы висит в воздухе, всё насквозь пропитывая сыростью. Достаточно несколько минут походить на воздухе, чтобы платье насквозь промокло. Зато дождей там почти никогда не бывает, а грозу можно наблюдать чуть



ли не раз в три года. Осенью начинаются страшные ураганы, продолжающиеся всю зиму. Снег почти совсем не покрывает островов, так как сильный постоянный ветер всё время выдувает его, и лишь в глубоких ложбинах можно видеть большие белые пятна, которые сходят обычно к середине мая. Кстати, описанные условия — безснежье и вечно мокрая, скользкая трава дают собакам возможность возить нарты круглый год. Что же касается лошадей, то их на островах не существует.

В редкие ясные дни берега Командорских островов представляют собою очень красивую картину. Высокие, мрачные обрывы, отвесно спускающиеся к морю, напоминают многие места Чукотского полуострова и так же мрачно красивы грозной северной красотой. Берег сильно изрезан небольшими бухточками, окаймлёнными песчаными пляжами — «лайдами», покрытыми массой крупных камней, на которых и нежатся стада котиков. Эти небольшие заливы лишь в очень немногих местах могут служить местом якорной стоянки, так как они очень мелки и защищены множеством рифов, делающих подход к ним парохода крайне рискованным.

С громадным удовольствием обходил я на шлюпке многие места побережья. Мой спутник, один из служащих Камчатской промышленной компании, отлично знал берега, на которых он прожил уже четыре года, знал также некоторые легенды и поверья, связанные с наиболее мрачными местами.

Раз, помню, мы проходили недалеко от берега, мимо целого ряда разседин и пещер в довольно высоком обрыве. Медленно скользила наша шлюпка в гладком чёрном отражении тёмной скалы. Несмотря на надвигавшиеся сумерки, не хотелось ещё возвращаться домой, и мы лениво ударяли вёслами по воде, точно боясь громким всплеском нарушить окружающую тишину. Только что перед этим я слышал поверье относительно каких-то скал, пользующихся особенно мрачной, таинственной репутацией.

Задумавшись, я вдруг услышал какое-то громкое, точно сдавленное хрипение, как будто тяжёлый вздох живого исполинского существа, потом несколько глухих выстрелов, опять вздох...

— Что это? — спросил я у своего собеседника и, должен сознаться, почувствовал себя не особенно приятно.

— Вот видите: говорил я вам, что у нас на острове есть кое-что сверхъестественное, — совершенно серьёзно ответил мне мой спутник.

От этого ответа продолжавшиеся странные звуки не стали для меня понятнее, и невольно как-то вёсла в моих руках повернули шлюпку в сторону от таинственного обрыва. Насладившись про-

изведённым впечатлением, мой гид объяснил мне, что прибрежная волна, вливаясь в узкие расщелины, сильно сжимает находящийся там воздух, который, вырываясь через поросшие на краях щели, и производит все эти таинственные вздохи. Место это носит название «гремящей пещеры», расположено оно очень недалеко от островного селения.

К достопримечательностям острова Беринга следует отнести ещё небольшой островок, расположенный перед самым подходом к селению. Остров этот — излюбленное место так называемых «морских попугаев», или топорков. Топорок, действительно, напоминает несколько по форме попугая, в особенности своим громадным клювом. Оперение птицы чёрное, с белой грудью и таким же ошейником. Порода это — хищная, питающаяся исключительно рыбой. Почему они избрали своим излюбленным местопребыванием этот маленький островок — неизвестно, но количество их там настолько велико, что буквально шагу нельзя сделать, чтобы не наступить на едва зарытые в землю гнезда. Разумеется, при приближении человека эти дикие птицы громадной тучей взвиваются над водой. Говорят, что иногда оне целой стаей жестоко нападают на осмелившегося нарушить их семейную идиллию, отчаянно его кусая. При попытке поймать топорка руками он действительно преобильно кусается.

Несмотря на сильную боязнь этой птицы к человеку, мне пришлось быть свидетелем следующего случая. Отправляясь как-то небольшой компанией на охоту, мы ранили топорка. Он упал в воду, и мы без труда его поймали. Оказалось, что у него перебита нога. На корабле ему сделали перевязку, забинтовали ногу в лубки, и довольно долго наш доктор ухаживал за своим пернатым пациентом. Когда «больной» окончательно поправился, мы при первой же якорной стоянке выпустили его. Топорок сначала весело нырнул, потом быстро полетел от борта (летают топорки низко, хлопая крыльями по воде). Стоял густой туман, так что мы вскоре потеряли нашего гостя из виду.

Через несколько часов вахтенный матрос услышал вдруг равномерный стук у борта и увидел, что бывший наш пассажир возвратился и бьёт клювом у ватерлинии. Потом он дал спокойно поднять себя драгой на судно и ещё долгое время забавлял нас. Очевидно, в тумане топорок не нашёл берега и вернулся туда, где за ним очень предупредительно ухаживали.

Второй из Командорских островов, Медный, по своему строению похож на остров Беринга, но много меньше его. Название своё

он получил от большого количества меди, содержащейся в прожилках береговых обрывов. Эти залежи отлично видны, но разработка их очень затруднительна, так как к ним почти невозможно добраться.

Оба острова отделяются друг от друга небольшим проливом, шириной, в среднем, мили три, постоянно застланным туманом, так что лишь очень редко можно с одного берега видеть другой.

Растительность островов очень бедна: кое-где тощая берёза, рябина и кустарник, зато трава достаточно хороша, что при отсутствии снега даёт возможность круглый год держать на подножном корму скот, который теперь начинают там усиленно разводить.

В данное время на островах имеется по три селения: Преображенское, Глинка и Корабельное — на Медном и Никольское, Лодыгинское и Саранное на — Беринге. Численность жителей в них не превышает 250 душ на каждом острове, причём обоих полов почти точно поровну. Всех жилых строений, считая деревянные постройки и земляные юрты, на Беринге 118, на Медном — 96. Как видно, население скудное, если принять в расчёт, что эти пятьсот душ живут на территории в 13 000 кв. вёрст.

Всё население островов — элемент пришлый и притом сравнительно недавно. Лишь в начале восьмисотых годов на острове впервые остались 11 человек промышленников, которые прожили там семь лет подряд. После этого началось уже заселение островов постоянным контингентом жителей. Начали привозить алеутов с соседних островов Алеутской гряды, привезли обитателей Курильской цепи. С этими переселенцами перемешивались европейския национальности. В результате от собственно алеутскаго племени осталось немного, но название это укрепилось за обитателями Командоров и по сие время. Теперешнее население растёт уже без новых примесей извне.

Алеуты (следую общепринятому названию) — народ низкорослый, очень смуглый, с чёрными волосами, напоминающий общий дальневосточный тип. Конечно, все они давно обращены в православие и очень религиозны. Праздники они чтят свято, хотя, я думаю, здесь в сильной степени играет роль их природная невообразимая лень. Во всяком случае, алеут скорее умрёт с голоду, но в праздник ни за какие блага работать не станет. По характеру это довольно добродушный народ, очень любящий общество, крайне гостеприимный, как и вообще большинство народов Севера. Но, несмотря на эти черты, алеут крайне скрытен, и нужно очень хорошо быть с ним знакомым, чтобы заслужить его доверие.

Я говорил, что они крайне религиозны, с большим уважением относятся ко всем обрядностям, но никакие догматы религии не могут справиться с их понятиями о семейной жизни и верности. У алеутов в этом отношении процветает абсолютная свобода, да притом ещё жизнь эта начинается у них в возрасте 11—12 лет. Вопреки общей природе всех обитателей Севера, алеуты крайне рано развиваются. До спирта они, конечно, не менее падки, чем чукчи и коряки; в обычных условиях очень честный, не имеющий понятия о воровстве алеут готов на что угодно, если дело идёт о спирте.

Тяжелыя климатическия условия на островах настолько приблизили старость, что средний возраст жителей теперь едва достигает 26—27 лет. Разумеется, это давно привело бы маленький народ к полному вымиранию, если бы не большая рождаемость, обусловленная ранней семейной жизнью и полной свободой отношений.

Алеуты охотно учатся, но крайне трудно воспринимают русский язык. Многия твердыя и шипящия буквы они путают, некоторыя же совершенно не могут произнести. В отчёте департамента земледелия, составленном Е. К. Суворовым, приведён пример грамотности алеута: «В 6 ч. вечаля витер *N* свезыя дуздь сквалам небу ублачность и горизонт честои на мури малии зыб у быригов малий борон». И это правописание вызвано не одной лишь безграмотностью, а наполовину неспособностью алеута воспринять русский язык.

Алеуты живут исключительно добычей морских котиков и бобров. Все котики разделяются на три самостоятельных стада, имеющих свои определённые лежбища: американское — на Прибыловых островах, японское — на Тюленьем и русское — на Командорских островах. После зимняго пребывания в южных водах коты возвращаются в мае на свои лежбища, причём замечено, что не только выбор последних остаётся всегда без изменения, но животное старается даже улечься на тот самый камень, на котором оно лежало в прошлом году. Первыми появляются взрослые самцы-секачи, возраст которых обыкновенно 7—9 лет. Эти большие животныя, весом в 10—12 пудов, достигают семифутовой длины. Через две-три недели к берегу подходят самки и тотчас разбираются поджидающими их секачами в гаремы. Численность последних очень велика: у каждого самца количество жён достигает зачастую 160—200 голов. Секачи страшно ревнивы и из-за каждого подозрения в попытке другого подойти к их жёнам свирепо

бросаются на соперника. Одновременно с самками приходят и холостяки-коты возрастом около 2—3 лет.

В течение летнего периода протекает вся брачная жизнь животных и роды. Новорожденный котик совершенно чёрного цвета, мех его не имеет подшерстка. Около года котик начинает линять, шерсть его в это время приобретает серый цвет. Отсюда и произошли названия мехов — чёрный и серый котик. Промысловый кот, трёхлеток, имеет после годового линяния коричневый оттенок, отчего продаваемые шкурки всегда слегка подкрашены в чёрный цвет. Цены всех этих трёх сортов сильно разнятся.

Убой котиков происходит следующим образом. Рано утром, как только начинает разсветать (выбирается такой день, когда разсвет совпадает с моментом наибольшего отлива), всё работоспособное население острова осторожно подкрадывается к спящему ещё на лежбище стаду и быстро отрезает его от моря. Часть животных успевает скрыться в воду, а оставшиеся на берегу сразу теряют свою энергию, жмутся друг к другу и уже покорно позволяют гнать себя куда угодно. От всего стада погонщиками отделяются промысловые звери, остальные отпускаются обратно. Отбранная группа зверей затем перегоняется на место убоя — гладкое поле, верстах в двух от лежбища. Котики идут крайне медленно, с частыми остановками для отдыха. Пригнав на место, их оцепляют тесным кольцом и оглушают, ударяя по носу длинными, около двух аршин, палками, по местному — «дрыгалками». Тут же ловко и быстро снимается шкурка. Нередки случаи, что от первого удара котик ещё не умирает, но алеуты с ним не церемонятся и «оперируют» живого. Оставшаяся туша идёт у алеутов в пищу.

Мне вспоминаются рассказы о том, что котики «плачут» перед убоем. Это не совсем верно. По дороге от лежбища до места убоя многия животные настолько устают, что в изнеможении падают, не могут двинуться с места и их тут же и приканчивают. И вот у уставшего, измученного трудной дорогой животного мне, действительно, пришлось раз видеть на глазах как бы слёзы, вызванные чисто физической болью и усталостью. Впечатление это усиливается ещё тем, что вообще у котиков выражение глаз какое-то удивительно кроткое.

Шкурки засаливаются и в засоленном виде отправляются на рынки для выделки и продажи. В виду того, что за последнее время сильно возросло число маток, их тоже начали бить в большом количестве. За последние годы цифра убитых за лето на обоих островах котиков доходила до полутора тысяч. На лежби-

щах же можно было наблюдать в течение летнего сезона 13—14 тысяч голов. Всего на мировые рынки поступало с Прибыловых, Командорских и Тюленьего островов за последнее время до 17—19 тысяч шкурок в год.

Что касается бобров, то современная их добыча — лишь слабый намёк на прежние времена. Ещё экспедиция Беринга привезла в 1742 г. 700 шкурок; потом часто добыча бобров доходила до 1,5—2 тысяч в год. Теперь же их добывают едва 80—100 за лето. Орудиями лова служат сети и ружье. Иногда, в особенно счастливый год удачно применяются и «дрыгалки». Бобры располагаются обычно на «Бобровых камнях» (риф в северной оконечности острова Меднаго). Выбрав ночь, когда ветер дует с берега, алеуты подкрадываются к спящим бобрам и быстрым нападением убивают иногда в несколько минут до 25—30 голов.

Песец на Командорских островах водится в довольно большом количестве. Главным образом славится так называемый голубой песец. Охота на белых песцов не подчинена никаким законам, пользуются при этом капканами и ружьями. Средняя годовая добыча песцов достигает до 1 300 штук.

Значение для нас Командорских островов лежит в добыче котиков, и об этом промысле стоит серьёзно подумать.

## **XVII. Охрана котиков**

В 1911 г. было утверждено новое положение об эксплуатации котиков, в силу которого их теперь пять лет не будут бить. Эта мера, разумеется, должна в сильной степени поднять число драгоценного зверя. Но существует один способ истребления котиков, развитый очень широко, но не подчинённый буквально никаким законам и положениям. Способ этот — японское хищничество.

Какими бы правилами ни ограничивали официального избиения котиков, всегда останется возможность тайного истребления зверя, пока не будет учреждён особенно бдительный надзор за хищниками.

Живя в краях, отстоящих всего в каких-нибудь 9—10 днях морского перехода от летних логовищ котиков и находящихся в районе их зимнего местопребывания, японцы ещё издавна прекрасно изучили жизнь, характер и пути следования котиков.

Котики всю зиму проводят около восточных берегов Японии, отправляясь на летние месяцы к Командорским островам. Японцы не только знают с точностью чуть ли не до одного дня время

их переселения, но имеют даже специальные, выработанные многолетними наблюдениями карты следования зверя. В начале мая от берегов Японии расплзается громадное количество шхун, бьющих котиков в море. Этот бой продолжается до середины июня. Понятно, что подобный способ боя с каждым годом страшно уменьшает число котиков. Котики идут всегда большими стадами, следить за ними крайне легко.

Шхуна набрасывается на такое стадо и избивает его, совершенно не заботясь о возрасте зверя. Бьют молодых, старых, бьют одинаково и самцов, и самок. Промысловый же кот, котораго разрешено бить на Командорских островах, — это почти исключительно трёхлетний самец-холостяк. Кроме этого зла, японцы причиняют ещё массу бед тем, что многие котики бывают в море ранены и потом гибнут без малейшей пользы даже для самого хищника. К сожалению, этим варварским способом японцы пользуются слишком широко, а между тем его нельзя не только пресечь, но даже назвать хищническим, ибо в нейтральном море никто не может запретить ловить и бить всё, что угодно. А в результате — стадо котиков доходит до Командорских островов совершенно разрозненное, наполовину перебитое, отчего в сильной степени страдает правильная эксплуатация зверя на месте узаконенного убоя.

Но, не довольствуясь этим, японцы уже открыто хищничают у самых островов Беринга и Меднаго. По закону можно бить котиков не ближе трёх миль от береговой черты. Эта запретная территория настолько мала, что обойти закон весьма нетрудно. Нахальство хищников доходит до такой степени, что они просто высаживаются на берег и там бьют котиков. Алеуты, страшно озлобленные на японцев за последнее время, увидя хищников, вступают с ними в ожесточённую перестрелку. Убить хищника на языке алеутов носит даже известный термин «уронить». Вооруженные винчестерами и берданками алеуты перестреливают японцев при малейшей их попытке высадиться на берег. Конечно, такой самосуд не определён никакими законами, но никто, разумеется, и не подумает карать за это. К сожалению только, острова эти слишком пустынные для того, чтобы алеуты могли поймать каждого хищника. С другой стороны и японцы платят населению той же монетой. Каждое лето бывают один-два случая, что японцы дотла разграбляют целое небольшое селение. В силу этого алеутам поневоле пришлось учредить у себя нечто вроде разведочной службы, которую прекрасно выполняют мальчики 10—12 лет, целый

день бегая по горам и давая знать в селение о всяком замеченном в море подозрительном судне.

Каждое лето на островах, в особенности на Медном, идёт жестокая война, и все-таки японцы берут верх, ибо из десяти случаев высадки на берег алеуты в состоянии узнать об этом лишь в двух-трёх случаях. Да и мудрено следить за каждым уголком острова, когда на нём всего 250 человек населения, включая в эту цифру женщин и детей.

Насколько хищники успешно действуют, говорят следующие цифры: за 1907, 1908 и 1909 г. нами убито котиков 18 567, тогда как хищники лишь в 1907 и 1908 г. убили их 44 224 (из японских данных, издающихся в Японии совершенно открыто). Начиная с 1909 г., у нас несколько улучшена охрана, так что хищничать стало труднее.

Правительственная охрана наших котиковых промыслов заключается в том, что ежегодно в крейсерство к Командорским островам отправляют военные суда. Около островов проводит всё лето канонерская лодка «Манджур». С мая по сентябрь всё плавание «Манджура» заключается в рейсах между Петропавловском и Командорскими островами — расстояние в триста миль.

Всё лето Командорские острова покрыты крайне частыми и густыми туманами (по исследованиям экспедиции Рябушинского, в 1910 г. на островах в летний месяц приходится, в среднем, лишь четыре-пять ясных дней). Во время туманов подход к берегам для таких судов, как «Манджур», ближе, чем на три мили крайне рискован, а вход в пролив между островами Берингом и Медным абсолютно невозможен. В силу этого японские шхуны могут совершенно безнаказанно находиться не только в проливе, где они главным образом скрываются, но и в запрещённой трёхмильной полосе. За последнее время хищники усвоили ещё такую тактику: шхуна останавливается в море, далее трёх миль от береговой черты, а на берег посылаются за котиками лишь одна-две шлюпки. Если даже последнюю и заметят, то во многих случаях она успеет сбросить за борт все компрометирующие улики и отговориться хотя бы тем, что пошла за водой; в таком случае доказать, что она была котиков крайне трудно. В результате, если даже шхуна и замечена, то это ещё не значит, что её можно сразу уличить в хищничестве и арестовать. А увидеть шхуну также нелегко. Обыкновенно, а в особенности в начале лета, около Командорских островов находятся одновременно пять-шесть шхун, «Манджур» же один. К этому надо прибавить, что японцы прекрасно



знают расписание его рейсов и, разумеется, могут всегда находиться где-нибудь поблизости с тем, чтобы тотчас по уходе «Манджура» в Петропавловск нагрянуть на острова.

Все описанные препоны для правильной и полной охраны от хищников в очень сильной степени усугубляются ещё недостатками и несовершенством инструкций, даваемых командиру охранного судна. Главное напутствие, которое даёт командир перед плаванием, это быть возможно более осторожным и осмотрительным при аресте шхуны. В мало-мальски сомнительном, в смысле неопровержимости улики, случае командир должен отпустить шхуну.

Подобным положением вещей связываются руки охранного судна. Командиры часто боятся придрататься к хищнику, и, действительно, им не остаётся ничего больше делать, как стараться на всякий случай не замечать шхуну. Результат всего этого тот, что за последние три года конфисковано всего пять шхун, тогда как перебивало их там за это время не менее двадцати.

Кстати, несколько слов о судьбе конфискованных шхун. Арестованные шхуны на буксире приводятся в Петропавловск, где сдаются в ведение местной администрации. Все инструменты, оружие снимаются с судна и сдаются куда-нибудь на берег, под замок, где за ними, разумеется, никто никогда не следит. Ни к шхуне, ни к снятым с нея вещам не позволяют никому дотрагиваться: вещи портятся и шхуна гниёт. В 1910 г. «Манджуром» была приведена моторная шхуна. Мотор был снят, и теперь он уже совершенно никуда не годен, шхуна же понемногу протекла, погнила. Пробовали её вытащить на берег, но вытащили только наполовину и бросили. Она, очевидно, погибнет так же, как погибли два ея товарища, лежавшие посреди ковша в Петропавловске и теперь по частям вытащенные на берег. В 1911 г. тот же «Манджур» привёл ещё две шхуны. Одну из них отправили во Владивосток, а другую спасло только то, что местный агент Добровольного флота получил её в своё ведение.

При описании организации нашей охраны приходит на память система охраны Прибыловых островов, принадлежащих Штатам. Как у нас базой для Командорских островов служит Петропавловск, так американцы основали для Прибыловых островов базу на острове Уналашка, отстоящем от первых на двести миль. На острове имеется небольшой городок Илюлюк, где помещаются склады угля и всевозможных припасов для охранных судов.

В Америке охранную службу несут не военные суда. У них есть для этого как бы особый отдел флота, носящий название

«Bering Sea Serving Fleet», по своей организации очень похожий на нашу морскую пограничную стражу. Эта охрана имеет пять своих небольших судов, носящих особый флаг. Точно также форма личного состава их отличается несколько от формы военного боевого флота. Суда у них небольшие, но построенные специально для целей охраны, прекрасно оборудованные, приспособленные исключительно к тем условиям, в которых им приходится плавать.

Два судна «Tahoma» и «Maining» совершенно новые, с 15-узловым ходом, большим запасом угля и припасов и сравнительно небольшой осадкой (12—13 фут), имеют водоизмещение около тысячи тонн. Остальные три: «Bear», «Perry» и «Albatros» несколько меньше, с ходом около 12 узлов. Из них «Perry» в 1910 г. разбился, выскочив на камни около острова Св. Павла в той же группе Прибыловых островов. Все суда снабжены беспроволочным телеграфом так же, как и острова Св. Павла и Уналашка, а район плавания их таков, что все станции всё время могут между собой переговариваться.

Организация службы у них такова: четыре судна постоянно крейсируют около острова Св. Павла, одно стоит в Илюлюке. Стоянка продолжается недолго; назначение ея — лишь отдых и погрузка необходимых припасов. Всё время рассчитано таким образом, что на долю каждого судна приходится через каждые шестнадцать дней крейсерства четыре дня стоянки в гавани. Перед возвращением в Америку в конце лета одно судно уходит на остров Атку (на расстояние одного дня пути от Уналашки), а другое обходит северо-западное побережье Америки, после чего в начале сентября вся флотилия кончает охранную службу и возвращается на зимовку в Сиятль.

Служба летом нелегкая: надо принять во внимание, что климат Прибыловых островов своей суровостью и вечными туманами поспорит с Командорскими островами. Кроме того, как это ни странно, американцы до сих пор не имеют порядочных карт этих мест, а пользуются старыми русскими картами издания семидесятых годов. Но зато личный состав обставлен очень хорошо: платят большие деньги, каждую зиму всем даётся отпуск и т. д.

Бой котиков происходит на острове Св. Павла. Бьют их алеуты, получая с каждой шкурки 10—12 руб. Небольшое селение (около трёхсот человек) застроено чистенькими домиками, имеются две церкви — русская и англиканская, жители почти все говорят по-русски и по-английски. Для ограждения от набегов японских хищников на остров, все котиковые

лежбища соединены телефонами с селением, а также со станцией безпроводного телеграфа.

С пойманными хищниками американцы не церемонятся. Увидев шхуну в запрещённой полосе, её приводят в Илюлюк и без всякого суда конфискуют. С команды требуют штраф в размере пятисот долларов с каждого матроса. Разумеется, у японцев такой суммы не оказывается. Тогда их заставляют отрабатывать эту сумму, засчитывая работу в счёт долга. Когда же весь штраф выплачен, японцу предоставляется полная свобода делать всё, что ему угодно. Если он пожелает вернуться на родину, то в этом ему никакой помощи не оказывается, он должен ехать через Америку обыкновенным путём пассажирских пароходов. В результате, по словам американцев, ни одному арестованному японцу не удаётся вырваться с Уналашки ранее двух с половиною лет.

Насколько американцы считаются с «уликами», может служить примером следующий факт: в 1910 г. в одной небольшой бухточке острова Уналашки, где котиков никогда и не бывало, увидели японскую шхуну, мирно стоявшую на якоре. Её, разумеется, арестовали, но никаких признаков хищничества не нашли. Экипаж шхуны уверял, что они только хотели наловить рыбы, да и то исключительно для их личного пропитания; документы все были в полном порядке. Следует отметить, что американцы не имеют у себя на судах переводчиков с японского языка, считая лишним вступать в какие-либо переговоры. Поэтому, когда понадобилось перевести документы, американцы поехали на стоявший тогда там наш транспорт «Колыму» и обратились к помощи нашего переводчика. В конце концов, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было оснований к подозрению в хищничестве, шхуна и экипаж были подвергнуты общей участи.

Японцы прекрасно знают суровые порядки американцев и несравненно меньше рискуют идти на хищничество, чем около наших промыслов. В редких очень случаях шхуна остается незамеченной. Если же американцам удастся изловить японцев, то они стремятся извлечь из подобного ареста возможно большую пользу, включительно, как я говорил, до рабочих рук.

### **XVIII. Уроки прошлого и задачи будущего**

За последнее время снаряжается много экспедиций с целью выяснения возможности сообщения между европейскими и азиатскими владениями России северным путём. Что вообще такой

проход возможен, доказано уже давно большим сравнительно количеством судов, прошедших по северным водам, в числе которых был и пароход «Вега» с экспедицией Норденшильда в 1877—1880 гг.

Многие американские пароходы и шхуны, ища китов, доходили до Медвежьих островов, тогда как со стороны Европы тоже хорошо известна дорога почти до тех же островов. Если бы этот путь был уже исследован и представлял собою одну из «больших дорог» для судов, то весь путь от Петербурга до Владивостока можно было бы совершить в две-три недели. Но теперь это плавание сильно затрудняется отсутствием хороших карт: идти приходится всё время с громадным напряжением внимания и осторожностью. Описание берегов, выяснение необходимых мест наблюдательных пунктов, постройка складов угля, ознакомление с морем и условиями плавания в нём, точное определение течений и карты движения льдов, наконец, степени населённости берегов, их свойств, — вот цель, которую стремятся выполнить все эти экспедиции.

Возможность сообщения северным путём, несомненно, даёт России много шансов для процветания ея северных владений. Весь край сразу оживится, одним движением судов будет вызвана необходимость заселения, возникновения портовой жизни.

Нечего и говорить, как много Россия приобретёт в военно-морском смысле, в случае необходимости передвижения военных кораблей на Восток или обратно для обороны и защиты своих владений. Американцы и сейчас прилагают все усилия для мирного захвата в свои руки Чукотского полуострова. В 1854 г. англо-французская эскадра несколько раз пыталась завладеть этим краем. Во время минувшей войны было много попыток со стороны японцев оккупировать его; уже один пример капитана Наридата Гундзи, о котором я рассказывал, ясно говорит, что не только военные круги Японии, но и народ жаждет завладеть этим краем. В Петропавловском музее хранится доска, найденная после войны, где значится: «Эта земля принадлежит японцам. А кто её захватит, тот будет обезглавлен». У японцев есть много изданий карт, где Камчатка окрашена в один цвет с японскими владениями. На Командорских островах всю войну были жестокия столкновения с вечно нападавшими японскими шхунами, эта война продолжается и сейчас...

Наши северо-восточные владения пока почти ничего не имеют, что дало бы право назвать их русскими. Вот об этом-то и надо подумать. Искры, способной сразу разжечь в бушующее пламя тлеющий пока вопрос о жёлтой опасности, надо ожидать с минуты

на минуту. Японцы не успокоятся, пока не убедятся в невозможности забрать эти края в свои руки.

Наши северные земли ждут людей, ждут эксплуатации. Они нуждаются в самом тщательном и разностороннем их изучении, в пробуждении интереса к ним со стороны общества.

За последние годы масса денег ушла на далекий край. Учреждение там администрации, попытки правительства пробудить культуру, наконец, громадные затраты на сооружение грандиозной сети беспроволочного телеграфа: Николаевск-на-Амуре — Петропавловск — Командорские острова — Ново-Мариинск — Дежнёв — Америка, — всё это пропадает зря и не достигает цели, во-первых, потому, что нет должного количества действительно знающих край и его нужды людей, а во-вторых, потому, что для процветания края необходимо, чтобы туда шли частные предприниматели, а последние не пойдут до тех пор, пока не изменятся условия работы русских предпринимателей, пока закон вместо стеснений не создаст поощрений их усилиям.

Мы один раз сделали громадную оплошность, продав за безценок богатейшую Аляску и Алеутские острова, второй раз проиграли очень много, подписав Портсмутский договор, добровольно отдав этим всё богатства края Японии. В обоих случаях всё это произошло лишь вследствие того, что мы недостаточно знали свои владения, о которых шла речь, сами не отдавали себе отчёта в возможной от них для России колоссальной пользе, не видели грядущих от всего этого бед для нас, когда иностранцы заселят и начнут эксплуатировать края, которые должны быть заселены русскими. Мы сделаем непоправимую ошибку, если не обратим теперь же самого серьезного внимания на свои владения, внимания не только правительства, но и всего общества. Если развал, который там теперь царит, будет так же прогрессивно идти вперёд, Америка и Япония окончательно вытеснят нас из Камчатки и Чукотского полуострова и овладеют колоссальными богатствами, которых мы упустим только благодаря нашей традиционной нерадивости и халатности.

# ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. П. ПУСТОВИТ

## ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА ЛЮБВИ

(История гибели первого Анадырского ревкома)

Зимой 1919—1920 гг. на Чукотке, входившей в состав Охотско-Камчатского края, произошли кровавые события. Согласно советской историографии, они развивались по следующей схеме: защитники трудового народа под руководством большевика Мандрикова свергли колчаковскую администрацию, это не понравилось местным богатеям-реакционерам, те произвели переворот и пустили «в расход» весь Анадырский ревком. Как пелось в известной революционной песне: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Такая интерпретация анадырских событий восходит к двадцатым-тридцатым годам XX в. Краткое описание этих событий дал в 1932 г. камчатский краевед Ф. Л. Слободчиков. Перечислив лозунги ревкомовцев (оказание моральной помощи борющемуся пролетариату на материке, уничтожение частной торговли, спекуляции и мародёрства, замена их нормированным обменом), он выделил побудительные мотивы реакционеров-переворотчиков: «Классовый враг-спекулянт зачуял, что наступает решительный момент борьбы с восставшим трудовым народом, что молодая коммуна несёт для него серьёзную угрозу его паразитическому существованию, что наступает конец спекуляции и грабежу» [1].

По Слободчикову, выступление против анадырских ревкомовцев началось под покровом плохой погоды 2 февраля 1920 г. «Свирепствовала сильнейшая пурга, всякое живое существо прекращало движение... Не видно ни зги. Это давало возможность врагу подойти незамеченным и окружить здание коммуны. Когда началась канонада, т. Мандриков... всё ещё думал избежать кровопролития и послал в качестве парламентёра свою жену. Но это не помогло. Ни на какие переговоры не шли. Обманутые коммунары выводились из здания поодиночке на речку Казачку и там зверски расстреливались...» [1].

Ф. Л. Слободчиков располагал списком погибших коммунаров. Мандриков Михаил Сергеевич (псевдоним Безруков Сергей Евстафьевич), большевик, член Всероссийского Учредительного собрания, в 1918 г., по прибытию из центра во Владивосток, взят

под стражу представителями администрации Колчака, просидел в тюрьме до июня 1919 г. Приговорённый к смертной казни, бежал с помощью своих товарищей на Камчатку, затем на Чукотку. Берзин Август, латыш. В Анадыре появился под фамилией Хван. Титов Василий Титович, радист. Гринчук Семён, рабочий, бежал от колчаковской мобилизации в 1919 г. Фесенко Игнатий. Мальсагов Якуб, осетин, приехал в Анадырь из Америки в 1919 г., член ревкома. Вальтер Аренс, уроженец Шлезвиг-Гольштейнии (Германия), рабочий, прибыл на Чукотку тоже в 1919 г. и тоже из Америки, откуда бежал от мобилизации в интервентские войска. Булат Александр Игнатьевич, литовец, секретарь ревкома, ранее «батрачил у спекулянта». Бучин (Бучек) Василий Павлович, милиционер. Галицкий Мефодий, рабочий, в Анадыре жил с 1914 г. Кулиновский Николай, камчадал, служил в милиции [1].

Слободчиков называет ещё одного коммунара — Михаила Куркутского, который во время переворота находился в районе и «не возвращался оттуда до ареста убийц летом 1920 г.» [1].

На сегодня по уточнённым данным известны десять ревкомовцев: М. С. Мандриков, А. М. Берзинь, А. Т. Булатов, М. Ф. Галицкий, С. И. Гринчук, В. Аренс, В. А. Клецин, Н. К. Кулиновский М. П. Куркутский, И. Фесенко. Из них остались в живых двое: Куркутский и Клецин. Михаил Павлович Куркутский (умер в 1938 г. от туберкулёза), чуванец, большевик-интернационалист, впоследствии председатель Бельского сельсовета на Чукотке. Василий Андреевич Клецин (умер в 1973 г.), раненный в руку при нападении на ревком, скрывался сначала у друзей в тундре, потом ушёл к охотникам на р. Великую. В августе-сентябре 1920 г. он написал несколько писем следственной комиссии Камчатского облисполкома, просил вызвать как свидетеля. Не вызвали. На Отечественной войне Клецина контузило. Награждён орденом Красной Звезды.

Примечательно, что пять из десяти ревкомовцев с оружием в руках защищали советскую власть ранее на материке: Куркутский в качестве командира заградотряда, Берзин — интернационального отряда латышей, а Булатов, Галицкий и Гринчук были красноармейцами [2].

...Петропавловск долго оставался в неведении относительно событий в Анадыре. Правда, 11 января 1920 г., на второй день существования в столице Камчатки новой революционной власти, председатель Анадырского уездного совета Мандриков и секре-

тарь совета Булат (Булатов) телеграфировали: «С 16 декабря отрезаны от всего мира, но твёрдо верим в неизбежный ход событий, который должен привести к всеобщему взрыву против Колчака на Камчатке. 18 декабря перехватили телеграмму, подписанную Червлянским (колчаковский управляющий Камчатской областью. — *В. П.*), который требовал нашей смертной казни, но он опоздал... В настоящее время приступили к практической деятельности. 31 декабря отправлен отряд на нартах в Белую и Марково. В последних числах января отправляем на мыс Дежнёв» [3].

17 января Временный военно-революционный комитет получил ещё одну телеграмму от тех же лиц: «...Фома Гладюк, подпись которого на воззвании (ВВРК к населению. — *В. П.*), запрашивает частной телеграммой отстранённого Учватова о здоровье контрреволюционера Громова. Действия эти необходимо расследовать, и с точки зрения Анадырского революционного комитета, такие лица опасны для революции. Вообще все ваши воззвания не убеждают нас в понимании вами интересов трудящихся» [4]. 19 января 1920 Анадырь отчитал Петропавловск за непролетарскую революционность: «...Все ваши распоряжения копируются из постановления Временного правительства февральской революции 1917 г., вы забыли элементарные принципы Советской власти. Товарищи, необходимо, наконец, убедиться, что власть Советов есть власть только трудящихся. Мирная коалиция с мародёрами и спекулянтами неизбежно ведёт к буржуазному толкованию революции» [5].

Сами анадырские революционеры действовали решительно, не поступаясь классовыми принципами. Упомянутая выше телеграмма управляющего Камчатской областью Н. Н. Червлянского заставила Маловечкина и его единомышленников форсировать события. Часом «Х» стало четыре по полудни 16 декабря 1919 г. «Берзиню, Галицкому, Булатову, Фесенко, Вальтеру Аренсу и некоторым другим под руководством Мандрикова было поручено провести разоружение милиции. Этой операцией и начинался переворот в Анадыре», — вспоминал полвека спустя участник событий В. А. Клещин. «Это было, конечно, небезопасно. Милиционеров насчитывалось человек пятнадцать. Во главе их стоял опытный колчаковский офицер Д. Д. Струков. И всё же группе революционеров удалось провести операцию хорошо, без выстрелов, без жертв. Милиционеры были разоружены, от каждого была взята расписка, что они не будут выступать против власти Советов. Начальник милиции Струков был арестован» [6].



Радиостанцию, по словам Куркутского, захватили Булат, Бучек, Мальсагов, Кулиновский, Титов. Фесенко и Аренс взяли под стражу секретаря управляющего Анадырским уездом Толстихина. Сохранился рассказ Евдокии Павловны Ивановой, жены управляющего Громова: «16 декабря к нам на квартиру, мы помещались в казённом доме, пришли Берзинь и Кулиновский. Было семь часов вечера. Берзинь сказал мне, чтобы я вышла из комнаты, я вышла в кухню и в окно заметила, что наш дом окружён вооружёнными людьми... Вскоре привели в наш дом и мирового судью Суздалева. Суздалев ночевал в нашем доме, а на другой день его и Громова перевели в квартиру Суздалева: там пробыли они два дня, а затем их перевели в арестное помещение» [7]. Я. И. Мальсагов, В. Т. Титов, С. И. Гринчук, М. Ф. Галицкий заняли радиостанцию.

17 декабря 1919 г. в доме мелкого коммерсанта Тренёва состоялось собрание граждан Анадыря. На нём была избрана следственная комиссия в составе председателя — комиссара охраны Берзиня, члена Тренёва и секретаря Титова. Проанализировав в течение двух суток «факты контрреволюционной деятельности» Громова, Толстихина, Суздалева и Струкова, комиссия решила обсудить их на общем собрании жителей 20 декабря. В протоколе этого собрания значится: «...приговорили их к смертной казни» [8]. Расстреляли всех, кроме Струкова. Вне Анадыря, насколько мне известно, мандриковцы уничтожили ещё двоих («купцов-мародёров»). Итого пять жертв большевистского переворота. Однако белый «Камчатский листок» за 14 мая 1922 г. даёт иную цифру: «Анадырские товарищи из тридцати человек взрослого населения вывели в расход семнадцать...»

В первую же неделю своей деятельности Анадырский ревком не избежал разногласий. И. Фесенко выступил против начальника радиостанции Учватова как яркого контрреволюционера, а также предложил немедленно отобрать личное огнестрельное оружие у всех ненадёжных лиц. Другие ревкомовцы предпочитали повременить с этим хотя бы до конца декабря, в итоге так ничего и не было сделано.

Вечером 24 декабря 1919 г. А. М. Берзинь записал в дневнике: «У нас опять публика волнуется и шумит из-за пустяков. Моё мнение такое, что местные коммерсанты довольно трусы. Они боятся делать заговор, что мы их застанем так, что им тоже будет туго. Если останется Колчак, то он их всех повесит, а если они

меня с т. Мандриковым расстреляют, тот тогда, если будет во Владивостоке переворот, их большевики расстреляют» [9].

По инициативе Мандрикова и завпрода Гринчука ревком объявил о ликвидации долгов населения Чукотки русским и иностранным купцам. А долги эти, между прочим, составляли около полу-миллиона рублей золотом. Жители с. Марково 22 января 1920 г., по докладу вахтёра казённого магазина В. М. Чекмарёва, постановили: «Все долги, числящиеся до свержения Колчака, уничтожить».

Спустя два года, в период красно-белого противостояния на Камчатке, Чекмарёв станет одним из наиболее активных ларинских отрядников, а затем, после возвращения облнарревкома в Петропавловск, начнёт работать в органах новой власти. А ещё через три года, 21 апреля 1925 г., губернский следователь Е. М. Крайзельман напишет уполномоченному Дальневосточной контрольной комиссии РКП(б): «В “Полярной звезде” было объявлено, что Чекмарёв подал заявление о вступлении в партию... По поводу этой персоны я хочу сказать следующее. В моём производстве было дело об убийстве Анадырского уревкома в 1919 (?! — В. П.) году, которое в настоящее время передано во Владивосток в Губсуд. По делу видно, что было убито одиннадцать человек. Из показаний отдельных лиц выявляется, что Чекмарёв во время похорон, их хоронили ночью, снимал с трупов всё, что было на них ценное. Чекмарёв объясняет, что на него говорят со злобы, и что он не был в Анадыре в этот момент. Считаю, что раньше, чем пропустить его в партию, нужно проверить его и его действия в Анадыре.

Проверяя анкету и биографию Чекмарёва во время перерегистрации членов профсоюзов на Камчатке, я пришёл к убеждению, что он, находясь на службе в Кранштате в чине унтер-офицера, в 1918 г. бежал оттуда на Дальний Восток, а потом на Камчатку. Он же показывает, что его эвакуировали из Питера во Владивосток. Эти два момента я считаю более существенными, требующими особой, тщательной проверки. Кроме этих двух моментов я лично считаю, что Чекмарёв примазывается к нашей партии из личных выгод, а по духу он совершенно чужд нашей идеологии» [10].

...13 января 1920 г. на общем собрании граждан с. Белая была проведена резолюция о национализации имущества коммерсантов. Её подписали председатель Бельского Совета Падерин, секретарь Совета Кабан, комиссар охраны Берзинь, комиссар Белой и Марково Куркутский. В двадцатых числах января Мандриков телеграфировал в Петропавловск: «Со времени появления здесь двух

капиталистических рыбалок, владельцы которых, руководствуясь только алчной наживой, каждый год перегораживают устье р. Анадыря, оставляя тем самым всё население Анадырского края на произвол судьбы, последствием которого является голод. Вот что пишут товарищи из Белой об эксплуатации Малковым, Свенсоном и К<sup>о</sup>, которые за отсутствием рыбы сделали жизнь бедноты сплошным кошмаром...

Революционный комитет стоит на страже интересов только трудящихся и объявляет, что рыбалка Сооне, расположенная близ поста Ново-Мариинска на правой стороне р. Анадыря, рыбалка Грушецкого и К<sup>о</sup> на левом берегу поступают в полное достояние Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Дальнейшая ловля рыбы будет производиться совместно с трудовыми камчадалами сёл Марково и Белой в рыбной секции при Совете» [11].

На весть о национализации рыбалок, пишет тот же автор, коммерсанты отреагировали припрятыванием рыболовных принадлежностей, как-то: неводов, катерного горючего. И. Фесенко, в прошлом моторист катера, внёс на рассмотрение Анадырского ревкома вопрос о национализации всех запасов бензина, керосина и горючесмазочных материалов. Более того, Фесенко потребовал, чтобы ревком срочно отобрал у купцов керосин и смазочные масла, свёз их на склад и поставил охрану. Остальные члены Анадырского ревкома считали, что всё это следует сделать ближе к весне.

24 января в Петропавловск в адрес ВВРК ушла ещё одна телеграмма за подписью Мандрикова и Кулиновского. Она гласила: «Жители Марково и Белой в отчаянном положении. За отсутствием рыбы целыми нартами погибают собаки. Плохая охота, недоступные цены на товары лишают население возможности получать продукты от купцов, которые наживаются под пляску смерти, царящей вокруг. Приезд товарищей встречен как спасение. Единственный выход — национализация в Марково всех крупных спекулянтов, что и делается по воле трудящихся» [12].

Комиссаром Анадырской радиостанции поставили радиста В. Т. Титова. Через некоторое время ревком распорядился снять охрану с объектов на радиостанции. Считается, что это развязало руки «замаскированному колчаковцу» Учватову. Способствовала заговору против ревкома и отправка части колчаковцев на Угольную — во владения коммерсанта Рыбина.

Рыбин добивался включения в ревком группы новых рабочих с «Угольной» под предлогом создания «социалистической коали-

ции». Заговорщики внушали им: мол, какая это рабочая власть без рабочих, надо пополнить Совет, тогда хозяевами будете вы, а не коммунисты. Ревком с этим решил повременить.

«Опытные политиканы коммерсант Бирич, артельщик Рыбин, коммерсант Тренёв, рыбопромышленник Грушецкий действовали хитро... Так, по посёлку были пущены слухи о готовящемся “красном терроре”, о “снижении цен на пушнину”, об “отказе в снабжении населения через казённый склад”, о “повышении цен на продукты” и т. д... Высылка ревкомом бывшего начальника колчаковской милиции в Анадыре Д. Д. Струкова на шахту “Угольную” усилила там позиции контрреволюции. Именно на шахте “Угольной” и был выработан план вооружённого нападения на ревком» [13].

...В конце февраля 1920 г. в Петропавловске узнали, что Анадырский уездный совет «переизбран», председателем стал Рыбин, членами — Пчелинцев, Чумаков и Качур, и что «в связи со свержением колчаковской власти 16 декабря и переизбранием Совета 8 февраля с. г. были человеческие жертвы» [14].

С началом навигации 1920 г. Марковский Совет снарядил в Анадырь вооружённый отряд в составе В. Чекмарёва, Д. Каморного, М. Куркутского и других. 20 июля отрядники высадились на берег. Пошли к зданию ревкома.

«Ужасная картина предстала нашим глазам, — рассказывал Чекмарёв. — Окна здания со стороны Казачки и дома Бессековского были выбиты во время обстрела ревкома. Обшивка стен из оцинкованного волнистого железа зияла тысячами отверстий из пулевых пробоин. Крыша зданий была, как решето... В помещении мебель была перевёрнута. В комнате, где был убит Титов, на полу чёрные пятна крови. Кровь виднелась и в канцелярии ревкома, где застрелился Фесенко...» [15].

Летом из областного центра на Чукотку выехала следственная комиссия Камчатского облисполкома во главе И. И. Гапановичем. Пароход «Томск» пришёл в Анадырь 13 августа. На следующий день общее собрание жителей приняло решение немедленно выдворить из Анадыря всех, уличённых в расстрелах.

В материалах научного симпозиума, состоявшегося в Анадыре 22—23 декабря 1969 г. и посвящённого 50-летию образования Анадырского РВК, можно прочесть: «Выбор Камчатским облисполкомом кандидатуры Гапановича в качестве официального представителя областной народно-революционной власти на Чукотке

нельзя признать удачным, ввиду его политических взглядов. Гапанович был антисоветчиком, правым эсером...» [16].

В одной из книг об анадырских революционерах проводится мысль, что «коммуна», то есть ревком, состоящий из коммунистов, был ядром Анадырского Совета, некоторых его беспартийных членов контрреволюционеры не тронули. В подтверждение этой мысли приведены выдержки из допроса Гапановичем Р. П. Михалёва 31 августа 1920 г.:

— Кто был на собрании, где было решено перебить коммуны? «Это было в доме Тренёва, там были Исупов, Рыбин, Чумаков, Герасимовский, Тренёв, Струков, Пчелинцев, Петрушенко, Еремеев и Соколов. Я тоже был...»

— Кто настаивал на убийстве коммуны вместо передачи её властям? «Первым закричал Рыбин, Чумаков, Еремеев, Тренёв, Струков и Соколов».

— Почему убили двух остающихся коммунистов вместо задержания? «Дабы скрыть за собою следы» [17].

Между тем на Чукотке во время анадырских событий в большевистской партии состояли лишь Мандриков и Берзинь. Остальные ревкомовцы числились «сочувствующими».

27 августа 1920 г. Еремеев, один из активных участников февральского расстрела, «явился на пост (полное название посёлка, где происходили основные события, Пост Ново-Мариинск, ныне г. Анадырь. — В. П.) ночью». Его хотели арестовать, но он открыл стрельбу и скрылся в неизвестном направлении. 29 августа были взяты «организатор расстрелов Пчелинцев и исполнитель Юсупов». Той же ночью преследователи заняли рыбалку, где прятался Еремеев. Однако он снова сбежал. На сей раз к тунгусам [18].

Активное участие в антиревкомовском перевороте принимали торговцы В. Д. Пчелинцев, В. И. Рыбин, В. Петрушенко и другие. Кто они и как появились на Чукотке? Доктор исторических наук Б. И. Мухачёв считает их бывшими старателями-золотоискателями, приехавшими в Анадырь ещё до революции. «Поиски золота у них были безуспешными. Но зато они поняли, что здесь можно хорошо нажиться на “мягком золоте”, организовав скуп пушнины с применением спиртных напитков. К 1917 г. они уже успели сильно разбогатеть и стать фактическими хозяевами Анадыря. Именно этим объясняется, что в 1918 г., когда в Анадыре был организован первый Совдеп, руководство в нём захватили торговцы. Председателем Совдепа стал Пчелинцев. Совдеп этот заявил о непризнании Совнаркома.

Во время свержения колчаковской власти в Анадыре торговцы рассчитывали, что на выборах они, как и в 1918 г., войдут в Совет и снова будут править в посёлке и в уезде. Постановление ревкома о недопущении к выборам эксплуататорских элементов выбило у них почву из-под ног. Национализация товаров лишила бы их окончательно влияния на население. И торговцы решили выступить против ревкома» [19].

3 сентября 1920 г. в Петропавловск в числе арестованных были отправлены участники убийства ревкомовцев Бессекерский и Герасимовский, оказавшие сопротивление властям. Как выяснилось, они, к тому же, оказались мародёрами: ограбили убитых при первом перевороте в декабре 1919 г. Газета, выходящая в Петропавловске, сообщала: всего по этому делу арестовано восемь человек, один выслан; освобождён из-под ареста Сукрышев; по-прежнему ещё не разыскан главный убийца Еремеев; в областной центр на пароходе «Томск» следуют Учватов, Калинин и Шустов, «последний самовольно» [20].

«Участники расстрела ревкомовцев были арестованы, — говорится далее в материалах юбилейного симпозиума, — но виновность их с юридической точки зрения Гапановичем доказана не была... Часть важных документов в деле отсутствует. Отсутствует, например, документ о баллистической экспертизе, организованной Чекмарёвым, Гроссом, Куркутским. Гапановичем не была проведена эксгумация трупов зверски убитых ревкомовцев...» [21].

Предварительные результаты работы комиссии И. И. Гапановича, не избежав неточностей в фамилиях, предал гласности печатный орган Камчатского облисполкома в октябре 1920 г. Вот эта публикация: «Последовательные перевороты в Анадыре зимой 1919—1920 внесли в жизнь нашей области элемент здесь до сих пор или не известный, или, во всяком случае, мало замечавшийся: поразительное ожесточение борющихся, приведшее к избиению трети населения п. Ново-Мариинского, где развернулись эти события. В связи со случившимся арестовано восемь человек: Тренёв, Рыбин, Пчелинцев, Исупов, Чумаков, Петрушенко, Герасимовский, Бисерский, которые сейчас доставлены на пароходе “Томск” в Петропавловск. По делу производится особой комиссией расследование, которая точно выяснит степень виновности отдельных лиц.

Общий ход событий представляется в таком виде. В середине декабря 1919 г. группой приезжих и местных рабочих с Михаилом Мандриковым, бывшим членом Учредительного собрания во главе, был совершён переворот, причём были арестованы

агенты прежней власти Громов, Толстихин, Суздаев. Переворот был поддержан также местными коммерсантами, которые в Анадыре являются противниками всякой власти, мешающей им обделывать свои дела. Коренное население отнеслось к произошедшему пассивно.

Вскоре пролилась первая кровь: были расстреляны арестованные, причём приговор был вынесен общим собранием граждан поста Ново-Мариинска. Позже в другом селении на р. Белой последовало убийство купца Малкова при обстоятельствах не вполне ясных. Наконец, в середине января 1920 г. при попытке бежать был застрелен купец Смирнов, арестованный в связи с расследованием убийства в бухте Кресты, к которому был причастен его племянник и компаньон. В этих расстрелах и убийствах, хотя не вполне ясно, но замечается рука некоторых местных коммерсантов, неожиданно проявивших симпатии к коммунистам и весьма заинтересованных в том, чтобы убрать своих крупнейших конкурентов.

Когда дело было сделано, надобности в революционном комитете не оказалось, тем более что Мандриков собирался проводить советскую программу не на словах только, но и на деле. Принудительные работы на Угольной, в которых должно было принять участие всё население по очереди, были поняты нетрудовым элементом как “каторжные работы”. Прекращение частной торговли также не могло улыбаться коммерсантам при всём их сочувствии советской системе.

Случай со Смирновым послужил поводом к назревшему восстанию. Группа граждан, пригласив на помощь рабочих с Угольной, подготовила план восстания, раздала оружие, распределила силы. В тот же день был убит секретарь революционного комитета Булатов, на другой день началась перестрелка между несколькими домами на посту и управлением, где находился комитет, во время ея в управлении были убиты из числа комитета Титов и Фисенко.

Через некоторое время Мандриков и его товарищи сдались. При сдаче произошло некоторое замешательство, при котором из сдавшихся был убит Гритчук и ранен Клецин, а через два дня они были расстреляны на реке Казачке. Кроме Мандрикова, погибли Кулиновский, Бучек, Голицкий, Волтер.

Захватившие власть лица организовали охрану, которая дней через десять задержала возвратившихся из Белой последних мандриковцев Березина, Мальсагова, которые также были убиты.

Новый совет с Рыбиным во главе, имея в своём составе главных деятелей убийств, был поддержан местными коммерсантами и жителями поста, коренные жители заявили протест против убийств. Совет, прикрываясь крайне левыми лозунгами, занял довольно стройное положение относительно Петропавловска, явно не считаясь с областным комитетом, не имея поддержки в коренном населении. Совет к приходу парохода «Ставрополь» распался и сейчас заменён уездным комитетом из лиц, не причастным ни к каким расстрелам и убийствам — ни первым, ни вторым.

Прибывшая в Анадырь администрация начала расследование обо всём случившемся из середины декабря и арест предполагаемых виновников, кроме немногих лиц, скрывшихся в Америку. Главный убийца, стрелявший даже в женщин, весьма опасный Еремеев, скрылся и, несмотря на все попытки, задержан не был. Сейчас он убит при столкновении с местной охраной, старавшейся его захватить» [22].

Дальнейший ход событий восстановил историк Н. А. Жихарев: «Народно-революционные власти на Камчатке достаточно объективных материалов следствия не получили и решили отправить всё дело и участников контрреволюционного переворота, в том числе, во Владивосток, а там из-за недостаточного обоснования их виновности они вскоре были освобождены и некоторые из них вернулись обратно в Анадырь» [23]. Кое-кто мог осесть в Петропавловске. Среди его жителей 1922 г. встречается фамилия — Бессекерский — с указанием рода и места деятельности — «плотник на Кошке».

После окончательного установления советской власти в Охотско-Камчатском крае вновь поднимается вопрос о наказании убийц. В протоколах Камчатского губбюро за 1923 г. имеются две записи на эту тему. Одна с упоминанием Тренёва и Юсупова (пр. № 9 от 27 апреля) представляет собой постановление, суть которого — «затребовать материал от прокуратуры» и выяснить, возможен ли разбор этого дела на месте, то есть Камчатгубревкомом.

Другую запись (пр. № 12 от 16 июня 1923 г.) привожу целиком: «2. О Тренёве и Журове (участниках Анадырского массового убийства). Тринёва и Исупова, в целях социальной защиты, из-под стражи освободить. Учватова, принимавшего участие в числе прочих в Анадырских убийствах и находящегося на о. Беринга, арестовать и доставить в Петропавловск. Тренёва, Исупова и Учватова со всем делом направить во Владивосток с остальными участниками Анадырского убийства, находящихся на материке» [24].



Следствие, а затем и суд над ними состоялся 3 апреля 1924 г. во Владивостоке. Распорядительное заседание судебной коллегии Приморгубсуда, уголовного отдела, рассмотрев дело № 349 в четырёх томах «Об убийстве председателя и членов Анадырского ревкома, поступивших от старшего следователя т. Ватчикова на прекращение», вынесло постановление: «Дело производством прекратить, меры пресечения отменить» [25]. Это объяснялось, опять-таки, недостаточностью доказательной базы комиссии 1920 г. во главе с И. И. Гапановичем. Замешанные в расстреле ревкома вновь не понесли наказания. Биссекерский, Желтухин, Матвеев и Петрушенко в 1929—1930 гг. преспокойно разгуливали на свободе [26]. Их видел Д. Ф. Завалей, свидетель по делу анадырского коммерсанта Григория Ивановича Хаустова [27]. Правда, есть сведения, что в начале 1930-х гг. Матвеев, Бессекерский и Желтухин были преданы суду коллегии ОГПУ. В отношении Юсупова известно только то, что, по предположению НКВД, он в конце 1938 г. проживал во Владивостоке [28].

Итак, по истечении десяти лет с момента убийства ревкомовцев ОГПУ вновь привлекает к ответственности его участников, в том числе Ивана Флорентьевича Львова, 1899 г. р., уроженца чукотского посёлка Марково, камчадала, крестьянина-единоличника, имевшего на момент ареста (1933 г.) семью из пяти человек. Вместе с другими жителями Сероглазки он в 1918 г. свергал советскую власть в Петропавловске [29].

В 1919 г. Львов переместился на Чукотку. «Я ехал в Анадырь, — рассказывал он на допросе 1 апреля 1933 г., — не простым работником, а белым милиционером, верней полицейским при Толстихине. Со мной ехали такими же полицейскими: с Сероглазки Черных Николай Алексеевич (сидит здесь), налычевский Крючков Иван, петропавловский Аксёнов... Спустя недели две пришёл второй пароход, на котором приехали в помощь Толстихину для управления... Громов, Суздалов, Куликовский, Берзин, Мандриков...» [30].

Здесь требуется уточнение: делегат II областного съезда, учитель Усть-Камчатского приходского училища Иннокентий Михайлович Громов приказом комиссара Камчатской области от 31 октября 1918 г. был утверждён товарищем председателя отдела народного образования. В мае следующего года он — исполняющий обязанности управляющего Петропавловским, а через месяц Анадырским уездом [31].

«По приезде всех перечисленных в Анадыре образовалась белая власть, — продолжает И. Ф. Львов, — я уже к тому времени служить в полиции у Толстихина бросил и работал сначала у Свенсона (американский торговец. — В. П.), а потом перешёл к Тринёву, так как он больше платил» [32]. О том, что он был каюром у Хаустова, по словам последнего, Львов не упоминает. Кстати, приводимое ниже начало его допроса несколько противоречит тому, что было процитировано: «Весной 1919 г. стали набирать людей для службы в белой милиции. Я не желал служить вообще... сел на первый отходящий на Чукотку пароход и уехал, остановился в Анадыре и поступил служить рыбаком к Свенсону. Одновременно со мной тем же пароходом в Анадырь ехал для установления колчаковской власти представитель от колчаковцев местный казак Толстихин Иннокентий» [33].

«Таким образом, к апрелю колчаковская власть оформилась окончательно, просуществовала до декабря 1919 г., а в декабре красные... с Мандриковым свергли ставленников колчаковской власти и организовали Анадырский ревком. Вношу ясность: Мандриков и Берзин, впоследствии ставшие активными организаторами ревкома, приехали в Анадырь в числе колчаковцев и уже в Анадыре перешли на сторону красных, то есть советской власти» [34].

Это не согласуется с утверждением современного автора Е. Рожкова, что Мандриков устроился вахтёром продовольственного склада и в таком качестве при довольно заурадной внешности он вряд ли мог понравиться местной замужней красавице Елене Бирич (в девичестве Чернец).

О красоте Елены Дмитриевны, пишет Рожков, в былые времена и теперь ходят легенды. Посмотреть на «солнечную женщину» чукчи приезжали в Ново-Мариинск из глубинки, усаживались у крыльца дома и часами ожидали её появления. До нас дошло описание этой женщины: белое славянское лицо, зелёные глаза, каштановые волосы, гибкий стан. Она, судя по поступкам, была умной, волевой и решительной. Её связь с Мандриковым стала известна всем после переворота, когда он сделался главным начальником Чукотки. Внимательно рассматривая «каноническое» фото Мандрикова, не поспоришь с физиономистом, предположившим, что тот был волевым, решительным, тщеславным, не великого ума, с повышенной сексуальностью.

«Переворот произошёл 16 декабря 1919 г., а уже в конце декабря на заседании ревкома член этого комитета моторист Фесенко

настаивал, чтобы Мандриков бросил свою сожительницу... которая, подобно княжне, погубившей Степана Разина, погубит и Мандрикова, и весь ревком. (Такого же мнения, считает Жихарев, придерживался и Берзинь. — *В. II.*)

Позже Фесенко был изгнан из ревкома. Возможно, разногласия в ревкоме насчёт сожительства Мандрикова с красавицей Бирич и послужили причиной слухов о том, что жена богатого коммерсанта стала насильно любовницей большевика Мандрикова. Среди рабочих Угольных копей ходили слухи, что большевики Ново-Мариинска, захватив власть, отбирают чужое имущество, чужих жён и готовятся с награбленным уехать в Америку» [35]. Почему в Америку? Ну, во-первых, до неё — рукой подать, а во-вторых, просочились они именно оттуда. Доля правды в том была: по сведениям Ф. Л. Слободчикова, как уже говорилось, двое из них — Я. Мальсагов и А. Вальтер — действительно прибыли на Чукотку из Северо-Американских Соединённых Штатов.

Магаданский автор А. Соргов называет Мальсагова, Мандрикова, Берзина и Галицкого гастролёрами революции, заявляя, что они начали устанавливать новую светлую жизнь с расстрелов. «После расстрелов представителей дореволюционной администрации (а точнее, колчаковской. — *В. II.*)... ревком занялся грабёжом русских и американских коммерсантов. Торговый агент, гражданин США (неправильное обозначение тогдашнего государства. — *В. II.*) Маклярен отказался продать ревкому свои товары по цене в десять раз меньше обычной и стал первым при советской власти заключённым тюрьмы Ново-Мариинска».

В связи с этим краевед приводит предупредительную запись в документах старой администрации относительно Я. Мальсагова: отбывал тюремное заключение в Америке за вооружённый грабёж. Там же имелась аналогичная запись насчёт М. Галицкого, судимого за конокрадство.

Вторую жертву — соотечественника Маклярена Мормона Мартинсона — ревкомовцы «отправили на принудительные работы в п. Марково» [36].

Прервём, однако, современное толкование событий «советским вкраплением». 20 января 1920 г. президиум Марковского Совета постановил: «Мартинсона на службу не брать, а выдать ему из склада норму продуктов, и плату за взятые продукты истребовать от компании Свенсон» [37]. «Бывшего белогвардейского офицера, торгового агента американца Свенсона» Мартинсона, отказавше-

гося подчиниться Совету, последний в самом деле принудил «как врага народа» к общественным работам.

После решения Совета он сдал по акту наличные деньги и по требованию красных дал подписку не покидать без разрешения Совета Марково и не подрывать советскую власть агитацией и слухами. «При неисполнении сей подписки согласен принять все меры наказания, предвиденные Революционным Трибуналом...» [38]. Кроме этого, по предложению Берзиня, Марковский Совет наложил пятипроцентный сбор на доходы Свенсона в пользу местного бюджета.

А. Соргов продолжает: народная власть реквизировала товары Олафа Свенсона — продолжателя дела своего отца Хаббарда, который основал меховую фирму в Сиэтле и активно торговал с Чукоткой. Среди чукчей первым экспроприированным оказался Аренкау, «чьё имущество забрал Август Берзин, заключив несчастного в тюрьму в посёлке Марково. Берзин же хотел взять заложников из числа жителей Ново-Мариинска и расстреливать их по мере надобности (до Чукотки он расстреливал людей в Хабаровске)» [39].

Когда в конце июня 1933 г. чекисты арестовали ещё одного участника анадырских событий «со стороны контрреволюции» И. Н. Перепечко, ему шёл пятьдесят третий год. Жил Иван Николаевич тогда уже в Апуке на Камчатке. А на Чукотку он приехал тридцатилетним, демобилизовавшись в чине младшего унтер-офицера. Сначала поработал на промыслах рыбопромышленника Грушецкого, затем подраядился на разведку золотых россыпей в районе реки Белой...

Хозяйство Перепечко в период коллективизации советская власть определила как середняцкое. Лодка и рыболовные сети — всё, что он имел до и после 1917 г. Семья состояла из жены и четверых детей. Был Перепечко малограмотным, где и когда учился, в анкете арестованного не указано.

Вспоминая своё анадырское житьё-бытьё (1910—1922 гг.), Перепечко подчёркивал, что специально торговлей не занимался. Просто, уходя на охоту, он, как и другие, брал с собой излишки продовольствия (муку, крупу, сахар, чай) и обменивал их у чукчей на пушнину — лису, оленьи выпоротки, пыжики...

«После свержения царской власти в 1919 г. к нам приехали колчаковцы...» [40]. Имеется описание их приезда: «В середине сентября 1919 г. на рейде Анадыря стал пароход Доброфлота “Томск”, прибывший из Владивостока через Петропавловск.

У причала собрались почти все жители посёлка. Был среди них и Вальтер Аренс. Он наблюдал, как хлебом и солью встречали Бесекерский, Желтухин, Бирич представителей власти Колчака, которых доставили с парохода первым катером. Он видел, как высаживались другие пассажиры. И среди них, возможно, он заметил высокого, лет тридцати двух мужчину в фетровой шляпе, в меховом пальто и резиновых сапогах. Его вполне можно было принять за нового коммерсанта. А через несколько дней, зайдя в казённый магазин, Аренс мог увидеть, как этот “коммерсант” ловко торгует за прилавком, отпуская различные товары посетителям» [41]. Это был Мандриков.

Перепечко показал на допросе в ОГПУ: «Власть Колчака существовала очень немного и в конце 1919 г... была расстреляна революционным комитетом, во главе которого стоял некто Мандриков. Имея членов ревкома двенадцать человек... Причиной расстрела революционного комитета было то, что ревкомом без всякого ведома были расстреляны два коммерсанта Смирнов и Малков» [42]. Склады последнего в с. Белая были забиты продовольствием, но цены купец держал высокие, брал за товары не деньгами, а пушной и золотом. И, как следствие, — «единодушное требование людей — “убить Малкова”. Стихийный взрыв негодования, лютой ненависти к купцу-мародёру не смогли сдержать ни Берзинь, ни Куликовский, ни Куркутский. Ревкомовцы посовещались, устроили Малкову допрос, затем единодушно поддержали требование собрания. Поздно вечером Малкова расстреляли» [43].

Такого предписания Берзинь не получал, но арестовывать коммерсантов-противников соввласти и их имущество «объявлять народным достоянием, присоединяя его к народной продовольственной организации», он право имел, согласно удостоверению, подписанному председателем Анадырского совдепа Мандриковым и секретарём Куркутским.

Что касается второго расстрелянного коммерсанта — Смирнова, то советские исследователи убеждены, что он был арестован 20 января 1920 г. как один из организаторов заговора против ревкома. Поводом к его аресту было привезённое чукчами из Крестов письмо, где сообщалось об убийстве Л. Ф. Киселёва. Об этом человеке рассказали на симпозиуме 1969 г. учёные-историки Е. Ф. Ольшевская и Б. И. Мухачёв: «У залива Креста находится могила Киселёва Лаврентия Фёдоровича. Киселёв был направлен на Чукотку как уполномоченный большевистского Камчатского областного Совета. Ему поручалось организовать

на местах Советы и разъяснить населению сущность Советской власти. В Ново-Мариинск он прибыл 4 июня 1918 г. Ознакомившись с положением дел на месте, он принял меры для реорганизации Анадырского Совета торговцев в настоящий орган Советской сласти. Он добился положительного решения о сборе пушного налога с торговцев, как русских, так и иностранных. Завершить работу по созданию Советов на Чукотке ему помешал контрреволюционный переворот в Петропавловске в июле 1918 г. Погиб Л. Ф. Киселёв трагически в заливе Креста от рук торговцев» [44].

Ревкомовец И. Клецин вспоминал: «Мандриков хочет видеть это письмо, приходит к Смирнову, стучит. Смирнов не хочет пустить в квартиру. Через несколько времени открыл дверь. Мандриков говорит: “Где письмо с Крестов?” Смирнов дал письмо. Письмо было подозрительным. Тогда он был приглашён в комитет для допроса... Когда у Смирнова при обыске обнаружили 65 патронов... спросили: “Что у вас патронов много в карманах?” Он молчал. Потом Мандриков вызвал Булата, Галицкого. И они пошли на квартиру Смирнова делать обыск» [45].

Из допроса Перепечко в 1933 г.: «Против расстрела Смирнова и Малкова стали коммерсанты Тринёв, Петрушенко, Сукрышев, Калинда, Учватов, Бессикерский, Желтухин, Львов и я, Перепечко. Мы говорили, что, если это революционный комитет, то так делать не должен без ведома общего собрания граждан и суда не должен производить никаких расстрелов, и мы решили этот революционный комитет переизбрать и выбрать новый комитет, поставив его работу в определённые рамки. О переизбрании революционного комитета было донесено председателю ревкома т. Мандрикову, которым было заявлено, что я власти не отдам до тех пор, пока вы не перешагнёте наши трупы. После такого заявления председателя ревкома Мандрикова всё купечество и я, и рабочие угольных копей стали на страже и внимательно следить за тем, чтобы ревкомитет не производил никаких арестов, если кого арестует, то требовать освобождения» [46].

А. Соргов упоминает о вооружённом сопротивлении коммунистам под началом бывшего фельдшера Черепяхина, сплотившего вокруг себя обворованных и ограбленных. Его небольшой отряд (куда входила также американка Микаэла) отбивал, по словам краеведа, товары у ревкомовцев и даже освобождал с боями населённые пункты Чукотки. И всё это длилось на протяжении нескольких месяцев. Потом командир отряда погиб [47]. Непонятно,

о каких месяцах идёт речь, если доподлинно известно, что ревком просуществовал не больше шести недель.

В советской краеведческой литературе упоминается фельдшер Черепяхин, который занимался не лечением больных, а привозил в Марково разные товары, «особенно спирт, и продавал втридорога, вместо денег брал пушнину» по самым низким расценкам. 22 января 1920 г. Марковский Совет постановил «всё имущество, принадлежащее Черепяхину, национализировать в пользу бедного населения бесплатно» [48].

Перепечко говорит, что Смирнов и Малков были расстреляны вечером в первых числах января 1920 г. и в ту же ночь состоялось собрание, созванное коммерсантами Тринёвым, Бессекерским, Лучининым, Сукрышевым, Юсуповым, Струковым, Перепечко, Соколовым, Чумаковым, Миколевым, Рыбиным, Еремеевым и Подголевским.

«Всего на собрании присутствовало сорок шесть человек. Собрание проходило в доме Бессекерского. Перед началом собрания мы выставили по Анадырю свои посты по наблюдению за зданием ревкома... было установлено, что ревкомитет переносит оружие из склада английской (видимо, оговорка. — *В. П.*) фирмы Свенсона в здание Народного дома, где он и размещался.

На собрании коммерсантов, части служащих и рабочих угольных копей обсуждался вопрос: какие меры принять к революционному комитету. Я, Перепечко... внёс предложение такого содержания: что революционный комитет нужно взять на выморозку с таким расчётом, чтобы ревкомитет сдался живым, так как в то время был сильный мороз, за углём для топки здания ревкому нужно было выходить на улицу, а на улице у нас стояли посты, которые ожидали их выхода из здания.

Наше собрание продолжалось всю ночь и часов до десяти утра, и вдруг ниоткуда часов в десять утра оказались выстрелы. Мы... выбежали из дома Бессекерского на улицу, начали стоящих на посту спрашивать, кто стреляет, постовые также отвечают, что откуда ведётся стрельба, заметить невозможно. Через минут десять-пятнадцать, когда стрельба участилась, участники собрания, в том числе я, Перепечко, заметил, что стрельбу ведут из дома радиостанции по Нардому, где размещался ревкомитет, и тут же заметно, что ревкомитет, в свою очередь, также открыл стрельбу по радиостанции. Из толпы лиц, выбежавших на улицу... открыли огонь, то есть стрельбу, по ревкомитету гражданин Еремеев и Подгольский» [49].

До обстрела ревкома на крыльце тренёвского дома был убит А. Т. Булат (Булатов), который расклеивал по посёлку решение ревкома о сдаче населением Анадыря нарезного оружия. Считается, что стрелял Д. Д. Струков из соседнего дома, где жил Бессекерский. Оттуда же, согласно советским источникам, и начался обстрел: в коридоре этого дома имелись специально проделанные бойницы. Те же источники утверждают: стреляли по зданию ревкома и с чердака дома Учватова, а в домах Сукрышева и Петрушенко также сидели вооружённые люди. План заговорщиков был прост: окружить здание со всех сторон и не позволить ревкомовцам держать оборону.

Используемая Е. Рожковым дата этих событий традиционна: «Утром 31 января 1920 г., на пятнадцатый день мятежа, по зданию, где находились ревкомовцы, был открыт огонь из винчестеров. В здании в это время находилась и Елена. Во время стрельбы она спряталась за кирпичную печку, вытолкнув оттуда одного спрятавшегося ревкомовца. Вести переговоры с коммерсантами с белым флагом Мандриков послал именно Елену Бирич. Он не пошёл сам, не послал никого из своих подчинённых. А в здании находились восемь мужчин, бывших солдат, участников боёв. Посылая “любимую” женщину, Мандриков верил, что в неё стрелять не будут? Возможно, она сама пошла под пули? Семь месяцев спустя, давая показания следственной комиссии, жена убитого радиста, ревкомовца Титова, Анна Титова обронила страшную фразу: “...была отправлена жена Мандрикова с белым флагом по направлению к Сукрышеву, над ней там надругались”. Заговорщики находились в доме Сукрышева и стреляли оттуда. Впоследствии распространились слухи, что Елена Бирич была подсадной уткой в стане ревкомовцев. Будто она передавала коммерсантам все секреты ревкомовцев. Какие секреты? Ведь в составе ревкома был коммерсант Тренёв, который позже встал в ряды заговорщиков» [50].

По прошествии полувека в Анадыре показали спектакль, посвящённой ревкому, где Е. Бирич была выставлена обольстительной самкой. В постсоветское время в чукотском эфире прозвучала радиопьеса с диаметрально противоположной Еленой — хрупким романтическим созданием, раздавленным грубой революцией.

Е. Рожков убеждён, что «такую сильную, волевою женщину, решившуюся идти под пули, вряд ли заставишь силой стать любовницей... Если отбросить политическую кровавую чехарду, которая разыгралась на берегу Анадырского лимана в 1920 г., когда



было расстреляно шестнадцать человек, то чисто по-человечески волнует яркая любовь между красавицей Еленой Бирич и отпетым бунтовщиком, революционером-большевиком Михаилом Мандриковым. Те три десятка дней, что судьба подарила этим двум мужественным людям, были наполнены сомнениями, кровью, но, видимо, были и самыми счастливыми в их жизни» [50].

В рассказе И. Н. Перепечко белый флаг есть, а красавицы Елены Бирич нет. «Стрельба продолжалась всего не более одного часа, после чего революционным комитетом на крыльце здания, в котором находился ревком, был выброшен белый флаг. Как только был выброшен белый флаг ревкома, то Рыбин написал записку и послал с одной женщиной (фамилию которой я не знаю, но знаю, что она проживала на квартире на радиостанции) председателю ревкома Мандрикову, которому было предложено, чтобы ревкомитет выходил из здания по одному с поднятыми руками вверх без оружия и шли к дому Бессекерского, так и было сделано.

К дому Бессекерского пришло ревкома всего пять человек, остальные два человека во время стрельбы были убиты и три человека, выбежавшие из здания во время стрельбы, были ранены. Сдавшиеся члены ревкома в количестве пяти человек во главе с Мандриковым были тут же арестованы и посажены в тюрьму, которую охранял я лично, Перепечко Иван Николаевич, попеременно с Пчелинцевым и Зубковым. В тюрьме арестованные члены ревкома сидели всего два дня, после чего были переведены в дом Бессекерского для производства дознания.

Допрос производила выбранная комиссия, в которую входили колчаковец Соколов, Михалёв и Рыбин. Остальных трёх человек не знаю. Комиссии было поручено во время ведения допроса дать свои заключения, какие меры предпринять к арестованным членам ревкома, которая отказалась внести свои решения по делу арестованных... и дело было передано на решение общего собрания селения Анадыря. Числа 8—9 января днём было собрание в доме Тринёва... не помню, как было дело — дано предложение, так как я в это время отсутствовал — что арестованных членов ревкома пять человек нужно расстрелять. Данное предложение было проголосовано единогласно» [51].

По словам И. Н. Перепечко, на это собрание пришло от пятидесяти до шестидесяти анадырцев. Часть их он помнил, и их фамилии значатся в протоколе допросе 17 июля 1933 г.: «Тринёв — коммерсант, в 1928 г. служил во Владивостоке; Соколов — заведующий цинковым складом колчаковского правительства, где

проживает, неизвестно; Пчелинцев Василий — углекоп и рыбак, в 1926 г. работал в Совгавани, недалеко от Николаевска-на-Амуре; Петрушенко — коммерсант, по слухам, проживает в Анадыре и работает рыбаком; Рыбин — мелкий торговец, в 1927 г. служил в одном из комбинатов г. Владивостока; Михолёв — мелкий торговец, служил во Владивостоке; Сукрышев — моторист катера, в 1927—1928 гг. служил мотористом в Тиличихах... Подгаевский — сторож рыбалки Грушецкого, в 1924 г. проживал в Анадыре; Лучинин — коммерсант, где проживает, неизвестно; Чумаков — печник, углекоп, в 1926 г. я лично видел его в г. Владивостоке, работал в союзе печников; Львов — чем занимался, мне неизвестно; Калинда — служащий радиостанции, где проживает в данное время, мне неизвестно; Клюкин — сторож радиостанции в Анадыре, где проживает в настоящее время, не знаю; Желтухин — мелкий торговец, по слухам, проживает... в Анадыре; Щеглюк — прошлое мне неизвестно, он был приезжий, в 1926 г. видел лично во Владивостоке... Сократ — служащий радиостанции в Анадыре, работает в настоящее время в Анадыре; Редров — занимался мелкой торговлей, проживает в Анадыре; Никитин — рыбак, в данное время... в Анадыре; Кочур — служащий радиостанции в Анадыре, в 1924 г. видел во Владивостоке, а где проживает... не знаю» [52].

Некоторые из перечисленных лиц фигурируют у Н. А. Жихарева как «трудящиеся», выразившие готовность сразу же после захвата власти ревкомом помогать ему в охране общественного порядка. «Это Зубков — рабочий, охотник, рыбак, русский по национальности, старожил Анадыря. Глушков — охотник, камчадал, местный житель. Кузьминский — рыбак, местный житель, чуванец, член Анадырского совета. Никитин — охотник, рыбак, местный житель, чуванец. Чумаков — охотник, местный житель, камчадал...» [53].

Этой их готовности, сообщает далее историк, предшествовало ревкомовское совещание 19 декабря 1919 г., куда пригласили представителей «пролетариата», а именно: Зубкова, Глушкова, Подгаевского, Кузьминского, Нацibuлина, Чумакова, С. Шарыпова, Никитина, Сократа, Пчелинцева, Джека, Назарова, Рыбина, Цори [53].

...В ОГПУ Перепечко вспомнил ещё одного участника собрания, где единогласно решили расстрелять ревкомовцев, — углекопа Еремеева, объявленного летом 1920 г. главным убийцей. О себе Иван Николаевич сказал так: «Я... когда голосовали за расстрел,

не был, я стоял на посту, охранял всё время арестованных в доме Бессекерского и у тюрьмы... но я лично также был за то, чтобы расстрелять арестованных пять человек, именуемых себя членами ревкома» [54].

После окончания собрания, продолжает Перепечко, «часов в девять вечера арестованные были выведены из дома Бессекерского, которые были обмануты под предлогом отправки их в тюрьму, и все присутствующие на собрании повели их по направлению, дойдя до речки (Казачки, в самом селении. — В. П.), по арестованным... был открыт огонь залпом, так как все присутствующие имели оружие — винчестера. Я... в арестованных не стрелял по причине того, что у меня не было винчестера, а только наган, взятый у убитого члена ревкома во время перестрелки» [55].

А у И. Ф. Львова, осуждённого в 1934 г. к высшей мере наказания по делу «Автономная Камчатка», винчестер, в отличие от Перепечко, имелся. «Я лично, — заявил он, — дал по ревкомовцам два выстрела, в кого мои пули попали, не знаю... Нами были расстреляны числа 10-го февраля 1920 г. следующие члены Анадырского ревкома: Мандриков, Берзин, Волторов, Куликовский, остальных фамилий не знаю, всего... десять человек» [56].

В одной из анкет Истпарта (комиссии по истории Октябрьской революции 1917 г. и компартии) указан другой день гибели ревкома. «...2 февраля 1920 г. в пять (вечера. — В. П.) во время перевода из штаба в тюрьму на льду Казачки раздался залп, и Мандриков с тт. Кулиновски, Бучек, Галицким, Волтером, Гринчуком были убиты... т. Мандриков сказал, что вам отомстят, другие же упали...» [57]. Что касается бывшего угольщика Гринчука, работавшего ранее у Рыбина, здесь явная неточность. Он умер в больнице, раненый выстрелом в живот, когда ревкомовцы с поднятыми руками вышли из своего здания и двинулись к дому Бессекерского.

Кто не удержался, чтобы сразу расправиться с пленным, установить не удалось. Версия историка Н. А. Жихарева: Семён Гринчук как завпрод занимался учётом товаров коммерсантов, проводил в жизнь ревкомовское решение о национализации рыбалок, вводил контроль над ценами; похоже на месть [58].

«Мандрикова, — пишет Е. Рожков, — расстреляли, по сути, на глазах Елены. Хотя ни её бывший муж, ни свёкор в расстреле не участвовали, но стреляли знакомые, бывшие друзья» [59]. Однако тот же Львов называет в первом ряду Бирича, правда, без имени-отчества, и непонятно, кто это — то ли муж Елены Трифон, то его

отец Павел Георгиевич (степень их родства с известным на Дальнем Востоке рыбопромышленником Х. П. Биричем не установлена).

Львов не говорит, как Перепечко, что расстреливали «всем коллективом». Он перечисляет тех, кто стрелял, пофамильно. «В расстреле участвовали Рыбин и Тринёв — руководители, далее — Бирич, я, Львов, Калинда Михаил, Беляев (живёт в Америке, его имя Василий), Лучинин, живёт в Никольске-Уссурийске, Зубков в Петропавловске работает в озерновских аковских складах, Матвеев, Петрушенко Василий Максимович в 1929 г. жил в Никольске-Уссурийске, после 1929 г. оба были в Анадыре. Петрушенко арестован ОГПУ в 1931—1932 гг., Желтухин... в 1932 г. Магонин Иннокентий Павлович живёт в Анадыре. Учватов Иван работает на радиосвязи, но где не знаю. Клинин... живёт в Петропавловске по Ленинской улице. Рыбин Пётр Васильевич в 1922 г. выехал во Владивосток, Бирич скрылся в Америку, Калинда живёт в Петропавловске, работает на радиостанции. Тринёв Иван Дмитриевич в 1930 г. жил во Владивостоке» [60].

Перепечко: «После расстрела ревкома сейчас же трупы людей были убраны, участниками расстрела была вырыта общая могила, и в этот же вечер люди были захоронены» [61]. Львов: «...трупы убирали я, Львов, и Магонин Иннокентий Павлович на Анадырское кладбище» [62].

...7 февраля 1920 возвращавшиеся на нартах из командировки комиссар охраны Чукотки Берзинь и его помощник Мальсагов, а также делегат от Марково Борисов при въезде в Анадырь были обстреляны из винчестеров. «Опытный Борисов упал в снег. Полагая, что это какое-то недоразумение, упали в снег Берзин и Мальсагов. Стрелявшие схватили их, отобрали оружие, посадили под арест. Днём 8 февраля был učinён им допрос, а вечером... их расстреляли...» [63]. Произошло это по пути в тюрьму, всего в нескольких десятках шагов от дома Бессекерского, где их содержали под стражей. При эксгумации перед перезахоронением ревкомовцев в сентябре 1969 г., у Берзиня, помимо пулевого отверстия в спине, было обнаружено также несколько тяжёлых рублевых ран — причём посмертных. Надругались над его телом, по утверждению местных жителей, Д. Д. Струков, Н. М. Соколов и американец Рудольф Рули [64]. Мальсагов, обернувшись на выстрел в товарища, получил пулю в живот. Их обоих и Гринчука (он — единственный, кто «удостоился» гроба) погребли в одной могиле отдельно от других ревкомовцев.

«Нет сомнения, что стреляли из близкого расстояния и, по всей вероятности, неожиданно. Так было расстреляно большинство членов ревкома», — докладывал на симпозиуме руководивший эксгумацией Чукотский окружной прокурор В. М. Зайцев. «Если процесс эксгумации Берзина, Мальсагова и Гринчука не представлял особой сложности, так как грунт состоял в основном из песка, гравия и сухой пористой почвы и захоронение было неглубоким, то извлечение тел остальных... Мандрика, Титова, Вольтера, Фесенко, Галицкого, Бучека, Булата и Кулиновского было сопряжено с трудностями.

Углубившись более метра в землю, мы обнаружили группу обледенелых трупов, уложенных друг на друга в беспорядке, вмёрзших в грунт. Товарищи, привлечённые для этого, действовали кирками, ломami, лопатами. И всё-таки отделить один труп от другого было невозможно. Посоветовавшись, мы решили использовать пожарные машины. С помощью тёплой водяной струи работа пошла быстрее. Их удалось освободить от мёрзлого грунта и льда.

В могиле они располагались в таком порядке: сверху лежало три трупа, под ним — четыре, внизу — один. Одеты в зимнюю одежду. На большинстве она сохранилась хорошо... Парфентьев и Синицкая (участник погребения ревкомовцев и старейшая жительница посёлка. — В. П.), указав на лежавшего с правого края вторым, заявили, что опознают в нём М. С. Мандрикова: по светло-русым волосам, по сохранившимся усам, крепкому телосложению, высокому росту и одежде.

...Мандриков был одет в кухлянку, китель зелёного цвета. Под кителем — свитер серого цвета. Брюки — тёмно-серого цвета, на ногах торбаса. Китель, брюки и свитер сохранились и даже не потеряли своей прочности, цвета. Китель передан в окружной музей. На четвёртом пальце левой руки Мандрикова обнаружен золотой перстень, который также передан в музей.

Экспертами установлено, что у Мандрикова входное огнестрельное ранение располагается со стороны спины у нижнего края правой лопатки. Выходное огнестрельное ранение расположено на передней брюшной стенке на уровне рёберной дуги справа. В глубине огнестрельной раны Мандрикова обнаружена ткань одежды.

Булат, Титов, Вольтер, Бучек, Фесенко, Галицкий, Кулиновский были подвергнуты внешнему осмотру... Черты лица, кожные покровы, волосы на голове сохранились. Ушные раковины, кончики носа остались без повреждения. Но, находясь длительное время под давлением грунта, тела получили некоторую деформацию. Каких-либо повреж-

дений на лицах и телах погребённых ревкомовцев, кроме огнестрельных, мы не установили. Не установили также признаков, которые бы свидетельствовали о том, что тела таскались и поедались собаками, как об этом пишут некоторые историки.

...В процессе осмотра одежды погибших ревкомовцев из группы Мандрикова были обнаружены их личные вещи и предметы. У многих найдены носовые платки. У Титова — комиссара радиостанции — квитанции телеграмм, адресованные в Москву, Петропавловск, Мильково и прочие места, разбитый мундштук, спички. У Вольтера — патрон от огнестрельного оружия американского образца, нагрудный крестик, курительная трубка, ремень. У Галицкого — зажигалка, у Бучека — монета иностранной чеканки, карандаш» [65].

«После расстрела пяти человек ревкома, точно не помню через сколько дней, — вспоминал Перепечко в ОГПУ, — было собрано собрание в Народном доме, где был выбран Совет, куда вошёл Рыбин — мелкий торговец, был председателем Совета, и секретарём Совета был избран Биричев, сын очень богатого купца» [66].

К тому времени относится письмо Т. Бирича Рыбину, в котором он спрашивает, «достаточно ли будет постановления Совета относительно товаров коммерсантов... как гарантии им о своих товарах». Они, считает Бирич, могут пожелать «что-нибудь более фундаментальное, чем постановление» [67].

«Рыбинский “совет” восстановил полную свободу торговли, сборов долгов с населения, повысил цены на товары» [68].

«Выбранный нами комитет был поставлен в работе в определённые рамки, — утверждал Перепечко, — крупные дела решать на общем собрании, а мелкие решать самому... Всего этот совет продержался пять месяцев, то есть с января по май включительно и по прибытию парохода был избран новый комитет, куда вошёл председателем комитета некто Сошин. (Сошин, бывший матрос. — В. П.) С Анадыря я уехал в 1922 г. в г. Владивосток, как было дальше, не знаю.

Виновным себя в расстреле не считаю, потому что расстрелянные пять человек, именующие себя членами ревкома во главе с Мандриковым, это был не ревком, а какая-то банда разбойников, которые хотели ограбить казну, и в настоящее время я, Перепечко, не верю, что это был ревком» [69].

...Тема гибели революционеров «в борьбе за рабочее дело» на Чукотке привлекала многих деятелей литературы и искусства. Произведения создавались в самых различных жанрах. Перу

Алексея Власова (г. Петропавловск-Камчатский) принадлежит поэтический реквием «Первый ревком» [70]:

*Крылом победы прошумят года,  
не о могиле я и не о смерти,  
не о цветах я и не о рассвете,  
который им не встретить никогда.  
Не о студёной красоте зари.  
Их будут долго ждать сердца и пашни,  
напрасно ждать, уж не пройдутся парни  
под ясным сводом северной земли.  
Но это ли, ответь мне, поражение?  
Они преодолели тлен в двойне,  
как преодолевают притяженье  
ракеты, уходящие к Луне.*

*В платке снегов река Казачка,  
и в грудь, как камни, пуль прибой.  
Казачка, что же ты, землячка,  
их не прикрыла там собой?..  
Нет, нет, река не виновата  
Как будто жар, как будто стон,  
от солнца утра до заката  
в ней лики огненных времён.*

— Никто не уложит вас в гроб тесовый,  
никто не наденет рубашку чистую, —  
в церковь матери тропкой сонной  
отпевать идут коммунистов. —  
Ночи чёрные, ночи-вороны  
подкосили им ноги старые.  
Во какой земле спят спокойно  
наши детушки — комиссары?..  
Не дойти нам до их могилы.  
Нам дойти б лишь до той земли,  
мы бы плачем их не будили,  
а тихонечко рядом легли.  
Что ж вы, сосны, с вестями поздно?  
Как, скажите, погибли они?  
И ответили сосны: — Как сосны!  
Несгибаемы и стройны!  
К ним рассветы сходят со знамени,  
но лежат они, как снопы.  
Мать-Чукотка, прикрой глаза им!  
Это тоже твои сыны!

*Горы, как древние кобзари.  
Знамя на снег не уронено.  
Его, высокое до зари,  
к нам донесли эскадроны.  
Золотом не подкрашено,  
как правда оно. Как синь.  
Мы, новой эпохи граждане,  
не видели павших в полынь.  
Но эту ненависть  
и эту любовь  
мы верно проносим с тобой.  
Потомки!  
Слушайте эту историю,  
чтоб вы её вновь передали потом,  
как знамя,  
вручил нам которое  
Чукотский первый ревком.*

*Голубые звёзды не погаснут  
в их глазах за сотни-сотни лет.  
Продолжает заседание  
красный революционный комитет.  
Распахнув гигантские шинели,  
комиссары Севера поют.  
В тишине, как голубые ели,  
вот они в крутых ветрах идут!  
След по следу, по тропе Свободы,  
по седым сугробам января.  
В песню! Через годы, через воды  
светлой речки у Анадыря.*

...Архивные уголовные дела репрессированных по политическим мотивам, содержат данные о дальнейшей судьбе некоторых участников расстрела ревкома. Сероглазкинский камчадал Николай Алексеевич Черных (родился в 1887 г.) в конце декабря 1934 г. получил три года исправительно-трудовых лагерей «за принадлежность к контрреволюционной организации». Он характеризовался как «жандарм-каратель, член военно-полевого суда при белых» [71].

Уроженец Петропавловска Михаил Николаевич Калинда (родился в 1893 г., из крестьян, образование низшее) с 1915 г. работал в почтово-телеграфном ведомстве, в 1925 г. — мотористом



на радиостанции в Анадыре. Привлечённый по ст. 58-9 УК РСФСР, он умер через два месяца после ареста — 24 марта 1933 г. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской области от 25 апреля 1958 г. [72].

И. Н. Перепечко осудили в ноябре 1933 г. за контрреволюционную агитацию и пропаганду к десяти годам лишения свободы. Но просидел он много меньше. Почему? Ответа на этот вопрос в приведённых ниже «освободительных документах» нет. «19 июля 1936 г. Начальнику 2-го отдела Дальлага НКВД — здесь копия: Камч. ОУ НКВД Петропавловск. Препровождается выписка из протокола Тройки УНКВД ДВК от 17 июля 1936 г. на Перепечко Н. И. — на исполнение. Такогово немедленно освободить. Исполнение сообщите. Нач. УСО НКВД ДВК Завьялов, И/инспектора Штырлин». «Перепечко И. Н. досрочно освободить в порядке директивы В/суда и Прокуратуры СССР № 61» [73].

Примечательно, что ещё до постановления Тройки по его делу, именно: 9 июля Н. И. Перепечко обратился в финчасть 8-го отделения Дальлага НКВД с заявлением, чтобы ему отдали совзнаки на сумму 1 123 рубля, отобранные при аресте. Квитанцию, оговорился он, у него похитили на этапе в 7-м отделении вместе с вещами. НКВД перевёл деньги на тюрьму. Остаток после погашения задолженности «по заборам в ларьке» составил 965 руб. 77 коп. и в сентябре 1935 был зачислен как невостребованный в доход Дальлага [74]. О возврате денег Перепечко сведений нет. В 1951 г. он был объявлен во всесоюзный розыск как подпадающий под действие директивы МГБ и Прокуратуры СССР №66/241 «СС» от 26 октября 1948 г. Результаты розыска неизвестны [75].

16 сентября 1992 г. заместитель прокурора Камчатской области А. И. Зуев утвердил заключение по материалам дела № КУ-743, составленное его заместителем советником юстиции В. П. Клименко. В документе говорится: «...Решение о расстреле членов Анадырского ревкома было принято общественностью г. Анадыря в ответ на действия ревкома, расстрелявшего без суда и следствия, без ведома местных органов самоуправления граждан Смирнова и Малкова с последующей конфискацией их имущества для нужд ревкома. На требование общественности дать отчёт за свои действия, предревкома и другие его члены ответили отказом и приняли меры к своему вооружению в целях не допустить своего смещения путём переизбрания.

Участие Перепечко выразилось в том, что он так же, как и другие участники собрания, проголосовал за то, чтобы не допускать

обеспечения ревкома топливом и принудить таким образом сдать, непосредственного участия в расстреле не принимал, хотя был согласен с этим решением, так как Мандриков и другие по существу являлись бандитами... На Перепечко И. Н. распространяется действие п. “б” статьи 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий”» [76].

...В изложенных нами событиях до сих пор много неясного. Помимо всего прочего, мы не знаем, куда делась после гибели Мандрикова Елена Бирич. По словам старейшей жительницы Анадыря Аграфены Синицкой, она вместе с мужем и Струковым бежала за океан на шхуне Свенсона «Поляр Бэр». Ходили слухи, будто она в 1930-е гг. вернулась на родину, но была схвачена чекистами и сгинула в колымских лагерях. В августе 1920 г. чукотские власти получили запрос из Номы (Аляска) относительно личности анадырских беглецов для оформления им американского гражданства. Мужа Елены Бирич Трифона в том списке не было. Зато был Иван Клецин. Под этим именем жил его брат Василий — раненый член ревкома. Может быть, он передал паспорт кому-то из беглецов и тем самым купил себе жизнь? Тогда провалы в его памяти в мае 1970 г. при встрече с историком Н. А. Жихаревым объясняются не только контузией и дряхлостью.

История не сохранила вещественных доказательств существования Е. Бирич. Ни портрета, ни даже лоскутка платья, — сожалеет Е. Рожков. «В музее хранится лишь её кольцо, снятое с обледеневшей руки её возлюбленного. Всего лишь кольцо...» [77]. Вот и тут опять загадка. Или, вернее, — догадка, бросающая тень на отношения красного «сорвиголовы» и первой красавицы Чукотки. Злые языки говорят, будто кольцо ему было «подарено вместе с пальцем», намекая опять на кровь. Человеческая зависть бесмертна. Но и над любовью не властно время...

Когда этот очерк уже готовился к печати, обнаружили новые документы, имеющие косвенное отношение к ревкомовской истории. Оказывается, статья Слободчикова об Анадырском ревкоме в «Камчатской правде» стала причиной серьёзного политического разбирательства с привлечением органов госбезопасности. Дело в том, что пакет классово верных лозунгов коммунаров в газетной публикации венчала фраза: «беспощадная борьба против туземцев» (туземцами тогда называли коренных жителей Севера, в том числе чукчей). Обработывал статью тридцативосьмилетний заведующий массовым отделом газеты «Камчатская правда»

В. Н. Добронравов-Смельский, журналист с высшим (правда, юридическим) образованием. В его биографии имелось два тёмных пятна: отец при старом режиме являлся чиновником Иркутского окружного суда, а сам он служил писарем высшего разряда в 14-м артдивизионе колчаковской армии.

11 июня 1933 г. судебная Тройка ПП ОГПУ ДВК сослала Виктора Николаевича Смельского на три года в Западную Сибирь [78] по ст. 58 п. 13 УК РСФСР: «Активная борьба против рабочего класса и революционного движения на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны».

В 1932 г. был посажен корректор «Камчатской правды» В. А. Жезлов, но совершенно за другое. Жизнь Василия Алексеевича изобиловала авантурными историями. После восьми классов учился в авиашколе, потом комиссарил в Курской ЧК. В 1922 г. обвинялся в хранении без соответствующего разрешения десяти ручных гранат и двух килограммов тротила. В Полтаве судился «за оскорбление личности». В 1931 г., проживая в Жупаново, присвоил выброшенные на берег с потерпевшего кораблекрушение японского парохода «Минг-хао» матрас, подушку и циновку. Выслан в Петропавловск. Там завербован ОГПУ под кличкой «Камчадал», однако «задание не только не выполнил, но дезорганизовал работу», хотя информацию поставлял. В 1932 г., за двадцать дней до публикации в газете злополучной статьи, В. Жезлову дали три года. В 1934 г., однако, выпустили. Подобно ревкомовцу Клещину, он воевал в Великую Отечественную, заслужил четыре правительственные награды. И где только ему не приходилось бывать за свою беспокойную жизнь! Кстати, в 1929 г. занесло в Анадырь. Работал в экспедиции «Союз-золото». Продержался недолго: был выслан пограничниками, поскольку грозился убить руководителей экспедиции... [79].

Прошлое Фёдора Лукича Слободчиков на момент скандальной публикации не внушало подозрений. Впрочем, особых заслуг перед советской властью у него тоже не было. Родился в 1897 г. в Коряках (в пятидесяти километрах от областного центра) в семье середняка — рыбака и охотника. Окончил Петропавловское высшее начальное училище и двухгодичные педагогические курсы. В 1918—1919 гг. учительствовал в своём в селении. На Первом чрезвычайном Петропавловском съезде избран членом президиума исполкома. Работал в комиссии по борьбе с контрреволюцией. При белых скрывался — «всё время находился на охоте». «В 1922 г. при выступлении партизан, — писал Слободчиков, —

оказывал им помощь в передвижении и т. д. В партизанах не участвовал». До 1925 г. вновь преподавал у себя в школе. Затем по 1928 г. (год вступления в партию) — уполномоченный Камчатского окрреволюкома по туземным делам, по август 1929 г. — секретарь окрисполкома, после чего председатель Восточно-Корякского (Карагинского) РИКа и одновременно до октября 1931 г. — секретарь райкома ВКП(б). В момент публикации статьи «Незабываемые страницы. Анадырская коммуна» Ф. Слободчиков работал в областной рабоче-крестьянской инспекции. Спустя четыре месяца в марте 1933 г. занял должность секретаря Петропавловского горсовета [80].

В том же году прошёл чистку ВКП(б). Товарищи по партии «чистили» его основательно. Вопрос: «Почему не пошли в партизаны после службы в ЧК?», то есть после работы в комиссии по борьбе с контрреволюцией. Ответ Слободчикова явно рассчитан на неосведомлённость «чистильщиков» (людей приезжих) относительно партизанского периода и политической обстановки тех лет: «С апреля по июнь 1920 г. здесь была непонятна власть на материке. Причины были из-за оторванности от партии. Связь с ними после имел». Вопрос: «За что брат исключён из колхоза?» Ответ: «Был исключён, но ошибочно». Вопрос: «Как отдали дом — добровольно или нет?» Ответ: «Добровольно». Вопрос: «Какое социальное положение жены?» Ответ: «Дочь рабочего, бывший батрак в имении Пензенской губернии, вышла замуж за учителя, какой был офицером» [81].

В марте 1942 г., работая помощником председателя облисполкома, Ф. Л. Слободчиков исключался из партии как арестованный органами НКВД [82], но в мае того же года восстановлен в связи с прекращением дела [83]. В 1957 г. он в соавторстве с И. Махоркиным написал большую часть сборника «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)». Хотя Чукотка, как уже говорилось, входила в состав Камчатской области, в книге об анадырских событиях ни строчки. За исключением подписи к фотографии аккуратно подстриженного молодого мужчины в костюме, белой рубашке и при галстук: «М. С. Мандриков. Председатель Чукотского ревкома. Зверски убит колчаковцами феврале 1920 г.» [84].

## ИСТОЧНИКИ

1. *Слободчиков Ф. Незабываемые страницы. Анадырская коммуна.* — Камчатская правда. — 1932. — 7 нояб.
2. Бессмертие Чукотского ревкома. — Магадан, 1972. — С. 60.

3. Известия Временного Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — № 3. — 14 янв.
4. Первый ревком Чукотки (1919—1920 гг.). Сб. документов и материалов. — Магадан, 1957. — С. 37.
5. Там же. С. 41.
6. Революцией рождённые. — Магадан, 1977. — С. 161.
7. Там же. С. 39.
8. Первый ревком Чукотки... — С. 26—27.
9. Там же. С. 64.
10. ГАКК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
11. Революцией рождённые... — С. 103—104.
12. Там же. С. 104.
13. Там же. С. 215—216.
14. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — № 40. — 29 февр.
15. Борьба за Советскую власть на Чукотке (1919—1923). Сб. документов и материалов. — Магадан, 1967. — С. 51.
16. Бессмертие Чукотского ревкома. — Магадан, 1972. — С. 62.
17. Революцией рождённые... — С. 226.
18. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 190. — 4 сент.
19. Бессмертие Чукотского ревкома. Материалы научного симпозиума, состоявшегося в г. Анадыре 22—23 декабря 1969 г., посвящённого 50-летию образования Анадырского уездного ревкома — первого органа Советской власти на Чукотке. — Магадан, 1972. — С. 45—46.
20. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 192. — 8 сент.
21. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 62.
22. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — № 213. — 6 окт.
23. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 63.
24. ГАКК. ОФ. Д. 3. Л. 23.
25. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 63.
26. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.
27. Там же. Д. 1780. Л. 6.
28. Там же. Д. 2296. Л. 173.
29. Там же. Д. 2255. Л. 97.
30. Там же. Д. 2263. Л. 219.
31. Камчатский вестник. — 1919. — 6 июня.
32. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2263. Л. 219об.
33. Там же. Л. 219.
34. Там же. Л. 220.
35. Рожков Е. Загадочная красавица Чукотки: [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rojkov.narod.ru/rasskazy/krasa.htm/>.
36. Соргов А. Первые жертвы коммунизма на Чукотке. — Экспресс-хроника. — 1997. — № 23. — 6 июня.
37. Первый ревком Чукотки... — С. 49.

38. Первый ревком Чукотки... — С. 54—55.
39. *Соргев А.* Указ. соч.
40. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
41. Революцией рождённые... — С. 159.
42. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
43. Революцией рождённые... — С. 102.
44. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 85.
45. Первый ревком Чукотки... — С. 81.
46. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 25.
47. *Соргев А.* Указ. соч.
48. Революцией рождённые... — С. 62.
49. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 26.
50. *Рожков Е.* Указ. соч.
51. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 26.
52. Там же. Л. 27.
53. Революцией рождённые... — С. 47.
- 54—55. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27.
56. Там же. Д. 2263. Л. 220.
57. Первый ревком Чукотки... — С. 101.
58. Революцией рождённые... — С. 216.
59. *Рожков Е.* Указ. соч.
60. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2263. Л. 220.
61. Там же. Д. 3317. Л. 27.
62. Там же. Д. 2263. Л. 220.
- 63—64. Революцией рождённые... — С. 68.
65. Бессмертие Чукотского ревкома... — С. 74—78.
66. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27.
67. Первый ревком Чукотки... — С. 73.
68. Революцией рождённые... — С. 73.
69. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 27—28.
70. *Власов А.* Утро Земли. Стихи. — М.: Советский писатель, 1980. — С. 102—104.
71. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 2695. Л. 35.
72. Там же. Д. 3520. Л. 50.
73. Там же. Д. 3317. Л. 57—58.
74. Там же. Д. 62.
75. Из тьмы забвения... Книга Памяти жертв политических репрессий Камчатской области. — Тверь, 2010. — С. 225.
76. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 3317. Л. 44.
77. *Рожков Е.* Указ. соч.
78. ГАКК. Ф. П-1199. Оп. 1. Д. 1950. Л. 31.
79. Там же. Д. 95. Л. 5—6, 109—110.
80. Там же. Ф. П-13. Оп. 6а. Д. 9. Л. 208—209.
- 81—82. Там же. ОФ. Д. 320. Л. 165.
83. Там же. Д. 321. Л. 23.
84. За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 44.

## КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ: КТО ЕСТЬ КТО

*Данная работа является дополнением к помещённым в первом и пятом выпусках «Вопросов истории Камчатки» очеркам «Противостояние». Помимо обширного биографического материала, она содержит новые, ранее не известные факты истории Камчатки XX в. В основу исследования легли архивные документы бывшего Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО), хранившиеся в фондах 2, 19, 44, 45, 800 и 1199 Государственного архива Камчатской области (ГАКО) и Камчатского краевого объединённого музея (ККОМ).*

Как чувствовали себя красные партизаны в начале ноября 1922 г., получив известие о том, что белая власть оставила Петропавловск? Готовились к реваншу за своё прошлогоднее бегство? 28 октября 1921 г. — день вынужденного прощания со столицей Камчатки — хорошо запомнился В. М. Чекмарёву, одному из партизанских командиров: «В этот день с утра было солнечно и тепло, хотя стояла глубокая осень. Но ни тепло, ни солнце не радовали нас. Хотя мы и понимали, что не могли вступить в открытую борьбу с белогвардейцами, но всё же уходили из города с тяжёлым чувством».

Оправдываясь перед высоким партийным начальством, И. Е. Ларин в докладной записке «Работа РКП на Камчатке», датированной мартом 1923 г., отмечал: «Остаться в городе было невозможно. Милиции насчитывалось двадцать человек, половина которой была пассивна. Ближайшее население отнеслось пассивно, так как обещание ОНРК о прибытии Кларка с подкреплением и продовольствием не оправдалось. Положение было нетвёрдое...» Из его же письма начальнику Камчатского губотдела ОГПУ И. Я. Ломбаку от 13 октября 1923 г. следует, что после ухода в сопки «атмосфера для ОНРК была слишком тяжёлая» из-за населения, «частично перешедшего на сторону противника», а «самое главное гнездо контрреволюционного элемента, поднявшего голову», находилось в долине реки Камчатки [ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34. Л. 109—109об.].

В очерках «Противостояние» рассказывалось о сложных отношениях ОНРК с представителями населения города и близлежащих селений накануне партизанской эпопеи. Тогдашние трения и конфликты были ещё свежи в памяти людей в первые ноябрь-

ские дни 1922 г. «Сопочник» С. А. Селиванов не мог забыть, как портовый грузчик Ф. М. Гурьянов призывал арестовать ОНРК и всех коммунистов «и бросился с кулаками на т. Фролова. Но, благодаря тому, что мы были вооружены, а также в то время к нам присоединились рабочие, нам удалось их разогнать. После чего было несколько человек арестовано — Хайрюлина и другие». Трудно понять, каких рабочих имеет в виду Селиванов. Ларинская докладная даёт представление о примерной численности городского пролетариата на текущий момент (вряд ли эта цифра 1923 г. сильно разнилась с 1921 г.): «в г. Петропавловске рабочих имеется человек десять, и то занимаются охотой и рыбной ловлей».

В эту десятку наверняка входил К. А. Штрандман, который «оказывал содействие партизанским отрядам на Камчатке», а точнее, как указывалось в представлении его к медали «За отвагу» в 1967 г., «передавал сведения, прятал связных, снабжал медикаментами». 1917-й Штрандман встретил кондитером, однако продление отсрочки от армейской службы получил уже как специалист по паровому отоплению. В 1925 г. Константин Александрович трудился монтером, к 1936 г. «вырос» до заведующего горводопроводом, но тогда же и лишился этой должности по бездеятельности и пьянству. С членством в ВКП(б) он расстался в 1929 г. — помимо халатности, непосещения собраний и несвоевременной уплаты взносов, его упрекали в дружбе с «зелёным змием», что им категорически отрицалось.

Проходя свидетелем по делу Ф. М. Гурьянова, Штрандман привёл случай рубежа 1920—1930-х гг.: «Однажды я шёл на пристань и проходил мимо собравшихся извозчиков, среди которых Гурьянов говорил, что мы возим муку для коммунистов, они всё жрут, а нам дают мякиши, раньше собак и то лучше кормили, вот до чего мы дошли...» У Ф. М. Гурьянова при обыске в 1931 г. изъяли сорок советских серебряных полтинников и «сорок с чем-то полтинников царской чеканки», но эти деньги, оправдывался Фёдор Михайлович, принадлежали супруге, а он о них не знал — «жена могла от меня об них скрыть, так как я часто выпиваю».

Акция эта была широкомасштабной. Её непосредственный участник С. Я. Ким рассказывал спустя без малого шестьдесят лет: «...что касается приспешников белых, их было единицы. Среди них был и коммерсант кореец Ли Яков... выслан из Камчатки в 1931 г., у него при обыске на коновязи во дворе его дома, в котором я делал обыск, под столбом коновязи нашёл американские и австралийские доллары, японские иены и другие драгоценности,



а у доверенного Чурина и К<sup>о</sup> Проскурякова под полом изъял две керосиновые банки серебряных монет 1923 г. Это было также в 1931 г., а Проскуряков также был выселен из Камчатки... Так называемая “валютная операция” проводилась, в основном, в 1931 г. под руководством начальника 60-го погранотряда (он же руководитель ОГПУ. — В. П.) Коваленко».

Похожая история произошла с бывшим городским головой фотографом Е. А. Колмаковым. По словам хозяина, в его доме чекисты обнаружили «46 или 47 рублей мелкого серебра и золотые вещи». При встрече он пожаловался думцу 1922 г. М. К. Соколову, что у него отобрали серебряную монету, полученную за изготовление фотоснимков, да вдобавок ещё таскали в ГПУ. Всё это, как выразился Колмаков, порождает недовольство, и нет «никакой симпатии к этой власти».

...Весной «сопочного» 1922 г. И. Е. Ларин писал: «За неимением средств трудно что-либо сделать, лишь усиленной медленной настойчивостью и силой можно что-либо сделать». Иван Емельянович сетовал на незначительное количество у партизан финансовых, материальных и иных средств. (Оружие и продовольствие, заблаговременно вывезенные из города, — не в счёт.) «Всего нами при эвакуации из города было взято три тысячи сто рублей 14 копеек. Затем конфисковано 62 соболя (в дневниковой записи от 3 апреля у него иная цифра: 67 плюс четыре выдры и одна лисица. — В. П.). На эти средства пришлось вести борьбу до сентября 1922 г.».

Письмо Ларина Савченко, датированное 29 декабря 1922 г. [ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1259.], позволяет говорить также об одной тысяче долларов золотом и 954 иенах, которые были получены 27 октября 1921 г. под расписку председателем ОНРК от уполномоченного Союза кооперативов Камчатки М. С. Черняева. В письме кооператоры обвиняются в отказе выдать партизанам кукули по причине якобы их отсутствия. Это противоречит показаниям Черняева на допросе в ГПУ 17 апреля 1923 г., где он признал наличие кукулей, малахаев, кухлянок и торбасов и утверждал, что тогда же сообщил об этом должностным лицам, в том числе Н. П. Фролову, «и некоторые члены Комитета брали торбаса... брал торбаса Лукашевский и другие».

Как быть с остальными товарами Союза кооперативов, обсуждалось на секретном совещании в доме Ларина с участием М. П. Славского, председателя Союза кооперативов Камчатки Г. Г. Кондратьева и члена правления И. Д. Грызлова. Решено

было выдать фиктивное обязательство фирме «Сайденберг и Виттенберг», гарантирующее долг «всеми ценностями Союза, как в Петропавловске, так и в области».

4 января 1922 г. особоуполномоченный Приамурского правительства Х. П. Бирич издал приказ о передаче всех дел Союза кооперативов Камчатки областному продовольственному отделу. 6 марта представители Союза кооперативов передали по акту заведующему хозяйством при областном управлении Ф. Шатинскому семь пудов пороха (стоимость пуда 420 руб. золотом), хранящегося в пороховом погребе на перешейке Никольской горы. 6 апреля при осмотре погреба старшим милиционером А. Дьячковым и Г. Кондратьевым в присутствии понятых Василия Петровича Но и Тимофея Карловича Александрова «оказалось два ящика с порохом целые и один взломан, пороху только в нём было шесть банок, два маленьких ящика с динамитами-капсулами и, кроме того, несколько ящиков подмоченного пороха...» В конце июля 1922 г. пороховой погреб перешёл в ведение военной милиции (начальник есаул Чешкин), а в октябре взлетел на воздух...

Содержание некоторых ларинских документов партизанского периода раскрывают в «Камчатской правде» за 8 августа 1969 г. Г. Травин и Н. Ильенко: «6 июля 1922 г., например, он выдал своему соратнику документ о командировании Савченко в область с чрезвычайными полномочиями — информировать население о политическом положении, инструктировать волостные и сельские комитеты, контролировать продналог и т. д. Любопытен и другой документ, подписанный Лариным. Адресован он уполномоченному ОНРК при штабе отрядов Савченко. Ларин писал, что для заготовки продовольствия и для приобретения оружия разрешалось часть конфискованной пушнины продать на сумму 20 тысяч рублей. «Расходование этих сумм предлагается вести штабу под вашим контролем...»

13 июля 1922 г. М. И. Савченко-Славский информировал Ларина: «Пушнину не продал, так как у “Тудзон-Бея” обещают мало денег, но у нас был задаток за проданную соль и моих 200 руб. Всё это в сумме 1 200 руб. мы посылаем. К следующему приезду людей у нас будет наличности до трёх тысяч иен, а если удастся продать рыбу, то и больше. Муку хотим фиктивно запродать местным жителям, с тем, чтобы в любое время мы могли этой мукой воспользоваться. Если не помешает издыхающая меркуловщина, то мы здесь извлечём довольно значительные средства. Беда только, что Коробко слишком слаб для такого рода работы и как бы не

пострадало наше Большеперечское дело после моего отъезда. В Японии нами заказано 10 шт. юфтовых кож конских, 3 шт. новых телефонных трубок, дюжина угольных пластин для трубок, порошок и медный купорос. Всё это будет привезено в Усть-Большеперечск часа 18-го с/м».

Связь у партизан являлась наиболее уязвимым местом. Ведь штаб отрядов располагался недалеко от Петропавловска, а ОНРК и его председатель И. Е. Ларин в основном в сотне километров от него — в с. Начики. Этой проблеме, главным образом, было посвящено его письмо штабу от 22 февраля 1922 г. «Необходимо во что бы то ни стало установить связь штаба с Комитетом, для чего предлагаю следующее: 1) Поставить телефон, который снять на маяке или колонии прокажённых... и установить время переговоров. Телефон включить в верхний тигильский провод, по которому можно говорить без элементов за счёт линии. В случае, если нельзя достать телефон, можно достать одну трубку, которая устанавливается так же: один конец к проводу, другой в землю, и работает за счёт линии. Кроме телефона, необходимо сообщить в любое время дня и ночи азбукой Морзе, работая концами обрезанных проводов — сообщая ими все новости и сведения, начиная с 9 часов вечера (см. рис. № 1), если нельзя сообщать с того места, где обрезаны провода ввиду опасности, тогда можно в другом любом месте присоединить к проводам проволоку и работать как концами (см. рис. № 2). Наконец, 3-й способ, более трудный, но самый лучший для нас это: заткнуть в землю кусок железа и верхним тигильским проводом прикасаться так, чтобы, как и в предыдущих случаях, получались тире — точка, точка — тире, точка — точка — тире — азбука Морзе, хотя этот способ тем хорош, что в то же время мы можем слушать, что говорят по фонопору. (Важные и секретные донесения передавать шифром, так как будут слушать по всей линии.) Телефоном и проводами работать с 9 часов вечера. Самое главное — это установить с Вами связь. Иначе трудно и не так спокойно работать. Примите все меры и средства к установке телефона, и приступите немедленно к работе концами проводов в первый же вечер, когда придёт командированный к Вам товарищ, и в тот же вечер сообщите Ваш взгляд на позыв съезда...»

Кто непосредственно «работал с проводами»? Конечно же, не бывший при Ларине секретарь ОНРК М. П. Щербakov, хотя именно он с возвращением соввласти несколько месяцев занимал должность заведомо управления и связи. Вообще-то о его дореволюционном прошлом известно мало. Из крестьян Пермской губер-

нии. С шестнадцати лет работал на железной дороге. В 1915—1918 гг. — на военной службе. До Камчатки жил в Охотске — был членом-секретарём уревкома и Охотской ревтройки.

Представитель Приморского обкома РКП(б) П. В. Мусорин, прибывший в Петропавловск во второй половине 1921 г., сообщал во Владивосток о непотребном поведении камчатских партийцев, в том числе руководителей, и в качестве примера приводил члена ОНРК и РКП(б) с 1917 г. М. П. Щербакова, что попался ему на улице пьяным в форме японского офицера.

К этому факту, сдаётся, имеет прямое отношение то место из ларинской докладной «Работа РКП на Камчатке», где упоминается Мусорин: «За время борьбы с меркуловщиной спрятанные в тайге дела-анкеты, печать и вообще всё делопроизводство были кем-то выкрадены, о чём был составлен акт, представленный Примгуббюро, в котором указано подозрение на одного из членов организации — Мусорина — который за агитацию и разложение отряда предан суду и сидит сейчас во Владивостокской тюрьме».

Михаилу Павловичу Щербакову в период созыва весной 1922 г. II Чрезвычайного Петропавловского уездного (партизанского. — *В. П.*) съезда было лет 27, но выглядел он старше своих лет, телосложение имел крепкое, рост — средний. «Хорошо грамотный. Хороший организатор. Среди партизан пользовался авторитетом». Так его охарактеризовал товарищ по партии П. Г. Ивашкин-Ларичев. Правда, Петру Глебовичу показалось, что Щербаков страдает излишним самолюбием, но, однако, твёрд характером и убеждениями. 31 августа 1923 г. общее собрание Петропавловской городской организации РКП(б) объявило ему — члену губревкома — строгий выговор без занесения в личное дело с предупреждением, что будет исключён из партии, если не прекратит пьянствовать. В октябре 1923 г. Щербаков назначен представителем по делам Камчатского губревкома во Владивостоке, 13 ноября вместе с Богомоловым автоматически выбыл из состава губревкома, а в январе 1924 г. был уволен. После учёбы в Дальрыбвтузе вырос до заместителя управляющего Дальморзверпрома, Крабтреста. Затем работал на Украине. Умер пятидесятишестилетним.

Командующий всеми партизанскими отрядами ОНРК уроженец Тульской губернии Василий Дмитриевич Богомолов начал жить своим трудом с восемнадцати лет в 1905 г. Называл себя великороссом и рабочим из крестьян. Образование: церковно-приходское училище и экономико-кооперативные курсы при Владивостокском народном университете (1918—1919 гг.). Трудился

на чугунно-литейном заводе Густав-Листа, красильной фабрике Суряева в Москве и консервном заводе Демби в Усть-Камчатске. С 1909 по 1912 г. служил в унтер-офицером в 5-м Сибирском полку (г. Никольск-Уссурийск). Будучи делегатом I Камчатского областного съезда от Нижне-Камчатской волости, избран в состав областного комитета. Член первого областного Совета. В 1918—1919 гг. — на кооперативной работе. До апреля 1920 г. — председатель Усть-Камчатского ревкома. В августе того же года — член правления Союза камчатских кооператоров. В отрядах ОНРК с февраля 1922. Был кандидатом компартии в 1920 и 1924 г. Рекомендация П. Г. Ивашкина-Ларичева для вступления в ВКП(б) дана в 1930 г. (По другим данным, Богомолов — член партии с 1928 г.) С окончательным установлением соввласти на полуострове назначен завгубкомхозом. В апреле 1925 г. РКИ предлагает отстранить его как проявившего нераспорядительность и безынициативность при выправлении порученного ему участка работы, в результате чего образовались «полнейший хаос и полнейшая халатность». Следующая его должность — продавец Петропавловской фактории. В 1931 г. переехал на Северный Кавказ и там вскоре скончался.

Среди тех, кому ещё даёт характеристику П. Г. Ивашкин-Ларичев (в воспоминаниях, посвящённых II Чрезвычайному Петропавловскому уездному съезду), — Арсений Лукич Бурнатов, 1897 г. р., из крестьян, до и после революции чернорабочий и канцелярист, образование — сельская школа и фельдшерские курсы: «Общительный. Трудолюбив и скромный. Принимал участие в работе съезда, а по окончании вступил в партизанский отряд ОНРК, в котором также проявил себя как один из исполнительных и дисциплинированных бойцов и пользовался уважением товарищей». В 1924—1925 гг. А. Л. Бурнатов — управляющий Петропавловской таможней, заворотделом и заместитель секретаря губревкома.

Н. П. Фролов, предшественник Богомолова в должности командующего партизанскими отрядами, в 1929—1931 гг. занимал пост председателя Петропавловского горсовета, несмотря на компромат, собранный на него чекистами. Кроме данных о его работе в 1918 г. вышибалой дома терпимости, у них имелись также сведения иного характера. Их изложил в совершенно секретном письме председателю Камчатского окрисполкома В. Ф. Богатырёву начальник Камчатского окружного отдела и погранотряда ОГПУ М. Краузе 2 января 1928 г. Согласно данным этого ведомства,

в 1923 г. при содействии Фролова и Богомолова Викула Попов открыл в Петропавловске на средства комхоза столовую «Коммунальная», весь доход от которой шёл исключительно ему. «В 1924 г., якобы по рекомендации тов. Фролова, гражданин Попов с целью избежать налогов организовал кооперативную пищевую артель, в которую вошло несколько неимущих граждан “пайщиками без пая” и два бывших торговца-китайца. Председателем артели являлся гражданин Попов, фактически являясь хозяином предприятия и эксплуататором рабочих, именовавшихся членами артели. Когда от последних поступила жалоба Прокурору, гражданин Попов ликвидировал артель, выдав членам её по 50—70 руб.

В 1926 г. гражданин Попов на имя своей жены открыл столовую с крепкими напитками, причём разрешение на торговлю вином получил благодаря содействию гражданина Фролова, так как в Камчатском окрревроме, якобы, имелось принципиальное решение прав на торговлю крепкими напитками никому не давать. В настоящее время гражданин Попов наживает большой капитал, главным образом, продажей спирта на вынос и произвольного разлива, что по его правам воспрещается. Милиция и фининспекция на это внимания не обращают. Несмотря на большой заработок, гражданин Попов принимает меры к тому, чтобы “работать”, совершенно не платя налогов, так, например, он подал заявление тов. Фролову (председателю Добровольного общества «Друг детей») с предложением открыть столовую с крепкими напитками от имени общества, которая была бы сдана ему, Попову, в аренду, и на таких же условиях открыть хлебопекарню, мясную и бакалейную торговлю и биллиардную.

В беседе с населением гражданин Попов по поводу намеченного спекулятивного плана говорит: “Николай Павлович (тов. Фролов) меня поддержит”. Покровительство тов. Фролова спекулянту Попову местным населением расценивается как участие первого в деле второго, причём указывается на то обстоятельство, что тов. Фролов часто бывает в гостях у гражданина Попова, и в эти часы последний столовую закрывает. Имеются также разговоры о том, что гражданин Попов состоит у тов. Фролова сотрудником Угрозыска на жаловании 100 руб. в месяц, которое остаётся в пользу тов. Фролова, якобы имеющего 15—20 тысяч личных сбережений. Указанные сведения нами проверяются». Письмо начальника ОГПУ носило характерное название «О гражданине Фролове». В 1932 г. В. С. Попов пару месяцев находился под следствием по ст. 58-10 УК РСФСР; постановлением полномочного представительства

ОГПУ Дальневосточного края дело было прекращено, а сам он освобождён.

В 1930 г. Н. П. Фролов подавал в отставку, однако бюро окружкома партии её не удовлетворило. На следующий год его откомандировали в распоряжение крайкома ВКП(б), а тот — направил на учёбу в Москву. Дальнейшая судьба Николая Павловича описана в книге историка А. П. Пирагиса «От нагана до компьютера». После окончания Высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК вплоть до ареста в 1938 г. Фролов работает в Наркомфине РСФСР. Последняя занимаемая им должность — начальник Пробирного управления (госконтроль за соответствием ювелирно-бытовых изделий из драгметаллов узаконенным пробам). Наряду со служебным вредительством и связями с врагами народа Тухачевским и Блюхером, его обвиняют в гибели партизанского отряда. Затем — девять лет УсольЛАГА и столько же ссылки в Кокчетавской области. Реабилитирован в 1956 г. Через десять лет Н. П. Фролову установили персональную пенсию союзного значения. Прожил он без малого восемьдесят три года. Примерно столько же, сколько длился до революции век его земляков — калужских крестьян.

И. Е. Ларин ценил Николая Павловича как способного и старательного подручного. Считал (1926 г.), что он, «хорошо разбирающийся в вопросах, всегда сознающий важность выполняемой работы», инициативный работник, который умеет подбирать кадры и руководить ими, разве что «недостаёт общей развитости и грамотности».

Н. П. Фролов в 1929 г. сменил на посту председателя горсовета И. Е. Ларина. Последний с декабря 1922 г. постепенно опускался по служебной лестнице: зампредгубревкома, председатель окресткома и, наконец, председатель Камчатской окружной контрольной комиссии ВКП(б). В этой должности он пробыл меньше года. Его сняли за «правооппортунистскую практику» в ноябре 1930 г., а 18 января 1931 г. президиум той комиссии, которую он недавно возглавлял, поставил в повестку дня вопрос «О члене ВКП(б) т. Ларине И. Е.». Хотя Иван Емельянович признал ошибки (и среди них — что «для солидарности» с членами прежнего бюро окружкома поставил свою подпись под негативной оценкой работы директора АКО Гольдберга; именно из-за этого конфликта и было в очередной раз разогнано камчатское партийное руководство), от него требовалось развёрнутое покаяние, чего участники собрания так и не добились.

Член президиума окружной контрольной комиссии, помощник начальника погранотряда по политической части т. Цапов сказал: «Ларин говорит не то, что нам нужно от него, он признаёт какие-то “небольшие ошибки”... когда на деле был правый оппортунист». Ларин подал реплику: «Передёргиваешь!» Цапов: «Ларин, не мешай. Я понимаю, что говорю». Ларин: «Много ты понимаешь...»

*Справка. Цапов Николай Авксентьевич, 1901 г. р., образование низшее (четыре класса высшего начального училища), подчёркивал, что — «великорусс». В феврале 1920 г. — секретарь правления культурно-просветительского общества «Просвещение», используемого революционерами при власти А. В. Колчака в качестве ширмы для подрывной работы. В том же году вступил в РКП(б).*

*Из протокола комиссии 1929 г. по чистке партии. «Цапов: “Пью редко, случайно”. Вопрос: “С кем пьёшь, с партийными или беспартийными?” Цапов: “Пить одинаково нехорошо с теми и с другими”. Краузе (начальник Камчатского окротдела ОГПУ): “Знал т. Цапова в 1923 г. как военкома школы пограничной. В то время положение на границе, в связи с организационным периодом в погранвойсках, было серьёзно и, руководя в это время школой, т. Цапов имел хорошие отзывы”».*

Следует отметить, что вопрос насчёт выпивки возник не случайно. Газета «Полярная звезда» ещё 17 июня 1923 г. писала: «Сотрудниками милиции составлен протокол на гр. Н. Цапова за появление в присутственном месте в пьяном виде. Таким порядком наша милиция заставит многих бросить “хановать”». (Что означало это слово, приходится лишь догадываться.)

Прокурору И. Т. Невесенко не понравилось поведение Цапова на президиуме окружной контрольной комиссии. Он заявил, что, несмотря на то, что все кругом знакомые, попав в такое положение, любой растеряется. «Выступление Цапова получилось придиркой ко мне, что и я примиренчески отношусь к правому оппортунизму. Цапов, если будешь так реагировать на правые политические ошибки, то и ты оппортунист... Разберём, кто больше заслужил перед революцией, тогда и ты не меньше примиренец. Я говорю, что если Ларин искренне выступал, то можно сделать оценку».

Цапов: «А что Ларин сказал по существу о признании своих ошибок?»

Невесенко: «Ничего не сказал. Значит, ему надо дать возможность свои мысли изложить письменно».







Прокурора поддержал товарищ Ларина по партизанству, член президиума окружной контрольной комиссии П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Я Ларина знаю семь лет, безусловно, Ларин постановкой сегодня в таком разрезе вопроса о нём обижен, это и не даёт ему сказать то, что он думает, — это я знаю из характеристики Ларина — откровенно говорю, что Ларин нервный в высшей степени, так как он это больше переживает в себе, надо дать ему его мысли изложить письменно, иначе он не объяснит, или получится так, что сегодня скажет одно, а завтра заявит, что я говорил не то, что думал, не так выразился».

С обоими выступающими не согласился Н. А. Цапов: «В контрольной комиссии ВКП(б) по делу Ларина выявилось нехорошее настроение. Характеристика Ивашкина не в пользу тов. Ларина. Нездоровыми являются ссылки товарищей на седину, на заслуги, как будто из-за старых заслуг можно прощать теперешние политические ошибки».

«Я говорю, что признаю свои ошибки, что Вы от меня требуете. Здесь получается, что хотят приклеить человеку, ну и клейте», — разгорячился Ларин.

Президиум окружной контрольной комиссии расценил поведение Ларина «как солидарность с прежним право-оппортунистическим руководством», отметив при этом, что «т. Ларин отделался формальным признанием своих ошибок, не признал их право-оппортунистической сущности». Контрольный парторган предупредил коммуниста Ларина: дальнейшая игра в молчанку будет квалифицироваться отстаиванием прежних позиций и с ним поступят в соответствии с решением XVI съезда ВКП(б) о несовместимости правых взглядов с пребыванием в рядах партии.

Через три месяца Иван Емельянович вручил секретарю Петропавловской организации ВКП(б) Козлову заявление о выходе из партии, приложив к нему партбилет. От беседы отказался. Из протокола общего закрытого собрания ячейки при ОИКе 29 апреля 1931 г.: «Ларин сообщил, что эти решения он очень долго обдумывал раньше осенью и только убеждения тов. Ивашкина удержали его от этого шага. После переговоров через Голованова послано было извещение с просьбой явиться на бюро, и всё-таки Ларин на бюро не явился. Бюро было вынуждено разобрать заявление без т. Ларина. Далее тов. Козлов зачитывает заявление Ларина. Мотивами выхода из партии Ларин выставил: 1) болезненное состояние (он умер в Подмоскowie в 1980, дожив до девяноста лет. — В. П.), 2) политическую отсталость и 3) усталость общая».

Ларинские мотивы собрание не удовлетворили. Тем не менее, оно «единогласно при одном воздержавшемся» (Киселёв, новый начальник окротдела ОГПУ) постановило снять Ларина с партучёта в ячейке как добровольно выбывшего из членов ВКП(б)...

Однако в личном листке по учёту кадров Печоро-Илычского заповедника (Коми АССР), где И. Е. Ларин работал в 1934—1937 гг. директором и в 1946—1949 гг. заместителем директора по хозяйству, собственноручно им вписано: состоял в партии с июня 1917 по июнь 1939 г. и «по состоянию здоровья механически выбыл». Значит, восстановился. И, скорее всего, будучи слушателем Всесоюзной плановой Академии им. Молотова при Госплане СССР. Ведь до заповедника он некоторое время трудится ответственным секретарём парткомиссии Петрозаводского района Кировской железной дороги.

Иная дата прекращения членства в компартии указана в послевоенной служебной характеристике Ларина: «(механически выбыл из рядов партии в 1943 г.) сейчас беспартийный... национальность русский, работает в заповеднике с 1946 г. К работе относится добросовестно, дисциплинированно, безукоризненно честен. Участия в общественной жизни коллектива слабое (не член профсоюза, не член потребительской сельской кооперации, в выборных органах не состоит). Над повышением деловой квалификации работает. Авторитет в коллективе имеет. Морально устойчив — поведение в общезнании достойное советского человека».

Прервёмся, чтобы сообщить два ранее неизвестных факта биографии И. Е. Ларина. Один из них относится к весне, второй — к осени 1929 г. Ларин входит в оргбюро для борьбы с алкоголизмом и в двухнедельный срок вырабатывает «директивные указания на места». Оргбюро ВКП(б) ходатайствует о награждении его орденом Красного Знамени за выдающиеся заслуги в борьбе за советскую власть на Камчатке. И, прежде всего, за руководство красными партизанами. Сам И. Е. Ларин так писал об этом: «За время борьбы с бандами Бирича и Бочкарёва, то есть с 28 октября 1921 г. по 10 ноября 1922 г., независимо от занимаемой должности председателя ОНРК, состоял начальником партотряда, начальником штаба и уполномоченным ОНРК при штабе отрядов его имени».

Далее в характеристике, предположительно 1948 г., значится: «Исключительная физическая слабость, по состоянию здоровья последний год в командировки не выезжал, может работать только на месте. Директор госзаповедника Н. Зорин» (к тому

времени И. Е. Ларин прожил немногим более половины отпущенного ему срока). Материалы по И. Е. Ларину в бытность его работы в Печоро-Илычском заповеднике представил научный работник из Елизово А. Н. Никаноров, исследователь паратунских событий 1922 г. Вопреки легенде, возникшей после разоблачения культа личности Сталина, И. Е. Ларин политическим репрессиям не подвергался. В 1935 г. его привлекли к судебной ответственности за удорожание строительства кордона в Джелабадском Киргизском заповеднике и присудили к одному году исправительных работ путём вычетов из зарплаты.

Ларин был «рабочим из крестьян». Автобиография 1923 г. даёт представление о том, как он «выбивался в люди». Жили они в деревне Ванино Рязанской губернии. Отец — Емельян Никитич — землепашец, занимавшийся отхожими промыслами (жестяные и плотницкие работы), умер, оставив жену и троих детей без средств к существованию. Старшему Ивану тогда исполнилось четыре, брату — три года, а сестре — два месяца. В шесть лет поступил в сапожную мастерскую, откуда его забрал дед по матери, отдал в сельскую школу, а потом в ремесленное училище, «каковое и успешно окончил, как по общеобразовательным предметам, так и по слесарному ремеслу.

В последние годы учения познакомился с кружком революционеров, порвал с религиозными предрассудками. В том же 1906 г. переехал во Владивосток, где с ноября по апрель 1907 г. работал в качестве слесаря на машиностроительном заводе Суворова. С апреля 1907 по июнь 1908 работал в военном порту, в железокотельной мастерской, слесарем. В период работы в военном порту состоял членом профсоюза металлистов и членом кружка Р.С.Д.Р.П., которым был избран старостой. В то же время ходил в Народный дом на лекции по политэкономии, гражданскому праву, геологии, черчению, другим предметам».

«После октябрьских событий 1907 г., — пишет далее И. Е. Ларин, — когда были разгромлены профсоюзная и партийная организации, кружок распался, так как партийным товарищам — руководителям кружка — пришлось бежать. (Некоторые авторы утверждают, что Ларин вместе с В. Шумяцким и А. Ворониным принимал участие в восстании военных моряков, поддержанных портовиками, но это не тот эпизод, о коем Иван Емельянович предпочитал бы умалчивать. — *В. П.*).

8 июля 1908 г., ввиду сокращения штатов в военном порту, в числе шести человек перекочевал в Петропавловск-на-Камчатке, органи-

зовав артель (на коммунистических началах). Артель просуществовала два года. В артели этой я работал слесарем и рыбаком».

И. Е. Ларин, как и полагается в такого рода документах, краток. «Камчатская правда» за 1 мая 1977 г. рассказывает об этом периоде с его слов более подробно: «Товарищу Ларина срочно нужно было исчезнуть подальше от владивостокской полиции. Ларин отдал ему и билет, и паспорт, и рабочий инструмент. Сам он уехал на Камчатку. Уговорил его на отъезд слесарь Азарков. Пришла тому мысль организовать рабочую коммуны. Впятером сошли они с парохода.

И Азарков, и другой затейщик коммуны Воронов носили не свои имена. Оба числились в розыскных списках за участие в революционной деятельности. С виду от нелегальной активности они отошли — охота, рыбалка да мастерская в Петропавловске, где берутся за всё — от ремонта ружей до жестяных поделок. Но занята была коммуна и делом, которое властям понравиться никак не могло. Пароходы Добровольного флота после вояжа по дальневосточным портам непременно заходили на Аляску. На пароходы во Владивостоке садились и люди, для кого бесчисленными судами, свирепствовавшими по России, уготован был смертный приговор или в лучшем случае годы каторги. Многим революционерам оставался один выход — эмиграция.

Под видом мирной рабочей полукоммуны-полуартели существовал и нелегальный промежуточный пункт, облегчавший эмигрантам тяготы бегства на чужбину. Чтобы беспрепятственно сойти на берег на Аляске, а потом перебраться в Сан-Франциско по иммиграционному закону нужно было предъявить береговым властям сто долларов, совсем неимущих американцы на берег не пускали. Порой одна-единственная стодолларовая бумажка по несколько раз кружила между пароходом и берегом в разных, так сказать, облициях. Купюра разменивалась по несколько раз, чтобы придирчивые чиновники не заподозрили обмана.

Коммуна просуществовала до 1910 г. Министерство внутренних дел — видно, полиция прознала про хитрость эмигрантов, — запретило заходы пароходов на Аляску. Одним из последних пароходов уехал Азарков. Ларин уже знал его настоящую фамилию — Будрис».

С августа 1910 по июнь 1916 г., продолжает И. Е. Ларин, «служил в Камчатском областном правлении, в строительном отделе, с перерывами, занимая должности: чертёжника, десятника, техника школьно-строительной комиссии. В последней должности

был командирован в 1915 г. на Чукотский полуостров для постройки школ. В период службы в областном правлении, в 1913 г. участвовал в качестве фотографа в научной поездке магистра ветеринарных наук Грюнера на Карагинский остров по изучению оленеводства. В 1913 г. женился на Дарье Петровне Поповой, в том же году родился сын, в 1915 г. родилась дочь».

До конца 1917 г. И. Е. Ларин — на военной службе (рядовой) сначала во Владивостоке, а потом с пополнением местной воинской команды едет в Петропавловск. Краеведческая литература утверждает: на пароходе, по пути на Камчатку, большевик (вступил в 1917 г. в столице Приморья) Ларин распропагандировал сослуживцев и, опираясь на них, вместе другим революционером из солдат — А. Олейником-Топорковым — совершил переворот. Первое время руководил Петропавловским городским, а затем областным совдепом.

Летом 1918 г. И. Е. Ларин поехал на конференцию председателей совдепов в Хабаровск, но не доехал. Во Владивостоке в ночь на 29 июня произошёл антисоветский переворот. С июля 1918 г. Иван Емельянович жил на острове Попова у члена Владивостокского Совета А. А. Воронина, которого в декабре арестовала белая контрразведка, а Ларина не тронула, так как не знала его в лицо, а документы у него были на имя Н. Чаплинского — бывшего правителя канцелярии камчатского губернатора.

И. Е. Ларин перебазировался во Владивосток, стал обитать в рабочей и Нахальной слободках под фамилией Сойкина. Состоял в профсоюзе грузчиков. В октябре 1919 г. поступил в частную автомобильную мастерскую, «где до свержения розановщины работал слесарем». Со 2 марта 1920 г. Ларин — уполномоченный Камчатского военно-революционного комитета во Владивостоке. 1 мая того же года выезжает на Камчатку, чтобы вновь стать первым лицом в области. Известно, что аналогичное задание в 1917 г. И. Е. Ларин получил от партийных вожakov Приморья, в частности называют фамилию председателя Владивостокского совдепа А. Я. Нейбута, который в числе других политэмигрантов возвратился из Северо-Американских Соединённых Штатов. Швейцарский поток врагов исторической России возглавлял Ульянов-Ленин, американский — Бронштейн-Троцкий.

Точных сведений, кто снарядил товарища Ларина на Камчатку в 1920 г., нет. Вскоре по приезду он становится председателем облисполкома, переименованного затем в облнарревком...

Иван Емельянович не преувеличивал своей роли в организации и деятельности партизанских сил ОНРК. И всё-таки приказы отдавал не он один. «Командиру 4-го отряда. Согласно Вашего требования посылается Вам для отряда 1) кожи подошвенной полкожи, 2) свечей только 5 штук дополнительно фунта 4 пошлём с Брагиным, 3) чаю одну плитку табаку-манчжурки и 4) бумаги и спичек немного, сколько имелось. Денег в отряде нет, сахару привезли один пуд, но он ещё в Аваче. Кроме того посылается немного воску, жил для шитья, иголок и немного оружейного масла. За одеждой отправляюсь в Завойко. Вместо расчётов с жителями оставить старосте под расписку выданного Вам соболя, деньги в скором времени будут уплочены, для чего я приду сам или пошлю людей.

Не допустимо не выполнять распоряжений: Личкуна и Миничева немедленно же отправить в одно из селений для работы, так будет поступлено и с остальными задержанными. После освобождения Рябикова и других арестованных Личкун и Миничев смогут идти куда захотят — в отряд или домой, а в настоящих условиях оставлять их в отряде невыносимо. Боевое распоряжение посылается отдельно. *М. Савченко-Славский* и командующий отрядами *Фролов*. 30/V-22 г.»

Ещё один арестованный, а вернее захваченный, партизанами житель Петропавловска Ф. В. Сусметов в июле 1918 г. ходил с оружием в руках свергать совдеп. Не переменял своих убеждений и после ноября 1922 г., заявляя, что при царе народу жилось в двадцать раз лучше. Умер Фома Васильевич в концлагере «Воркутинстрой» в 1943 г. В тех же краях, между прочим, где и главный ликвидатор бочкарёвцев Г. И. Чубаров. О проводнике Чубарова в 1923 г. известно лишь то, что им являлся местный житель Пётр Петрович Абакумов и он был жив в конце 1960-х гг.

В другом приказе (см. главу «Делая городу террор...» в первой части очерков «Противостояние») упоминалась Халактырка. Нечто новое о её положении в то время сообщил Алексей Григорьевич Сахаров, свидетель по делу А. И. Дьячкова, подозреваемого в вылавливании партизан белыми: «В селении Халактырка два раза проходили отряды белых. В 1922 г. в составе отрядов было человек пятнадцать-семнадцать. В первом отряде, второй отряд в составе пятидесяти человек был в середине августа 1922 г. Случаев захождения в Халактырку одиночных офицеров не было, ибо, по-моему, они бы боялись зайти сюда. Дьячкова Александра в с. Халактырка не было, и никто его здесь не видел, если бы кто



из партизан видел Дьячкова с офицерами в Халактырке, то после нашего прихода, то есть после прихода партизанского отряда (в котором я был месяцев девять) в г. Петропавловск, с ним было тогда разделались».

Два комсомольских служебных документа, посвящённых этому селению, несколько разнятся друг с другом. 1925 г.: «...в шестнадцати верстах от города находится деревня Халактырка. Жители этой деревни составляют большую часть камчадал, до некоторой степени народ тёмный и находится под влиянием религиозного дурмана...» 1926 г.: «У населения прямой религиозности и верования нет, а просто привычная обрядная сторона таковой, ячейка в этом отношении работу проводить воздерживается, за исключением помещения небольших бытовых стаетек в стенгазете».

Более религиозным, судя по информационной сводке окротдела ОГПУ от 16 апреля 1927 г., было население столицы Камчатки: «Уничтожение старой церкви — здания бывшей церкви в Петропавловске, продажа церковного амбара и перенесение сарая на детскую площадку породили в среде верующих сильное негодование. Особенно недовольны остались верующие после того, как церковная утварь, в том числе старые иконы, были милицией выброшены на улицу. На заявление ими претензии к начальнику гормилиции, последний заявил: «Эту сволочь нужно сжечь вместе с вами» [ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 34.]».

Начальником райгормилиции был тридцатитрёхлетний Кирилл Авраамович Куксенко. До 1918 г. он служил присяжным счётчиком в Казначействе. С осени 1921 г. — староста Петропавловской сельхозфермы, передавал красным партизанам, по его словам, «сведения о неприятеле» и уволился оттуда, как только белые начали подозревать его. Та же сводка ОГПУ 1927 г. называет Куксенко бывшим вахмистром местной жандармской команды, который мало сведущ в милицеем деле «и держится на службе при содействии и дружбе с начальником окрадромдела ОРК Фроловым».

...Представление о личности партизана А. Н. Пересыпкина дополняют документы 1923 г., в том числе докладная Богомолова на имя ответственного секретаря Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручины. Во Владивостоке Пересыпкин, работая председателем профсоюза грузчиков, «присваивал суммы, поступавшие из разных источников, не проводя сумм по книгам», вымогал у разных лиц и организаций средства якобы для партизан и политзаключённых, а на самом деле в свою пользу; после свержения

колчаковщины пролез в Госполитохрану, участвовал в обысках, благодаря чему обогатился деньгами и золотыми вещами; во время японского выступления бежал из Владивостока вместе с женой, прихватив с собой довольно крупную сумму, а по миновании опасности вернулся в город, рассказывал о своих подвигах. Председатель Далькрайкома большевик П. М. Никифоров поверил Пересыпкину, выдал ему документы и проездные на Камчатку.

Там он вступил в компартию, втёрся в доверие и некоторое время даже был председателем Петропавловской организации РКП. В Усть-Камчатске, по словам В. Д. Богомолова, Пересыпкин выдавал себя за высшее начальство, пьянствовал, обещал устроить учительницей М. К. Дроздович при условии, что она «отблагодарит его женскими ласками». Зимую на Командорах, продолжал пить, изнасиловал тринадцатилетнюю девочку (заявление местных жителей об этом похищено вместе с другими партдокументами в тайге в «сопочный период»).

«Как только были получены сведения о выезде белых на Камчатку, резко изменил поведение. Начал пьянствовать открыто, пьяный исполнял служебные обязанности, почти открыто брал взятки, например, при конфискации на пароходе “Томск” спирта не отобрал у одного из спекулянтов и получил за это костюм и шляпу. Всё это Пересыпкин делал вполне сознательно с определённой целью: добиться, чтобы его уволили и исключили из партии, после чего он смог бы свободно удрать — спасать шкуру, так как белые приближались.

Во время наступления революционных отрядов на Петропавловск, когда все жители Налычевской волости примкнули к отрядам, Пересыпкин вынужден был тоже вступить в отряды, но, будучи в отрядах, ежедневно приставал к членам штаба с просьбой под разными предлогами отпустить его на время, чего неоднократно добивался. Когда штаб напомнил Пересыпкину о героических подвигах и назначил его командиром 4-го отряда, предложив искупить вину самоотверженной работой, Пересыпкин... не только ничем не проявил себя, но систематически разлагал отряд и постепенно создал такую обстановку, что большую часть отряда пришлось распустить. Будучи начальником 4-го отряда, не выполнив боевого приказа об отвлечении сил белых к радиостанции, бросил в горах свой отряд и с десятком бойцов пришёл к 1-му и 2-му отрядам на ферму, где вёл себя вызывающе, косвенно угрожая всем четвёртым отрядом, который, как он выражался, “больше численностью, чем ваши отряды”. Во время

боя на ферме бросил своих людей, винчестер и шапку и убежал в Халактырку...»

О том, какое значение документам смутного времени придавала советская власть, говорит 5-й пункт постановления Камчатского окрреврокома «О состоянии архивных материалов округа и работе архивного бюро» от 16 ноября 1926 г., где содержалось требование «привести в порядок и описать в первую очередь дела партизанских отрядов, затем все фонды 1917—1921 гг.», а потом уже остальные по степени их важности. Тем не менее, эта работа была поставлена слабо, что отмечает бюро обкома ВКП(б) 13 декабря 1935 г. Райкомам даётся указание «немедленно приступить к сбору материалов по истории революционной борьбы на Камчатке за период 1917—1923 гг., связаться с участниками партизанского движения на Камчатке, камчатскими коммунистами и старыми советскими работниками на предмет получения от них воспоминаний о партизанской борьбе».

Уполномоченному Истпарта Ф. Л. Слободчикову поручено «при поездке в Пенжинский и Тигильский районы... собрать материал о партизанской борьбе с белобандитами в 1921—1923 гг.», а комиссии по подготовке пятнадцатилетия советской Камчатки включить в план работы концентрацию, обработку и изучение материалов о революционной борьбе. Партгруппе при облисполкоме следует наладить работу облархива, выделить и передать в Истпарт партизанский архив за 1917—1923 гг.

М. И. Савченко-Славский, 1897 г. р., командированный летом 1922 г. в столицу Дальневосточной республики Читу, по пути заехал в Шанхай и в докладе советскому полпреду Иоффе «О положении на Камчатке» срыв боевых операций партизан против белого Петропавловска списал на «высадку японского десанта». После чего эта версия утвердилась в исторической литературе как реальный факт.

В 1922—1923 гг. бывший председатель Петропавловского уездного комитета большевистской партии руководит Камчатским губревкомом. С новым партруководителем губернии он общего языка, видимо, не нашёл. У Д. С. Бузина за полтора месяца общения с ним создалось мнение, что он «самоуверенный, замкнутый, эгоистичный... политически отсталый». Вдобавок, «за длинный четырёхлетний период тяжёлой работы на Камчатке стал физически больной, с нервно раздражительными вспышками характера, зачастую переходящими в нетактичность, влияющую на продуктивность работы целого учреждения».

Но не надо забывать, что, к тому же, за плечами у Савченко был солидный стаж революционера. В 1909—1913 гг. он работал в Юзовской организации РСДРП, подвергался арестам и ссылкам. С нарымской административно-политической ссылки в 1915 г. бежал в Петроград. В 1917 г. вступил в Красную гвардию, принимал активное участие в февральском и октябрьском переворотах. На Камчатку попал из Приморья, где работал в правительственной комиссии по разгрузке Владивостокского порта. В 1921 г. сменил Пересыпкина на посту руководителя Петропавловской большевистской организации. А когда в 1922 г. был направлен в Читу, его замещал П. Г. Ивашкин-Ларичев.

В 1924 г. М. И. Савченко-Славский навсегда расстаётся с Камчаткой. До 1930 г. учится в Ленинградском политехническом институте на стипендию Камчатского губревкома, затем работает директором промышленных предприятий, в том числе в Сибири, там в 1937 г. ему вменяют «связи с контрреволюционерами, врагами народа Немовым, Фельдманом, отрыв от партии, зажим критики, нечуткое, высокомерное отношение к запросам рабочих и вредительское строительство заводского корпуса». Тюрьма обошла Савченко-Славского стороной. Отделался исключением из ВКП(б) и пятнадцатилетней киргизской ссылкой. Жена тут же отказалась от него; перед тем они потеряли ребёнка. В ссылке Михаил Иванович трудится в геологоразведке, после реабилитации в 1954 г. — старшим инженером завода пирометрии. Умер в Ленинграде 23 июля 1969 г.

Михаила Ивановича Савченко нет среди камчатских партизан, представленных руководством края в сентябре 1929 г. к государственным наградам «в ознаменование приезда Правительственной комиссии». Возглавляет эту группу, естественно, Ларин, которого характеризуют «как первого организатора партийной организации» на Камчатке, хотя официально им считался М. И. Савченко-Славский, а на самом деле — расстрелянный белыми в 1922 г. А. И. Бабкин-Байкалов. Под вторым номером также представляемый к высшему ордену страны — Красного Знамени — «Ляко (туземец). Коряк Восточно-Корякского района, быв. Карагинский, с. Тяличики, кандидат в члены ВКП(б), активный работник тузсовета... выдвигенец в тузРИК, в 1922 г. принимал активное участие в ликвидации белогвардейской гижигинской бочкарёвской группы. Во время стычек с белыми ликвидировал двух белых офицеров и одного *генерала* (курсив мой. — В. П.)». Непонятно, что это за генерал. Неужели Н. А. Поляков?

## Боевой приказ №1

Членам Петропавловской Уездной организации  
Рос. Ком. Партии (Большевиком)

От имени Всероссийского Центрального Комитета  
Рос. Ком. Партии все члены Петропавловской  
Уездной организации РКП(б) (Большевиком) -  
обязательно мобилизоваться, которые  
предназначены принять самое активное участие  
в осаде г. Петропавловска и в работе дороги по  
тракту летящему по направлению к сел. Завайко - в  
районе выезда Кам. Обл. Нар. Рев. Комитета  
Имени партии должны своим примером  
увлечь рядовых членов выезда не взирая  
на возможные голод и холод.

В отношении подчинения членам партии,  
наравне с рядовыми членами выезда без-  
условно подчиняются уставу выезда  
и дисциплинарному уставу - действующим  
которые контролируются через своих  
членов входят в штаб.

За нарушение воинского приказа  
будет доведено до сведения Центрального  
Комитета партии на предмет привлече-  
ния к суду Военно-Революц. Трибунала  
членов нарушивших воинский приказ

По уполномочию Всер. Центр. Ком.  
партии, член Кам. Обл. ревкома

Л. Мартин Урлова

Иванов

Налико  
Членом. штаба Кам. Обл.

Боевой приказ И. Е. Ларина членам № 1 членам Петропавловской  
уездной организации РКП(б) от 1 марта 1922 г.

(ТАКК. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 5. Л. 34)

При стечении обстоятельств на имя К.Ф. Шило.



ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КАМЧАТСКОГО ОУ. Тов. БОГДАНОВУ.

КОПИЯ: Секретарю Камч. Округного ВКД. Тов. КИЗНЕЙКОВУ.

По имеющимся в Камчат. Окру. ОУ. ОУ. ОУ. сведениям, содейатель столовой в гор. Петропавловске гр. ПС-ПОВ Видул начал свою деятельность в этом отношении в 1923 году открытием, при содействии тов. тов. ФРОЛОВА Н.П. и БОГОМОЛОВА В. на средства Комхоза столовой под названием "Коммунальная", весь доход от которой шел исключительно ПОПОВУ. В 1924г. якобы по рекомендации тов. ФРОЛОВА, гр. ПОПОВ с целью избежать налогов, организовал кооперативную торговую артель, в которую вошло несколько немущих граждан - чайниками, "без пая" и два тов. торговца - чайца. Председателем артели являлся гр. ПОПОВ, фактически являясь хозяином предприятия и эксплоататором всех, имевшихся членами артели. Когда от последних поступила жалоба Прокурору, гр. ПОПОВ ликвидировал артель, выдав членам ее по 50-70 рублей.

В 1926 году гр. ПОПОВ на имя своей жены открыл столовую с крепкими напитками, при чем разрешение на торговлю вином получил, благодаря содействию гр. ФРОЛОВА, т.к. в Камчат. ОУ. якобы, имелось принудительное решение - прав на торговлю крепкими напитками никому не давать.

В настоящее время гр-н ПОПОВ набирает большой капитал, главным образом продажей спирта на вынос и произвольного разлива, что по его словам воспрещается. Инспекция и таможня, на это внимания не обращают.

Несмотря на большой заработок, гр. ПОПОВ принимает меры к тому, чтобы "работать", совершено не платя налогов, так например, он подал заявление тов. ФРОЛОВУ Пред. ДОДД / с предложением открыть столовую с крепкими напитками от имени ДОДД, которая была бы сдана ему, ПОПОВУ в аренду и на таких же условиях открыть хлебопекарню, мясную и банкалейную торговлю и биллиардную.

В беседе с населением гр-н ПОПОВ по поводу намеченного им спекулятивного плана, говорит: "Николай Павлович / тов. ФРОЛОВ / меня поддержит".

Покровительство грв. ФРОЛОВА спекулянту ПОПОВУ местным населением расценивается, как участие первого в деле второго, при чем указывается на то обстоятельство, что тов. ФРОЛОВ часто бывает в гостях у гр-на ПОЛОВА и в эти часы последний столовую для посетителей закрывает.

Имеются также разговоры о том, что гр-н ПОПОВ состоит у тов. ФРОЛОВА сотрудником Угровника на загования в 100 руб. в месяц, которое остается в пользу тов. ФРОЛОВА, якобы, имеющего 15-20 тысяч рублей личных сбережений.

Указанные сведения нами проверяются. -

Начальник Камч. Округдела и ПО ОГП / Краузе /

Помначальника Отряда по СОЧ / Юхино /

Уполномоченный / Недбайло /

Информация о Н. П. Фролове от 2 января 1928 г. (ЦДНИКО. ОФ. Оп. 1. Д. 60. Л. 2)

В принятом 6 января 1928 г. постановлении заседания № 1 Агитпропколлегии окрбюро ВКП(б) по докладу П. Г. Ивашкина-Ларичева говорилось: «1. Большинство камчатских партизан осталось в округе. Значительное количество из крестьянской части их оторвалось от общественной жизни, некоторые и вовсе морально опустились.

2. Основной целью работы среди партизан считать: а) вовлечение их в общественную и советскую работу на селе, оторвав по возможности от исключительно личной обыденной жизни; б) приближение их к партии и вовлечение в партию лучшей части из них; в) популяризация опыта партизанской борьбы за советскую власть на Камчатке; г) военизация партизан как базы для военизации всего населения.

3. Руководство этой работой возложить на окрсовет Осоавиахима и окрвоенкомат, а проведение её на месте на партячейки, поставив следующие задачи: а) точный учёт всех партизан, в том числе и участвовавших в партизанских отрядах на материке, а также принимавших участие в движении женщин; б) через персональные товарищеские письма связаться с партизанами в районах и связать их с партячейками; в) вовлечь всех партизан в Осоавиахим; г) на местах расположения погранзастав работу с партизанами проводить при участии последних; д) при организации кружков военных знаний вовлекать в них в первую очередь партизан; е) провести для всех партизан подписку газет “На страже”; ж) провести вечера воспоминаний, собраний партизан...»

В 1929 г. окрбюро принимает постановление, в котором констатируется, что плановой работы с бывшими партизанами не было, и вся она возлагается, опять-таки, на ячейки ВКП(б) и Осоавиахим.

Постановлением президиума Камчатского окрисполкома от 6 ноября 1931 г. красным партизанам установили льготы: 30—50-процентная скидка (в зависимости от зарплаты) за жильё; половинная плата за воду и электроэнергию; бесплатная медицинская помощь. Детям партизан предоставлялось право первоочередного приёма во все учреждения дошкольного воспитания бесплатно.

В 1933 г. при партчишке главы АКО Б. И. Гольдберга выступил беспартийный Медведицын: «Я на Камчатке с 1914 г. и провёл всю гражданскую войну здесь. Партизанские льготы, данные партией, АКО игнорирует. Мне предъявили за холодную со щелями квартиру плату и за то время, когда я был на материке во Владивостоке. Сейчас дали немного подходящую квартиру после

семи месяцев мук. Это всё получается потому, что за спиной Гольдберга сидят и руководят чужаки».

С 1932 г. некоторые из партизан начинают мелькать в информационных и агентурных сводках ОГПУ. В Жупаново это — Михаил Иванович Бакланов. Кулак. Активист-антисоветчик. «Никакого участия в партизанском движении не принимал, не имеет на то никаких подтверждающих документов, за исключением того, как нами установлено, что Бакланов случайно пробыл два дня в партизанском отряде». Ефим Кузьмич Ноздрин из Кроноцкого заповедника. «Антисовдеятельность Ноздрина аналогична во всех формах и методах контрреволюционным действиям Бакланова, возглавляемым бывшим белогвардейцем Шварцем». Ноздрин, как и Бакланов, были взяты на переброску продуктов в партизанский отряд, откуда по истечению двух дней ушли. Однако, если Бакланов отсутствовал в списке партизан (1928 г.), составленном партийными органами, то Ноздрин там был, подобно Степану Евдокимовичу Мореву.

На Мореву чекисты собрали довольно обширный материал. На Камчатке с 1912 г. Нанялся к рыбопромышленнику Шабалдаеву в Жупаново. По окончанию сезона остался в заповеднике рыбачить и охотиться, «а в 1921 г. вступил добровольцем в военный революционный отряд, принимая участие в действиях против него (! — В. П.)». По окончанию партизанского движения выехал в Акмолинскую область, имея при себе 5 000 денег и 2 000 иностранной валюты. Занялся коммерцией. В Акмолинске у него было конфисковано два вагона пшеницы. После неудачного коммерческого оборота Морев приехал обратно на Камчатку, поступил в сельхозартель с. Островная, пробыл там один год, заработал свыше 1 000 руб. и был исключён из артели за антисоагитацию. С 1926 г., найдя себе партнёра — чуждого элемента, отправился в Кроноцкий заповедник и занялся охотой. Привёз оттуда пять соболей и «предназначил их для отправки в Японию». Далее С. Е. Морев предстаёт участником секретного совещания враждебных классово-чуждых элементов, где обсуждалась в подготовке «нелегального крестьянского съезда на Камчатке, который бы предъявил ультиматум Советской власти».

Делясь впечатлениями от делегатов действительного, а не мифического съезда 1922 г., созданного ОНРК, П. Г. Ивашкин-Ларичев писал: «Морев С. Е. — русский, средних лет. Он ещё в селе Колыгирь вступил в партизанский отряд, и на принадлежащей этому селению, проживающему коммуной, нарте он совместно



с т. Щербаковым проводил работу по заданию Облнарревкома среди населения Западного побережья Камчатки. Тов. Морев очень энергичный человек, исполнительный, к сожалению, не обладает достаточной грамотностью, но выступления его на Чрезвычайном съезде были толковыми и призывающими к активным действиям против белобандитов».

В партизанском списке № 2, составленном Камчатским окрбюро ВКП(б) в 1928 г., помимо Морева и Ноздрина, пофамильно перечислено 38 партизан (как здравствующих, так и ушедших на тот момент из жизни): «Бохняк — убит на ферме; Богомолов — Петропавловск; Бурнатов — Петропавловск; Дедков — материк; Давыдов — убит на ферме; Дигай — моряк, с. Ленино; Дыптан — Колыгирь; Елизов — убит; Ким Трофим — Петропавловск; Кобцев — Островная; Колесников — Колыгирь; Король-Ситоле (Королёв П.) — Петропавловск; Косицын И. — Островная; Костиков Николай — утонул; Крупенин Василий — Сероглазка; Львов Марк — Халактырка; Макаренко — Петропавловск; Макаров — Колыгирь; Ни Николай — Петропавловск; Паленко — самоубийство; Пересвет-Солтан — Петропавловск; Ревенко — утонул; Редькин Иван — Жупаново; Пересыпкин — Жупаново; Сахаров Алексей — Халактырка; Семёнов — Усть-Камчатск; Ситенкин — Колыгирь; Слободзян — Колыгирь; Спевак Д. — Островная; Стародубцев Антон — утонул; Трухин — Владивосток; Тушканов А. — Владивосток; Тушканов Л. — убит на ферме; Фёдоров Шура — на материке; Филонович (Филькович) — в России; Эль (Эм) Владимир — здесь; Антон Хит (Хат) — здесь; Курилов Костя — на материке».

Дополнительно в этот список «присоединившихся при выступлении на Петропавловск» были внесены: Каспер — Владивосток; Малахов — Владивосток; Рыжкин — Жупаново; Сипякин — Колыгирь; Шустов — Петропавловск.

В списке № 1 (тоже 1928 г.) «Ушли из Петропавловска» насчитывалось, подобно ивашкинскому 1964 г., 23 человека. Только вместо Зорина, Флетчера и Чекмарёва туда попали Войцешек, Метальников и Кравченко.

Последний раз партийное руководство области вплотную занималось бывшими партизанами в январе 1933 г. Отчитывалась комиссия по их проверке. Направленность соответствующего постановления сильно отличается от документов 1920-х гг.: «Поручить комфракции облоргкомитета в крайисполкоме пересмотреть вопрос о награждении вычищенных из красных партизан... Про-

сдать Контрольную комиссию рассмотреть дело коммунистов, присвоивших себе партизанство...»

Родившийся в 1905 г. в селе Воскресенском Тобольской губернии Георгий Андреевич Чужих своё двадцатисемилетие встретил табельщиком «Водстроя», работая перед тем подручным слесаря. Образование он к тому времени получил «ниже среднего», жил в своём доме в Петропавловске по ул. Таможенной, 59, имел жену и, по-видимому, ребёнка. В 1922 г. партизан Г. А. Чужих грозился прикончить городского голову Е. А. Колмакова, в 1924 г. был судим, но оправдан по делу об убийстве своего отца. 8 августа 1924 г. ответственный секретарь Камчатского губбюро РКП(б) Д. С. Бузин направил начальнику губотдела ГПУ И. Я. Ломбаку «вещдоки» из области искусства с запиской: «При сём препровождено два рисунка некоего Е. Зуева, выбывшего в с. Елизово, при чём обращаю Ваше внимание на содержание рисунка № 2, носящего политический характер. Автор рисунка намеревался вывесить его на видном месте, но знающий Зуева служащий колхоза гражданин Чужих (молодой) не посоветовал ему сделать это и доставил рисунок мне. Рисунок № 1 прилагаю как доказательство рисунка № 2». В 1925 г. Г. А. Чужих с рекомендацией Н. П. Фролова был принят в кандидаты РКП(б).

В марте 1932 г. Георгий Чужих показал в ОГПУ на главу единственного в Петропавловске семейства староверов. «Матвеева я знаю с самого моего детства. До революции Матвеевы имели свой дом и хозяйство, с начала войны (империалистической) приблизительно до 1926 г. Матвеевы варили брагу, за что их неоднократно штрафовала Петропавловская милиция. В 1921—22 гг., когда в Петропавловске были белые, Матвеевы имели с последними связь, к ним зачастую ходил некто Бойко и многие другие белые, которые носили им различные вещи. Красных партизан они в то время боялись и даже боялись пускать свой скот в общее стадо, из которого партизаны брали себе скот петропавловских богачей.

Когда белые ушли, а белый Бойко был арестован, Матвеевы носили ему передачи и всё время поддерживали с ним связь, это я знаю точно, так как часто передавались передачи во время моего дежурства. Всё время Матвеевы пользовались наёмной рабочей силой, конечно, исподтишка, чтобы не платить в соцстрах и т. д. В 1928 г. Матвеевы продали свой маленький домик и купили гораздо большей, в котором они сейчас живут...»

Неграмотного грузчика Илью Никитича Матвеева, хотя он и ругал втихомолку соввласть, ОГПУ выпустило за отсутствием

данных, необходимых для привлечения его к ответственности по ст. 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация).

С бывшим кандидатом в гласные Петропавловской городской Думы А. И. Кобцевым этого не произошло. Он в 1922 г. перебежал на сторону партизан, но пустил по городу слух о насильственном пленении. Г. Чужих охотно рассказывал чекистам и об этом человеке. «Кобцев с парламентарями от городской Думы приехал в партизанский отряд, чтобы последние сдались без боя контрреволюционному правительству Бирича. Мы их направили в с. Авача, в штаб партизанского отряда, но они в с. Авача не поехали, а выехали в с. Елизово, где создали собрание камчадалов с предложением о выступлении с тыла против партизан».

Андрей Иванович подтвердил это, но добавил: «Я передал планы командования белых, по которым они хотели окружить и уничтожить партизан». К красным он ушёл, находясь в другой поездке. На следствии 1923 г. по «Думскому делу», отвечая на вопрос, кем и с какой целью Кобцев был послан «в пос. Наволочную» (правильно — Налычево. — *В. П.*), гласный Н. П. Косыгин сказал: «...управой для того, чтобы узнать, жив ли офицер Лукомский, так как в то время на “Свири” сидели арестованные, и сказано было Управе, если узнаете и убедится Кобцев, что Лукомский жив, то будут освобождены, так как Управа и Дума хлопотали об освобождении арестованных, но Кобцев уехал и больше не вернулся, так как его задержали. Кобцев был послан без ведома и согласия Думы, что Управа не имела права делать. Дума не знала, из каких средств уплачивалось на содержание семейства Кобцева».

Кандидат в гласные Е. Бандурин заявил, что Думе вообще не было известно о выдаче пособия его семье, а командировал Кобцева в партизанский стан не кто иной, как Бирич.

Арестованный в 1938 г. А. И. Кобцев поведал о себе следующее. Родился в бедной крестьянской семье, состоящей из семнадцати душ. Отец, мать, восемь братьев и семь сестёр. Детей с девяти лет отправляли в батраки. Сам он три года получал у богача по шесть руб. за каждые двенадцать месяцев. В 1913 г. призвали на военную службу. Попал в 1-й Владивостокский артиллерийский полк. Определили кладовщиком в гараж автомобильной команды, где в 1916-м познакомился с революционерами Шумяцким и И. Е. Лариным. Демобилизовавшись в 1918 г., жил на квартире Иосифа Семёновича Березовского в 10-й Рабочей слободе. В мае того же года прибыл на пароходе «Сипан» вместе с японскими рабочими в Бечевинку, а в октябре — в Петропавловск.

В 1919 г. он — опять во Владивостоке, но уже на нелегальном положении: купил за 500 руб. два паспорта на имя Сойкина и Кулакова, один — Ларину, другой себе. Некоторое время И. Е. Ларин скрывался у него на квартире. Затем Андрей Иванович вновь отправляется на Камчатку.

«По распоряжению Ларина, я и Майтов поселились на р. Островной, где не было ни одной души жителей. Тов. Ларин содействовал, чтобы был у нас продовольственный резерв... 15 июня 1921 г. я получил письмо от тов. Ларина срочно прийти в Петропавловск. Я пришёл. 25 июня в доме тов. Ларина было небольшое собрание, где присутствовали: Ларин, Фролов, Ларичев-Ивашкин, Савченко-Славский. На этом совещании мне было поручено заготовить двадцать тонн рыбопродукции для военно-революционного отряда и двадцать тонн собачьего корма. Что мною было выполнено. 21 октября 1921 г. я пришёл в Петропавловск сообщить, что продукция заготовлена.

Телеграмма получена от Бочкарёва — экспедиция вышла. Тов. Ларин передаёт мне некоторые документы и попросил спрятать в безопасное место в моей квартире, что мною и было сделано.

В октябре месяце в 21-м году город покидают. Мне дают задание работать с благонадёжными товарищами в лагере белых. В ноябре месяце 1921 г. пришла карательная экспедиция. Стали аресты среди рабочих. Многие товарищи шли ко мне советоваться, что делать. Мой совет — бежать в сопки, иначе спасения нет. Казаков Р. М., Петров, Фёдоров в двенадцать ночи были отправлены в сопки. Прожил я пятнадцать дней в городе, узнал неприятельские посты, а также получил сведения от тов. Колегова, какие силы охраняют радиостанцию. Собранный мною материал я отправил в партизанский отряд...»

О том же самом свидетельствовал в 1964 г. И. Е. Ларин: «Кобцев по нашему заданию оставался в городе и распространял наши воззвания к солдатам и матросам белых, а также имел связь с нашей разведкой».

20 декабря 1921 г., рассказывал А. И. Кобцев, начальник полиции Дельсаль оцепил его дом, произвёл обыск. «При обыске ничего не обнаружили. Все документы и воззвания, и пакеты консулам были закопаны в снегу. Через три дня роздал их надёжным товарищам, а к японскому и китайскому консульствам прикрепил на кнопках... В первых числах февраля военно-революционный штаб вручает мне 1 000 долларов для содействия семьям находящихся в отряде. Кроме того, вести нелегальную работу».

И. Е. Ларин: «В начале 1922 г. Кобцев из города вышел и вступил в наш отряд в качестве командира отделения разведки. Принимал участие в боевых операциях».

А. И. Кобцев: «С марта я стал работать в отряде. Работал больше в разведке. Принимал участие в боях — обстреле радио. Моя разведка была обстреляна с парохода “Свирь”, жертв не было, как с моей стороны, так и неприятельской. Второе участие — фермерское событие. Командование наших командиров было неправильное и паническое. Я бешено набросился на начальника штаба тов. Фролова, выругал яво. Дал команду бежавшим партизанам не отступать ни на шаг. Через тридцать минут после перестрелки в числе пятнадцати человек я и тов. Елизов заняли ферму. Неприятель отступил. Свидетели этому — Офицеров из Петропавловска, Селиванов Сергей (Ключи)... После поражения фермерского события перевыборы командования. Мне предложили принять командование, но я категорически отказался, так как дело обстояло плохо с продовольствием...»

И. Е. Ларин: «В августе 1922 г. Кобцев был организатором снабжения партизанского отряда».

Через сорок с небольшим лет Н. П. Фролов, говоря о Кобцеве, назвал его членом 4-го отряда, командиром которого был В. М. Чекмарёв. «Помню один случай, — заметил Николай Павлович, — когда вместе с Кобцевым один раз ходил в город, и заходили на его квартиру. Жена Кобцева снабдила нас продуктами и сообщила некоторые сведения». А вот М. П. Савченко-Славский, всё в том же 1964 г., отзывался об Андрее Ивановиче по-иному. «В этой Думе было сильно влияние эсеров, и Кобцев поддерживал их. Возможно, что он состоял в партии эсеров... Относительно связи Кобцева с партизанами... ничего сказать не могу».

26 января 1939 г. Военный трибунал Краснознамённых пограничных и внутренних войск ДВО по Камчатской области присудил А. И. Кобцева, 1892 г. р., уроженца с. Серовка Рыльского уезда Курской губернии, жителя с. Островная, беспартийного, с двухклассным образованием, имеющего жену, дом и собаку упряжку, каменщика по специальности, к десяти годам лишения свободы по 58 п. 1-а ст. УК РСФСР.

Партизаны люто ненавидели особоуполномоченного Приамурского правительства Х. П. Бирича и главу Петропавловской военной администрации генерала Н. А. Полякова. Последнему на владивостокском процессе (1923 г.) инкриминировалась распра-

ва с пленными, взятыми в Охотске осенью 1921 г. Но не столько ему самому, сколько его конвою, в состав которого входили: есаул Алексей Иванович Васильев, подъесаул Алексей Андреевич Захаров, сотник Пётр Фёдорович Болотов, прапорщики (в списке имя неразборчиво) Георгиевич Прудников и Николай Павлович Воинский, подхорунжие Пётр Волков и Николай Краснов, вахмистры Яков Коликов и Фёдор Водопьянов. Известна судьба только одного из них: Краснов убит в бою с партизанами на Петропавловской сельхозферме...

Самым болезненным для партизан вопросом весны 1922 г. был обмен их парламентаря И. В. Рябикова на полковника Лукомского. Имя-отчество, даже инициалы полковника неизвестны, как, впрочем, и степень родства или её отсутствие с одним из «быховцев — участником корниловского «мятежа» — генерал-лейтенантом Генерального штаба. Между тем Г. Панкратов и Н. Селецкий в документальной повести «И день настал» (Петропавловск-Камчатский, 1980) называют его Станиславом Денисовичем; однако у них и Бирич — Харитон Павлович, а не Хрисанф Платонович...

Обмен, на котором настаивали белые, не мог состояться, так как Лукомский был мёртв. Убивает полковника в той же повести предатель из числа отрядников некий Баскин Кузьма Кондратьевич, бывший правый эсер — лицо целиком вымышленное. Авторы делают каюром Лукомского также не существовавшего в действительности «туземца» Нутамхита, связанного с партизанами.

Ивашкин пишет об унынии и даже парализации активности делегатов II Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда при известии об аресте Рябикова. «Мною тогда наблюдалось, что некоторые делегаты съезда в своих дружеских обменах мнениями по поводу ареста тов. Рябикова высказывались, что наш боевой пост, руководимый тов. Пересыпкиным, захвативший в плен в феврале месяце белогвардейского полковника Лукомского, опрометчиво и необдуманно тогда поступил, не приняв всех мер к тому, чтобы доставить в партизанский штаб его живым, как говорится у военных “добыть языка”. Тов. Пересыпкину и находившимся с ним товарищам надо было использовать все меры предосторожности, проявить хладнокровие, но не дать возможности Лукомскому проявлять действий к самозащите и к побегу, при которых он был уничтожен. Во что бы то ни стало надо было доставить Лукомского живым в штаб партизанского отряда, находившегося в то время в селении Халактырка».

Но тот же Ивашкин в другом месте пишет, что Лукомского уничтожили при сопротивлении, то есть, надо полагать, во время пленения. А что же каюр полковника Е. С. Самсонов? Он после гибели пассажира удерживался в партизанском стане вплоть до ухода белых из областного центра. «Полярная звезда» за 25 марта 1923 г. сообщала: «Гражданин г. Петропавловска Самсонов передал в дар войскам... пять аршин старого красного сукна, за что штаб войск (отряда 5-й Краснознамённой армии. — В. П.) выражает свою признательность». После этого Евлампий Самсонов не прожил и четырёх лет. 28 декабря 1926 г. окружной финотдел принял постановление № 15 «о сложении недоимок с гражданина Самсонов(ич)а по уравсбору в сумме 12 руб. 86 коп. за смертью...»

Конечно, если бы убийство Лукомского не повлекло мученическую смерть Рябикова, вряд ли оно выглядело столь загадочным, а свидетельства о нём были такими противоречивыми. Другое дело — теракт в отношении начальника военно-политического розыска подпоручика П. Д. Пояркова. Этим «актом возмездия» гордились. Как и непосредственным исполнителем Григорием Трухиным.

Его присутствие в районе убийства полковника в середине февраля 1922 г. отмечено парламентской делегацией, отправившейся с миротворческой миссией в стан красных. В докладе главы делегации В. И. Артюхина городской Думе есть такое место: «На шестой версте от города по Завойкинской дороге нас встретил пост из лиц партии комитета, в числе коих был некто Трухин, по слухам будто бы убитый как хищник, но в действительности оказавшийся живым...»

Известно, что Григорий Трухин в 1923 г. работал в только что образованном Камчатском ГПУ, в 1924 г. — начальником Анадырской волостной милиции, а в 1925 г. — руководил Марковским волревкомом. 13 декабря 1926 г. Григорий Филиппович Трухин, 1892 г. р., осуждён Особым совещанием при коллегии ОГПУ (без указания статьи УК РСФСР) к лишению права проживания в ряде городов СССР. Входил ли в этот список Петропавловск? Если нет, то сообщение «Полярной звезды» от 24 апреля 1927 г., вполне возможно, касается интересующего нас человека. Газета писала: милицией составлен протокол на граждан Трухина, Киселёва, Тарасова и Сыркина за нарушение ими правил охоты; административный отдел окрревкома наложил на каждого из них штраф 50 руб.

Но недаром председатель следственной комиссии при губернском ревтрибунале Г. Н. Трухин подписывался «Трухин 2-й». Значит, существовал однофамилец. Некоторые партизаны (Н. П. Фролов,

А. И. Козырин) в своих воспоминаниях называют убийцу подпоручика Пояркова и руководителя нападения на пароход «Томск» с целью захвата катера Григория Трухина *Тимофеем*.

В 1942 г. органы госбезопасности прекратили дело в отношении Трухина Петра Ивановича, 1900 г. р., уроженца Тамбовской губернии. Из справки, составленной сотрудником КГБ 24 октября 1955 г.: «По делу “Автономная Камчатка” Трухин известен как открыватель нефти на Камчатке (пропущено *установить*. — В. П.)... является ли он тем Трухиным, который проходит по делу “Автономная Камчатка”, также не представляется возможным». По неподтверждённым сведениям, открытие нефтяного месторождения принадлежит Трухину в паре с Фёдоровым. А Фёдоров как раз был коллегой Г. Трухина и по следственной комиссии конца 1922-го — начала 1923-го года, и по губотдела ГПУ.

Что касается нефти, то в отчёте Камчатского окрбюро ВКП(б) за апрель-ноябрь 1927 г. значится: «...налицо имеются все благоприятные объективные условия для промышленной разработки нефти в Кроноках: качество нефти хорошее, площадь, занятая ею, достаточно большая, условия выгрузки и стоянки судов благоприятные... Уже несколько лет подряд ассигновываемые геолкому средства на её разведку каждый год расходовались на другие надобности, и вопрос с нашей нефтью оставался открытым. В нынешнем году повторилась та же история, и работающая разведпартия была снаряжена на средства частного Люри, работающего на японские капиталы. Это обстоятельство (роль частного), а также чрезвычайно поверхностная работа разведывательной партии, к тому же снабжённой совершенно непригодным инвентарём, приобретённым также в Японии, не исключает подозрений об экономической контрреволюции и японском шпионаже...»

Моя версия гибели Лукомского изложена в первой части «Противостояния» и докладе «Посылая на верную смерть...», прозвучавшем на XXI Крашенинниковских чтениях в 2004 г. Недавно я нашёл ей новое подтверждение. 26 января 1939 г. на заседании военного трибунала по делу Кобцева бухгалтер областного суда Г. А. Чужих заявил: «Стоя в секрете, я поймал Лукомского, который здесь же был расстрелян» [ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 91. Л. 59.]. Он не уточнил, кем. Нег этого и в его статье «От Кольгиры к Петропавловску» в «Камчатской правде» за 11 июля 1947 г.:

«Небольшая группа осталась на тракте заслоном. Поручив мне вести наблюдение за дорогой, мои товарищи ушли ставить палатки. Вскоре я задержал идущую из города нарту. У пассажира,



оказавшегося белогвардейским полковником Лукомским, были найдены секретные документы, из которых выяснилось, что в Петропавловске создан карательный отряд. Лукомский ехал реквизировать у населения нарты для переброски карателей в Тигиль, где они должны были «усмирять» коряков, поднявшихся против белогвардейцев». Не будем опровергать явную неправду: карательный отряд, восставшие коряки...

Автор упоминает о гибели старшего брата Петра в Петропавловске от рук белых, но опускает при каких обстоятельствах: задержанный по подозрению в убийстве трёх арестованных офицеров (в 1920 г.), он пытался бежать из-под стражи. Видимо, желание отомстить за брата и привело Г. Чужих в партизанский лагерь.

...Тигильская телеграфистка Мария Степановна Рябикова (в девичестве Дюпина, 1901 г. р.) передавала партизанам сведения «о движении белых в сторону Петропавловска». В 1924 г. она вышла замуж за ровесника погибшего мужа П. Г. Охупкина, работавшего до революции продавцом. Павел Гаврилович приехал на Камчатку в 1921 г. «Наш Усть-Камчатский отряд, в котором я был с сентября по 25 декабря 1922 г. председателем воен-совета, — писал он в своей автобиографии, — имел задачей не допускать высадки белогвардейского десанта в Усть-Камчатск... В боевых операциях, будучи в партизанском отряде, я не участвовал». В 1923 г. занимал различные малозначимые должности в губревкоме, затем в течение года руководил Гижигским уревкомом. С 1927 г. — заведующий торговыми операциями Петропавловского кооператива. В 1930 г. перешёл в Интегралсоюз и трудился там вплоть до его ликвидации в 1933 г. Некоторое время жил в Большерецке: опять кооператив и опять торгоперации. Арестовали Охупкина в конце ноября 1941 г., когда он работал начальником штатного отдела облфинотдела. Присудили к расстрелу (ст. 58 ч. 2 УК), но потом заменили десятью годами лишения свободы.

Отец Марии Степан Афанасьевич Дюпин за нелюбовь к советской власти, связь с белыми и ностальгию по дореволюционной России был выслан органами ОГПУ ещё в 1933 г. В 1960-е гг. М. С. Рябикова жила во Владивостоке. От Охупкина имела двоих детей: Лию (1924 г. р.) и Юрия (1925 г. р.).

Алексей Тимофеевич Коробко в период партизанской борьбы контролировал почтовую и телеграфную корреспонденцию, проходящую через Большерецк, держал связь со штабом по телефону. Кроме того, писал он, «в мою обязанность входило реализо-

вать имущество Центросоюза и Союза камчатских кооператоров западного побережья, снабжать отряды продовольствием, патронами и обмундированием, собирать пожертвования для бойцов».

К революционной работе — распространению прокламаций — черниговский крестьянин А. Коробко приобщился рано, с пятнадцати лет, как только начал столярничать. С возникновением угрозы ареста уехал на Дальний Восток. Призыв на воинскую службу застал его строящим казармы на Русском острове. Бежал на Камчатку, однако отправлен обратно. Волей-неволей пришлось отдавать долг родине, причём дважды, даже повоевать в Первую мировую на Юго-Западном фронте.

В 1918 г. А. Т. Коробко вновь очутился, уже в третий раз, на Камчатке, но вскоре был выслан на материк как член Петропавловского горсовета. Вернулся. Опять арестовали и опять выдворили. Теперь просидел во владивостокской тюрьме восемнадцать суток. После просоветского переворота 1920 г. в пятый раз появляется на Камчатке. Поначалу столярничает у Чурина, затем переходит на работу в органы власти. (Между тем в местной газете промелькнуло сообщение, что 26 сентября 1920 г. облисполкомом были приняты меры к спекулянту А. Т. Коробко.) 28 октября 1921 г. завхозчастью ОНРК член компартии Коробко уходит в сопки партизанить.

Кроме него в списке Ивашкина (1964 г.): 1) М. И. Савченко-Славский — председатель уездного комитета РКП(б), 2) И. Е. Ларин — председатель ОНРК, коммунист, 3) М. П. Щербаков — секретарь ОНРК, делегат от Охотского уезда на IV областной съезд, коммунист, 4) П. Г. Ивашкин-Ларичев — заместитель председателя Трудового союза рабочих и служащих, коммунист, 5) И. И. Елисеев — служащий ОНРК, коммунист, 6) И. Ф. Черепанов — начальник почтово-телеграфной конторы, коммунист, 7) П. В. Мусорин — представитель Приморского обкома РКП(б), 8) Н. П. Фролов — начальник народной охраны (милиции), коммунист, 9) А. С. Лукашевский — член ОНРК, беспартийный, 10) В. М. Чекмарёв — делегат от Анадырского уезда на IV областной съезд, беспартийный, 11) П. И. Шлыгин — член ОНРК, беспартийный, 12) В. И. Семёнов — заведующий информбюро и типографией ОНРК, беспартийный, 13—14) С. М. Докало, Мандебура — милиционеры, коммунисты, 15—21) А. Глухарёв, И. Горбенко, В. Д Зорин, П. И. Метальников, Кутьин, Старцев, С. Селиванов — милиционеры, беспартийные, 22) И. И. Флетчер — член ОНРК, беспартийный.

В начале июня 1922 г. А. Т. Коробко участвовал в бою на сельхозферме и был легко ранен в левую ногу. По восстановлении

совласти, в 1923—1924 гг., он — начальник Уэленской милиции, смотритель казённых зданий в Петропавловске, в 1925 г. — начальник Дранкинской волостной милиции. До июня 1927 г. возглавлял Карагинскую раймилицию. Согласно сводке ОГПУ, в момент приезда погранзаставы говорил корякам: «Вы меня мало слушались, так теперь приехали ГПУ и привезли с собой такую машину, что от вас ничего не останется». В 1926 г. секретарь окрревкома П. В. Проскураков так отзывался о Коробко: «Вспыльчив, рассеянный, не умеет осознать своих ошибок, мало развит, малограмотен, слабо ориентируется в окружающем. К самостоятельной советско-административной работе не пригоден».

Продолжая жить в том же населённом пункте, работал в системе народного образования. В ноябре 1927 г. А. Т. Коробко сделал доклад о национальной политике партии на собрании ячейки ВКП(б). Сообщил, что нацменьшинства страшно притеснялись при царе, испытывая двойной гнёт «русской и своей буржуазии». Далее на протяжении всего доклада Алексей Тимофеевич ни разу не употребил слова *русский*. Да оно было и без надобности: соввласть декларировала заботу обо всех нациях бывшей Российской Империи, за исключением одной, благодаря которой остальные не исчезли с лица земли как этнос.

...Другой партизан, выбившийся в конце 1922 г. в губернские прокуроры, В. Ц. Пересвет-Солтан очень быстро опустился до помощника бухгалтера губернского финотдела, но и тут вскоре аттестационная комиссия забракела его по причине профнепригодности. В конце 1920-х гг. Валентин Цезаревич попал в число совслужащих, на коих собирается компромат. «Личность Пересвет-Салтана загадочная, он выдаёт себя за фельдшера, агронома, офицера царской армии, за электротехника и спеца по приготовлению табака. Салтан тесно связан с крайне религиозным семейством, в доме которого проживает поп Леонтий, и Салтан возмущён всякими выявлениями по адресу религии. Как работник Салтан негодный, еле разбирается в латыне. К советской власти относится явно враждебно».

В том же документе «партизанский доктор» В. Ц. Пересвет-Солтан характеризуется как медработник. Он «вызывает целый ряд справедливых нареканий со стороны младшего персонала» не только из-за всяческих грубостей. Так, «во время работы комиссии по проверке наличности аптсклада на 1/Х 1927 года с целью обнаружить недостачу Пересвет-Салтаном большая часть меди-

каментов принималась не на вес, а на глаз. В результате в наличии оказалось больше, чем числится, рублей на 800. Что в приёмо-сдаточную ведомость не вошло, так как позднее Лукашевским был найден серный эфир на лицо не значавшийся в ведомости... Был случай, когда Пересвет-Салтан приказал сторожу Пашковскому завернуть в бумагу маленькую из жёлтой меди лампочку-ночник и унёс её домой. Во время приёма медикаментов и врачебного имущества из Японии и Дальмедторга в одном из ящиков оказалась разбитой банка для перевязочных материалов, вторую банку при раскупорке нечаянно разбил Лукашевский, а третью банку Пересвет-Салтан унёс домой, пометив в акте приёмки за № 19 три банки разбитыми».

Присвоил он, отмечается в характеристике, и большую чугунную ступку с пестом. «Имеющимся спиртом нагаленовы препараты в 1927/1928 финансовом году Пересвет-Салтан пользовался взаимобразно, не пополняя до 1/X—28 г. Был случай продажи одной бутылки спирта Бурнатову, деньги которого не приходовались, мотивируя, что вместо проданного купит спирт. Производимая продажа за деньги медикаментов и врачебных пособий ведётся без официального объявления продаваемого и его цен. Введённые вначале талонные книжки для покупателей в пользовании прекращены, чем достигается бесконтрольная продажа и приходование поступающих сумм».

По прошествии десятилетий персональный пенсионер республиканского значения П. Г. Ивашкин-Ларичев писал историку М. П. Стельных: «Про тов. Пересвет-Солтан я хорошо помню лишь то, что эта фамилия у него псевдоним, но он по ней женился на Ульяне Ивановне Косыгиной и уехал в Ленинград».

В. М. Чекмарёва можно назвать баловнем судьбы. Биография у него была весьма благонадёжной по тем временам: из крестьян, до 1917 г. — чернорабочий, балтийский матрос, секретарь Пензенского Совета, председатель Кустанайского военревкома; в 1918 г. после ранения приехал в Анадырь, в 1920—1921 гг. — секретарь Марковского волостного Совета, Анадырского нарревкома. В 1922 г. в партизанах, то ли командир отряда, то ли начальник разведки (точно установить не удалось ввиду противоречивости архивных документов).

В книге Б. И. Мухачёва «Борцы за власть Советов на Камчатке», изданной в 1977-м (год смерти персонального пенсионера союзного значения Чекмарёва в Кустанайской области), о дальнейшей судьбе бывшего партизана сказано скупо, по-деловому:

«После гражданской войны — на советской и хозяйственной работе на Чукотке». В качестве дополнения заметим, что через несколько месяцев после возвращения партизан к мирной жизни у В. М. Чекмарёва отобрали портфель завподотделом коммунального отдела Камчатского губревкома за пьянство и даже заключили в тюрьму для отбывания наказания [Полярная звезда. — 1923. — 13 апр.]. К 1925 г. он несколько «выправился», поскольку принят, наконец, в кандидаты партии, трудится в Анадыре на советской работе, быстро вырастает до зампреда райисполкома, но затем вдруг превращается в хозяйственника. Явное понижение.

Из доклада райоторга А. А. Хорошавцева на закрытом собрании кандидатской группы ВКП(б) 14 ноября 1927 г.: «Каждое его посещение Уэлена сопровождается пьянством, благодаря которому торговля ведётся из рук вон плохо... Особенное поведение т. Чекмарёва на праздновании десятой годовщины Октября заставило прибегнуть к уговариванию его, чтобы он не показывался в пьяном виде и покинул бы совершенно зал, однако ничего не действовало, и пришлось предупредить его арестом через милиционера — но и это не помогло, и он продолжал в зале строить из себя шута, заставляя этим самым отрываться туземцев от сцены и следить за тов. Чекмарёвым... Инцидент т. Чекмарёва с врачотрядом... тоже построен на пьяном настроении, созданном от чересчур большого количества выпитой браги собственного производства».

Этот и другие инциденты привлекли внимание народного следователя по Камчатскому округу Золотарёва, вынесшего 2 февраля 1929 г. специальное постановление в отношении «души партизанского движения» (определение И. Махоркина и Ф. Слободчикова): «8 ноября 1927 г. гражданин Чекмарёв, занимая должность заведующего Дежнёвской факторией Дальгосторга, будучи в нетрезвом состоянии, явился в 6-й врачебный пункт Крайнего Севера, вёл себя грубо и вызывающе с сотрудниками пункта и приставал к ним с гнусными предложениями, заведующего гражданина Макеева обзывал эсером и бывшим офицером без всяких к тому оснований и угрожал пристрелить его. 6 апреля 1928 г., прибыв по делам службы в с. Яндагай, взял у завфакторией гражданина Антонова пять бутылок вина и распил их у себя на квартире. Вечером этого же числа вновь явился к гражданину Антонову и потребовал угощения. Получив бутылку портвейна, тут же выпил её, охмелев окончательно, стал произносить брань по адресу гражданина Антонова и его жены. Последняя вынуждена была уйти из квартиры, а муж ночью искать её по селению.

17 апреля гражданин Чекмарёв вновь прибыл в селение Яндагай. Увидя гражданина Антонова, сидевшего в нарте и собиравшегося ехать из села, приказал каюру оставаться на месте, а затем предложил гражданину Антонову следовать за ним для производства какого-то допроса. В ответ на отказ названного гражданина исполнить это странное требование, пытался увести его силой и в заключение пообещал пристрелить, “как собаку”. (Вспоминается любимое изречение Чекмарёва в изложении камчатских журналистов Г. Панкратова и Н. Селецкого: «Багор им в печёнку!» — В. II.) 1 мая 1928 г., будучи также в нетрезвом состоянии, целясь в учителя Прокофьева из револьвера, угрожал пристрелить его за то, что он сообщил начальнику милиции о его, Чекмарёва, пьянстве карточной игре “в 501”».

Прибыв 2 мая 1928 в с. Дежнёво, начальник Чукотской милиции нашёл факторию закрытой, говорится в постановлении следователя. Оказалось, что накануне Чекмарёв учинил пьянку с совслужащими из туземцев. А когда узнал о приезде начальника милиции для изъятия у него огнестрельного оружия, попытался наброситься на него с ножом, но был обезоружен чукчами. Американский нож и револьвер системы «кольт» № 243381 следователь Золотарёв приобщил к делу в качестве вещественных доказательств. Но уголовное преследование В. М. Чекмарёва прекратил в июне 1929 г. «за отсутствием состава преступления».

В советские времена партбилет, помимо всего прочего, являлся своего рода охранной грамотой. Коммунист не мог быть привлечён к уголовной ответственности или арестован без санкции партийных органов, обычно всё это происходило после исключения из партии. Членам партии прощалось многое (в крайнем случае — «выговорёшник» или «строгач») из того, за что беспартийные наказывались по всей строгости закона. А пьянство в СССР вообще не считалось тяжким грехом, не то, что в старой России. Приставание по выпившему делу к чужим жёнам и другим женщинам с «гнусными предложениями», даже если ты семейный, — на это в 1920-е годы зачастую просто закрывали глаза.

В. М. Чекмарёв имел жену и шестерых детей, в том числе троих у себя на родине, откуда в 1918 г. двинулся на «край земли»; ему тогда шёл двадцать шестой год... Вторая, северная, супруга Василия Михайловича Матрёна была моложе его на восемь лет. Родилась она в селе Маркове Анадырского уезда в семье мелкого торговца, рано потеряла родителей. Закончила два класса высшего начального училища в Петропавловске. Вышла замуж за

Чекмарёва на Чукотке, в 1921 г. вместе с ним перебралась в областной центр. «В том же году, — писала она, — по занятии белобандитами Петропавловска подвергалась репрессиям и благодаря преследованию за мужа я убежала к нему в сопки, где и родила, по возвращении из сопки живу с мужем, веду домашнее хозяйство».

И всё же не за пристрастие к «зелёному змию» и не за свои пьяные выходки Чекмарёв в 1930 г. вылетел из ВКП(б), хотя хулиганство ему, конечно, зачлось. Как довесок. В конце 1927 г. он присвоил имущество бывшей фирмы «Феникс», зимой 1928 г. — двух песцов (продал их «частным образом») плюс три сотни налоговых сумм. Обвинялся он товарищами по партии «в незаконном взятии» 600 руб. казённых денег, а также «в халатности». Однако в официальной характеристике 1926 г., подписанной секретарём окрревкома П. В. Проскуряковым, присутствует не только негатив: т. Чекмарёв «...умеет приобрести симпатии населения (хотя не всегда дозволенными с точки зрения этики приёмами), серьёзную самостоятельную работу поручать нецелесообразно; его работу нельзя выпускать из поля зрения. Резко отрицательным его качеством является страсть к собиранию и распусканию сплетен... Энергичен и вынослив, каковые качества на севере абсолютно необходимы. Такие работники пользуются авторитетом туземного населения».

Население Тигиля считалось кулацким, однако обследование 1927 г. показало: зажиточных хозяйств — четыре, середняцких — тридцать семь, бедняцких — пятьдесят четыре. 4 февраля 1928 г. выездное заседание Камчатского окрбюро ВКП(б) приняло кандидатами в партию участников «ликвидации белобандитов Бочкарёва» сорокалетнего Попова Леонида Фёдоровича и Чертовского Павла Макаровича, двадцати пяти лет. По случаю десятой годовщины Красной Армии члены Тигильского отряда решили оформиться в группу старых партизан гражданской войны, что и сделали на собрании 21 февраля 1928 г. Присутствовало двенадцать человек. Председательствовал А. Юшин, секретарил Чертовский.

23 февраля 1929 г. комфракция Камчатского окрисполкома высказалась за поддержку ходатайства Тигильского райисполкома перед ВЦИКом о переименовании района в Рябиковский. Но из этой затеи ничего не получилось. Видимо, не утвердила Москва. В том же году, между прочим, Далькрайисполком амнистировал всех бывших красных партизан за исключением привлечённых по политическим 58-й и 59-й статьям УК РСФСР. В камчатскую комиссию по просмотру списка подлежащих частичной

амнистии вошли председатель ОИКа В. Ф. Богатырёв, секретарь окрбюро ВКП(б) Н. Д. Зыкин, начальник ОГПУ М. А. Краузе, начальник окрмилиции Н. П. Фролов и Петропавловский нар-судья Ф. М. Кротких.

16 июня 1930 г. женщины Тигиля постановили выселить из райцентра «кулацких растратчиков» Сократа Юшина, Алексея Флетчера, а также Василия, Николая и Иннокентия Косыгиных. 30 июня 1930 г. общее собрание граждан села Сопочного постановило «расстрелять и сожечь все свои иконы». Председательствовал Иван Ильич Данилов, тридцатидвухлетний рыбак-охотник, имевший восемь ездовых собак и лошадь, принятый на следующий год кандидатом ВКП(б). Секретарём собрания был Иван Семёнович Трапезников, на пять лет моложе Данилова, тоже бедняк и тоже живший охотой и рыбалкой. В отличие от бесскотинного и безземельного председателя, он имел одну корову, полдесятины сенокосных угодий. 14 февраля того же года проверочный комитет по чистке членов и кандидатов Тигильской ячейки ВКП(б) исключил из партии молодого коммуниста инструктора Интегралсоюза Иннокентия (Митрофановича) Миронова за то, что он «в 1929 г. устроил новоселье с попом и молебствованием».

В 1931 г., используя как повод массовый падеж коров, быков и лошадей в Сопочном, Утхолоке, Морошечном и Ковране, чекисты арестовали девяносто шесть жителей (по одному за каждую павшую колхозную скотину). Им инкриминировалось участие в «контрреволюционной, шпионско-вредительской и повстанческой организации». Так возникло пресловутое «Тигильское дело», положившее начало массовым политическим репрессиям на Камчатке. В числе расстрелянных по этому делу значатся Василий Васильевич Косыгин, Василий Яковлевич Ласточкин, Прокопий Егорович Суздалов, среди заключённых в концлагерь — Николай Васильевич Косыгин. К условному наказанию приговорили Александра Романовича Ласточкина, к высылке Алексея Ивановича Флетчера. Кое-кто, подобно Семёну Васильевичу Моисеенко и Андрею Васильевичу Сновидову, был освобождён.

Согласно материалам следствия, все, перечисленные выше, являлись красными партизанами. 30 сентября 1929 г. Камчатское окрбюро ВКП(б) ходатайствовало о награждении ряда борцов за власть Советов на Камчатке правительственными наградами. В списке представленных к ордену Красного Знамени П. Е. Суздалов, командир Утхолокского отряда, принявшего участие в ликвидации «Тигильской бочкарёвской группы».



Новые сведения о самом Бочкарёве не так давно предал гласности историк Б. И. Мухачёв. Оказывается, главный «беляк» Охотско-Камчатского края — незаконнорожденный. Запись о появлении его на свет 21 августа 1892 г. (по старому стилю) сделана в метрической книге Верхне-Уссурийской Ильинской церкви. Мать будущего начальника Северного Экспедиционного отряда — дочь умершего казака Уссурийского казачьего дивизиона посёлка Графского (в двух километрах от современного Дальнереченска) Назария Даниловича Бочкарёва «девица Анна». Фамилию «Бочкарёв» также носили восприемники Валериана Ивановича. По одним сведениям, он служил на Камчатке у рыбопромышленника Х. П. Бирича катерным командиром, окончил мореходную школу, плавал помощником капитана парохода «Енисей» и перед объявлением Первой мировой войны уехал в Петербург в высшую мореходную школу. Другой источник утверждает, что в 1912 г. учился во Владивостокском мореходном училище. Курса не окончил. С началом войны Бочкарёв принят в армию. В 1917—1918 гг. служил офицером на кораблях Сибирской флотилии. После подавления революционной смуты воевал у атамана Калмыкова.

Есть версия, что Бочкарёв и его подчинённые сожгли в паровой топке члена военного совета Приморского революционно-демократического правительства Лазо, а также его сподвижников Луцкого и Сибирцева, отомстив за расстрелянных весной 1920 г. у станции Хор в районе Имана пленных офицеров. Бочкарёв был арестован правительственной милицией и доставлен во Владивосток. Переворот 26 мая 1921 г. круто изменил его судьбу...

Однако вернёмся к камчатским партизанам. Красноармеец 90-го Камчатского губдивизиона ГПУ (уроженец с. Коряки) Пётр Полуэктович Слободчиков писал о себе, подавая заявление в партию: «В 1922 в конце августа я пошёл в партизан. И где мы стояли один месяц в Начиках ввиду того что было невозможно делать на ступление на город петропавловск у нас не было лыж и т. д. Но через несколько время услышали что из города петропавловска уехала шайка белобандитов Но мы через неделю пошли в город Петропавловск причём я был в партизанах до 23 декабря 1922...» На общегородском партсобрании 19 марта 1924 г. П. П. Слободчиков был принят в кандидаты РКП(б) с шестимесячным стажем. А 12 апреля 1927 г. Камчатское окрбюро ВКП(б) согласилось с заключением уполномоченного Дальневосточной контрольной комиссии и просило Далькрайком утвердить исключение Слобод-

чикова из рядов партии за неоднократные случаи пьянства и совершение церковных обрядов.

В камчатских архивах мне так и не удалось обнаружить данные о многих партизанах, которые выполняли особую работу: совершали непосредственно террористические акты, задерживали мирных жителей, «экспроприировали» у них скот, а сразу после возвращения ОНРК привлекались к арестам и обыскам, охране заключённых. Часть этих «тёмных лиц» вскоре ушла из жизни или выехала за пределы Камчатки. «Полярная звезда» писала 19 мая 1927 г.: «По имеющимся в городской милиции сведениям, граждане Косыгин, Ревенко и Саваченко при поездке на небольшом катере в Кроноки за соболем попали в большой шторм и погибли. В качестве доказательств этого говорят следующие факты: жители селения Жупаново нашли выброшенные ими кукули, а также некоторые части мотора (то есть катера. — В. П.)». Мнение А. П. Пирагиса: подавляющее большинство в партизанских отрядах ОНРК составлял криминальный элемент.

Как уже отмечалось, некоторые партизаны попали под молот репрессий. Халактырский житель Алексей Григорьевич Сахаров получил десять лет лишения свободы. Илларион Акимович Куряков отсидел вместо пяти три года и вышел в 1937 г., был потом награждён медалью «За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Своё обращение к Председателю Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову оказать материальную помощь он обосновал тем, что в лагере являлся ударником, но пенсию получает только за сына, погибшего на войне, а ему самому собес отказал, «так как это давно было». С данным вопросом, по-видимому, связано подтверждение Лариным и Фроловым в 1958 г. заслуг И. А. Курякова «в качестве красного командира партизанского отряда селений Тихой, Николаевки и Микижи». В том же году, что и Куряков, досрочно освобождён из Дальлага С. Е. Морев. А вот И. Ф. Голованову не повезло. Он был расстрелян.

Доживший до пятидесятилетия освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов Алексей Степанович Пузырёв в интервью «Камчатской правде» (17 октября 1972 г.) произнёс: «В 1922 г. мы освобождали Петропавловск». Посчитаем это сенсационное сообщение оговоркой. Родился Пузырёв в 1895 г. на Алтае. В 1964 г. жил в областном центре на ул. Красная Сопка, 46, кв. 23. В начале 1920-х гг. служил милиционером...

Владимир Иванович Семёнов был на год старше Пузырёва. Он приехал на Камчатку в 1918 г. В 1920 г. избирается секретарём

Усть-Камчатского ревкома. Затем его взяли в ОНРК. Осенью 1921 г. Семёнов, как уже отмечалось, заведовал типографией. В отряде ОНРК он был рядовым бойцом партизанской заставы, состоявшей из десяти партизан «для отражения выхода из города белогвардейцев, имевших целью занять ближайшие селения».

Там с 21 мая 1922 г. выходила партизанская газета. П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Мне диктовал... Семёнов, и мы с ним редактировали и обрабатывали телеграммы от сельских и волостных нарревкомов с протестами по поводу ареста белобандитами Иллариона Васильевича Рябикова. Надо сказать, что у нас не было стола, на котором можно было бы печатать и склеивать листы, пишущую машинку приходилось ставить на пень спиленной берёзы и, сидя на свёрнутом кукуле, печатать газету. Трудности ещё заключались в том, что лето 1922 г. на Камчатке было очень дождливым. Бывало, стоишь у костра — один бок сохнет, а другой мокнет от дождя. В такую сырую погоду не до печатанья. А перестанет дождь — досаждает гнус».

Порядочное количество листов копировальной бумаги у нас было красного цвета. Отпечатанные через эту копирку номера газет были очень красивыми и символичными. Это была и по форме и по содержанию «Красная газета». Газета распространялась среди партизан и жителей селений Завойко, Авача, Паратунка, Халактырка. Отдельные номера нелегально доставлялись в Петропавловск».

В середине 1960-х гг. на месте партизанской заставы на одиннадцатом километре Елизовского шоссе участники всесоюзного авторалли «Родина» установили камень-памятник с соответствующей надписью.

В 1972 г., отвечая на вопросы «Камчатской правды», П. Г. Ивашкин-Ларичев скажет: «Состояние здоровья не позволило мне жить на Камчатке, откуда я выехал в январе 1923 г., но, спустя несколько лет, как только почувствовал себя лучше, снова вернулся и работал председателем Камчатской окружной страховой кассы... Очень хотелось учиться. Моё желание удовлетворили, окончил Высшую школу профсоюзного движения. Война застала в Новосибирске. Добровольцем отправился на фронт, завершил войну в 1945 г. в Румынии».

В июле 1922 г. Семёнов вместе с А. С. Лукашевским (умер своей смертью в 1937 г.) выполнял поручение ОНРК по организации Усть-Камчатского партизанского отряда и сбору пожертвований для закупки продовольствия и снаряжения...

Прожил Владимир Иванович Семёнов восемьдесят лет. Был награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Но вот в КПСС вступил поздно — в 1960 г. С этого момента он — желанный гость на мероприятиях общественно-политического характера. К примеру, 10 февраля 1962 г. старый партизан удостоился высокой чести открыть предвыборное совещание представителей трудовых коллективов области. Присутствующие в зале единогласно поддержали выдвижение кандидатами в депутаты советского парламента руководителей партии и правительства Н. С. Хрущёва, А. И. Микояна, Д. С. Полянского, Г. И. Воронова, а также командующего Дальневосточным военным округом Я. Г. Крейзера и известного рыбака Камчатки Н. В. Сотникова.

25 октября 1982 г. в областном драматическом театре состоялось заседание общественности Петропавловска по случаю шестидесятилетия освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Докладчик, первый секретарь обкома КПСС Д. И. Качин, в заключение сказал: «Мужественными борцами за установление Советской власти на Камчатке, замечательными организаторами, пламенными большевиками показали себя И. Е. Ларин, А. С. Олейник, П. М. Маловечкин, Г. М. Елизов, М. И. Рябиков, В. М. Чекмарёв и многие другие». (Курсив мой. — В. П.)

В 1992 г., когда я зарабатывал на хлеб журналистикой, возникла идея сооружения монумента всем погибшим на территории Охотско-Камчатского края в ходе военно-политической борьбы 1918—1923 гг., независимо от их политических убеждений (как это сделано в Испании). В 1993 г. руководство нашей газеты подготовило по моей просьбе письмо на имя губернатора Камчатской области. В нём говорилось: «Посылая Вам номер “Камчатской правды” от 13 марта с. г. со статьёй журналиста В. Пустовита “Не меч, но мир”, надеемся, что она заинтересует Вас не только как читателя, но и как должностное лицо. Предложение автора соорудить в Петропавловске памятник жертвам гражданской войны достойно рассмотрения органами власти. Нынешнее, чреватое катаклизмами, время подтверждает его актуальность».

Кого я подразумевал под «жертвами гражданской войны»? Погибших *со стороны красных* — чукотского большевика Лаврентия Киселёва (1918 г.), председателя Укинского сельсовета Самуила Левченко (1919 г.), солдата местной команды Николая Лобова, анадырских коммунаров Михаила Мандрикова, Вальтера Аренса, Августа Берзиня, Александра Булатова, Иосифа Бучека,

Мефодия Галицкого, Семёна Гринчука, Николая Кулиновского, Якуба Мальсагова, Василия Титова, Игнатия Фесенко (1920 г.), Георгия Елизова, Иллариона Рябикова, Иосифа Бохняка, Войцешка, Бориса Давыдова, Леонида Тушканова (1922 г.), командира разведгруппы Василия Зенкова, военкома Михаила Гаврилова, красноармейцев Кузьму Строта, Никиту Кузнецова, тигильского партизана Николая Федотова (1923 г.); *со стороны белых* — начальника Анадырского уезда Иннокентия Громова, его секретаря Толстихина, мирового судью Суздалева (1919 г.), подпоручиков Д. Кольшкина, Ивана Семёнова, прапорщика Михаил Охрименко, охотский отряд полковника Широких (1920 г.), старших урядников И. Езерского, В. Зайцева, урядника Феокиста Власова, подхорунжего Николая Краснова, фельдшера Константина Торбеева, подпоручика Павла Пояркова, полковника Алексеева, генерала Фёдорова, поручика Родионова, старшего урядника Фролова, младшего урядника Бржанского, вахмистра Долбочкина, рядового Латыпова (1922 г.), капитана Константина Грундульса, полковников Шевчунаса, Зазулевского, Фиалковского, генерал-майора Никиту Полякова, полковника Валериана Бочкарёва и погибших вместе с ними в Наяхане (1923 г.).

К числу жертв, думается, следует также отнести чукотских коммерсантов Малкова, Смирнова (1919—1920 гг.), чиновника Александра Бабкина-Байкалова и педагога Павла Сусяка (1922 г.).

13 марта 1924 г. Камчатское губбюро РКП(б) утвердило состав комиссии по изысканию средств на сооружение памятника погибшим в борьбе за советскую власть на Камчатке во главе с председателем губревкома М. П. Вольским. В неё вошли: И. Е. Ларин, В. Ц. Пересвет-Солтан, В. Д. Богомоллов, И. Ф. Черепанов. Три года спустя в комиссию вместо выбывших Вольского и Черепанова ввели члена окрревкома Попова и Шлыка. О Попове сведений не обнаружено. Демьян Спиридонович Шлык в то время являлся завагитпропом и членом окрбюро ВКП(б). Во второй половине 1930-х гг. работал председателем облсовета Осоавиахима. В 1936 г., несмотря на двукратное предупреждение горкома и обкома о запрещении ужинов с выпивкой, свёл семейный вечер начсостава запаса «к коллективной попойке со спиртом и вином» и получил строгий выговор по партийной линии. Выезжая в районы области, напивался до потери сознания; видимо, позволяло здоровье, да и возраст тоже — родился в 1902 г. Д. С. Шлыка исключили из ВКП(б) в 1937 г., вменив ему в вину

развал работы и связь с врагами народа. Тем не менее, в 1940 г. он оказывается снова в руководителях — заведующий отделом коммунхоза облисполкома...

Сколько потом ни планировали соорудить монумент погибшим красным партизанам (последний проект середины 1980-х гг. — на берегу Авачинской губы впритык к Театральной площади), всё в конце концов свелось к каменной глыбе на сопке Зазеркальной. Из-под этой глыбы даже десять лет спустя, в 1987 г., торчал стальной трос, с помощью которого то ли затаскивали, то ли устанавливали её.

Н. П. Фролов не дожил до его открытия вышеуказанного «памятника». Его последняя попытка вспомнить события почти полувековой давности датируется 1968-м годом. Я имею в виду всё то же «Сказание о красных солдатах и матросах, победивших белых генералов и адмиралов в борьбе за Советскую власть на Камчатке». Связывая появление поста на 6-й версте с ларинским приказом № 1, Фролов на месяц вперёд передвигает известный «инцидент с бялком». Он пишет: «...около города был задержан полковник Лукомский. Полковник пробирался на север к Бочкарёву для координации совместных с ним военных действий в области. В перестрелке он был убит. Высланная по следу Лукомского боевая разведка под началом подхорунжего Унинского позорно бежала, побросав оружие и патроны...»

О данной победе другие партизаны не упоминают. Скорее всего, мы имеем дело с фантазией, подобной «бою» у селения Авачи. Много любопытнее рассуждения Н. П. Фролова о статусе красных партизан. «Партизаны — это гражданская боевая группа сопротивления на территории, полностью оккупированной врагом. Естественно, что партизаны не имеют правового иммунитета воюющей стороны, коль скоро война официально объявлена. Партизан в плен не берут — их расстреливают.

Мы воевали на своей территории против оккупантов, захвативших г. Петропавловск-на-Камчатке, которые считали себя регулярными войсками белогвардейского “правительства” во Владивостоке. Власть облнарревкома под флагом РСФСР распространялась на всю Камчатку, поэтому о создании бесправных партизанских формирований не могло быть и речи. Предвидя от этого всевозможные международные конфликты, облнарревком принял решение о создании “иррегулярных” воинских формирований на добровольческих началах, которые полностью правомочны на театре военных действий, так как они равнозначны регулярным государственным армиям.

В этом решении облнарревкома проявилась подлинная государственная мудрость коммуниста-политика И. Е. Ларина. Вооружённые силы Камчатки, сформированные для борьбы с белогвардейскими войсками, получили своё официальное наименование: Добровольческие революционные отряды Камчатского облнарревкома, сокращённо ДРОКО. Формирование отрядов и командование ими... было поручено мне — Н. П. Фролову».

Однако фроловское «официальное наименование» партизан, как и его аббревиатура, не встречается ни в советской бюрократической практике, ни в краеведении. Слово же «сопочники» — как называли людей Ларина местные жители — с годами забылось.

...В начале ноября 1922 г. красные партизаны готовились к встрече с населением Петропавловска после годовой разлуки — встрече отнюдь не радостной с обеих сторон. «Перед вступлением в город отряд остановился на сельскохозяйственной ферме. Здесь областной нарревком, партийная организация, руководители партизанского отряда провели некоторые подготовительные мероприятия. Было составлено воззвание к трудящимся по случаю окончательного освобождения Петропавловска. Со всеми партизанами побеседовали и призвали их соблюдать в городе строжайшую дисциплину. Комендантом Петропавловска назначили Н. П. Фролова.

10 ноября наш отряд строем, с красным знаменем впереди, с революционными песнями направился в город. По пути отдали честь нашим товарищам, погибшим в бою около сельскохозяйственной фермы. У их могилы мы сначала замерли в молчании и склонили наше боевое знамя, а затем спели “Вы жертвою пали в борьбе роковой...”»

Так виделось это событие по прошествии десятилетий П. Г. Ивашкину-Ларичеву. Возможно, что-то им упущено, что-то наоборот «приращено». Ведь любые мемуары обречены на субъективизм. То же самое касается архивных документов. Зачастую часть их отсутствует, а имеющиеся в наличии явно односторонни...

Задача истинного историка чисто реставрационная: собрать воедино свидетельства исследуемого времени, вычленив наиболее существенное и со своими замечаниями (ничего не навязывая) донести до читателя. Если у того возникнет целостная картина эпохи — исследователь достиг своей цели.

## НАЧАЛО КАМЧАТСКОЙ АВИАЦИИ

«Товарищи! Вносите трудовые гроши в местное казначейство на текущий счёт № 200 на создание воздушного флота!» Такое неожиданное для обывателей объявление появилось в июне 1923 г. в камчатской газете «Полярная звезда».

Что тут началось! Газета запестрела списками людей, сдавших деньги: «Картакай — 10 иен, Стецюк — 10 иен, Ошев — 3 иены, Борейша — 2 иены 75 сен, Хабаров — 1 иена 50 сен...» Даже известный путешественник и писатель В. К. Арсеньев, находившийся в это время на Камчатке, сдал 61 рубль 80 копеек.

«Ударная задача — создать воздушный флот!» С такой передовицей вышла «Полярная звезда» 5 августа 1923 г. Отдельно и крупно было набрано: «Брошенная с аэроплана 17-пудовая бомба опрокидывает дредноут, 7,5-пудовая бомба в 17 минут топит крейсер. Бомба в 4,5 пуда топит подводную лодку. Подводные лодки с самолёта видны, так как вода сверху кажется прозрачной».

Горожанин М. Артамонов сочинил на эту тему стихотворение:

*Огненный день возгорится  
Между лазурных высот.  
Выше, стальные птицы,  
Дерзкий свершайте полёт!*

Было решено, что аэроплан, построенный на собранные камчатцами деньги, будет называться «Первый камчадал».

К концу года деньги были собраны, самолёт построили, но... не для Камчатки. Он и не планировался для Камчатки, просто вся страна дружно строила свой общий воздушный флот. И жители полуострова в этом активно участвовали, одновременно мечтая о том дне, когда и в их небе появятся стальные птицы.

Весной 1926 г. в Петропавловске был построен первый планер, и любитель-планерист Ломбак поднялся на нём со льда Култучного озера. То-то было восторга! А сколько зависти в глазах мальчишек!

Летом того же года один из пароходов привёз малюсенький самолёт Ю-13 с пилотом О. Кальвицем. Самолёт совершал прогулочные полёты над городом и к ближайшим природным достопримечательностям. Позже самолёт увезли.

В 1931 г. в Петропавловск прилетал знаменитый американский лётчик Чарльз Линдберг, совершавший своё воздушное кругосветное путешествие.



В то время прибрежные воды Сахалина и Камчатки полностью контролировались японскими кораблями. Чтобы покончить с таким унижительным положением, правительство Советской России решило дислоцировать на этих территориях по одной эскадрильи морской авиации, полк которой базировался во Владивостоке. В ноябре 1933 г. двенадцать самолётов вылетели на Камчатку. После трудного перелёта одиннадцать из них прибыли на место. Так полуостров впервые получил собственную авиацию.

Возглавлял прибывшую эскадрилью Михаил Иванович Пармичев. На Камчатке эскадрилья получила наименование 2-го пограничного авиаотряда (1-м отрядом стали называть сахалинский).

«Прибытие наших самолётов на Камчатку было отмечено вручением Красного знамени нашему вновь созданному погранотряду, — писал автору из Санкт-Петербурга участник тех событий, бывший лётчик отряда Алексей Владимирович Кувшинников. — Участники перелёта были отмечены почётными грамотами Камчатского областного и Петропавловского горрайонного комитетов ВЛКСМ. Эту свою грамоту я храню как память о том трудном и историческом перелёте. Помимо меня свидетелями тех лет являются: Балясников Виктор Александрович, бывший лётчик отряда, ставший впоследствии командиром авиаполка, сформированного на базе нашего отряда, далее — Козлов Григорий Михайлович, который был заместителем начальника штаба отряда...»

Но прибыли тогда сугубо военные самолёты, а жители Камчатки хотели иметь ещё и гражданский флот. А потому чуть раньше, в том же 1933 г., газета «Камчатская правда» предложила приступить к сбору средств для приобретения собственных самолётов. Камчатцы с готовностью откликнулись на этот призыв. Президиум облисполкома в своём постановлении № 13 от 1 августа 1933 г. отмечал:

«1. Одобрить инициативу редакции “Камчатской правды” по сбору средств на создание собственной гражданской авиабазы на Камчатке.

2. Учитывая значительную активность масс и организаций в деле помощи созданию авиабазы, считать необходимым организовать общественный комитет по сбору средств и созданию гражданской авиабазы на Камчатке при редакции газеты “Камчатская правда”. Председателем утвердить редактора Л. С. Никольского.

Предложить комитету немедленно приступить к работе...» [1].

Через год, 18 августа 1934 г., над Петропавловском закружил долгожданный самолёт. Это был У-2. Имя ему дали «Камчатская

правда». Управлял самолётом военный лётчик-пограничник Василий Дмитриев. Его показательный полёт с элементами высшего пилотажа восхитил камчатцев. Буквально сразу же по инициативе первого секретаря обкома ВКП(б) В. А. Орлова в городе был создан аэроклуб, и самолёт «Камчатская правда» был передан ему.

Примерно в то же самое время начальник АКО Иосиф Александрович Адамович, давно и серьёзно мечтавший о создании своей «промышленной» авиации, приобрёл самолёт-амфибию Ш-2 и привёз его на Камчатку. Это был маленький моноплан с цельнодеревянным фюзеляжем-лодкой и отечественным мотором М-11 в сто лошадиных сил. Зато летать он мог на расстояние до 1 300 километров, что делало его в те годы очень популярным. Кроме того, Адамович договорился о доставке в Петропавловск в течение года ещё трёх, более мощных, самолётов Р-5, а московская контора АКО завербовала для работы на Камчатке шестерых авиаторов: пилотов И. И. Макарова, Д. С. Жигалова и А. А. Гожева, борт-механиков А. А. Ткаченко и Е. М. Гузенко, а также авиатехника П. И. Пушкина. Вскоре они прибыли на полуостров, из них был образован авиаотряд АКО. Начальником отряда назначили И. И. Макарова.

Морозным утром 25 января 1935 г. весь личный состав авиаотряда прибыл на взлётное поле для подготовки первого вылета своего единственного Ш-2, который при лыжно-колесном варианте мог подниматься с суши. Авиатехник Петр Пушкин подробно и восторженно описал это событие в газетной заметке, поэтому у современников есть возможность прочесть её в подшивках «Камчатской правды» и ощутить торжественную и волнующую обстановку того далёкого утра.

В первый полёт отправились Макаров и Ткаченко. Они увезли в Усть-Большерецк почту. Жители этого селения встретили самолёт митингом. Вернуться в Петропавловск Ш-2 смог только на следующий день. А уже через сутки он отправился в Жупаново.

Начальник АКО И. А. Адамович в это время находился в Москве. Его заместитель П. М. Никитиных писал ему об этих событиях 22 февраля из Петропавловска:

«На Ш-2 лётчик Макаров сделал ряд блестящих рейсов. Но он может это делать только один с механиком, взять же никого не может. Макаров летал в Ключи, Усть-Камчатск, Большерецк и Жупаново. Кстати, сейчас сидит в Жупанове — нет горючего. Я вынужден был с бензином послать специальную нарту, чтобы его вытащить. Зимние полёты — великолепное средство связи, но

только надо разных мощных самолётов, и поэтому скорейшая доставка занаряженных нам Р-5 — самая насущная задача» [2].

Кстати, самолёт Ш-2 — это двухместная модификация амфибии Ш-1, которую известный советский авиаконструктор В. Шавров создал у себя на квартире в 1928 г. Более тридцати лет Ш-2 исправно служил на всех просторах СССР и был незаменим при перевозках почты и мелких грузов, а также для наблюдений с воздуха. Этот самолётик вытеснили только вертолёты, появившиеся в массовом количестве в 1960-х гг.

А в том, 1935-м, году несмотря ни на что полёты на Ш-2 продолжались относительно регулярно. Весной, когда стало совсем плохо с запасными частями, бортмеханик Е. М. Гузенко отправился за ними во Владивосток. До его возвращения в течение мая-июня авиаторы обходились самоделками. Особенно мучились с ремонтом и регулировкой капризного мотора.

В июне во Владивосток прибыли для АКО долгожданные самолёты. Правда, это были не обещанные Р-5, а два самолёта МБР-2. Для их перегона командировали Макарова, Георгиевского и Ткаченко. Приказом по АКО от 7 июля 1935 г. авиаторам предписывалось один самолёт отправить на Камчатку пароходом, другой же собрать и вылететь на нём в Петропавловск.

Вместе с самолётами во Владивосток прибыл авиаинженер Васильев. Под его руководством производилась сборка новых машин. 10 августа экипаж, взяв с собой Васильева, на самолёте с бортовым номером МП-1-57 вылетел в Хабаровск. Оттуда направились в Николаевск-на-Амуре. Погода не благоприятствовала перелёту. Шли на высоте 300—400 метров сквозь туман и дождь. Ориентировались с большим трудом, поэтому приходилось то и дело снижаться и осматривать незнакомую местность.

Далее маршрут лежал в Нагаево (нынешний Магадан). Макаров спешил. Ему непременно хотелось прибыть в Петропавловск в день авиации — 18 августа, чтобы своим прилётом сделать камчатцам подарок. Надо сказать, что его расчёты оправдались с точностью до одного часа.

В тот день в Петропавловске проводились небывалые торжества. В парке культуры и отдыха на Никольской сопке прошла массовка. Перед камчатцами выступили с торжественными речами председатель горсовета Потехин, первый секретарь обкома ВКП(б) В. А. Орлов, начальник АКО И. А. Адамович, начальник Камчатского ОГПУ А. П. Лев. В своей речи Орлов предложил занести в книгу знатных людей Камчатки командира 2-го погра-

ничного авиаотряда, добровольного начальника городского авиаклуба лётчика Пармичева. Люди его поддержали.

Затем в небе заурчали моторы, и шесть самолётов, держа строй, несколько раз пролетели над городом. С одного из них впервые на Камчатке был произведён показательный прыжок военного парашютиста Афанасьева. В тот день Афанасьев прыгал дважды, причём второй раз — на поверхность Култучного озера.

Примечательно, что именно в момент касания парашютистом воды из-за Мишенной сопки, «блестя на солнце белым фюзеляжем, вылетела новая, невиданная на Камчатке машина.

— Макаров! Макаров! — раздались возгласы» [3].

Так в городе появился новый самолёт АКО. Его торжественной встречей очень удачно завершился камчатский праздник авиации в 1935 г.

Какие это были счастливые для лётчиков и всех камчатцев дни! В сентябре 1935 г. авиаотряд АКО имел уже три самолёта. Личный состав пополнился лётчиком М. О. Загуляевым и бортмехаником С. И. Ивановым. Авиаторы были готовы летать много и далеко. Адамович планировал по завершении навигации в Охотском море использовать их для регулярной связи с рыбозаводами западного побережья и нефтепромыслом в Воямполке. Все с нетерпением ждали «больших» полётов. Но именно в это время у авиаторов неожиданно пошли неудачи.

Приказ по АКО № 524 от 14 сентября 1935 г. точно зафиксировал начало тех неудач:

«Согласно личному докладу начальника авиаотряда т. Макарова, 12.09.35 в 11 часов утра при пилоте Жигалове и бортмеханике Ткаченко повреждён мотор самолета МП-1-57. При перегреве мотора в воздухе выведены из строя поршни. Приказываю: 1. Отстранить от работы пилота Жигалова и борт-механика Ткаченко. 2. Назначая аварийную комиссию...

Заместитель начальника АКО *Г. Д. Торопов*».

Причина аварии заключалась в том, что техник и бортмеханики использовали случайные марки масел из-за отсутствия нужных. Командир отряда Макаров оправдывал подчинённых, объясняя их действия тем, что они были вынуждены эксплуатировать самолёты на любом масле, так как от них требовали полётов любой ценой.

Неизвестно, какие выводы собирался сделать из этого случая заместитель начальника АКО *Г. Д. Торопов*, но неожиданно

вернувшийся из командировки начальник общества И. А. Адамович не мог смириться с потерей двигателя самолёта. Он слишком много ждал от авиации, ревностно следил за каждым её шагом, болел ею. В случившемся он обвинил начальника отряда Макарова как неумелого руководителя. В результате появляется гневный приказ № 537 от 19 сентября, подписанный уже самим Адамовичем:

«...За 1934—35 годы все три аэроплана, находящиеся в эксплуатации начальника авиаотряда Макарова, выведены из строя. Считаю явно преступным отношение начальника авиаотряда АКО Макарова к вверенному ему социалистическому имуществу, передать дело прокурору для привлечения Макарова к уголовной ответственности за халатное, преступное отношение к своим обязанностям».

В результате дальнейших разбирательств с учётом работы комиссии и объяснительной записки Макарова, 27 сентября выходит следующий приказ по АКО № 559:

«1. В дополнение приказа моего за № 537, бортмеханика авиаотряда АКО Ткаченко А. А. и моториста Пушкина П. И. увольняю с 27 сентября.

а) Ткаченко А. А. — за безответственное и халатное отношение к своей работе, проявление недисциплинированности, граничащее с преступностью (вмешательство в управление самолетом в воздухе, неисполнение приказаний начальника отряда — имел три дисциплинарных взыскания), за дискредитацию начальника отряда вместо добросовестного выполнения своих прямых обязанностей и помощи в работе начальника отряда, за демагогию, действующую разлагающе на личный состав авиаотряда.

б) Пушкина П. И., происходящего из социально-чуждой нам среды (сын бывшего торговца, лишённого избирательных прав), который обязан бы был доказать на работе преданность свою рабочему классу. Пушкин вместо честной работы проявил себя как недисциплинированный, и своими действиями подрывал дисциплину и принцип единоначалия в авиаотряде...

Начальник АКО *И. А. Адамович*».

Это был 1935-й год, который, по выражению историка Роя Медведева, стал годом «покаяний и признания ошибок». Это был страшный год, когда люди стали легко показывать на других, обвиняя их в своих или общих неудачах. «Ату его!» И человек исчезал в застенках госбезопасности. Крики «Ату!» раздавались по всей стране. Они разрешали все проблемы...

Что должен был сделать начальник АКО Адамович, если был выведен из строя самолёт? Да, нужных масел не было, летали на самых разных, потому и сломался двигатель. Полетов требовал он, начальник. Лётчики только выполняли приказы. Но ведь не на себя же показывать? Конечно, можно было разобраться по справедливости, наказать исполнителей чисто номинально, отремонтировать двигатель и летать на машине дальше. Но как могло бы аукнуться это Адамовичу позже? Каково на самом деле его положение в глазах органов и вышестоящих начальников? Он этого не знал, мог лишь догадываться. Нужна была осторожность. Нужна была страховка.

На Камчатке, как и во всех регионах страны, существовал список неблагонадёжных лиц, в который заносились всё новые имена. Из неблагонадёжных легко можно было стать «вредителем», «шпионом», «троцкистом» и т. д. Этого боялись. Адамович списка не знал и тоже боялся попасть в него. Он пишет записку начальнику Камчатского ОГПУ и Камчатского погранотряда А. П. Льву:

«Совершенно секретно. Уважаемый товарищ Лев! Я знаю, что примерно месяц назад у тебя составлен список на нежелательных лиц, работающих в аппарате АКО. Этим списком пользуются лица, которым ты вручил этот список, но я им пользоваться не могу, так как у меня списка нет. Видимо, этот список от меня держится в секрете. Я же знаю, что список такой существует, но бездействует в силу того, что руководство АКО его не знает, а как будто, кроме меня, никто не имеет права увольнять из аппарата АКО, тем самым твоя работа в этом случае оказалась неактивной.

В интересах нашего общего дела, то есть твоего и моего, направь мне этот список с тем, чтобы я мог принять соответствующее решение. Привет. *Адамович*. 28 августа 1935 г.» [4].

Это было в августе. Но вот уже заканчивался сентябрь, а начальник ОГПУ молчал. Что было думать Адамовичу? Только одно: он тоже в этом списке, тоже под подозрением. Поэтому, обвинив лётчиков, он мог ещё больше очернить себя, ведь начальник ответственен за всё. Лётчикам могли предъявить лишь денежные штрафы, его же, начальника, могли посадить. Не результатом ли этих мучительных раздумий явилась ещё одна записка Адамовича начальнику ОГПУ Льву, в которой дело лётчиков приобретает совсем другой смысл — сознательное вредительство ради мести. Вот эта записка:

«Совершенно секретно. Лично в руки начальнику погранотряда т. Лев. Копии: прокурору Камчатской области т. Звереву, секретарю обкома ВКП (б) т. Орлову.

Председатель месткома АКО т. Жукова передала мне свою беседу с профгруппоргом автогаража АКО т. Пометовым, а именно: работники авиаотряда АКО Ткаченко, Пушкин и Жигалов говорили между собой: “Адамович живёт последние дни”. Товарищ Жукова задала товарищу Пометову вопрос: “Что они, хотят убить его, или что-нибудь нужно подозревать другое?” Тов. Пометов сказал, что не знает, но они намекали на мою работу в Союзсахаре. “Я подозреваю какую-то месть с их стороны, — сказала т. Жукова, — и считаю нужным предупредить”.

Прилагаю приказ за № 559 от 27.09 о Пушкине и Ткаченко и считаю характерным данный разговор с той точки зрения, что он состоялся 29 сентября между Пометовым и Жуковой и между Пушкиным, Ткаченко и Жигаловым. Я считаю, что дыма без огня не бывает, и очень возможно, что они намереваются в отношении меня устроить какую-нибудь пакость или просто пристрелить. Последние вооружены огнестрельным оружием — револьверами, что им по роду их работы полагается.

Прошу проверить данное сообщение по существу и о результатах мне сообщить.

Начальник АКО *И. Адамович*. 1 октября 1935 г.» [5].

Начальник Камчатского областного отдела ОГПУ — НКВД, одновременно начальник Камчатского погранотряда Александр Петрович Лев в феврале 1938 г. сам будет арестован, приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. В октябре 1935 г. он, естественно, этого не мог знать. Но он прекрасно знал систему, в которой служил. И не мог не бояться за себя. А потому просто обязан был принимать меры по любому сигналу, особенно если дело касалось угрозы жизни крупного руководителя социалистического предприятия. К тому же он привык реагировать на подобные сигналы. Чем больше было сигналов и ярче его реакция, тем спокойнее ему жилось.

Михаила Петровича Пушкина тогда выслали с Камчатки. Он хорошо отделался, правда, дальнейшая судьба этого человека неизвестна.

А вот на Макарова, Жигалова и Ткаченко завели уголовное дело. Следствие прошло быстро, и уже 26 ноября того же года началось слушание дела в областном суде. Процесс длился три дня и был показательным. Зал суда ломился от любопытных. Лётчикам-вредителям никто не сочувствовал, все были уверены, что они специально ломали свои самолёты. Судьи вели заседание в стиле союзного прокурора Вышинского. Вот, например, как опи-

сывала газета «Камчатская правда» допрос подсудимого Жигалова на суде: «...он лепечет, нагло врёт. Суд добивается от подсудимого признания виновности...»

А чего же ещё было ждать от суда, председатель которого товарищ Бобыкин самолично расстреливал приговорённых к смертной казни. Так, 11 июля 1935 г. этот самый председатель областного суда вместе со старшим уполномоченным погранотряда НКВД Панковым и комендантом облотдела УГБ Заярным в присутствии заместителя облпрокурора Крупенина отвезли приговорённого к расстрелу крестьянина из Тигиля Григория Ивановича Усачёва на шесть километров от берега в Авачинскую губу и застрелили. В акте было написано: «Ввиду нахождения в командировке председателя трибунала, мною, Бобыкиным...»

28 ноября в суде зачитали приговор: Жигалов осуждён на пять лет, Макаров — на три, Ткаченко — на один год лишения свободы. Через некоторое время вышестоящий суд оправдал лётчиков, заменив им меру наказания на условный срок. Но многолюдный, трёхдневный унизительный процесс сделал своё дело — утвердил в умах камчатцев вредительскую сущность подсудимых лётчиков. Отныне они перестали быть славными героями неба, любимцами, бравыми и честными парнями. Их опустили на землю.

Дальнейшая жизнь Ткаченко и Макарова неизвестна. А вот Дмитрий Степанович Жигалов продолжал работать в авиации АКО до 1938 г., занимаясь разведкой рыбы с воздуха. Затем перешёл в Гражданский воздушный флот. В годы Великой Отечественной войны он командовал отрядом истребителей и в январе 1943 г. погиб в воздушном бою.

Иосиф Александрович Адамович 22 апреля 1937 г. застрелился из собственного именованного оружия, не выдержав обвинений в предательстве интересов рабочего класса и боясь ареста. А в 1989 г. в руки автора попали «чёрные» списки НКВД, которых так боялся Адамович. Правда, эти списки, чудом сохранившиеся, были составлены уже после его смерти, в них фамилия начальника АКО не фигурирует. Зато видно, что лояльные к нему люди после его самоубийства стали неблагонадёжными. Вот только малая часть списка 1937 г.:

«1. Трофимук П. М. Инженер ОКС по техническим изысканиям. Сын титулярного советника. Во время войны 1914 г. семья эвакуировалась в Харбин, где был в ВЛКСМ. С 1928 по 1930 г. был в партии, исключён как чуждый.



2. Пивоваров Д. Т. Инженер-кораблестроитель. Отец в 1935 г. был исключён из партии как троцкист, а в 1936 г. был арестован и осуждён по 58 статье на восемь лет.

3. Майзель А. Л. Ответственный исполнитель АКОрыбсбыта. До революции жил в Германии, Австрии, Франции, якобы ездил к родственникам на каникулы. Сейчас мать и сестра живут в Польше. Работал управляющим делами по снабжению в посольстве США.

4. Семавин А. Я. Экономист-плановик АКО. Служил у Колчака в штабе 3-й армии в чине подпоручика. После разгрома Колчака служил в Красной Армии. На Камчатке с 1935 г.».

И так далее...

1936-й, пожалуй, самый интересный год в истории отечественной авиации. Именно в это время русские летчики устанавливают рекорд за рекордом, на весь мир звучат имена Чкалова, Байдукова, Белякова, Каманина, Молокова, Водопьянова, Леваневского, Коккинаки, Юмашева, других. Камчатцы, как и все советские люди, с интересом следят за событиями многочисленных дальних перелётов. И внимательнее всех за этим следят камчатские летчики, в том числе Дмитрий Степанович Жигалов. Следят, переживают, восхищаются, завидуют.

20 июля 1936 г. в пять часов сорок пять минут утра в московское небо поднялся одномоторный самолёт АНТ-25 с экипажем из трёх человек. Впереди у него был сверхдальний беспосадочный полёт по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — мыс Челюскин — Петропавловск-Камчатский — Николаевск-на-Амуре — Чита. Возглавил экипаж лётчик-испытатель завода им. Менжинского Валерий Павлович Чкалов. С ним летели второй пилот, лётчик-испытатель завода им. Горбунова Георгий Филиппович Байдуков и штурман Управления Военно-Воздушных Сил РККА Александр Васильевич Беляков.

За пять дней до их старта собрали сводки погоды со всего Дальневосточного края. От бухты Тикси на побережье Ледовитого океана и до Хабаровска привели в боевую готовность радиостанции. Маршал Блюхер рассказывал об этом в газетном интервью: «На центральном телеграфе в Хабаровске многочисленные сводки, получаемые через каждые три часа, сортировались, обобщались и передавались в Москву. За четыре часа до подхода самолёта к бухте Тикси, радиостанции Дальнего Востока регулярно начали принимать радиограммы с самолёта о полёте и передавать экипажу сводки о погоде. Необходимо отметить хорошую

работу связи и наблюдения. Особенно чётко и бесперебойно работала станция Ногаево. Радисты Дальнего Востока выдержали экзамен. Люди понимали, что от чёткой и бесперебойной связи зависит и успех перелёта в труднейших условиях Дальнего Востока. На случай вынужденных посадок для быстрого оказания помощи экипажу были организованы наблюдения и спасательная служба. Были назначены круглосуточные дежурные самолёты, стартовые команды и т. д. Весь край понимал, что победа АНТ-25 будет победой всей советской страны».

Уже 22 июля в 15 часов камчатского времени самолет Чкалова был над Петропавловском. «В ослепительной синеве неба показалась еле заметная чёрная точка и быстро пронеслась на запад», — писала газета «Камчатская правда». Рокот двигателя был еле слышен, так как АНТ-25 шёл на высоте более четырёх тысяч метров. Самолёт ждали, следили за ним по радио. Пролетая над городом, экипаж сообщил, что сбрасывает с борта памятный вымпел.

Интересно отметить, что в тот самый день в центре Петропавловска, напротив аптеки, шла постановочная съёмка кинофильма «Девушка с Камчатки». Ставил фильм режиссёр «Совкино» Александр Литвинов. Перед съёмкой чисто подмели мостовую, специально пригласили множество владельцев велосипедов, чтобы они разъезжали по улице. По тротуарам шагали пешеходы, и среди них шла, улыбаясь солнцу и жизни, красивая и счастливая «девушка с Камчатки» — артистка Занна Занони. Невольно москвичи стали свидетелями ликования петропавловцев по поводу появления самолёта Чкалова.

Когда самолёт скрылся из виду, многие бросились искать вымпел, но не нашли. Люди даже не представляли, как он мог выглядеть, но упорно искали вдоль побережья. И только 27 июля рыбак Агламасов с базы Моховая принёс в редакцию «Камчатской правды» небольшой, ярко окрашенный круг, похожий на спасательный. Это и был вымпел. Рыбак рассказывал: «За полдень пошёл я к берегу бухты и в полуторах метрах от него, вижу, плавает окрашенный круг. Поднял. “Эге, — подумал я, — да здесь и трубка! Хорошая вещь. А кто же её мог бросить? Поди пригодится”. На конце трубки — резина. Снял колпак, посмотрел в трубку, а там написанная бумажка. “Лётчики!” — вырвалось у меня. Побежал я к председателю промкама базы Моховая товарищу Невзорову. Невзоров объяснил, что это вымпел, брошенный самолётом Чкалова».

Записка, находящаяся внутри вымпела, гласила: «Самолёт № 025 22 июля 1936 года в 3.00 Гринвичского времени прошёл

Петропавловск-на-Камчатке. Высота 4 300. Привет жителям Петропавловска от экипажа самолёта тов. Чкалова В. П., тов. Байдукова Г. Ф. и Белякова А. В. Надеемся, что под руководством тов. Сталина наши окраины будут скоро такими же цветущими, как и наша столица. *Беляков*».

24 июля вышел правительственный указ о присвоении званий Героев Советского Союза летчикам Чкалову, Байдукову и Белякову. Кроме того, Чкалов получил премию в сумме тридцать тысяч рублей, а его помощники — по двадцать тысяч.

Пролёт над Петропавловском чкаловского АНТ-25 так вдохновил петропавловцев, что было решено местному аэроклубу присвоить имя «Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова и Белякова». Так длинно, но почётно он и назывался долгое время. Самих героев зачислили почётными членами аэроклуба.

Надо сказать, что Камчатский аэроклуб состоял из пятнадцати любителей воздухоплавания, имел безмоторный планер. Одновременно с теоретическими занятиями курсанты строили свою взлётную полосу, спиливая деревья, выкорчевывая пни, выравнивая косогоры. 1 июня 1936 г. планер впервые поднялся в небо на высоту 150 метров. За лето курсанты совершили 1 150 полётов, каждый имел в среднем по шестьдесят вылетов. Лучшими планеристами зарекомендовали себя Бобряков, Белый, Девякович, Карабаев, Киселёв, Пикулин и Митичкин.

А в тот самый день, когда самолёт Чкалова прошёл Петропавловск, то есть 22 июля 1936 г., из Красноярска поднялся гидросамолет «СССР-2» с экипажем под руководством Героя Советского Союза Василия Сергеевича Молокова (получил Героя в 1934 г.). Самолет пошёл в круговой арктический перелёт по маршруту Красноярск — Киренск — Якутск — Охотск — Ногаево — Каменское — залив Корфа — мыс Олюторский — мыс Наварин — Анадырь — залив Креста — бухта Провидения — Уэлен — остров Врангеля — Красноярск.

Перелёт был организован Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП), а потому среди пассажиров, участников перелета, — начальник политуправления ГУСМП Сергей Адамович Бергавинов, начальник финуправления Балагул, сотрудники ГУСМП Михаил Львович Балагов и Андрей Артемьевич Дубинин. Кроме того, на самолёте вылетел писатель, автор известной тогда повести «Моё поколение» (вышла в 1933 г.), корреспондент газеты «Правда» Борис Горбатов. В составе экипажа находились штурман Алексей Александрович Ритфлянд, бортмеха-

ники Григорий Трофимович Побежимов и Владимир Ильич Мищенко.

«Из Красноярска, где мы стартовали, двухмоторный самолёт взял курс на Стрелку (слияние Ангары с Енисеем), — рассказывал впоследствии корреспонденту «Камчатской правды» Василий Сергеевич Молоков. — Оттуда пошли по верховью Ангары до селения Кежма, затем по Лене, вышли на Усть-Кут. Из Усть-Кута вниз по Лене полетели в Якутск... Нам предстояло пересечь места, которые ещё не слышали рокот самолёта. Таким местом явилась, например, довольно большая территория от реки Мая до Аяна, известная Джугджурским перевалом. На этом участке нам приходилось набирать высоту до трёх тысяч метров и при этом находиться над хребтом в двухстах метрах.

Если не считать участка Мая — Аян, воздушная трасса из Красноярска до Камчатки не представляла особых затруднений, тем более, что она до некоторой степени изучена.

Благоприятствовала ли перелёту погода? Местами приходилось идти в сплошном тумане. В особенно тяжёлых метеорологических условиях мы находились на западном берегу Камчатки. Они-то и внесли некоторые поправки в маршрут. Мы предполагали полететь из Ногаево над Пенжинским заливом, затем пересечь полуостров через Срединный хребет и взять курс на Командоры. Густой туман и сильный ветер, сопутствовавшие нам с момента вылета из Аяна, вынудили нас остановиться в Хайрюзово...»

Итак, самолет Молокова вынуждено прибыл в незапланированный пункт — Хайрюзово. Именно оттуда он хотел лететь на остров Беринга, но отвратительная погода не позволяла этого сделать. Тогда, чтобы не терять времени, Молоков принял решение пробыть над Охотским морем, огибая Камчатку с юга, в Петропавловск. По телеграфу сообщил об этом в город. Вновь позволю себе процитировать «Камчатскую правду»:

«Утро 1 августа. Сплошной дождь. Погода словно нарочно решила помешать перелёту. Такого туманного, дождливого дня Петропавловск не видел ещё за всё лето.

Хайрюзово сообщает: Молоков вылетел. Куда, как — подробности маршрута неизвестны. В Петропавловске безнадежно машут рукой:

— У нас его нечего и ждать. Сядет где-нибудь на побережье».

А самолёт весь день шёл сквозь туман и дождь на бреющем полёте прямо над водами Охотского моря. Высота составляла от двадцати до ста метров. Вылетов из Хайрюзово, Молоков попытался

было перевалить через хребты, но не получилось, потому и пошёл над морем к мысу Лопатке, а затем на север — к Петропавловску.

Вновь цитирую камчатскую газету (статья без подписи автора, а жаль — живо, интересно написано):

«Дождливая погода как-то сразу надвигает сумерки. Заметно вечереет. Восьмой час вечера... И как-то неожиданно из дождливой мглы вырастает рокот мотора. Часовой у ангара недоуменно таращит глаза. Неясные очертания быстро принимают отчетливую форму самолёта.

— Молоков! Да, да, Молоков!

Никак не верится, что он мог пробиться сквозь такую погоду. Не мираж ли? Нет. Выходят люди. Вот Сергей Адамович Бергавинов, вот сосредоточенный Балагул, вот улыбающийся Горбатов, остальные участники полёта... Вот наконец сам Василий Сергеевич Молоков, такой же как всегда, скромный и уверенный в себе.

И только когда жмёшь им руки, проходит первое оцепенение, чувствуешь, что это действительно они, такие близкие и родные. А голову по-прежнему сверлит одна мысль: как же добрались, как можно было в такую погоду долететь до Петропавловска? Но Молоков был также уверен в перелёте, как уверенно перевозил он людей из лагеря Шмидта, как уверенно всегда вёл он свои воздушные корабли».

В 1934 г. Молоков вывозил в Петропавловск челюскинцев, поэтому многие здесь хорошо его помнили. А раз так — встречали как родного. Заодно с высочайшим гостеприимством встречали и его спутников. Лично к месту приводнения самолёта пришли первый секретарь обкома ВКП (б) В. А. Орлов, начальник ОГПУ комбриг А. П. Лев и начальник погранзаставы полковник Шишкарёв. Сначала дали гостям часок отдохнуть. За это время собрали актив города и накрыли столы для торжественного ужина. Вечер удался на славу. Здесь же огласили радостное для всех известие о том, что лётчик Владимир Константинович Коккинаки на транспортном двухмоторном моноплане Ильюшина, имея на борту одну тонну груза, поднялся на рекордную высоту в 11 746 метров. Как было не гордиться достижениями отечественной авиации!

На следующее утро, 2 августа, Василий Сергеевич Молоков вместе с экипажем внимательно осмотрел свой самолёт, стоявший на воде у ангара с местными пограничными гидропланами. Затем знакомился с метеосводками, которые ничего хорошего не предвещали. О дальнейшем полетё нечего было и думать. Пользуясь

случаем, экипаж посетил камчатских пограничников и пробыл у них почти весь день.

Спать в этот вечер не ложились, так как на час ночи по местному времени была запланирована радиосвязь с Москвой. Разрешение на эту сверхдальнюю связь получил от своего наркома начальник радиоотдела краевого управления Заславский. Организовали переговоры начальник сектора радиофикации Камчатской области Тюшев, радиоинженеры Гурвич и Сороковедов, а также начальник радиоотдела области Нечаев. Разговор начался во втором часу ночи 3 августа. В Москве на проводе находились заместитель начальника ГУСМП И. О. Серкин, старший инспектор управления полярной авиации ГУСМП лётчик Б. Г. Чухновский, сотрудник газеты «Правда» Янтаров.

Газета «Камчатская правда»: «Во время разговора присутствовали секретарь обкома партии В. А. Орлов и начальник областного управления связи тов. Шастин. Переговоры велись в течение часа. Москва интересовалась деталями перелёта, состоянием погоды, перспективами дальнейшего полета и самочувствием участников кругового арктического перелёта.

Василий Сергеевич Молоков передал основные моменты перелёта, особенно подробно остановившись на участке Хайрюзово — Петропавловск, и указал на неблагоприятную погоду, приостановившую дальнейший перелёт.

Сергей Адамович Бергавинов поделился впечатлениями, полученными им в пути, затем сообщил, что Леваневский, вылетающий из Сан-Франциско на побережье Северного морского пути, будет ожидать Молокова на Чукотке. Тов. Бергавинов далее осветил некоторые хозяйственные вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

Представители Москвы вели переговоры с Петропавловском по служебному и домашнему телефонам, соединенном московской междугородной телефонной станцией. Слышимость Петропавловска, как утверждают москвичи, была превосходной. Однако петропавловцы не могут дать такой оценки, ибо слышимость Москвы была удовлетворительной. Большое участие в проведении переговоров приняла Хабаровская радиостанция, транслировавшая Петропавловск и Москву».

Говоря о Герое Советского Союза лётчике Сигизмунде Александровиче Леваневском, Бергавинов имел в виду, что тот готовился к перелёту по маршруту Лос-Анджелес — Москва. Почему при этом был назван Сан-Франциско — непонятно.

А 5 августа на Камчатке стало известно о новом рекорде лётчика-испытателя В. К. Коккинаки, который поднялся на высоту 13 110 метров.

Только на восьмые сутки пребывания Молокова в Петропавловске, 8 августа, небо прояснилось, появилась возможность продолжить полёт. Старт самолёта назначили на 14 часов 35 минут. Перед отлётом с Молоковым побеседовал корреспондент «Камчатской правды». К сожалению, опять не указана его фамилия.

«Из Петропавловска мы летим на Командорские острова, — заявил Василий Сергеевич Молоков. — Метеосводки говорят, что на Командорских островах большой туман, впрочем, там редко когда бывает хорошая видимость. Думаю, что эта особенность острова Беринга не отразится на нашем полёте. Мы также располагаем сводками, говорящими о хорошей погоде на восточном побережье, что вполне нас устраивает.

Отразится ли на нашем перелёте восьмисуточное ожидание погоды в Петропавловске? Думаю, что нет. Время нашего пребывания здесь мы постараемся наверстать за счёт напряжения сил в пути и сокращения сроков пребывания в других пунктах. Свой маршрут мы, конечно, не изменим.

Воспользуюсь случаем выразить от всей экспедиции благодарность жителям Камчатки и в особенности её областного центра за тёплый приём. Восьмисуточное пребывание в городе не было для нас утомительным. Время мы использовали, как нельзя лучше. Петропавловск оставил у нас самое приятное воспоминание. Ещё раз хочу поблагодарить гостеприимных петропавловцев».

К назначенному для вылета времени возле самолёта собрались горожане. Привёз и установил кинокамеру оператор Союзкинохроники В. А. Гласс, прибывший на Камчатку вместе с группой, снимавшей фильм «Девушка с Камчатки». Вскоре в сопровождении первого секретаря обкома партии Орлова, председателя областного исполкома Мельникова, комбрига Льва и полковника Шишкарёва сюда подошли члены экипажа. Девушки преподнесли им букеты цветов. Расставание получилось исключительно тёплым, дружеским. Разбег по воде — и стальная птица уже в воздухе. Счастливого полёта, покорители неба!

Через полтора часа самолёт находился на траверзе Налычева. Молоков запросил погоду в Усть-Камчатске. Оттуда передали сводку, но, похоже, излишне подробную, что отвлекало от полёта. Молоков поправил: «Меня интересуют лишь туман, ветер и облачность. Остальные данные о погоде не нужны».

Слушая обрывки разговоров в эфире, петропавловцы не прекращали волноваться за экипаж. Вскоре на борт самолёта пришла радиограмма от Орлова: «Сообщите погоду, беспокоимся, имеем все ваши сообщения».

Молоков ответил: «Нахожусь на траверзе мыса Кроноцкого, на море туман, вдоль берега чисто, ложимся курсом на Беринг». Следом он передал сообщение в Усть-Камчатск: «Идём на Беринг, вашу сводку не дослушал, пошли ниже, туман на море — до воды, видимость десять метров. Сейчас находимся выше тумана. Дайте погоду Беринга».

Неожиданно в наушниках Молокова послышался голос радиста с острова. Он сообщил, что остров закрыт сплошным туманом, видимость отсутствует. В этой ситуации Молокову оставалось лишь принять решение о развороте самолёта. Он вновь вышел в эфир: «Посадка Беринга невозможна, иду Усть-Камчатск. Дайте коротко погоду Усть-Камчатска».

«У нас сплошной туман», — ответили из Усть-Камчатска.

«Есть ли просвет тумана?» — спросил Молоков. И это были его последние слова в эфире, больше его не слышали, связь прервалась. Место нахождения самолёта оставалось неизвестным. В Петропавловске и Усть-Камчатске встревожились. До 22 часов непрерывно слушали эфир, но перед сумерками решили послать в море катер «Буревестник». Кроме того, на берегу зажгли костры.

Катер шёл курсом на остров Беринга с зажжёнными огнями. Этот выход в море не был напрасным — в два часа обнаружился пропавший самолёт. Он находился на плаву с живым, здоровым экипажем. Капитан «Буревестника» тут же отправил радиограмму: «В девяти милях от завода № 1 Усть-Камчатского комбината встретил самолёт, идущий на воде курсом на завод. Возвращаюсь к первому заводу. Самолет идёт в двух милях впереди меня».

В Петропавловске облегчённо вздохнули. Присутствующие на связи первый секретарь обкома Василий Алексеевич Орлов и начальник АЮ Иосиф Александрович Адамович отправили сообщение для экипажа самолета: «С восьми часов вечера сильно беспокоились. Только в два часа ночи узнали положение вещей от высланного “Буревестника”. Рады. Жмём крепко руки. Присим информировать. Привет».

Самолёт благополучно подошёл к берегу. Экипажу предоставили отдых. А в одиннадцать часов утра Молоков запросил погоду в Анадыре. Это говорило о том, что он отказался от полёта на Командорские острова. Правда, вылететь из Усть-Камчатска ему



опять не дала погода. Пользуясь задержкой, на остров Беринга на «Буревестнике» сходил Сергей Адамович Бергавинов. Как только он вернулся в Усть-Камчатск, самолёт Молокова взял курс сначала на Тиличики, а затем — на Анадырь. 17 августа он был уже там.

День авиации в Петропавловске всегда праздновали с размахом. В парке культуры и отдыха на Никольской сопке работали аттракционы, парашютная вышка. Эскадрилья пограничников и самолёты АКО барражировали над городом. Может быть, именно в этот день, 18 августа 1936 г., лётчики Д. С. Жигалов и Г. И. Кардаш решили, по примеру Молокова, померяться силами со стихией, задумав полёт на остров Беринга? Этот путь ещё никому не покорялся, даже Молокову. Почему бы ни попробовать им, камчатским пилотам?

Молоков, ещё будучи в Петропавловске, рассказывал, что некий английский полковник, рискнувший однажды полететь на остров, вдребезги разбил свой самолёт. Больше никто летать туда не рисковал. Но лётчики АКО решили попробовать. Их поддержал Иосиф Александрович Адамович. Для полёта приготовили гидросамолёт «СССР Х-55».

Начальник авиаотряда АКО Г. И. Кардаш так рассказывал о подготовке к полёту: «Помимо подготовки материальной части на мне и пилоте Жигалове лежала не менее ответственная задача — разработать маршрут, узнать особенности о. Беринга и т. д. Здесь мы встретились с рядом препятствий, в частности, не могли найти точных карт, по которым можно было бы судить о местах, пригодных для посадки самолёта на Командорах. Пришлось расспрашивать подробности у товарищей, бывавших на о. Беринга. Большую помощь в проработке маршрута нам оказал алеут т. Яковлев. Из беседы с ним мы узнали об озерах Гаванском и Саранном, находящихся на острове Беринга.

Метеорологические условия для полётов на Камчатке весьма разнообразны, и в очень редких случаях погода бывает устойчивой от пункта вылета до пункта прилёта. Поэтому нам пришлось погоду Командоров запрашивать за несколько дней до вылета, чтобы можно было судить, как меняется погода и учесть это при нашем перелёте.

Накануне дня вылета, 10 сентября, самолёт был опробован в воздухе. Мотор и все приборы работали хорошо. Утром 11 сентября, получив около пятидесяти килограммов почты, которую

островитяне не получали несколько месяцев, мы до прихода пассажиров еще раз познакомились со сводкой и вылетели».

Самолет Жигалова и Кардаша стартовал как раз в тот день, когда знаменитый на всю страну экипаж Леваневского прибыл в конечный пункт своего международного маршрута — Москву. Столица торжественно встречала лётчиков-героев. А Петропавловск скромно проводил своих смельчаков, рискнувших впервые в истории воздухоплавания долететь до дальних островов в Тихом океане. Одним — слава, другим за такие же подвиги — скромное удовлетворение от собственной работы. И уважение близких и друзей. Такова жизнь, герои и звезды в России всегда обитают только в столице. При других обстоятельствах они никогда бы таковыми не стали.

Помимо Жигалова и Кардаша, на борту самолёта находились представитель ГУСМП и областной статистик Израилевич, который вылетел на Командоры для проведения переписи населения.

Через полчаса полёта, будучи над Жупаново, самолёт уткнулся в сплошную облачность. Впереди, сколько видели глаза, дыбились серые облака. О полёте в Усть-Камчатск нечего было и думать, поэтому, дотянув до реки Камчатки, приводнились у посёлка Ключи. Здесь ночевали.

На следующий день самолёт прибыл в Усть-Камчатск. Но вылетать на острова экипаж не рискнул — с моря двигались сплошные серые облака, моросил дождь, дул сильный ветер. Плохая погода держала лётчиков два дня, и только 15 сентября они смогли вылететь на остров Беринга. Этот перелёт красочно описал в газетной заметке старший пилот авиаотряда АКО Дмитрий Степанович Жигалов:

«Мотор взвыл. После вынужденного двухсуточного простоя в Усть-Камчатске, казалось, он ревёт с удвоенной силой. Неизменный спутник пилота — метеосводка, хотя и говорила в пользу полёта, но от опытного глаза не ускользнули не совсем радостные перспективы. Погода могла подвести. Промчавшись по морским гребням несколько сот метров, самолёт начал плавно набирать высоту. Камчатский мыс удалился на запад. Едва видно уже Ключевскую сопку. Летим над облаками, укрывшими море. Солнце приветливо играет своими лучами. Оно не ослепляет, но светит ярко. Слева, на белом фоне облаков виден силуэт самолёта. Это считалось у старых пилотов плохим предзнаменованием.

Вмиг пред тобой встает образ Валерия Чкалова, смелого, отважного героя, вместе со своими спутниками Байдуковым

и Беляковым, покоривших беспредельные просторы суровой Арктики. Заражаешься их смелостью и уверенностью.

Минутная стрелка мгновенно описывает круг. Самолёт идёт вперед. Ничего не видно. Между водой и стальной птицей — толстый слой облаков. По расчётам, через пятнадцать минут должен показаться остров, но показалась лишь синева моря. Летим дальше. Через десять минут стали попадаться небольшие “окна”. Море беспокойное. По гребням определяю направление ветра. Оказывается, его направление обратное прежнему. Мы оказались в пятидесяти километрах от острова. Изменяю курс. Через несколько минут мы увидели, как тёмно-синяя зыбь разбивается о тёмно-серую массу скал, покрытых зелёным бархатом травы.

От радости обмениваемся улыбками и жмём друг другу руки. Закрываю газ. Планирую до самых облаков. Решил: во что бы то ни стало пробиться сквозь облака, захватившие нас в свои объятия. Но это длилось мгновение. Вскоре нашим взорам представился живописный вид острова: зелёный бархат суши, синева моря, сопки, горы, стая топорков, мчавшаяся в селение, обратившиеся в бегство коровы.

Решил опуститься. Но море не внушает доверия. Пошли к озеру. Самолёт плавно коснулся воды. Мотор выключен. Нас тепло встречают. Жмут руки, поздравляют».

«Трудно передать радость островитян, охватившую их в день прилёта самолёта, — писала жительница поселка Никольского Евдокия Попова. — Ведь это был первый советский самолёт, опустившийся у берегов нашего острова».

Кстати, эти слова Евдокии Поповой — «это был первый советский самолёт» — невольно наводят на мысль о том, что чужие, скорее всего, американские, самолёты на остров прилетали. А почему нет? Просто до нас эти сведения могли не дойти. Но если это даже и так, то заслуг Жигалова и Кардаша ничего не умаляет. Они первыми в нашей стране покорили воздушное пространство между Камчаткой и островом Беринга.

«Исключительное внимание к нашему перелёту проявили секретарь райкома ВКП (б) т. Антипов, председатель райисполкома т. Григорьев, директор зверосовхоза т. Елеш и заведующий радиостанцией, — писал Г. И. Кардаш. — Возле самолёта собрались пионеры, они рассказывали о своей школе, учёбе, спрашивали, сколько мы будем лететь в Петропавловск. В заключение пионеры дали слово, что в первой четверти учебного года они будут иметь отметки по всем предметам на “отлично” и “хорошо”. Я же

взял обязательство по заказу доставить пионерам галстуки, значки, детскую литературу и конфеты.

Времени было мало. Взрослые и школьники по очереди подъезжали к самолёту. Товарищ Жигалов объяснял им устройство самолёта. Товарищи Антипов и Григорьев просили доставить на учёбу трёх товарищей — одного в Усть-Камчатск и двоих — в Петропавловск.

В 17 часов 45 минут мы были на борту самолёта. Заработал мотор, взлетели, и скоро остров скрылся из виду».

Выше упоминалась жительница острова Евдокия Попова. Она как раз и была одной из пассажирок самолёта — летела учиться в партийной школе. Вот её впечатления от полёта:

«Впервые в своей жизни я села в кабину самолёта 15 сентября текущего года, когда к нам на остров Беринга из Петропавловска прилетел первый советский самолёт. Меня нисколько не пугала перспектива перелёта с острова в Петропавловск. Стоило только вспомнить о героических перелётах моих соотечественников, отважных лётчиков из Москвы в Николаевск-на-Амуре через Петропавловск без посадки Героев Советского Союза Молокова, Леваневского, и страх моментально уступал место смелости. Я садилась в самолёт с той уверенностью, с какой сажусь на нарту. В пути следования чувствовала себя настолько хорошо, что с любопытством рассматривала дома своего селения, казавшиеся с высоты полёта спичечными коробками, море, горы. В момент полёта я думала, как стать пилотом. Я и моя спутница-алеутка, студентка педагогического техникума Олимпиада Ладыгина, теперь только об этом и мечтаем.

Наша родина, любимая родина крепнет и развивается с каждым днём. Это можно видеть и на нашем острове, в прошлом — мрачном, с которого наши отцы стремились бежать, гонимые костлявой рукой голода и плетью царских колонизаторов. Разве они могли представить, что ждёт их детей! Разве в мрачные дни зверской эксплуатации алеутов можно было представить радостную, счастливую жизнь, какой мы сейчас живём. А ведь всё это сделал Сталин, наш любимый Сталин».

Поздно вечером самолёт благополучно приводнился возле Усть-Камчатска, а на следующий день вылетел в Петропавловск. Лётчиков встречали как героев. От Камчатского обкома партии им вручили поздравление, в котором говорилось: «Ваш полёт на остров Беринга — крупное достижение авиации АКО. Поздравляя вас со славным освоением трассы Петропавловск — остров Беринга,

обком ВКП(б) убеждён, что, овладевая по-большевистски техникой, вы освоите все участки Камчатки и тем самым вложите в дело социалистического строительства на Камчатке ценнейший вклад».

Поступила радиограмма из Никольского от председателя райисполкома Григорьева. Он писал: «15 сентября население острова Беринга с большой радостью встретило первый советский самолёт, доставивший им долгожданную почту и пассажиров. Прилёт самолёта на остров вселяет в нас уверенность в том, что недалёк тот час, когда остров, до этого года оторванный от материка в течение восьми месяцев в году, будет иметь регулярное сообщение на самолётах. Мы уверены, что в скором времени гражданская авиация на Камчатке будет развита, как и на большой земле нашей любимой родины.

Мы уверены также и в том, что пилоты Камчатки будут частыми гостями на наших островах и по примеру пилотов Кардаша и Жигалова свяжут остров Беринга с материком. Алеутский районный исполнительный комитет по поручению трудящихся острова просят областной исполнительный комитет наградить отважных пилотов за смелое освоение трудной воздушной трассы над Тихим океаном».

Когда Кардаша спросили, можно ли летать на остров Беринга, он ответил: «Связь с Командорами на самолёте вполне осуществима, при условии создания промежуточной базы в Усть-Камчатске и незначительном оборудовании сигнальных знаков на острове. Самым подходящим типом самолёта можно применять МБ-1 с мотором М-17».

Так шла наработка опыта пилотами для полётов над Камчаткой и окружающими её морями. Так начиналась камчатская авиация.

#### ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4.
2. Там же. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 489.
3. Камчатская правда. — 1935. — 18 авг.
4. ГАКК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 489. Л. 234.
5. Там же.

## АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМЧАТСКОЙ МИЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

После завершения гражданской войны (1918—1921 гг.) и перехода к новой экономической политике произошло изменение форм и методов государственного управления страной, что, в свою очередь, привело к реорганизации правоохранительной системы. По сравнению с периодом «военного коммунизма» функции государственных органов власти стали намного сложнее и разнообразнее. В 1920-е гг. деятельность советской милиции получила нормативно-правовое закрепление. Её главной обязанностью являлась охрана государственного и общественного порядка, а ведущими направлениями деятельности стала борьба с преступностью и административный надзор. Первое включало в себя производство дознаний и расследований, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий. Второе — наблюдение за исполнением обязательных постановлений о наложении административных взысканий, надзор за производством торговли и промыслов, за соблюдением санитарных, ветеринарных, противопожарных мероприятий и прочее [1, с. 165].

В первой половине 1920-х гг. на милицию стали возлагать всё больше и больше обязанностей, непосредственно не относившихся к охране общественного порядка, борьбе с преступностью и обеспечению общественной безопасности. На протяжении 1920-х гг. круг обязанностей милиции по оказанию помощи ведомствам и наркоматам постоянно расширялся. Например, совместная инструкция Наркомфина и НКВД РСФСР, утверждённая 12 июля 1923 г., обязала милицию принимать меры по исполнению судебных приговоров о взыскании штрафов и судебных издержек [2, с. 176]. Циркуляром Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР от 20 марта 1924 г. милиция обязывалась неукоснительно выполнять задания инспекции труда [3, с. 48]. Инструкция НКВД РСФСР и Главной палаты мер и весов от 3 июля 1924 г. требовала осуществление надзора за соблюдением правил о мерах и весах [4, с. 11—12].

В первой половине 1920-х гг. принимаются акты, регламентирующие деятельность таких должностных лиц милиции, как постовой милиционер и участковый надзиратель. В сентябре 1923 г. приказом начальника ЦАУ НКВД РСФСР была объявлена инструкция

постовому милиционеру, в ноябре 1923 г. утверждена инструкция участковому надзирателю, в январе 1924 г. — волостному милиционеру [5, с. 68—81]. Эти инструкции содержали широкий перечень обязанностей, среди которых особо выделялось содействие государственным учреждениям и должностным лицам. Из-за постоянного стремления возложить на милицию выполнение тех или иных функций НКВД РСФСР был вынужден регулярно издавать приказы и циркуляры о том, какие именно обязанности должны ею выполняться [6, с. 15]. Несколько раз принимались решения об освобождении милиции от несвойственных ей забот, но на протяжении 1920-х гг. она была просто перегружена ими. Если обратиться к сборнику «Действующие распоряжения и законодательства по милиции», изданному в 1928 г., то эти обязанности выделены в специальный раздел, занимающий 37 страниц. Приказами было объявлено и большинство законодательных актов, предусматривающих наложение на милицию дополнительных обязанностей. В качестве примера можно назвать декрет СНК РСФСР от 16 марта 1921 г. «Об охране геодезических знаков, сигналов и реперов», декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1922 г. «Об охране семенного фонда» [7, ст. 140; 8, ст. 194] и другие.

Важной стороной административной деятельности милиции было наблюдение за «проведением в жизнь» обязательных постановлений исполкомов и других органов советской власти. Причём число издаваемых на местах обязательных постановлений, осуществлять которые должна была милиция, не поддавалась никакому учёту [9, с. 124—128]. Кроме того, Советы и исполкомы различного уровня выпускали огромное количество обязательных постановлений по вопросам, выходящим за пределы их компетенции. Многие из этих документов страдали отсутствием элементарных требований: издавались без номера и указания времени вступления в законное действие, его срока [10, с. 282, 284].

В рапорте прокурору Дальневосточной области заведующий отделом управления Дальнего Востока даёт следующую характеристику деятельности милиции по оказанию содействию ведомствам и организациям за 1923 г.: «Все отделы краевой власти прибегают к помощи милиции при выполнении своих функций. Силами милиции осуществляется взыскание государственного налога, вручение судебных повесток, кроме того, все отделы производят разного рода служебные переписки, объявления, взыскания, извещения и проч. через милицию. На милицию также возложена обязанность силою административного воздействия принуж-

дать граждан подчиниться решениям госорганов в случаях, когда они не желают исполнять их законные требования. Кроме того, мелочная работа (составление протоколов за нечистоту выгребных ям и др.) отвлекает органы милиции от основной работы. Особенно это отражается на деятельности милиции на Дальнем Востоке, где благодаря громадным расстояниям и малочисленности штатов, работа милиции не может протекать в более или менее нормальных условиях» [11, л. 15].

На Северо-Востоке России сотрудники милиции особенно активно привлекались к оказанию содействия советским органам управления с середины 1920 гг. Помимо борьбы с уголовными преступлениями и нарушениями обязательных постановлений, камчатские милиционеры в 1920-е гг. выдавали удостоверения личности и разрешения на приобретение нарезного и гладкоствольного оружия; обеспечивали судебные решения; регистрировали общества, не преследующие цель получения прибыли; рассылали повестки; взимали единый сельскохозяйственный налог; наблюдали за соблюдением и внедрением революционной законности и т. д. [12, л. 156; 13, л. 25—26; 14, с. 4]. Деятельность милиции должна была строиться с учётом необходимости оказания помощи учреждениям юстиции, финансов, судебным и налоговым органам.

Выполнение вышеуказанных обязанностей требовало большого количества времени, отрывало сотрудников от основной работы и не поддавалось никакому учёту [4, с. 4]. Уже в ноябре 1924 г. газета «Полярная звезда» сообщила, что камчатские милиционеры в октябре 1923 — октябре 1924 г. выполнили более пяти тысяч поручений, треть из них — финансовые дела. В 1924 г. сотрудниками милиции Северо-Востока России было выполнено 2 000 поручений финансового отдела, комхоза и таможни; 1 126 поручений судебных органов; взыскано налогов, недоимок и штрафов на сумму около 10 000 руб., получено по исполнительным листам 64 704 руб. 44 коп. [15, л. 88].

В соответствии с предписанием ЦАУ НКВД РСФСР от 17 сентября 1923 г. № 10964-2, функции таможенного досмотра судов при отсутствии таможенных органов возлагались на местные органы власти [11, л. 29а об.]. Учитывая, что на Камчатке в середине 1920-х гг. таможенных учреждений было крайне недостаточно, особенно в населённых пунктах на западном побережье Камчатского полуострова (Тигиле, Усть-Большерецке и других), осматривать суда и визировать документы приходилось милиционерам.



(Здесь и далее под «Камчаткой» подразумевается территория всего Северо-Востока России, включавшая в себя собственно Камчатский полуостров, побережье Охотского моря, а также Чукотку и Анадырский полуостров.) В итоге работникам милиции в период навигации приходилось прекращать выполнять свои непосредственные обязанности, сосредоточив деятельность на выполнение таможенных функций [16, л. 104].

Начальник анадырской уездной милиции Алексей Михайлович Михалёв в докладе «Об условиях работы милиции на Севере» за 1925—1926 гг. дал любопытную характеристику её деятельности в этом отдаленном районе. Он отмечал, что «...если взять деятельность анадырской милиции... и откинуть от неё работу, не являющуюся чисто милицейской, то последнюю можно было бы выполнить за три-четыре месяца. Увеличивая для верности этот срок до шести месяцев, мы приходим к заключению, что в общей сложности милиция полгода выполняет свои прямые обязанности и полгода какие-то другие... Обилие различных обязанностей рассеивает внимание сотрудников, что не может не отражаться в худшую сторону на работе» [17, л. 6].

В Петропавловске на городскую милицию было полностью возложено делопроизводство по исполнению судебных решений [18, л. 7]. Так, в течение 1925—1926 гг. в производстве находилось 127 дел (на сумму 102 046 руб.). Причём документами, необходимыми для делопроизводства, сотрудники не обеспечивались. Они самостоятельно изготавливали алфавитные и денежные книги, бланки повесток, реестры, обложки для дел и прочее, на что требовалось большое количество времени. В 1927 г. сотрудники гормилиции вручили 147 повесток, 11 постановлений нарсуда, 34 постановления следователя, 10 выписок из протоколов распорядительных совещаний; выдали 213 справок, 16 удостоверений личности; исполнили судебных решений на 3 790 руб. 32 коп.; прописали 156 и выписали 136 чел. [18, л. 1]. В 1927 г. в Камчатском окружном административном отделе (ОАО) на исполнении находилось 96 судебных дел на 131 400 руб. [14, с. 4]. Силами гормилиции также обеспечивался надзор за санитарным состоянием города и состоянием домовых книг, которые «местхоз вёл неисправно, не выписывая убывающих и не прописывая прибывающих граждан» [18, л. 8].

В обязанности работников усть-камчатской раймилиции входило непременно присутствие сотрудников при раскупорке ящиков со спиртным в районном отделении Госвина, что занимало не

менее двух рабочих дней в неделю. На сотрудников анадырской милиции было возложено ведение гражданских дел, а также засвидетельствование подписей, доверенностей, имущественных сделок и прочее [19, л. 30]. Милиционеры также надзирали за соблюдением правил охоты и рыболовства (за недопущением вылова рыбы в устьях рек, соблюдением сроков охоты на горного барана, оленя, медведя, выдру, куропаatok) [19, л. 14; 20, л. 49; 21, л. 62].

Важным направлением работы органов милиции стала деятельность по реализации декрета об отделении церкви от государства. Работники милиции и уголовного розыска должны были проводить обыски в церквях и монастырях, реквизировать церковные ценности, регистрировать религиозные общества и заключать договоры с целью учёта всего имущества, находящегося в церквях и передаваемого в безвозмездное пользование группам верующих. В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 3 августа 1922 г. ни одно религиозное общество не могло действовать без регистрации в отделе управления губисполкома. После того как местные власти описывали церковное имущество, верующим было необходимо в кратчайшие сроки зарегистрироваться как религиозной группой. Чтобы сделать своё положение легальным, верующим было необходимо предоставить в милицию значительное количество документов: протокол собрания об организации религиозного имущества, список священнослужителей (если таковые имеются), устав общества, список верующих, договор об использовании церкви и церковного имущества, акт о приёме церковного инвентаря и опись церковного имущества. Все документы предъявлялись в трёх-пяти экземплярах [22, л. 75].

Регистрация религиозных групп на территории Камчатки началась в 1923 г. [23, л. 62]. В 1924 г. работники милиции провели выемку метрических книг в Гижигинском уезде, а в Петропавловске и трёх волостях Петропавловского уезда (Елизовской, Дранкинской и Большерецкой) заключили 18 договоров на передачу церковного имущества в пользование верующим. В 1926—1927 гг. все существовавшие религиозные организации в Камчатском округе были зарегистрированы как 12 обществ и одна группа, где состояло 1 257 чел. [24, л. 37]. Им передали 13 зданий (в губернии имелось 32 православные церкви и 35 часовен), остальные использовались под клубы, избы читальни, школы и фельдшерские пункты [14, с. 4]. На 1 июня 1928 г. в Камчатском округе было зарегистрировано 19 религиозных обществ и девять групп с 1 892 верующими [12, л. 55]. Им передали 27 зданий.

В середине 1930 г. количество религиозных организаций сократилось до восемнадцати. Они распределялись по районам следующим образом: в Петропавловском, Большерецком и Анадырском — по одной, в Пенжинском — две, в Тигильском — три, в Усть-Камчатском — девять, на Командорах — одна [25, л. 148]. В отчётах о деятельности административно-милицейских и судебных органов указывалось, что выполнение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви происходило без осложнений, а отношение населения к декрету было «самое хорошее» [24, л. 37].

Однако анализ архивных документов показывает, что нарушения законности в процессе регистрации религиозных групп были весьма распространены. Кроме того, при выполнении декрета об отделении церкви от государства нередко возникали конфликты. Например, в ряде волостей Петропавловского уезда «введение декрета задержалось непониманием населением смысла декрета» [16, л. 111]. В Мильковской волости верующие «не могли согласиться с тем, что ими выстроенная церковь должна быть взята в пользование по описи, за неё придется отвечать» [16, л. 116—117]. Население Ключевской волости также «отнеслось к проведению декрета недоброжелательно». Даже отречение местного священника о. Николая Каргопольцева от служения «не помогло полностью выполнить декрет». Серьезный конфликт, спровоцированный действием уездной власти, произошел в с. Гижиге [13, л. 25; 27, с. 134—139]. Особо религиозными селениями являлись Толбачик, Мильково, Палана, Наяхан, Тигиль. В с. Марково (Анадырский уезд) в 1925—1926 гг. большая часть жителей состояла в религиозном обществе, насчитывавшем 163 чел. [28, л. 29]. В марковское религиозное общество входили даже члены сельсовета «во главе с председателем» и комсомольцы. Кроме того, к марковской церкви «имели тяготение туманские ламуты демянского и яганского родов» [28, л. 29—30].

При выполнении декрета распространенным явлением стало нарушение формально-юридических процедур. Например, 18 ноября 1928 г. члены религиозного общества с. Тигиль на собрании приняли решение передать церковь райисполкому. После передачи, официально состоявшейся 19—20 ноября 1928 г., церковное здание «было преобразовано в другой вид, крест снят, вывешен флаг, разорён алтарь» [29, л. 99]. Передача здания церкви являлась незаконной: во-первых, на собрании присутствовало не более 25 верующих, а в протоколе о передаче фигурировало 56 чел., во-вторых, верующие не подписали протокол передачи здания церкви райисполкому.

Председатель Тигильского райисполкома поручил начальнику милиции любым способом «оформить передачу здания, пока верующие не хватились». Начальник тигильской милиции Василий Иванович Куренков «сначала делать этого не хотел, ссылаясь на законы, но потом согласился» [29, л. 99]. На собрании членов религиозного общества, состоявшегося 10 января 1929 г., с помощью различных обещаний он добился от верующих подписания протокола. Так, В. И. Куренков обещал, что райисполком предоставит верующим церковный амбар и сарай и погасит предъявленное ими денежное требование. В результате начальник милиции «подошёл к верующим» таким образом, что все присутствующие (46 чел.) подписали протокол передачи» [29, л. 99]. Этот факт вызвал среди жителей Тигиля «большое недовольство» в адрес райисполкома [27, с. 125].

В апреле 1930 г. в с. Елизово (Петропавловский район) были арестованы трое верующих в целях «обезвреживания их при постановке вопроса о передаче церкви». Впоследствии Камчатский окружком ВКП(б) посчитал данные действия грубейшей ошибкой и проявлением недопустимого администрирования [27, с. 125]. Дополнительной заботой в процессе проведения декрета стало страхование «сданных в использование» церковных зданий [24, л. 37].

Наряду с религиозными группами, работники милиции регистрировали общества и объединения, не преследующие цели извлечения прибыли. Так, в 1928—1930 гг. в качестве таковых были зарегистрированы ОСОАВИАХИМ, РОКК, МОПР, добровольное общество «Друг детей», спортивное общество «Динамо», Камчатское краеведческое общество, добровольная пожарная дружина, Совкино [14, с. 4; 25, л. 148].

В соответствии с приказом губернского административного отдела (ГАО) № 65 от 21 декабря 1925 г. начальники волостных милиций обязаны были не только оказывать содействие в организации изб-читален, но и принимать непосредственное участие в их работе. Ярким примером этого может служить деятельность начальника милиции Хайрюзовской волости в 1923—1925 гг. К. И. Загребы. В с. Хайрюзово он активно занимался культурно-просветительской работой среди населения: организовал избучитальню, ставил спектакли, проводил беседы о задачах, стоящих перед Советами [26, с. 51; 30, л. 152].

На волмилиции возлагались также функции санитарного надзора. Например, в апреле 1924 г. была проведена проверка деятельности хайрюзовского волревкома. В акте обследования особо

отмечается, что Хайрюзовская волость находилась в антисанитарном состоянии, её население «крайне нечистоплотно и не имеет элементарного понятия о гигиене, вследствие чего наблюдаются случаи различных кожных заболеваний. Работа в этой области производится исключительно волостным милиционером» [30, л. 154].

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1923 г. в стране отменялась старая паспортная система и параллельно вводилась единообразная форма удостоверений личности (с 1 января 1924 г.). Согласно инструкции по применению постановления, гражданин РСФСР, достигший шестнадцатилетнего возраста, имел право на получение удостоверения личности. Оно выдавалось в городах и поселках городского типа органами милиции, в сельских местностях — волисполкомами на не более чем трёхлетний срок. В удостоверении указывались фамилия, имя, отчество, дата рождения (возраст), национальность, социальное положение, профессия, место прописки, семейное положение, совместно проживающие члены семьи и отношение к отбыванию воинской повинности [11, л. 69]. Основанием для выдачи удостоверения служили запись в актовой или метрической книге, справка домоуправления или сельсовета о проживании и удостоверение с места работы. При невозможности представить какой-либо из документов, необходимых для получения удостоверения, милиции предписывалось выдать письменную справку на срок не выше трёх месяцев [11, л. 37—39, 45—47].

С октября 1924 г. милиции передали иностранное делопроизводство. В этом направлении административная деятельность милиции выразилась в учёте и регистрации всех прибывших в губернию иностранцев, а также в выдаче и продлении виз на жительство и оформлении их перевода в советское гражданство. В 1923—1924 гг. иностранным гражданам, проживающим на территории Камчатской губернии, было выдано 375 видов на жительство [16, л. 19]. На национальных паспортах иностранцев сотрудники милиции ставили определённые номера, их списки ежеквартально направлялись в ГАО [31, л. 35—37].

В 1924—1925 гг. от иностранных подданных в ГАО поступило 63 ходатайства о переходе в советское гражданство, из которых 42 было удовлетворено. Советское гражданство получили пять японцев, девять китайцев, 28 корейцев [24, л. 39]. В указанный период в ГАО также обратилось 19 граждан с заявлениями о выдаче им загранпаспортов. В результате проведённой проверки их получили 17 чел. [24, л. 39—40].

Впервые полная регистрация иностранцев, проживающих в Камчатской губернии, была произведена в 1924—1925 гг. На 1 октября 1924 г. их насчитывалось 436, а в 1925 г. — 410 чел. Распределение иностранных подданных по национальному составу в 1924—1925 гг. представлено в табл. 1 [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570. Л. 38—39].

Национальность	1924 г.	1925 гг.		
		Прибыло в 1924—	Убыло в 1924—	
		1925 гг.	1925 гг.	
Китайцы	189	123	46	265
Корейцы	219	40	160	99
Японцы	19	12	12	19
Шведы	—	3	—	3
Поляки	1	2	—	3
Немцы	1	2	—	3
Латыши	1	—	—	1
Литовцы	1	1	—	2
Эстонцы	4	3	2	5
Сербы	1	1	—	2
Американцы	—	8	2	7
Персы	—	1	—	1
Итого:	436	196	222	410

Порядок выдачи видов на жительство иностранным гражданам определялся обязательным постановлением губревкома «О порядке выдачи видов на жительство иностранцам» от 11 февраля 1926 г. № 7. Прибывшие на территорию Камчатской губернии иностранные граждане были обязаны подать заявление о выдаче видов на жительство в течение трёх суток. В случае нарушения вышеуказанного постановления они привлекались к административной ответственности в виде штрафа в 300 руб. или принудительных работ до трёх месяцев [23, л. 18]. Виды на жительство выдавались ГАО на шесть месяцев. Однако, учитывая значительные расстояния и особенности сообщения внутри Камчатки, Дальревком предоставил ГАО право выдачи вида на жительство на год [32, л. 992]. Иностранцев в Камчатском округе пребывало: в 1926 г. — 469, в 1928 г. — 248, в 1929 г. — 301, в 1930 — 469 чел. [33, л. 34].

Важнейшей стороной деятельности милиции также стало наблюдение за «проведением в жизнь» обязательных постановлений центральных и местных органов советской власти. Эти документы предусматривали административную ответственность за их нарушение в виде штрафов, поступавших в местный бюджет, либо в виде принудительных работ. Принятие декрета ВЦИК и СНК

РСФСР «О порядке наложения административных взысканий» от 23 июня 1923 г. положило начало становлению законодательства об административной ответственности. Но данный декрет содержал только общие положения, и его применение на практике было связано с большими трудностями [34, с. 97]. Поэтому 21 июля 1922 г. было принято «Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении административных взысканий за их нарушение» [35, ст. 603]. С целью укрепления законности в административно-правовой деятельности, НКВД РСФСР в январе 1924 г. разработал инструкцию «О взыскании штрафов, налагаемых в административном порядке за неисполнение обязательных постановлений губернских и уездных исполкомов, издаваемых на основе декрета ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г.».

Было определено, что органом по проведению в исполнение административных санкций является милиция. Инструкция упорядочила её деятельность по взысканию штрафов, а также определила порядок принудительного взыскания. Срок действия обязательных постановлений составлял один год, по его истечению требовалось новое опубликование этих документов. На основании вышеуказанной инструкции ГАО 15 октября 1924 г. принял циркуляр № 237 «О порядке взыскания штрафов, налагаемых административным порядком за нарушение обязательных постановлений», в котором отмечалось, что административные взыскания на нарушителей обязательных постановлений налагаются в Петропавловске, Охотске, Анадыре и Гижиге председателем уездного ревкома, в Усть-Камчатске и Уэлене — уполномоченным губревкома. Сотрудники милиции, получив от уездного или волостного ревкома извещение, были обязаны в трёхдневный срок объявить «о том лицу путём предъявления ему под расписку постановления о наложении административного взыскания». К циркуляру прилагалась инструкция ГАО «О порядке издания обязательных постановлений волревкомом и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» [36, л. 56—58].

Инструкция предоставляла волревкомам право издания обязательных постановлений по предметам управления и охраны порядка, не предусмотренных декретами центральной власти и обязательными постановлениями вышестоящих ревкомов. За нарушение обязательных постановлений волревкомы имели право налагать штрафы не свыше 100 руб. и назначать до месяца принудительных работ [36, л. 56].

Обязательные постановления губревкома издавались на срок до одного года и вступали в законную силу с момента опубликования в газете «Полярная звезда». К наложению административных взысканий необходимо было подходить с учётом «классовой принадлежности нарушителя, его имущественного положения, а также степени совершения проступка, сопутствующих ему степени развитости нарушителя и его ознакомленности с обязательными постановлениями» [12, л. 152].

Значимым шагом, направленным на совершенствование местного нормотворчества, стало принятие разработанного НКВД закона от 6 апреля 1925 г., который урегулировал права волисполкомов по изданию обязательных постановлений и наложению административных взысканий. Закон установил право волостных и районных исполкомов выпускать обязательные постановления по точно определённом перечню вопросов. Размер взысканий за их нарушение был установлен в пределах не свыше трёх рублей или пяти дней принудительных работ.

В 1923—1930 гг. за нарушение распоряжений центральных, краевых, губернских и уездных властей на Северо-Востоке России было подвергнуто административным взысканиям 2 174 чел., наложено 20 543 руб. 56 коп. штрафов. Более подробные данные о количестве лиц, привлечённых к административной ответственности в 1923—1930 гг., показаны в табл. 2.

Годы	Привлечённых, чел.	Сумма штрафа, руб.
1923/24	147	2 330
1924/25	185	3 500
1925/26	294	3 060
1926/27	310	2 161
1927/28	324	3 458
1928/29	309	1 039,50
1929/30	301	3 039,56
1930 (I полугодие)	214	1 875,50
Итого:	2 174	20 543,56

Таблица составлена автором по материалам источников: РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 183; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71. Л. 152; ГАКК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 11. Л. 75.

Наиболее распространёнными видами административных нарушений в Камчатской губернии (округе) в 1923—1930 гг. являлись нарушения правил охоты и рыбной ловли, регистрации пушнины, убоя скота, хранения оружия; нарушение «публичного порядка», хулиганство, азартные игры, изготовление самогона,



хранение и продажа спирта [14, с. 4; 25, л. 8, 10, 12—13, 33, 161—162; 13, л. 21—22].

Наиболее часто применяемой мерой административного взыскания являлся штраф, однако их действенность значительно снижало следующее обстоятельство. В соответствии с законом от 6 апреля 1925 г. сотрудники райревкомов получили право налагать штрафы на суммы не более трёх рублей. Большие суммы имели право взыскивать лишь сотрудники уездных ревкомов. Таким образом, штраф, налагаемый милиционерами и местными органами власти, оказался незначительным. На Северо-Востоке России в 1924—1926 гг. официальный прожиточный минимум составлял 34 руб. в месяц, а «неофициальный — в несколько раз выше» [28, л. 15]. Таким образом, «сила воздействия штрафа на Камчатке была в три раза меньше, чем на материке, где прожиточный минимум составлял 10—12 руб. в месяц» [28, л. 15—16]. В отчёте анадырского ревкома за 1925—26 гг. отмечается, что основными нарушителями обязательных постановлений являются «торговцы-спекулянты», которым «заплатить три рубля ничего не стоит, а штрафы являются исправительной мерой только для небогатого населения, но не для зажиточного» [28, л. 15].

О недостаточной эффективности этой формы административного взыскания свидетельствуют данные о наложении штрафов в Анадырском уезде с 1923 по 1926 гг., представленные в табл. 3 [ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108. Л. 14, 17].

Таблица 3

Год	Количество штрафов	Сумма, руб.	Средний размер штрафа, руб.
1923	6	625	104,50
1924	3	310	103,30
1924/25	21	334	15,90
1925/26	18	167	9,28

Показательным фактом является то, что в 1925—1926 гг. за нарушение обязательных постановлений в Анадырском уезде была наложена 18 штрафов на сумму 167 руб. Взыскания распределились следующим образом: за браговарение — восемь, за пьянство и хулиганство — семь, за нарушение правил охоты, обязательного постановления губревкома «О флагах» и правил прописки и выписки жильцов — по одному [28, л. 24—25]. Таким образом, из 18 административных взысканий 15 были наложены «за пьянство и браговарение». В отчёте о деятельности анадырского ревкома за 1925—1926 гг. это объяснялось так: «Можно подумать,

что в районе живут одни праведники, которые любят выпить. Однако нарушения обязательных постановлений происходят повсеместно. Но способы контроля проведения их в жизнь крайне несовершенны, а некоторые постановления изначально не применимы» [28, л. 24—25].

Административная деятельность камчатской губернской (окружной) милиции осложнялась в отдалённых уездах, основное население которых составляли коренные народности [37, с. 6—7]. В своём развитии туземцы находились на стадии разложения родовых отношений, а основой их экономики являлось оленеводство (у кочевников), охота и рыболовство (у осёдлого населения). Особый экономический уклад, наличие родовых обычаев и традиций, языковые и культурные особенности туземцев требовали от сотрудников уездных милиций при выполнении функциональных обязанностей специфического подхода к коренному населению. Тем более что на Камчатке в середине 1920-х гг. ещё не были созданы родовые советы по управлению делами туземных племен.

Однако из губернского центра в уезды Камчатской губернии практически не поступало разъяснений и распоряжений, касающихся деятельности милиции среди коренных народов. Например, в 1925—1926 гг. анадырская раймилиция получила от ГАО 509 различных распоряжений (не считая обязательных постановлений и телеграмм). Они касались розыска преступников (157), внутренней деятельности (54), дознаний (43), отделения церкви от государства (41), обязательных постановлений и взысканий за их нарушения (19), организации адресных столов записи актов гражданского состояния (ЗАГС) (39) и других вопросов [17, л. 7]. Но по одному из главных аспектов деятельности районной милиции — работе среди туземного населения — не было ни одного распоряжения. Схожая картина наблюдалась в Чукотском, Гижигинском и Охотском уездах. Имелись лишь циркуляры, рекомендуемые «очень осторожно подходить к туземному населению» [17, л. 7].

Следует отметить, что сами обязательные постановления губревкома не учитывали особенности отдалённых уездов и были выполнимыми лишь в пределах губернских центров (Петропавловск, Охотск). Вот некоторые примеры постановлений губревкома за 1925—1926 гг., общеобязательных к выполнению милицией, но невозможных в условиях отдалённых уездов [17, л. 10—11].

Постановление губревкома № 4 от 5 ноября 1925 г. «О производстве охоты и промысла в пределах Камчатской губернии», в котором определялись сроки охоты (с 17 ноября по 25 марта) и способы

контроля милицией охоты на пушного зверя. Но в условиях Анадырского, Чукотского и Гижигинского уездов контролировать соблюдение правил охоты было невозможно из-за незначительного штата милиции и преобладания кочевого населения (чукчи, коряки), находившегося за сотни вёрст от районных центров. Сроки охоты также не учитывали местных условий. Сотрудники милиции обращались в губревком с просьбой об их переносе [19, л. 14].

В постановлении губревкома № 5 от 23 января 1926 г. «О борьбе с эксплуатацией, обманом и спаиванием туземного населения Камчатской губернии» ничего не говорится о таком распространённом явлении, как эксплуатация кочевников оседлым туземным населением, «скупающим у оленеводов по баснословно низким ценам одежду, сырьё, продукты и т. д.» [28, л. 226—227]. Постановление губревкома № 10 от 24 июля 1926 г. «О регистрации в органах ЗАГС событий рождения и смертей» оказалось практически невыполнимо в национальных районах из-за огромных расстояний, недоступности кочевников ввиду отсутствия средств передвижения у районных милиций. В отчётах начальников милиций за 1926—1927 гг. указывается, что кочевникам «ЗАГС не нужен, значение его они не понимают, объяснить им этого мы не можем, а принудить к регистрации актов гражданского состояния мы не в состоянии» [17, л. 7].

На основании постановления губревкома № 10 от 15 мая 1926 г. «Об убое животных для питания» мясо убитых животных должно было предъявляться для ветеринарного осмотра вместе с печенью и легкими. Но в середине 1920-х гг. в районах Камчатки ветеринарные врачи отсутствовали (они находились лишь в Охотске и Петропавловске), а единственными поставщиками мяса являлись кочующие оленеводы. Согласно докладам и отчётам за 1925—1927 гг., даже при мобилизации всех сил милиции выполнение данного постановления было возможно лишь в трёх-четырёх селениях. Но это привело бы к тому, что кочующие оленеводы, «в виду стеснительных для них обстоятельств», оставили бы эти селения совершенно без мяса. К тому же согласно традиционным обрядам чукчей, населявших Чукотский и Анадырский уезды, олени внутренности оставлялись для выполнения религиозных ритуалов. Тушу оленя привозили на продажу без сердца, печени и легких.

Приказ начальника ОАО № 49 от 30 июля 1926 г. «О пользовании и торговле охотничьим оружием и огнестрелными к нему» требовал наличие разрешения при покупке ружей, но фактории

Дальгосторга были удалены от раймилиций на 200—600 вёрст, и покупатели-кочевники не имели возможности получать эти разрешения. Крайне затруднительным для милиции было выполнение постановления губревкома № 6 от 23 мая 1925 г. «О ввозе и продаже спирта, вина и водочных изделий в Камчатской губернии» по причине малочисленности штата. Кроме того, население районов «в данном вопросе действовало исключительно против милиции», а случаи ввоза спирта «по разрешению» лицами, находящимися на советской службе, вызывали «массу сплетен, слухов и разговоров» [17, л. 11].

Постановлением № 17 от 7 июня 1926 г. в Камчатском округе запрещались «всякого рода азартные игры». Однако в документе не было указано, какие именно игры являются азартными. Таким образом, выполнение общеобязательных постановлений губревкома было возможно только при условии приспособления к специфике местных условий. Весьма интересно, что отчёты раймилиций губернскому (окружному) ревкому часто заключали, что некоторые общеобязательные постановления были невыполнимы и вызывали смех на заседаниях райревкомов [17, л. 10—11].

При расследовании преступлений среди коренного населения Камчатки (особенно среди кочевников) милиционерам приходилось сталкиваться с дополнительной сложностью. Она заключалась в том, что некоторые стороны жизни туземцев, карающиеся с точки зрения действующего законодательства, для коренного населения являлись естественными и моральными. Особенно сильны были традиционные представления чукчей [25, л. 161]. Вмешательство в жизнь туземцев вызывало острые и нежелательные осложнения. Например, жители Анадырского и Чукотского уездов присваивали себе не только выброшенные морем товары: строевой лес, керосин, продукты и прочие, но даже вынесенные на берег шхуны [28, л. 218—219]. Во многом этому способствовал чукотский обычай, согласно которому «всё выброшенное морем, являлось собственность нашедшего» [28, л. 228].

У коряков, ительменов, чукчей существовал обычай, обязывающий жениха бесплатно отработать в семье будущей невесты определённый срок, продолжительность которого зависела от имущественного положения жениха (от нескольких дней до нескольких лет). Распространение имели также выдача замуж несовершеннолетних, по согласию родителей, передача жён по наследству [28, л. 22—23, 226—228.]. Не редкостью было и убийство родственниками стариков и неизлечимо больных (исключительно по их

просьбе) [13, л. 150—151; 38, л. 108—109]. В то же время действующее законодательство рассматривало такие случаи как уголовное преступление. Между тем было неизвестно, как милиционерам следовало поступать при этом. Существовали лишь указания начальника губернской (окружной) милиции, запрещавшие «запугивать местное население кодексом и уставами» [26, л. 46].

Следует остановиться ещё на одном аспекте практической деятельности милиции в условиях отдаленных районов. С середины 1920 гг. осёдлое население Камчатского округа обязано было сдавать пушнину в фактории Дальгосторга. Контролировали это сотрудники раймилиций. Но после принятия постановления Камчатского окрревкома от 29 октября 1926 г., согласно которому «без особого распоряжения было запрещено милиции вмешиваться в деятельность факторий и производить аресты и дознание служащих Дальгосторга» [28, л. 223], деятельность раймилиции в этом направлении оказалась парализованной. Так, сотрудники принимали жалобы от населения на действия служащих Дальгосторга и отправляли их в окрревком. Из-за огромных расстояний и отсутствия связи рассмотрение жалоб затягивалось на долгие месяцы. В итоге туземцы, разочаровывались в действиях милиции и старались «договориться» с сотрудниками Дальгосторга, поощряя дальнейший произвол [28, л. 224—226]. Таким образом, раймилиция была не способна в должной мере защитить интересы туземного населения, и в уездах «течение местной жизни проходило мимо закона и мимо милиции» [17, л. 4].

С целью изменения сложившейся ситуации, в 1927 г. окрревком принял ряд существенных мер: повысил заработную плату, ввёл систематические инструктажи сотрудников милиции и выделил им транспорт. Но главное внимание было сосредоточено на работе милиции с местным населением. На основании рапортов, отчётов и докладов уездных милиций в 1927 г. были выработаны первоначальные направления их деятельности среди коренных народов Камчатки. Ими стали: изучение быта, обычаев и хозяйства туземцев; охрана правопорядка и распространение революционной законности среди населения; организация столов ЗАГС.

Представляет интерес то, как указанные меры осуществлялись на практике. Например, сотрудники милиции отдаленных районов должны были изучать традиции и условия жизни коренного населения с предоставлением отчётов в виде докладов и предложений [17, л. 14—15]. Получаемые таким образом сведения подвергались широкому общественному обсуждению (милиционеры

выступали с докладами на заседаниях местных ревкомов), после чего выносились те или иные решения. Кроме того, сотрудникам уездных милиций вменялось в обязанности подробно изучить свой район. Официальным отчётом являлся служебный дневник, который милиционеры должны были вести во время поездок по районам (приложение 1).

В отношении местного населения основное внимание сосредотачивалось на просветительской и воспитательной работе. Карательные меры должны были применяться только в случаях особо опасных преступлениях, вызывающих общественный резонанс (грабёж, убийство, разбой и т. п.). Важным элементом просветительской работы стало бесплатное распространение среди коренного населения рисунков, наглядно показывающих вред, происходящий в результате нарушения закона (спекуляции мягкой рухлядью, изготовления самогона, нарушения сроков охоты и других). Для более тесной связи с местным населением служащие милиции должны были научиться оказывать первую медицинскую помощь, правильно применять медикаменты походной аптечки. Важно так же отметить, что в конце 1920-х гг. окревком предоставил райревкомам большую степень самостоятельности при осуществлении общеобязательных постановлений.

В итоге, к 1930 г. в деятельности милиции в отдалённых районах Камчатского округа наблюдаются положительные результаты. Так, более 60 % туземного населения было охвачено работой столов ЗАГС, стали регистрироваться и расследоваться преступления, совершённые кочевниками [39, с. 16]. И если в середине 1920-х гг. «течение местной жизни проходило мимо закона, мимо милиции и мимо органов управления», то к началу 1930-х гг. туземные народы Камчатки были охвачены сферой деятельности милиции.

В соответствии с положением Главмилиции от 13 июля 1922 г. «Об адресных столах» в городах для регистрации проживающих граждан и для выдачи справок об их адресах всем заинтересованным лицам и учреждениям, учреждались адресные столы. Они находились в непосредственном ведении начальника местной милиции. Постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» был закреплён учёт передвижения населения в городах. В крупных городах с населением более одного миллиона человек учреждались адресные бюро. В городах меньшей численности появились адресные столы.

На Северо-Востоке России организация органов ЗАГС началась в январе 1923 г. В соответствии с постановлениями Камчатского

окрревкома регистрация всех случаев рождения и смерти должна была производиться только в органах ЗАГС в строго определенные сроки. В Петропавловске новорожденного следовало зарегистрировать в двухнедельный срок, в сельской местности (при наличии адресного стола) — в течение месяца, а в сельской местности (при отсутствии адресного стола) — не позднее шести недель [12, л. 348].

Для регистрации случаев смерти был установлен трёхдневный срок для Петропавловска и сельской местности (при наличии адресного стола). При отсутствии адресного стола в сельской местности срок регистрации факта смерти продлевался до одного месяца [12, л. 348]. В соответствии с постановлением губревкома № 8 от 9 сентября 1924 г., религиозно-церковные браки, заключённые на территории Камчатской губернии до открытия регистрационных (адресных) столов ЗАГС, признавались законными и не перерегистрировались. Все религиозно-церковные браки, заключённые на территории губернии после открытия столов ЗАГС, считались недействительными и подлежали регистрации. Делопроизводство по линии ЗАГС было передано в ведение управления милиции. Таким образом, при регистрации актов гражданского состояния основную нагрузку приходилось выполнять сотрудникам милиции, которые также проводили обследование и инвентаризацию адресных столов.

Первый адресный стол ЗАГС на Камчатке был организован на основании приказа губернского управления милиции № 9 от 23 января 1923 г. [16, л. 95—95об.]. В 1923 г. в губернии действовали петропавловский уездный, большеерецкий, елизовский, мильковский, соболевский, усть-камчатский, хайрюзовский и тигильский волостные адресные столы. 13 ноября 1923 г. заработал гижигинский, а 1 августа 1923 г. анадырский уездные адресные столы (в Ново-Мариинске). С 15 августа 1923 г. появился адресный стол в с. Марково Анадырского уезда [16, л. 95—95об; 39, с. 23—24; 40, с. 2].

В Охотском уезде регистрационные столы ЗАГС были организованы только в 1924 г. Это было вызвано тем, что в Охотске длительное время изучались метрические книги местной церкви «за сто с лишним лет», а также изготавливались актовые книги для всего уезда. Тем не менее, в декабре 1924 г. в Охотском уезде действовали один уездный и восемь волостных адресных столов ЗАГС: в Аяне, Новом Устье, Ине, Тауйске, Армани, Оле, Ямске, Тумане [15, л. 54—55об.; 37, с. 14]. В Гижигинском уезде в 1924 г. был сформирован один стол ЗАГС, обслуживавший с. Гижигу

с прилегающими районами, с. Наяхан и «небольшое количество кочующих в районе тунгусов» [37, с. 14].

В течение 1924—1925 гг. в Камчатской губернии были перерегистрированы церковные метрические книги, осуществлена регистрация случаев рождений и смерти с момента организации ЗАГС в губернии, а также началось регулярное обследование и инструктаж адресных столов. На 1 октября 1925 г. в губернии работали 63 адресных стола ЗАГС (приложение 2). С октября 1926 г. в районных АО была введена должность делопроизводителя-заведующего ЗАГС, что позволяло направлять в районы наиболее подготовленных сотрудников милиции и качественно улучшить работу по линии ЗАГС.

Ниже приведены сведения о заведующих столами ЗАГС на Северо-Востоке России в 1926—1928 гг. [ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5. Л. 4—5; ГАКК. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3]:

*Березин Пётр Алексеевич*, родился 16 января 1899 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Анадырьской районной милиции, назначен 1 октября 1925 г.

*Брагин Семён Николаевич*, родился 12 марта 1898 г., делопроизводитель и заведующий столом ЗАГС Пенжинской районной милиции, назначен 1 сентября 1925 г.

*Лелюхин Алексей Захарович*, родился 25 февраля 1899 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Большерецкой районной милиции, назначен 15 января 1926 г.

*Мильский Евгений Павлович*, родился 3 марта 1897 г., делопроизводитель и заведующий ЗАГС Петропавловской милиции, назначен в 1924 г.

*Мясников Николай Алексеевич*, родился в 1899 г., заведующий общим подотделом милиции, заведующий окружным бюро ЗАГС. Назначен 11 декабря 1926 г.

Камчатским милиционерам приходилось сталкиваться с рядом трудностей, прежде всего — с неудовлетворительным состоянием связи, ведущим к несвоевременному получению губернским (после 1926 г. окружным) ЗАГС сведений с мест. Это отражалось на полноте статистических сводок и реестров по всей губернии. Часто указания, инструкции и циркуляры по линии ЗАГС приходили в уезды спустя несколько месяцев, а иногда и через год после опубликования. Из-за низкой квалификации сотрудников низовых аппаратов, процессе работы возникали серьёзные упущения и ошибки, искажавшие отчёты, реестры и сводки. Отсутствовали грамотные люди и в туземных советах. Особые затруднения



вызывала регистрация актов гражданского состояния у кочевых народностей, разбросанных на огромной территории и не понимавших русского языка. Так, в Чукотском уезде в 1924 и первой половине 1925 г. адресные столы ЗАГС не были организованы. Одна из главных причин этого заключалась в том, что «почти все чукчи совершенно не говорили по-русски» [37, с. 14]. Распространенным явлением было незнание туземцами своего возраста. Следует также отметить, что некоторые условия жизни кочевников не укладывались в рамки советских законов. Например, такие, как ранние браки (до шестнадцати лет), многожёнство, временный обмен жёнами, детьми и другие. Кроме того, у кочевников не только отсутствовало сознание пользы и необходимости ЗАГС, но в силу религиозных предрассудков они избегали давать сведения о смертях, рождениях и браках [37, с. 14].

С целью разрешения указанных сложностей ОАО совместно со статистическим бюро разработал упрощённую форму записи актов гражданского состояния, специально предназначенную для кочевых народов. Она выглядела «в виде тетрадки на тот или иной район кочевников, имея в виду, что записи будут производиться в полутьме, на холоде, малограмотными людьми...» [17, л. 15об.; 23, л. 62, 67, 161]. В основу учёта кочевого населения Камчатки было положено его разделение по родам и местам кочевий. Момент записи актов гражданского состояния обставлялся формами обрядности той или иной родовой группы. Кочевое население обычно регистрировалось на ярмарках, а также во время объезда кочевий или в административных округах. Кроме того, работа по линии ЗАГС проводилась всеми сотрудниками местных райревкомов, а не только милицией. Так, записи актов гражданского состояния осуществляли учителя, заведующие факториями.

В 1929 г. с целью «обслуживания» Чукотской и Анадырской ярмарок при Западно-Корякском туземном ревкоме в с. Каменском был организован ЗАГС, объединивший пенжинский «беловой», паренский и рекиникский «черновые» столы [25, л. 73]. В Карагинском районе в 1927—1928 гг. были дополнительно открыты алюторский, корфский и вивенский «черновые» столы [41, л. 62]. В 1928—1930 гг. кичигинский и дранкинский столы ЗАГС охватывали 50 % кочевого населения, тауйский — 100 %, инский — 70 %, ольский — 60 % [42, л. 37—38]. В отчёте о работе Карагинского райревкома за 1928—1929 гг. существовавшая сеть столов ЗАГС оценивалась как «вполне удовлетворительная для обслуживания всего советизированного населения» [41, л. 62].

Таким образом, в 1930 г. в Камчатском округе действовал 81 адресный стол, деятельностью по линии ЗАГС было охвачено всё оседлое и значительная часть кочевого населения.

Изменение численности и показатели деятельности адресных столов ЗАГС Камчатской губернии (округа) в 1923—1930 гг. представлены в табл. 4 и 5 [РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55. Л. 181; ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 161. Л. 23—24].

Таблица 4

Количество столов	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Беловых	13	14	16	28
Черновых	4	30	40	65
Итого:	17	34	56	93
Количество столов	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Беловых	44	57	60	64
Черновых	41	21	19	17
Итого:	85	78	79	81

Таблица 5

Количество АГС	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Рождений	427	892	551	1 045
Смертей	199	440	369	953
Браков	128	268	150	160
Разводов	7	38	11	16
Усыновлений	—	—	—	—
Итого:	761	1 639	1 081	2 174
Количество АГС	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Рождений	755	756	591	255
Смертей	538	487	402	179
Браков	78	125	168	30
Разводов	34	26	27	7
Усыновлений	7	5	13	3
Итого:	1 412	1 400	1 201	474

Важнейшее место в административной деятельности милиции Северо-Востока России занимало содействие таможенным органам. Сложные социально-экономические и особые географические условия региона создали условия значительного развития контрабанды. Огромная территория Камчатки и отсутствие пограничной охраны способствовали свободному проникновению контрабандных товаров. В 1924—1925 гг., по сведениям Дальревкома, из 165 населённых пунктов, расположенных на побережье Камчатки, только в 17 имелись таможенные учреждения [43, с. 24]. На заседании губревкома 18 февраля 1926 г. особо отмечалось, что обширность территории, неудовлетворительное состояние связи

и недостаточность специального аппарата затрудняют борьбу с контрабандой, а «10 000-вёрстная морская граница Камчатской губернии, имея всегда доступные для причала берега, никогда и никем не охранялась» [20, л. 448—451].

Отсутствие на территории Камчатки промышленного производства и сельского хозяйства приводило к полной зависимости территории от поставок продукции, «ввозимой в большинстве случаев с иностранных рынков». Показательным является тот факт, что даже в 1924 г. более 90 % доставленных товаров являлись американскими, японскими и китайскими. В соответствии с циркулярным распоряжением ЦАУ НКВД № 322 от 19 августа 1924 гг. деятельность милиции по содействию таможенным органам «в преследовании контрабанды и производстве дел о ней» разделялась на две стадии.

На первой к функциям милиции относились: обязательное участие в обысках и выемках, проводимых таможенными служащими; выяснение личности, места жительства и имущественного положения задержанных лиц; принятие мер пресечения в отношении обвиняемых в контрабанде; вручение повесток, постановлений и объявлений таможенных учреждений; розыск обвинённых в контрабанде [44, л. 1об.]. Вторая стадия заключалась в производстве административных взысканий за контрабанду в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г., инструкцией и циркуляром ЦАУ № 322 [44, л. 1об.]. С сентября 1923 г. вводился новый порядок, при котором задержанную контрабанду доставляли в таможенную, объявлявшую постановление задержанным контрабандистам. В случае неуплаты штрафа в назначенный срок милиция взыскивала его принудительно. Кроме того, «в местностях, где таможенных учреждений нет», все обязанности по взысканиям, налагаемые таможенными органами, целиком осуществлялись милицией [44, л. 2].

Рассматривая тактику борьбы с контрабандой, губревком признавал, что «...только меры экономической борьбы дадут желаемые результаты». Следует также отметить, что наряду с экономическими изменениями, в середине 1920-х гг. на Камчатке завершается процесс образования советского административного аппарата управления, неотъемлемой частью которого являлись силовые структуры. Уже к 1925 г. в губернии существовали пограничный отряд ОГПУ, таможенная служба, милиция, Дальрыбнадзор и Дальохотнадзор, совместные действия которых были направлены на борьбу с экономическими преступлениями. Была

создана комиссия по борьбе с контрабандой, координировавшая деятельность всех учреждений и служб (погранзастав ОГПУ, таможни, милиции, Дальгосторга, Дальрыбы).

Важнейшими сторонами административной деятельности милиции также являлись:

- обеспечение взыскания единого сельскохозяйственного налога, введённого в 1923 г.;
- организация сельских советов;
- проведение политики «революционной законности»;
- проведение мероприятий по пожарному делу;
- содействие делу ликвидации неграмотности населения;
- регистрация фотографов-любителей;
- обеспечение административного надзора за торговыми предприятиями и прочее.

Для оказания помощи милиции в охране общественного порядка в крупных населенных пунктах и городах РСФСР вводился институт дворников. В соответствии с приказом НКВД РСФСР № 493 от 19 октября 1922 г. определялись сроки и формы реализации «Положения о дворниках», которое водилось на Дальнем Востоке с 1 января 1923 г. Дворники были обязаны оказывать полное содействие постовым милиционерам, беспрекословно исполнять все их указания, доставлять правонарушителей в местное отделение милиции. Дворникам также «передавался санитарный надзор, ведение домовых книг и наблюдение за тем, чтобы отдельные граждане не проживали без прописки, что позволяло вести регистрацию преступного элемента в более широком масштабе». Создание этого вспомогательного института должно было «разгрузить милицию от мелочной повседневной работы». Согласно инструкции «О введении института дворников на Дальнем Востоке» на управления милиции возлагались заботы о составлении инструкций для дворников, а также распределение их дежурств и постов [11, л. 15, 72].

Однако на Северо-Востоке России большинство населения проживало в сельской местности, и в институте дворников не было необходимости. 23 июня 1925 г. ГАО сообщил в Дальревком, что в Камчатской губернии имеется только четыре дворника [11, л. 36].

В целях своевременного исполнения сельскими советами заданий по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, в РСФСР был введен институт сельских исполнителей. Порядок работы этого «подсобного органа милиции на селе» определялся постановлением ВЦИК и СНК

РСФСР от 27 марта 1924 г. «О сельских исполнителях» и инструкцией НКВД РСФСР от 27 марта 1924 г. «О порядке назначения и деятельности сельских исполнителей» [45, ст. 226].

На территории Камчатской губернии эта структура была введена 13 ноября 1924 г. постановлением губревкома «О порядке проведения в жизнь на территории Камчатской губернии постановления ВЦИК и СНК от 27 марта 1924 г. и инструкции НКВД РСФСР о сельских исполнителях». Нормативно-правовой акт подробно определял порядок создания и деятельность сельских исполнителей в специфических условиях Северо-Востока России [11, л. 7—9].

Согласно постановлению:

— определялись обязанности сельских исполнителей. К ним относились: наблюдение за порядком и спокойствием в селениях; доведение до населения распоряжений органов власти; составление протоколов о нарушении обязательных постановлений; участие в качестве понятых; выявление случаев изготовления самона и нарушения правил охоты и рыболовства;

— закреплялась методика определения количественного состава лиц, выполняющих обязанности сельских исполнителей на Камчатке. Так, на 25 дворов необходимо было иметь одного, на 25—50 дворов — двух, в селениях, где насчитывалось более 50 дворов, — трёх сельских исполнителей. Учёт и контроль их деятельности возлагался на волостных начальников милиций;

— инструктаж сельских исполнителей становился обязанностью сотрудников волостных милиций. С этой целью начальники волостных милиций должны были не реже трёх раз в год организовывать совещания сельских исполнителей при райцентрах. Здесь же заслушивались отчёты о результатах проведенных работ;

— вводилась единая форма предоставления сведений о лицах, которые не могут быть сельскими исполнителями (название селения, фамилия, имя и отчество, возраст, социальное и семейное положение, имущественное отношение, годовой доход, суммы обложения единым сельхозналогом и за несение обязанностей исполнителей);

— отмечалось, что «в период рыбной ловли и охоты на пушного зверя», а это в камчатских условиях всецело заменяло период сенокоса и уборки хлеба, количество сельских исполнителей сокращалось до минимума.

Первые сельские исполнители появились в волостях Петропавловского уезда в январе-марте 1925 г. В начале 1926 г. этот

вспомогательный милицейский институт стал действовать на территории всего Северо-Востока России. По состоянию на 20 января 1928 г. численность сельских исполнителей составила 131 чел., распределявшихся по районам: Анадырскому — восемь, Пенжинскому — шесть, Большерецкому — 27, Карагинскому — 13, Петропавловскому — 24, , Усть-Камчатскому — 21, Тигильскому — 21, Чукотскому — 11. По инициативе ГАО милиционеры проводили с сельскими исполнителями занятия по специальной программе, которая «оказалась слишком трудной для понимания отсталого населения». В итоге милиционеры и работники волревкомов разъясняли только инструкцию о сельских исполнителях, общемилицейские обязанности и действующие обязательные постановления [28, л. 27—28].

Значение этого вспомогательного милицейского института особенно возросло во второй половине 1920-х гг., когда в результате проведённого районирования резко сократился личный состав милиции. В статье начальника ОАО, опубликованной в «Полярной звезде» 1 декабря 1927 г., отмечается особая важность сельских исполнителей для Камчатки. Деятельность «бюстителей порядка на селе» оценивалась удовлетворительно, а также особо подчеркивалось, что «в настоящее время сельские исполнители играют огромную роль, так как штаты милиции сокращались на 50 %» [46, с. 3; 13, л. 22].

Более полную и объективную оценку результатов и эффективности работы сельских исполнителей можно получить при изучении отчётов сельревкомов, волостных и районных милиций за 1926—1930 гг. Анализ этих документов свидетельствует о наличии ряда сложностей. Прежде всего, это «поголовная» неграмотность сельского населения Камчатской губернии, за счёт которого формировался состав сельских исполнителей. В административных отчётах районных милиций Камчатской губернии (округа) отмечается, что «они малокультурны, неграмотны, подавляющее большинство из них не умеют писать» [28, л. 29]. В отчётах Карагинского, Тигильского, Анадырского райревкомов за 1925—1930 гг. указывалось, «что из-за незнания русского языка сельские исполнители даже не в состоянии понять своих обязанностей» [28, л. 28—29].

Сложившуюся ситуацию пытались разрешить введением системы инструктажа сельских исполнителей работниками милиции. Но расстояние между селениями и райцентрами, ограниченный штат милиционеров и постоянный недостаток средств на

командировочные расходы приводили к тому, что эта работа в районах (за исключением Петропавловского) проводилась один раз в год, что, естественно, не могло исправить ситуацию. К тому же большинство камчатского населения рассматривало выполнение обязанностей сельских исполнителей как тягостную трудовую повинность. Доклады раймилиций и отчёты Камчатского окружного АО за 1926—1930 гг. показывают, что сельские исполнители «крайне пассивно относятся к выполнению своих обязанностей, инициативы не проявляют и считают вправе не доводить до милиции сведений о разных нарушениях» [28, л. 12].

В документах указывается, что основными причинами такой пассивности населения являлись нежелание осложнять отношения с односельчанами и отсутствие контроля сельских исполнителей со стороны местной власти. Всё вышеперечисленное отражалось на качестве деятельности сельских исполнителей, которая признаётся неудовлетворительной. Например, в Анадырском районе (1926—1930 гг.) она заключалась лишь «в редком вручении повесток, объявлении о собраниях, участии в качестве понятых и выполнении редких поручений сельсоветов» [28, л. 29—30]. В Большерецком районе за аналогичный период сельские исполнители не составили ни одного протокола за нарушение обязательных постановлений [47, л. 12].

По данным административного отчёта усть-камчатского райревкома, в основном рыбодобывающем районе Камчатки сельские исполнители не выявили случаев нарушений правил рыболовства. Протоколы за данное нарушение «были составлены только в Усть-Камчатске и только милицией». В Карагинском, Пенжинском, Большерецком, Усть-Камчатском, Чукотском и Анадырском районах работа сельских исполнителей «была совершенно не видна», а эффективность борьбы с основными видами преступлений в это время (хулиганство, самогоноварение, контрабанда и нелегальная торговля) данным органом власти оценивалась как «нулевая» [25, л. 183]. Таким образом, деятельность сельских исполнителей в Камчатской губернии (округе) носила формальный характер, который не изменился и после увеличения численного состава этого вспомогательного милицейского органа.

Итак, в рамках административной работы сотрудники милиции Северо-Востока России осуществляли надзор за выполнением обязательных постановлений центральных и местных органов власти, выдачу удостоверений личности и ведение иностранного делопроизводства, реализовывали декрет об отделении церкви от

государства и организовывали адресные столы ЗАГС, оказывали содействие таможенным органам в борьбе с контрабандой, осуществляли санитарный надзор, организовывали избы-читальни. Особенно сложно это было делать в отдаленных районах Камчатки. Таким образом, административная работа явилась важнейшей и неотъемлемой частью деятельности органов милиции Северо-Востока России, однако возложение на милицию несвойственных ей функций свидетельствовало об отношении к данной структуре как к вспомогательному органу, результатом чего стали перегруженность сотрудников, а также нехватка сил и времени для выполнения основных обязанностей.

## Приложение 1

### Дневник, обязательный к ведению сотрудниками при разъездах по районам

1. Место ночлега.
2. Сколько вёрст пути пройдено за день.
3. В котором часу отправился утром. В котором часу прибыл на ночлег.
4. Были ли остановки в пути (для работы, для отдыха и т. д.).
5. Способ передвижения.
6. Были ли попутчики (указать подробно). Были ли встречные (указать подробно).
7. Состояние погоды за день (приблизительная температура, ветер и др.).
8. Состояние собственного здоровья за день.
9. Состояние собак, оленей.
10. Дневное питание собственное и собак.
11. Сколько сделано фотографических снимков.
12. Сколько пройдено за день селений, юрт, зимовок (указать их название).
13. Не встречалось ли на пути брошенных селений, юрт, яранг (что узнал о них).
14. Характер местности пройденной за день (тундра, горы, речная долина).
15. Названия пройденных рек, их направления, быстрота течения, форма берегов.
16. Названия встречных озёр, их величина и глубина.
17. Какая растительность характерна для пройденной местности (лес, мхи, трава и др.).
18. Не встречалось ли на пути горячих источников (их свойства, место нахождения, использование населением).
19. Не слышал ли от населения о существовании полезных ископаемых (уголь, нефть, золото и т. д.).



20. Описание наиболее опасных мест пути.  
 21. Не слышал ли каких-либо туземных преданий и легенд (желательно запись текста).  
 22. Какие события из жизни туземцев наблюдал за день (праздники, игры, обряды, обычаи и т. п.).  
 23. Прочие записи за день.  
 Число, месяц прибытия и убытия.  
 ГАКК. Ф. П-44. Оп.1. Д. 26. Л. 16.

## Приложение 2

### Распределение столов ЗАГС по уездам Камчатской губернии на 1 октября 1925 г.

Столы ЗАГС	Уездные	Волостные	Сельские
Петропавловский	1	13	36
Охотский	1	6	—
Анадырский	1	1	3
Гижигинский	1	—	—
Чукотский	—	—	—
Итого:	4	20	39

Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925. — С. 14.

### ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

1. *Белюков Д. А.* Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции: 1917—1927 гг. Дис... канд. ист. наук. — Новгород, 2003. — 223 с.
2. Бюллетень НКВД РСФСР, 1923. — № 25.
3. Там же, 1924. — № 11.
4. там же, 1924. — № 14.
5. Действующие распоряжения по милиции. — М., 1928.
6. Бюллетень НКВД РСФСР, 1925. — № 10.
7. Статистическое управление РСФСР, 1921. — № 22.
8. Там же, 1922. — № 18.
9. *Мальгин А. Я.* Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995.
10. *Иванов В. А.* Милиция в Марийском крае в 1917—1941 гг.: проблемы организации и деятельности. Дисс... докт. ист. наук. — М., 2006. — 497 с.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1433.
12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.
13. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 161.
14. Полярная звезда. — 1928. — 19 янв. — № 6.
15. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 46. Д. 110.

16. ГАРФ. Оп. 49. Д. 127.
17. ГАКК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 26.
18. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.
20. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 6. Д. 2.
21. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 1.
22. Там же. Ф. Р-185. Оп. 5. Д. 1.
23. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 2.
24. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.
25. Там же. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55.
26. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
27. *Глинчикова Е. В.* Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х — начале 1930-х гг. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 134—139.
28. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.
29. Там же. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 99.
30. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 42.
31. Там же. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 3.
32. Там же. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 69.
33. Там же. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 1.
34. *Венисов А. В.* Деятельность советской милиции по реализации решений местных органов власти в сфере охраны общественного порядка в период социалистического строительства (1921—1936 гг.) Автореф. Дисс... канд. юрид. наук. — М, 1986. — 35 с.
35. Статистическое управление РСФСР, 1922. — № 48.
36. ГАКК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 2. Л. 56—58.
37. *Чукчи* (10 815 чел.) занимали Чукотский и Анадырский районы, срединную часть Карагинского и северо-восточную часть Пенжинского района, около половины территории Камчатского округа. *Коряки* (7 282 чел.) расселились на всей восточной береговой части Пенжинского района, а также занимали северную и южную части Карагинского района, Карагинский остров и северную часть Большерецкого района. *Тунгусы и ламуты* (2 956 чел.) заселяли западную часть Пенжинского района. *Ительмены* (803 чел.) занимали южную часть Тигильского района. *Алеуты* находились на Командорских островах (302 чел.). *Чуванцы* (620 чел.) занимали небольшую западную часть Анадырского, северную часть Пенжинского района и село Пенжино. *Эскимосы* занимали восточное побережье Чукотского района и остров Врангеля. *Кереки* находились в южной части Анадырского района. В Анадырском, Чукотском, Гижигинском уездах коренное население составляло более 90 %, а в Петропавловском и Охотском около 50 % [Материалы по статистике Камчатской губернии. — Хабаровск, 1925. — С. 6—7].
38. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 54.

39. Отчёт Камчатского окружного революционного комитета Первому областному съезду Советов. — Петропавловск-Камчатский, 1927.
40. Полярная звезда. — 1924 — 12 окт. — № 67.
41. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
42. Там же. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1.
43. *Троицкая Н. А.* Из истории таможенной службы на Дальнем Востоке // Таможенная политика на Дальнем Востоке. — № 2. — Владивосток, 1999. — С. 24.
44. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1428.
45. Статистическое управление РСФСР, 1924. — № 28.
46. Полярная звезда. — 1927. — 1 дек. — № 91.
47. ГАКК. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.

А. Ф. ПАСЕЧНИК

### **ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА КАМЧАТСКОЙ МИЛИЦИИ в 1920-х гг.**

Проблема профессиональной подготовки милицейских кадров являлась одной из самых актуальных, стоявших перед органами внутренних дел РСФСР в 1920-е гг. Важнейшим критерием оценки милицейских кадров в эти годы была преданность советской власти, которую сотрудникам следовало доказывать в ходе практической деятельности [1, с. 365—372; 2, с. 58].

Одним из возможных источников пополнения милицейских рядов квалифицированными кадрами могло стать привлечение на службу бывших сотрудников полиции, но чрезвычайная политизация кадровой политики не позволяла широко использовать этот ресурс. В соответствии с циркуляром Главного управления рабоче-крестьянской милиции (РКМ) от 3 февраля 1919 г. предлагалось немедленно уволить со службы всех бывших полицейских. В исключительных случаях они могли быть оставлены, но только с разрешения Главного управления РКМ. Каждый случай приёма на службу в милицию бывших полицейских решался путём соглашения местных исполкомов и комитетов РКП(б).

Таким образом, нормативными актами устанавливалась сложная схема приёма старых специалистов на работу в органы охраны порядка. Это приводило к тому, что в милиции не могли служить грамотные люди, готовые сотрудничать с советской властью. Кроме того, на практике активно проводились мероприятия, направ-

ленные на выявление и увольнение «старых специалистов». Например, на 1 октября 1923 г. общее количество сотрудников милиции Дальнего Востока составляло 888 чел., из которых ранее служили: в РККА — 567, в «белых армиях» — 138, в полиции — 25 чел. В июне 1924 г. численность дальневосточных милиционеров насчитывала 752 чел., из которых ранее служили в РККА — 615, в «белых армиях» — 37, а в полиции — 10 чел. [3, с. 102]. В РСФСР на 1 сентября 1924 г. (данные по 43 губерниям и областям) в уголовном розыске служило всего 79 бывших полицейских, что составляло 1,7 % личного состава [4, с. 119; 5, с. 16].

Таким образом, в милиции ощущалась острая нехватка не только квалифицированных сотрудников, но и просто грамотных работников. Способом её преодоления стало создание школ и курсов комсостава милиции и милицейского резерва, организация внешкольной подготовки сотрудников. Первые краткосрочные милицейские курсы открылись в Москве и Петрограде в 1918 г., а в апреле 1921 г. НКВД РСФСР приняло «Положение о курсах командного состава милиции». В соответствии с ним такие курсы предписывалось открыть во всех губернских и областных городах. Это был первый документ, подробно излагавший структуру и организацию командных курсов милиции в России [6, с. 60—61].

В систему профессионального милицейского обучения входили: школы-резервы для первоначальной подготовки лиц, принятых на должности милиционеров; губернские (областные), школы, организованные с целью обучения младшего командного состава — старших и волостных милиционеров, а также участковых надзирателей; школы среднего комсостава, готовившие руководителей отделений уездных и городских управлений милиции [7, с. 138]. Однако в связи с переходом финансирования органов милиции на средства местных бюджетов, Советы на местах стали рассматривать выделение средств на работу школ милиции как лишние затраты, поэтому шло их сокращение. Если к концу 1921 г. насчитывалось 48 губернских школ милиции и 50 школ-резервов, то в начале 1923 г. — 13 губернских и 15 школ-резервов [8, с. 120].

Организация профессиональной подготовки кадров милиции на Дальнем Востоке началась в первой половине 1920-х гг. и осуществлялась через организацию специального школьного обучения, а также путём инструктирования [3, с. 132—150; 6, с. 59—69]. Однако следует отметить, что Северо-Восток России даже во второй половине 1920-х гг. «не был затронут системой милицейского образования». В рапорте на имя начальника милиции Дальнего

Востока от 8 июля 1925 г. заведующий камчатским губернским административным отделом (ГАО) отмечал, что на Камчатке нет сотрудников, имеющих милицейскую подготовку [9, л. 38]. Начальник ГАО ходатайствовал о выделении десяти мест в Хабаровской школе милиции младшего комсостава «на средства госбюджета» [9, л. 38].

В докладе заместителя заведующего камчатским окружным административным отделом (ОАО) В. В. Петрова «О состоянии дела подготовки кадров и учебы милиции Камчатской губернии за период с 1.10.1925 по 31.03.1926» также отмечалось, что «ни милицейской школы, ни резерва милиции на Камчатке нет» [10, л. 27]. Это было обусловлено длительностью гражданского противостояния и поздним установлением советской власти на Северо-Востоке России. Важными причинами отсутствия системы милицейского образования также являлись крайне ограниченный штат работников и отсутствие средств на содержание резервов милиции [10, л. 27]. Среди сотрудников полностью отсутствовали «старые специалисты», имевшие опыт практической работы, то есть бывшие царские полицейские. Так, в донесении заведующего камчатским ГАО в управление милиции Дальревкома № 40с от 4 ноября 1925 г. отмечалось, что в камчатской милиции нет бывших офицеров и военных чиновников, служивших в белых армиях [10, л. 10]. Штат милиции, сформированный в 1923—1924 гг., состоял из демобилизованных красноармейцев и бывших партизан. Это были люди, преданные советской власти, но «малограмотные, малокультурные и не приспособленные к выполнению возложенных на них милицейских обязанностей» [11, л. 94об.].

В первой половине 1920-х гг. Дальревком предпринимает попытки организовать школы милицейского резерва на Северо-Востоке России. В камчатский ГАО неоднократно поступали распоряжения о необходимости принятия срочных мер по организации милицейского резерва «для повышения квалификации личного состава» [9, л. 1]. Однако в связи с переводом финансирования милиции на местный бюджет, все попытки губернской власти сформировать такой резерв оказывались безрезультатными. Данные отчётов Камчатского губревкома за 1925—1926 гг. свидетельствуют о том, что «всякий раз, когда дело доходило до отпуска кредитов — вопрос с организацией резерва милиции решался отрицательно» [10, л. 27].

Хронический недостаток денежных средств в местном бюджете делал невозможным приглашения на службу квалифициро-

ванных сотрудников из других регионов страны. Весьма показательным является следующий пример. В 1925 г. личный состав анадырской уездной милиции был уволен «за непригодностью к работе и вмешательство в деятельность Охотско-Камчатского Акционерного общества». ГАО 25 мая 1925 г. обратился в Дальневосточное управление РКМ с ходатайством направить из Владивостока на должность начальника анадырской уездной милиции Отто Карловича Эглин-Тучинского. Он был квалифицированным специалистом, выпускником милицейской школы и имел опыт руководящей работы. Однако отсутствие средств на «переезд О. К. Эглин-Тучинского на Камчатку» не позволило пригласить его на службу [9, л. 34]. Такая картина являлась характерной для Чукотского и Гижигинского уездов. Помощник прокурора Дальнего Востока, рассматривая деятельность милиции Северо-Востока России за 1924—1925 гг., пришёл к выводу о бесполезности «запросов работников милиции с материка» и к «необходимости подбирать сотрудников на месте».

В отчётах камчатского ГАО и ОАО постоянно акцентировалось внимание на то, что требования к милиционеру должны быть особенно высоки, так как «в условиях Камчатки милиционер практически всегда выступал единственным представителем власти, на плечах которого остались целые народы безграмотного и отсталого населения». Кроме того, при огромных расстояниях, крайне неудовлетворительном состоянии связи и отсутствии транспортных средств АО было невозможно контролировать свои подведомственные органы в течение очень длительного времени [11, л. 94об.]. Например, результаты деятельности сотрудников милиции Чукотского, Анадырского, Гижигинского и Охотского уездов можно было проверить (и то лишь по результатам их отчётов и докладов) лишь через год. В отчёте о работе ГАО за 1924—1925 гг. указывается, что отдел «видит все слабо работающие органы милиции и даже персонально работу каждого милиционера в отдельности, но замена слабых сотрудников затруднительна и требует больших затрат» [9, л. 11].

Первая проверка деятельности камчатской милиции состоялась весной 1924 г., когда её начальник Н. П. Фролов обследовал работу соболевской, хайрюзовской, тигильской, дранкинской, устькамчатской волостных и гижигинской уездной милиций. Их деятельность была признана удовлетворительной, но выявились очень серьёзные недостатки. Наиболее распространенные: недостаточное знание сотрудниками нормативного материала, неправильное

ведение делопроизводства, неудовлетворительная отчётность, плохое инструктирование личного состава, неисполнение судебных решений в срок. Всё вышеперечисленное seriously сказывалось на деятельности милиции. Например, в Соболевской волости с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г. не было раскрыто ни одного преступления, а начальник волмилиции характеризовался как «слабый характером и слабый в области работы по канцелярии» [12, л. 120]. В Хайрюзовской волости преступления даже не регистрировались, а волостной милиционер И. М. Перин «участия в работе совершенно не принимал, был в канцелярии раз в месяц, занимался ловлей рыбы, столярной работой и другими частными делами» [12, л. 12]. Начальник большеерецкой волостной милиции «бездействовал и никаких мер к искоренению браговарения не принимал» [13, л. 73].

Крайне негативное отношение сложилось у населения Большеерецкой волости по отношению к милиционеру Ланскому, который «грубо обращался с населением», а, запрещая браговарение, «сам систематически распивал брагу с должностными лицами». В итоге, население объявило Ланскому бойкот, не продавая продуктов. Начальник усть-камчатской волостной милиции Ф. В. Шелудченков не пользовался авторитетом и уважением среди населения, характеризовался «как человек, назначенный на ответственную должность случайно, в силу стечения обстоятельств». В итоге его работы «обострились отношения с населением, которые пришлось налаживать при очень осторожном подходе» [13, л. 73, 101].

Первая комплексная прокурорская проверка деятельности и профессионального уровня сотрудников камчатской милиции, проведенная в 1925 г., показала, что низкий общеобразовательный уровень и отсутствие специальных знаний не позволяли им выполнять профессиональные задачи. Согласно отчётному докладу помощника прокурора Дальнего Востока по Камчатке Н. Н. Еремина удовлетворительной была признана только деятельность городских милиций Петропавловска и Охотска [14, л. 40]. Личный состав гижигинских милиционеров назывался непригодным к профессиональной деятельности, а оценка работы сотрудников по ведению дознаний, раскрытию преступлений и выполнению обязательных постановлений оказалась неудовлетворительной. Начальнику милиции гижигинского уезда Н. П. Крыжанскому было предъявлено обвинение в незаконных арестах, халатности, присвоении церковного имущества [15, л. 168].

Работа милиции Анадырского уезда в 1924—1925 гг. «не выдерживала никакой критики, дела произвольно прекращались, а качество проведения дознаний было крайне низким». На 1 июня 1925 г. в производстве уездной милиции находилось 37 незавершенных дел, хотя «многие были приняты к производству в 1923 г.» [16, л. 33]. Вещественные доказательства пребывали в неудовлетворительном состоянии, правила их хранения не соблюдались, многие «бесследно исчезали» [16, л. 33]. Делопроизводство велось хаотически. Журнал исходящих документов «представлял только цифры номеров, а числа и названия документов полностью отсутствовали» [16, л. 33], было невозможно установить, когда и какой документ был отправлен. В соответствии с приказом заведующего АО № 301 от 18 апреля 1925 г. начальник уездной милиции Густав Адольфович Кариус был отстранен от занимаемой должности по служебному несоответствию [16, л. 30].

Личный состав охотской уездной милиции в 1924—1925 гг. характеризовался как случайный, не имеющий никакой подготовки и не представляющий реальной силы [13, л. 58]. Весьма показательной является оценка деятельности чукотской милиции, где за 1924—1925 гг. «работы никакой не было». Как следствие, весь личный состав уездной милиции был отстранен от должностей «за личную непригодность к милицейской работе». Таким образом, по итогам деятельности уездных и волостных милиций в 1924—1925 гг. складывалась крайне печальная картина. По причине несоответствия должности уволены [ГАКО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1. Л. 32—33, 38]:

— *начальник тигильской волмилиции* Т. И. Букаемский. Родился 6 марта 1888 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 1 июня 1923 г., уволен 1 марта 1925 г.;

— *начальник хайрюзовской волмилиции* К. И. Загребя. Родился 27 октября 1896 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 12 июля 1923 г., уволен 1 июня 1925 г.;

— *начальник усть-камчатской волмилиции* Т. М. Тимофеев-Демченко. Родился 7 марта 1887 г., из крестьян, член ВКП(б). Назначен на должность 29 ноября 1924 г., уволен 1 января 1925 г.;

— *начальник анадырской уездной милиции* Г. А. Кариус. Родился 25 августа 1898 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 21 июля 1924 г., уволен 2 мая 1925 г.;

— *начальник соболевской волмилиции* И. М. Перин. Родился 24 ноября 1900 г., из рабочих, член ВКП(б). Назначен на должность 17 июля 1923 г., уволен 1 июня 1925 г.;



— *начальник усть-камчатской волмилиции А. И. Дьячков.* Родился 27 января 1897 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 5 мая 1924 г., уволен 29 ноября 1924 г.;

— *старший милиционер чукотской уездной милиции Ф. П. Алаев.* Родился 2 марта 1885 г., из крестьян, беспартийный. Назначен на должность 15 февраля 1924 г., уволен 26 марта 1925 г.;

— *начальник чукотской уездной милиции В. Д. Кузьмин.* Родился 21 ноября 1895 г., из мещан, беспартийный. Назначен на должность 26 июля 1924 г., уволен 1 августа 1925 г.;

— *начальник гижигинской уездной милиции Н. П. Крыжанский.* Родился 19 декабря 1900 г., из рабочих, беспартийный. Назначен на должность 22 мая 1924 г., уволен 20 июня 1925 г.;

— *начальник гижигинской уездной милиции В. И. Платунов.* Родился 11 декабря 1882 г., из рабочих, кандидат в член ВКП(б). Назначен на должность 20 июня 1925 г., уволен 26 сентября 1925 г.

Особой сложностью для камчатских милиционеров являлось производство следственных действий. В соответствии с распоряжением помощника прокурора Дальнего Востока № 46669 от 21 июля 1925 г. при отсутствии народного следователя обязанности по производству дознания полностью возлагались на сотрудников милиции [17, л. 358], а начальникам уездных милиций было передано ведение предварительного следствия [18, л. 24]. Дознания удовлетворительно велись только в Петропавловске и Охотске, где они продолжались в среднем три недели [14, л. 40]. В уездах дознания шли «долгие месяцы» и нередко затягивались до полугода. Распространенным явлением было возбуждение дел без достаточных оснований и формальное ведение дознаний [14, л. 40]. Например, в 1924—1925 гг. милицией Анадырского уезда проведено 41 дознание, которые впоследствии были прекращены прокуратурой, либо судом [19, л. 22].

В 1924—1925 гг. в производстве сотрудников чукотской милиции находилось 10 дознаний. В докладе помощника прокурора Дальнего Востока по Камчатской губернии качество их ведения оценивалось как «неумелое, бестолковое и безграмотное». В Усть-Камчатском районе в 1924 г. из 12 открытых уголовных дел все были прекращены. Несмотря на то, что причины плохого качества дознаний были вполне объективны (низкий образовательный уровень сотрудников, постоянная смена личного состава, отсутствие инструктажей), такие факты негативно сказывались на деятельности милиции, которая «теряла веру в свои силы». Кроме того,

население относилось к дознанию как к простой формальности и не верило в действенность милиции. Так, объявление ст. 177 и 178 УК РСФСР (ответственность за ложные показания) воспринималось населением как пустая формальность [19, л. 22].

Правовое обучение милиционеров и повышение их образовательного уровня на территории Камчатки шло различными способами. Началом ликвидации правовой безграмотности сотрудников милиции стала организация в 1924 г. юридического кружка в Петропавловске (в партийном клубе «Пролетарий») [11, л. 96об—100об.; 10, л. 28]. В кружке для сотрудников гормилиции три раза в неделю проводились общеобязательные занятия по уголовному, гражданскому, административному, финансовому праву и судопроизводству. К ним активно привлекались специалисты из прокуратуры, суда, земельного управления, уездного финотдела и милиции.

Важной формой профессиональной подготовки стала организация губревкомом курсов начальной подготовки в Петропавловске для сотрудников городской и уездной милиции. В соответствии с циркуляром начальника милиции Дальнего Востока от 4 сентября 1925 г. № 78-10/4 «По вопросу о состоянии дел учёбы и подготовки кадров» была разработана программа курсов, рассчитанная на четыре с половиной месяца (всего на 106 часов) [10, л. 28]. Программа состояла из общеобразовательного и правового раздела. В состав общеобразовательного цикла входили: арифметика, основы революционного движения и классовой борьбы, основы политической экономии, география, общее понятие о бухгалтерии. Следует отметить, что из общеобразовательных предметов был исключён русский язык, а отведённые для изучения этой дисциплины учебные часы перенесены на арифметику. Такое изменение делалось для более подробного изучения сотрудниками вновь вводимой метрической системы. В правовой раздел входило изучение основ уголовного права, ознакомление с кодексами, изучение дисциплинарного устава РКМ, письмоводительства и делопроизводства.

Особое внимание уделялось правильности производства дознаний и следственных действий, составлению протоколов и ведению делопроизводства. Занятия проходили трижды в неделю по шесть часов. Учеба начиналась с закрытием навигации, а оканчивалась «с прибытием парохода в новую навигацию». Основной формой проведения занятий с сотрудниками были беседы.

Личный листок № 319.

578

## ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА.

Город Пугачевский, Саратовская область уезд, округ Рашидский  
 Учреждение Саратовский завод должность Мех. В.В. - Каменщик

1. Фамилия Фролов Имя Николай Отчество Николаевич
2. Год рождения 1890 Место рождения Рашидский уезд
3. Национальность русский 4. Родной язык русский
5. Какими языками, кроме родного, свободно владеете ни одним
6. Какие местности СССР хорошо знаете по работе Москву, Владивосток и Рашидский
7. Где были заграничей, когда, как долго, цель пребывания, чем занимались ни где
8. Социальное происхождение (прежнее сословие, звание) крестьянин
9. а) Основная профессия Владелец конструкторского бюро  
 б) Как долго, с какого времени ею занимается, когда перестал заниматься 1888 году и с января 1918 года до приезда на военную службу
10. Семейное положение и состав семьи женат с двумя детьми, двумя братьями и сестрой
11. Образование где учились, окончили ли курсы, сколько классов, курсов прочли:  
 а) Общая Воспитание получил в церковной школе в деревне  
 б) Специальное нет
12. Служили ли в армии (какой, когда, род оружия, чин, звание, должность и т. п.; участие в военных действиях, когда демобилирован) с 1913 года по 1917. служил в Николаевском артиллерийском полку в должности командира взвода
13. К какой партии принадлежите (с какого времени, какой организации, когда приняты) Член В.В.П. с Марта 1920г. в Пугачевском уезде
14. К каким партиям принадлежали в прошлом (с какого времени, какой организа., когда приняты) не принадлежал
15. Ваше участие в революционной и общественной работе:  
 а) до 1917 года Никакого участия в революции не принимал  
 б) после 1917 года работал на заводской и общественной работе

Личный листок ответственного работника № 316, заполненный  
 (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 58.)

16. Привлекались ли к суду (когда, за что, кем, приговор) в 1916 году привлекался к военно-уголовному суду за совершение преступления на фр.
17. Физические недостатки не имел
18. а) Когда впервые стали членом профсоюза (какого) в 1920г. Совработников  
Совработников с 1920г.
- б) Членом какого союза и с каких пор состоите на Волынский в союзе
19. а) Были ли русским подданным до 1917 г. да
- б) Состоите ли теперь в гражданстве СССР. да

Б.

20. С какого времени работаете в области Н.В.Ф. с 1/11 - 1918 года  
(вспомогательной)
21. Ваша работа в области Н.В.Ф. (не менее 6 мес. каждая)  
(вспомогательной)

Дата	Где	Сов., проф., парт. кооп., воен. и частные учреждения, предприятия	Должность	По выбору, найму, назначению
с 1/11 - 18г. по 1/1 - 19г.	Волынь	Совработ.	Машинист	назначен
с 2/1 - 20г. по 18/11 - 21г.	---	---	Машинист	По выбору
с 19/11 20г. по 25/11 21г.	---	---	Машинист	---
с 28/11 21г. по 1/1 22г.	---	---	Маш.	---
с 1/1 22г. по 1/1 23г.	---	---	---	---
с 1/1 23г. по 1/1 24г.	---	---	Зав. З.О.О.	---
<u>с 1/1 24г. по назначению Фрунзе</u>				

22. а) Имеются ли труды по вопросам (вспомогательные) рукописные или напечатанные работы, название, где, кем и помещены нет, писать не стану
- б) Писали ли по вопросам (вспомогательным) в периодической печати, где, когда нет
23. Участвовали ли в съездах, конференциях, по вопросам (вспомогательным) (когда, где, кем были делегированы) нет
24. В как й отрасли (вспомогательной) читали (к свое использование наиболее целесообразным по специальности, особенно машинистской)

начальником ГАО — начальником окрмилиции Н. П. Фроловым  
Д. 43. Л. 579—580)

Преподаватели, ведущие общеобразовательные дисциплины, назначались губернским отделом народного образования. Занятия по правовым и милицейским предметам проводили народный судья, народный следователь, юрисконсультанты губревкома, члены коллегии защитников, заведующий подотделом милиции, начальник губернского АО [10, л. л. 28—28об.].

В 1925/26 учебном году занятия регулярно посещали десять сотрудников Петропавловской милиции. Однако им не всегда удавалось в полном объёме изучить курс, намеченный программой. Например, на 1 апреля 1926 г. из 68 часов учебных часов был проведен только 51 [10, л. л. 28—28об.]. Основными причинами невыполнения учебного плана являлись: командировки лиц из лекторского состава, раннее открытие навигации и другие. Учебный процесс не освобождал сотрудников милиции от выполнения ими своих непосредственных обязанностей. Во время обучения они продолжали охранять общественный порядок, бороться с уголовной преступностью и дежурить на постах.

В связи с постановлением комиссии при губбюро ВКП(б) «О введении революционной законности», при ГАО создается совещание по проведению учёбы и подготовке кадров милиции. На совещании, созывавшемся раз в месяц, рассматривались и утверждались планы и программы занятий, обсуждались методы преподавания на местах, определялся и утверждался лекторский состав. В работе совещания принимали активное участие представители наркомата юстиции, работники суда и прокуратуры. Курсы для сотрудников Петропавловской губгормилиции с перерывами работали во второй половине 1920-х гг. В 1926—1927 гг. систематически проводились занятия с сотрудниками большевецкой раймилиции. Занятия шли по понедельникам, средам и пятницам с 14.00 до 15.30. Обучение милиционеров проводилось только во время службы, так как в свободное время они работали в партийных и общественных организациях. Например, начальник милиции В. И. Куренков являлся председателем партийной ячейки, делопроизводитель А. З. Лелюхин — секретарём избы-читальни, профсоюзной ячейки и районного бюро Осовиахима, милиционер Я. Г. Яковенко — членом редколлегии.

В 1930 г. в Петропавловске с целью обучения сотрудников навыкам оказания первой медицинской помощи открылся медицинской кружок, который успешно закончили 14 работников городской и ведомственной милиции [18, л. 148]. В районы Камчатского округа ОАО направлял план занятий и примерную учеб-

ную программу, рассчитанную на шесть месяцев [10, л. 29]. В волостях штаты милиции были слишком незначительны (один сотрудник на волость), поэтому работа по повышению их общеобразовательного и профессионального уровня строилась с учётом данной специфики. Основной упор делался на устные и письменные инструктажи, проводившиеся сотрудниками окружного и районных АО, работниками суда и прокуратуры во время служебных поездок [14, л. 40; 20, л. 11].

Инструктажи проводились по самым разнообразным вопросам деятельности (производству дознаний и составлению протоколов, порядку наложения административных взысканий за нарушение обязательных постановлений, введению единого сельхозналога, роли милиции в налоговой компании, проведению «в жизнь» декрета «Об отделении церкви от государства»). Оригинальной формой проведения инструктажей стали вызовы начальников раймилиций в Петропавловск для отчётных докладов и инструктирования.

Для волостных милиционеров был выработан «вопросник», по всем отраслям милицейской службы, политического развития и повышения общеобразовательного уровня [10, л. 29]. Основной формой проверки знаний работников волмилиций являлся «анкетный контроль» [20, л. 11]. Таким образом, в условиях Северо-Востока России основной упор был сделан на систему «внешкольной подготовки на местах», а также на инструктажи и заочные опросы. Кроме того, малограмотным сотрудникам настоятельно рекомендовалось посещать ликвидационный пункт неграмотности. С целью совершенствования и упорядочения организации отчётности по результатам проделанной работы управление камчатской губгормилции 15 мая 1924 г. утвердило единую форму квартальных, полугодовых и годовых отчётов уездных и волостных милиций, направляемых губревкому (приложение 1).

Следует также отметить разработанную ГАО инструкцию «По составлению протоколов о нарушении обязательных постановлений» [21, л. 155]. Интересной формой «внешкольных занятий» стало изучение губернской газеты «Полярная звезда». В её специальном «Пролетарском разделе» регулярно публиковались изменения в законодательстве, освещались уголовные дела, а также помещались квалифицированные ответы специалистов на запросы с мест [20, л. 11; 22, л. 110]. В газете также публиковались и доклады сотрудников районных милиций, с которыми они выступали на общих собраниях и сельских сходах [23, л. 110]. Доклады явились очень интересной и эффективной формой информирования

населения о деятельности милиции. Кроме того, камчатским милиционерам вменялось в обязанность «при выезде в районы в каждом сельсовете на общем собрании проводить отчётный доклад о работе милиции» [18, л. 18; 24, л. 186].

На сельских собраниях населению в доступной форме сообщалось о результатах работы за определенный период. Кроме отчётов, в докладах озвучивались самые разнообразные темы: о задачах милиции, состоянии преступности, о сельских исполнителях, необходимости соблюдения обязательных постановлений и административной ответственности за их неисполнение и другие. Примерный перечень вопросов о деятельности органов милиции, с которыми сотрудники должны были систематически «ознакомливать рабочий класс и трудовое крестьянство», содержался в циркуляре НКВД РСФСР № 504 от 21 сентября 1925 г. «О проведении органами милиции докладов и отчётов о проделанной работе перед рабочими организациями и сельским сходами» (приложение 2).

С 1926 г. сотрудники большерецкой милиции регулярно отчитывались в пос. Большерецке и ближайших селениях. В 1926—1928 гг. начальник раймилиции выступал перед населением сел Зуйково, Опалы, Голицино, Кошегочка, Явино, Запорожья. Старшие милиционеры информировали о деятельности милиции население с. Соболево, Ичи, Привольного и других [25, л. 12об.]. Во втором полугодии 1929 г. милиция обследовала и проинструктировала три сельских стола ЗАГС в с. Запорожском, Опале и Зуйково [18, л. 18], в каждом были прочитаны отчётные доклады. В 1930 г. проведены отчёты в пос. Большерецке, а также с. Немтике и Кихчике [18, л. 88]. С марта 1927 г. по май 1928 г. устькамчатские милиционеры прочитали четыре доклада о деятельности милиции (один на заседании райисполкома и три на заседаниях сельсоветов) [26, л. 261].

В 1925 г. Дальневосточным управлением РКМ были выделены средства на откомандирование в Хабаровскую школу среднего начсостава пятерых камчатцев. Они учились с 5 февраля 1925 по 4 апреля 1926 г. [10, л. 27]. После успешного окончания учёбы четверо сотрудников (А. М. Козлов, И. К. Молчанов, Т. В. Эпов и В. Г. Фёдоров) продолжили службу в камчатской милиции на руководящих должностях [27, л. 13, 17, 21, 44].

Фёдор Глебович Фёдоров возглавил чукотскую, Александр Семёнович Козлов — устькамчатскую, Иван Кириллович Молчанов — пенжинскую раймилицию. Тихон Васильевич Эпов, являясь старшим милиционером, неоднократно исполнял обязанности началь-

ника Петропавловской гормилиции. Но факт обучения в Хабаровской школе милиции был редким исключением.

Итогом всех принятых мер стало значительное улучшение качества личного состава и повышение эффективности работы сотрудников милиции Северо-Востока России. Несмотря на то, что случаи «невдумчивого отношения к производству дознаний и возвращения их на доследование» продолжали иметь место, по сравнению с 1924—1925 гг. качество проведения дознаний значительно улучшилось [28, л. 84]. Так, милиционеры Анадырского уезда в 1925—1926 гг. завершили 21 дознание (по семи наложены административные взыскания, по трём предъявлены обвинения, семь прекращены милицией и четыре направлены в суд для прекращения) [19, л. 22.]. В докладе заместителя начальника ОАО В. В. Петрова по итогам деятельности в 1925—1926 гг. отмечалось, что качественный состав сотрудников заметно улучшился. В 1926 г. ОАО особо отметил качественную работу большевецкой раймилиции [25, л. 11об.]. Недостатки в её деятельности объяснялись нехваткой средств на командировки и невозможностью поездок в южные селения [25, л. 39].

На заседании ОАО, состоявшемся 30 марта 1927 г., качество ведения дознаний оценивалось удовлетворительно, а личный состав характеризовался как «соответствующий своему назначению». Таким образом, во второй половине 1920-е гг. в деле подготовки камчатских милицейских кадров произошли существенные сдвиги, результатом которых стало повышение их профессионального и общеобразовательного уровня. Однако подготовка милиционеров серьёзно затруднялась тем, что они являлись выходцами из крестьян и имели низкий общеобразовательный уровень. Привлечь на службу квалифицированных специалистов с «материка» было невозможно. Серьёзно снижали качество подготовки недостаточный уровень материального обеспечения, высокая текучесть личного состава. Кроме того, основной упор в подготовке был сделан на внешкольное обучение, так как хронический недостаток денежных средств не позволял организовывать школы-резервы.

Для эффективной работы милиции, наряду с повышением качества профессиональной подготовки, требовалось и достаточное материальное обеспечение сотрудников. В период гражданской войны РКМ содержалась за счёт бюджета РСФСР. На основании декрета СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской Рабоче-



Крестьянской милиции» содержание всех её видов осуществлялось за счёт средств общегосударственного бюджета [29, ст. 133]. Сотрудники милиции обеспечивались денежным довольствием, зимним и летним обмундированием и продовольственным пайком на общих основаниях с военнослужащими РККА, несущими гарнизонную службу. В конце 1922 — начале 1923 г. был осуществлён перевод снабжения милиции и уголовного розыска с государственного бюджета на средства местных бюджетов. В результате материальное обеспечение органов внутренних дел значительно ухудшилось. Такой перевод явился результатом проводимой в стране политики, направленной на упрощение и удешевление аппарата управления.

СНК РСФСР 6 сентября 1922 г. утвердил декрет «О составлении общего государственного бюджета на 1922/23 год» [30, ст. 725]. Отныне финансирование органов внутренних дел стало осуществляться по «остаточному принципу» и на протяжении 1920-х гг. оставалось одним из самых низких в стране [5, с. 16]. Перевод финансирования органов милиции Камчатки на средства местного бюджета произошёл 1 апреля 1923 г. и сопровождался резким снижением материального обеспечения сотрудников. Согласно «Положению о НКВД» (1922 г.), денежное содержание определялось на основе тарифной сетки. В Камчатской губернии единые тарифные категории работников советских учреждений были установлены в июне 1923 г. Для сотрудников милиции они составляли: начальник губмилиции — 14-я, помощник — 13-я, начальник уездной милиции — 12-я; начальник волостной милиции — 11-я, старший милиционер — 9-я, младший милиционер — 8-я категории. Для сравнения: тарифные категории сотрудников советских учреждений составляли: председатель уездного ревкома — 17-я, уполномоченный по Чукотскому уезду — 16-я, секретарь уездного ревкома — 15-я, делопроизводитель — 12-я, бухгалтер и уездный инструктор — 14-я, учитель и фельдшер — 11-я, машинистка — 9-я.

Размер денежного содержания включал должностной оклад, процентную надбавку за «загруженность работой», надбавку на жилищное строительство, начисления на социальное страхование, начисления месткома и надбавку за стаж работы. В итоге зарплата камчатских милиционеров в 1924 г. составляла (руб.): начальник губмилиции — 192,92 (оклад 148,92, надбавка 44,67), помощник начальника губгормилиции — 133,62, начальник уездной милиции — 131,65 (оклад 119,68, надбавка 11,97), начальник

волмилиции — 123,62 (оклад 107, 98, надбавка 16,06), старший милиционер и делопроизводитель — 85, младший милиционер — 75,82 [31, л. 18]. О низких ставках денежного содержания сотрудников милиции свидетельствуют данные о заработной плате других категорий работников. Например, жалование служащих райисполкомов составляло (руб.): председатель — 250,61, его заместитель — 217,93, секретарь — 217, секретарь волревкома — 158,70, машинистка — 85 [32, л. 11—13].

Цены на продукты в январе 1924 г., установленные губернским продовольственным комитетом, могли удовлетворить только самые минимальные потребности работников милиции. Таким образом, после перевода финансирования милиции на местный бюджет возник разрыв в ставках заработной платы сотрудников органов внутренних дел (прежде всего милиции) и других государственных служащих. В документах того времени отмечалось, что зарплата милиционеров «сильно отстаёт от зарплаты сотрудников других ведомств», «волостные милиционеры вынуждены залезать в долги, ставят себя в зависимость от населения и торговцев», «заработная плата у милиционеров мизерная, выплачивается нерегулярно, обмундирования не хватает» [11, л. 97об.; 26, л. 148].

В 1923—1924 гг. на содержание губмилиции было выделено 55 917 руб. 23 коп. (приложение 3), а общее количество расходов (в 1923—1930 гг.) на содержание милицейского аппарата представлено в табл. 1 (в руб.).

Таблица 1

Годы	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Расходы	55 917	121 201	117 254	101 600	69 198	67 500	61 700

Таблица составлена автором на основании источников [ГАКК. Ф. Р-81, Оп. 1. Д. 7. Л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; Там же. Д. 8. Л. 431, 507, 553, 557—561; РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33. Л. 38, 63].

Расходы на содержание милиции по отношению ко всем расходам губернии составляли (в %): в 1923/24 г. — 14,4, в 1924/25 г. — 6,2, в 1925/26 г. — 4,4, в 1926/27 г. — 9,88, в 1927/28 г. — 12, в 1928/29 г. — 9, в 1929/30 г. — 8 [33, л. 23; 34, л. 123—124; 35, л. 135—137, 146; 36, л. 402, 431, 453, 469, 553, 557, 584; 23, л. 53]. Во второй половине 1920-х гг. затраты райисполкомов Камчатского округа на административно-милицейскую деятельность значительно уступали расходам на содержание местных Советов и исполкомов, а также на образование и здравоохранение. Например, в 1929—1930 гг. расходы исполкомов Анадырского, Карагинского Восточно-Туземного, Усть-Камчатского, Большерецкого, Тигильского,

Пенжинского и Чукотского туземного районов составили (руб.): всего — 924 321, из них на административно милицейскую работу — 43 600 [34, л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; 36, л. 402, 431, 453, 469, 507, 553, 557, 587; 37, л. 38, 63—64об.; 23, л. 53—54].

В табл. 2 показаны расходы местных бюджетов Большерецкого, Тигильского, Усть-Камчатского, Карагинского, Пенжинского и Чукотского районов на содержание административно-милицейского аппарата, местных Советов и исполкома, народного образования и здравоохранения в 1929—1930 гг. (в руб.).

Таблица 2

Районы	Статьи расходов			
	АО	Совет и исполком	образование	здравоохранение
Большерецкий	6 000	35 614	53 000	5 500
Тигильский	4 200	34 266	112 400	27 300
Усть-Камчатский	10 600	32 800	77 400	50 675
Карагинский	4 800	32 252	18 982	50 675
Пенжинский	5 600	35 525	26 984	29 987
Чукотский	4 800	33 638	41 600	7 700

Таблица составлена автором на основании источников [ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 7. Л. 302об.—303об., 337—339, 340, 353, 377, 469; ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 8. Л. 431, 507, 553, 557—561; РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33. Л. 38, 63].

Особенностью 1920-х гг. являлось то, что низкая оплата труда сотрудников милиции наблюдалась на всей территории РСФСР. Советское правительство принимает ряд узаконений по материальному стимулированию работы милиции [5, с. 17]. Так, 2 марта 1925 г. состоялось заседание коллегии НКВД РСФСР, посвящённое вопросам материального обеспечения органов милиции. Был заслушан отчётный доклад Дальревкома, из которого следовало, что в Дальневосточном крае материальное положение милиционеров «продолжает оставаться неудовлетворительным и является причиной перехода в другие, более оплачиваемые места».

Во второй половине 1920-х гг. СНК РСФСР издаёт ряд постановлений, касающихся повышения заработной платы сотрудников милиции. В принятом в 1925 г. «Положении о службе в РКМ» была предусмотрена выплата работникам милиции и уголовного розыска краевыми, областными и губернскими исполкомами дополнительного вознаграждения к основному окладу за проработанные дни отдыха и ночное время по соглашению с профсоюзом [37, ст. 539]. Осенью 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли два

специальных постановления (от 3 октября и 11 ноября), повысившие зарплату сотрудников милиции и уголовного розыска, а также установившие её минимальный предел для сельских милиционеров [38, ст. 656; 39, ст. 761].

Особое значение для улучшения материального положения милиционеров имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1927 г. «О мерах по улучшению быта и службы работников РКМ» [39, ст. 761]. Этот нормативный акт впервые устанавливал периодические надбавки за выслугу лет к основному окладу и вводил государственное страхование строевого состава милиции и активного состава уголовного розыска на случай смерти или инвалидности при исполнении или вследствие исполнения ими служебных обязанностей.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая 1928 г. «Об установлении периодических прибавок к заработной плате за выслугу лет работников строевого (общегосударственной и ведомственной милиции) и активного состава уголовного розыска» были установлены дополнительные надбавки к зарплате [40, ст. 386]. Они исчислялись следующим образом: за три года непрерывной службы выплачивались 10, за шесть лет — 20, за девять лет — 30 % должностного оклада. Однако выделение средств на повышение денежного содержания НКВД РСФСР полностью возложил на местные исполкомы. Поэтому, учитывая хронический недостаток средств в местных бюджетах, фактического увеличения денежного содержания работников милиции не произошло.

На Северо-Востоке России реальная возможность улучшения материального положения милиционеров возникла в 1926—1927 гг., когда в результате проведённого изменения административно-территориального устройства Камчатской губернии, произошло сокращение штатов АО на 50 %, что дало возможность увеличить зарплату оставшимся сотрудникам. На основании постановления облревкома и АО № 3998 от 22 сентября 1926 г. начальникам милиции Чукотского, Анадырского, Пенжинского и Карагинского районов устанавливалась процентная надбавка «за особо суровые условия» в размере 20 % от должностного оклада (зарплата 206 руб. 25 коп.). Аналогичная тарифная категория и надбавка 20 % устанавливалась и начальнику милиции г. Петропавловска-Камчатского «ввиду его перегруженности работой, связанной с выполнением обязанностей начальника исправительного трудового дома, судебного исполнителя и начальника уголовного розыска». Процентная надбавка «за загруженность работой» в размере

10 % вводилась для начальников большевецкой, усть-камчатской, тигильской и карагинской районных милиций (зарплата 165 руб. 20 коп.). Также выросла зарплата милиционеров отдалённых районов округа (Анадырском, Чукотском, Пенжинском и Карагинском), месячный размер которой для старших милиционеров составил 112, а для младших — 95 руб. [23, л. 151—152].

Однако фактического увеличения денежного содержания вновь не произошло, так как с 1926 г. на Северо-Востоке России вводился районный коэффициент и одновременно снижались должностные оклады начальников раймилиций, а также тарифные разряды старших и младших (8-й и 7-й разряды) милиционеров [24, л. 147]. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация: на фоне увеличения зарплаты в Камчатском округе произошло её сокращение у работников милиции. В итоге денежное содержание начальников милиций Петропавловского, Анадырского, Чукотского, Пенжинского и Карагинского районов снизилось с 206 руб. 25 коп. до 187 руб., а начальников тигильской, усть-камчатской и большевецкой районных милиций со 165 руб. до 163 руб. [24, л. 148]. В рассматриваемый период местные власти пытались улучшить материальное положение работников милиции. Ими определялся порядок награждения и премирования сотрудников, вводились надбавки за сверхурочную работу, компенсации за работу в праздничные, выходные дни и ночное время. Сотрудники освобождались от уплаты ряда налогов. Устанавливался порядок предоставления дополнительных отпусков.

Принятие указанных решений на уровне губисполкома было вызвано несколькими причинами: чрезвычайно тяжёлыми условиями службы камчатских милиционеров, огромным объёмом работы, необходимостью устранить высокую текучесть кадров и полностью укомплектовать штаты. Так, на основании постановления Камчатского губревкома от 16 мая 1924 г. № 22 была введена система премирования за «особое усердие, находчивость, самоотверженность и преданность рабоче-крестьянской власти» [41, л. 135]. Для этого был создан особый фонд, на счёт которого перечислялись 15 % от штрафных сумм, взыскиваемых в судебно-административном порядке за нарушение обязательных постановлений губревкома, незаконное хранение и сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ. Премирование работников осуществлялось дважды в год (к 1 мая и 1 ноября), а с 15 марта 1925 г. премии выплачивались поквартально (к 1 января, 1 апреля, 1 августа и 1 октября). Список кандидатов на премию утверж-

дался заведующим губотуправлением, а размер премий сотруднику не должен был превышать 2 000 руб. в год. Приказом начальника губмилиции № 250 от 30 сентября 1925 г. были награждены премиями (от 3 до 15 руб.) семеро сотрудников Петропавловской гормилиции «за проявленную ими деятельность по обнаружению незаконного приготовления, хранения и сбыта спиртосодержащих веществ, а также их деятельность по составлению протоколов за нарушение обязательных постановлений». Но премиальные выплаты не сыграли существенной роли в улучшении материального положения милиции, так как носили разовый характер и были незначительными.

На совещании камчатского окревкома 7 марта 1929 г. было констатировано, что денежное содержание милиционеров отстаёт от зарплаты работников других ведомств и «вместо закрепления и поднятия квалификации милицейского аппарата имеет место массовая текучесть». Итогом совещания стало решение увеличить зарплату старшему милиционеру до 135, старшему надзирателю исправительно-трудового дома — до 125, а надзирателям и ведомственным милиционерам — до 100 руб. [41, л. 135].

Ниже показана динамика изменения зарплаты сотрудников милиции Северо-Востока России в 1926—1930 гг. с учётом оклада, коэффициента и надбавок [ГАКК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 2, 3, 5. Л. 17—17об., 108, 123, 216; Там же. Д. 7. Л. 165об., 290, 300, 302—303об.; Там же. Д. 8. Л. 8—9об., 80—81, 453, 469, 507, 513, 533, 557, 561, 587]:

Петропавловский, Усть-Камчатский и Большерецкий районы (коэффициент 1,7):

— *заведующий АО* (он же начальник городской или районной милиции) в 1925—1927 гг. — 163,2, в 1928—1929 гг. — 175, в 1929—1930 гг. — 200;

— *делопроизводитель* (заведующий ЗАГС): в 1925—1927 гг. — 108,8, далее должность сокращена;

— *секретарь*: в 1925—1926 гг. — 136, далее должность сокращена;

— *старший милиционер*: в 1925—1927 гг. — 95, в 1928—1929 гг. — 100, в 1929—1930 гг. — 135;

— *младший милиционер*: в 1925—1927 гг. — 85, далее должность сокращена.

Пенжинский, Чукотский и Анадырский районы (коэффициент 1,8):

— *заведующий АО* (он же начальник районной милиции) в 1925—1927 гг. — 187, в 1928—1929 гг. — 200, в 1929—1930 гг. — 230;

— *делопроизводитель* (заведующий ЗАГС): в 1925—1927 гг. — 129,2, далее должность сокращена;

— старший милиционер: в 1925—1927 гг. — 112,2, в 1928—1929 гг. — 115, в 1929—1930 гг. — 135.

Из приведённого выше видно, что в рассматриваемый период происходит некоторое увеличение зарплаты милиционеров. Об этом также свидетельствуют и данные отчёта бюджетного подотдела Камчатского округа за 1929—1930 гг., в котором особо отмечается, что заработная плата строевому составу и педагогическому персоналу была значительно повышена [36, л. 8об.— 9об.]. Однако достигнутый уровень денежного содержания не гарантировал сотрудникам милиции социальную защищённость. Оно не поспевало за ростом цен на потребительские товары, а покупательские возможности милиционеров по-прежнему оставались невысокими. Кроме того, по сравнению с другими категориями служащих их зарплата вновь была значительно ниже [41, л. 135].

Кроме неравенства в ставках оплаты труда, распространённым явлением на Северо-Востоке России стали регулярные задержки зарплаты на три-четыре месяца, особенно в отдалённых районах Камчатки. Таким образом, перевод финансирования милиции на средства местных бюджетов отрицательно сказался на её деятельности. Принимавшиеся меры по улучшению материального положения работников милиции, их условий труда и быта носили разовый характер и не могли кардинально решить накопившиеся сложности. Ограниченное финансирование со всей отчётливостью свидетельствует, что в системе государственного аппарата милиция занимала второстепенное место.

Во второй половине 1920-х гг. также постоянно уменьшались ассигнования на транспортные и канцелярские расходы, которые в 1930 г. составили 30 % от действительной потребности. В 1924 г. были установлены следующие нормы расходов на одного сотрудника камчатской милиции: канцелярские и типографские расходы — 12 руб. 50 коп. в год; почто-телеграфные расходы — 2,5 слова в день (7 коп. за слово); водоснабжение — 0,3 ведра в день (5 коп. за ведро); очистка помойных ям — 10 руб. в год; освещение — 30 фунтов керосина в год. Расходы на отопление служебных помещений, учитывая продолжительность отопительного периода, достигавшую восьми месяцев, составляли 18 руб. «за сажень дров» [32, л. 198, 215, 223—226, 233—234, 236, 254—255, 330—332]. Для освещения квартир сотрудников строевого состава выделялось полтора фунта керосина в год. Затраты на командировки сотрудников по районам, транспортные и другие расходы не были фиксированы и полностью зависели от наличия средств в местном

бюджете. Камчатские милиционеры также должны были обеспечиваться бесплатной медицинской помощью в фельдшерских пунктах и казённой квартирой с отоплением и освещением [11, л. 97об.].

В 1924 г. на территории Камчатской губернии отменена «каюрная» повинность, однако собственные транспортные средства у милиции отсутствовали (за исключением Большерецкого района, где в 1927 г. приобрели собачью нарту), а средства на командировочные расходы постоянно сокращались. В результате недостаток средств на разъезды «вносил в работу милиции большие перебои». Сотрудники были не в состоянии добраться до места совершения преступления «по горячим следам», а сообщениях о преступлениях «лежали в управлении до более удобного случая». В результате расследование не было полным, что приводило к прекращению дела «за недостаточностью собранных улик», а преступники оставались безнаказанными.

Особенно злободневным это было для отдалённых районов. Например, в 1926 г. на разъездные, командировочные и суточные расходы сотрудникам большерецкой раймилиции было выделено всего 600 руб. Но только для одной командировки, например, в район села Ичи требовалось потратить минимум 425 руб. Для обслуживания остальных частей района оставалось лишь 175 руб. Начальник большерецкой милиции, характеризуя сложившуюся ситуацию, отмечал, что необходимо срочно увеличить выделение средств на канцелярские, телеграфные и хозяйственные расходы, приобрести печатную машинку, а также «одного коня для сотрудников управления для старшего милиционера в селе Соболево, а также ездовых собак». В Чукотском и Анадырском районах для качественной работы каждый сотрудник должен был иметь 8—10 ездовых собак, содержать которых при зарплате 112 руб. в месяц он не имел возможности [19, л. 232].

В отчёте начальника карагинского АО отмечалось, что выделенные на командировочные расходы средства «дали возможность начальнику милиции выехать в район только один раз в году, и только до селения Апука» [18, л. 161]. Остальная территория (около 300 кв. км) оставалась для милиции совершенно недоступной.

Крайне неприглядная картина условий труда волостных милиционеров представлена в докладе начальника Хайрюзовской волостной милиции о работе за июль-сентябрь 1925 г. Он сообщал о полном отсутствии руководящих материалов, книг, форм и бланков по учёту огнестрельного оружия и охотничьих боеприпасов. Начальник волмилиции пишет об отсутствии канцелярских принадлежностей,



которые «приобрести в Хайрюзово невозможно», а также отмечает, что весь инвентарь милиции на 1 августа 1925 г. состоял из одного стола и одного табурета [12, л. 136].

В докладе о состоянии камчатской милиции за 1923—1924 гг. отмечалось: «Помещение управления губернского-городской милиции помещается в одной комнате, в которой невозможно выполнять серьёзную работу, за исключением текущей переписки, так как постоянные хождения граждан за получением видов на жительство, справок, прописки и выписки и пр. мешают этому. Совершенно невозможно в одной комнате с общей канцелярией иметь какую-либо беседу конфиденциального характера. Для производства дознаний отдельной комнаты нет. Есть только проходная (она же дежурная) в каковой производить дознания также невозможно».

Особенно тяжёлое положение у сотрудников милиции сложилось с жильём. В середине 1920-х гг. лишь 30 % милиционеров были обеспечены квартирами, отоплением и освещением. Остальные были вынуждены ютиться по различным «халупам». В отчёте о работе Петропавловской райгормилиции за 1925—1926 гг. указывалось, что в отношении квартирного довольствия «дело обстоит плохо, так как с 1.10.1926 этот вид довольствия снят» [28, л. 6].

В 1924—1925 гг. в Охотске предоставление сотрудникам общежития оказалось «невыполнимой задачей». Охотские милиционеры проживали по частным квартирам, «отчего наблюдалась их недисциплинированность» [13, л. 58]. Ещё более сложная обстановка складывалась в волостях. Так, в докладе о работе хайрюзовской волмилиции за июль-сентябрь 1925 г. отмечалось: «Ввиду отсутствия частных квартир волостные милиционеры вынуждены проживать в общественных амбарах и кладовых». В рапорте начальника большерецкой раймилиции В. И. Куренкова от 9 ноября 1926 г. в ОАО сообщается об отсутствии в районе жилья для милиционеров. Также В. И. Куренков сообщал, что выселен из жилого дома, а его квартиру занял председатель ревкома. В обращении Куренков отмечал, что работать в таких условиях совершенно невозможно [42, с. 55].

Не меньшей сложностью являлось и обеспечение обмундированием. Впервые милицёрская форма была утверждена коллегией НКВД РСФСР в ноябре 1918 г. В первой половине 1920-х гг. приказами Центрального АО НКВД РСФСР и Главного управления милиции вводилась форма для конной и пешей милиции, определялись нормы отпуска предметов вещевого довольствия и сроки носки обмундирования. По окончании установленного

срока обмундирование должно было сдаваться на склады главного, областного или городского управления милиции. После перевода финансирования милиции на средства местных бюджетов обмундирование стало выдаваться через исполкомы местных Советов, нормы вещевого довольствия постоянно сокращались, а сроки его использования увеличивались.

В 1923 г. на обеспечение сотрудников милиции Камчатской губернии было выделено 3 250 руб., из которых 2 444 руб. 62 коп. «по ряду причин были израсходованы губернским отделом управления не по прямому назначению». И только на оставшиеся средства (805 руб. 38 коп.) было приобретено «незначительное количество кухлянок, торбазов и дождевиков».

С целью улучшения снабжения сотрудников милиции обмундированием, в 1923—1924 гг. губревком предпринял попытку организовать пошив форменной одежды в Петропавловске. Для этого выделялись 1 000 руб. В январе 1924 г. в губернском дивизионе войск ОГПУ для гормилиции сшили 14 френчей, 14 брюк и 30 пар сапог [11, л. 97]. Однако изготовленная форма оказалась крайне низкого качества и была «малопригодна к носке». Причинами неудовлетворительного качества стало отсутствие добротных материалов и квалифицированных портных. Кроме того, стоимость одного комплекта обмундирования (френч и брюки), изготовленного в местных условиях, превысила 50 руб. (цена аналогичного комплекта, доставленного на Камчатку с материка, составляла 25—35 руб.). Эти факты нашли отражение в отчёте губмилиции за первое полугодие 1924 г., в котором сообщалось, что пошив форменного обмундирования в условиях полуострова невозможен [11, л. 97—97об.].

По состоянию на 1 октября 1924 г. губмилиция была обеспечена обмундированием в следующем количестве от потребности (в %): сапоги — 54, френчи суконные — 25, брюки суконные — 25, дождевики прорезиненные — 23, торбаза — 37, кухлянки — 32. В 1924—1925 гг. на покупку обмундирования губисполком выделил дополнительно 1 390 руб. 50 коп. На них приобрели 10 шинелей, 16 зимних и 15 летних гимнастеров, 40 шаровар, 10 фуражек, 8 плащей, 30 зимних шапок, 16 рукавиц для северных районов, 25 шерстяных перчаток, 30 пар сапог, 70 пар подметок, 16 камусных торбазов, 32 пары чижей, семь кукулей и два килограмма «пуговиц форменных» [32, л. 125].

Небрежное использование казённого обмундирования считалось серьёзным нарушением, за которое провинившиеся привлекались

к дисциплинарной ответственности. В соответствии с приказом начальника милиции Камчатской губернии № 39 от 14 мая 1924 г. начальникам уездных милиций вменялось в обязанность строго наблюдать за выполнением подчинёнными правил ношения форменной одежды. Этим приказом объявлен строгий выговор за небрежное отношение к казённому обмундированию младшему милиционеру петропавловской гормилиции В. З. Ластовскому, который «заносил и загрязнял френч и брюки».

В уездных милициях положение с вещевым обеспечением было особо тяжёлым. Например, в зимний период 1923/24 г. сотрудники охотской милиции были снабжены лишь кухлянками и торбазами. Начальник чукотской милиции Алексей Тимофеевич Коробко в рапорте от 21 июля 1923 г. сообщал о полном отсутствии зимнего обмундирования, указывая на необходимость получения четырёх кухлянок и стольких же тёплых шапок, пар тёплых перчаток, пар чижей, а также трёх револьверов и 50 патронов.

При неудовлетворительном состоянии связи закономерным явлением были регулярные задержки в обеспечении вещевым довольствием районных АО. Об этом свидетельствуют отчёты начальников раймилиций. Так, начальник АО Чукотского района сообщил, что в первом полугодии 1930 г. всё имеющиеся обмундирование и снаряжение пришло в состояние совершенной непригодности к употреблению и его необходимо заменить. Он также указывал, что средства на приобретение обмундирования были отправлены в окружной АО ещё в 1928 г., но до настоящего времени обмундирования не получено. Особую потребность районные АО испытывали в официальной руководящей литературе, которую в северных условиях при отсутствии связи «самостоятельно приобретать было невозможно» (приложение 4). Серьёзной сложностью также являлось отсутствие бланков делопроизводства (цифровых отчётов и прочего) в управлении милиции, которые приходилось составлять на месте, что приводило к грубейшим ошибкам [43, л. 107об.—109].

Во второй половине 1920-х гг. снабжение милиции стало осуществляться централизованно и обеспечение сотрудников обмундированием значительно улучшилось. Камчатский окрисполком утверждал предложенные губпланом нормы обеспечения милиции обмундированием. В январе 1929 г. окружной АО сообщал, что «все заготовки обмундирования на сотрудников милиции» производились в Краевом заготовительном хозяйстве. К концу

1930 г. служащие камчатской милиции были обеспечены форменным обмундированием (в %): суконными шинелями и гимнастерками — на 80, шароварами — на 50, зимними папахами — на 40, летними фуражками — на 70, летними брюками — на 60, брезентовыми плащами — на 65.

Острую необходимость милиция также испытывала в обеспечении вооружением. В октябре 1924 г. Камчатский губисполком заключил, что «положение с таковым обстоит неудовлетворительно». Губмилиция была снабжена винтовками на 60, револьверами — на 46, патронами к винтовкам — на 41, патронами к револьверам — на 7 %. Принадлежности для чистки оружия полностью отсутствовали. Вооружение милиции было неоднородным и состояло из винтовок и револьверов всевозможных образцов, систем и калибров (русских и иностранных), в основном конфискованных у местного населения и коммерсантов.

В октябре 1925 г. в губмилиции имелось 103 единицы различного вооружения (приложение 5). Окончательно перевооружение милиции Северо-Востока России по единому образцу трехлинейными драгунскими винтовками и револьверами системы «Наган» было завершено к концу 1929 г.

Таким образом, оценивая материальное обеспечение сотрудников камчатской милиции в 1920-х гг., следует отметить, что в это время происходит увеличение зарплаты, вводится система материального стимулирования (северные надбавки, районный коэффициент, премии), значительно улучшается обеспечение обмундированием и вооружением. Но, несмотря на принимаемые меры, уровень материального обеспечения остаётся низким и значительно отстаёт от аналогичного в системах образования, здравоохранения и исполнительных органов власти. Кроме того, наблюдаются постоянная нехватка средств на командировочные расходы, задержки заработной платы, социальная незащищенность и бытовая неустроенность сотрудников.

Недостаточное материальное обеспечение было вызвано целым рядом обстоятельств. Так, в 1920-х гг. были весьма распространены идеи о переходе к милиционной системе охраны общественного порядка, возможной ликвидации в ближайшее время уголовной преступности и другие. Однако решающей причиной низкого материального обеспечения стал перевод финансирования милиции на средства местных бюджетов, возможности которых оказались крайне ограниченными.

/от. 9, 80, 36 см, 5 см №67/

ПОДРОБНЫЙ ИМЕННОЙ СПИСОК

Служащих Анадырской Уездной Милиции Камчатской Губернии

/для персонального учета/

на 1924-1925 год

Составлен: от. от. 80-85 в 52-54 правля об'явленных в приказе милиции РСФСР от 1924г. № 608

- 1. Имя по порядку *третий*
- 2. Фамилия или отчество *Александр Степанов*
- 3. Месяц, число и год рождения /воз./ *26 декабря 1896 года*
- 4. Происхождение (рабочего, ремесленного, торгового, чиновника и пр.) *ван. крестьянин*
- 5. Национальность *русский*
- 6. Какое получил /заочное/ образование *Петропавлов. Высш. нач. училищ  
и Промышлен. школа*
- 7. Партийная принадлежность: какого числа, месяца года, в каком месте *Будучий член*
- 8. Был ли член или в ранге в старой армии и последняя занимаемая должность *нет*
- 9. Последняя занимаемая должность в полиции и казачьей полиции указанного времени пребывания в ней *нет*
- 10. Сколько времени служил в белой армии, последний чин и должность с указанием времени пребывания в ней *нет*
- 11. Последняя занимаемая должность в Красной армии, с указанием в течение какого времени *нет*
- 12. Какого числа, месяца /года/ демобилизован из Красной армии и в каком учреждении и с какого числа, месяца, года состоит на учете с указанием в учетного военного билета или учетной карточки /лица. ив/ *состоял на учете в Анадыре. Высш. нач. ив*
- 13. Последняя занимаемая должность в гражданских советах, учреждениях с указанием времени пребывания в ней *участник в Наркоминделу*
- 14. Состоял ли под судом или следствием и в уголовном случае когда и за что *нет*
- 15. Какого числа, месяца и года первоначально поступил на службу в милицию и в приказе *26 июля 1923г. № 10*
- 16. Где и настоящее время состоит на службе, с какого времени года и в приказе о назначении на службу *в с. Мельцов с осени 1924 года*
- 17. Какое занимаемая должность с какого времени с указанием года и в приказе о назначении на должность *Милиционер Мельцов в.ч. № 12*
- 18. Какого числа, месяца, года куда и по какой причине убит и в приказе об исключении из списков

Фрагмент именного списка анадырской уездной милиции Камчатской

/от. 9, 30, 36, 54, 56 №67/

ПОЛНОМ ОЧНОМ СПИСОК

Служащих Александровой Уездной Милиции Камчатского и Губернии

/для персонального учета/

на 1924-1926 год

Основание: от. от. 30-35 и 52-54 правил об'явленных в приказе милиции РСФСР от 1924 г. № 608

1. Имя по порядку *Пет. Владим.*
2. Фамилия или отчество *Родасев. Иван Константинович*
3. Месяц, число и год рождения/чел./ст./ *Январь 1898 года*
4. Прохождение: рабочего, ремесленника, торговца, чиновника и пр. *б. Служащий*
5. Национальность *русский*
6. Какое получил/законченное/образование *Среднее*
7. Партийная принадлежность: какого члена, месяца года, не состоит и № членского билета *не состоит*
8. Бывший чин или звание в старой армии и последняя занимаемая должность *не служил*
9. Последняя занимаемая должность в полиции и казенной полиции указавшем времени пребывания в ней *не служил*
10. Сколько времени служил в белой армии, последний чин и должность с указавшем времени пребывания в ней *5 месяцев в. А. Сид. Артич. Бригад.*
11. Последняя занимаемая должность в Красной армии, с указавшем в течении какого времени *не служил*
12. Какого числа, месяца, года добровольно вступил в Красной армии и в каком уездовом комитете и с какого числа, месяца, года состоит на учете с указавшем № учетного военного билета или учетной карточки личн. №/ *З. А. Александров - Ком. Уезд. Ком. Личн. № 6*
13. Последняя занимаемая должность в гражданск. советск. учреждениях с указавшем времени пребывания в ней *Зав. Камчат. губ. 316 3220 8*
14. Состоял ли под судом или следствием и в утвержд. случае когда и за что *не*
15. Какого числа, месяца и года первоначально поступил на службу в милицию и № приказа *16 октября 1924г.*
16. Где в настоящее время состоит на службе, с какого времени года и № приказа с зачислении на службу *в Чир. Александров - 16 октября 1924г. № 3. Уезд.*
17. Выше занимаемая должность с какого времени с указавшем года и № приказа с назначении на должность *с 15-го июля 1924г. Зав. Чир. Уезд. 3220*
18. Какого числа, месяца, года куда и по какой причине ушел и № приказа об' увольнении из списков

губернии на 1924—1926 гг. (ГАЧАО. Ф. Р-182/22. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—2)

## ИСТОЧНИКИ

1. Действующие распоряжения по милиции. — М., 1928. — С. 365—372.
2. *Малыгин А. Я.* Советская милиция в период строительства социализма. — Горький, 1983. — С. 58.
3. *Шабельникова Н. А.* Милиция Дальнего Востока России (1922—1930 гг.): Исторический опыт организации и деятельности: Дис... докт. ист. наук. — Владивосток, 2002. — С. 102.
4. Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995. — С. 119.
5. Органы внутренних дел Российской Федерации. — Т. 2// Е. И. Белов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. — М., 2002. — С. 16.
6. *Берпяков А. А., Шеронов В. С.* Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917—1926 гг.). Уч. пос. — Хабаровск, 1987. — С. 60—61.
7. *Белюков Д. А.* Особенности организации и деятельности Псковской губернской милиции 1917—1927 гг.: Дис... канд. ист. наук. — М., 2003. — С. 223.
8. *Шамаров В. М.* Государственная служба в милиции НКВД: становление и развитие правовых и организационных основ. — М., 1999. — С. 120.
9. РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1433.
10. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 49. Д. 127.
12. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 8. Д. 4.
13. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 2а.
14. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570.
15. ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 5.
16. ГАЧАО. Ф. Р-182/28. Оп. 1. Д. 12.
17. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1160.
18. Там же. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 55.
19. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 108.
20. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 86.
21. ГАКК. Ф. Р-25. Оп. 6. Д. 2.
22. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 4.
23. Там же. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 4.
24. Там же. Д. 2.
25. Там же. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 4.
26. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 2—3. Д. 71.
27. ГАКК. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 5.
28. Там же. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 3.
29. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1919. — № 13.
30. Там же. — 1922. — № 57.
31. ГАКК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 181.
32. Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1.
33. Там же. Д. 6.

34. ГАКК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 7.
35. Там же. Д. 8.
36. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 33.
37. Сборник узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1925. — № 68.
38. Там же. — 1927. — № 98.
39. Там же. — 1927. — № 113.
40. там же. — 1928. — № 51.
41. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 12.
42. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: История камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
43. РГИА ДВ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 54.

## Приложение 1

### **Форма квартальных, полугодовых и годовых отчётов уездных и волостных (с 1926 г. районных) милиций Камчатскому губревкому в 1924—1930 гг.**

1. Личный состав (изменение, районы командировок, количество и другое).
2. Руководство милицией со стороны губернского центра.
3. Инструктаж (устный, письменный), связь с губернским центром и местами.
4. Выполнение обязательных постановлений губревкома. Административный надзор.
5. Содействие другим ведомствам и организациям.
6. Преступления и правонарушения.
7. Количество обществ, не преследующих цели извлечения прибыли.
8. Иностранцы (количество, движение по районам).
9. Религиозные организации.
10. Деятельность сельских исполнителей.
11. Социальные аномалии.
12. Работа по линии ЗАГС.
13. Вещевое и материальное обеспечение милиции.
14. Общие выводы.

## Приложение 2

### **Перечень вопросов к докладам о деятельности милиции на сельских сходах и в рабочих организациях**

1. Как организовалась рабоче-крестьянская милиция и чем отличается от старой полиции.
2. Роль и значение органов милиции в государственном строительстве республики.



3. Как организована милиция и как она живёт.
  4. Что делает милиция, и в чем заключается её служба.
  5. Милиция на охране общественного порядка и общественной безопасности.
  6. Милиция— проводник революционной законности.
  7. Милиция на борьбе с конокрадством и самогонщиной.
  8. Что сделано милицией за отчётный период.
  9. Борьба с уголовной преступностью.
- Бюллетень НКВД, 1925 г. — № 37/177.

### Приложение 3

#### Материальное обеспечение камчатской губернской милиции в 1924 г.

Наименование расходов	Сумма, руб.
Содержание личного состава	41 768,15
Хозяйственные расходы	273,45
Освещение	220,00
Отопление	663,00
Канцелярские расходы	362,94
Почтово-телеграфные расходы	344,00
Обмундирование	4 532,35
Путевое довольствие	4 676,28
Секретные расходы	552,00
Аренда помещений	1 000,00
Капитальный ремонт	350,00
Содержание школ и курсов	100,00
Содержание арестных помещений	1 074,23
Итого:	55 917,23

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 46. Д. 110. Л. 49.

### Приложение 4

#### Список официальных изданий для сотрудников административного отдела РКМ, уголовного розыска, исправительно-трудового дома и бюро принудительных работ

1. Бюллетень Дальневосточного революционного комитета (ДРК).
2. Указатель к бюллетеню Дальневосточного революционного комитета.
3. Бюллетень НКВД.
4. Указатель к бюллетеню НКВД.
5. Советская юстиция (журнал).
6. Административный вестник (журнал).
7. Сборник приказов ЦАУ и НКВД.

8. Уголовно-процессуальный кодекс с комментариями.
  9. Уголовный кодекс с комментариями.
  10. Гражданский кодекс с комментариями.
  11. Кодекс о браке, о семье и опеке.
  12. Известия ЦИК (газета).
  13. Полярная звезда (газета).
  14. Земельный кодекс с указаниями и разъяснениями.
  15. Лесной кодекс в вопросах и ответах.
  16. Сборник документов, распоряжений, циркуляров в отделении церкви от государства.
  17. Дисциплинарный устав РКМ.
  18. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений).
  19. Преступления в области половых отношений.
  20. Борьба с хулиганством.
  21. Право и быт (журнал).
  22. Юридический догматизм и диалектический материализм.
  23. Криминальная психология.
  24. Имущественные преступления.
  25. Устав о гербовом сборе с комментариями.
  26. Законы об охоте.
  27. Сводный указатель действующих декретов РСФСР и СССР за 1917 и 1925 гг.
  28. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
  29. Алфавитно-предметный указатель, сборник указаний и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (по полугодиям).
- РГИА ДВ, ф. Р-4315, оп. 1, д. 12, л. 135.

## Приложение 5

### Количество единиц огнестрельного оружия, находящегося на вооружении Камчатской милиции на 1 октября 1925 г.

Название	Кол-во	Патронов
Трехлинейные драгунские винтовки	37	2 778
Винтовки системы «Бердан»	1	
Карабины японские	5	
Винчестеры 45x70	5	
Винчестеры 30x30	4	
Револьверы системы «Наган»	30	202
Револьверы системы «Браунинг»	4	6
Револьверы системы «Смитт-Вессон»	10	
Револьверы системы «Маузер»	1	9
Револьверы системы «Кольт»	4	40
Револьверы системы «Стейер»	1	

ГАКО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

**ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ГАВАНЬ — ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ  
ПОРТ — ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ —  
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ**  
(Хроника событий)

**1703**

*Осень.* У Авачинской губы побывал отряд служилых людей под началом Родиона Преснецова из двадцати двух человек, отправленный камчатским приказчиком Т. Кобелевым из Верхнекамчатского острога к восточному берегу полуострова.

**1715**

На «Чертеже Камчадальского носу и морским островам», составленным И. П. Козыревским, есть первое достаточно верное изображение Авачинской губы и текст: «В прошлом 715 году по сему берегу и к носу вновь ясак брал и воинскими походами иноземцев на Аваче... усмирил...»

**1724**

*23 декабря* вышел указ императора Петра I Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции под началом В. Й. Беринга. Одна из задач экспедиции — исследование северо-восточной части тихоокеанского побережья азиатского материка.

**1729**

*Июнь.* В. Й. Беринг на боте «Святой архангел Гавриил» побывал в Авачинском заливе. «Вышли из устья реки Камчатки и пошли морем к востоку... и шли близ 200 вёрст...» Беринг дважды прошёл в непосредственной близости от «ворот» Авачинской губы. Штурманы бота впервые нанесли на карту очертания входных мысов губы.

**1732**

*17 апреля* вышел Указ императрицы Анны Иоанновны об отправке В. Й. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию.

*2 мая* подписан указ Сената Адмиралтейств-коллегии об утверждении предложений В. Й. Беринга и принятии мер по устройству жизни на Камчатке и в Охотске.

**1737**

*4 октября* по приказу Беринга из Охотска на Камчатку вышел бот «Фортуна» под командой подпоручика Ивана Свистунова и подштурмана Емельяна Родичева. Им предстояло описать

Авачинскую губу, а также реки Большую, Камчатку, построить маяки в необходимых местах, составить карты. На этом же боте на Камчатку прибыл С. П. Крашенинников.

*Осень.* И. Свистунов и Е. Родичев начали работы по описанию Авачинской губы. Поскольку их судно разбилось в устье реки Большой, и они лишились необходимых приборов, описание Авачинской губы оказалось неполным.

**1738**

На устье реки Авачи И. Свистуновым и Е. Родичевым начато строительство маяка, казарм, жилья для участников экспедиции В. Й. Беринга.

**1739**

*8 сентября* И. Свистунов вернулся с Камчатки в Охотск. Он доложил Берингу о результатах работы в Авачинской губе и представил её карту. Сведения, доставленные Свистуновым, не удовлетворили Беринга. В рапорте 10 октября 1739 г. Беринг писал: «...что оную де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, в чём в государственную адмиралтейскую коллегию того же сентября 10-го дня и рапортовано, при котором рапорте и описание той губы приложено. Токмо на том утвердиться невозможно... ибо оной Свистунов имел описание с берега».

*29 сентября* Беринг распорядился: «...отправить оный бот («Святой архангел Гавриил») от экспедиции и командиром определить штурмана Елагина, который и отправлен того ж сентября 29-го дня, и при нём штурман Василий Хметевский, гардемарин Яган Синт, матрос и прочих чинов — девять. Всего — двенадцать человек. И иттить на боту к Аваченской губе и ту губу вымереть и описать со обстоятельством, можно ли в тое губе пакетботами войттить в зимнее время без опасности зимовать».

Елагину и его помощникам предстояло промерять устья рек Большой и Камчатки для выяснения возможности захода крупных морских судов. Позже в рапорте от 22 апреля 1741 г. Беринг докладывал, что Елагин поручение выполнил и построил для «житья служителям жилые покои и для клажи провианта и материалов магазейны... При губе построено камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента».

**1740**

*16 мая* штурман Иван Фомич Елагин отправился на боте «Святой архангел Гавриил» от устья реки Большой к Авачинской губе, производя по пути морскую съёмку камчатского берега.

*10 июня* И. Ф. Елагин прибыл в Авачинскую губу, приступивший к описанию губы и строительству складских и жилых помещений на северном берегу Ниакиной (Петропавловской) гавани. Елагин составил первую «подлинную исправную карту морскому заливу Аваче и гавани, которая гавань святых Петра и Павла именована». Она называлась «Карта Авачинской губы и со внутренней в ней гавани, сочинённая при навигации экспедиции штурмана Ивана Елагина, 1740 год» и имела пояснение: «При губе кроме берёзового, ольхового и тополёвого леса не имеется». На этой карте впервые были изображены строения будущего Петропавловска.

*29 июня и 2 июля.* На Охотской верфи достроены пакетботы Второй Камчатской экспедиции. Однотипные корабли строили мастера Кузьмин и Рогачёв. Пакетботы имели длину 24,4, ширину 6,7, глубину трюма 2,9 метра. Вооружение — 18 двух- и трёхфунтовых пушек. Их называли «Святой Пётр» и «Святой Павел». Пакетботы спущены на воду 12 июля, в день святых апостолов Петра и Павла.

*8 сентября* — пакетботы «Святой Пётр» (командир В. Й. Беринг), «Святой Павел» (А. И. Чириков), галиот «Охотск» (С. Ф. Хитрово) и дубель-шлюп «Надежда» (А. Е. Шельтинг) вышли из Охотска и отправились к западному побережью Камчатки.

*20 сентября* в Ниакиной гавани И. Ф. Елагин составил рапорт Берингу, где сообщил, что построено «камчатскими служилыми и ясажными иноземцами жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента». Первые постройки были возведены на северном берегу гавани Ниакиной. Елагин доложил также о завершении промеров глубин Авачинской губы, составлении карт западного берега Камчатки от устья реки Большой до Лопатки и восточного берега от Лопатки до Авачинской губы, то есть предполагаемого пути следования кораблей экспедиции. Кроме того, Елагин начертил первую обстоятельную карту Авачинской губы с указаниями глубин, рельефа берегов, растительности, местных географических названий.

*6 октября* пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел» прибыли в Авачинскую губу, зашли в Ниакину гавань. Эта дата (17 октября по новому стилю), указанная в официальных отчётах, считается датой рождения города Петропавловска-Камчатского. Во вновь образованное селение были переведены жители из Нижнего и Верхнего Камчатских острогов. В рапорте от 22 апреля 1741 г. Беринг докладывал: «А вышепереченная гавонь к отстою в зимнее время

морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того ж 740 году октября шестого дня благополучно, где и зимовали, и она гавань названа нами Святых Петра и Павла».

*Осень.* Для вновь отстроенного поселения Алексей Ильич Чириков пожертвовал походную церковь с пакетбота «Святой Павел», над которой поставили парусиновую палатку в северо-восточной оконечности гавани и назвали её церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Позже парусиновую палатку заменили деревянным срубом. В документах она именуется «экспедицской». До 1757 г. здесь служил дьячок экспедиции Филипп Волков, рукоположенный в священники.

#### 1741

*20 апреля* в рапорте в Сенат В. Й. Беринг вводит в официальный оборот новое географическое название — Гавань Святых апостолов Петра и Павла. Одновременно с ним использовались следующие варианты: «Гавань Петропавловская», «Санкт-Петропавловская гавань».

*Весна.* Участники экспедиции профессор астрономии Санкт-Петербургской Академии наук Л. Делиль де ла Кройер и геодезист А. Д. Красильников впервые определили астрономическим методом по наблюдениям спутников Юпитера географические широту и долготу Петропавловской гавани. По записи в шканечном журнале пакетбота «Святой Пётр» они равнялись 53°01' северной широты и 127°31' восточной долготы от Санкт-Петербургского меридиана.

*10 апреля* в Петропавловскую гавань из Большерецка прибыл участник Второй Камчатской экспедиции, студент Петербургской Академии наук Степан Петрович Крашенинников. Петропавловский порт по Крашенинникову: «Губа Ниакина, которая по имени зимовавших в ней двух пакетботов Петра и Павла называется Петропавловской гаванью, расположена в северной части Авачинской губы (по-камчадалски Суаачу) и так узка, что суда можно закреплять на берегу, но так глубока, что в ней могут стоять и суда больших размеров. Там построены преизрядные дома, особливо же великолепно по тамошнему состоянию строение Камчатской экспедиции, которое стоит около Петропавловской гавани. Вящее ещё украшение ему придаёт церковь с пристойным зданием, что на изрядном месте воздвигнута».

*26 мая* В. Й. Беринг, И. Ф. Елагин и С. Л. Ваксель со шлюпки промеряли Раковую губу.

4 июня пакетботы «Святой Пётр» под командованием В. Й. Беринга и «Святой Павел» под командованием А. И. Чирикова вышли из Авачинской губы в плавание к берегам Америки.

10 октября вернулся пакетбот «Святой Павел». В этот же день умер участник плавания профессор астрономии Л. Делиль де ла Кройер. Его похоронили в Петропавловской гавани.

**1742**

11 июля пакетбот «Святой Павел» под командованием А. И. Чирикова вышел из Петропавловской гавани в Охотск.

11 июля в Петропавловскую гавань прибыл гукор «Святой Пётр», построенный из остатков одноименного пакетбота на острове, где экипаж зимовал после крушения судна (ныне остров Беринга). Командовал гукором Свен Ваксель.

*Декабрь.* Сильное землетрясение в Петропавловске.

**1743**

25 сентября вышел указ Сената о прекращении деятельности Второй Камчатской экспедиции. За её время в Петропавловской гавани были построены солеварня, амбары и казармы. Со временем все строения пришли в негодность или сгорели.

**1766**

Церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы перенесена на р. Паратунку «за малолетством Петропавловской гавани». Полуразрушенное церковное здание в гавани вскоре сгорело.

**1774**

Магнус фон Бем, новый камчатский командир, отдал распоряжение о постройке южнее косы батареи при входе в Петропавловскую гавань по данной ему инструкции «о приведении островов в новое положение». В гавань была определена регулярная и нерегулярная команда в 32 чел. с двумя унтер-офицерами.

*Бем Магнус Карл* (1727—1806). Родился в Лифляндии. По именному Высочайшему Указу 30 апреля 1772 г. произведён в премьер-майоры и 14 мая отправлен на Камчатку, где и находился с 12 октября 1773 г. по июнь 1779 г.

**1779**

*Апрель, август.* Гавань посетили фрегаты «Дискавери» и «Резолюшн» Третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Возглавляли экспедицию после гибели её руководителя на Сандвичевых (Гавайских) островах Чарльз Клерк и Джон Гор. Все постройки: пять или шесть русских бревенчатых домов, пятнадцать балаганов, располагались на косе, отделявшей гавань от Авачинской губы.

В августе в северной части селения был похоронен Чарльз Клерк. В изголовье могилы была прибита доска с надписью: «У подножия этого дерева покоится прах капитана Чарльза Клерка, который принял командование его Британского Величества кораблей “Резолюшн” и “Дискавери” по смерти Джеймса Кука, который умерщвлён был на одном острове Южного моря 14 февраля 1779 года. Умер в море от лёгочной чахотки 22 августа того же года в возрасте тридцати восьми лет».

**1780**

В Петропавловской гавани было несколько изб, небольшой гарнизон, трёхпушечная батарея.

**1786**

*15 августа* в гавань прибыл Григорий Иванович Шелихов, один из инициаторов создания Российско-Американской компании (РАК).

**1787**

*25 июля* в гавань посетили фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» французской кругосветной экспедиции под командованием Ж. Ф. Лаперуза. По сведениям участника экспедиции Ж. Б. Лессепа, жилищ в селении насчитывалось от тридцати до сорока, жителей не более ста, гарнизон составляли сорок человек. Вход в гавань охраняли три батареи. По приказу Лаперуза была изготовлена медная доска на смену обветшавшей деревянной над могилой Ч. Клерка. На ней воспроизвели прежнюю надпись с примечанием по-французски: «Сия копия с английской подлинной надписи сделана по приказанию командора Графа Лаперуза в 1787 году». Медный лист прибили над возведённой гробницей из дерева. Французы соорудили также деревянное надгробие над соседней могилой, где был похоронен участник Второй Камчатской экспедиции профессор астрономии Л. Делиль де ла Кройер. Французы покинули гавань 19 августа.

**1789**

*2 октября* в Петропавловскую гавань зашёл трёхмачтовый корабль «Слава России» под командованием капитана 2-го ранга Иосифа Биллингса, возглавившего Северо-Восточную географическую и астрономическую экспедицию (1785—1793 гг.). Экспедиция направлялась для исследования и открытия новых земель в Северном Ледовитом и Тихом океане.

Селение делилось на две части. Большинство деревянных домов и балаганы стояли на косе. Жителей насчитывалось тридцать четыре человека, из них двадцать три казака и солдат и одиннадцать камчадалов.



## 1790

*25 февраля.* Землетрясение в Петропавловске.

*9 мая* корабль «Слава России» вышел из Авачинской губы в плавание к Алеутским островам.

*13 октября* «Слава России» вернулась на вторую зимовку.

Вышло предписание о приведении Петропавловской гавани в оборонительное положение и назначении туда отдельного командира.

## 1791

*19 мая* «Слава России» отправилась во второе плавание к Алеутам и Северной Америке.

## 1792

Гавриил Сарычев произвёл опись Авачинской губы, «сочинена им карта губы и план гавани Святых Петра и Павла, где видно небольшое селение и четыре батареи: на Сигнальном мысу, около озера, в основании косы».

*6 августа* из Петропавловской гавани на Курилы вышел катер «Чёрный Орёл» под командованием Г. Сарычева. Корабль «Слава России» за ветхостью был оставлен гавани под командой Х. Беринга (внука В. Й. Беринга) для передачи камчатским властям. Позднее судно затонуло в гавани.

## 1796

Командир гавани В. И. Шмалёв укрепил её шестью батареями.

## 1798

Иркутский губернатор Людвиг Нагель сообщал в одном из донесений: «...в случае нужды [Камчатка] ниоткуда скорой помощи получить не может, и для того необходимо там быть особому военному начальнику, который бы заведовал и гражданской частью...»

*3 июня, 3 октября* последовали указы императора Павла I: «...батальону полковника Сомова быть гарнизонным полком его имени и состоять на непременных квартирах: в Нижнекамчатске — шеф и при нём гренадерская и его шефская рота, в Большерецке — одна рота со штаб-офицером, в Петропавловской гавани — одна рота со штаб-офицером...»

## 1799

*18 декабря* в Петропавловской гавани умер Василий Иванович Шмалёв, видный администратор и исследователь Камчатки.

## 1800

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы из Паратунки вновь перенесена в Петропавловскую гавань в связи с увеличением её населения.

Этим годом датирован «План Петропавловской гавани с показанием казённого и обывательских строений, также вновь сделанных шести батарей». На «Плане» озеро (современное название Култучное) называется Долгим. Здесь имеются следующие надписи: «Яр непроходимый» (западный склон Сигнальной сопки), «Яр сыпучий, по которому проход невозможен» (склон Никольской сопки), «Высокие и непроходимые горы» (склоны Петровской сопки).

### **1803**

*30 июня* вышел указ о заведении солеваренных заводов в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Тигиле, Большерецке.

*11 августа* утверждено постановление особого комитета, созданного по повелению императора Александра I, об учреждении областного правления, подчинённого иркутскому губернатору. Местопребыванием коменданта, которого «для придания большей важности посту наименовать правителем», назначен Верхнекамчатск.

### **1804**

*Июль.* В Петропавловском порту находился фрегат «Надежда» первой русской кругосветной экспедиции под командованием капитан-лейтенанта Ивана Федоровича Крузенштерна. Население порта насчитывало около ста восьмидесяти человек, в нём размещалось около тридцати домов.

*16 августа* дипломатический посланник граф Н. П. Резанов в донесении императору Александру I написал: «Предварительно обязан я донести Вашему Императорскому Величеству, что Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией будет открыт, и сделается важным городом. Я приступил уже здесь к учреждению фактории и предписал охотской конторе нанять двадцать человек для постройки здесь магазинов, производства разных работ и разведения скотоводства, для которого велел выслать и рогатого скота, ибо здесь лугов повсюду весьма изобильно. Я смею Ваше Императорское Величество уверить, что Камчатка есть отнюдь не бедная земля и напротив того нахожу, что сама природа изобилием даров своих приглашает сюда людей к поселению».

### **1805**

*5 июня* в Петропавловский порт возвратился фрегат «Надежда» И. Ф. Крузенштерна с дипломатической миссией Н. П. Резанова.

*24 июня* из Петропавловского порта в Ново-Архангельск (на Аляску) на бриге «Мария» отправилась экспедиция лейтенантов

Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова. На «Марии» в Русскую Америку отбыли и участники плавания И. Ф. Крузенштерна камергер Н. П. Резанов и ученый-натуралист Г. И. Лангсдорф.

*2 сентября* в Петропавловский порт прибыл из Охотска транспорт под командованием мичмана В. И. Штейнгеля (будущего декабриста). На судне в числе прочих грузов была доставлена почта для экспедиции Крузенштерна.

*Сентябрь.* Экипаж «Надежды» привёл в порядок могилы Де ла Кройера и Чарльза Клерка. «В близости многолетнего дерева, дабы не удалиться от начального гробницы места, сделана нами на твёрдом основании деревянная пирамида. На одной стороне оной мы прибили медный лист Лаперузов, на другой — живонаписанный г. Тилезиусом герб Клерка, а на третьей — следующую надпись на российском языке: “Английскому капитану Клерку усердием общества фрегата «Надежды» в первую экспедицию Россиян вокруг света, под командою флота капитан-лейтенанта Крузенштерна, 1805 года, сентября 15 дня”; на четвёртой стороне к югу: “Здесь покоится прах Делиль де ла Кройера, бывшего в экспедиции командора Беринга астрономом. 1741 г.”. Около деревянной пирамиды вырыли глубокий ров и сделали высокую ограду из частокола с дверью, которая замком заперта, а ключ вручён коменданту», — писал И. Ф. Крузенштерн.

### **1806**

*13 сентября* на судне РАК «Ростислав» в порт прибыл Григорий Иванович Лангсдорф, натуралист первой русской кругосветной экспедиции, член российского посольства в Японию, исследователь Камчатки, Русской Америки, Калифорнии, российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро с 1811 г., организатор и руководитель первой русской экспедиции в Бразилии (1822—1829 гг.). Лангсдорф известен и как автор проектов административно-хозяйственных преобразований на Камчатке. «Камчатка... заслуживает особенное внимание... Здесь могли бы быть произведены самые прекраснейшие и плодороднейшие долины... весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловлении китов и сушении рыбы и прочее... Порт Святых Петра и Павла может со временем стать центральным с весьма выгодной торговлей и станет процветающим и людным городом».

*2 октября* в порт из Русской Америки прибыли суда РАК «Юнона» и «Авось» под командой лейтенантов Г. И. Давыдова и Н. А. Хвостова.

## 1807

*19 августа* в Петропавловский порт из Охотска приехал генерал-майор Петровский, новый правитель Камчатки, преемник генерала П. И. Кошелева.

## 1809

*25 сентября* в порт зашёл шлюп «Диана», совершавший кругосветное плавание из Кронштадта под командованием лейтенанта Василия Михайловича Головнина.

*28 октября.* Землетрясение в Петропавловске.

## 1810

*18 января* В. М. Головнин отправился из порта в путешествие по Камчатке. Возвратился 10 марта.

*5 февраля* освящён вновь отстроенный придел церкви во имя Петра и Павла.

*29 мая* в Петропавловский порт из Ново-Архангельска прибыл шлюп «Нева» под командой лейтенанта Л. А. Гагемейстера.

*15 июля* родился Василий Степанович Завойко, будущий первый военный губернатор Камчатской области, организатор и руководитель обороны Петропавловска в августе 1854 г.

*14 сентября* из Русской Америки на вторую зимовку пришёл шлюп «Диана» В. М. Головнина.

## 1811

*4 мая* шлюп «Диана», выполняя предписание правительства, отправился из Петропавловского порта к Южным Курилам для исследований.

*11 июля* при попытке установить контакты с японцами на острове Кунашир В. М. Головнин и несколько человек из экипажа «Дианы» были захвачены в плен. Командование шлюпом принял капитан-лейтенант Пётр Иванович Рикорд.

*14 июля* «Диана» ушла в Охотск.

## 1812

*9 апреля* вышло «Новое положение о Камчатке», по которому управление ею поручалось особому начальнику. Местом пребывания начальника Камчатки назначалась Петропавловская гавань. Сюда переводилась часть жителей из Верхнекамчатска и Нижнекамчатска.

До назначения и прибытия первого начальника Камчатки П. И. Рикорда, то есть до мая 1817 г., эту должность исполнял мичман шлюпа «Диана» Илья Дмитриевич Рудаков. Летом 1812 г. для административного центра Камчатского полуострова начали возводить самые необходимые постройки.

*Лето.* В Петропавловский порт прибыли два судна американского коммерсанта и судовладельца П. Добелла. Энергичный и предпринимчивый американец, познакомившись с русскими окраинами, выступил инициатором развития торговых связей с Камчаткой.

### **1813**

*3 ноября* вернулся шлюп «Диана» с В. М. Головниным и членами экипажа корабля, пленёнными японцами в июле 1811 г. на Курилах.

*2 декабря* В. М. Головнин отправился сухопутьем через Камчатку и Сибирь в Санкт-Петербург.

### **1814**

*24 января* в церкви освятили отстроенный придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Из лиственничного леса, привезённого из Нижнекамчатска, выстроили: дом для помощника начальника Камчатки, дом для чиновников из пяти комнат с кухней, цейхгауз, амбар, пороховой погреб.

### **1815**

Из тополёвого и ветлового леса построены дом для начальника Камчатки, гауптвахта, кузница.

### **1816**

*24 февраля* вышел указ об учреждении в Петропавловском порту Духовного училища. Из «Правил о существовании Камчатского Петропавловского Духовного училища»: 1. Духовное училище в Петропавловске составитя из двадцати пяти учеников и двух учителей. 2. Они разделяются на два класса. В первом будут обучаться чтению на российском и славянском языке, чистописанию и нотному чтению; во втором — арифметике, российской грамматике и катехизису...; 3. На содержание каждого ученика полагается по сто рублей...»

*19 июня* прибыл бриг «Рюрик» под командованием лейтенанта Отто Ефстафьевича Коцебу. Он впервые упоминает о существовании на одном из входных мысов Авачинской губы механического сигнального телеграфа. Участник экспедиции А. Шамиссо сообщает о наличии в Петропавловском порту библиотеки «из книг, оставленных здесь... путешественниками ещё со времен Беринга».

### **1817**

*Май.* Из Охотска в Петропавловский порт прибыл капитан 1-го ранга П. И. Рикорд, вступивший в должность начальника Камчатки.

Проведена седьмая перепись, по которой на Камчатке числилось 1 356 русских, 480 из них проживало в Петропавловском порту. В городе имелось около пятидесяти строений.

**1818**

3 мая прибыл шлюп «Камчатка» под командованием капитана 2-го ранга В. М. Головнина. В числе офицеров шлюпа были будущие исследователи Арктики Фёдор Матюшкин и Фердинанд Врангель, Фёдор Литке.

В Петропавловском порту по инициативе П. И. Рикорда открыта ремесленная школа.

Епископ Иркутский благословил строительство нового однопристольного храма во имя святых апостолов Петра и Павла, покровителей города.

По инициативе супруги начальника Камчатки Людмилы Ивановны Рикорд выстроена первая оранжерея, в которой выращивали рассаду.

На шлюпе «Камчатка» для Л. И. Рикорд привезены фортепиано и парные дрожки со всей утварью. В. М. Головнин писал: «Ныне Рикорд учинил лазарет, выписал сухим путём все нужные медикаменты, а морем мы ему привезли по его же требованию все госпитальные материалы; притом истребовал он двух искусных врачей, из которых один по гражданскому ведомству имеет попечение о больнице... Заведённая в Петропавловской гавани Рикордом ремесленная школа, для которой мы по его же требованию привезли все нужные инструменты и снаряды английской работы, также со временем принесёт большую пользу здешним жителям...

Супруга Рикорда немало также приносит пользы здешнему краю, подавая всем пример трудолюбия. Будучи рождена и воспитана в одном из самых прекрасных климатов Российской Империи, она с удовольствием предприняла многотрудный путь со своим супругом чрез всю Сибирь... в суровую Камчатку. Она соорудила первую ещё оранжерею в Камчатке: о сём роде хозяйства здешним жителям и по слухам не были известно; она научила их, что можно победить природу... деланием рассадников.

Я весьма счастлив себя почитаю, что сей почтенной даме мог принести удовольствие, доставив в Камчатку фортепиано и парные дрожки со всею упряжью. Первое удалось мне довести в совершенной сохранности. Для дрожек, к счастью, нашлись здесь две смиренные и довольно статные лошади, которые с первого раза пошли хорошо. Это был ещё первый экипаж на колесах в Камчатке от сотворения мир, и потому жители смотрели на него несравненно с большим удивлением, нежели у нас стали бы смотреть на того, кто по Петербургу поехал бы на собаках».

*Начало июня.* По инициативе П. И. Рикорда, поддержанной офицерами шлюпа «Камчатка», прах капитана Чарльза Клерка, Де ла Кройера, надгробный памятник, установленный в 1805 г. экипажем И. Ф. Крузенштерна, перенесены в центральную часть Петропавловска.

*19 июня* шлюп «Камчатка» отправился в Русскую Америку. Вместе с ним в Охотск ушёл транспорт «Сильф» под командой лейтенанта Ильи Дмитриевича Рудакова.

### **1819**

*25 октября* П. И. Рикорд обратился к сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому с проектом преобразования Петропавловской гавани в «звание настоящего порта». К проекту приложен план обустройства порта, штатный список, перечень необходимых материалов. На строительство порта ежегодно отпускалось пять тысяч рублей, которые П. И. Рикорду разрешалось «употребить их по его хозяйственному усмотрению, не стесняя его ни сметами, ни подробностями. Для Камчатки можно сделать от общих форм отступление...»

### **1820**

*4 июня* из Австралии прибыл шлюп «Открытие», совершавший кругосветное плавание из Кронштадта (командир капитан-лейтенант М. Н. Васильев). В конце июня шлюп «Открытие» отправился в Русскую Америку для встречи со вторым кораблём экспедиции, шлюпом «Благонамеренный».

*15 августа* прибыло судно Королевства Сандвичевых островов в соответствии с планами Рикорда завязать торговые контакты с королём Тамеамеа III.

*13 сентября* Адмиралтейств-коллегия в представлении морскому министру согласилась с предложениями М. М. Сперанского и П. И. Рикорда о застройке Петропавловского порта и с представленным проектом генерального плана порта.

*14 октября* в Петропавловском порту открыто двухклассное духовное училище. Указ об этом был подписан в 1816 г. В училище были присланы книги, составившие его библиотеку.

### **1820**

В порту построено три батареи с тридцати семью орудиями.

### **1821**

*8 сентября* прибыл шлюп «Открытие» под командой капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.

*21 сентября* пришёл шлюп «Благонамеренный» под командой капитан-лейтенанта Глеба Семёновича Шишмарёва.

*Осень.* П. И. Рикордом, офицерами шлюпов «Открытие», «Благонамеренный», помощником начальника Камчатки Аркадием Васильевичем Голенищевым, офицерами и чиновниками порта принято решение сборе средств по подписке на строительство в Петропавловске памятника В. Й. Берингу.

Памятник был заказан и изготовлен, предположительно, в Санкт-Петербурге, доставлен в Петропавловск и установлен, вероятнее всего, в 1826 г.

### **1822**

*Зима.* Начальник Камчатки П. И. Рикорд выехал из Петропавловска сухопутьем в Санкт-Петербург, поручив временное исполнение должности своему помощнику капитан-лейтенанту А. В. Голенищеву.

*13 августа* в Петропавловский порт прибыл шлюп «Аполлон» под командой капитана 2-го ранга С. Хрущёва.

*Ноябрь.* В должность начальника Камчатки вступил капитан 2-го ранга Фёдор Ефимович Станицкий.

*19 ноября* в Петропавловский порт переведено Камчатское духовное управление из Нижнекамчатска.

### **1823**

*10 сентября* в Петропавловский порт прибыл шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта А. П. Лазарева. Он писал: «1 октября по приглашению Ф. Е. Станицкого я имел удовольствие видеть полезный обряд, установленный предместником его П. И. Рикордом: все женщины по совершенствованию молебствия приносят богатства своих огородов в дом главного камчатского тоена, то есть начальника, который угощает всех по здешнему обыкновению чаем, осведомляется о произведениях и различает успехи хозяйства, нерадивых исправляет, объясняя какой вред происходит от лености, доказывает всю пользу, проистекающую от трудолюбия, которое тут же и при всех награждается выдачею разных подарков, как-то платков и других, нужных для дома вещей, сие одобрение приметно умножило количество огородных овощей в Камчатке».

### **1824**

*8 июня* прибыл шлюп «Предприятие» под командой капитан-лейтенанта О. Е. Коцебу. Научный отряд экспедиции был представлен астрономом В. Прейсом, натуралистами И. И. Эшшольцем, Э. Гофманом, Э. Ленцем, Г. Зибальдом.

*14 июля* произошло солнечное затмение. Астроном В. Прейс рассчитал долготу порта: 158°49'29'' востока. В тот же день физик



Э. Ленц, минералог Гофман и натуралист Зибальд предприняли восхождение на Авачинский вулкан, доставив оттуда образцы серы. Согласно показаниям барометра высота вулкана над уровнем моря равнялась 7 200 футов.

### **1826**

Население Петропавловского порта составляло 385 чел.

*11 июня* прибыл шлюп «Кроткий» под командой капитан-лейтенанта Ф. П. Врангеля.

*18 июня* в Авачинскую губу зашёл английский шлюп «Блоссом» под командованием капитана Ф. В. Бичи. Экспедиция Бичи была организована английским правительством для географических исследований побережья Северной Америки от Берингова пролива.

*24 ноября* освящён вновь отстроенный собор во имя Петра и Павла.

### **1827**

Аркадий Васильевич Голенищев, будучи помощником начальника Камчатки, направил в Государственный Совет «Записку о преобразовании Камчатского края», в которой наряду со многими предложениями была изложена необходимость заведения на Камчатке библиотеки, «дабы доставить чиновникам возможность с пользою употреблять свободное от службы время. Здесь же помещался список сочинений, могущих войти в состав казённой библиотеки, объединённых в следующие разделы: богословие, педагогика, изящная словесность, театральные сочинения, путешествия, история, география и статистика, книги для детского чтения, романы и всего пятьдесят семь наименований.

*22 июня* шлюп «Блоссом» вторично посетил Авачинскую губу. Англичане произвели гидрографическую съёмку губы. Ф. Бичи отметил, «что в саду губернатора находится памятник нашему соотечественнику капитану Клерку... на одной стороне широкой дорожки, покрытой гравием, в конце аллеи. На другой стороне стоит памятник в честь Беринга. Первый сооружён офицерами корабля Крузенштерна, а последний был прислан из Петербурга». В 1831 г. в Лондоне вышла книга Ф. В. Бичи «Записки о путешествии в Тихий океан и к Берингову проливу», где и приводятся эти строки.

*27 июня* началось извержение Авачинского вулкана, продолжавшееся несколько дней.

*13 июля* прибыл шлюп «Моллер» под командованием капитан-лейтенанта М. Н. Станюковича.

*13 сентября* пришёл шлюп «Сенявин» под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Литке.

## 1828

28 мая шлюп «Сенявин» вторично зашёл в порт.

Начало июня. Натуралисты экспедиции Ф. П. Литке — А. Постельс, Ф. Китлиц, К. Мертенс поднялись на Авачинский вулкан.

28 сентября начальник Камчатки капитан 2-го ранга Ф. Е. Станицкий сдал должность капитану 2-го ранга А. В. Голенищеву.

Голенищев в своём отчёте сообщает об «уже существующей порядочной библиотеке из книг, принадлежащих морскому и духовному ведомствам».

## 1829

Лето. В порту пребывал знаменитый немецкий физик и естествоиспытатель А. Эрман. В 1828—1830 гг. Он совершил путешествие по Камчатке для проведения геомагнитных измерений.

10 июня зашёл шлюп «Кроткий» под командованием капитан-лейтенанта Л. А. Гагемейстера. Корабль покинул гавань 3 октября.

В «Статистических сведениях Камчатской области за 1829 г.» упоминается ремесленная школа, на содержание которой отпущено 3 075 руб.

## 1830

В порту, включая Авачинское селение, числилось 609 чел.

По распоряжению А. В. Голенищева штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин провёл съёмку морского побережья от Авачинской губы до мыса Лопатки.

## 1831

Организована Камчатская земледельческая компания (её устав утвержден 18 августа) для поддержания земледелия и огородничества, находившаяся под попечительством начальника Камчатки. Целью компании было «увеличение хлебопашества, лесоводства, скотоводства, производство огородных овощей». Она заложила на реке Аваче хутор для посевов. Компания упразднена 12 ноября 1840 г.

С южной стороны Петропавловского собора над захоронением своей жены А. В. Голенищев пристроил придельный храм, названный во имя святых мучениц Веры, Надежды и Любви и предподобного Аркадия.

Голенищев ввёл порядок поднятия на Сигнальном мысу гюйса и приказал делать выстрелы «при захождении и восхождении солнца из зарёвой пушки, как это приличествует пограничному порту, согласно Указа Правительствующего Сената от 26 марта 1831 г.».

## 1832

Петропавловский порт населяют шестьсот двадцать четыре человека. В нём «отмечалось две улицы в длину семьдесят шесть саженей».

*Июль.* Прибыл военный транспорт «Америка» под командованием капитан-лейтенанта В. С. Хромченко.

## 1833

Началось строительство морского лазарета, в дальнейшем — морской Петропавловский полугоспиталь.

## 1834

В порту семьсот четырнадцать жителей, восемьдесят домов, все деревянные. Среди них: питейный дом, гауптвахта, десять лавок в квартирах торговцев, духовное училище, ремесленная школа, собор.

## 1835

*27 июня* прибыл из Кронштадта транспорт «Америка» под командованием капитан-лейтенанта И. И. Шанца. В составе экипажа находился лейтенант В. С. Завойко, будущий организатор и руководитель обороны Петропавловска в августе 1854 г.

*11 октября* А. И. Голенищев сдал должность начальника Камчатки капитану 1-го ранга Якову Ивановичу Шахову. Шахов назначен 17 января 1835 г.

## 1837

*19 августа* в Авачинскую губу прибыл французский шлюп «Венус» под командованием капитана Дюптитуара. Французы намеревались установить памятник своему знаменитому соотечественнику Ж. Ф. Лаперузу (в 1837 г. исполнялось пятьдесят лет со времени пребывания фрегатов Лаперуза в Петропавловске). Французский шлюп отбыл через семнадцать дней. Эскизы памятника были оставлены Я. И. Шахову, предложившему изготовить и установить памятник на местные средства.

## 1839

С 12 июля (времени отъезда Я. И. Шахова) по 7 октября 1840 г. (до приезда следующего начальника Камчатки Николая Васильевича Страннолюбского) Камчаткой управлял Глеб Семёнович Шишмарёв.

## 1840

Н. В. Страннолюбский предлагал школу, основанную им в бывшем здании старого морского госпиталя (в школе обучалось шесть человек), и ремесленную школу объединить под общим названием школы кантонистов и в число предметов включить преподавание ремёсел. Школа Страннолюбского собрала детей «кантонистов,

здешних матросов и казаков, не имеющих за собою никакого призрения, без занятий празднующихся по городу». В ней было пятьдесят пять детей возрастом от семи лет, обучали их бесплатно грамоте — писарь, арифметике — кондуктор корпуса флотских штурманов, закону Божьему — священник, строевой службе — унтер-офицер экипажной роты. Земледельческая компания жертвовала ежегодно на нужды школы 300 руб., хотя это суммы было недостаточно.

*15 декабря* открыта Камчатская епархия. Первым епископом назначен Иннокентий, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский (И. Вениаминов). Центром епархии определен Ново-Архангельск.

### **1841**

*6 мая* в Петропавловске произошло землетрясение, сопровождавшееся цунами.

Старший офицер транспорта «Або» А. Бутаков писал со слов очевидцев: «...землетрясение было здесь так сильно, что самые древние старожилы не помнят на своём веку подобного. Колокола собора звонили сами собою, трубы и печи в большей части домов развалились, вода несколько раз уходила быстро из Малой губы и потом вторгалась туда снова с такою силою, что угрожала затопить порт. Со стороны речки Колохтырки прилив возвысился футов на пятьдесят, наконец, недалеко от Орловки (окрестности Паратунки) земля дала трещину, из которой била ключом горячая вода...»

Сила подземных ударов, по словам очевидцев, была такова, что перекосившийся от ветхости Петропавловский собор был поставлен в «вертикальное положение». Другой участник этого плаванья Густав Блок дополняет: «...мне рассказывали о землетрясении, случившимся в Петропавловске месяца за четыре до нашего прихода. Оно было, как говорили, так велико, что размахи креста колокольной Петропавловского собора доходили до трёх футов в каждую сторону от вертикального положения шпица. Жители беспрестанными глухими подземными ударами были приведены в состояние панического страха; скот попадал со страшным мычанием, собаки подыали раздирающий вой. Это землетрясение продолжалось четверть часа...»

*20 сентября* в Петропавловский порт пришёл транспорт «Або» под командованием капитан-лейтенанта А. Л. Юнкера.

*Осень.* По поручению министра государственных имуществ П. Киселёва в Петропавловск прибыл агроном К. Кегель для

изучения возможностей развития на Камчатке сельского хозяйства. Он занимался исследованиями на полуострове до 1847 г.

### **1842**

*19 августа* в Петропавловск приехал епископ Иннокентий, предпринявший поездку по вверенной ему епархии. Он отметил, что «здание собора деревянное, ещё довольно крепкое, только колокольня и западная часть храма скривились на полдень от сильных ветров. Престол в церкви один во имя святых апостолов Петра и Павла. С правой стороны к нему пристроен придел совершенно отдельно во имя святых мучениц Веры, Надежды и Любви и преподобного Аркадия. Главная церковь очень обширна, внутри украшена благолепно; иконостас резной с колоннами, образа в иконостасе очень хорошей живописи, ризницей и утварью богата».

Епископ Иннокентий помог отстроить разрушенный придел и освятил его.

### **1843**

На перешейке между Сигнальной и Никольской сопками жителями города установлен памятник французскому мореплавателю Ж. Ф. Лаперузу. Памятник представлял собой деревянную, обшитую железом колонну с надписью на французском языке «Лаперузу». Перешеек долгое время носил название Лаперузова.

### **1844**

Упразднено Камчатское духовное училище в Петропавловске в связи с открытием духовной семинарии в Ново-Архангельске.

### **1845**

*2 мая* в Петропавловский порт прибыл из Кронштадта военный транспорт «Иртыш» под командованием капитана 1-го ранга И. В. Воняряльского.

*21 августа* вступил в должность (назначен 7 февраля 1844 г.) начальника Камчатки капитан 2-го ранга Ростислав Григорьевич Машин.

### **1848**

*12 мая* из Кронштадта в Петропавловский порт прибыл военный транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского.

*31 мая* транспорт «Байкал» отправился из порта к Сахалину. Результатом этой экспедиции стало открытие Татарского пролива и устья Амура, опровергнувшее существовавшие представления о несудоходности амурского устья и положившее начало развитию Приморского края.

Население Петропавловского порта составляло триста семьдесят человек. В порту насчитывалось девяносто пять деревянных домов, при каждом доме были огороды, «устроены две улицы», через двенадцать речек, протекающих поперёк улиц, были «устроены мостки: четыре с перилами, восемь — без перил». Почту отправляли один раз в год в декабре, через весь полуостров на собаках до Охотска.

### **1849**

*Июль.* На транспорте «Иртыш» прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв для знакомства с Авачинской губой и портом.

*2 августа* «Иртыш» с Н. Н. Муравьёвым отправился к Сахалину. Находясь на транспорте, Муравьёв пишет пространное письмо министру внутренних дел Л. А. Перовскому, где обосновывает необходимость упразднения Охотского порта и перевода его служб в Петропавловск, придания Камчатской области статуса губернии с подчинением её управления губернатору Восточной Сибири. Камчатским губернатором Муравьёв предлагает назначить начальника Аянской фактории РАК капитана 1-го ранга В. С. Завойко.

Подчеркивая сложность политической обстановки на Дальнем Востоке и возрастающей в связи с этим стратегической роли Петропавловского порта, Муравьёв высказывает серьёзные опасения о дальнейшей судьбе Петропавловска: «Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россиею, чтоб завладеть ею, и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст...»

*2 декабря* последовал высочайший указ об «образовании особой области, которой именоваться Камчатской областью. Управление этой областью... вверить военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства. Местопребыванием губернатора назначить Петропавловский порт». Камчатская область в границах 1849 г. включала в себя Курильские острова, Гижигинский округ и Чукотскую землю. Границы области: с севера — Ледовитый океан, с востока — Восточный океан, с юга — Японские владения, с запада — Охотское море и округа Охотский и Колымский Якутской области.

### **1850**

Указами от 15 и 22 февраля исправляющим должность Камчатского военного губернатора назначен капитан 1-го ранга

В. С. Завойко. Со 2 августа 1850 г. по 3 апреля 1855 г. он был губернатором Камчатской области.

*1 июля* введён в действие новый маяк на мысе Дальнем. «При устье губы деревянный маяк, коего высота от основания двадцать два, а от поверхности моря четыреста пятьдесят футов... Освещён с 1 июля по 1 ноября и будет ежегодно освещён в это время девятью лампами при таком же числе рефракторов».

*2 августа* В. С. Завойко на корабле РАК «Атха» прибыл в Петропавловский порт.

### **1851**

По инициативе В. С. Завойко из местного леса и кирпича в Петропавловске выстроены две казармы и одиннадцать флигелей, два магазина (склада). В гавани отсыпана пристань, прорублена десятивёрстная просека для дороги, соединявшей порта с селением Авача.

*22 июня* утверждён герб Камчатской области. «На рисунке герба сей области написано: В Петергофе 22 июня 1851 г. Собственной Его Императорского Величества рукою: “Утверждаю”. Описание сего означенного герба следующее: в серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы чёрного цвета. Щит увенчан золотую императорскою короною».

### **1852**

В Петропавловском порту действовали: штурманское училище, перенесённое из Охотска, где обучалось двадцать девять мальчиков, школа кантонистов с пятьюдесятью учениками-мальчиками. Упоминается одна общественная библиотека, состоящая из 1 800 томов, содержащаяся добровольными пожертвованиями офицеров и чиновников. В городе выстроено тринадцать казённых домов, семь торговых лавок.

Жителей в городе 1 693 чел., сорок казённых зданий разного ведомства, сто шестнадцать частных домов. К. Дитмар сообщает о Петропавловске: «Короткая долина между Шестаковской падью и Никольской горою, посреди долины лежит небольшой городок Петропавловск. Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казённые дома, стоящие очень просторно.

На середине, на свободной площади, помещалась православная церковь, далее — большой губернаторский дом, окружённый садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здание РАК».

## 1853

*10 января* в инспекционную поездку по полуострову из Петропавловска отправился военный губернатор Камчатской области В. С. Завойко.

## 1854

*19 июня.* В Петропавловск прибыл фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Изыльметьева.

*14 июля* в городе с большим опозданием узнали о начале Крымской войны и готовящемся нападении на тихоокеанское побережье (в апреле 1854 г. Англия и Франция подписали дополнительное военное соглашение и объявили войну России). Спешно началась подготовка к обороне порта.

*24 июля* из Де-Кастри прибыл транспорт «Двина» с воинским подкреплением для Петропавловского гарнизона. На транспорте «Двина» находился инженер-поручик Константин Мровинский, единственный квалифицированный военный инженер. «Был командирован в Петропавловский порт для заведывания инженерными работами. По прибытии на место я немедленно приступил к обозрению местности, выбору пунктов для батарей и разбивке оных. К 10-му августа батареи, числом шесть, были выстроены и вооружены», — читаем мы в его донесении от 14 ноября 1854 г.

Под руководством Мровинского перестраивали ранее созданные батареи, возводили новые. К приходу неприятеля батареи хотя и были вооружены, но ещё не закончены. На батарее № 4 не была окончена горжа, на батарее № 7 не был насыпан задний фас (вал). На батарее № 1 скала была одета фашинами только до половины высоты.

*10 августа* из Гамбурга пришёл клипер «Святая Магдалина», доставивший продовольствие.

*17 августа* в пределах видимости Петропавловского (Дальнего) маяка в море появилась англо-французская эскадра.

*18 августа* вражеская эскадра в составе шести кораблей под командованием контр-адмиралов Прайса и Депуанта вошла в Авачинскую губу. Началась героическая оборона Петропавловского порта.

*19 августа* эскадра провела боевую рекогносцировку. Смерть командующего контр-адмирала Прайса.

*20 августа* основной удар неприятеля приняли на себя батареи № 1 (командир лейтенант Пётр Гаврилов), № 4 (командир мичман Василий Попов), № 2 (командир лейтенант князь Дмитрий Максutow). Неприятель, заставив умолкнуть батареи № 1 и 4,



направил огонь всех орудий трёх фрегатов и парохода на батарею № 2 и обстреливал её в течение шести часов.

24 августа произошло решающее сражение. Основной удар англо-французов пришёлся на батареи № 3 (Смертельную) и № 7. Высаженный десант в количестве отрядов около девятисот человек отражён стрелковыми отрядами, составленными из защитников города. «Августа 24-го неприятель обратил атаку на северный пункт порта, защищённый двумя батареями, вооружёнными пятью пушками 24-фунтового калибра каждая. Обе батареи были горизонтные, действовали через амбразуры, а из батареи, построенной на возвышенности (№ 3), действовали через банк.

Неприятель разделил свою эскадру на две половины и, поставив одну половину против одной батареи, а другую против другой, открыл одновременно по ним смертоносный огонь. Заброшенные ядрами и бомбами батареи, имея всего десять орудий, не могли устоять против ста тринадцати орудий, в числе которых большая часть была бомбических (на берегу найдены ядра весом в восемьдесят пять английских фунтов), и после трёхчасового сопротивления орудия почти все были подбиты, и прислуга с батареей принуждена была отступить.

Пятидесятишестипушечный фрегат стал прямо против батареи № 3, на расстоянии двухсот пятидесяти сажень от неё, и открыл по ней самый беглый огонь. Батарея, несмотря на то, что была забрасываема градом ядер, действовала своими пятью орудиями превосходно, сбила на фрегате гафель с флагом, прострелила грот-и фок-мачты, сделала четыре подводные пробоины и, вероятно, ещё другие повреждения, о которых до нас известие не дошло. Зато и батарея, несмотря на выгодное возвышение ее над поверхностью моря, сильно страдала. Через час и час с четвертью часа у двух орудий была оторвана дульная часть, а у трёх остальных подбиты лафеты. Прислуги выбыло из строя больше половины.

Уже после первых выстрелов неприятеля действие батареи заметно замедлилось; земля от ударившихся в бруствер ядер поднималась вверх столбами, засыпала платформы и ослепляла людей. От этого и от убыли людей нельзя было орудия ни быстро откатывать, ни наводить; к концу дела батареи платформы почти сплошь были засыпаны землёю», — писал К. Мровинский в статье, анализируя состояние батарей и недостатки, допущенные при их устройстве.

Строки из воспоминания Дмитрия МаксUTOва: «Батареи держались недолго, в особенности № 3, где пал брат Александр, а вслед

за их падением неприятель высадил десант у батареи № 7. Последние дни моего пребывания в Камчатке (14 сентября он с донесением о победе и трофеями отправился в Аян на американском бриге «Нобль») были самые грустные. Брат мой страдал жестоко и, видимо, слабел. После хороших дней, стоявших во время пребывания неприятеля, начались осенние ненастья и дожди, крыша, пробитая осколками бомб, текла, как решето, сырость и перемена температуры скверно действовала на больных. Мровинский, имевший лёгкую рану в ногу, перенёс, а брат получил горячку и 10 сентября умер, 12-го числа его похоронили».

Выдержка из письма участника боёв мичмана Гаврила Токарева: «И к вечеру того же дня мы уже стояли со свечами в руках на первой панихиде за упокой души павшего на брани князя Александра. Грустно было смотреть нам на спокойное, бледное, улыбающееся лицо покойника... 12-го вечером было положение в гроб, и тело перенесли в церковь. 13-го началась заупокойная обедня и потом отпевание. Церковь не помещала желавших отдать последний долг храброму воину. Все были в глубоком трауре.

Офицеры-товарищи подняли гроб, за дверями церкви послышалась команда “на караул”, и дивизион аврорской команды отдал последнюю почесть своему любимому офицеру. День был прекрасный. Гроб нашего сослуживца несли до кладбища между зеленью довольно высокого кустарника, кое-где уже пожелтевшего. Осеннее солнце разливало лучи свои на Авачинскую губу, окружённую со всех сторон высокими горами.

Процессия поравнялась с фрегатом. Белое облако вырвалось из левого его борта, выстрел раскатился грохотом по горам и смешался с церковным пением. Тремя выстрелами прощался фрегат с одним из своих офицеров. После фрегата выстрел раздался с перешейка из того орудия, у которого ранен был князь, и ещё эхо гор повторило два выстрела с той же батареи. При опускании в могилу раздалось три прощальных залпа, и мы, бросив по горсти земли на гроб усопшего, возвратились в город».

В конце XIX в. деревянный крест на могиле героя Петропавловской обороны был заменён на ажурный металлический, установленный на четырёхгранный каменный постамент. Вокруг могилы возвели ограду.

*27 августа* в девять часов утра потерпевшая поражение англо-французская эскадра снялась с якоря и покинула воды Авачинской губы. Лейтенант фрегата «Аврора» Константин Пилкин, командовавший одним из отрядов, штурмовавших Никольскую

гору, писал: «27-го утром снова все суда начали сниматься с якоря, а у нас стали по орудиям, чтобы встретить по обыкновению незваного гостя. Суда снимались с якоря медленно, но всё-таки никто не хотел думать, чтобы они снимались для того, чтобы покинуть Петропавловск; возможно ли было предполагать, чтобы два адмирала таких наций, как Англия и Франция, с такими превосходными против Петропавловска силами, имели бы так мало гордости, чтобы отступить от какой-то деревушки, не причинив ей не только вреда, но ещё сами потерпев страшное поражение».

Защитники порта взяли трофеи: английское знамя Гибралтарского полка, пятьдесят шесть ружей, семь офицерских сабель. Неприятель потерял около трёхсот пятидесяти человек.

Этот успех произвёл на всех в России исключительное впечатление. Все участники боя были награждены орденами и медалями «За участие в Крымской войне 1853—1856 гг.» на Георгиевской ленте.

*2 сентября* в Петропавловск прибыл корвет «Оливуца» под командованием капитан-лейтенанта Н. П. Назимова.

*14 сентября* на американском бриге «Ноубл» в Охотск и далее в Петербург с рапортом В. С. Завойко о Петропавловском сражении и военными трофеями отправился лейтенант Д. П. Максutow.

*17 ноября* генерал-майор В. С. Завойко произведён в контр-адмиралы. Генеральский чин ему был присвоен 25 июня 1853 г.

## **1855**

*3 марта* прибыл адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва есаул Мартынов с приказом об эвакуации Петропавловского порта в Амурский лиман.

*5 апреля*, погрузив вооружение, имущество порта, военных и гражданских лиц, русская эскадра в составе корвета «Оливуца» под флагом В. С. Завойко, фрегата «Аврора», транспортов «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1 вышла из Авачинской губы в океан. Гражданское управление Камчаткой было возложено на исправника, небольшую воинскую команду Петропавловска возглавил есаул Мартынов.

Из обращения В. С. Завойко: «Подведомственные мне штаб-и обер-офицеры и нижние чины, неумолимо трудившиеся всю зиму над постройкой укреплений и постановкой на них орудий, показали и в настоящем случае примерное усердие и самоотверженность. Только при такой ревности подчинённых моих к службе возможно было снять Петропавловский порт в течение месяца, и это даёт мне повод надеяться, что и в предстоящем нам плава-

нии все будут воодушевлены тем же усердием, и суда вовремя и беспрепятственно достигнут места своего назначения. Если же, сверх ожидания, мы встретим в море сильного неприятеля, то или отразим его, или погибнем, не отдав врагу русских военных судов и славного русского флага».

Благополучно разминувшись с неприятельскими судами, находившимися в это время в районе мыса Шипунского, русская эскадра 1 мая прибыла в залив Де-Кастри.

10 мая в Петропавловск из Японии прибыла шхуна «Хеда» под флагом адмирала Е. В. Путятин. Путятин не был информирован об эвакуации порта и блокировании бухты неприятелем. Воспользовавшись непогодой, «Хеда» вырвалась из Авачинской губы и направилась к устью Амура.

8—18 мая. Англо-французская эскадра в ожидании подхода ещё нескольких кораблей крейсировала перед входом в Авачинскую губу. К 18 мая неприятельский флот собрался в полном составе: корабли «Энкаунтер», «Барракуда», «Альцеста», «Бриск», «Эвридика», «Монарх», «Пайк», «Дидо» и «Президент» под флагом командующего английской тихоокеанской эскадрой адмирала Брюса.

19 мая неприятельская эскадра, не подозревавшая о снятии порта, вошла в Авачинскую губу, надеясь взять реванш за прошлогоднее поражение. К этому времени всё оставшееся после эвакуации население города ушло в глубинные сёла. Предприняв через несколько дней разведку, англо-французы обнаружили пустой город. В донесении английскому адмиралтейству Брюс описал посещение Петропавловска: «Я нашёл его совершенно покинутым, там не осталось ни одного человека, ни одного судна, ни одной пушки, виднелись только пустые амбразуры батарей и оставленные дома». Далее адмирал высоко оценивал оборонительные работы, проведенные русскими за минувшую зиму по укреплению города и порта. Единственные из оставшихся в городе трое американцев не могли дать вразумительных объяснений о месте назначения ушедшей русской эскадры.

К 8 июня в Петропавловске остался один английский корвет «Тринкомалей». При посредничестве американцев англичане и русские обменялись военнопленными, захваченными в августе 1854 г.

15 июня англо-французская эскадра покинула воды Камчатки, направившись к Ситхе (Русская Америка).

## 1856

3 апреля камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта назначен капитан 1-го ранга П. В. Казакевич.

*31 октября* последовал правительственный указ об образовании Приморской области во главе с военным губернатором с центром в Николаевске. Камчатка со статусом Петропавловского округа вошла в Приморскую область.

**1858**

*7 февраля* вышел императорский указ об учреждении «каждогодно крестного хода в 24-й день августа в Петропавловском порту в день избавления оного от нападения англо-французского десанта в 1854 году».

**1860**

*1 марта* открыта школа для первоначального обучения «на счёт суммы, ассигнованной из городских доходов, в ней учатся шесть мальчиков».

**1861**

Летом в Петропавловск из Николаевска прибыла шхуна «Восток». С ней — новый правитель Камчатки (Петропавловского округа) капитан-лейтенант Сутковой.

В этом году порт посетил корвет «Калевала». Пребывавший на его борту А. К. Де Ливрон писал: «Петропавловск по своему стратегическому и коммерческому положению считается столицей Камчатки; он когда-то раньше, до захвата нами Амурского края, был военным портом, но в настоящее время может хвалиться дивною красотой своей природы, украшенной тремя огромными огнедышащими горами».

**1865**

*16 августа* в Петропавловском соборе совершена Божественная литургия в честь открытия церковного училища, а в сентябре начались занятия. Капитан-лейтенант Сутковой выделил для него одну комнату в занимаемом им казённом доме.

**1866**

*Середина июня.* В Петропавловск прибыл корвет «Варяг» под командованием капитан-лейтенанта Р. А. Лунда. Корабль пришёл для содействия американской компании Коллинса, разворачивавшей работы по сооружению телеграфной линии между Америкой и Европой через Сибирь. Служивший на «Варяге» гидрограф лейтенант К. С. Старицкий произвёл в Авачинской губе магнитные наблюдения, определил высоту сопок Авачинской, Корякской, Вилючинской.

Он записал: «Петропавловск — слава нашего флота, и достопамятная защита его против английской и французской эскадр сохранилась в памяти его обывателей, они... водили нас по всем

окрестностям и передавали подробности высадки неприятеля, рукопашной борьбы с ним и полного его поражения. Следы батарей на Перешейке, на Косе и на Сигнальном мысу, шпильки, врытые в землю для вытаскивания тяжелых орудий на обрывы, надписи на крестах и большие могилы над убитыми англичанами и французами, сложившими свои головы в Петропавловске, свидетельствовали о совершившихся делах».

### 1871

*24 августа* из Гижигинской губы прибыл корвет «Боярин». Экипаж корабля принял участие в праздничных торжествах, посвящённых разгрому англо-французов в Петропавловске.

В этом году был подписан контракт с торговым домом «Гутчинсон, Кооль и К<sup>о</sup>» на эксплуатацию котиковых лежбищ и морских богатств, и, как следствие этого, принято решение о постоянном крейсерстве у берегов Камчатки, островов и Северо-Восточного побережья Тихого океана с целью охраны и наблюдения. Все суда, принимавшие участие в крейсерстве, заходили в Петропавловский порт.

*14 октября* из Владивостока пришло судно «Беринг» с оборудованием для камчатских маяков и мастерской командой.

### 1877

*15 июня* в порт прибыл клипер «Гайдамак» под командованием капитан-лейтенанта Тыртова. Клипер выполнял крейсерские операции в Тихом океане.

Пассажир «Гайдамака» К. К. Нейман, учёный секретарь Сибирского отдела Русского Географического общества, написал о своём пребывании в городе: «Прежде всего посетили церковь имени Святых апостолов Петра и Павла. Эта церковь вся привезена из Америки и выстроена на счёт Американской компании... Рядом с нею находится старая церковь, которую начали строить в 1806 г. в бытность в Петропавловске первой кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна и в которой похоронен был известный спутник знаменитого Кука капитан Клерк... От старой же церкви, которую начали строить при Беринге в 1740 г., кроме камня, означающего место алтаря, ничего не осталось... В церковной ограде находится памятник нашему русскому Колумбу, несчастному Берингу...

На другом берегу бухты воздвигнут памятник знаменитому французскому мореплавателю Лаперузу, он осквернён собственными его соотечественниками, которые в 1854 г., будем надеяться, что по ошибке, стреляли по нему картечью.

Недалеко от Сигнального мыса, на котором стоит только что упомянутый памятник, мы увидели три креста над двумя большими могилами, над одной из них, более обширной, стоят два креста, под которыми лежат бранные остатки убитых на этом месте в достопамятный для Петропавловска день 24 августа 1854 г. англичан и французов, а под другим холмом покоится прах геройских защитников России...

В этом году крест над французской могилой был возобновлен одним из орлеанских принцев, герцогом Пантьерским, а над другими двумя — нами.

На обратном пути в город в самом конце бухты мы замечаем остов древнего судна, от которого торчит лишь несколько рёбер. Это останки когда-то гордого судна, на которое возлагались большие надежды в учёном мире, на нём отправился на север для открытия северо-восточного прохода известный Биллингс, оно называлось «Слава России».

### **1879**

Епископ Мартиниан освятил выстроенную в 1878 г. тёплую церковь без колокольни с одним престолом Во имя святителя и чудотворца Николая епископа Мирликийского и Иннокентия — первого епископа Иркутского. Церковь была одноэтажной, деревянной, построена из разобранный старого храма с прибавлением нового леса.

### **1881**

22 июля в Петропавловск прибыл крейсер «Африка» под командованием капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева. Среди офицеров корабля находился лейтенант В. Ф. Руднев, будущий командир легендарного крейсера «Варяг».

По ходатайству окружного врача Бенедикта Ивановича Дыбовского привезено оборудование для метеостанции: барометр, жестяная клетка с психрометром, гигрометр, флюгер и прочее, всего на сумму 362 руб.

Из рапорта контр-адмирала Асланбекова, командующего отрядом судов в Тихом океане, от 24 августа 1881 г.: «Съехав на берег, я зашёл во все три русские церкви, здесь находившиеся. В одной из них, старой, выстроенной на месте ещё древнейшей, имеются два исторических образа: один апостола Петра, бывший в плавании с знаменитым капитаном Берингом, который его офицеры отделили в серебряный оклад, а другой во имя апостолов Петра и Павла, сделанный на пожертвования участников Петропавловского боя, в память этого славного дня».

**1882**

24 августа на Петропавловской кошке при содействии моряков крейсера «Африка» и клипера «Вестник» открыт памятник «Слава» в честь героических защитников порта в августе 1854 г. В. Ф. Руднев так описал эту церемонию: «24 августа, в годовщину Петропавловского боя, состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г. Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе даёт возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золочёной верхушкой. Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р. (Руднева. — И. В.), к этому времени прибыло духовенство.

Когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперед на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашёва... С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем».

Памятник был изготовлен из чугуна «Компанией Санкт-Петербургских металлических заводов». Его части были покрашены светло-серой краской. Крест на памятнике — литая бронза с позолотой. Шар, шейка, купол с «остроконечностями» были сделаны из красной меди с позолотой. Расходы на содержание памятника вписывались в городскую смету.

На перешейке между сопками Никольской и Сигнальной построен новый памятник Лаперузу. Он был изготовлен по инициативе и на средства польского ссыльного, учёного Б. И. Дыбовского. Памятник представлял собой высокий деревянный крест. На прикрепленной к нему овальной табличке была вырезана надпись по-французски: «Ла Перуз».

**1884**

Население города вместе с выселками Сероглазкой, Халактыркой, Старым Острогом составляло пятьсот человек.

В этом году были установлены два маяка, служившие для опознания входа с моря в Авачинскую губу и на внутренний рейд Петропавловска. Первый — на восточном мысе при входе в Авачинскую губу (место старейшего маяка) представлял собой восьмигранную башню, обшитую досками, выкрашенную в белый цвет с красной крышей. Аппарат на маяке состоял из пятнадцати ламп,



дававших белый огонь. При маяке был дом для помещения смотрителя и команды и шестивесельный вельбот. Второй — располагался вблизи города, на берегу кладбища. Он назывался «Гаванский огонь».

### **1885**

На могиле павших при обороне Петропавловского порта в 1854 г. построена часовня с одним престолом во имя Святого благоверного князя Александра Невского и святых мучениц Веры, Надежды и Любви.

### **1886**

*1 января* общество «Добровольный флот» объявило об открытии судовых грузопассажирских перевозок из Владивостока по Охотско-Камчатскому побережью с заходом в Петропавловск. Рейсы должны были осуществляться летом и осенью, их периодичность зависела от метеорологической и навигационной обстановки. На эту линию был поставлен пароход «Владивосток».

Он был не первым судном, ходившим в Охотско-Камчатском районе. Пионером следует считать пароход «Камчатка», принадлежавший известному дальневосточному предпринимателю А. Ф. Филиппеусу. В 1875 г. тот заключил с правительством контракт на грузопассажирское обслуживание побережий сроком на сорок лет. Приняв грузы в Японии, «Камчатка» шла во Владивосток за пассажирами и товарами, затем следовала в Николаевск, Аян и пункты западного и восточного побережий Камчатки с заходом в Петропавловск.

### **1888**

*24 июля* из Владивостока прибыл корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга С. О. Макарова, впоследствии выдающегося флотоводца, учёного, изобретателя. «Витязь» пришёл на Дальний Восток для осуществления обширной программы океанографических исследований, принесших Макарову мировую известность.

### **1889**

*Август.* Из Владивостока пришёл клипер «Разбойник» под командованием капитана 1-го ранга Вульфа. Клипер следовал к устью Анадыря с пассажирами и грузами для основания Ново-Мариинского поста (будущего Анадыря). Эту миссию возглавлял доктор Л. Ф. Гриневецкий, будущий начальник учреждавшегося Анадырского округа. В Петропавловске клипер принял на борт десять казацких семей, добровольно решивших переселиться на устье Анадыря.

## 1890

У подножия Никольской сопки построена первая в Петропавловске метеостанция. В 1894 г. её перенесли к Петропавловскому маяку.

## 1892

В Петропавловск прибыл крейсер «Забияка». Экипаж корабля соорудил новый памятник Лаперузу (третий вариант). Памятник был установлен взамен обветшавшего на перешейке между Сигнальной и Никольской сопками. Перенесённый позднее на улицу Ленинскую, он сохранился до наших дней почти в первоначальном виде.

В этом году была сделана попытка создания общества по изучению Камчатки. Его председателем избрали доктора Багинского, который с 1890 г. постоянно вёл метеонаблюдения. Составили список действительных, почётных членов и сотрудников общества, приняли устав.

Первый параграф устава гласил: «Общество имеет целью всестороннее изучение полуострова Камчатка, близ него находящихся островов и сопредельных местностей и ознакомления с ними посредством собранных коллекций и разных сведений... научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинений об указанных местностях».

Четвёртым параграфом устава в Петропавловске учреждался музей, «цель которого дать возможно полное представление об естественных условиях и богатстве названных местностей, быте, производительности и истории населения. Музей открыть для публики в особо назначенные дни».

Но учредители общества не соблюли бюрократической последовательности прохождения документов. В 1898 г. они получили телеграмму следующего содержания: «Общество до получения законного разрешения функционировать ни в коем случае не может».

## 1897

В Петропавловск прибыл генерал-губернатор Приамурской области генерал-лейтенант С. М. Духовский. Он стал первым за полвека высоким должностным лицом, посетившим Камчатку. «Нет ничего удивительного, если в оставленной таким образом вне забот и попечительства правительства стране, лишённой почти совершенно сообщения с остальным миром, всё ранее начатое не только остановилось, но жизнь пошла назад. С сосредоточением внимания администрации исключительно на Амуре и южных частях края, интерес к северным округам до такой степени

упал, что у местного начальства не было почти никаких сведений о положении и внутреннем быте населения названных округов в последующее за упразднением Камчатской области время...

Я с глубокой скорбью остановился на той картине разрушения и запустения, которую представляет теперешний Петропавловск, этот порт, обладающий чудною бухтой, бывший областной центр, имеющий в своей истории воспоминания о достопамятных днях 20—24 августа 1854 г. — Петропавловском бое. Небольшая группа потемневших, со следами разрушения домов, ничтожное число, менее четырёхсот жителей...»

*1 июня закончилось строительство новой чугунной башни Петропавловского маяка. Возведены новый жилой деревянный дом, баня.*

*Для города выписана пожарная машина за 503 руб. 34 коп.*

**1898**

*16 февраля в селе Великая Мечетня Полтавской губернии скончался «полный» адмирал В. С. Завойко.*

**1901**

*8 июля в поселке Тарья (ныне Приморский) пущен в эксплуатацию первый на Камчатке рыбоконсервный завод. «В Тареинской губе Камчатское торгово-промышленное общество построило огромный, по тем временам, консервный завод, стоивший несколько сот тысяч рублей».*

**1902**

*24 мая северные округа: Петропавловский, Охотский, Гижигинский, Анадырский, Командорские острова переименованы в уезды.*

*В Петропавловске японские рабочие выстроили из «красной американской сосны» на бутовом фундаменте училище. Одноэтажное здание имело два класса, библиотеку, рекреационный зал. Началось сооружение первого двухэтажного здания — городской больницы, в которой работал окружной врач В. Н. Тюшов, занимавший эту должность с 1899 г.*

*Консервный завод Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО) был перенесён в Усть-Камчатск. В городе построили дом под контору КТПО, три дома для лепрозория в бухте Раковой, частные дома Подпругина, Чурина. «Большинство домов в городе возводилось из японского леса, доставленного морем на шхунах, и японскими мастерами».*

**1903**

*Канонерская лодка «Манджур» обходила берега Камчатки и Командорских островов. Её командир, капитан 2-го ранга Кроун писал: «Вся Камчатка находится как бы в осадном положении от*

наплыва хищников японцев и систематически ведущих дело к точному подчинению Камчатки влиянию Японии. Ловко воспользовавшись заброшенностью этого края, японцы вселили убеждения в жителей, что не сегодня-завтра ненужную для России Камчатку, по примеру Аляски, продадут Японии...

Камчатка вовсе не глыба льда и снега, не царство мрака и холода, которую она может казаться всем не побывавшим в ней. Это край нетронутого богатства... В будущем, если оправдается мнение лиц, её изучающих, то представит одно из первых мест в числе мировых поставщиков угля, золота и других ценных ископаемых пород».

Начальником Петропавловского округа назначен А. П. Сильницкий.

*9 июня* в 14.00 началось извержение Авачинского вулкана.  
**1904**

*16 июля* в ходе начавшейся русско-японской войны у реки Озерной русскими ополченцами разгромлен воинский десант японцев. В сражении принимали участие дружинники из Петропавловска во главе с прапорщиком Ц. Жабо.

*Июль.* Из Петропавловска в Приморье выслан объявленный сумасшедшим начальник Петропавловского округа А. П. Сильницкий. Его деятельность на Камчатке оставила заметный след. Будучи до назначения на Камчатку крупным чиновником Приамурского генерал-губернаторства, затем редактором газеты «Приамурские новости», Сильницкий настойчиво боролся с казнокрадством, произволом администрации. За четырнадцать месяцев управления Камчаткой он успел разоблачить многие преступные действия местных властей, торговцев, смог улучшить материальное положение рыбаков и охотников, коренного населения полуострова. Всё это вызвало жёсткое противодействие местных чиновников, рыбопромышленников, купечества. В результате их происков Сильницкий был признан сумасшедшим и по распоряжению министра внутренних дел Плеве вывезен из Петропавловска.

По прибытии в Иркутск он был в законном порядке освидетельствован и признан здоровым, восстановлен в прежней должности редактора «Приамурских новостей».

**1905**

*30 июля* в Авачинскую губу вошли японские крейсера «Сума» и «Идзума». Обстреляв покинутый жителями город из орудий, японцы высадили десант, в течение нескольких дней занимавший город, осквернивший часовню на могиле погибших в августе 1854 г.

**1907**

*15 июля* в Петропавловске произошло землетрясение.

**1908**

*24 марта* приамурский генерал-губернатор инженер-генерал Пётр Фёдорович Унтербергер представляет записку «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края», в которой пишет: «Для ограждения северных окраин и в первую очередь Камчатки от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими, чему должно предшествовать подробное изучение местных условий заселяемых мест, с соблюдением со стороны новоселов интересов старожилов... Оставлять эту окраину в зависимости от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами в отдельную область во главе с губернатором, обеспечив при этом областную администрацию, как надёжными средствами надзора, так и передвижения».

*26 мая* на пароходе «Эйтин» из Владивостока прибыл первый отряд Камчатской экспедиции Русского Географического общества, снаряженной на средства Ф. П. Рябушинского. Экспедиция состояла она из шести отрядов: ботанического, метеорологического, этнологического, зоологического, геологического.

В конце мая на транспорте «Люцун» прибыл второй отряд экспедиции Рябушинского.

**1909**

*17 июня* Петропавловский уезд получил статус самостоятельной области. Были утверждены законы об административном переустройстве Приморской области. Из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорских островов была образована Камчатская область, входящая в состав Приамурского генерал-губернаторства во главе с губернатором.

*30 августа* к обязанностям губернатора приступил Василий Власьевич Перфильев, исполняя эту должность до августа 1912 г. В. В. Перфильев, уроженец Забайкальской области, окончил Харьковский университет, окончил курс наук в Военно-медицинской академии, получил степень лекаря и прибыл в Хабаровск в 1893 г. на должность врача для командировок, затем исполнял ординаторские обязанности в Хабаровском военном полугоспитале. В 1897 г. его назначили делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора и произвели в коллежские асессоры. Позже он был назначен правителем канцелярии Приамурского генерал-

губернатора, в 1909 г. он заведовал путевой канцелярией у генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера.

В 1909 г. Петропавловск «представлял собой длинную улицу, на которой стояли семьдесят небольших деревянных домов, самой непричудливой архитектуры, построенных без всякой системы, много лавок, среди которых большинство принадлежало китайцам и японцам. В городе было две церкви, городская школа с семьюдесятью шестью учащимися, единственное на полуострове двухэтажное здание больницы на шесть кроватей с амбулаторией и аптекой, дом КТПО и торгового дома «И. Я. Чурин и К<sup>о</sup>», пристань на сваях, построенная КТПО. Все здания в городе построены из американского и японского леса, за неимением в окрестностях собственного строевого леса», — писал в своём «Отчёте по рекогносцировочным исследованиям в 1909 г. рек Авачи, Быстрой, Большой» инженер П. Крынин.

В Петропавловск доставлены: шесть лошадей и столько же телег, вагонетки, рельсы для узкоколейки. Всё это требовалось для перевозки стройматериалов. Город продолжал быть деревянным, поэтому потребовались ручная пожарная машина, десять огнетушителей, шланг, крючья, бочки для воды на колесах, ведра, ломы.

### 1910

*24 апреля* Синод утвердил устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемилоственного Спаса, общество содействия успешному распространению православия среди коренных жителей Дальнего Востока и Камчатки, укрепления православной веры и ограждения края от неправославного влияния.

Делами братства заведовал братский совет в составе десяти человек, находящийся во Владивостоке. Братство имело отделения в европейской части России. Его членами могли быть миряне и духовенство. Братство находилось под покровительством наследника цесаревича Алексея Николаевича. Основатель братства — иеромонах Нестор, миссионер Корякской походной миссии, приехавший на Камчатку в мае 1907 г. после окончания реального училища и миссионерских курсов при Казанском духовном училище.

В уставе говорилось, что «братство состоит из почётных попечителей, учредителей и членов почётных и действительных. Почётными попечителями признаются лица, оказавшие делу распространения православного просвещения в Камчатской области выдающиеся услуги, а также жертвователи, внёсшие единовременно в пользу братства не менее трёхсот рублей».

Летом прибыл третий (этнологический) отряд экспедиции РГО под руководством В. И. Иохельсона.

*8 августа* из Владивостока на военном транспорте «Шилка» приехал приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, совершавший инспекционную поездку.

В трёх верстах от города у подошвы горы Зеркальце построены первые здания сельхозфермы: жилой дом, скотный сарай, сарай для фуража и инвентаря. При ферме и городском училище устроены опытные огороды, на которых посадили кусты ягоды и фруктовые деревья, доставленные из Южно-Уссурийского края.

### **1910**

*10 ноября* в Петропавловске введена в строй первая на Камчатке радиотелеграфная станция, имевшая связь с Николаевском-на-Амуре. Начата постройка воздушной телеграфной линии от Петропавловска до Тигиля. К декабрю её довели до Большерецка.

Начали работать научно-промышленный музей и общественная библиотека.

### **1911**

*4 января* вместе с аппаратурой сгорела недавно построенная радиотелеграфная станция. Из-за сильной пурги и отдаленности от города и недостатка пожарных средств спасти их не удалось. Вместо сгоревшего построено новое железобетонное.

В 1911 г. при Петропавловском городском училище открыли двухгодичные педагогические курсы, готовящие учителей народных школ.

В городе проживало 924 чел., летом население увеличивалось до 1 200 чел., «ввиду временного пребывания торговцев, рабочих, промышленников».

### **1912**

*25 марта* губернатором Камчатской области становится действительный статский советник Николай Владимирович Мономахов. Он получил воспитание в Первом военном Павловском и Михайловском артиллерийском училищах. С 1906 г. вице-губернатор, затем губернатор Вологодской губернии, с июля 1910 г. — вице-губернатор Приморской области.

*18 апреля* подписан акт о приёмке здания для почтово-телеграфной конторы на ул. Большой.

*21 декабря* открылось отделение Православного Камчатского братства. На общем собрании прихожан председателем отделения был избран настоятель Петропавловского собора протоиерей Даниил Шерстенников, благочинный камчатских церквей.

*23 декабря* торжественно освящена и открыта второклассная учительская церковно-приходская школа. Занятия в ней начались ещё 2 сентября. Заведующий — Д. Шерстенников.

В 1912 г. организована ветеринарная лаборатория во главе с ветеринарным инспектором С. М. Грюнером. В Петропавловске насчитывается триста шестнадцать домов, из них сто тридцать пять нежилых, две церкви. На Большой — центральной улице города появилось керосинокалильное освещение. Для освещения казённых зданий использовали четыре керосиново-калильных фонаря «Солнце» силою в две тысячи свечей.

Вышла книга протоиерея Д. Шерстенникова «Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке».

Население города насчитывала 1 680 чел.

В Петропавловск пришло охранное судно «Адмирал Завойко», предназначенное для областной администрации. Построено на Охтинском заводе Вильяма Крайтона. Длина 58,6, ширина 8,5, осадка 3 метра, водоизмещение 577 тонн, скорость хода 11, 5 узлов, дальность плавания 2 500 миль, экипаж 57 чел. В апреле 1921 г. судно отправлено с оружием и продовольствием для партизанам Камчатки (командир А. И. Ключ). В апреле 1923 г. переименовано в «Красный вымпел», переведено в класс сторожевых кораблей. В 1928—1929 гг. корабль принимал участие в ряде гидрографических экспедиций. Первый корабль Тихоокеанского флота. Был штабным кораблём, базой для подготовки личного состава, с 1940 г. — учебный корабль. В годы Второй мировой войны прокладывал подводные кабели, обеспечивал стоянки подводных лодок, участвовал в боевых действиях в Корее. 20 июля 1958 г. решением Военного совета Тихоокеанского флота «Красный вымпел» объявлен мемориальным кораблём-музеем и поставлен на вечную стоянку в бухте Золотой рог во Владивостоке.

### **1913**

*1 января* Петропавловское городское училище преобразовано в высшее начальное училище.

*26 апреля* утверждён герб Петропавловска: «В серебряном щите три чёрные сопки с исходящим пламенем. Вокруг гербового щита — два золотых якоря, соединённых Александровскою лентой, наверху — золотая трёхбашенная корона».

*27 октября* из Владивостока пришли ледакольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», отправлявшиеся в очередную экспедицию в Арктику.



В 1913 г. на братской могиле павших в 1854 г. по проекту областного инженера К. А. Заранека построена часовня. Прежний храм перенесён на место пришедшего в негодность зимнего собора.

В городе издаётся первая камчатская газета «Петропавловский листок объявлений».

#### **1914**

*1 июня* открылась типография, приобретённая для канцелярии губернатора. Здесь печаталась газета «Камчатский листок», отчёты губернатора, некоторые книги. Редакция газеты размещалась в доме А. П. Журавского на Второй улице.

*14 августа* построена первая коммунальная электростанция мощностью 12 кВт.

*8 октября* завершено сооружение грунтовой дороги от Петропавловска до селения Завойко (ныне Елизово).

В 1914 г. построено здание для литературно-музыкально-драматического общества, вскоре переименованное в «Театр имени С. М. и Н. В. Мономаховых. На правом берегу реки Поганки сооружена железобетонная сейсмическая станция 2-го разряда из железобетона. Здание с каркасом из балок с арматурой из железа и проволоки состояло из аппаратной и прихожей. Привезён и установлен гранитный памятник английскому мореплавателю Клерку.

#### **1915**

Население города насчитывает 1 189 чел.

#### **1916**

Учреждена Петропавловская и Камчатская епархия. Епископом назначен Нестор.

#### **1917**

*Март.* После отречения императора Николая II Камчатская область управлялась Комитетом общественной безопасности. С марта 1918 по июль 1918 г. — Советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, с июня 1918 г. по январь 1920 г. — комиссаром от правительства А. В. Колчака, с января 1920 г. по октябрь 1921 — Военно-революционным комитетом, с октября 1921 г. по 10 ноября 1922 г. — особоуполномоченным в Охотско-Камчатском крае правительства братьев Меркуловых. 10 ноября 1922 г. восстановлена советская власть в лице областного народно-революционного комитета. В ноябре 1922 г. область переименована в Камчатскую губернию, включавшую шесть уездов (Анадырский, Чукотский, Гижигинский, Охотский, Командорский и Петропавловский) и входила в состав Дальневосточной области.

*5 ноября* выборы в первую Петропавловскую городскую Думу.

**1918**

28 февраля вышел в свет первый номер газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов г. Петропавловска» (в дальнейшем областная газета «Полярная звезда», «Камчатская правда»).

1 сентября избрана вторая Петропавловская городская Дума.

**1919**

19 августа избрана третья Петропавловская городская Дума.

**1920**

20 июня избрана четвёртая Петропавловская городская Дума.

**1923**

10 февраля решением Камчатского губернского революционного комитета утверждено новое наименование городских улиц.

**1924**

По постановлению Президиума ВЦИК город стал называться «Петропавловском-Камчатским».

#### ИСТОЧНИКИ

1. *Витер И. В.* Хроника строительства Петропавловска. 1740—1923. — Петропавловск-Камчатский, 1998.

2. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). — Петропавловск-Камчатский, 2000.

3. Документы архивов: Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Камчатского края (ГАКК).

4. *Мартыненко В. П., Захарова Н. И.*, Петропавловск-Камчатский. Краткая хроника событий (1917—1988) // Камчатка. Лит.-худ. сб. — Петропавловск-Камчатский, 1990. — С. 138—149.

5. *Мартыненко В. П.* Петропавловск-Камчатский. Историческая хроника. 1703—1917 // Камчатка. Лит.-худ. сб. — Петропавловск-Камчатский, 1988. — С. 162—185.

6. Петропавловск-Камчатский. 1740—1990. История города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

7. Петропавловск-Камчатский. Историко-географический атлас. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

8. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799—1815. Сб. док. — М., 1994.

9. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.

10. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. Сб. док. — М., 1989.

11. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1857 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6—8.

12. Тимофеев Д. Н. Хронологическая таблица событий в истории освоения Камчатки // Краеведческие записки. Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 1973. — С. 149—154.

### Камчатскій Листокъ

# ФОТОГРАФИЯ

Удостоенная на Хабаровской выставке

Похвального отзыва.

Принимаемъ всевозможные фотографические заказы.

Ввиду значительнаго повышенія цѣнъ на

фотографическія пластинки, бумагу и химическіе продукты цѣны Фотографіи слѣдующіе:

	12 ш.	6 ш.
Визитные .....	8	5
Открытки .....	8	5
9 X 12 .....	10	8
Кабинетныя Глянцевыя ..	15	8
Тоже матовыя .....	18	10
Группы 18 X 24 .....	36	20
Тоже 24 X 30 .....	50	36
Открытки мѣстныхъ видовъ. 33 к. за ш.		
При заказѣ уплач задатокъ, половину.		
Съ почт. Фот. Е. Колмаковъ.		

Торговля Федора Ивалю  
внча Сунигунъ

Въ г. Петропавловскѣ. Большая улица

Отдѣленіе: Въ будъ барона Корфа, сел. Мильково и Алагорки.

Торговля всевозможными товарами: Русскими, европейскими, амери-  
канскими, китайскими, и японскими.

Цѣны вн конкуренціи.

## Торговля Л. А. Лазарева

Большая улица домъ А. П. Кантора

Большой выборъ Дѣтскихъ игрушекъ. Всевозможные бакалейные товары, галантерея и проч.

Покупаю и продаю мѣха.

## Торговля Лютинцинъ

Большая улица домъ Русанова

Продажа галантерейныхъ, мануфактурныхъ и бакалейныхъ товаровъ.

Съ послѣднимъ парохомъ получены разныя матеріи

Отдѣленіе. селеніе Ключевское, Петропавловскаго уѣзда.

Рекламные объявления на последних страницах

**Торговля В. А. Огородникова**

г. Петропавловскъ. Большая улица.

Последнимъ парходомъ получены: **Дѣтскія** игрушки, Елочные украшения, окорока, колбаса, сосиски, серебряныя вещи и другіе товары.

**Портной П. Д. Протопоповъ.**

Довожу до свѣдѣнія г. г. заказчиковъ, что мною принимаются заказы на шитье **МУЖСКАГО** и **ДАМСКАГО** верхняго платья. Исполненіе скорое и аккуратное  
Вторая улица домъ Рязанцева  
Съ почтеніемъ **П. Д. Протопоповъ.**

## „Петропавловская Общедоступная Библиотека Читальня“.

Въ цѣляхъ приведенія въ порядокъ мѣстной общедоступной библиотеки покорнѣйше просить лицъ имѣющихъ на рукахъ библиотечныя книги; озаботиться возвратомъ таковыхъ не позднѣе с. и. Выдача впредь книгъ изъ Библиотеки, съ установленнымъ порядкомъ пользованія ими, будетъ производиться съ 1-го Января,

„Жертвуемая въ пополненіе Библиотеки книги будутъ приниматься отъ каждаго съ благодарностью“.

**Квасо-медовареное****Заведеніе.**

Довожу до свѣдѣнія населеніе Камчатки, что мною получено разрѣшеніе, варить пиво—медъ, крѣпостью въ 1½ градуса который продаю по 30 коп. за бутылку.

Доставляю на домъ и высылаю въ округъ по полученіи задатка въ половинномъ размѣрѣ.

Разрѣшенія на вывозъ не требуется.

г. Петропавловскъ 3-я улица собственный

домъ Т. Е. Головань.

**КИТАЙСКІЙ МАГАЗИНЪ****Чжажгоундэ**

Въ г. Петропавловскъ. Большая улица

Розничная торговля всевозможными товарами:

**Русскими, китайскими и японскими**

Мануфактурными, галантерейными, бакалейными и табачными. Чай байховый, кирпичный зеленый и черный.

**Драматическое Общество**

Устраиваетъ къ праздникахъ Рождества Христова:

25 Декабря въ зданіи Канцеляріи Камчатскаго Губернатора „Дѣтскую Елку“. Начало въ 4 часа дня.

26 Декабря въ театрѣ „Имени С. М. и Н. В. Мономаховыхъ“ Спектакль. Представлено будетъ 1. „ГОСТЬ“ драма въ 2 д. соч. Брандеса. 2. „ДАМА въ МАСКѢ“, Маскарадная исторія въ 1 д. соч. Игнатьева. Начало въ 8 час. вечера.

городской газеты «Камчатскій листокъ» за 1916 г.

ПЕТРОПАВЛОВСК. ГОД 1928-й

Первое января 1928 г. пришлось на воскресенье. Несмотря на такое сочетание, это был обычный рабочий день. Привычные ныне долгие новогодне-рождественские каникулы в СССР не практиковались, да и наступление самого Нового года, не говоря уже о Рождестве, в двадцатые годы не отмечалось как пережиток «тёмного прошлого». Хотя недавно было торжественно отмечено десятилетие со дня Октябрьской революции, это «тёмное прошлое» нет-нет да напоминало о себе. Например, в виде двуглавого имперского орла на страницах расчётных книжек, использовавшихся Петропавловским агентством Госбанка, недавно переименованном в приходно-расходную кассу. Удивлённому населению разъяснили: так как заготовка ценных бумаг обходится государству очень дорого, то пока Госбанк находит возможным использование их старых образцов. На них царский герб зачеркивался или на него налагалась советская печать.

Имелось и ещё одно напоминание о былой эпохе: городской базар, выстроенный в 1913 г. к трёхсотлетию Дома Романовых. Под деревянным навесом в ряд располагались несколько прилавков и лавок китайских торговцев. На навесе — даты основания города и окончания строительства «1741—1913».

Год начался с объявления месячника «с целью выявления лучших работников из среды молодёжи и создания стимула к поднятию производительности труда в учреждениях и предприятиях города». Для руководства конкурсом окружное (в то время Петропавловск являлся административным центром Камчатского округа, входившего в состав Дальневосточного края) профсоюзное бюро (окрпрофбюро) утвердило комиссию в составе Савельева, Моисеевой, Борисова, Бурнатовой, Левиной, Ерахтина и Житникова.

Заседавший в первый день января горсовет (председатель Ларин, секретарь Лимберг) признал нецелесообразным организовывать в городе стройконтору, проект которой предложил окружной инженер. Горсовет утвердил тарифы на электроэнергию. Вскоре ожидался пуск первой городской электростанции. Оборудование для неё заказали в США. Стоимость постройки станции, затраты на прокладку электросетей и покупку оборудования превысили пятьдесят тысяч рублей, или почти четверть годового бюджета города. Рабочие и служащие, получавшие жалование по девятому

разряду, должны были в месяц платить «с лампочки»: в шестнадцать свечей (одна свеча равна 1,23 ватта) — 1 руб. 60 коп., в пятьдесят свечей — 5 руб. Более высокооплачиваемые рабочие и служащие платили больше: за шестнадцать свечей — 2 руб., за пятьдесят — 6 руб. Государственные, советские и общественные организации платили за то же, соответственно, 3 руб. 35 коп. и 10 руб. 50 коп. Для частных плата устанавливалась на 20 % выше.

Лампочки имелись на складе коммунального треста «Камчхоз»: в двадцать пять свечей по 1 руб. и по пятьдесят свечей — по 1 руб. 50 коп. Набор арматуры для проводки одной лампочки стоил 5 руб. 50 коп. «В домах, где будет установлено не менее десяти точек горения, трест обязался установить счётчики.

Камчатское племенное хозяйство при опытном поле (на сельхозферме) было готово бесплатно предоставить быков владельцам коров для случки. «Условие: на приводимых для случки коров обязательно предоставить администрации... удостоверение о их здоровье».

В час дня городской радиолюбитель с позывным РК 254 поймал на свой одноламповый сверхрегенеративный приёмник неизвестную ширококвещательную радиостанцию, работавшую в диапазоне от тридцати до сорока метров. «Слышимость этой станции довольно сносная, но сильно мешают различные шумы и трески, происходящие в атмосфере. Музыка слышно лучше, чем речь». Но всё же отдельные английские слова любитель разобрал. По имевшемуся в его распоряжении «Путеводителю по эфиру» на 1927—1928 гг. он опознал «лучшую в мире» американскую станцию, расположенную близ Нью-Йорка. Вечером он же поймал три любительские станции с Новой Зеландии и одну с Гавайских островов. Хорошо была слышна каждый день, кроме среды, краевая Хабаровская радиостанция.

В конце декабря 1927 г. окрпрофбюро получило из культотдела ВЦСПС первый в городе громкоговорящий радиоприёмник. Пока его передали на городскую радиостанцию «для установления возможности связи со станциями, работающими на длинных волнах». После диковинный аппарат намеревались поставить в Межсоюзном рабочем клубе (бывшем Народном доме). Культотделу окрпрофбюро следовало выяснить потребность в подобных радиоприёмниках «для членской массы» и организовать их массовую выписку с материка.

*5 января*, в четверг, заседало окружное бюро ВЛКСМ. Слушали дела комсомольцев М. Гуськова, Д. Дмитриева и В. Новограбленова,

учинивших 31 декабря пьяный дебош. Первый, родившийся в 1909 г., кандидат в члены коммунистического Союза молодёжи, ранее уже подвергался «союзным взысканиям». При вступлении в Союз он скрыл своё социальное происхождение: вместо «прочего» в анкете сын бывшего спекулянта указал, что он рабочий. Из комсомола его исключили. Второго провинившегося наказали строгим выговором с предупреждением об исключении и занесением в личное дело, а также «с опубликованием в печати». Такая же участь (благодаря чему мы сейчас и знаем об этой истории) постигла и третьего виновного, камчадала, родившегося в 1906 г., члена Союза с 1924 г.

Ковш начал затягиваться молодым льдом. В городе шли работы по электрификации: натягивали провода, вводили проводку в здания. Началось строительство нового пирса: в дно Ковша забивали длинные деревянные сваи.

7 января изменён порядок оплаты за жильё граждан, помещавшихся в коммунальных зданиях. Теперь платить надо было не в Госбанк, а поставщикам услуг или на дому специальному сборщику под особые квитанции. «Жильцы приглашаются не затруднять сборщиков платежей».

В городе ощущался «дровяной» кризис. Топлива не хватало. Зато в избытке имелся каменный уголь, запасённый в порту для пароходов, но его тонна стоила 56 руб., что было дорого для малооплачиваемых тружеников.

Из-за недостатка дров городские учреждения перешли на топку печей углём, доставлявшимся в мешках или ящиках. Недешёвое топливо сваливалось на снег и дорогу, бралось небрежно, рассыпалось и затаптывалось, особенно в ненастье. Затем разносилось на обуви по помещениям, превращаясь сначала в грязь, а затем в пыль.

8 января по случаю «десятилетия ВЦСПС» (профсоюзов) состоялось массовое лыжное катание. Все желающие к одиннадцати утра собрались у здания окружного бюро ВКП(б). Спортивный праздник прошёл под лозунгом «Все на катание! Весело. Полезно. Приятно».

В этот же день Межсоюзный рабочий клуб провёл «литературный суд» над пьесой А. В. Луначарского «Королевский брадобрей».

10 января, во вторник, в управлении погранотряда ОГПУ заседали пленум секции народного просвещения. Были прослушаны доклады комиссии по постановке военного обучения в школе-девятилетке, заведующего городской частью народного обра-

зования и о деятельности городского оборонно-спортивного общества «Осоавиахим». Пленум создал комиссию по проверке работы библиотеки.

В половине десятого ощущалось небольшое землетрясение продолжительностью в одну минуту. Были заметны два толчка, причём от первого «затрещали балки потолка».

Одновременно с началом работ городских школ политграмоты в помещении окрбюро ВКП(б) разворачивался окружной кабинет агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы (агитпроп). Идея таких кабинетов имела всего лишь двухтрёхлетнюю историю. Даже на материке они появились только-только. Твёрдые организационные формы работы агитпропа ещё не установились. Для кабинета уже имелось необходимое оборудование, помещение для него привели в порядок. Оставались сложности с подбором специальных грамотных работников, а также справочной литературы и руководящих материалов.

Кабинет быстро стал органом, занимавшимся инструктивно-учётной и методической работой по вопросам агитации и пропаганды, проводимой парторганизацией в своих рядах и вне их на Камчатке. Внедрение коммунистических в головы обывателей идей шло через политзанятия, инструктажи, семинары и курсы.

В кабинете имелись три отдела: организации и руководство агитпропработой и текущими кампаниями; клубной работы в городе и сельских избах-читальнях; школ политграмот и кружков самообразования. Штатных сотрудников пока не имелось, предполагалось, что работать будет городской актив, секретари партийных и комсомольских организаций, «культработники». К дежурству по кабинету и его «декорированию» привлекались все партийцы и комсомольцы. «Принять участие в работе кабинета — задача каждого заинтересованного в партработе товарища!»

*11 января* морской прилив подмочил в складе Совторгфлота мешки с сахаром и мукой. Убыток оценён в двести рублей. Товар принадлежал Петропавловскому кооперативу, просившего выдать его по прибытию на пароходе. Но эти продукты оказались заложены другими грузами, поэтому агентство не смогло это сделать вовремя. По мнению кооператоров, убытки им должен был возместить Совторгфлот.

В самом кооперативе было, что улучшать. Для торговли мясом выделили тесное помещение. В нём также складывали шкуры убитых коров, пустую тару да ещё стояла бочка с салом. «Необходимо из мясной всё лишнее убрать, чтобы дать возможность



трём-четырёх покупателям свободно подходить к прилавку без риска вымазаться в сале».

*12 января* работник городской радиотелеграфной станции, комсомольский активист Г. Сычёв через газету «Полярная звезда» предложил организовать городской радиолюбительский кружок: «У нас, на Камчатке, данные для радиолюбительского движения теперь имеются. Недавно начала работать мощная Хабаровская ширококвещательная станция. Слышимость её на трёхламповый приёмник вполне приличная, это говорит за хороший приём на одноламповый (некоторыми любителями уже производится)... В целях продуктивной работы кружку надо опасаться таких “радиолюбителей”, которым только лестно повертеться в кружке, послушать громкоговоритель, но совершенно не интересующихся творческой работой; затем опасаться и таких, для которых кружок есть средство построить приёмник для личного пользования, а после этого их и в кружок не заманишь».

Надо заметить, что подобные полезные предложения городской общественности (читатель это увидит ещё не раз) «проводились в жизнь» довольно быстро. Потому неудивительно, что радиокружок появился уже в начале февраля. Радио — эта, по словам «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина, «газета без бумаги и расстояний», прочно входило в камчатский быт. Его влияние на настроения тогдашнего общества можно сравнить с ролью, которую в наше время играет Интернет.

*13 января* для членов профсоюза в Межсоюзном рабочем клубе показывали кинокартины «Гарпун» (из жизни голландских китобоев) в восьми частях и «Празднование седьмой годовщины Октября в Ленинграде».

Посредине улицы Ленинской валялся полузанесённый снегом навес со шпилем и вывеской одной из городских контор, оторванный ветром около месяца назад от здания треста «Камчхоз», занимаемого конторой.

*14 января*, в субботу, в клубе прошёл закрытый профсоюзный семейный вечер. Приглашённые пускались по специальным билетам.

*15 января*, в воскресенье, состоялось «первое катание женской лыжной секции Осоавиахима». Женщин заранее просили «аккуратно собраться» в десять утра у здания радиостанции. «Руководителем секции изъявил согласие быть т. Новограбленов И. Т.».

Капитан порта Пестов приглашал на сдельную работу плотников для работы по сооружению нового деревянного причала.

*16 января* Авачинская губа покрылась льдом, город окутался плотным туманом. В семь часов утра температура воздуха составляла минус четырнадцать градусов.

*18 января* завершилась фотовыставка, устроенная Камчатским краеведческим обществом. Она открылась в день десятилетия Октября, то есть 7 ноября 1927 г. Выставку посетили более четырёхсот человек, в ней приняли участие двадцать два самодеятельных фотографа. «Если в прошлом, ещё не так давно, наши фотолюбители плохо владели аппаратом, не знали, с чего начать, давали плохие снимки, то теперь от этого почти не осталось и следа. Многие снимки (особенно у гг. Ткачука и Матулиса) настолько художественно-выдержаны, технически отделаны и содержательны, что им позавидовал бы любой фотопрофессионал». Оба любителя получили похвальные отзывы.

Упали надои на сельхозферме. Лицам, имевшим малолетних детей, получавшим ранее по две бутылки молока, теперь полагалось по одной, и то через день. «Если молока недостаёт, — задавался вопросом горожанин, укрывшийся под псевдонимом «Этой», — почему же тогда некоторым товарищам уделяют молока по три и больше бутылок, в то время как у них нет детей или есть, но взрослые? Выходит, что и в доставке молока большую роль играет кумовство, а ведь с кумовством у нас ведётся борьба. Не следует ли и на эту сторону кумовства обратить, кому следует, внимание?»

*19 января* владелец дома номер 16 на улице Набережной, что на Култучном озере, дал объявление о сдаче одинокому жильцу или жиличке комнаты.

В шесть часов вечера в кабинете агитпропа собралось Камчатское краеведческое общество. Правление и ревизионная комиссия огласили отчёт о работе за прошедший 1927-й год, затем состоялись перевыборы правления и ревкомиссии. Общество провозгласило: «Основным лозунгом в работе всех государственных, хозяйственных и общественных организаций на ближайшее время выдвинут лозунг: “Лицом к туземцу”. Помочь им в этом своими знаниями, своей научно-исследовательской работой, проводимой в туземной среде, краеведческое общество должно и сможет».

В клубе показывали кинофильм из «азиатской жизни» под названием «Долина слёз». Картина «рисует борьбу с ханами. Артисты играют замечательно, красивые виды».

*20 января* объявлено обязательное постановление окрревкома «О ветеринарно-карантинных пунктах». Прибывавшие в порт пароходы с домашними животными должны были осматриваться

до подхода к пристани. Затем животные направлялись для прохождения карантина на выделенный для этой цели Артюшкин полуостров, расположенный на перешейке между Тарьинской и Богатырёвской бухтами. Карантин занимал пространство «от восточной его оконечности до озера». Отныне запрещались пригон туда местных животных и сенокосение.

Тогда же объявлено ещё одно обязательное постановление: «О порядке убоя животных для питания». Убой рогатого скота, лошадей и свиней в черте города отныне запрещался. Делать это можно было только в особо отведённом месте. Зимой разрешалось убивать и разделывать мелких животных на дворах на снегу «с неременным условием, чтобы после убоя отбросы тщательно были убраны». Виновные в нарушении постановления подвергались штрафу до десяти рублей или принудительным работам на срок до двух недель.

*21 января, суббота.* В пять часов вечера состоялось траурное заседание по случаю четвёртой годовщины со дня смерти В. И. Ленина. В школе-девятилетке своими воспоминаниями делился участник похорон вождя. «Он просто, задушевно, с волнением, языком простолюдина рассказал об этом. На глаза навёртывались слёзы. “Мы, — говорит, — свою вождя хороним! Округ пятьсот тыщ народу проходило у катафалка Ильича каждый день”. Первую телеграмму в Петропавловске о смерти В. И. Ленина в 1924-м году в два часа ночи по местному времени пришлось принимать мне, тогда ещё молодому радисту-комсомольцу. От волнения руки отказывались писать. Никто ещё кроме меня не знал этой трагической вести, — записал в свой дневник Г. Сычёв. — Вечер в школе закончился пением революционных песен и декламацией, посвящённой траурному дню. Впервые сегодня в городе за всё время его существования и Камчатки зажглась “лампочка Ильича”. Пустили новую электростанцию на постоянном токе. Многие жители уже провели электричество себе».

*22 января* в три часа дня в ленинском уголке управления погранотряда собрались женщины, желавшие заниматься в стрелковой секции окрбюро Осоавиахима. В восемь часов вечера в рабочем клубе прошёл живой журнал «Красный север», также посвящённый четвёртой годовщине со дня смерти В. И. Ленина и Кровавому воскресенью (памяти событий 1905 г. в Петербурге, окончившихся расстрелом рабочей демонстрации).

В «живом журнале» участвовал смешанный великорусский и неаполитанский оркестр, на сцене разместились более тридцати музы-

кантов. Их выступление произвело большое впечатление, особенно музыкальная картина «9-е января 1905 г.». «Когда барабан имитировал орудийные выстрелы, прямо мороз по коже пробегал».

*23—24 января* Петропавловская школа-девятилетка имени десятой годовщины Октябрьской революции устроила публичный учёт успеваемости, дисциплины и общественно-школьной работы. Ввиду важности обсуждаемых вопросов приглашались родители учащихся и представители общественно-политических организаций.

*24 января* Петропавловское агентство Совторгфлота провело в своих складах на пристани аукционную продажу продуктов: солонину, консервированные супы и прочее. «Качество продуктов можно осмотреть на складах в рабочее время».

*25 января*, в среду, заседал школьный совет. Он рассмотрел итоги второй четверти 1927/28 учебного года. Докладывал заведующий школой В. Луговой. В школе не было привычных для нас классов. Ученики делились по группам. Младшие — с первой по четвёртую, старшие — с пятой по восьмую. Самая старшая — девятая группа — именовалась «ремесленной»: при школе работала ремесленная мастерская. Жизнь учебного заведения отражала стенная газета «Школьный луч».

*26 января* отчитались о работе городские пионеры. Первый Петропавловский отряд юных пионеров появился в 1924 г. Тогда он состоял из десяти человек. В январе 1928 г. отрядов было уже два, в каждом по сорок ребят. «В смысле руководства со стороны партии и комсомола и со стороны родительского состава дело обстоит довольно хорошо. Но плохо дело обстоит с клубом. Клуб играет большую роль в работе отрядов, особенно в зимнее время. У нас клуба нет, и это отражается на работе. Недостатком в нашей работе нужно отметить плохую связь с родителями», — отметили юные ленинцы.

Второй отряд образовался в первых числах мая 1927 г. и приступил к подготовке Международной детской недели, начало которой намечалось на 15 мая. «План быстро составили и начали вести подготовку к празднику: начали репетиции пьески, разучивание песен, декламаций, вольных движений... В неделю в отряд вступило пять человек», — рассказывал пионер Володя Зорин. За лето ребята совершили три экскурсии в деревни Елизово, Сероглазку и Паратунку. Всё остальное время работа шла внутри отряда. Дети собирались, вожатый «делал беседу», пели, играли, занимались гимнастикой, участвовали в разных кампаниях, «которые проводили партия и комсомол».

*26 января* окружная типография, нуждавшаяся в разборщике шрифтов, дала необычное для нас по форме объявление: «Желающие принять на себя эту работу приглашаются заявить о том в типографию ежедневно с девяти до трёх часов дня».

*29 января* правление Межсоюзного рабочего клуба приступило к составлению календарного плана спектаклей, вечеров на февраль-июнь 1928 г. Все организации, предполагавшие организовать какие-либо постановки в клубе, должны были передать свои заявки не позднее 4 февраля.

В конце января состоялось заседание Камчатского краеведческого общества. В правление выбраны девять человек: председатель Каплан, его заместитель П. Т. Новограбленов, секретарь Кренберг, Бонкман, Павленко, Вдовин, Н. Кузнецов, Ларин, В. Ф. Комаров. Кандидаты к ним: Голованов, Успенский, Жедяевский. Общим собранием утверждён размер годового членского взноса: три рубля, для красноармейцев — двадцать копеек.

В музей общества поступили сборы растений от Б. и Я. Ростовых с Командорских островов. Ботаник общества их обработал и составил гербарий. В него вошли восемьдесят пять видов. Одно растение из семейства крестоцветных оказалось новым для флоры островов. Общество объявило Ростовым за эти сборы благодарность.

В январе горсовет утвердил размер платы за обучение детей в школах. Родители, получавшие жалование до ста пятидесяти рублей в месяц, от платы освобождались, получавшие до двухсот рублей, платили один процент, от двухсот до двухсот пятидесяти — полтора процента, свыше трёхсот — три процента.

Председатель горсовета И. Е. Ларин убыл в отпуск. Его обязанности возложены на члена президиума совета А. Л. Бурнатова.

*1 февраля* для предоставления приезжавшим в город крестьянам удобного ночлега, окрестком при помощи госучреждений и городских организаций открыл «заезжий дом». В Петропавловске не было гостиниц и постоялых дворов. Всякий приезжий попадал в весьма сложное положение — податься ему было некуда. Летом приезжавшие в город крестьяне устраивались в палатках, благо на улице было тепло. А что делать зимой? Если нет знакомых, приходилось отправляться «к китайцам, к спекулянтам».

Гостям «заезжего дома» предоставлялись: койка с чистым постельным бельём, бесплатно чай с сахаром. Имелся красный уголок и справочный стол, обслуживаемые дежурным. Обещалось, что вскоре «будет проведён ряд бесед на темы, интересующие крестьянство. Чтение бесед будет сопровождаться картинками».

Гостям полагался бесплатный вход клуб на постановки и киносеансы. За ночлег и пользование всеми услугами взимались по пятьдесят копеек в сутки с человека. Дом располагался по адресу: Советская площадь, дом местхоза, 21.

Вскоре появились и первые отзывы крестьян о работе дома: «Открытие... является очень полезным, так как таковой стал единственным убежищем для нас. При входе... бросается в глаза, несмотря на небольшое помещение, чистота и опрятность. Всё хорошо обставлено, постели в опрятности, в одной из комнат стоит стол, на котором разложены газеты, журналы и книги, где мы можем узнать кое-что полезное для нас. По стенам висят портреты советских вождей... Сказать можно только хорошее и благодарить учреждения и общественные организации за открытие ещё одного культурного очага в Петропавловске».

Так в городе возникло ещё одно «культурное учреждение», которое должно было «проводить культурную революцию среди крестьян».

С 1 февраля ликвидировалась бильярдная при клубе Союза совторгслужащих (ССТС) — так теперь назывался бывший Межсоюзный рабочий клуб. Все лица, имевшие задолженность по бильярду, приглашались внести таковую не позднее 7 февраля члену правления клуба Э. К. Трутце. С не погасивших задолженности её намеревались взыскать судебным порядком с «опубликованием фамилий должников в газете на чёрной доске».

Бильярд разобрали и сложили на чердак. На это событие автор, укрывшийся под псевдонимом «Клык моржовый», откликнулся стихотворением «Биллиардное»:

*Играли ночью, играли днём,  
Бродили тенью за шаром.  
Был оживлён народом рабочий клуб —  
И мат, и стук, и лязг зубов,  
И дым столбом, и вонь кругом царила в нём.  
Вой побеждённых, в искусстве острамлённых,  
Игроцкое страдание, и тут же ликованье  
Того, кто победил, последний шар сразил...  
Хвала и честь, почёт и лесть  
Царю киев, царю шаров...  
Закрыта ночью, закрыта днём,  
Укором мрачным торчит засов.  
На чердаке, в пыли, в тряпье,  
В тиши и тьме лежат кии, лежат шары...*

*Но оживляется Народный дом — рабочий клуб —  
Дела идут: и драмкружок, и хоркружок,  
И музкружок, и физкружок ведут работу.  
И ни киям, и ни шарам не будет  
Там почёт и место.  
Для них — увы! Где ни взгляни повсюду тесно.  
Одно им место — глухой чердак.  
Да будет вечно так!*

Но уже 12 февраля правление клуба объявляло о желании продать или сдать в аренду два стола с шарами и киями. Для переговоров предлагалось обратиться к тому же члену правления Э. К. Трутце. Посещение, занимаемое бильярдной ранее, намечали использовать как фойе и для кружковой работы.

2 февраля при клубе открылись курсы кройки и шитья. Желающих посещать их нашлось много — более пятидесяти человек. Их разделили на две группы: «А» и «Б». «Метод преподавания на первый месяц был самый примитивный». Условия учёбы оказались неважными. Собирались в детсаде, учились шить на низких детских столах и таких же стульчиках. В этот же день в клубе установлен недавно обещанный громкоговоритель.

В начале февраля музеем Камчатского краеведческого общества, размещавшемуся в школе-девятилетке, поступили в дар от члена общества П. Г. Охапкина предметы охоты и быта аборигенов Пенжинского района. Среди них железное копьё из селения Иткана, удочки для ловли мальмы и хариуса с верховьев реки Парень, изделия из травы.

4 и 5 февраля в клубе ССТС в восемь часов вечера прошли киносеансы «Фальшивая дорога» (драма в шести частях) и «Судья острова Майя» (драма в восьми частях). «Цены обыкновенные». Клуб организовывал при кружке физкультуры лыжно-конькобежную команду. Записывал желающих член правления Борисов. Организационное собрание спортсменов прошло в субботу 4-го числа в три часа дня в помещении бывшей бильярдной.

5 февраля состоялось первое совещание городского советского и профсоюзного актива. Слушали доклад о том, кто такие активисты и какие задачи перед ними стоят. Это заинтересовало присутствующих, постановивших устраивать такие совещания почаще. Агитпроп разработал их программу на первые четыре месяца. В неё вошли вопросы экономии и улучшения деятельности госаппарата, разъяснение сути займов индустриализации страны, устройство быта.

В библиотеку краеведческого общества поступили новые издания: «Экономическая жизнь Дальнего Востока», шестой и седьмой выпуски, со статьёй члена общества Ничипуренко «Моржовый промысел на Чукотке»; работа профессора Гапонова «Ископаемые диатомитовые водоросли полуострова Камчатки», написанная на материалах обработки глин нефтеносных участков по реке Богачёвке Кроноцкого района; брошюра Шаврова «О населении северной части полуострова Камчатки». Этот материал автор недавно излагал на одном из собраний местных краеведов, а вот теперь он был уже издан.

5 февраля при окрбюро ВЛКСМ создан комитет смотра пионерских организаций. Председатель: Кузнецов, члены Борисов, Ворошилов, Павленко, Топольский, Бакалов, Масюк, Житников. Основные задачи смотра: 1) выявление всех «пионердостижений», перенесение передового опыта работы в отряды, выяснение конкретных причин слабости работы и борьба с ними, 2) привлечение общественного внимания к работе пионеров, 3) усиление партийно-комсомольского руководства пионерской организацией.

Разработана «Памятка пионеротряду к смотру»: «1. На ближайшем отрядном сборе обсудите вопрос о смотре и составьте план смотра. 2. Начните смотр достижений в своей стенной газете и “Полярной звезде”. 3. В каждом звене обсудите свои достижения и опишите их. 4. Соберите все материалы работы отряда (с диаграммами, фотографии) и приготовьте это всё к выставке».

Пикор (пионерский корреспондент) Вера рассказывала в «Полярной звезде» о том, как руководят первым городским отрядом юных пионеров имени Дзержинского. Этим занималась ячейка ВКП(б) через комсомольскую ячейку, а та уже непосредственно руководила работой отряда через «партпредставителя». Тот должен был проводить беседы, посещать занятия и заседания совета отряда. «Но вся беда в том, что прикрепленный товарищ очень загружен другой работой и потому мало уделяет внимания отряду. Если у нас проходит отрядный сбор, то случается, что партприкрепленец не бывает на сборе.

Нам очень хотелось, чтобы ячейка партии выделила более свободного товарища, а то многие пионеры даже не знают наших партийных руководителей». Вожатый отряда со всеми нуждами и за материалами обращался в партячейку, выписавшую для отряда разную детскую литературу: журналы «Вожатый», «Пионер», а для октябрят — «Красную звёздочку». Партийцы приобрели и пионерское знамя.



Пикор Валя Ларин поделился тем, как в отряде проходят беседы: «Проводятся в большинстве случаев самим вожатым или вожатым в звеньях. Иногда беседы проходят скучно, и ребята на такой беседе не слушают и начинают волынить. Но бывают беседы очень интересные, к которым ребята относятся хорошо и после беседы задают вопросы, на которые вожатый отвечает. Ребята беседами интересуются, но не все такие, которые хорошо слушают беседу, есть “волынчики”, но им делают замечания, после которых некоторые молчат, а другие продолжают волынить. В будущем нужно проводить беседы не длиннее минут тридцати, и такие, чтобы в них было меньше непонятных слов. Кроме того, надо, чтобы для проведения бесед привлекались другие товарищам из комсомольцев, партийцев, докторов, учителей, а то вожатый сам всё время один “беседует”».

Пикор Витя из второго городского отряда имени Будённого рассказал о пионерских играх: «У нас... на отрядовых сборах проводят игры, и если на занятиях проводятся только беседы, то занятие уже кажется неинтересным и скучным. Есть игры, которые интересуют всех ребят, и мы играем весело. А есть такие игры, которые ребят не интересуют: игра “Вожатый говорит”. Получается так: одни стоят, не играют, а другие играют. “Кошка-мышка” и “Эстафета” — эти игры всем нравятся, но есть “старички”, которым никакие игры не нравятся. На улице мы почти никогда игры не проводили. Многие ребята после разных игр на боре бегут скорей на лёд. Вожатый это видит, но организовать всех ребят не может. Теперь у нас новый вожатый — Шура Мамцов. Надеемся, что он будет проводить разные игры на свежем воздухе».

Пионер Алёша из отряда имени Дзержинского отметил, что военная организация у них проводится плохо. «Несколько раз хотел придти военный товарищ из пограничного отряда для проведения бесед, но до сих пор так и не пришёл. Было лишь несколько экскурсий в красную казарму... Рассматривали винтовки, противогазы, военные журналы. Красноармейцы показали, как они стреляют из винтовки. Водили нас на кухню. У них всё чисто и опрятно. Шинели и винтовки всегда стоят наготове, в случае тревоги они сразу в пять минут уже готовы. Нам надо учиться военному делу, знакомиться с противогазами, чтобы в случае, если капиталисты пустят газы, мы сумеем противогазами пользоваться сами и показать другим...»

*9 февраля* «Полярная звезда» сообщила о раскрытии и ликвидации оппозиционной группы в городе. Еще в январе стало известно, что в рядах партийной оппозиции во главе с Л. Д. Троцким

в центре произошёл раскол — два её основных участника — Зиновьев и Каменев — отмежевались от Троцкого, высланного из Москвы, и подчинились решениям XV партсъезда, обратившись с соответствующим письмом в главную партийную газету «Правду».

«Душой» местной оппозиции оказался некто Григорьев, ведший «подрывные беседы» в фининспекции. Во второй половине октября 1927 г. оппозиционеры собирались на пароходе «Астрахань». Пока несогласных с «линией ВКП(б)» всего лишь исключали из партии и снимали с руководящей работы. Их физическим устранением занялись немногим попозже...

В это же день на заседании правления краеведческого общества было решено разбить все его работы по отделам. Социально-политический отдел возглавил М. И. Каплан, экономический — В. Ф. Комаров, историко-этнографический — М. А. Жедяевский, естественно-географический и музейно-библиотечный — П. Т. Новограбленов, издательский — Э. М. Брикман, фотосекцию — В. Ф. Ткачук. Казначей общества — Ф. Л. Слободчиков, секретарь — М. Э. Кренберг. Правление рекомендовало всем членам общества обращаться к этим товарищам за содействием и справками во время своих работ. Президиуму поручалось вести работу по открытию отделений общества в наиболее значительных местах округа.

Рабочий сельхозфермы Бурдик поделился в «Полярной звезде» своими соображениями по поводу поведения собственного руководства: «Заведующий опытным полем Чистяковский выехал с поля в восемь часов утра, а вернулся в час ночи. За это время он так изъездил коня (лучший на поле — «Орлик»), что прямо удивительно. В другой раз он вернулся без седёлки, а чересседельник был завязан через спину. Седелку нашли лишь на второй день против клуба ССТС. Казалось бы, — недоумевал труженик, — товарищ Чистяков должен показывать пример рабочим, а тут выходит наоборот».

Имелся и ещё один «лошадиный инквизитор», как назвал его автор следующей заметки: «Есть у нас в городе китаец по фамилии Ильин. Он имеет три лошади. При малейшей остановке лошади и даже в том случае, когда бедное животное надрывается под тяжестью, он с невероятным остервенением беспощадно избивает неповинное животное не кнутом, не прутьями, а толстой палкой... Эта зверская расправа происходит очень часто на глазах детей. Ильину неоднократно и в серьёзной форме делали замечание проходившие граждане, но не помогает...»

11 февраля, в субботу, в клубе ССТС отшумел музыкально-вокальный вечер Осоавиахима. В программу вошли: шутка в трёх картинах «Авио-сон» с участием Гарсова, Зойлы, Кренберга и Ткачука, «политоперетка» в одном действии «Деспот пирует» в исполнении десятка любителей, лубок «У самолёта», сочинённый Гарсовым, хор под управлением Курилова, «итальянский» оркестр под руководством Трутце, частушки, а также «буфет, танцы, оркестр. Начало ровно в 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часов вечера». Стоимость билетов: с первого по четвёртый ряды — рубль пятьдесят, с пятого по десятый — рубль, остальные — по полтиннику.

Горсовет принял бюджет Петропавловска на 1928 г. в сумме 331 262 руб. Утверждена смета на планировку улиц, площади Советской, ремонт мостов через городские ручьи, на проводку освещения в сумме 10 000 руб. Разрешён вопрос о строительстве двухэтажного дома за 23 704 руб., отпущены средства на расширение и дооборудование детсада.

Горожанин И. Пименов рассказал в «Полярной звезде» о незавидной участи многочисленной семьи сапожника Буркова, квартировавшей на Второй улице. Большой глава семейства лечился во Владивостоке. Его хворающая жена, «изнемождённый вид которой от недоедания, от повседневной работы и болезни представляет движущегося покойника. Вокруг этой жертвы суровой судьбы копошатся, как муравьи, шесть малолеток, из коих старшему одиннадцать лет. Несчастные детишки, исхудалые, грязные, в оборванных рубашонках, вьются в тряпье убогого ложа больной матери, крестьянки, неразвитой деревенской женщины».

Ни продуктов, ни денег это несчастное семейство не имело. Помогали сердобольные соседи. На вопрос: на какие средства существует семья, мать с трудом ответила: «На двадцать шесть рублей от собеса». «Можете ли вы на дому стирать бельё, когда немного поправитесь или шить на своей машинке?» «Не могу, потому что в глазах туман какой-то мешается, да и сил нет, в голове непонятное...» Автор заметки возмущался тем фактом, что при наличии городского общества взаимопомощи, Добровольного общества «Друг детей», окружного отдела народного образования «под боком в окружном центре бедствует в кошмарном состоянии голодная семья малолеток, будущих советских граждан».

Тут же газета разъясняла, что дополнительные виды соцобеспечения выдаются застрахованным гражданам, пенсионерам и безработным. Система соцстраха на Камчатке начала действовать с 1 августа 1927 г. Выплаты производились по категориям: 1) «на

приданное ребёнку» при рождении — сорок пять рублей, 2) на кормление ребёнка в течение первых девяти месяцев его жизни — двенадцать рублей в месяц, 3) пособие на погребение: старше десяти лет — шестьдесят семь, не достигших десятилетнего возраста — тридцать три рубля семьдесят пять копеек. Первые два пособия предназначались только лицам, получавшим зарплату не свыше двухсот семидесяти рублей в месяц.

*12 февраля* намечалось лыжное катание женской группы в районе радиостанции.

*16 февраля* продолжался ремонт пристани в порту. Шёл он медленно из-за отсутствия квалифицированной рабсилы и недостатка материалов. Окрревром предложил Совторгфлоту завершить работы до середины апреля, к подходу первых пароходов новой навигации. Для предотвращения портовой кошки от размыва перед краевым центром — Хабаровском — был поднят вопрос о выделении портоуправлению необходимых на это средств, а также о расширении пристани, устройстве новых складов и засыпке части Ковша для расширения портовой территории. Это могло защитить хранящиеся в складах грузы от порчи их морской водой.

*16 февраля* правление клуба ССТС утвердило новый состав редколлегии живого журнала «Красный Север»: председатель Ткачук, члены Стратулат, Зырянов, Трутце, Борисов и Недбайло.

Радиолюбители, получив необходимые детали из Владивостока, собрали двухламповый коротковолновый приёмник. Он сразу же заработал, что в любительской практике бывало нечасто. Аппарат был собран без использования пайки, питался от батареи с напряжением сорок пять вольт. С его помощью слушали Нью-Йорк, Австрию, Англию, Японию и Мексику. Из советских станций — Иркутск, Читу, Томск, Владивосток и даже маломощный (всего 10 ватт) Наяхан. 13 февраля поймали Москву на пятидесяти пятиметровой волне. «Действительно, настало время, когда радио не знает границ. Товарищи, кто следующий? Ведь мы слышим сердце СССР — Москву!»

*18 февраля*, в субботу, в клубе ССТС демонстрировался двухсерийный фильм «Отпрыск благородного рода».

В середине февраля заработало уличное освещение. Вскоре выяснилось, что воронкообразные абажуры над лампами слишком глубоки. Свет падал лишь возле столба в округе не более двадцати сажен. В промежутках между столбами оставалось темно, как раньше. Уличное освещение включалось в пять часов утра. Горожане предлагали заменить воронкообразные абажуры плоскими, а свет

включать часом позже: «Час экономии в несколько десятков лампочек для нашего небогатого города имеет большое значение».

Открылись бухгалтерские курсы, которые посещали от восьми до десяти слушателей. Основной сложностью при проведении занятий оказалось отсутствие удовлетворительного помещения, где можно было бы повесить классную доску.

Горсовет признал необходимым все поступления от эксплуатации подведомственной ему жилой площади направить на капитальный ремонт зданий. Отделу благоустройства предложено с наступлением весны завершить работы по устройству городского водопровода, «добиваясь полного выполнения плана по улучшению водопроводной магистрали».

*19 февраля* фотограф Колмаков дал объявление о приёме заказов «на изготовление камчатских видов для альбомов и открыток, увеличение портретов. По желанию всё в красках... Заказчики вносят задаток и при получении пробной карточки уплачивают всю сумму. Ввиду неуплаты некоторыми лицами задолженности по фотографии — кредит не допускается».

При клубе ССТС работал пушной кружок. К середине апреля здесь «изучили» лисицу-сиводушку, чернобурку, белого и голубого песца, соболя и выдру. Слушателям давали раскладывать лисиц по сортам. «Занятия проходят весело, много задают вопросов, преподаватели рассказывают хорошо, что удовлетворяет слушателей». Последние желали открытия «более обширного кружка», который смог бы охватить больше любителей пушного дела.

Продолжился аукционный торг по продаже шёлковых и полупшёлковых тканей, игрушек и прочих товаров, не проданных 11 и 12 февраля «со значительной скидкой».

Главным событием февраля стало празднование десятилетия Красной Армии. Согласно советской легенде, она «родилась в боях под Псковом и Нарвой» 23 февраля 1918 г. Её создателем ещё совсем недавно считался нынче прочно впавший в немилость бывший наркомвоенмор товарищ Троцкий.

К юбилею опубликованы лозунги ЦК ВКП(б). Вот некоторые из них: «Октябрьская революция создала свою Красную Армию — вооружённую опору диктатуры пролетариата. Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!», «Красноармеец и краснофлотец — верные стражи советской страны, стоящей социализм. Привет бойцам и командирам Красной Армии и Флота!», «Мы создали армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется!» «Рабочий и крестьянин! Держи крепче связь с Красной

Армией!» «Привет военным специалистам старой армии, отдавшим свои знания и энергию делу строительства Красной Армии!», «Наш красноармеец — не прежний солдат, затыканный, запуганный, являющийся простой машиной в руках начальства. Наш красноармеец — полноправный гражданин республики», «Хотим мира, чтобы строить социализм», «Империалисты готовят войну, чтобы сорвать наше строительство. Будем готовы к отпору врагам!»

*19 февраля* опубликован «План проведения десятилетия Красной Армии». Основными задачами юбилея стали: 1) создание общественного мнения вокруг праздника, укрепление связи шефа — профсоюзов — с подшефными — погранотрядом, 2) ознакомление с историей Красной Армии, 3) разъяснение международного положения СССР и вытекающей отсюда военной опасности и необходимости укрепления обороны страны, 4) укрепление рядов Осоавиахима и оживление его работы.

*21 февраля*, во вторник, в шесть часов вечера прошло торжественное собрание партийных и комсомольских ячеек, профсоюзных организаций с докладом «Десять лет Красной Армии». После собрания своими воспоминаниями делились участники гражданской войны, велась подписка на военную литературу и запись в военные кружки. В кабинете агитпропа окрбюро ВКП(б) открылся военный уголок, проработавший до 5 марта.

*22 февраля* город украшался красными флагами и лозунгами, вроде «Да здравствуют честные воины гражданской войны за Советы на Камчатке!» Вечером началось торжественное заседание в погранотряде с чествованием ветеранов армии, участников партизанского движения на Камчатке и кавалеров первого и пока единственного советского ордена Красного Знамени. Таковым был Сергей Степанович Мальков, удостоенный высокой награды за бой с «Земской ратью» белого Приамурского правительства генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса 14 октября 1922 г.

В городе насчитывалось шестнадцать ветеранов Красной Армии: Георгий Петрович Амброзевич, крестьянин, Пётр Игнатьевич Березуцкий, рабочий-колёсник, Фёдор Михайлович Бобраков, машинист, Эмиль Мартынович Буман, учитель, Алексей Андреевич Васильев, крестьянин, Николай Иванович Васин, крестьянин, Александр Ильич Голубев, рабочий, Александр Александрович Домани, служащий, Ефим Ефимович Захаров, токарь Иван Захарович Каратаев, окружной военком, Яков Афанасьевич Мухин, крестьянин, Семён Иванович Никифоров, служащий, Георгий Андреевич Пьянков, служащий, Степан Денисович Самойленко, крестьянин,

Иван Семёнович Стрекалов, крестьянин, Франц Константинович Юхно, рабочий-шорник.

23 февраля, четверг, объявлен нерабочим днём. Отовсюду звучали многочисленные поздравления, в том числе стихотворные, вроде сочинения «Красная Армия»:

*Из бодрых крестьян и рабочих ты слита,  
Надежда, оплот мятежей всенародный.  
Как солнцем, бессмертною славой облита,  
Стоишь на защите Республик Свободных.  
Идейною спайкой, сильна ты сознанием,  
Гроза неизбежна — как сила стихии.  
Горишь, как и все мы, единым желанием,  
Таишь в себе буйные силы лихие.  
Буржуй, устрашась большевистской заразы,  
Готовится бешено к яростной схватке —  
Для нас изобрёл ядовитые газы,  
Дредноуты строит и авиаматки.  
Но мы, твои братья, сегодня клянёмся,  
Лишь клич боевой пролетит над странюю,  
Мы встанем на помощь мильонной стеною.  
И все, как один, за винтовку возьмёмся.*

С десяти часов утра до двух дня трудовые коллективы посещали с экскурсиями погранотряд (желающие собирались в группы в клубе ССТС). В три часа дня — торжественный обед в погранотряде. В восемь вечера клуб ССТС устроил большой концерт.

Его «гвоздём» стала постановка «Амбы» — «капитальной современной революционной пьесы из эпохи гражданской войны». Замысел пьесы, отрежиссированной Е. М. Стратулатом, сводился к следующему: «В голодные чёрные дни, когда люди ели мёрзлый картофель, когда бродила по залитой кровью земле нищета, холод и лишения, когда со всех сторон на ступал враг и жизнь Советов была поставлена на карту — в эти дни, в невероятных трудностях и препятствиях куётся Красная Армия, куётся её дисциплина в крепятся ряды бойцов. Этой работе мешают оставшиеся демократические настроения, слабые, расхлябанные люди, под эту работу роют подкоп контрреволюционные шпионы-наймиты империализма, но творческая работа побеждает».

В пьесе присутствовали три центральных фигуры. Организатор красноармейских частей, начальник дивизии Шторм, «работающий в атмосфере недоверия, малодисциплинированности, расхлябанности». Лена, комиссар «железного полка», занимавшаяся

вместе со Штормом укреплением молодых частей Красной Армии. «Лена — закалённый, испытанный боец, завоевавший неограниченный авторитет среди красноармейцев». Артём Жмутский — шпион, контрреволюционер, тёмный авантюрист, ведущий работу по разложению красноармейцев.

Зрителям пьеса понравилась. Отмечались её хорошая подготовка и глубокая проработка типов, обеспечившие несомненный успех. Подкачал, разве что, Глаголевский, исполнитель роли Шторма, не сумевший вполне овладеть ею и не давший «яркого выражения замысла автора». Зойла (Зырянова), игравшая Лену, вполне справилась с ролью. Сильное впечатление на зрителей произвёл Тимов, игравший злодея Жмутского. «Хорошей игрой выделяются также Орёл — начальник разведки (Панов, чуть не взявший аплодисменты публики), Егор — адъютант командира батальона (Студецкий), Юзефь — сестра Жмутского (Казаченко)».

Празднества завершились в воскресенье 26 февраля проведением стрельб и военной игры. Смотр стрелковой подготовки трудящихся Петропавловска начался в половине десятого утра в Ковше у пристани под руководством Самойленко. В два часа дня состоялась военная игра, сейчас бы сказали, что «реконструкция»: бой с белогвардейцами и взятие города партизанами. Центральным местом боя стала площадь Свободы. Руководили этим действием Стратулат, Борисов и тот же Самойленко.

Школа-девятилетка праздновала юбилей по особому плану. Всем этим действием руководила окружная юбилейная комиссия.

Тронутые всеобщим вниманием воины-пограничники послали приветствие окружному бюро профсоюзов «В день десятилетия РККА пограничники шлют шефу — камчатским профсоюзам — красноармейский привет. Профсоюзы в годы гражданской войны были главной силой, укрепляющей мощь Красной Армии. В годы мирной передышки профсоюзы были впереди в деле материальной и моральной помощи Красной Армии. Сейчас, когда мировой империализм готовится вцепиться в Советский Союз, ваше шефство над нами укрепляет нашу боевую мощь. Перед угрозой войны пусть каждый член профсоюза будет готов влиться в наши ряды. В тесном единении с пролетариатом мы непобедимы!»

25 февраля устроен «вечер смычки членов коллектива и членов их семей» группкома № 3 (культработников). Здесь демонстрировались достижения музыкального и хорового кружков, объявлены итоги шахматного турнира и вручён приз Э. К. Тругце. Дополнили программу монодекламация, чтение, куплеты под гитару,



чай и закуска. Плясали до часу ночи. Чувствовалась непринуждённость и веселье. «Помещение было украшено занавесками, гирляндами и комического содержания лозунгами».

*26 февраля* в четыре часа дня в помещении окрбюро ВКП(б) прошло женделегатское собрание с повесткой: 1) что такое советская власть, 2) как обслуживает горсовет нужды женщины-работницы (слушали отчёт секции здравоохранения). Приглашались все желающие. «Явка делегаткам обязательна, и без опаздывания».

В конце февраля окрбюро ВЛКСМ слушало дело Семёна Андреевича Зорина, родившегося в 1906 г., сотрудника погранотряда. Его «привлекли» за «несерьёзное, легкомысленное отношение к вопросам брака». В течение года он дважды женился и столько же раз развёлся. Первоначально дело разбиралось «группой содействия партии» при управлении отряда, исключившей Зорина из комсомола. Но затем это решение было отменено и Зорину вынесен строгий выговор с предупреждением. 9 февраля дело разбирали на открытом заседании окружной конфликтной комиссии. Присутствовало до двухсот пятидесяти человек (не каждый киносеанс собирал такое количество зрителей), в прениях выступило двадцать человек. Постановили: «Поступки т. Зорина и им подобные, имеющиеся в организации и в среде молодёжи, как подрывающие стройку нового коммунистического здорового быта и авторитет комсомольской организации, окрбюро строго осуждает и предупреждает т. Зорина, что при повторении подобных поступков Зорин поставит себя вне рядов комсомола».

Пришло телеграфное распоряжение об увеличении месячных пособий по безработице: первой категории (высококвалифицированных работников со специальным образованием) до сорока, второй (квалифицированных рабочих) — до тридцати, третьей (неквалифицированных) — до двадцати трёх рублей.

Краевой финотдел сообщил из Хабаровска, что в первом тираже розыгрыша займа индустриализации, состоявшегося 14 января в Москве, по сто рублей выиграли две петропавловские организации: коллектив работников просвещения и медико-санитарных трудящихся, а также горожанка П. М. Проскуракова. Выигрыши вскоре должна была выдать Петропавловская расчётная контора Госбанка СССР, «о чём последует особое извещение».

При клубе ССТС организовался шахматно-шашечный кружок под руководством Комарова. Шла запись в кружок радиолюбителей «у товарища В. Флетчер (на почте) в часы занятий, можно по

телефону». Собралась инициативная группа по открытию столовой при клубе ССТС «на кружковых началах».

*1 марта* оглашено обязательное постановление окрревкома «Об объявлении в пределах Никольской и Петровской гор, верховьев Фермерского и Култучного ключей и двухсот пятидесятисаженной полосы вдоль берега Авачинской бухты — защитными». Здесь запрещалась любая рубка леса.

В клубе ССТС состоялось торжественное заседание, посвящённое мартовскому восстанию в Корее в 1919 г. Собрались почти все корейцы Петропавловска со своими семьями и детьми. После заседания был показан «живой журнал»: небольшая инсценировка из революционной борьбы корейского пролетариата, национальные танцы и песни. Клубную работу среди восточных рабочих возглавлял Е. М. Стратулат. Он предполагал проводить такие «живые журналы» ежемесячно, принимал меры к созданию при клубе библиотечки на корейском языке, а также налаживал работу и среди китайских рабочих.

Группа последних уже готовила к постановке национальный спектакль, намеченный к показу на субботу 24 марта. «Пьеса проработана и составлена коллективно участниками-инициаторами постановки. Участвующие относятся с большим увлечением к работе, внося в репетиции всю страстность и напряжённость классово-борьбы, в чём и состоит сущность пьесы, рисующей борьбу рабочих против мандаринов и генералов, продающих оптом и в розницу свою родину и кровь рабочих Китая иностранным капиталистам. В день спектакля зрители посредством либретто будут в общих чертах ознакомлены с содержанием пьесы», — рассказывал Е. М. Стратулат.

Он же извещал о твёрдом расписании работы драмкружка при клубе ССТС: репетиции с понедельника по четверг с восемнадцати до двадцати часов, общекружковая работа: среда-пятница с восьми утра до четырёх дня. «Индивидуальных повесток и приглашений не будет. Регулярное непосещение занятий кружка повлечёт за собой исключение из членов кружка».

*2 марта* горсовет снизил квартплату для снимавших чердачные и полуподвальные помещения до тридцати копеек за квадратный метр в месяц. За воду из городского водопровода с населения взимался рубль с семьи в месяц. Тонна воды в порту стоила для советских пароходов сорок копеек за тонну, для иностранных — шестьдесят. Учреждения платили за воду два рубля в год на каждого сотрудника.

3 марта, в воскресенье, в четыре часа дня в агитпропкабинете развернулась дискуссия на тему «Коммунистическая этика и быт». Основной докладчик — Кузнецова. Присутствовали в основном партийцы и комсомольцы.

Прошли конкурсные стрельбы из револьвера «Наган» в погранотряде. Участники показали следующие результаты: начальник отряда Краузе на дистанции двадцать пять метров выбил «сверхклассную норму» в пятьдесят четыре очка из семи патронов, его адъютант Сильвестров — пятьдесят три очка, казначей отряда Кварт показал «второй класс» — сорок семь очков.

4 марта спортобщество «Динамо» начало «длительный» стрелковый конкурс из револьверов «Наган» и малокалиберных ружей «Монтекристо». Конкурс был рассчитан на два месяца до 1 мая. Установлены три приза. К участию допускались только члены «Динамо». Конкурсную комиссию возглавил начальник погранотряда Краузе.

Окреевком отказал окружной детской комиссии в разрешении открыть в городе игру «Лотто».

В краеведческом обществе зачитан доклад М. А. Жедяевского «Коряки северной Камчатки», иллюстрированный photographиями на экране «из жизни и быта этих кочевников».

Вечером наблюдалось сильное извержение газов и паров из Мутновского вулкана.

6 марта в шесть вечера в агитпропкабинете началось первое камчатское окружное комсомольское совещание. На него прибыли делегаты от деревенских ячеек ВЛКСМ, всего двадцать шесть человек. Совещание открыл секретарь окрбюро ВЛКСМ Вдовин, выступивший с речью.

Окружная организация ВЛКСМ включала пятьсот десять человек, в том числе девятнадцать кандидатов. Они объединялись четырьмя городскими и тридцатью семью деревенскими ячейками. За 1927 г. в комсомол вступили сто человек. В молодёжном союзе состояли сто тридцать шесть девушек.

8 марта в клубе ССТС отшумел «грандиозный вечер-кабаре в пользу МОПР. «Масса номеров на сцене. Буфет с напитками. Столики, музыка. Бочка счастья (лотерея. — С. Г.). Игры».

9 марта горсовет предложил отделу благоустройства не позднее начала июня закончить полное оборудование городской площади Свободы. Совет отвел участок под жилой дом на ул. Ленинской горожанину Машихину. При этом было отклонено ходатайство Кредитного товарищества об отдаче ему этого же участка под

склад и контору. При этом руководствовались «исключительно необходимостью борьбы с жилищным кризисом в городе».

Объявлено, что постройка новой городской бани будет завершена к 1 мая.

*10 марта* в школе-девятилетке ученики седьмой и пятой «А» группы поставили «закрытый вечер». Его цель — «сплочение и смычка». Группы разбились на комиссии, которые и вели подготовку к вечеру. Хозяйственная комиссия собрала с учеников на организацию буфета более шестнадцати рублей. Вечер начался показом пьес «Богатырский сон» и «Полевой суд», затем пели, декламировали и угощались, танцевали и играли. Все присутствовавшие были очень довольны. Один из участников говорил: «Такое хорошее начало остаётся только приветствовать, и хочется, чтобы этот вечер был не последний. От седьмой группы приношу благодарность пятой “А” за то, что приняла наше приглашение о совместной постановке этого вечера».

*11 марта*, в воскресенье, в клубе ССТС прошёл вечер памяти (шестьдесят семь лет со дня смерти) украинского поэта Тараса Шевченко. Многочисленным зрителям были представлены: «Заповедь» в исполнении хора под управлением Курилова, «Слово о Шевченко», произнесённое Павленко, драма в пяти действиях «Невольник», сочинённая Крапивницким, концертное отделение и танцы. Режиссировал вечер Бадах.

*13 марта* группком № 3 (культурников) подвёл итоги работы за январь-февраль. По намеченному на плану: распределены обязанности между членами культкомиссии, организован хоровой кружок, приведён в порядок красный уголок, налажен учёт работы кружков и посещаемости уголка, выпущено два номера стенгазеты: к 21 января и 23 февраля; выписаны газеты и журналы, организован шахматный турнир членов коллектива. Из всех организованных кружков (музыкального, хорового, фото и шахматного) регулярно пока работал только музыкальный, объединявший шестерых членов самого коллектива, пятерых членов их семей и ещё пятерых посторонних приглашённых. Музкружок под руководством Дьячкова разучил четырнадцать номеров, провёл четыре публичных выступления: три в клубе и одно на семейном вечере коллектива. Остальные кружки оказались «нежизненными», и группком решил их ликвидировать, рекомендовав участникам записаться в соответствующие кружки при клубе ССТС. От организации стенкоровского кружка и кружка военных знаний культкомиссия отказалась из-за отсутствия руководителей.

*14 марта* отмечено трёхлетие Камчатского краеведческого общества. Три года назад при партпрофклубе был открыт кружок изучения Камчатки. В 1926 г. на заседании, посвящённом первой годовщине начала работы кружка, секретарь окрбюро ВКП(б) Д. С. Бузин говорил: «Советская власть и партия придадут большое значение вопросам краеведения, и в этом деле они организуют трудовую интеллигенцию, имевшую намерение отдать своё внимание этим вопросам».

В 1928 г. количество членов общества достигло ста пятидесяти человек, сеть его корреспондентов раскинулась по всему округу, установлена связь с Центральным бюро краеведения в Ленинграде. Одной из главных заслуг общества стало то, что оно сумело собрать в одном месте музейные экспонаты и книги о Камчатке. Общество не пользовалось никакими субсидиями, живя за счёт членских взносов и разных поступлений. Тем не менее, оно смогло подготовить ламутско-русский, корякско-русский и русско-чукотский словари, инструкцию о землетрясениях, устав и отчёт о собственной деятельности, провести исследования Авачинского и Корякского вулканов, группы вулканов Ключевского дола, некоторых групп горячих ключей, обследовать кочевья северной Камчатки. Правление общества располагало полной сводкой месторождений угля, нефти, слюды, золота и прочих полезных ископаемых на полуострове. Имелись рукописи о горячих ключах и вулканах с их историей и описаниями.

«Краеведение, изучая производительные силы нашего округа, помогает укреплению его хозяйства. Вступайте в члены Краеведческого общества!»

*17 марта* пущена новая городская электростанция. Она сооружалась при участии многих организаций, особенно окружного финотдела. На станции установили приводной двигатель «Фербенкс Морзе» мощностью восемьдесят лошадиных сил. Этого хватало для одновременного питания двух тысяч лампочек по двадцать пять свечей. Счётчики предполагалось установить на каждые пять лампочек. «Первый год эксплуатации будет довольно дорого себе стоить, но как только станция получит максимальное количество абонентов и сможет продать возможно большее количество своей энергии, это даст возможность безубыточно эксплуатировать станцию. Камчхоз широко пойдёт навстречу населению путём предоставления длительной рассрочки по внутренней электропроводке, которая переходит в собственность приобретшего её гражданина. Лампочка Ильича пробивает свой свет на нашу

далёкую окраину. Лампочка Ильича подымает на целую голову выше в культурном отношении наш далёкий край».

Камчхоз предупреждал, что потребителям следует заменить лампочки, рассчитанные на напряжение сто десять вольт, двухсотдвадцативольтовыми. Они продавались на складе треста. Лица и учреждения, получившие у Камчхоза стодесятивольтные лампочки во временное пользование, должны их сдать на склад в течение недели. «Горожане, у коих введена электропроводка, должны подать в Камчхоз письменное заявление о том, какого числа он включается в электросеть, какое количество у него лампочек и по сколько ватт».

*17 марта* в пять вечера в клубе ССТС прошло общегородское собрание членов Международной организации помощи рабочим (МОПР) с повесткой дня: «Пять лет организации и День Парижской коммуны».

*22 марта* стало известно, что пароход Совторгфлота «Эривань» выйдет из Владивостока 20 марта на Усть-Камчатск. На обратном пути планировался его заход в Петропавловск. 26-го числа должен был выйти второй пароход на Петропавловск.

Окружной аптечный склад, размещавшийся на ул. Ленинской, 23, начал продажу медикаментов. Торговля шла ежедневно, кроме дней отдыха, с девяти утра до часу дня.

«Полярная звезда» сообщила о раскрытии ОГПУ контрреволюционного заговора в Шахтинском районе Донбасса. Это громкое дело вскоре окрестили «шахтинским», иначе — «донбассовщиной». По версии властей, «цель заговора — катастрофический срыв советской промышленности, ослабление обороноспособности Советского Союза». Организация же инженеров-вредителей «поддерживалась и финансировалась иностранными империалистами». Процесс по «шахтинскому делу» стал первым публичным в стране. Тут же вспомнили о недавних, якобы, поджогах на Сормовском заводе, в Брянске, Баку...

Открытый судебный процесс по делу начался 20 мая. Дело рассматривало специальное присутствие Верховного Суда СССР под председательством А. Я. Вышинского, ректора Первого Московского государственного университета. В организованном вредительстве обвинялись пятьдесят два человека, в том числе три германских специалиста.

*23 марта* с десяти утра окружной военком Коротаев выдавал лицам начальствующего состава запаса, прошедшим переучёт, новые учётно-воинские документы. В этот день завершили работу

курсы комсомольских секретарей и деревенских пионерских работников. Делегаты начали разъезжаться по домам.

Трест «Камчхоз» получил разрешение на заготовку дров в лесном массиве в районе шестнадцатой версты Елизовского тракта.

В клубе ССТС открылось новое помещение — комната отдыха с громкоговорителем.

Окрывком отпустил горсовету из своего резервного фонда двадцать пять тысяч рублей на производство мясных заготовок для городского населения.

*24 марта*, в субботу, клуб имени Дзержинского при погранотряде устроил вечер-спектакль. Демонстрировались пьеса в трёх действиях «Выигрыш» и водевиль «Именинница». Затем начались танцы и «Бочка счастья». Работал буфет с горячими закусками. Весь сбор от вечера поступил на нужды культпросветработы в отряде и спортивному обществу «Динамо». Приглашение на вечер завершалось призывом: «Идите все!!!»

Между прочим, «бочкам счастья» вскоре пришёл конец — постановлением Наркомфина СССР было запрещено проведения в СССР любых лотерей без особого постановления Совнаркома.

В этот же день в клубе ССТС прошел первый китайский «живой журнал». Во время инсценировки на сцене произошло короткое замыкание проводов. Публика в панике с криками «пожар» бросилась, было, к выходу, но неисправность быстро отыскали и устранили, после чего действие продолжилось.

*25 марта*, в воскресенье, в кабинете агитпропа ожидалась дискуссия на тему: «Политика коммунистической партии и советской власти в вопросах заработной платы (почему не все рабочие и служащие получают одинаковую зарплату)». Но докладчик Савельев серьёзно заболел, и дискуссию перенесли на 6 мая. Теперь должен был докладывать тов. Градусов. Но и тут дело не заладилось, и действие вновь отложили, теперь до 13 мая.

*26 марта* Петропавловск-Камчатский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов второго созыва принял обязательное постановления № 3 «О санитарной охране бань, парикмахерских, торговых магазинов, лавок, мест общественных собраний, столовых, пекарен». В соответствии с ним, держателям бань, например, полагалось: поддерживать помещение в чистоте, удалять слизь с полы и скамей, красить последние, устанавливать в достаточном количестве плевательницы и ящики для окурков. Содержатели должны следить за недопущением негрезвых посетителей, а также с сыпью и язвами на теле и лице. Стир-

ка белья «как в общих банях, так и в номерах» запрещалась. При бане полагалось иметь жалобную книгу, куда посетители могли вписывать «санитарную неисправность».

26 марта принято обязательное постановление № 4 «О прекращении стрельбы в городе Петропавловске». Его нарушителям полагался штраф до ста рублей или отправка на принудительные работы на срок до месяца. В это же день принято ещё одно обязательное постановление — № 5: «О борьбе с хулиганством». Согласно документу, «лиц, появившихся в пьяном виде в общественных местах, органы милиции немедленно удаляют как по собственной инициативе, так и по заявлению администрации общественных мест. За неподчинение распоряжению милиции нарушители препровождаются в милицию для составления протокола. Воспрещается производить на улицах, в публичных и общественных местах шум и крик, произнесение бранных и нецензурных слов, отправление естественных надобностей в неустановленных для того местах, приставание, бесцельные озорные действия, как-то: стрельба и пугание оружием». Виновные подлежали штрафу до двадцати пяти рублей или принудработам до двух недель.

27 марта принято ещё одно обязательное постановление горсовета, на сей раз «О санитарном состоянии г. Петропавловска-Камчатского». Постановление запрещало загрязнять улицы и площади сливaniem и выбрасыванием мусора, навоза и других нечистот, а также закапывать и выбрасывать в этих местах трупы животных, птиц и всякого рода отбросы и нечистоты. Домовладельцы и арендаторы должны были содержать участок улицы перед домом во всю ширину при рядной и до половины при двухрядной застройке, а также прочищать против своих участков ручьи и канавы от мусора. Площадь Свободы и улица Советская убирались городским отделом благоустройства.

В каждом дворе должны быть устроены для свалки отбросов и мусора особые места, которые должны очищаться по мере надобности, а содержимое вывозится в специально отведённое свалочное место. Его определили на «Сухом озере», что по Халактырской дороге. Запрещалось загрязнять питьевые источники, в том числе полосканием и стиранием белья, замачиванием кож, бочек. Всех собак с 1 мая следовало вывести из черты города и содержать в особых местах на привязи до 15 октября. С 15 октября по 1 мая их разрешалось держать привязанными внутри дворовых оград. Все охотничьи и комнатные собаки должны были находиться внутри дворов и выпускаться на улицу только в присутствии



хозяев и в намордниках. Все бродячие собаки подлежали уничтожению. Выпускать свиней, коров и лошадей на улицу запрещалось. Пасти их можно только в особо отведённых местах.

Виновные в нарушении этого постановления штрафовались на двадцать пять рублей или подвергались принудительным работам на срок до семи дней.

*30 марта* в шесть часов вечера в помещении агитпропкабинета открылся второй Петропавловский районный съезд Советов. Вступительное слово произнёс председатель Петропавловского райисполкома Козлов: «По поручению третьего пленума райисполкома первого созыва разрешите всю власть в районе передать хозяину района — второму райсъезду Советов!»

В конце марта открылась рабочая столовая, организованная «кружком улучшенного питания» для членов клуба ССТС и их семейств. Столовая отпускала обеды и ужины, а также принимала «столовников» на месячный пансион стоимостью пятьдесят шесть рублей. Один разовый обед обходился в рубль двадцать копеек, ужин — в восемьдесят копеек.

За март окрестрах выплатил застрахованным горожанам: по временной нетрудоспособности 846 руб. 60 коп., роженицам — 204 руб., 05 коп., на приданное ребёнку — 135 руб., на кормление ребёнка — 276 руб., на погребение — 67 руб. 50 коп., по безработице — 897 руб. 25 коп., пенсий инвалидам и членам семей умерших — 953 руб. 22 коп.

Продолжался стрелковый конкурс спортобщества «Динамо», Пограничник Самойлов и динамовец Бетев выбили второй класс с результатом сорок одно и сорок пять очков соответственно из малокалиберного ружья «Монтекристо». Из револьвера «Наган» стоя на дистанции двадцать пять метров старший врач погранотряда Гончаров выбил тоже второй класс — сорок восемь очков за семь выстрелов.

*1 апреля* открылся молодёжный шахматный турнир. Большую помощь в его организации оказал руководитель шахматного кружка В. Ф. Комаров. Участвовали четырнадцать человек. Первенствовали Ю. Брагин, выигравший все двенадцать партий, Г. Архангельский, проигравший только одну, и Г. Бонда. «Шахматы всегда являлись любимым развлечением выдающихся мыслителей... Карл Маркс, Карл Либкнехт и В. И. Ленин проявляли большую любовь к шахматам... Молодёжь через шахматы — вперёд за завоевание лучших человеческих качеств, так необходимых нам в нашей жизни и борьбе».

Началась кампания по выборам нового состава горсовета. Председателем избирательной комиссии по перевыборам утверждён Масюк. В этот день прошли первые предвыборные собрания: «неорганизованных граждан» в клубе ССТС, «восточных организованных и неорганизованных рабочих» в школе первой ступени, женских коллективов водников, полиграфов, работпроса, местрана, связи в агитпрокабинете окрбюро ВКП(б), женщин коллективов нарпита, коммунальщиков, совторгслужащих, медсантруда, рабземлеса в пограничном клубе имени Дзержинского. 5 апреля собирались коллективы работпроса, медикосантруда, связи, коммунальщиков и совторгслужащих, 7-го числа — военнослужащие погранотряда.

Собрания признали работу прежнего горсовета удовлетворительной. В качестве достижений отметили постройку бани, электростанции, освещение улиц, хорошую постановку санитарного дела. Недочёты: «мясной» и «дровяной» кризисы, отсутствие плановой культурно-воспитательной работы. Восточные рабочие говорили о нецелесообразности созыва объединённого собрания двух национальностей с разными, непонятными друг другу языками (корейским и китайским).

«Самый важный и серьёзный вопрос — это намечение кандидатур на самом собрании. К выдвижению кандидатур надо подходить очень осторожно». Нужно выдвигать работоспособных, авторитетных и желающих работать в горсовете товарищей. Каждого надо подвергать обсуждению присутствующих».

Перевыборы горсовета пересеклись с «пасхальной кампанией». Окрсовет Союза безбожников создал комиссию про проведению последней в составе представителей комсомола, профбюро под председательством члена окрсовета Мариманова. «Мы должны в нынешний год к пасхальной кампании привлечь внимание всей общественности, всего населения, заинтересовать их нашей программой, дав им ясное представление происхождения церковной Пасхи. К Пасхе был приурочен выпуск первого номера «безбожной стенгазеты», которая должна «осветить сущность этого праздника». Методическими пособиями для школьных работников и членов Союза безбожников являлись центральные журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник».

Образцом местной антирелигиозной пропаганды является следующая газетная заметка: «Блуждающий по городу от безделья рыжебородый монах принял “святое крещение“ в Ковше. В то время, когда избиратели шли на выборные собрания, этот рыжий

детина обнажил свой живот и в брюках прыгал с льдины в воду. Перед каждым омовением он напевал какие-то псалмы и усердно крестился. На льдины из воды он взбирался при помощи верёвки, которая была привязана к его брюкам (за верёвку тянули ребятишки). Так продолжалось раза три. Такие ванны полезны и особенно после госспиртовской ванны, в которой этот монах изрядно искупался (еле держался на ногах)».

А вот заметка «Поп-звонарь» некоего «Фомы неверующего»:

«После своего приезда петропавловский поп Леонтий, кончив обедню, вышел на амвон, склонил смущённо голову и повёл перед молящимися такую речь:

— Православные! Был я в матушке-России, в Чернигове, Киеве и разных городах. Там — другая жизнь. Там нет неверующих, все осознали, что есть всевышний, в церквах божьих народу полно, очереди стоят, а у нас на Камчатке забыли про господа. Верьте только одному богу и больше никому...

И попу в том числе, граждане, не верьте. Тоже бывали мы и в Киеве, и в Чернигове, и по всей матушке-России, а такого вруна, как о. Леонтий, ещё не встречали».

Пример творчества некоего «Дона Педро» на эту же тему под названием «Шалости грузчиков»:

«У амбара возле пристани Совторгфлота — кучка любопытных людей. Все боязливо вглядываются за угол амбара.

— Наверное, убили...

— Ишь, весь в крови...

— И чего милиция смотрит?

Любопытство взяло своё, и зеваки двинулись к амбару. Зрелище оказалось весьма занимательное. Растянувшись, на траве во весь рост лежал поп в изодранной рясе. Рыжая борода и волосы живописно окаймляла его одутловатое лицо.

— Батюшки! Крови-то сколько... крови... и лицо в крови, и волосы в крови...

— Да это не кровь, а масляная краска!

И верно — всё лицо и волосы попа были покрыты густым слоем ярко-красной масляной краски.

— Храпит... жив, братцы!

“Покойник” действительно неистово храпел, выпуская по временам из носа пузыри из сопли. Вокруг него на три сажени разносился запах перегорелого спирта.

Оказывается, грузчики решили пошутить над блуждающим попом — напоили его допьяна, а потом... выкрасили в красный

цвет. Ну, и шутники эти грузчики. А попа, всё-таки, всё равно в красный цвет не перекрасить, зря краска пропала».

Выборы в горсовет проводились в соответствии с инструкцией, утверждённой ВЦИК СССР 28 сентября 1926 г. В них не могли принимать участие так называемые «лишенцы», то есть лица, лишённые избирательных прав согласно пунктам «В» статьи 69-й и «А» статьи 10-й Конституции РСФСР. «Лишенцами» становились бывшие офицеры, служащие полиции, тюремного ведомства, корпуса жандармов, лица, некогда принадлежавшие «к классу эксплуататоров» (помещики и буржуазия), служители религиозных культов. Таковых в Петропавловске к началу апреля насчитывалось пятьдесят пять человек. Среди них: Константин Фёдорович Октябрьский, бывший коммерсант, ныне торговец и рыбопромышленник, Викул Сергеевич Попов, торговец, Пётр Владимирович Проскуряков, бывший управляющий торговой фирмы «Чурин и К<sup>о</sup>», Павел Ефимович Петраш, священник, Андрей Михайлович Пименов, бывший пристав, начальник уездной полиции, ныне не служащий домовладелец, Дмитрий Сергеевич Плотников, бывший офицер, теперь занимавшийся частными работами, Иван Гаврилович Подпругин, торговец (скупщик рыбы), Яков Григорьевич Конев, бывший коммерсант, ныне сторож Совторгфлота, Фома Александрович Прытков, бывший жандарм, теперь работник сельхозфермы, Николай Прокопьевич Поляков, бывший офицер, сейчас служивший в Госторге. В «лишенцы» попали тридцать четыре торговца азиатского происхождения: Сунь-мен-пан, Цзин-чжун-ци, Юй-чже-фуй, Ли-шихуа, Ван-яо-тит и другие. Двоих горожан лишили избирательных прав по приговору нарсуда как совершивших уголовные преступления и получивших небольшие сроки лишения свободы (И. Г. Лядов и П. Ф. Сёмкин).

Отдельно был составлен список «лиц, материально зависящих от лиц, лишённых избирательных прав». В него вошли двенадцать домохозяек, в том числе Варвара Алексеевна Подпругина, Агафья Фёдоровна Полякова, Валентина Георгиевна Конева, Екатерина Христофоровна Гао-чжи-дзян и сыновья дьякона К. К. Гарднера Пётр и Василий, также занимавшиеся своим хозяйством.

«Лишенцы» могли быть восстановлены в правах при условии, если они в течение не менее пяти лет занимались производительным и общественно-полезным трудом и доказали свою лояльность к советской власти. Восстановление проводилось по постановлению городской, областной или краевой избирательной комиссии, утверждавшемуся соответствующим исполкомом.

8 апреля городская избирательная комиссия объявила: «Подругина А. К., как ошибочно занесённая в список как лишённая избирательных прав, восстанавливается в этих правах. Рубцов Е. В., Рубцова Е. С. и Рубцов В. С., как имеющие торговое предприятие, лишаются избирательных прав». Впрочем, уже 15 апреля постановлением горизбиркома Екатерина Семёновна Рубцова была восстановлена в правах, согласно её заявлению.

Выдвижение кандидатур проводилось персонально. Избрали одиннадцать депутатов и четверых кандидатов к ним, в том числе двух женщин. Из числа депутатов половина — «партийно-комсомольского состава».

*1 апреля* Камчхоз, «желая добиться стопроцентного снабжения электроэнергией граждан города», уменьшил стоимость установки «одной точки горения» по двум вариантам. Первый: трест отпускает арматура и устанавливает её за свой счёт, за что взимает в течение пяти лет за одну лампочку пятьдесят копеек в месяц. Через пять лет арматура переходит в собственность граждан. Второй вариант: если горожане делают проводку сами, то трест продаёт набор арматуры и взимает за присоединение к линии девять рублей девять копеек. Допускается рассрочка до полугода. Одновременно объявлялось, что арендная плата за счётчики будет взиматься ежемесячно: за самый мощный счётчик на двадцать ампер — по восемьдесят копеек. «В настоящее время пересматриваются таксы на электроэнергию полампочно и с киловатт-часа в сторону их максимального снижения».

*6 апреля* на город обрушилась мощная пурга. Тяжёлый, мокрый снег вывел из строя электро- и телефонную проводку. Несколько дней отсутствовало электроосвещение. Пришлось переносить подготовленный краеведческий вечер на 15-е число.

Камчхоз наметил сдать в мае вновь построенную коммунальную баню в аренду. Трест также сдавал «подрядно-ассенизационные работы в городе». Желающие приглашались на переговоры до 15 апреля.

*10 апреля* Камчхоз получил из бюджета города десять тысяч рублей на заготовку дров. Ссуду следовало погасить к 15 сентября.

*12 апреля* ввиду большого «запаса электроэнергии», образовавшегося после пуска новой электростанции, Камчхоз приступил к проработке вариантов её полного использования путём закупа в город электромоторов для различных мастерских, электрических утюгов и прочих электроприборов (видимо, от этой даты нам следует отсчитывать время появления на Камчатке того, что

ныне называется электробытовой техникой. Ранее электроэнергия использовалась исключительно для освещения).

*13 апреля* пришёл первый пароход навигации — совторгфлотовская «Эривань».

*14 апреля*, учитывая ошибки мясозаготовки, приведшей к «кризису на мясо» в городе зимой 1927/28 г., Петропавловский кооператив сделал заказ на материк о поставке ему ста пятидесяти голов скота и заключил договоры о поставке на месте. Уже с первым пароходом открывающейся навигации ожидалось первые пятнадцать «голов». Так что мясо вскоре должно было появиться в надлежащем количестве. А пока цены на него росли. В феврале у кооператива они увеличились с полутора рублей до рубля девяносто копеек за килограмм. Частники брали до двух с половиной рублей за килограмм.

Юношеская секция дала в клубе ССТС «антирелигиозную» пьеску «Святой отец». Прошла хорошо, но впечатление несколько «смазали» сами юные актёры, которые смеялись во время действия. Хотя, впрочем, и зрители не могли удержаться от смеха, глядя на них — дело в том, что ремесленная группа школы-девятилетки, ставившая пьеску, состояла из одних юношей, которым пришлось играть женские роли, нарядившись в платья и юбки. Затем показали номер «Радиовещание». На сцене поставили усилитель, аккумулятор, вместо радиолампы — обычную электрическую. Самодельный артист изображал разговор в эфире: свистел, хрипел, завывал, изображая всяческие помехи. Публика хохотала до слёз.

*15 апреля* в клубе ССТС состоялся ранее отменённый краеведческий вечер с программой: 1) оперетка-шутка «Лесные жители» в одном действии. Постановка М. Кренберга, 2) трагедия на тундре «Чукотский гость» в одном действии. Постановка Е. Стратулат, 3) концертное отделение: музыкальный квартет, итальянский квинтет, краеведческий лубок, балет-лубок, частушки о Камчатке и некая «Песнь о великом походе». Работал буфет, играл духовой оркестр. Ответственный распорядитель вечера — Житников, конферансье Гарсов.

Обе пьесы «местного творчества» прошли с успехом. Особенно понравились публике «Лесные жители», где участвовали Медведь, Мотылёк, Иван-Чай, Шикша, Морошка, Чавыча, Краевед и Камчадал. Оригинальные костюмы в обеих пьесах и удачная игра вызвали дружные аплодисменты. Написанные специально для этого вечера Житниковым и Степановым яркие, «местного колорита» декорации значительно способствовали успеху вечера. Программа

затянулась до двух часов ночи. «Публика жалуется также на убийственные антракты. Плохо дело с вешалкой: в своих галошах не всем удалось уйти из клуба. Пьяных было мало, несмотря на пасхальное настроение».

На вечере отличился некто «Васька Новограбленов». Вот что рассказал об этом очевидец его очередных «подвигов» П. Житников. Началось с малого — Новограбленова попросили снять с головы фуражку: клуб, как-никак. Разразилась перебранка. Вызвали милиционера. «Милиционер говорит тихо и вразумительно, “Васька” кричит, брызжет слюной. Милиционер махнул рукой, ушёл. Через некоторое время буфет, переполненный публикой, оглашается зычным раскатистым матом.

Мужчины морщатся, женщины разбегаются из буфета. У буфетчика встревоженное лицо. Это опять тот же “Васька” Новограбленов ведёт перебранку с пьяными матросами и Новградским. Дело доходит чуть ли не до револьвера. Открыли двери, хотели “выставить”, но по каким-то обстоятельствам не “выставили”. Виновата здесь, очевидно, чрезмерная мягкосердечность милиционеров.

Милиция должна усилить борьбу с такими хулиганами, решительно и быстро переселять их из общественного места, как клуб, в арестное помещение. Иначе это хулиганье, чувствуя полную безнаказанность, окончательно обнаглеет, и не будет от него никакого спасенья. О самом же “Ваське” надо сказать, что ему давно нет места в комсомоле. Это не комсомолец, а типичный хулиган».

Вот такая «самая печальная и типичная фигура хулигана. Молодой, а ранний, комсомолец, а сорвиголова». Следует добавить, что этого «Ваську» комсомольское окрбюро наказало строгим выговором «с занесением» ещё 5 января. Как тут не вспомнить знаменитое: «А Васька слушает, да ест».

*19 апреля* завершилась «курортная кампания», начавшаяся 5 марта. Суть её заключалась в том, что профсоюзам следовало определить лиц, которым нужно предоставить путёвки на курорты и в санатории страны. Согласно положению, путёвки делились в следующей пропорции: восемьдесят процентов для рабочих, двадцать — для служащих. Для Камчатки, ввиду отсутствия на ней больших производственных предприятий, было сделано исключение: эта пропорция составила шестьдесят на сорок. Отборочно-курортная комиссия при окрпрофбюро распределила путёвки в пропорции 61,5 на 38,5 %, отобрав тринадцать человек. На курорт Олентуй ехали: Студецкий (типография), Степан Ким (Авиахим), Пискун (окроно), Бергау (радиостанция), на курорт Дарсун: Ключ-

ков (топография), Хабаров (окрревком), Выборов (окроно). Выделены путевки также на курорт Кульдур, в грязелечебницу Сад-Город, туберкулёзный санаторий во Владивостоке. На случай выбытия кого-либо из потенциальных курортников назначен резерв из «кандидатов».

Правление клуба ССТС обращалось ко всем лицам с просьбой передать за плату или безвозмездно сценическую литературу (пьесы, драмы, оперетки, водевили, инсценировки).

*20 апреля* в Ковш втянулась «Индибирка», дошедшая из Владивостока за пять суток. Это был своеобразный рекорд: обычно старые пароходы тратили на такое плавание гораздо больше времени. Пароход установил и второй рекорд, привезя для маленького города сразу восемь тонн почты.

*22 апреля*, в воскресенье, в девять часов утра открылось катание на санках, лежанках, нарточках с Петровской горы. Прошли состязания на скорость спуска. Победителю достался приз — часы.

Вечером в клубе давали китайский спектакль «Конец Свентуна» — революционную пьесу в шести действиях. «Пьеса идёт в новых костюмах. Участвуют тридцать человек. Режиссёр Чжан-ли-жен. Весь сбор пойдёт на усиление работы среди восточных рабочих».

Приехавший в город из Ключей некто Пахомов во время перерыва и в ходе пьесы он выкрикивал «разные слова» и надевал на голову совершенно незнакомой женщины кепку. «Недаром гражданин Пахомов несколько раз сидел в исправительно-трудовом доме».

*26 апреля* заседало правление краеведческого общества. Оглашена приветственная телеграмма от Центрального бюро краеведения, поздравлявшего камчатцев с трёхлетием. Председатель общества Каплан сообщил о намерении организовать отделение общества и музея в Усть-Камчатске. Вернувшийся из поездки по полуострову Кузнецов рассказал о своих наблюдениях. Общество решило просить учителя школы в селении Камаки записать народные сказки, предания, обычаи и передать их в общество.

*29 апреля* горизбирком опубликовал объявление: «Товарищи! В пять часов вечера по пушечному выстрелу — все на выбора!» Выстрел последовал со сторожевика «Красный вымпел», стоявшего в Ковше.

Состоялось общее собрание восточных рабочих, посвящённое Первомаю. Присутствовали тридцать три китайца и тридцать семь корейцев. Доклад делался на их родных языках. По докладу задано шесть вопросов и выступили пять человек. В резолюцию, среди прочего, записали: «Для дальнейшей работы в борьбе за



освобождение восточных рабочих от ига мирового капитала усилить культурно-воспитательную работу среди себя... Сплотиться вокруг Осоавиахима для усиления обороноспособности СССР как первого в мире пролетарского государства».

Объявлен порядок первомайских торжеств. Планировалось, что с пяти часов вечера 30 апреля начнутся общие собрания профколлективов по предприятиям и организациям с докладами «О Первом мае». Докладчиков выделяло окрбюро ВКП(б). Затем будут выступать участники первомайских собраний в дореволюционное время. В шесть вечера в клубе ССТС начнётся бесплатный киносеанс для детей, а в восемь вечера — для взрослых трудящихся. 1 мая в одиннадцать часов в школе-девятилетке будет детский утренник, в двенадцать дня Осоавиахим проведёт соревнования по стрельбе. Правление клуба ССТС обеспечит приём радиоконцерта Хабаровской широкоэвещательной станции. В семь вечера в клубе откроется общегородской митинг, в восемь — «Первомайский рабочий вечер бесплатно».

30 апреля постановлением Далькрайтруда и Далькрайпрофа объявлено праздничным нерабочим днём.

Петропавловский районный пушной питомник обещал выплатить лицу, представившему гнездо живых соболят, пятьсот рублей. «Гнездо считается из трёх соболят. За каждого добавочного молодого соболя, сверх трёх, будет доплачиваться дополнительно сто рублей. Питомником заведовал шведский учёный Ренэ Малэс, прибывший на Камчатку в составе экспедиции королевского географического общества летом 1920 г.

Окрбюро ВКП(б) разъяснило гражданам, обращавшимся в партийный комитет по вопросам взаиморасчётов с бывшей столовой, работавшей в здании окрбюро. Партийцы объяснили, что он никакого отношения к столовой не имели, а сдавали в своём здании помещение в аренду представителю коллектива столоующихся. «Поэтому все претензии должны направляться коллективу бывших столовников или в нарсуд».

Впрочем, услуги желавшим столоваться могла оказать «общественная столовая с крепкими напитками» частного Керенца (как-никак, НЭП на дворе), расположенная неподалёку от Култучного озера. Правда, усидеть в ней мог не каждый: «Начиная с часу дня уже раздаётся в столовке бойкое хлопанье бутылочных пробок. К трём часам — концу обеда в столовой (хочется сказать — таверна) стоит непроницаемый табачный дым, тяжёлые испарения человеческих тел, запах винного перегара. В воздухе при извест-

ной наблюдательности можно заметить там и здесь вырисовывающиеся контуры свободно висящего топора. Пользуясь правом свободного гражданского существования, в столовке свил себе прочное гнездо великолепный русский мат...»

В ночь на 1 мая совершена кража со взломом в Петропавловском кооперативе. Похищены деньги из кассы и различные предметы. Через сутки милиция задержала Марка Фёдоровича Малахова, Макара Дмитриевича Ядика и Петра Алексеевича Сидоренко, избличила их и привлекла к уголовной ответственности. У задержанных найдена часть похищенных денег.

Привлекали воришек и электролампочки наружного освещения. Две лампочки выкрутили возле здания окрбюро, одну у клуба ССТС и в других местах.

1 мая в клубе ССТС состоялся общегородской митинг, собравший четыре сотни трудящихся совместно с пограничниками и краснофлотцами сторожевого судна «Красный вымпел». После выступлений представителей партийных, советских и профессиональных организаций было внесено предложение о посылке приветственных телеграмм Германскому Союзу красных фронтовиков и политзаключённым корейской тюрьмы в Сеуле, подшефной Камчатскому окрбюро МОПР. Также предложено переименовать Никольскую улицу в Первомайскую. Об этом постановлено просить городской совет.

В заключение митинга принята резолюция, «отмечающая наши успехи в социалистическом строительстве, которые приводят в бешенство мировых капиталистов. Но на все попытки империалистов помешать нашей мирной хозяйственной и культурной стройке, трудящиеся города ещё больше сплотятся вокруг ВКП(б), чтобы с удвоенным упорством и самоотверженностью продолжать свою работу на пути за новыми победами на фронте хозяйственного и культурного строительства у нас здесь, на Камчатке, — далёкой окраине СССР».

После митинга состоялся рабочий вечер. На нём показаны пьесы «Радио-май» и «Буржуй», а также «разнообразный дивертисмент». «Нельзя не отметить теплое отношения со стороны командования “Красного вымпела”, ознаменовавшего праздник пушечным салютом в двадцать один выстрел и пуском ракет, не говоря уже о том, что краснофлотцы принимали участие в программе первомайского вечера».

Праздник Первомая прошёл хорошо, подкачала одна Сероглазка. Некий «Участвующий» поведал об этом так: Сероглазкинцы

настолько обленились, что за малочисленностью не состоялось даже торжественное заседание, которое заменили одним докладом о Первом. Вечером — спектакль, который прошёл оживлённо (закончился в час ночи)». Здесь же автор просил помощи: «Кстати, о нашей избе-читальне. Она плохо приспособлена для спектаклей. Шеф (город. — С. Г.)! Помогите оборудовать избу-читальню!»

2 мая постановлением ВЦИК СССР установлено, что, начиная с 1928 г., День Интернационала (1 мая) празднуется два дня. Производство работ в эти дни воспрещается на всей территории СССР (за исключением непрерывных производств). В 1928 г. 2 мая праздновалось в счёт 24 мая (ныне отменённого праздника Вознесения).

Праздничные дни с их многочисленными сценическими представлениями вызвали в среде «культурных» петропавловцев пересуды, общий смысл коих сводился к тому, что «надо улучшить наш театр». Вот что по этому поводу писал один из любителей театрального искусства:

«Прежде всего, кто играет? Приглядываясь к сцене, можно увидеть на ней наших “классиков”: тт. Гарсов и Зойла, дальше идёт “любимец публики” тт. Ткачук, Тамов, Кренберг и “вечный любовник” т. Решетников. Всё это имеющие стаж любители. Из молодёжи на сцене выступают не мало, сегодня один, завтра другой, и так без конца. Увидали — человек стоит около клуба, а там идёт репетиция и не хватает артиста или сбежал кто. Хватают беднягу, и вот он назавтра на сцене, на мученье себе и публике отчуживает какую-нибудь роль. Что же получается? А то, что “старички” реже и реже показываются на сцене, не каторжные, мол, будя, попили нашей кровушки (Гарсов только по особому заказу в особо торжественные дни). Молодёжь в драмискусстве не подвигается совершенно, так как случайные выступления, естественно, дать им ничего не могут.

Как идёт игра? Я не спец, не тонкий ценитель этого благородного искусства, но надо отдать должное — новички играют плохо, больше — играют скверно. И главное то, что игра не улучшается.

Что ставят? А что попало под руку. Старое приелось, нового много, но ничего нельзя выбрать для нашей сцены. И идёт, идёт... мало хорошего идёт. Такие постановки не учат, а мучат.

Кстати, откуда взялись все пьесы в нашем клубе? Вопрос об их приобретении решается просто: едет кто на материк, заказы дают. Привозит, но что? Скажем, я “ни уха, ни рыла” не понимаю в этом деле, что я выберу? Что дадут. А дадут то, что не имеет спроса, дрянь.

Ну, а костюмы, грим, парики? Печально, товарищи. Не чищено, в пыли, в беспорядке свалено в кучи, портится. Приличного костюма на сцене не увидишь, и получается, что на артиста надо наклеивать вывеску, чтобы публика могла понять, почему, например, Чемберлен (премьер-министр Великобритании, большой недруг СССР. — С. Г.) выходит на сцену в рыбацких резиновых сапогах... Нам надо ставить вопрос о приглашении специального режиссёра рублей за двести».

3 мая Петропавловская фактория Акционерного Камчатского общества (АКО) прекратила торговлю «вследствие учёта товаров и имущества». Учёт завершился аж 10-го числа.

Опубликовано расписание движения пароходов Совторгфлота по северным линиям на навигацию 1928 г. Всего флот планировал выполнить двадцать девять плаваний.

Городской отдел благоустройства провёл аукцион по продаже строительных материалов от разобранных базарных лавок. Желающие могли осмотреть выставленное на продажу у пристани Совторгфлота.

Правление клуба ССТС, откликаясь на критику и предложения «театралов», пригласило на работу постоянного режиссёра Бадах. Ожидалось, что «в связи с этим все клубные капитальные постановки войдут в плановый порядок. Предположено ставить три клубных спектакля в два месяца». Далее мы увидим, что это предположение вполне оправдалось.

Можно было считать, что драмкружок при клубе окончательно сформировался. В него дополнительно вступили двадцать восемь человек, и теперь в кружке насчитывалось сорок любителей сценического искусства. Старостой кружка выбран Ткачук, режиссёрами Глаголевский и Колоколов, суфлёрами — Зырянов и Житников. При кружке организована секция по изучению теории драматического искусства.

10 мая опубликовано расписание рейсов японского парохода «Муроран-мару № 5», принадлежавшего компании «Курибаяси Сиосен Кабусики Кайша» из Мурорана. Агентировал судно в Петропавловске Совторгфлот. Пароход делал семь рейсов из Хакода-те, заходя в Петропавловск, на западное и восточное побережья полуострова.

13 мая в четыре часа дня в окрбюро ВКП(б) состоялось очередное делегатское собрание. Обсуждали учение В. И. Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством и работу ячейки № 3 ВКП(б). Приглашались и все желающие.

14 мая, в понедельник, вечером в новом помещении клуба ССТС собрались стенкоры и рабкоры, и «друзья» газеты «Полярная звезда». Повестка собрания: о работе газеты, об организации городского стенкоровского кружка при клубе, прочее.

15 мая в клубе ССТС заседал профсоюз нарпита. В числе прочего обсуждали работу газеты «Полярная звезда». Отметили, что по сравнению с прошлыми годами она изменилась: увеличился формат, улучшилась содержание, особенно в части работы с сельскими корреспондентами, появились иллюстрации. Тираж вырос с четырёхсот до восьмисот экземпляров, подписная плата для крестьян снижена до пятидесяти копеек в месяц (для рабочих и служащих — рубль двадцать, «неорганизованных граждан» — восемьдесят, красноармейцев — двадцать пять копеек). Но есть и недостатки: газета не окупается, плохо доставляется в село, плохо налажено взаимодействие с рабочими корреспондентами. Собрание приняло резолюцию: «Всем, как один, подписаться на газету, участвовать активно в газете и оказывать ей финансовую поддержку, сообразуясь с возможностями союза». Затем выбран уполномоченный союза по вербовке подписчиков.

В середине мая горсовет предоставил клубу ССТС для организации «клуба восточных рабочих» помещение местхоза, ранее сдававшееся прачечной «Гигиена».

Отмечены серьёзные недостатки в работе электростанции: после пурги от наружной проводки остаются одни «макаронны» — провод рвётся, путается под ногами, а случись это ночью во время работ станции, могут быть и жертвы. Почти ежедневно случаются «шалости»: свет неожиданно тухнет и иногда весьма надолго. 16 мая станция дала энергию с часовой задержкой (говорили, что монтажёр уехал на охоту). В середине мая произошло короткое замыкание, в результате которого чуть не сгорело здание окрбюро ВКП(б). К счастью, пожар быстро потушили, пострадала лишь часть потолка.

17 мая в шесть часов вечера в кабинете агитпропа краеведческое общество слушало доклад Чистовского «Урожай 1927 г. в Камчатском округе».

За последнее время собрание общества значительно пополнилось: житель деревни Голыгиной Притчин на древнем стойбище «Старое жильё» нашёл орудия труда каменного века: топор, наконечники стрел, каменный нож. Д. В. Новиков передал предметы каменного века, найденные им возле устья реки Хайрюзово. Пришёл первый выпуск труда академика В. Л. Комарова «Флора Кам-

чатки». Два года Комаров работал на полуострове в качестве руководителя ботанического отдела знаменитой экспедиции Рябушинского (1908—1909 гг.). Ещё в 1912 г. он опубликовал интересное «Путешествие в Камчатке», в котором описал её природу и население. Выход в свет «Флоры Камчатки» был воспринят как «большой праздник для ботаников Дальнего Востока».

*19 мая*, в субботу, в ближайшем к городу селе Халактырке инспекция по прямым налогам провела аукционный торг имущества, оставшегося после смерти крестьянина Г. С. Степанова-Степахина. На продажу выставлялись: тёлки пёстрой масти одного года и двух лет, двухмесячный телок красной масти, жеребец, пять собак, четыре курицы и пять петухов. Общая сумма оценки — четыреста пять рублей.

Субботним вечером отшумел вечер в пользу Российского общества Красного креста (РОКК). При участии лучших драматических сил города показана пьеса в четырёх действиях «Консул Гранат». В главных ролях: Гарсов, Ткачук, Зойла, Кренберг, Топольский, Глаголевский, Комарова, Золотарёв, Могилевская, Курилов. Во время вечера играл духовой оркестр. Гостям вечера предложены: буфет с напитками, горячими и холодными закусками, «универсальный базар», живые цветы, «конфетти-почта» и «танцы до утра». Состоялся аукцион.

*20 мая* производилось «окуривание» членов Осоавиахима. Предварительно председатель химсекции Гончаров провёл беседу «Действие газа на организм и способы противодействия ему». Окуривание состоялось в «смертной камере» горбольницы. «Каждый гражданин, действительно считающий себя членом Осоавиахима, должен принять газовое крещение».

*24 мая* стало известно, что президиум Осоавиахима СССР начал подготовку уникальной воздушной экспедиции: перелёта по маршруту Петропавловск — Ленинград. В начале мая его участники и гидросамолёт «Советский Север» отправятся из Одессы во Владивосток на пароходе. Во Владивостоке они ожидают в двадцатых числах июня. Здесь гидросамолёт будет перегружен на другой пароход и прибудет в Петропавловск в начале июля.

*25 мая* на пароходе «Муроран-мару» в Петропавловск прибыл японский консул Д. Отани в сопровождении секретаря М. Мацуды. Пароход встречали ответственный секретарь президиума окррекома А. Янушкевич и начальник административного отдела округа Н. Фролов. В кают-компании судна состоялся обмен приветствиями, после чего консул отправился в здание консульства.

*27 мая* оба прибора городской сейсмостанции показали колебания почвы, начавшееся около девяти вечера и продолжавшееся более полутора часов. Сила толчков не превышала двух баллов.

*28 мая* председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв принял японского консула. Беседа между ними шла минут двадцать и касалась, главным образом, вопросов японской рыбной промышленности в водах Камчатки. В январе этого года между СССР и Японией была подписана восьмилетняя рыболовная конвенция. Согласно конвенции, СССР предоставил японским подданным право ловить, собирать и обрабатывать все виды рыбы и продуктов моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением рек и бухт. Это право осуществлялось только путём получения рыболовных участков, сдаваемых с публичных торгов во Владивостоке в феврале каждого года.

В. Ф. Богатырёв заявил, что японские рыбопромышленные предприятия, являясь концессионными, не смогли бы на чужой территории успешно работать, если бы не согласовали своих действий с местными властями. Последние в пределах законности охотно оказывают этим предприятиям содействие. «Да и вообще, интересы японских граждан на Камчатке никем не ущемлялись».

*29 мая* в три часа ночи снова легко трясло, теперь на протяжении нескольких минут.

*30 мая* гормилиция составила протоколы на корейского подданного Ем Якова, китайских подданных Ян-юн-чен, Цзи-ши-янь, Чжан-лу-сан, Сун-мин-ко, Чжан-хуан-ши, Ян-вэе-чжан, Сю-э-цин, Ван-тян-сю и Ли-цю-тан за несвоевременную явку для продления вида на жительство. На С. Ф. Севельева, С. Г. Василевского и А. В. Фесенко — за пьянство и хулиганство. На Ф. Ф. Слободзян — за невыписку жильцов. На китайских подданных Гаохай-ван, Ван-вин-сын, Гао-чжен-цзян и советского гражданина В. С. Рубцова — за нарушение правил торговли.

*1 июня* городской отдел благоустройства провёл «устные» торги на сдачу в аренду на три года городских сенокосных участков.

В городе объявлен «двухнедельник чистки», в течение которого все общественные, частные учреждения и отдельные граждане были обязаны привести в надлежащее санитарное состояние дворы, очистить помойные ямы и уборные, вывезти нечистоты на свалку с последующей дезинфекцией чёрной карболкой, раствором извести, смолой и дёгтем.

Врач горбольницы Гончаров разъяснял: «С наступлением весны, по мере таяния снега, всё больше и больше вылезают наружу

всевозможные отбросы и нечистоты, накопившиеся за зиму. Отбросы эти не только оскорбляют взор своей неблагоприятностью, но действуют на обоняние, невольно заставляя зажимать нос при обходе задних дворов. Ручьи талой воды смывают со склонов нечистоты и несут их в колодцы, отравляя питьевую воду. Начинают усиливаться желудочно-кишечные заболевания...»

Весна проявила себя и с ещё одной стороны: установленные зимой столбы электроосветительной сети начали наклоняться под тяжестью проводов. Возникла опасность их падения на дорогу или телефонно-телеграфную сеть.

3 июня в школе-девятилетке объявлено «Днём леса». Ученики убрали школьный двор от мусора и приготовили лунки для посадки деревьев. Руководитель праздника учитель Корнеенко сделал небольшой доклад, после чего приступили к посадке. Каждое дерево получило своего «шефа», который отныне должен был присматривать за ним.

Клуб ССТС дал украинский спектакль «Суета», сочинение Карпенко-Карого, в четырёх действиях при участии артистки А. М. Брославской. «Пьеса ставится в Петропавловске первый раз. Начало в восемь с половиной часов. Цены местам обыкновенные».

Жители города украинского происхождения давно мечтали о национальном театре. «Такой театр, несомненно, нужен, интересен, полезен массовому зрителю. Устроенный у нас в Петропавловске в марте месяце текущего года спектакль в день памяти Т. Г. Шевченко, прошедший с большим успехом, при переполненном зале, об этом красноречиво говорит».

7 июня в клубе ССТС доктор Гончаров прочитал лекцию «Половая гигиена женщины».

10 июня отчиталась секция народного образования при горсовете. В ней состояли семь членов совета и столько же привлечённых, в основном работников образования. Много сил потратили они на ликвидацию неграмотности: теперь в городе не имелось неграмотных в возрасте моложе тридцати пяти лет. Школа малограмотных выпустила в 1928 г. двадцать четыре человека.

По докладу секции решили подыскать более подходящее помещение для музея краеведческого общества и определить при нём специального работника. К недостаткам музея отнесены: обслуживание исключительно школы-девятилетки, в которой он располагался, отсутствие работы с населением и научных исследований.

Пароход «Муроран-мару» задерживался с очередным заходом в Петропавловск. Причиной этого стала забастовка японских



моряков и портовиков. На «Муроран-мару» ожидалось поступление большого количества товаров и продуктов, купленных АКО в Японии.

12 июня в Петропавловск пришёл первый теплоход АКО — будущий «Охотск», пока ещё носивший английское название «Арех». Местные шутники тут же прозвали его «Арехом». На его палубе оживление: здесь собрались представители различных организаций на редкое торжество — передачу судна из американских рук в советские. Привёл теплоход американский экипаж. В кают-компании висел плакат с изображением голов американского и советского капитанов и надписью по-английски: «Интернациональное объединение моряков». Во время торжественного обеда советский капитан обещал, что экипаж справится с теми задачами, которые ему поручило АКО. Его американский коллега радовался тому, что судно доставлено в порт в целостности и успешно передано советской стороне. 19 июня «Охотск» под командованием опытного капитана С. И. Кострубова вышел в первый рейс на Камчатке — в Усть-Камчатск. Вернувшись оттуда, судно должно было отправиться во Владивосток. Теплоход был построен в США в 1917 г. Капитан Кострубов отзывался о судне неплохо, говоря, что это «ценное приобретение для разрешения намеченных заданий АКО».

14 июня правление краеведческого общества обсуждало вопрос об организации исследовательских и массовых экскурсий на летний сезон. В начале года было запланировано путешествие в долину реки Тигиль для ботанических работ, на вулкан Баккенинг для решения вопроса о его сходстве с вулканом Мон Пеле на острове Мартинике, затем на Нальчевские горячие ключи для их описания. Массовые экскурсии предполагались на Корякский и Авачинский вулканы для ознакомления членов общества со строением вулканов и их деятельностью.

На заседании выяснилось, что послать ботаника на север Камчатки в этом году нельзя. Исследование растительного покрова долины Тигиля отложено до следующего года. Экскурсии на Бакеннинг и Нальчевские горячие ключи решено выполнить. Поднят вопрос об исследовании Мутновского вулкана, извергавшегося в 1927 г. Организацию массовой экскурсии на Корякский вулкан и руководство ею решено поручить Пономареву, а на Авачинский — Матулису, поднимавшимся на них в прошлом году. Кроме того, решено организовать массовые экскурсии на остров Топорков и в деревню Налачево на древние юртовища. Уткину

и Жедяевскому назначено обследовать древние юртовища в районе Синицинского озера.

На время отъезда секретаря общества М. Э. Кренберга на материк обязанности секретаря возложены на М. А. Жедяевского.

В середине июня городские комсомольцы решили провести «манёвры». Группа молодёжи во главе с Аристовым ранним тихим утром притащила к зданию окрбюро ВКП(б) ржавую старинную пушку, установила её на самом высоком месте. Аристов зарядил её порохом и произвёл холостой выстрел, перепугавший всех городских собак и курей и поднявший на ноги обывателей и даже экипажи стоявших в ковше пароходов. После этого была взорвана консервная банка, тоже начинённая порохом. От взрывной волны вылетели несколько стекол в зданиях гормилиции и окрбюро. Так было дано начало комсомольским «манёврам», после коих Аристов получил прозвище «камчатский пушкарь».

Качество драматических постановок за последнее время заметно улучшилось. Это отмечали все зрители, в том числе весьма искушённые, прибывавшие с материка. Последние постановки («Консул Гранат», «Суета») отличались большой подготовленностью, продуманностью и хорошим исполнением. «Суета» признавалась особенно содержательной и выдержанной идеологически. Произошёл крутой поворот — «от театральной халтуры мы идём к законченности и художественности постановок, от дёрганья зрителя и порчи его нервов — к доставлению ему эстетического удовлетворения». Такие успехи напрямую связывались с недавно начавшейся деятельностью режиссёра Бадах.

Утверждён состав президиума переизбранного горсовета: Масюк, Слободзян, Ливанчун, Шпаков, Святой, Ларин, Мутовина, Васильева. Обязанности председателя горсовета до приезда Ларина выполнял Масюк. Ответственный секретарь президиума совета — Шпаков.

Президиум горсовета отклонил представление Камчхоза о сдаче новой бани в арендное пользование. Тресту предложено срочно составить смету на эксплуатацию бани и представить её на рассмотрение.

Город начал подготовку к открытию первого Камчатского окружного съезда Советов. Намечалось: иллюминировать здания окрбюро, окрревкома, горбольницы, клуба, арку на пристани и площадь Свободы, привести в порядок Никольский парк, провести туда электричество и установить сцену, вымостить и спланировать улицу Ленинскую, привести в порядок памятники старины.

Объявлено, что вследствие работы до десяти часов вечера паровых радиоприёмников, клубный громкоговоритель будет вещать с десяти часов вечера.

15 июня окрбюро ВКП(б) объявило о начале работы комиссии по набору в учебные заведения на материке. Пришла развёрстка на Урало-Сибирский коммунистический университет, Владивостокскую совпартшколу, Владивостокский рабфак. Условия приёма: в университет зачисляли лиц, работавших на производстве с физическим трудом не менее трёх лет с таким же партстажем, в возрасте от двадцати четырёх до тридцати двух лет, прошедших политподготовку в совпартшколе второй ступени. Предпочтение отдавалось лицам, служившим в Красной Армии и имевшим опыт гражданской войны. В совпартшколу брали членов ВКП(б) со стажем не менее двух лет или комсомольцев со стажем не менее трёх лет в возрасте от девяти до тридцати пяти лет, рабочих и крестьян, проявивших активность в партийной и советской работе, «хорошо грамотных, обладающих политподготовкой в объёме нормальной школы политграмоты». На рабфак зачисляли рабочих и крестьян в возрасте от восемнадцати лет, окончивших школу первой ступени.

16 июня в два часа дня открылась городская коммунальная баня. Она работала шесть дней в неделю, кроме понедельника, с двух дня до десяти вечера, а в воскресенье — с семи утра до двух дня. Женские дни — вторник и пятница.

17 июня клуб ССТС организовал первую загородную прогулку-экскурсию. Её сопровождал духовой оркестр и «буфет на воздухе». Отдыхающие развлекались футбольным матчем, игрой в городки и лапту.

18 июня в шесть часов вечера в клубе ССТС состоялась очередная беседа на фотокурсах на тему «Наводка на фокус».

20 июня открылись детские ясли.

23 июня, в субботу, самодеятельные артисты школы-девятилетки устроили вечер с постановкой пьесы «Книги доконали». Режиссировала постановку Зойла. Сбор от вечера направлен на усиление средств Комсода.

Школа выпустила воспитанников ремесленной группы. На вечере мастеру группы Андрею Яковлевичу Кочеткову был вручён серебряный портсигар с памятной надписью. «Он был тронут до слёз. Пригласил всех ремесленников на стакан пива. Сообща прокутили девяносто пять рублей. Домой вернулся в половине шестого», — записал в дневник выпускник ремесленной группы Г. Сычёв, получивший специальность столяра-краснодеревщика.

29 июня в клубе ССТС прошло организационное собрание городской добровольной пожарной дружины. Сельхозсекция горсовета провело общее собрание горожан-владельцев рогатого скота по вопросу о найме пастуха.

В Ковш зашла масса мойвы. Вода от её присутствия казалась чёрной. Ловили все, кому не лень и кто чем мог: вёдрами, самодельными сачками, решётами, ящиками.

30 июня городская сейсмостанция в девятнадцатый раз отметила колебания земной тверди с 21-го числа. Все они были незначительными, не превышая двух баллов. Только 22 июня прошло в полном покое. 27 июня сейсмостанцию посетил профессор И. А. Преображенский, отметивший особенности камчатских землетрясений: волны сравнительно большого периода.

К концу июня порт посетили уже шесть пароходов срочных рейсов. Почту привезли только два. Такое положение вещей считалось ненормальным, о чем окрревром сообщил крайисполкому в Хабаровск.

На пароходе Совторгфлота «Астрахань», пришедшем из Японии, досмотр проводил сотрудник Петропавловской таможни Блажевич. По мнению моряков, к делу он подошёл по чиновничьи. По установленным традициям и правилам моряки имели право покупать за границей вещи для личного потребления. «Доблестный таможенник обобрал почти всю команду... Не учёшь никакими процентами и не взвесишь ни на каких весах возмущение против нашего аппарата и нашей законности. Для укрепления нашей законности нужен, во всяком случае, не головотяпский и не чиновничий подход».

А вообще-то, надо заметить, что «астраханцы» особым благочестием не отличались. Милиция составила протоколы на восьмерых из них. «Некоторая часть моряков прибывающих в наш порт пароходов ведёт себя в городе отвратительно-разнузданно. Блуждание пьяными “в дымину” по улицам, распевание похабных песен, матерщина, приставание к женщинам — это только и можно видеть и слышать от такой части моряков. Надо бы таким морякам взять пример с других своих товарищей, разумно использующих пребывание в городе — работой в клубе и т. д.»

В продажу поступили новые краеведческие издания: отчёт о деятельности Камчатского краеведческого общества и словари: русско-чукотский и русско-корякско-ламутский с наиболее употребительными разговорными фразами. Продавался и устав общества. Желающие приобрести адресовались казначею Слободчикову.

Горбидбиблиотека получила в июне новые номера журналов: «Авиация и химия», «Наука и техника», «Охотник», «Пушное дело», «Радио всем», «Радиолобитель», «Советское фото», «Хочу всё знать», «Шахматы», «Печать и революция».

Летом 1928 г. через Петропавловск в различные районы Камчатского округа проследовал ряд экспедиций. Такой научной активности полуостров уже давно не испытывал. В Охотском море работала биологическая и гидрологическая экспедиция профессора Дерюгина, профессор Дальневосточного госуниверситета Овсянников изучал леса долины реки Камчатки, старший геолог Дальневосточного отделения Геологического комитета профессор Преображенский отбыл на пароходе «Индибирка» в бухту Корфа во главе разведочной партии на выход углей, горный инженер Власенко отправился на сбор геологических коллекций на Чукотку, на Карагинском острове трудился сотрудник Тихоокеанской научно-промысловой станции Разумовский...

2 июля слушавший «Шахтинское дело» Верховный суд СССР внимал последнему слову обвиняемых. Вскоре последовал приговор, по которому часть их была оправдана, часть подверглась заключению, а некоторых расстреляли. Весь процесс широко обсуждался в печати, как центральной, так и местной.

В музей Краеведческого общества поступила в дар от Н. И. Кузнецова ламутская осенняя беговая нарта, доставленная уполномоченным по Уст-Камчатскому району Горбуновым. К нарте приложены бич, зубчатый гребень-удило и подковообразное приспособление, крепившееся между оленями для того, чтобы они не толкали друг друга во время езды. От жителя селения Хайрюзово Зищева поступили орудия каменного века: два наконечника дротика и три наконечника стрел, относящиеся к палеолиту.

По обязательному постановлению горсовета от 26 марта № 5 за пьянство и хулиганство составлен протокол на горожанина Александра Степановича Суворова.

8 июля, в воскресенье, в пять часов вечера открыта водная станция физкультурного кружка при клубе ССТС. Лозунг дня: «Все на воздух, все на воду!»

10 июля, во вторник, в клубе ССТС состоялась выставка рукоделия кружка кройки и шитья. Показывали последние работы кружковцев — преимущественно дамские платья. Они отличались «художественностью и выдержанностью стиля». Судя по всему, занятия доставляли кружковцам удовольствие. Общий успех надо было отнести на и счёт мастерства руководителя Добровольской.

Поздно вечером на электростанции произошёл пожар: в выхлопной трубе плохо отрегулированного двигателя вспыхнула несгоревшая нефть. «Какой-то товарищ, не узнав, в чём дело, стал трезвонить в церковный колокол. Народу набежало много, началась паника...» На раскалённую трубу лили воду, остановили мотор. Пламя погасили. После пожара ОГПУ выставило у станции охрану, арестовало заведующего, моториста, монтажника и завхоза. А то, как же? Чем не вредительство, не местное «Шахтинское дело»?

12 июля на пароходе «Муроран-мару» уехал учиться на материк «начальник Камчатки» секретарь окрбюро ВКП(б) Никита Иванович Кузнецов. Он проработал на полуострове более двух лет, убыл с разрешения Далькрайкома ВКП(б). «Сожалея об отъезде тов. Кузнецова», местные партийцы отмечали, что «нельзя не приветствовать его стремление получить ещё большую теоретическую ленинскую закалку».

14 июля на вечере Осоавиахима в клубе ССТС целомудренная публика во время танцев увидела (многие впервые) фокстрот, который «к великой части танцевавших пар (к счастью только двух)... был исполнен без лишних эквивоков, а одной девицей, так даже не без кокетливой грации. Тем не менее, публика, как будто, фокстротом была несколько смущена, и по окончании такового со стороны последней послышались возгласы: “Фокстрот — довольно!”»

16 июля, в понедельник, в агитпропкабинете заседали делегаты. Слушали доклады «Шахтинское дело и задачи рабочего класса» и «Об участии женщин в неделе обороны страны».

Второй доклад тоже был актуален: в июле по всему СССР шла «Неделя обороны страны» под лозунгом: «Копейками, рублями — создадим железный фонд обороны СССР!», «Внёс ли ты свою лепту в фонд обороны страны?»

Откликнувшаяся на призывы крепить оборону первого в мире пролетарского государства, городская партчейка № 4 собрала десять рублей и вызвала «на взнос» все остальные ячейки. Окружной военком Коротаев внёс три рубля и призвал начальника админотдела Фролова последовать его примеру. Житников сдал десять рублей и вызвал сослуживцев Усова, Лимберга, Янушкевича, Фомина и Шеина — на ту же сумму (можно и больше). Рафаил Подгур внёс пять рублей и вызвал Суконного, Борисова, И. Т. Новограбленова, Клементовича и Мосевича. Комсомольцы города решили, наряду с устройством сборов и походов с определёнными задачами, «влияться в обязательном порядке в состав отряда при Осоавиахиме».

Читатель, наверное, заметил, что в городишке, населённом всего-то парой тысяч граждан (по переписи 1926 г. — 1 691 человек) уж больно часто проходили всякие собрания да совещания. В настоящей очерке упомянута лишь их четвёртая часть. Своеобразная реакция на это положение вещей содержится в заметке известного нам «Клыка моржового», написанной в духе популярных тогда юмористических рассказов А. Аверченко и М. Зощенко:

«Вообще, с собраниями, граждане, не везёт. А вот тут, поди-ж ты, собрались, совторгслужащие собрались, граждане... Ну, хорошо-с. Собрались. Как водится, допрежь всего президиум выдвигать začали. Ах, граждане, какая это была волнующая минута, и какое оживление совместно с активностью развернулось.

С поначалу рёв страшный со стороны аудитории поднялся. Такой рёв, быдто на скотобойне во время убоя на мясо. Который с собачкой пришедши, буквально слюной всех обрызгал. Опять же, и гражданин в панаме в роль вошёл — двумя руками голосовал, а чтобы незаметно было — на одну руку панаму нанизал. Выбрали всё-таки. Три человека выбрали.

Первый вопрос, граждане, был — итоги профсоюзной дискуссии. Ну, думаем, какие тут тебе итоги поводить, ежели духота на улице стоит и пот в ботинки проскальзывает.

Дали докладчику пятнадцать минут, — укладывайтесь, товарищ. Докладчик, действительно, уложился. Только не слышно его было, граждане.

Семечки аудитория всё лузгала и ходей (китайцев. — С. Г.) ругала. Ах, какие плохие семечки, граждане, нынче продают, не то, чтобы пережаренные али сырые, а просто зёрнышки какие-то неаппетитные и хиной отдают.

Однако же не все семечки грызли. Один, например, молодой гражданин с большой лысиной к дамочкам подсел и, по всей видимости, по анекдотной части с ними упряжняялся.

Весёлый, каналья, этот лысый — рассмешил дамочек всё-таки. Даже и я по своей скромности два раза в кулак хихикнул.

К этому времени и докладчик кончил. После него трое что-то спрашивали, а докладчик опять чего-то говорил.

По всем признакам, вопросы и ответы были, однако же точно никто этого не определил. Дальше прения начались. В прениях, граждане, никто не выступал, потому с семечками заминка маленькая вышла — догрызть не успели.

После прений — с резолюцией возня началась. Тот, который сбоку сидел, семечки поспешно выплюнул и басом рывкнул:

— Принять к сведению!

После него один гражданин на букву “Е” добавление какое-то ничтожное внёс, а другой гражданин на букву “Ф” по добавлению выступил. Тут оно и началось. Спор начался, граждане. Спорили, однако, недолго, потому как который добавление вносил, ушёл орехи кедровые покупать, а враг его по добавлению комара на носе пытался изловить.

Резолюцию всё-таки приняли. К следующему вопросу поплыли — выбора в группком. Конечно, группком, граждане, это не ВЦИК. Здесь и думать много не надо, кого выбирать. Сидят, например, два высоких молодых человека, а среди них ягодка — дамочка молоденькая в красном платочке. Который слева сидел, в безопасности ударился:

— Я, — крик, — мадам, вашу кандидатуру выдвигаю, потому как я к вам очень даже равнодушен.

И действительно — выдвинул. Дамочка в румянец вдарилась и эдак шаловливо ему рот своей ручкой прикрыла. А который справа сидел, тоже начал её кандидатуру выкрикивать. Тут, граждане, настоящее побоище произошло. Который слева — на правого глаза ревнивые скосил, а дамочка с левого ручку свою перенесла на правого и давай бить его по нахальной морде.

Другие тоже зачали выкрикивать разные кандидатуры. И такой, граждане, шум поднялся и неразбериха организационная, ажно председатель за свою личность испугался. Одним словом, — капуста. Группком всё-таки выбрали. По ходу повестки были ещё вопросы, а только оживления, граждане, уже не наблюдалось.

Некоторые даже по домам разошлись. А который с блондинкой сидел у двери, под ручку к перешейку направились. Вообще, граждане, собрания сейчас надо на воздух переносить, в кустики куда-нибудь. И, по возможности, при луне. Луна, граждане, настроение создаёт. А ежели настроение есть — можно и до петухов заседать».

А вот что по этому поводу записал в дневник Георгий Сычёв: «... У самого голова пухнет от всяких собраний и заседаний. В окружке ВЛКСМ не считают, что работаю и учусь. И вообще, на комсомольцев-учащихся нагружают столько, что они не могут нести нагрузки без ущерба для учёбы. Поэтому учатся все гораздо хуже, нежели беспартийные. Последние же смеются над нами за неуспеваемость, козыряют своими успехами. И, что плохо, ведут агитацию против вступления молодёжи в комсомол».

Но собрания и заседания продолжались, в том числе и по весьма значимым поводам.



*17 июля* торжественно отмечался десятилетний юбилей советской медицины. Городскую больницу украшал подсвеченный государственный герб, на фасаде здания висел лозунг, незыблемо свидетельствовавший о том, что только «Советское здравоохранение является залогом оздоровления труда и быта трудящихся». Приёмная комната больницы красиво декорирована свежими ветками зелени. По стенам развешаны плакаты, лозунги и портреты творцов пролетарского здравоохранения и вождей, вдохновителей и руководителей Октябрьской революции.

Старший врач М. Р. Гаскин в своей речи отметил, что «советская медицина за десять лет при невероятно трудных условиях сделала несомненные шаги по пути восстановления и создания нового, ещё небывалого у нас и невиданного совершенно за рубежом здравоохранения».

*18 июля*, напившись, устроили драку в столовой комсомольцы второго судна АКО — шхуны «Чукотка» Михаил Виннер (к тому же секретарь ячейки) и Павел Брюква. Пришлось вызывать милицию. Вопрос об их поведении разбирался на судовой ячейке и в окрбюро ВЛКСМ. Постановили: обоим вынести строгий выговор с предупреждением об исключении из комсомола при повторном нарушении дисциплины и с занесением в личное дело.

*19 июля* правление клуба ССТС предупредило, что, начиная с этого дня, на киносеансы не члены клуба допускаться не будут до разрешения противоречия, сложившегося во взаимоотношениях с фининспекцией. Причиной этого заявления стало извещение инспекции о том, что за киносеансы следует вносить налоги и сборы, а также приобрести патент. Для покрытия этих затрат требовалось увеличить стоимость билетов. Правление клуба считало, что это приведёт лишь к убыткам. А вот если показы будут идти только для членов клуба, то есть станут закрытыми, то платить налоги и сборы не потребуется.

*22 июля* об итогах 1927/28 учебного года рассказал горожанам заведующий школой-девятилеткой В. Луговой. Учебных дней в году было двести четырнадцать. Из двухсот восьмидесяти пяти учащихся переведены в следующие группы сто шестьдесят три. На осень назначено испытание сорока восьми учащимся. Оставлено «на второй год» семьдесят четыре ученика или почти четверть их состава. На новый 1928/29 учебный год школа намеревалась принять в первую группу тридцать пять учеников.

Количество второгодников впечатляло: в некоторых группах их насчитывалось до половины состава. Один из обывателей озада-

ченно спрашивал: «Этот факт заставляет нас поставить вопрос перед всеми преподавателями и групповодами школы: где же они были и что делали, если их годовичная работа дала такие результаты?» Позиция, узнаваемая и в наше время: если дети плохо учатся, то виноваты в этом, конечно же, педагоги. Правда, один из родителей называл другую причину: нет учебников. Об этом же говорил и учитель П. Т. Новограбленов, так что ребятам, чтобы готовиться к урокам, «нужно бегать друг к другу по сугробам».

*26 июля* по поручению правления краеведческого общества к Налачевским ключам выехал П. Т. Новограбленов. Он намеревался снять план ключей, нанести их на карту, определить температуру источников и их физические и химические свойства, а также собрать близлежащие растения.

*29 июля* продолжился сбор средств на оборону СССР. Лилечка Букаемская внесла три рубля и вызвала Нону Успенскую, Майю Селиванову, Клару Фролову и Розиту Яковенко. А вот те, «кто не внёс по вызовам»: городские партячейки № 1, 2 и 3, начальник административного отдела Фролов, Усов, Шеин, Суконов, И. Т. Новограбленов, сотрудники окрфинотдела и Госбанка, Володя Сосновский, Серёжа Шмелёв, Матулис, Лиза Улатова, Вася Новограбленов...

*31 июля* в начале двенадцатого ночи в городе ощущалось средней силы плавное землетрясение, продолжавшееся с перерывом немногим более десяти секунд.

В июле в здании Петропавловского кооператива открылся киоск Акционерного общества «Всесоюзное контрагентство печати». В его задачу входила выписка из Москвы всевозможной литературы для её распространения. Через киоск можно было получить любые газеты и журналы, выходившие на территории СССР. Книги продавались по ценам издательств, газеты и журналы — по ценам редакций.

Комиссия по проведению недели РОКК обратилась к горожанам с призывом создать бельевой мобилизационный фонд. «Международные события почти ежедневно говорят нам о предстоящей войне, войне никогда не виданной... Поэтому выявится такая потребность в белье, как для раненых, так и для находящихся в строю бойцам, которую государство удовлетворить не сможет... Необходимо на Камчатке создать бельевой мобилизационный фонд. Жертвуйте каждый, что может — простыню, наволочку, полотенце, рубашку, кальсоны, носовой платок, можно жертвовать и полотном...»

*2 августа* на заседании правления клуба ССТС заслушано сообщение о работе кружка «улучшенного питания». Председатель

бюро кружка Каширников подробно рассказал о начале и текущей работе кружка. Правление клуба отметило «хороший охват столовников и приличную постановку в деле питания». Кружку предложено увеличить количество членов, желающих получать питание в столовой, отремонтировать занимаемое помещение, а на время ремонта столовой разрешило занять помещение фойе. Имеющуюся прибыль следовало использовать на снижение стоимости обедов и улучшение питания, также проработать вопрос об организации «полного пансиона», включавшего завтрак, обед и ужин.

Заслушав заявление ответственного дежурного на вечере отдыха о скверном поведении матроса шхуны «Чукотка» Ковальчука, выразившемся в грубом отношении к дежурному и несоблюдении порядка, правление запретило матросу посещать клуб в течение трёх месяцев.

На этом же заседании «раз навсегда» постановили: буржуазный танец фокстрот «совершенно не допускать в стенах рабочего клуба, а товарищам, участвовавшим в этом танце на одном из вечеров в клубе, вынести порицание».

*3 августа* около половины второго дня из Большеерецка в Петропавловск прилетел долгожданный гидросамолёт «Советский Север» трансарктической экспедиции. Примерно в час дня летательный аппарат вынырнул из облаков. «Мощное сооружение человеческой мысли, продукт гигантской деятельности мозговых клеток покорителя природы, завоевателя воздушной стихии — человека» — сделал несколько кругов и сел на воду. Отважных лётчиков торжественно встречали на пристани представители всех организаций города и почти всё население. Грянул оркестр. Состоялся «летучий» митинг, а в пять вечера в клубе ССТС начался товарищеский обед, на котором участники рекордного перелёта поделились своими впечатлениями. На обеде по инициативе лётчиков был организован сбор в фонд обороны страны, давший триста тридцать девять рублей. Сам экипаж внёс двадцать пять рублей.

Старший пилот Н. Н. Родзевич рассказал о гидроплане. Тот поднимал 427 пудов (7 тонн), мог держаться в воздухе до девяти часов, развивал скорость 180 вёрст в час. Из Большеерецка в Петропавловск летели малой скоростью — 120 вёрст в час, поднимались на высоту 6 875 метров. После отдыха экипаж намечал отправиться в Усть-Камчатск, затем в Олюторку и далее на север.

*4 августа* началась экскурсия-экспедиция краеведческого общества на Авачинский вулкан. Её цели: производство наблюдений, ознакомление широких масс горожан с явлениями вулканизма

и развитие альпинизма. Участвовали шесть человек вместе с проводником: Слободчиков, Жедяевский, Каплан, Марушин, Блажевич и Дьячков. Быстрее всех поднялся проводник камчадал И. М. Дьячков — за пять часов. На вершине вулкана пробыли около четырёх часов, примерно столько же времени занял спуск. Экскурсия длилась три дня.

*12 августа*, в воскресенье, с трёх часов дня за Култучным озером шумело массовое гуляние горожан. Состоялись спортивные состязания по волейболу и футболу, бегу и стрельбе, небольшое представление («инсценировка на воздухе»). Играли струнный и духовой оркестры, работал буфет «по дешёвке».

Шёл сбор средств в помощь пострадавшим от наводнения в Дальневосточном крае. Медработник В. Ц. Пересвет-Солтан сдал три рубля. Некто Бобраков по вызову Васильева внёс пять рублей и в свою очередь вызывал Юхно, Чикалина, Лимберга и Уткина. Городские комсомольские ячейки провели трудовой субботник по погрузке и засыпке портовой полосы камнем. Заработанные ими сто восемьдесят рублей также направлены в пользу пострадавших.

Во второй половине августа выявилось несколько заболевших ангиной, главным образом, детей. Заболеванием протекало тяжело, один ребёнок скончался. По городу поползли панические слухи о начавшейся эпидемии дифтерии. Горбольница обследовала восемнадцать ребятишек и ни у одного не обнаружила возбудителя дифтерии, но выявило много стрептококков. Причиной смерти ребёнка стало заражение крови. Проверили всех детишек селения Авачи (сорок человек). У них также найден стрептококк, но дифтерийная палочка отсутствовала.

*18 августа* райгормилиция во исполнение решения народного суда выставила на продажу дом, принадлежавший Виктору Григорьевичу Орехову. Его оценили в две с половиной тысячи. Желающие принять участие в торгах должны были предъявить справку коммунального отдела местхоза о том, что они не владеют какими-либо строениями и внести залог в десять процентов от суммы оценки.

Пришёл пароход «Индигирка», доставивший делегатов на первый окружной съезд Советов.

*21 августа* постановлением окрбюро Осоавиахима за работу в организации знаком активиста награждён горожанин Бобраков.

В этот день открылся первый окружной съезд Советов — «верховный орган окружной власти». Анонимный автор откликнулся на это событие стихами:

*Город весь в гирляндах смольных  
Смотрит в зелень зеленью полей,  
Утонул в плакатах беспокойных,  
Захлебнулся в радости нарядных кумачей...  
Ночь пугливо жмётся синим мраком  
И уходит нехотя в предутренний туман,  
Потому что заискрился звёздным маком  
Разноцветный электрический фонтан.  
Опоясаны дома и улицы в плакаты,  
Небо пронизал знамённый красный цвет —  
Город ждёт — придут делегаты  
На Камчатский Первый Съезд...  
Съезд пришёл, пришёл хозяин многоликий  
На шестой рабочий шумный год  
Подвести рукою грубой, непривычной  
Тонкий тщательный итог.  
Юрты знают, знают сёла, что сегодня —  
Этот праздник многих страдных лет.  
Оттого потоком бурностройным, бурноволным  
Льётся Съезду пламенный привет.*

В четыре часа дня у здания окрбюро ВКП(б) открылся многоялюдный митинг и состоялась демонстрация, посвящённая открытию съезда. С приветствиями выступили представители парторганизаций и делегатов. В демонстрации участвовали погранотряд, отряд Осоавиахима, санкружок, профсоюзы. Собралось много народу, — по меньшей мере, половина населения Петропавловска. Затем демонстрация направилась к клубу ССТС, где её приветствовали делегаты съезда, потом двинулась на площадь Свободы, после чего вернулась обратно.

Заседания съезда открыл председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв, напомнивший о понесённых на пути к светлому будущему жертвах: «Задела своим крылом гражданская война и трудящихся Камчатки. Погиб партизан Рябиков, погиб Елизов, Кручина, Мандриков. Я предлагаю почтить их память вставанием (все встают, оркестр играет похоронный марш)»...

24 августа после окончания вечернего заседания делегатов съезда пригласили в «красную казарму» познакомиться с жизнью пограничников. Принимавший гостей командир Мухин провёл экскурсию: «Это, товарищи делегаты, красный уголок, который мы называем “Ленинской кузницей”... В казарме красного бойца порядок — основное правило... Мы говорим — винтовка является женой красноармейца... Мишенью при стрельбе дробинками служит портрет Чемберлена...»

Противогаз, надетый на делегата-чукчу Матлю пограничником Бобраковым, прикрывшим его после предварительно демонстрации пробкой, был поспешно сброшен под громкий хохот окруживших Матлю соплеменников. «Как много книг — все книги!», — воскликнул чукча Неунге, зашедший в библиотеку.

После товарищеского ужина начались танцы. В. Ф. Богатырёв ловко плясал по-русски. Начальник милиции Н. П. Фролов выделял ногами такие кренделя, что заразил всех танцевальным настроением. Распорядитель АКО М. Д. Шеин, взявшись за руки с чукчей Печуче, выделял замысловатые фигуры. Аборигены тоже показали свои национальные танцы. Комаров и Голованов с Топольским отплясывали ничуть не хуже чукчей, коряков и эскимосов. Всё это сопровождалось смехом и улыбками делегатов. Завершил вечер просмотр «немого» фильма «Октябрь», сопровождавшийся игрой на гармошке. Разошлись полвторого ночи, усталые и довольные.

Впрочем, нашлись и такие несознательные, кто называл делегатов съезда, приехавших из самых отдалённых уголков округа, «сопливыми и грязными». «Какая-то собака из контрреволюции или кулачья подбивает их на такое дело», — вечером занёс в свой дневник Г. Сычёв.

*29 августа*, в среду, в клубе ССТС состоялся вечер воспоминаний по поводу японской аннексии Кореи. Присутствовали более двух десятков «восточников», делившихся своими мнениями и воспоминаниями. Все присутствующие подписались на издававшуюся во Владивостоке корейскую газету «Авангард», орган Владивостокского окружкома ВКП(б). Выделены четыре человека для написания письма с целью «усиления нашей связи с трудящимися Кореи». Его намеревались прочесть на общем собрании соотечественников.

В четыре часа пополудни делегатам съезда показана массовая инсценировка «Взятие Петропавловска красными» (посвящённая событиям ноября 1922 г., хотя никакого «взятия» тогда не было). По словам свидетеля действия, жителя города, родившегося в 1903 г., бывшего очевидцем тех событий, «некоторые баталии прошли натурально, другие были далеки от истины».

*30 августа* открылась отчётная выставка поделок воспитанников детского сада, приуроченная к окончанию годовой работы.

Сентябрь начался двухдневным празднованием четырнадцатого по счёту Международного дня юношества (МЮД).

*Эй, молодёжь, под знамёна!  
Враг нам не страшен теперь —  
Бодро с бурлящею силой  
Спешим мы встретить свой праздничный день.  
День этот МЮДом зовётся —  
празднует вся молодёжь  
Каждый год в сентябре в воскресенье...*

К празднику ячейки и отряды юных пионеров выпустили стенгазеты, горбиблиотека устроила выставку литературы по юношескому движению, в комсомольских ячейках прочитаны доклады на тему «Четырнадцатый МЮД и наши очередные задачи» и прошёл сбор «интернационального гривенника».

*1 сентября* в клубе ССТС состоялось торжественное заседание, затем были киносеанс и факельное шествие молодёжи по городу.

*2 сентября* с утра начались физкультурные выступления, вечером в клубе шумела «красная вечерка».

*11 сентября* заседали комсомольцы ячейки АКО. Утвердили план работы на сентябрь и октябрь, добавив к нему два пункта: устройство экскурсии и доклад по итогам первого съезда Советов. Выделены представители: в РОКК — Малькова, в Осоавиахим — Ламберт. За бездеятельность снят с агитпропработы Булатов, он же исключён из бюро ячейки. Взамен избрана Богатырёва. Решено принять участие в очередной «комсомольской вечерке», для чего выделена особая комиссия.

*12 сентября* в магазине АКО торговали привезённой из Хакодате японской соей, предназначенной для восточных рабочих, которых Петропавловске имелось более двухсот человек. Привезённые тридцать бочек были распроданы не как обычно, «по бутылкам» стоимостью 50 коп., а оптом. Оказалось, что так были снабжены не рабочие, а китайцы-торговцы, перепродававшие сою вдвое дороже. Корейские труженики высказывали недовольства по адресу аковцев.

*18 сентября* вновь «отличились» моряки «Чукотки». Два пьяных матроса шарахались по улицам, приставали к женщинам, грозили ножами прохожим. На улице они Ленинской затеяли скандал, где и были задержаны милицией.

На собрании работников просвещения зачитан доклад о втором займе индустриализации. Сказанное заинтересовало присутствующих и вызвало много вопросов к докладчику. В принятой резолюции собрание «одобрило политику Соввласти, обращающейся к трудящимся массам за помощью в деле изыскания средств

на социалистическое строительство». Тут же началась оформлен- ние займа: за несколько минут двадцать человек подписались на четыре тысячи шестьсот рублей.

О том, как проходила такая подписка в коллективах на приме- ре связистов изложено одним из участников подобного действия: «К шести часам члены коллектива подходят... Пора открывать собрание. Косыгин стучит по столу карандашом и объявляет со- брание открытым. Избранный председателем т. Кузнецов зачи- тывает повестку дня и предоставляет слово т. Сквородько.

Докладчик долго слушателей не задерживает, знакомит с зада- чей и содержанием второго займа, как идёт его реализация в цент- ральных губерниях. “Я думаю, — говорит докладчик, — что мы, живущие на далекой окраине нашего Союза, знаем значение зай- мов и в грязь лицом не ударим”.

Тов. Ерахтин (начальник окружного управления связи. — С. Г.) знакомит собрание с тем циркуляром, который им получен из округа связи. В циркуляре указано, что нет ещё ни одного связ- ника, чтобы подписался меньше чем на месячный оклад содержа- ния. Уверен, что и мы последуем их примеру.

Прения кончились. Ерахтин, засучивая рукава, берёт лист, раз- махнулся, поставил “триста”. Совсуненко говорит: “Мало, тов. Ерах- тин, нужно больше”. “Триста” исправляется на “четыреста”. А вслед за тов. Ерахтиным зарябили цифры: сто двадцать пять, сто пятьде- сят, сто семьдесят пять, и никто меньше месячного оклада не под- писывается. К концу собрания красовалось две с половиной тыся- чи. Так прошёл первый день подписки у связников».

*20 сентября* окружной административный отдел поставил в известность граждан о том, что сход на берег с пароходов в ино- странных портах без его разрешения запрещён. Нарушителям грозило наказание по 84-й статье Уголовного Кодекса РСФСР.

*24 сентября* в помещении Камчхоза на улице Ленинской, 5 состоя- лись закрытые торги на сдачу в аренду на год новой бани. «Баня останется за тем лицом, которое даст наивысшую ставку сверх оце- ночной арендной платы пять тысяч рублей». Уже 11 октября но- вый арендатор сообщил новый порядок работы бани: теперь она работала с девяти утра до двенадцати ночи ежедневно, кроме поне- дельника. Общая для восточных рабочих по средам, женская по пятницам, остальные дни для европейских рабочих и служащих.

Вскоре один из горожан, уже вполне проникнутый духом про- летарского интернационализма, нашёл в этом объявлении элемен- ты расового разделения, наподобие американского «для чёрных



и цветных». Прочитав «объявление бани, в котором говорится, что для восточных рабочих баня открыта в такой-то день, а для европейцев в такой-то день... я пришёл к выводу, что в вопросе посещения бани мы далеко от американцев не ушли. Там баня для негров отдельная от европейцев, а у нас в Петропавловске по бедности одна баня, только для восточников (читай негров) посещение в такой-то день, а для европейцев — в другие дни. Ничего. Так будем итти, можем догнать и Америку, темп роста у нас большой. Только хотелось бы спросить арендатора бани, а если восточник не имеет возможности в тот день, когда она открыта для них, сходить, неужели он должен быть немывтым?» Вот такой благородный гнев. Только почему-то горожанин не учёл того обстоятельства, что банное объявление подписал «артельный уполномоченный Чжан-мин-тан», который, вполне возможно, и не хотел мыться в один день с «европейцами».

*25 сентября* горбольница ввела новый порядок приёма. Четверг выделен как операционный день, когда утренний приём не производится. «Во избежание заноса инфекции (заразы) в родильное и хирургическое отделение, посещение больных этих отделений ни в коем случае не допускается».

*27 сентября* комиссия по подготовке первого окружного съезда Советов приступила к составлению фотоальбома, посвящённого недавнему событию. Председатель комиссии А. Янушкевич обращался ко всем фотографам-любителям с просьбой прислать в орготдел окрисполкома имевшиеся у них фотоснимки на эту тему.

Объявлен приём в учебно-показательную ремесленную мастерскую при школе-девятилетке. Туда брали молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, окончивших первую ступень единой трудовой школы.

Продолжалась подписка на заём индустриализации. Сумма подписки уже превысила сорок девять тысяч рублей и продолжала расти. Пионерская организация города подписалась на одну облигацию и приглашала последовать этому примеру школу-девятилетку и пионерские отряды Тигиля, Усть-Камчатка и Усть-Большерецка.

*1 октября* по решению горсовета ликвидирован коммунальный трест «Камчхоз». Вместо него создан городской отдел местного хозяйства.

Изменён порядок оплаты коммунальных услуг. Теперь плату за квартиру, отопление, электроосвещение взыскивали сборщики местхоза. Получая деньги, сборщик выписывал квитанцию. При

отказе квартиронанимателя платить сборщик выдавал ордер и брал расписку о его вручении. В случае длительной неуплаты причитающихся платежей по всем видам услуг начислялась пеня.

В двадцатых числах октября началась «кампания самокритики в профсоюзных массах». Кое-кто понял её неправильно. Так, медсантрудовцы почему-то занимались не само, а просто критикой в первую очередь неправильности торговли АКО: продажи товаров с чёрного хода, по записочкам, по знакомству. По мнению одного из членов союза, «как при губернаторе».

Между прочим, в Петропавловской фактории АКО обследовательской комиссией в одном скобяном отделении за четыре месяца было обнаружено четыре сотни записок, по которым отпускался товар. По этому поводу местные остряки даже сочинили стишок:

*Члены комиссии весьма озадачены.  
Назначение завоёв стараясь понять:  
Управлять ли они предназначены,  
Продавцам ли записки писать?  
Предлагаем дело направить,  
Поступивши с факторией так —  
За прилавок часть завоёв поставить,  
Часть же направить за штат.*

Стишок сопровождался карикатурой с изображением человека в пенсне и с бородкой, очень похожего на директора-распорядителя АКО М. Д. Шеина.

В проведении кампании самокритики значительное место отводилась «Полярной звезде» и её рабкорам:

*В самокритике роль нашей газеты растёт.  
Но не всем она мила.  
Прочитает иной и скорей отвернёт  
Своё возмущённое рыло!  
«Ну и времячко стало... Позор!  
За мелочи — тянут к ответу.  
И даже — простите — какой-то рабкор  
Про меня нацарапал в газету...»*

25 октября все до одного полиграфисты пришли слушать доклад «О самокритике». После услышанного долго молчали, соображая, «о чём бы ярче сказать». Первым слово взял Королёв, перечисливший недостатки типографии. Затем Зиновьев отметил, что типография не дорожит средствами. Студецкий напирал на отсутствие правильной калькуляции работ и потерю по этой причине заказчиков. Ключков отметил, что часто приходится править уже

готовый набор. «Моисеева крыла общие недостатки, как невыполнение администрацией постановлений производственного совещания».

*26 октября* на самокритику собралось сорок коммунальщиков. Здесь вопросы и выступления разделились на две группы. Первая от желающих разобраться, понять, усвоить цели и методы кампании: «Могут ли замечаемые и критикуемые недостатки устраняться на местах?», «Должен ли администратор, когда к нему обращается рабочий, растолковывать и объяснять?», «Можно ли в газету писать о недостатках и будет ли она такой материал размещать?», «Можем ли мы замечания администрации делать, когда видим недостатки?» Вторая группа, заданная, чтобы «побузить»: «Какая разница между фабрикантом, рабочим и спецом?», «Есть ли у нас барин и рабочий?», «Есть ли у нас низший и высший класс?»

*27 октября* школа-девятилетка торжественно праздновала столетие со дня рождения писателя-демократа Н. Г. Чернышевского (правда, с небольшим опозданием: родился он не в октябре, а 24 июля 1828 г.). Учитель Гурьянов прочёл доклад о жизни «видного писателя и деятельного революционера, который был предан делу революции — делу борьбы за освобождение трудящихся от ига тех начал, которые порабощали и угнетали трудящийся народ». После доклада были показаны музыкальные номера и декламации. Вечер завершился играми и танцами.

При досмотре идущего в Хакодате парохода «Хуашан» сотрудники Петропавловской районной таможни (управляющий Выборнов) и ОГПУ конфисковали «меховую рухлядь»: пыжики, олени, нерпичьи, заячьи, собачьи шкуры, олени выпоротки и камусы у девятнадцати китайских подданных. На них наложили штрафы в двойном размере от стоимости изъятого.

*28 октября* в десять часов утра в агитпропкабинете началась первая однодневная шахматная олимпиада. Её устроитель — бюро шахматного кружка. Все желающие участвовать приносили свои доски и фигуры.

*30 октября* в музей краеведческого общества от окрисполкома поступили экспонаты, привезённые делегатами недавнего съезда Советов. Из долины реки Анадырь — ковёр, кухлянка и летние торбаса. От коряков селения Кахтана — ковёр, сумка и корзина из морской травы. Кустари-чукчи с побережья Берингова пролива поделились образцами своей продукции — шахматами из моржового клыка, фигурки которых изображали северных животных: белого медведя, песца, тюленя, зайца, северного оленя, моржа.

Горсовет, внимание



Я требую немедленной починки тротуаров.

Горсовет, слушай



У нас заглохла физкультура, а я желаю заняться ей и развить свою мускулатуру.

Завяжите это в наказ

Горсовет, внимание



Я решительно заявляю — нам нужен Детский клуб

Горсовет, внимание



Необходимо усилить борьбу с хулиганством в городе

Горсовет, слушай



— Тротуары все вычистили, а их опять пуррой замето.

— Вот поэтому-то и горд от нечистот не чистят — все ранца снегом заметет.

ПРИМЕЧАНИЕ: После некоторого обсуждения, супруги решили включить в свой наказ пункт об улучшении санитарного состояния города

КЛУБ СЕТС  
7 апреля 1928 г.



Они рассказали одну при кобых, специально написанные к вечеру декорациях и занавесе работы у.т. Шершкова и Степанова

Зрительный зал декорирован.

Пролетарская проведена билетом и касса Клуба СЕТС с 5 часов вечера

ответств. редактор Житковск.

## КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА

1 Лесные жители

сочинка — муля — 1 часть  
Василия М. Кривого

1 ЧУНОТОКИЙ ГОСТЬ

сочинка из тумано — 1 часть  
ПОСТАШЕНКА И Кривого

2 НАКАЗЫВАЮЩИЕ

сочинка из тумано — 1 часть  
1) Увольнительный приказ 2) Увольнительный приказ 3) Увольнительный приказ 4) Увольнительный приказ 5) Увольнительный приказ 6) Увольнительный приказ 7) Увольнительный приказ 8) Увольнительный приказ 9) Увольнительный приказ 10) Увольнительный приказ

Буфет. Духовой оркестр. Танцы.

Начало в 8 часов вечера

Нефарианские вечера Касса

Наказы избирателей горсовету и объявление о краеведческом вечере.  
Из газеты «Полярная звезда» за 1928 г. (из фондов ККОМ)

*1 ноября* в здании окрисполкома выступил с докладом «Исследование горячих ключей в верхнем течении реки Нальчевой летом 1928 г.» натуралист П. Т. Новограбленов.

*2 ноября* постановлением окрсовета Осоавиахима создана отборочная комиссия по приёму и отправке курсантов в военную авиашколу. Желающие стать военлётками должны были до 15 ноября подать заявление и ознакомиться с условиями приёма.

*6 ноября* вечером по профколлективам прошли семейные вечера с воспоминаниями о былых схватках за светлую новь. Клуб ССТС дал бесплатный киносеанс.

*7 ноября* — одиннадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции — главного государственного праздника Страны Советов. С утра улицы города загрохотали толпы гуляющих. С лаем пронеслись собаки, на нартах трепетали красные флажки — это из окрестных деревень на праздник приехали крестьяне. В двенадцать часов дня на площади Свободы начался многолюдный митинг. В восемь вечера в клубе открылось торжественное заседание. В программе: доклад об одиннадцатой годовщине Октября и десятилетия комсомола. Помещение набито битком. На скамьях расположились представители профессиональных и общественных организаций, пограничники, крестьяне. На сцене в президиуме сидят руководители округа и города — товарищи Зыкин, Ларин, Краузе, Сидоров, Ивашкин, Биссенек, Янушкевич. С приветствием выступил И. Е. Ларин. «Зал громко аплодировал искренней речи старого большевика Камчатки, организатора борьбы за социалистические начала». Затем произнёс речь Н. Д. Зыкин, новый ответственный секретарь окрбюро ВКП(б). Он вспомнил о прошлых боях. После доклада все отправились на факельное шествие в исполнении комсомолки. После шествия смотрели в клубе «живой журнал».

*8 ноября* с девяти утра затрещали выстрелы: за Никольской горой начались стрелковые состязания. Погода стрельбе не благоприятствовала: снег, мороз, порывистый ветер. Состязания затянулись: пришлось выжидать на линии огня, когда ветер немного стихнет. Первые места заняли: трёхлинейная винтовка — Петров («Динамо»), малокалиберная винтовка «Монтекристо» — Трофимов («Динамо»), револьвер «Наган» — Коровин (погранотряд).

В двенадцать дня на площади начались физкультурные игры и под занавес торжеств — вечером в клубе пьеса «Разлом».

В фойе школы, украшенном гирляндами и флажками, лозунгами и плакатами, гостей праздника встречала стенная газета

«Школьный луч» с красивым заголовком и интересными заметками. В семь вечера председатель ученического комитета Кочетков открыл торжественное собрание. Слово для доклада представлено товарищу Чен, который ясно и кратко изложил значение этого великого дня для мирового пролетариата. Далее выступала Голубецкая с рассказом о камчатском комсомоле. Затем демонстрировалась пьеса «Ловушка», прошли декламация, физкультурные номера, балет, выступление великорусского оркестра и хода под руководством учителя А. К. Чмутова. Вечер закончился комсомольским угощением и танцами.

*11 ноября* городская библиотека начала перерегистрацию читателей. Через неделю зарегистрировались двести восемьдесят пять человек. Ещё двести сорок, взявшие книги, пока не прибыли. Совсем недавно библиотека получила три с половиной сотни экземпляров новой литературы.

Типография предлагала изготовить желающим блокноты и записные книжки разного размера и в разных обложках, альбомы для стихов и открыток, служебные записки, накладные и квитанционные книжки, обложки «Дело», конторские и кассовые книги, художественные открытки, разные папки и общие тетради. «Прочно, аккуратно, быстро, дёшево!»

*15 ноября* в здании окрисполкома прошёл доклад членов краеведческого общества М. А. Жедяевского и В. Ф. Комарова «Поездки на Тимоновские горячие ключи и к вулкану Баккенинг». Интересный рассказ сопровождался показом диапозитивов.

Общество получило из Москвы от Наркомпроса триста рублей на научные исследования. Его библиотека пополнилась «Описанием земли Камчатки» С. П. Крашенинникова на русском и французском языках, «Чукчами» Богораза, «Коряками» Иохельсона, обе на английском. Книги прислала Академия наук СССР. В музей поступили орудия каменного века от учителя Нижнекамчатской школы Киянченко, гербарий от лесовода Корясенко из долины реки Камчатки, гербарий и образцы угля от профессора Преображенского из бухты Корфа, гербарий с Чукотки из бухты Лаврентия от доктора Кагана. Мильковский крестьянин Плотников прислал ножку чирка с японским кольцом, из залива Кресты доставлен толковый русско-эскимосский словарь, составленный эскимосом Айваковым.

*20 ноября*, во вторник, в семь часов вечера в клубе ССТС торжественно заседал окружной комитет РОКК по поводу десятилетнего юбилея своей деятельности.

2 декабря состоялся вечер, посвящённый «Десятилетию отдела работниц». В шесть часов вечера в старательно декорированном клубе ССТС открылось торжественное заседание. С приветствием к женщинам выступили ответственный секретарь окрбюро ВКП(б) Н. Д. Зыкин, председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв, представители общественных организаций. Затем перед собравшимися прошли агитационный парад «Синей блузы», украинская комедия «Солоха» и дивертисмент. Хорошо подобранные и исполненные номера доставили публике большое удовольствие. Вечер завершился танцами. Среди прочего, уже привычного, женщинам показывали со вкусом устроенный уголок матери и ребёнка, где они могли наглядно видеть, как надо ухаживать за детьми.

7 декабря в помещении окрревкома ВКП(б) собрались городские комсомольцы. Повестка дня: «О культурно-массовой работе».

9 декабря в клубе ССТС работала конференция слушателей школ-кружков политграмоты, завершившаяся вечером «За учёбу». Участникам показали инсценировки, физкультурные упражнения, выступления синеблузников.

10 декабря редакция «Полярной звезды» провела общегородское собрание рабкоров. В числе прочего обсуждался вопрос о создании при газете литературного кружка. С приходом нового редактора А. Янушкевича газета изменилась: стала «толще», начала выходить два раза в неделю, а в воскресенье — с приложением. В наступающем году редакция обещала открыть новые рубрики: «Партжизнь», «Не правда ли, граждане», «За новую жизнь», «Наши предложения», а также ежемесячные литературную, в том числе и детскую, антирелигиозную, краеведческую, юмористическую станицы. Годовая подписка для горожан с января 1922 г. стоила тринадцать рублей. Среди годовых подписчиков обещали устроить лотерею.

22 декабря при школе-девятилетке организован шахматный кружок. В него записалось двадцать девять человек. Выбраны бюро и руководитель — педагог П. Т. Новограбленов. Бюро составили три ученика: Е. Богатырёва, Брагин, Мейта.

*При написании очерка использованы материалы газеты «Полярная звезда», органа Камчатского окрбюро ВКП(б), окрревкома и окрпрофбюро, и дневник жителя г. Петропавловска-Камчатского, почётного полярника СССР Георгия Петровича Сычёва (1903—1974), хранящиеся в фондах Краевого государственного бюджетного учреждения «Камчатский краевой объединённый музей».*

# АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

К. Д. РОДИОНОВ

## АЛЕКСАНДРА ВЛАДИСЛАВОВНА РОДИОНОВА-СЛАВИНА (Воспоминания)

*Константин Дмитриевич Родионов* (1899—1979) — артист Камчатского областного драматического театра. Родился в с. Патриаршьем Воронежской губернии. Летом 1918 г. ушёл добровольцем в Красную Армию в составе 1-го Воронежского артиллерийского дивизиона. Неоднократно принимал участие в боях. В 1919 г. демобилизован по болезни. В 1922 г. окончил Воронежскую студию театра и начал свою профессиональную деятельность в качестве актёра. С 1934 г. трудился в Камчатском областном драматическом театре. В 1962 г. К. Д. Родионов ушёл на заслуженный отдых и последние годы жизни провёл в г. Ялте.

Одной из заслуг Константина Дмитриевича перед камчатской культурой является проделанная им большая работа по сбору материалов по истории Камчатского областного драматического театра. Он бережно сохранил документы, которые сегодня могут многое рассказать не только о прошлом нашего театра, но и о культурной жизни г. Петропавловска-Камчатского. Это — его воспоминания, газетные статьи и заметки о работе театра и его артистах, списки сотрудников театра, программы спектаклей, рецензии, афиши, фотографии гастрольных поездок, сцен из спектаклей и актёров, большое количество фотодокументов по истории Камчатки.

Ниже вниманию читателей предлагается публикация воспоминаний К. Д. Родионова об А. В. Родионовой-Славиной, находящихся на хранении в Краевом государственном учреждении «Государственный архив Камчатского края» (КГУ ГАКК) в составе его личного фонда. Воспоминания охватывают весь жизненный путь этой незаурядной и яркой женщины, оставившей заметный след в культурной жизни Камчатки. Они содержат множество интереснейших подробностей из её личной и творческой биографии, а также о театральной жизни 1920—1930-х гг. Воспоминания написаны живым и образным языком, в них чувствуется пристрастность любящего человека, что заставляет читателя невольно сопереживать непростой судьбе выдающейся артистки.

*Александра Владиславовна Родионова-Славина* (1886—1954) — артистка Камчатского областного драматического театра. Родилась в г. Нижнем Новгороде, театральную деятельность начала в 1913 г. На Камчатку приехала в 1934 г. вместе с мужем, актером К. Д. Родионовым, была активной участницей создания творческого коллектива первого на Камчатке драматического театра. В 1950 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР А. В. Родионовой-Славиной — первой на полуострове — было



присвоено звание заслуженной артистки РСФСР. За время работы в Камчатском областном драматическом театре она сыграла свыше двухсот ролей. Здесь же, на Камчатке, завершила свой жизненный путь. Основные документы о личной жизни и творческом пути Александры Владиславовны сохранились благодаря её мужу К. Д. Родионову.

К сожалению, в нашем городе до сих пор нет достойного напоминания об Александре Владиславовне Славиной. Недавние попытки восстановить художественное надгробие её могилы, точное месторасположение которой на сегодняшний день неизвестно, закончились приведением в порядок лишь верхней его части. Этот пример с могилой первой заслуженной артистки РСФСР на Камчатке не единственный.

Текст воспроизведён по авторизованной машинописи [ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 94. Л. 1—79]. Подготовка текста к публикации и подбор фотографий выполнен начальником отдела использования публикаций КГУ ГАКК А. С. Сесицкой.

### Трудная молодость

Волянская-Волгина Александра Владиславовна родилась в 1886 г. 24 августа в г. Нижнем Новгороде в семье потомственного дворянина штабс-капитана Владислава Феликсовича Волянского и его жены Александры Ивановны, урождённой Шиловой.

Родителей Александра Владиславовна не помнила, они рано умерли. Вместе со своим старшим братом Владимиром воспитывались они в семье дяди Станислава Викторовича Касперовича и росли вместе с его сыном Николаем (впоследствии генералом Советской Армии) и другими детьми.

Училась девочка в Нижегородском институте благородных девиц. Большинство зимних, а иногда и летних каникул она проводила в семье своей тетки-вдовы Нестеровой Маргариты Викторовны, матери известного русского летчика штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова и генерала Советской Армии Михаила Николаевича Нестерова.

По окончании института в 1902 г. юную, очень наивную девушку, ещё физически не созревшую для брачной жизни, родственники, как в те времена было принято, «выдали» замуж.

Родственники имели самые благие намерения и нашли для неё прекрасного жениха с отличным характером — харьковчанина, молодого офицера, штабс-капитана Алексея Александровича Волгина, сына гвардейского офицера, участника первой обороны Севастополя. Жених невесте очень нравился, и она выходила замуж, как потом вспоминала, с радостью.

Годы семейной жизни молодая чета Волгиных провела в Харькове и в воинских гарнизонах на Харьковщине. Вскоре у молодожёнов родились две дочери Нина и Александра.

Про личную жизнь от замужества и до ухода на сцену в 1913 г. Александра Владиславовна почти ничего не рассказывала, а если иногда ей задавались об этом вопросы, то ответы обычно были короткими и кончались нередко слезами.

Интересоваться её прошлым, зная болезненность воспоминаний, я считал неудобным, но по случайным фразам у меня сложилась тяжёлая картина её жизни в этот период. Глубокие сердечные раны, полученные на грани юности и возмужания, не заживали в течение всей её долгой жизни...

Примерно в 1907—1908 гг. она уехала с «гражданским мужем»... Связь с детьми была потеряна. До двадцатых годов от одного из братьев бывшего мужа получила всего несколько коротких весточек о дочерях. Она знала, что девочки растут в хороших материальных условиях, воспитываются в интеллигентной семье, но это не уменьшало сердечной боли от потери и осознания своей тяжёлой вины...

В небольших военных гарнизонах, где служил её гражданский муж, отношение окружающих к ней изменилось. Как незаконную жену, её ни в каких семьях не принимали. Если кто из жён офицеров общался с ней, то только по секрету. Муж не мог показаться с ней в общественном офицерском собрании или в другом месте. Доведённая одиночеством до отчаяния Александра Владиславовна стала настойчиво просить мужа узаконить брак. Очевидно, такие же требования к нему были и со стороны «благородного собрания», которое ревниво следило за внешними формами морального поведения офицеров. Муж всяческими отговорками тянул время и, в конце концов, чтобы избежать обострения конфликта, ухитрился переводиться из одной воинской части в другую, но в каждом новом месте отношение окружающих к ней не только не менялось, но частенько приходилось слышать оскорбления.

Невыносимое ложное общественное положение вызывало уже острые объяснения с мужем и более настойчивое требование оформить брак. Итогом этих бурных сцен был новый страшный удар: оказалось, что человек, ради которого она пожертвовала в угаре любви своей честью, совестью и детьми, оказался подлецом. Он обманул её. Он женат, имеет детей и не хочет порвать связи со своей законной семьёй, а ей нагло предложил довольствоваться положением любовницы.

После такого кошмара Александра Владиславовна на несколько месяцев с сильным нервным потрясением попала на больничную койку.

Оскорблённая женская гордость боролась с беззаветной любовью к этому циничному человеку. Сознание не позволяло больше оставаться в неуважительном положении наложницы, окружённой презрением. В душе спадала пелена бесконечного обожания этого недостойного человека, принесшего ей столько бед. Зрело решение бежать от позора и от этого человека.

Но куда? Что делать?

Окружающие, к которым она обращалась за советом, рекомендовали ей искать утешение только в труде. Хотя находились и такие советчицы, которые говорили ей:

— Да плюньте Вы на самолюбие, на разговоры и оскорбления, не стройте трагедий, можно и без венца, любовницей, с успехом пользоваться жизнью. Вы со своей внешностью всегда найдёте себе подходящий «объект» и всегда будете жить лучше «законных», в полном достатке и благополучии, как сыр в масле кататься.

Но Александра Владиславовна не допускала для себя такого благополучия. Советы других, серьёзных людей, укрепляли в ней решение быть независимой, приобрести специальность и работать. Уходить... Уходить... Уходить...

Нужно жить, — рассуждала она, — надо что-то придумать, нужно искать службу. Ведь я не боюсь труда, я никогда не сидела без дела, я всегда сама вела своё домашнее хозяйство. Могла же я нянчить детей, ухаживать за ними, обшивать их, шить для себя простенькие вещи. Я всегда увлекалась рукоделием, так неужели же я не найду возможности применения своего труда?

Как человек наблюдательный, она видела, что многие одинокие женщины живут в очень тяжёлых материальных условиях, зарабатывая кусок хлеба, подчас в непосильном труде, но живут, стойко борются за жизнь и в тяжёлом трудовом напряжении находят цель и радости жизни.

«Я здоровый человек, — говорила она самой себе, — в больницу попала случайно, от неожиданного нервного потрясения. Просто на меня напала хандра, а в работе мне некогда будет хандрить. Главное — найти работу. Начать жить по-новому. Я молода», — продолжала она успокаивать себя, — но тут же, сказав слово «молода», залилась слезами. Недавно она впервые в больнице взглянула в зеркало и не узнала себя. Её охватил ужас. Из зеркала смотрело на неё чужое, заострившееся от худобы, бледное,

искажѐнное болезнью лицо, обрамленное... прядями седых волос. Так с молодых лет её прическа украсилась старческим серебром, но это украшение не радовало её.

Служащие больницы знали о страданиях больной и принимали горячее участие в её судьбе, предлагая различные варианты дальнейшей жизни.

Как-то одна из нянь привела к больной женщину в чёрном. Посетительница оказалась очень милым, душевным человеком. В результате нескольких посещений и сердечных бесед, гостья предложила «зablудившейся» идти в монастырь. «Там, — говорила она медоточивым гласом, — вы в труде и молитве обретете забвение, сладостное успокоение и умиротворение».

Узнав увлечение Александры Владиславовны вышиванием, в следующее посещение монашка приводила с собой другую сердобольную посетительницу, которая принесла показать образцы прекрасных работ монастырских вышивальщиц шёлком и золотом по бархату и парче.

Дело шло к выздоровлению и выписке из больницы. Нужно было решать вопрос о будущем. Монастырь был готов принять страждущую рабу божию из больничной палаты в келью тихой обители.

Александра Владиславовна не раз обращалась с просьбами к Богу, но он был глух к её мольбам. Она уже не верила в его милосердие и сомневалась в его существовании, но кто знает, как бы сложилась её судьба, если бы не счастливый случай, решивший вопрос её будущего?

Ещё в институте она успешно принимала участие в любительских спектаклях. Будучи замужем, она также играла на сцене офицерского общественного собрания. И вдруг! Её встретил пришедший навестить кого-то в больницу провинциальный театральный предприниматель (антрепренёр). Он знал Александру Владиславовну, обладавшую прекрасными внешними качествами для сцены, и как способную исполнительницу ролей в любительских спектаклях. Выяснив в беседе, что она находится в сложном жизненном тупике, антрепренёр предложил ей работу артисткой в его труппе.

После больницы, облегченно вздохнувшая женщина уже не вернулась в квартиру человека, которого называла мужем, и, забрав личные вещи, с новыми надеждами выехала в город Сумы к месту своей первой работы.

Новая артистка была общительным и приветливым человеком, в коллективе стали называть её Славушкой, производя это ласкательное имя от её отчества — Владиславовна, а от Славушки

администрация театра присвоила ей в афишах и псевдоним: Славина. Так ею была потеряна фамилия Волгиной, так началась у неё новая жизнь, так она вновь почувствовала себя равной среди других женщин.

В коллективе театра она нашла хороших, простых людей и друзей, не связанных путами предрассудков и сетями условностей. В работе и постоянных заботах смягчалась острота пережитых семейных драм, хотя в душе иногда всё ещё боролись чувства влечения и неприязни ко второму мужу. Перед выездом на зимний в город Гельсингфорс (Хельсинки) в её сердце вдруг вспыхнули искры сильного чувства к этому человеку. На своей фотографии она сделала надпись: «Уезжаю далеко и надолго, но с верой в то, что при встрече нас ждёт та же любовь и радость! Люби и помни свою Алю. 16 сентября 1913 г.» Но отправить эту фотографию адресату она не решилась. Оскорблённая любовь преодолела минутную слабость. Потом она никогда не раскаивалась в разрыве отношений с человеком, принесшим ей столько горя.

С первых годов театральной жизни Александра Владиславовна подружилась с сослуживцем — суфлёром Анной Спиридоновной, которая также пережила тяжёлую семейную драму и дала себе клятву не выходить больше замуж. Как родные сёстры они вместе долгие годы кочевали по театрам родины, вместе делили радости труда и горести лишений. Обожжённые огнём сердечных пожаров, они ревниво оберегали друг друга от многочисленных поклонников, которые не раз настойчиво добивались их расположения.

Несомненное творческое дарование в сочетании с женственностью, громадным обаянием, прекрасной внешностью, пластичностью движений, приятным тембром голоса и отличной дикцией быстро привели артистку к удачному исполнению серьёзных ролей, ей не пришлось выходить с подносами. Этому успеху способствовала её одержимость и увлечённость работой. Её серьёзное знакомство с художественной литературой, наблюдательность, пытливість, умение подмечать еле заметные нюансы человеческих характеров и умение переносить это в создаваемые сценические образы обогащало её творческую палитру.

Пережитые ею в последние годы тяжёлые жизненные потрясения и не заживавшие до конца дней сердечные раны, несомненно, способствовали созданию глубоких, эмоционально насыщенных драматических образов. Хотя и комедия ей была так же не чужда. Главным же достоинством артистки была убедительная, доходчивая до зрителя, простота действия и врождённое чувство

жизненной правды. Не случайно в первом же театральном сезоне артистке сопутствовал творческий успех.

Сослуживцы и зрители часто говорили ей, что Бог наградил её талантом, но она не верила этому и считала, что говорят это просто из деликатности. Она стыдилась похвальных оценок своей работы, и этот стыд сохранился у неё на всю жизнь. Напротив, она долго не верила, что может быть настоящей артисткой. В ней долго жил страх, что она окажется непригодной в театре и потеряет полюбившуюся работу и средства к существованию. И если с годами этот страх смягчился, то неуверенность в успехе работы над каждой ролью и волнение за правильность и доходчивость каждого создаваемого ею образа жили в ней до последних дней. Каким бы успехом не пользовалась созданная ею роль, как бы приятно это не было, но она всегда считала, что что-то ею здесь ещё не доделано.

С приходом на сцену закончился кошмарный пятилетний период жизни, в котором она, стремясь к счастью, нашла бесконечные страдания и горе, оставившие на всю её долгую жизнь кровавую рану на сердце и тяжёлый гнёт на душе. И вместе с тем, несмотря на осознание тяжёлой вины и постоянную тоску по детям, она была счастлива, что случайность привела её в театр.

«Не было бы счастья, — говорила она, — да несчастье помогло». Она была счастлива, что заняла достойное место среди людей, что обрела увлекательную профессию, ощутила наслаждение в работе и вновь нашла радость жизни. Служить людям через искусство стало целью её жизни.

Так в душевных муках и страданиях родилась одарённая артистка.

## **В театре**

Общественно-трудовая жизнь Александры Владиславовны началась с 1913 г. и проходила в большинстве случаев в небольших периферийных театрах. Условия сезонности работы бросали её с места на место. Город сменялся городом: Сумы, Гельсингфорс, Бузулуки, Тверь, Воронеж, Ростов-на-Дону, Нахичевань (Ростовская), Симферополь, Мелитополь, Бобров, Острогжск, опять Воронеж, Бутурлиновка — следовали в её кочевье. Далее артистка работала в Горловке, Артёмовске, Славянске, Краматорске, Изюме, Донецке (Сталино), Макеевке, Красном луче, Алчевске и других городах и рабочих посёлках Донбасса. Около года она путешествовала по

побережьям Азовского и Чёрного морей и вновь возвращалась в Донбасс. Затем жизнь бросала её в Красноярск, Якутск, Сыктывкар, Вологду и, наконец, в Петропавловск-на-Камчатке.

В старое время, да и в первые годы советского периода между качеством спектаклей крупных центров и небольших провинциальных городов лежала громадная пропасть. Ограниченное число зрителей в малых городках вынуждало театры ставить большое количество премьер, а это ограничивало время на подготовку новых спектаклей и, естественно, плохо отражалось на их художественном качестве. Роль режиссёра — творческого организатора спектакля — часто сводилась к технической разводке актёров по площадке сцены во время действия, то есть к установлению мизансцен. Главной задачей в репетициях было чёткое донесение до зрителей сюжета пьесы, а думать о глубокой переработке спектакля и его идейном содержании не всегда хватало времени.

Школой большинства периферийных актёров была практическая работа в самом театре, их личный опыт, интуиция, способности и умение воспринять, переоценить и воплотить в образе всё, что они замечали характерного в жизни, всё, что помнили из прочитанного в художественной литературе. Провинциальным артистам два раза в год между сезонами приходилось бывать в Москве, и они там могли видеть образцовые спектакли и крупных актёров. Тот, кто серьёзно интересовался своей профессией, в силу своих дарований, культуры и требовательности к себе учился на просмотренных образцах. Это значительно содействовало их творческому росту. К сожалению, это часто приводило к формальному подражанию и штампам, но Александра Владимировна, учась у других, сумела избежать слепого подражания.

Приобретая азы сценического мастерства, она интуитивно вносила в создаваемые образы своеобразную характерность, свои мысли, чувствования и видения. Она обладала удивительной способностью, чуть ли не с листа, без фальши вживаться в мир образа. Она его не изображала, а умела жить его жизнью. Как только начинались репетиции над пьесой, она и день и ночь жила своей ролью. Всегда, везде, на ходу и во сне она была в работе. Какое должно быть напряжение всего существа, если представить, что играть спектакли приходилось частенько с трёх-пяти репетиций, а «ходовые» пьесы даже с двух раз.

В творческих методах и приёмах работы царил разнобой. В артистах небольших театров ценилось умение слушать суфлёра, а ценность суфлёра определялась умением негромко, но чётко и вове-

мя подать нужную реплику так, чтоб её не слышали зрители. К стыду некоторых провинциальных театров, нужно сознаться, что иногда зрители слышали спектакль в двух вариантах — сначала в надрывном шёпоте суфлёра, а потом в актёрском исполнении.

Случалось, когда актёр, не расслышав суфлёра и боясь непредусмотренной паузы, говорил невпопад отсебятину. Нарушалась логика действия. Чтоб выбраться из тупика, начиналась, подчас нелепая, импровизация. Зрители, естественно, не были в восторге от такого творчества.

Антрепренёры, чтоб не прогореть и чаще показывать новые спектакли, но в допустимом качестве, при формировании группы на предстоящий сезон приглашали так называемых репертуарных актёров, то есть игравших ранее те или другие роли своего амбула в намечавшихся на сезон пьесах. Таким образом, основные роли в спектаклях были уже подготовлены. Такой порядок некоторое время жил и в советские годы, и он не только ускорял выпуск премьер, но и значительно улучшал их качество.

Александра Владиславовна, быстро заняв ведущее положение, должна была заранее, самостоятельно готовить много серьёзных ролей из намечавшегося репертуара. Для этого нужно было преодолеть немало трудностей. Под суфлёра она играть не умела и надеялась только на свою память.

Сколько времени нужно было уделить только на заучивание текста ролей? Сколько нужно было перечитать художественной литературы по темам пьес? Литературе и иллюстративному материалу она всегда уделяла большое внимание. Нужно было найти время на предварительные беседы с режиссёром и на репетиции отдельных сцен с партнёрами вне основного рабочего времени.

Кроме творческих трудностей было много и других забот и нужд. Артисты многих провинциальных театров в старое время, да и в первые советские годы для спектаклей должны были иметь собственные костюмы. Обычно гардероб создавался постепенно в течение многих сезонов, но Александре Владиславовне, быстро занявшей ведущее положение, нужно было в короткое время приобретать костюмы. Зарплата в провинции была низкой, и артисты с трудом сводили концы с концами. Не всегда выкраивались деньги на оплату работы модисткам. Даже на покупку материалов для костюмов приходилось экономить деньги за счёт желудка и многое шить самой. Для этой цели она даже приобрела старенькую швейную машину, которую всегда возила с собой. В шитье ей, несомненно, пригодились знания, полученные в институте на уроках



рукоделия, а также некоторый опыт домашнего шитья и присущая ей усидчивость. В этой работе она также проявила немалые способности, вкус и знание эпох. В течение многих лет она создала у себя великолепный гардероб как стильных, так и современных костюмов.

О качестве гардероба артистки говорит любопытный факт. В одном из южных городов в первые годы советской власти Александра Владиславовна снимала комнату в большом доме, где жили «бывшие люди», как тогда называли представителей буржуазии. Однажды рано утром в доме начался обыск. Два матроса, проверив документы артистки, всё же попросили разрешения осмотреть вещи. В театре в эти дни шёл спектакль «Мария Стюарт». Артистка играла одну из королев, и в шкафу у неё были развешаны костюмы для роли.

Каково же было удивление матросов, когда они, просматривая платья, увидели такие одежды, которые видели разве только на картинках цариц. Простенькие бусы и стекляшки казались им драгоценными камнями, а дешёвая мишура — золотом. Когда же они извлекли из коробки небольшую, под золото покрытую бронзой, бутафорскую корону, сверкающую стекляшками, они просто остолбенели от изумления. Им казалось, они накрыли важную птицу из царской семьи!

Костюмы и бутафорская корона были так хорошо выполнены, что произвели сильное впечатление не только со сцены. На репетицию в этот день артистка опоздала, так как последовал на короткое время арест и установление личности в соответствующем учреждении. В результате этого курьёза у Александры Владиславовны появилось «Охранное удостоверение», выданное органами власти в том, что её имущество, «как приобретение пролетарского труда, не подлежит реквизиции».

Вспоминается случай, где её умение сделать интересный, впечатляющий костюм оказало отрицательное влияние на спектакль. Забылось, в какой пьесе Александра Владиславовна играла интересную по внешности кокетливую бабёнку, хищницу по существу. Чтобы подчеркнуть внутреннее содержание образа, она пошла эффектное, отделанное блёстками платье, игравшее на свете змеиной чешуей, и головной убор сделала в виде громадного паука на высоких вибрирующих ногах и с зелёными искрящимися глазами. Паук держался на ажурной косынке в виде паутины, брошенной на причёску. При малейшем движении артистки паук шевелился и казался живым.

После спектакля многие знакомые — любопытные зрители заходили за кулисы посмотреть паука и высказать восхищение им. А когда их спрашивали:

— Ну, а спектакль-то вам понравился?

— Ничего, — отвечали зрители, — ничего, ну а паук... паук... Это просто чудо!

Как артисты не старались услышать что-либо о качестве спектакля, ответы были одинаковы:

— Спектакль? Ничего. Ну, а паук! Паук! Это прелесть!

В общем, за змеиным платьем и пауком многие зрители не увидели содержания пьесы. При повторении спектакля паука пришлось не одевать, но слух о нем циркулировал по городу, и его отсутствие было воспринято как то, что артистка Славина начала халтурить и не показала паука.

Материальное положение усугублялось ещё и тем, что актёрам в прежних условиях нужно было перед каждым сезоном ездить в Москву для получения приглашения (ангажемента) на следующую зиму или лето. Долгое время и в советский период актерские баржи труда были, кроме Москвы, и в крупных республиканских, краевых и областных городах.

В царское время большинство театров провинции не работали из религиозных соображений «Великим постом», так что служителям Мельпомены и Талии, кроме межсезонья, ещё семь недель приходилось быть безработными. В практике работы Александры Владиславовны были случаи, когда антрепренеры «прогорали» в середине сезона, и приходилось переходить на «трудколлектив».

Октябрьская революция создала условия для уничтожения пропасти в качестве спектаклей, и в условиях работы театров центра и провинций, но, конечно, не сразу и не легко преодолевались все трудности. По мере экономического укрепления родины быстро стационарировались творческие составы в областных и краевых центрах и крупных городах. Росла тяга народа к театру. Ослабевала погоня за количеством премьер, росло влияние на творческие коллективы передовых реалистических театров родины. Создавалась сеть театральных студий и институтов, в театр приходила теоретически подготовленная молодёжь, росла культура актёров.

Но всё же не сразу создались постоянные творческие составы, а в небольших городах и в двадцатые годы продолжали жить и сезонность в работе, и скороспелые выпуски премьер. Государство в те годы было ещё очень бедно и не могло взять на свой бюджет все театры. Многие из них работали на хозрасчёте при отделах

народного образования или хозяйственных организациях, а если деятельность не окупалась, то актёры обычно переходили на работу трудколлективами.

Размер зарплаты артистов в трудовых коллективах определялся остатками от сборов со спектаклей после оплаты всех обязательных расходов, то есть оплаты госналогов со зрелищ, авторских прав, аренды помещения, рекламы и других необходимых расходов.

В жизни Александры Владиславовны работа в трудовых коллективах была очень трудной и материально, и физически. Были такие периоды, когда от сборов по спектаклям, после оплаты всех обязательных расходов на прожиточный минимум артистов почти ничего не оставалось. В таких случаях жили на минимальные сбережения или продавали личные вещи. При отсутствии сборов в одном месте трудколлектив старался переехать в другой город или рабочий посёлок, но случалось, когда не было средств даже на оплату расходов по переезду, и чтобы перебазироваться приходилось под заклад личных вещей занимать деньги.

Не всегда «кредиторы» оказывались честными людьми и были случаи, когда, получив долг, они заложенных вещей не присылали.

Анна Спиридоновна не уберегла подругу от мужских притязаний. На лето 1924 г. они разъехались на работу в разные города, и Александра Владиславовна немного позже уже стала носить официальную фамилию — Родионова-Славина. В дальнейшем она работала в театрах вместе с мужем.

Осенью 1924 г. в Горловке был организован театр, но средств на следующий год не было ассигновано, и он ликвидировался. Актёрский состав перешёл на работу трудовым коллективом, который принял название «Журавли». С этим коллективом Анна Владиславовна до осени 1926 г. объехала многие города и посёлки Украины и побережий Азовского и Чёрного морей.

В г. Сухуми «Журавли» попали на «бескормицу» — спектакли сборов не давали. «Птицы» разлетелись, кто куда, а некоторым лететь было некуда, и они осели в Сухуми, как раки на мели.

Вместе с другими безработными артистами, которых в Сухуми собралось очень много, Александра Владиславовна жила случайными спектаклями в городе и в ближайших посёлках. Спектакли были, как говорят, халтурными, сборы были незначительными и заработка от них не хватало на жизнь. Я в это тяжёлое время ходил к колонистам под городом на сельскохозяйственные работы. Там меня за работу кормили и доплачивали по полтиннику в день, которые я приносил жене.

200  
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ  
Ростово-Нахичеванский  
СОЮЗ  
СЦЕНИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

2000 4

## Удостоверение.

№ 246

1920 г. 24 3 21  
ФЕВРАЛЬ

Профессиональный Ростово-Нахичеванский Союз  
Сценических Деятелей сим удостоверяет, что пред-

ставитель сего есть действительно член Союза тов.  
Александром Владимировичем

и что, на основании приказа Заведующаго Отделом  
Искусств за № 10, от 14 мая 1919 г., занимаемое  
помещение, лично принадлежащее е.и. имущество,  
гардероб, обувь, музыкальные инструменты, книги и  
ноты как приобретения пролетарского труда, являю-  
щиеся необходимыми для е.и. профессиональной,  
артистической деятельности, ни в коем случае не  
подлежат обмену, ~~обременению~~ реквизиции.

Удостоверение это действительно, как во время  
проживания в г. Ростов на Дону и в городах  
Российской Социалистической Федеративной Совет-  
ской Республики, так и во время переездов из одно-  
го города в другой, что подписями и приложением  
печати удостоверяется.



Председатель Союза

*А. Демур*  
Секретарь *А. Демур*

Удостоверение профессионального Ростово-Нахичеванского союза сценических деятелей, 1920 г. (ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 2. Л. 4)

Затем небольшая группа артистов подготовила один спектакль и, играя его в нескольких местах на побережье, добралась, как по этапу, до Анапы. После скитания по палубам и трюмам пароходов и неустроенных ночёвок в клубах в Анапе привели себя в порядок: почистили одежду, постирали бельё и, немного отдохнув, поставили спектакль. Заработка хватило, чтобы отправить на подводе до пристани на реке Кубани женщин и багаж, а мужчины пешком дошли до места, даже раньше подводы.

По Кубани на пароходе добрались до г. Темрюка, где с хорошим сбором сыграли спектакль, но чтобы доехать до биржи труда в Ростове-на-Дону денег не хватало. Вновь закладывали вещи и двигались дальше.

В Ростове ежедневно «дежурили» на бирже, ожидая приезда администрации для формирования трупп, но дел было очень мало. Больше двух месяцев мы опять сидели, как раки на мели. Это были тяжёлые дни. Вели полугодное существование, было продано всё, что можно продать. Изредка по клубам ставили с трудом сколоченные спектакли, но они давали небольшой материальный эффект. Вспоминается случай. На станцию, километрах в семи от Ростова (кажется Нахичевань), приехали на трамвае играть спектакль. Сбор оказался около двух рублей, и мы всё же не отменили спектакля, чтобы обратно в Ростов не идти пешком, а купить билеты на трамвай.

К счастью, теперешняя наша молодёжь не знает ужасов безработицы.

Уже поздней осенью, потеряв надежду устроиться «на гарантию», актёры стали организовываться в трудовые коллективы. Искушенный в административных делах артист В. В. Валентинов пригласил и нас с Александрой Владиславовной в организованный им коллектив, который был зарегистрирован на бирже труда под название «Коллектив артистов русской драмы» или сокращённо «КАРД». В этом передвижном коллективе артистка проработала до осени 1930 г. в городах и рабочих посёлках Донецкого угольного бассейна и соседних областей.

Несмотря на случавшиеся материальные неудачи и трудности постоянных переездов, работа трудколлективов «Журавли» и КАРД имела и свои положительные стороны. Творческий состав коллективов был постоянным, и лишь изредка менялись отдельные артисты. Это способствовало созданию крепкого ансамбля, сработавшегося в одной манере, с постоянным репертуаром в десять-двадцать спектаклей. Такой запас пьес при условиях передвижной

работы, при выездных спектаклях в соседние рабочие клубы вокруг основной базы давал возможность уделять подготовке спектаклей больше времени и более глубоко работать над ними.

Рос культурный уровень зрителей, увеличивалась их тяга в театр и требовательность к качеству спектаклей, а условия передвижки и постоянство состава позволили показывать спектакли на достаточно высоком для того времени уровне. В общем, зрители очень хорошо посещали и принимали спектакли, а в случаях «прогара», как мы потом выяснили, были обычно объективные причины: к примеру, в Горловке, в Алачевске и в Макеевке мы «садились на мель» в те периоды, когда там ещё не была восстановлена промышленность. Большинство населения было там безработным, а по вечерам на улицах наблюдалось хулиганство и грабежи. Ну, а неудачи в Сухуми и Ростове объясняются актёрским «перенаселением», но всё же, в основном, трудколлективы «Журавли» и КАРД работали неплохо, с переменным материальным результатом и на стабильном творческом уровне. Успех спектаклей приносил большое моральное удовлетворение артистам, а также улучшал товарищескую атмосферу внутри коллектива.

Кстати сказать, суфлёры, как и в «Журавлях», так и в КАРДе, хоть и сидели в будках и если что-то шептали, то больше для себя и для страховки: актёрам подсказка почти не была нужна.

На многие спектакли зрители ходили по много раз. Постоянно держались в репертуаре «Журавлей» и КАРДа «Огненный мост» Ромашева, «Любовь Яровая» Тренёва, «Рельсы ходят» Киршона, «Человек с портфелем» Файко, «Яд», «Медвежья свадьба» и «Поджигатели» Луначарского, «Заговор императрицы» А. Толстого и Щёголева «Царь и поэт», «Без вины виноватые» Островского, «Хамка» Константинова, «Овод» по Войнич, «Волчьи души» Лондона, «Ученик дьявола» Шоу, «Коварство и любовь» Шиллера, «Мадам Сан-Жен» Сарду, «Привидения» Ибсена, «Потонувший колокол» Гауптмана, «Тетка Чарлея» Брендона и другие.

Ставили трудколлективы и более капитальные пьесы, такие как «Гроза» Островского, «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Разбойники» Шиллера, но эти спектакли по техническим и творческим трудностям постановок на малых клубных сценах в репертуаре подолгу не удерживались. Шли и другие новые советские пьесы, созвучные тому времени, приносившие успех в работе театра, но не сохранившиеся в памяти и не оставившие следа в драматургии.

Нужно сознаться, что коллективы не в малой мере шли за вкусами зрителей, и в репертуаре держались и классические мелодрамы, и другие пьесы, хорошо по сюжету скроенные, но невысокого литературного и идейного содержания.

Часто приходилось играть в рабочих поселках, где спектакли многие зрители смотрели впервые. Иногда администрации шахт и профорганизации «покупали» у коллектива спектакли и билетами на них премировали рабочих за лучшие показатели. Такие спектакли игрались после рабочих смен и начинались они и среди дня, и ночью, и даже в восемь часов утра.

Были случаи, когда в первом часу ночи или рано утром на спектакль в клуб приходили шахтёры прямо из забоев в робах и чёрные, как негры. Со сцены в полумраке зала мы видели только белки глаз и зубы зрителей, а кое-где даже светились шахтерские лампочки.

Актёры трудколлектива КАРД теперь уже мечтали о работе в более крупном и стационарном театре.

В начале 1930 г. в Советском Союзе проводилась творческая квалификация работников театра. Членом тарификационной комиссии, проводившей работу в трудколлективе КАРД, был опытный режиссёр театра Мейерхольтда Н. Н. Буторин. С осени 1930 г. он назначался художественным руководителем и главным режиссёром Сибирского экспериментального театра в г. Красноярске, куда он пригласил на работу вместе с группой артистов из трудколлектива и Александру Владиславовну.

С осени 1930 г. у артистки Славиной начался новый, более интересный и плодотворный период творческой жизни в стационарных государственных театрах.

Сибирский экспериментальный театр формировался как крупный периферийный творческий организм. Н. Н. Буторин в его состав пригласил ряд артистов зрелого мастерства с хорошей профессиональной школой и способную молодёжь. Запомнились фамилия Баскакова (балетмейстер), Н. К. Петипа, Чернышевская, Карпова, Политимская, Лессовой, Плотников, Ильинский, Шаурский, Политимский, Максимов, Розанцев, Кузнецов и Волин.

Школа этого театра была новой значительной ступенью в творческом росте артистки. Здесь над пьесами велась глубокая как творческая, так и идейно-политическая работа. В театре систематически проводились занятия в кружках сценического мастерства и общественных знаний. Спектакли отличались яркостью

сценической формы, остротой идейной направленности и сочностью сценических образов. В репертуаре были крупно-масштабные спектакли. Они бурно принимались зрителями и хорошо посещались. Наибольшим успехом пользовались «Рычи, Китай», «Хлеб» и «Город ветров».

Как пример большого эмоционального воздействия спектакля на зрителей вспоминается сцена на нефтяном промысле в спектакле «Город ветров». После исполнения шёпотом «Интернационала» в публике всегда раздавались истерические рыдания. После закрытия занавеса в фойе из зрительного зала выносили иногда по четырнадцать человек зрителей в нервных припадках.

К весне театр полным составом выезжал в районы края на обслуживание посевной кампании. Кроме спектаклей, театр вёл большую общественно-массовую работу среди крестьян, агитируя их за вступление в колхозы.

Летом во время прорыва производственных планов на Восточно-Сибирской и Забайкальских железных дорогах театр был командирован на обслуживание посёлков важных железнодорожных узлов. В этих гастролях, помимо спектаклей, так же велась большая общественная работа.

Интересно отметить, что Сибирский экспериментальный театр был первым, в творческом составе которого артистка встретила члена коммунистической партии.

Пример общественно-массовой работы Сибирского экспериментального театра расширил диапазон работы артистки вне спектаклей. И первым примером была большая работа во время длительного отпуска среди крестьян села Овсянки близ Красноярска. Там она проводила беседы о колхозах, читала газеты на привалах при косовице, помогала организовывать и оформить колхозные детясли. Делала иногда аннотации по художественной литературе, прививая колхозникам вкус к чтению, консультировала девушек по рукоделию и т. д.

Это стремление помогать всем и везде, где она могла, воспитывалось у нее навсегда. Кстати сказать, это был в трудовой в жизни артистки первый (не вынужденный) отпуск, посвящённый только отдыху.

На зимний сезон 1931—1932 г. «Театр имени Черембасса» был направлен в г. Якутск. В нём работали сослуживцы по «Журавлям» гг. Шелищпанов и Андрион. Они увлекли и артистку интереснейшей поездкой по реке Лене, и вместе с мужем, любителем краеведения и путешествий, они были переведены в их театр.



Коллектив театра был очень дружным, хорошо сработавшимся. В репертуаре было много хорошо проработанных спектаклей, и Александре Владиславовне пришлось напряжённо поработать, чтобы вестись в репертуар.

Спектакли пользовались большим успехом у зрителей, и актёрам давали большое творческое удовлетворение. Поездка в национальную республику, особенности её климата и быта якутов духовно обогатили артистку. Она и там так же, как и весь коллектив, вела большую общественную работу.

Летом 1932 г. артистка из Якутска переехала в Москву. Дорога была очень разнообразна по видам транспорта и богата по впечатлениям. От Якутска по реке Лене плыли пассажирской баржей на буксире у парохода до Усть-Кута.

Пассажиры наслаждались неповторимым очарованием бескрайних просторов могучей реки. Поражались чудом природы — Алёминскими столбами, напоминающими развалины циклопических фантастических замков. Какие яркие картины рисовало воображение, когда баржа проходила через теснины, прорезанные титанической силой Лены в высоких гранитных хребтах! А как волновал пассажиров лось, переплывающий широкую протоку реки! Течением его близко поднесло к нашему каравану, но он не повернулся к нам, он верил в свои силы и упорно грёб к основному берегу. Очевидно, мы больше волновались за него, чем он за себя.

Остроту впечатлений от этого путешествия дополняла внутренняя жизнь пассажиров: на барже не раз возникали иногда массовые пьяные драки. Организовывалась «народная милиция» для восстановления порядка, она производила (может быть, и незаконные) аресты и посадки буянов в трюм, и высадку их на берег.

Скоропостижно скончался в этом длительном пути один молодой золотоискатель, следовавший с Алдана, но природа быстро восстановила равновесие — на барже родился новый человек.

В Усть-Куте работники театра перегрузились на две больших лодки и на бечеве лошадьми тащились вверх по течению Лены до пристани Жигалово. Там, где лошади не могли пройти по берегу, их грузили на те же лодки, а мужчины снимали штаны, лезли в воду и сами бечевой тащили караван.

Из Жигалово в это время после сдачи груза на пристань собирался возвращаться на станцию Залари большой обоз подвод. С этим порожняком четверо артистов добрались до железной дороги. Многодневный путь лошадьми по девственному Ленно-Ангарскому водоразделу был так же богат впечатлениями от красот

природы, от ночёвок в тайге, от ловли штанами в горных ручьях рыбы, от вкусной с дымком ухи из форели, от прелести многоцветья в степях, от безлюдья на сотни километров, от встречи с семьёй кочевого бурята, от тумана на Ангаре, одевшего реку толстым одеялом, скроенным точно по границам берегов.

На станции Залари несколько суток жили на воздухе рядом с багажным сараем. На один из поездов сдали свой основной багаж до Москвы, а потом и сами каким-то добавочным поездом в разных вагонах доехали до Свердловска. От Свердловска в битком забитом товарном вагоне Александра Владиславовна следовала на нарах до Казани, а я в обнимку с чьим-то громадным псом спал ночами под нарами. Далее мы до Москвы блаженствовали в плацкартном вагоне.

Весь путь от Якутска до Москвы у нас занял пятьдесят пять суток. По разным условиям того времени некоторым актёрам приходилось возить с собой много имущества. Если сундуки с костюмами и необходимыми домашними бытовыми вещами сдавались в багаж, то с собой нужно было брать и постельные принадлежности, и необходимые в пути вещи, вплоть до тёплой одежды. Представьте, сколько нужно было взять с собой продовольствия в условиях карточной системы на подобный двухмесячный путь.

Осенью Александра Владиславовна через Московское бюро Посредрабиса (актёрскую биржу труда) была приглашена в театр «Красный деревоотделочник», который работал в Сыктывкаре, а в следующий сезон 1933—1934 г. — в г. Вологде.

Этот театр, руководимый А. С. Ходыревым, имел крепкий творческий состав, так же серьёзно работал над репертуаром и выпускал премьеры на должном идейно-художественном уровне, и так же вёл большую общественно-массовую работу, направляя в длительные поездки бригады на лесозаготовки, лесосплав, посевные кампании и на обслуживание рабочих клубов.

С осени 1934 г. Александра Владиславовна вместе с большим творческим пополнением приехала на Камчатку, где уже работала небольшая группа артистов. Здесь очень удачно сложился театральный коллектив из людей с сильным характером, не побоявшихся приехать на край света, навстречу большим трудностям. Некоторые товарищи ещё прошлой зимой во льдах буйного Охотского моря пережили после пожара трагедию на корабле, терпящем бедствие в течение двух с половиной месяцев, и не испугались вновь плыть через океан.

Основной костяк труппы состоял из довольно опытных периферийных актёров, а молодёжь пришла из театральных школ. Главным режиссёром был Гаврила Владимирович Гловацкий. Этот маститый петербургский деятель с дней Октября стал подлинным землепроходцем от искусства и заложил в камчатском, самом далеком в стране, театре основы крепкой творческой дисциплины и ответственности артистов за свой труд.

Многие артисты с первого взгляда навсегда полюбили неповторимую суровую красоту Камчатки. Здесь в труднейших условиях работы заложилась лучшие традиции театра, которые сохраняли и развивали его в дальнейшие годы.

Так Александра Владиславовна, влившись в коллектив подлинных энтузиастов театра, навсегда связала с Камчатской областью свою жизнь.

Камчатскому театру она отдала лучшие годы своей творческой деятельности, всё своё горение, свою увлеченность трудом, все свои силы и здоровье, все свои знания, и опять, всю свою доброту и любовь к людям. С этим театром она стойко переносила его бесконечные трудности, огорчалась его неудачами и радовалась его успехами. Её личная жизнь растворилась в жизни этого театра. Своим самозабвенным трудом в этом театре она завоевала любовь зрителей. Её скромное творческое мастерство в этом театре было высоко оценено правительством РСФСР, и было присвоено почётное звание заслуженной артистки республики.

### Некоторые эпизоды

Начиная с 1913 г. у Александры Владиславовны никакой личной жизни, кроме жизни в театре, не было. Все помыслы, все заботы отдавались ему. Театр определял вехи на её жизненном пути.

— Театр без меня, — говорила она, — жил всегда и может жить далее, но я без театра уже не могу представить своё будущее.

Вместе со своей спутницей-подругой они продолжали работать вместе, оберегая покой и безбрачие друг друга, пока случайность в начале 1924 г. не развела их на работу в разные города. И тут Анна Спиридоновна потеряла подругу: не уберегла Александру Владиславовну от мужского притязания. Славина последние тридцать лет своей жизни носила фамилию Родионовой-Славиной и жила и работала вместе со мною.

Несмотря на наши различия в возрасте, в происхождении, в воспитании и образовании, в уровне общих политических знаний,

в привычках и взглядах на окружающую действительность, мы всегда во всём находили общее мнение. Между нами всегда царил атмосфера доверия, взаимопонимания, уважения, согласия и дружбы. Мы духовно обогащали друг друга. Никто никого из нас ни в чём не ограничивал.

Александра Владиславовна всегда говорила, что после первых своих неудачных браков она, наконец, обрела покой и теперь счастлива. Но в действительности, в глубине своего сознания, она и наш брак считала своей новой ошибкой. Её долго пугала разница в наших летах. Она боялась, что состарится раньше меня, и видела в этом причину будущей семейной драмы и страшилась этого. Я всегда старался беречь покой жены, но все же мне не всегда удавалось это, и допускалась небрежность в поведении. Кроме того, разлука при поездках на летние гастроли или частые поездки Александры Владиславовны на длительное курортное лечение давали богатую пищу для злых языков и приносили ей немало страданий от приступов скрытой ревности.

Ей всегда казалось, что она, связав с собой мою судьбу, сковывает мою инициативу, мою свободу, так сказать «заедает мой век». Страдания ревности и «угрызения совести» она переживала в тайне, и поделилась об этом со мной только в последние годы своей жизни, и даже в своём предсмертном письме ко мне просила за это прощения.

В 1920 г. Александра Владиславовна от деверя получила короткое письмецо, в котором высказывалось предположение, что её младшая дочь Шура будто бы ушла из дома с буденовской армией и в бою под Батайском погибла. Дальше связь с братом мужа была потеряна. Попытки получить более точные сведения о детях не дали никаких результатов. Незвестность приносила ей много страданий.

В конце двадцатых годов в Донбассе меня укусила бешеная собака, и я вынужден был выехать на месяц в Харьковский Пастеровский институт для прививок. Там я разыскал Веру Александровну, которая воспитывала детей Александры Владиславовны. Встретили меня приветливо. Я узнал, что тетя Вера рано овдовела, но ради детей замуж не выходила. Девочки получили хорошее воспитание и образование. Шура, действительно, погибла в бою. Нина, с которой я там познакомился, окончила среднюю школу и получила музыкально-вокальное образование. Затем прошла школу машинописи и работала секретарём в госучреждении.

Если в семье Веры Александровны не проявили большой радости от известия об Александре Владиславовне, то, во всяком случае, я не заметил ни малейших намёков на неприязнь, напротив, проявлялся большой интерес к ней и к подробностям её жизни.

Сведения о гибели Шуры Александра Владиславовна встретила очень тяжёло и до конца своих дней с глубокой болью вспоминала о ней, считая себя виновницей её преждевременной смерти.

В последующие годы Нина часто приезжала из Харькова к нам гости, пока не уехала в Среднюю Азию. Там она вышла замуж и родила сына Ярослава Алексеевича Долганова. Будучи оскорблённой, выехала на родину и целиком посвятила себя воспитанию сына, прервав всякую связь с мужем.

Вера Александровна, оставшись одна, вышла замуж за Васильева и переехала с ним в Пятигорск.

Во время отпусков мы часто навещали Веру Александровну. Встречи были как с ней, так и с Ниной всегда радушными, мрачные эпизоды из прошлого никогда не вспоминались. В общении с ними Александра Владиславовна никогда не чувствовала никаких упреков с их стороны, но жаловалась, что всегда после встреч её мучит угрызение совести за ошибки своей молодости. Те, кто знали её прошлое, утешали, говоря ей:

— Что вы мучите себя! Пора забыть старое. Люди вас давно простили.

— Люди-то, может быть, и простили, — возражала она, — но сама-то я себя не простила и вероятно никогда не прощу.

И это было так. Даже перед лицом смерти, в оставленном мне письме она просила: «Нине передай, чтоб она простила свою мать, за то, что она сделала сорок пять лет тому назад».

Перед войной Нина Алексеевна Волгина вместе с сыном Славиком приехала на Камчатку. Сын в Петропавловске отлично окончил десятилетку, затем в Ленинграде — технический вуз и был направлен на работу в Москву. Нина работала преподавателем в педучилище, и с выходом на пенсию переехала в Пятигорск, где жила тетя Вера и многие родственники отца.

Мировоззрение Александры Владиславовны складывалось во время бурных и противоречивых общественных событий. Казалось бы, что среда военных семей из потомственных дворян и среда института благородных девиц, где она провела детство и юность, должны были воспитать в ней вернопопданничество, но этого не случилось. Хотя в её лексиконе долго держались такие

высокопарные слова, как «император» или ещё более почтительное «государь император», хотя она долго называла революцию 1905 г. или Ленский расстрел словами «беспорядки», хотя было много и других «старорежимных» слов и определений, она всё же не была приверженцем царского строя. Корни институтского воспитания были у неё не глубоки и отразились, главным образом, на внешней культуре и на общих знаниях.

Но главный источник её миропонимания — дворянские семьи, в которых она росла и получала воспитание, несмотря на своё положение в классовой иерархии, были глубоко гуманными и демократически настроенными. Она часто вспоминала примеры доброты родственников по отношению к «нижним чинам», как старшие и их близкие были просты и «обходительны» с солдатами, а детям не возбранялось дружески общаться с ними. Она постоянно слышала от солдат, как они с большим уважением отзывались о своих «справедливых» и «добрых» командирах. В семьях родственников не одобрялось подчёркивание некоторыми знакомыми своего превосходства над окружающими и всегда проявлялась простота в отношениях, несмотря на различие чинов и рангов.

Такая же атмосфера отношений царила и среди родственников первого мужа.

О своём втором (гражданском) муже Александра Владиславовна вспоминала иначе. Он запомнился ей как убеждённый приверженец монархии, как жёсткий человек. Во взглядах на многие события и явления их мнения часто расходились.

В общем же она выросла простым, добрым, жизнерадостным и аполитичным человеком. Февральскую революцию она встретила не только спокойно, но даже, как и большинство артистов в театре, с удовлетворением. Смысла и цели Октябрьской революции она не понимала, так же как не разбиралась в дальнейшей классовой борьбе и в гражданской войне.

Она не понимала и долго не могла оправдать жестокости террора, хотя сама чувствовала, что под маской многих людей, выдающих себя за сочувствующих советской власти, кроются злобные враги. Работая в двадцатых годах в посёлках Донбасса, ей бросалось в глаза бескультурье, пьянство, воровство, массовые драки. Её пугало по ночам возвращение со спектаклей, когда на улицах раздвигали и грабили. Тяжело было смотреть на потухшие доменные печи и мартены, застывшие коксовые батареи, искорёженные здания заводских цехов. При возвращении из Якутска ей страшно было на барже видеть пьяный разгул и буйство возвращающихся

с Алдана «золотоискателей», которых в прошлом второй муж представлял ей как разбойников.

Что греха таить, многие из товарищей по театру и знакомые, в откровенных разговорах высказывали сомнения в способности большевиков навести порядок, восстановить разрушенное хозяйство и удержаться у власти. Эти сомнения точили и её сознание, но она все же ясно видела в народе массовое стремление к новому, лучшему, к культуре, к знаниям. Она видела массовый энтузиазм в общей созидательной работе.

В этих противоречиях восприятия действительности Александра Владиславовна сохранила веру в справедливое будущее и постепенно, с трудом, овладела азами политических знаний.

Кочевая жизнь провинциальной артистки, ограниченные средства к существованию вынуждали её жить в дешёвых квартирах среди нуждающихся людей. Общение с семьями простых рабочих и служащих помогали Александре Владиславовне, как внимательному рассудительному человеку, видеть и понимать жизнь не так, как объясняли её в институте благородных девиц. Окружающая жизнь без прикрас стала её подлинным институтом, в котором она ежедневно развивала своё сознание.

Если я многое получил от Александры Владиславовны в смысле общего развития и внешней культуры, то она, узнавая моё прошлое, стараясь осознать моё миропонимание, в свою очередь, стала смотреть на общественное устройство по-новому.

Большое влияние на её мировоззрение имело появление в художественной литературе «Цемент» Гладкова, «Виринеи» Сейфулиной, «Железного потока» Серафимовича, «Барсуков» Леонова, «Одеты камнем» Ольги Форш и другого.

В тридцатых годах Александра Владиславовна, прочтя «Угрюмку» В. Шишкова, недобрым словом вспоминала второго мужа, который прежде обрисовал ей Ленский расстрел в другом, оскорбительном для народа свете.

Принимая активное участие в общественной работе, артистке много приходилось общаться со зрителями, и простые душевные беседы с ними также помогали ей глубже вникать в жизнь.

Большой школой политического развития в последние годы для неё являлась работа при разборе во время репетиций идейного содержания пьес. Она никогда не пропускала в театре занятий кружков и лекций по вопросам политического просвещения.

Нельзя сказать, что Александра Владиславовна преуспевала в овладении политическими знаниями. В её сознании частенько

царил сумбур, но к её чести нужно сказать, что она как-то подсознательно, очень правильно и трезво оценивала события, происходившие в жизни нашей родины и в международных отношениях, а главное — она всегда старалась всё понять, разобраться во всём. Она научилась серьёзно думать.

Случалось в театре и такое, что факторы, не имеющие прямого отношения ни к дарованию, ни вообще к искусству, оказывали влияние на творческую жизнь артистки.

Александра Владиславовна всегда гордилась родством с выдающимся сыном родины лётчиком Петром Нестеровым. Она никогда не скрывала ни своего происхождения, ни родства с Петром Нестеровым, и до определённого времени это никого не пугало. И вдруг однажды некоторых перестраховщиков из руководства театра привело это в тревогу. «Как бы чего не вышло», — думали они. В результате на недолгое время она была негласно бойкотирована и при распределении ролей фактически из ведущих актрис была сведена на незаметное положение.

А вот второй случай, который на длительное время взволновал артистку. В 1938 г., в мрачные дни «культы», возвращаясь из отпуска в Москве, садясь в вагон дальневосточного поезда, она получила из Петропавловска телеграмму, что уволена из театра вместе с мужем. Причины не объяснялись.

Театральные сезоны уже всюду были открыты, время для устройства на работу было уже упущено, и всё равно нужно было возвращаться на Камчатку за вещами.

Тоскливы были длиннейший путь по железной дороге и долгое ожидание транспорта во Владивостоке. Изнурительно было семнадцатисуточное болтание в непригодном для перевозки пассажиров твиндеке маленького грузового пароходика, который с трудом преодолевал шторм Охотского моря, а тошнотворный запах, исходящий из трюмов от испорченного груза чеснока, заполнял все помещения и дополнял сомнительную прелесть морского путешествия.

Никаких причин для увольнения артистов не было. Просто некоторые недоброжелатели из эгоистических соображений, даже не зная артистки Славиной, но, узнав из её личного дела её автобиографию, припугнули тогдашнего перестраховщика — руководителя театра её дворянским происхождением, родством с «золотопогонником» — офицером царской армии Нестеровым.

— Смотрите! Как бы чего не вышло! — нащёптывал «бдительный» советник.



А в действительности увольнение нужно было кляузнику для того, чтобы занять её комнату. Он даже пытался сделать это до возвращения Славиной и Родионова на Камчатку, но милиция не разрешила отмыкать комнату.

Так же были уволены Таванцева и Светланов, но их незамкнутые комнаты были всё же заняты.

Уволенные, кроме Светланова, были, конечно, восстановлены на работе. Отрадно отметить, что эти уродливые факты не поколебали её веры в справедливость.

С первых дней Великой Отечественной войны театр, как и вся страна, работал под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы над врагом!» Этому лозунгу были подчинены производственный план театра, содержание репертуара, дисциплина и трудовое напряжение коллектива, а также общественно-массовая работа.

Как личную трагедию Александра Владиславовна восприняла нападение фашистов на нашу родину. Не было общественных мероприятий театра, в которых Александра Владиславовна не принимала бы участия, особенно в дни Великой Отечественной войны. Она с болью в сердце воспринимала наши неудачи на фронтах в первые дни войны, но никогда не теряла веры в победу и всячески поддерживала эту веру в товарищах. Эту веру она доказывала своими поступками: она сдала в фонд обороны свои золотые часы и другие ценные вещи, она целиком переводила в фонд обороны присвоенную ей персональную пенсию. Она всегда была примером в сборе средств на строительство самолётов для армии, за что были получены театром две благодарности от Верховного Главнокомандующего.

Коллектив театра всегда активно подписывался на государственные займы, ставил в воинских частях шефские спектакли и вёл другую оборонную работу, собирал книги для воинских клубов, тёплые вещи для фронта и для пострадавших районов. Коллектив театра постоянно, не зная выходных дней, вёл напряжённую производственную и общественную работу, и Александра Владиславовна всегда была в первых рядах коллектива. Если товарищи работали в нерабочее время на сельскохозяйственных работах или на разгрузке пароходов и в других местах, где требовалась физическая сила и здоровье, то Александра Владиславовна не оставалась в стороне и всегда находила посильное для себя дело.

За заслуги в области культурного шефства профсоюза работников искусств над Вооружёнными Силами СССР Александра Владиславовна награждена почётной грамотой Комитета по делам

искусств при Совете Министров СССР, ЦК профсоюза работников искусств и Центральной военно-шефской комиссии. Правительство наградило артистку медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Во время войны с японскими милитаристами Александра Владиславовна вместе с оставшейся в городе группой артистов обслуживала воинские части и госпитали в районе Петропавловска, участвуя в спектаклях и концертах. В свободные от выездов часы она проводила особенно большую и полезную работу среди раненых в военно-морском госпитале. Каждый день артистка приходила к своим новым друзьям. Раненые полюбили чуткую и внимательную женщину. Они стали выходить ей на встречу, чтобы пригласить в свою палату. Начальник госпиталя, узнав о «перехвате» артистки у ворот госпиталя, даже установил своеобразный график посещения палат.

Александра Владиславовна долгие часы просиживала у постелей тяжелораненых воинов, с материнской теплотой и мягкостью вела с ними душевные беседы, отвлекая их от тяжёлых дум и физических страданий, вселяя в них бодрость. Раненые ласково звали ее «мамашей».

— Ваше лекарство, товарищ Славина, — говорили врачи, — эффективнее всяких медикаментов.

Её посещения раненых продолжалось, пока госпиталь не свернулся.

Командование высоко оценило её работу, и не случайно она была награждена медалью «За победу над Японией».

Товарищи говорили, что артистка не умела «постоять за себя», но когда нужно было похлопотать за товарища, она всегда была очень активна. Можно много привести примеров её сердечной теплоты и внимания к товарищам. Вот некоторые из них.

Ранее в театрах практиковались так называемые «бенефисы» — спектакли сборы с которых шли в пользу того или другого артиста, но не всегда руководство театра предоставляло возможность самому бенефицианту выбрать «кассовую» пьесу, гарантирующую хороший сбор и удобный день недели. В таких случаях, когда заинтересованный артист не надеялся на материальный успех бенефиса, приходила на помощь Александра Владиславовна и распространяла билеты на спектакль. Её энергия, её обаяние, её умение вести со зрителями интересные беседы всегда приносили отличные результаты в материальном успехе спектакля.

Александра Владиславовна обратила внимание на постоянную обеспокоенность в середине двадцатых годов молодого артиста Т. Она заметила, что когда за кулисами случайно оказывался работник милиции или ОГПУ, на лице этого артиста появлялась тревога. Сделав для себя вывод, что молодой человек не случайно боится представителей власти, она, зная его расположение к себе, вызвала товарища на откровенность и узнала, что его тяготит. Серёжа — так звали артиста, рассказал ей, что он в автобиографии и в анкете скрыл своё «прошлое». Он утаил, что его отец был белым офицером и погиб, и что он учился в кадетском корпусе. Но далее в документах он всё сообщал правильно, что волею судьбы он в пятнадцать лет оказался один с матерью и зарабатывал себе кусок хлеба своим трудом.

Зная, что дети не караются за вину отцов, Александра Владиславовна убедила Серёжу пойти в соответствующие организации и признаться в своих «преступлениях», о которых, кстати сказать, там, где нужно, уже знали. Серёжа сходил «на исповедь», получил «отпущение» грехов, освободился от морального гнета, давившего его, и стал новым жизнерадостным человеком, как будто обменяли и его, а не только документы. Он часто благодарил Александру Владиславовну за совет и говорил, что она его спасла, как утопленника.

Вот ещё пример внимания и чуткости. В театре много лет работал кочегаром одинокий малограмотный, плохо развитой человек с большими дефектами в органах речи — Миша Малючков. Он был неразговорчив, замкнут, держался всегда в сторонке и близких друзей не имел. Благодаря своим недостаткам, он частенько попадал на зубок грубых острословов. В первые годы Великой Отечественной войны Мишу призвали в армию.

На пристань к отправке призванных на материк пришло много провожающих — родных и знакомых, только одинокий и грустный Миша никого не ждал. Вдруг к нему подошла Александра Владиславовна.

— А Вы кого же провожаете? — спросил Миша.

— Тебя, — последовал ответ.

Миша не ожидал розыгрыша от артистки и как-то растерялся в удивлении.

— Тебя, Миша, — повторила артистка и, пожав руку, протянула ему сверточек с подарком на дорогу. Время до посадки на паром быстро пролетело в непринуждённой беседе, которая согрела вниманием сердце Миши.

Прощаясь, артистка крепко поцеловала одинокого солдата, и из его глаз хлынул поток благодарности. Артистка ответила ему тем же. Поднимаясь на пароход, Миша часто оглядывался, пока не потерял из вида добрую ласковую женщину.

После победы демобилизованный солдат возвратился в театр.

— Когда меня брали на войну, — говорил он, — я думал: а кого же мне защищать? У меня нет ни родных, ни друзей, и если убьют, то и вспомнить меня некому будет. Но я ошибался. Когда на пристань проститься со мной и пожелать мне счастливого пути и счастья пришла наша самая уважаемая артистка, я понял, что у меня есть, кого защищать. Всегда на войне я вспоминал её, как родную мать, и всё сильнее и сильнее ненавидел фашистов.

— Спасибо тебе, дорогая мамаша, — сказал Миша при встрече с Александрой Владиславовной, — я всегда с радостью рассказывал солдатам, что у нас хорошие люди. Это твоя доброта уберегла меня на войне.

Не чужды Александре Владиславовне черты характера и граничащие с мужеством. Возвращаясь из Якутска, пароход на одной небольшой пристани реки Лены причалил к берегу грузиться дровами. Пассажиры баржи сошли на берег. Один из мальчишек с носовой палубы свалился в реку. Быстрое течение засосало его под днище судна. Выловили утопленника уже без признаков жизни, и мужчины, взяв его за руки и ноги, начали «откачивать», то есть подбрасывать вверх, и, не давая опуститься на землю, вновь повторяли движение. В народе существовало поверье, что утопленника нельзя класть на землю, иначе он умрёт. Александра Владиславовна, подстелив на песок своё пальто, просила «откачивающих» положить мальчика для проведения искусственного дыхания, но толпа буквально зарычала на неё, оттолкнув в сторону. Несмотря на угрожающий рёв, она всё же набралась каких-то невероятных сил и, неожиданно бросившись вперёд, вырвала утопленника из рук ошеломлённых людей, отбежала в сторону к разосланному пальто и, положив на него мальчика, начала делать искусственное дыхание.

Толпа на какое-то время оцепенела, но потом вдруг взревела и двинулась с криками ругани к ней, пытаясь отобрать ребёнка. Невероятными усилиями артистка удерживала ребёнка, продолжая делать приёмы дыхания. Тут ей уже кто-то помог. Казалось, что в этой неравной борьбе Александра Владиславовна оборонялась только глазами, которые как будто искрились молниями и парализовали толпу на месте. Затихали рёв и брань, и только временами раздавались короткие вопли:

— Погубила мальчонку — предала земле!

— Проучить её, ведьму!

Она устала, тяжело дышала, но эти возгласы и страх перед угрожающей толпой наполняли её энергией. Из последних сил она продолжала процедуру. Казалось, бесконечно тянулось время. И, наконец, — о радость! В груди ребёнка появились хрипы, и затем последовал вздох. Ребёнок спасён!

Так пригодились знания, полученные в кружке «первой медицинской помощи». Родители ребёнка благодарили «доктора», а артистка-«доктор» пила валериановые капли.

Артистка умела находить путь к сердцу человека, чувствовать чужое горе и в трудную минуту [могла] прийти к товарищу с добрым советом или помощью. К ней постоянно тянулись даже мало знакомые люди со своими волнениями, горестями и печальями. Она всегда находила простые и тёплые слова, чтоб успокоить товарища, утешить в горе, влить в него силы и веру в себя, если он растерялся. Некоторым случайным знакомым, попавшим в беду, она годами оказывала систематическую материальную помощь. Она помогала нуждающимся хозяевам квартир покупать: то козу, то поросят, то корову, то приобретать материалы на постройку домиков, то в других нуждах.

В финансово-трудные для Камчатского театра сороковые годы она помогала актёрам и знакомым привозить с материка жён и детей, или помогала товарищам, возвращающимся из отпуска и оказавшимся в дороге в затруднительном положении на длительное время пути.

Совершив в прошлом роковую ошибку, она из суровой школы молодости получила незабываемый урок, которым постоянно делилась с молодёжью. Она призывала вступающих в самостоятельную жизнь к высокой моральной требовательности. В мягких, по-матерински сердечных беседах с молодыми парами, она учила их бережно относиться к семье и к любви.

Величайший дар природы, — говорила она, — это светлое чувство — любовь. Она несёт счастье в жизнь. Она переполняет душу человека самыми лучшими порывами, ведёт к самозабвению ради друга. Она ведёт к радостям в труде. Она в сочетании с разумом всемогуща. Но любовь — чувство очень робкое, его неосторожностью можно легко спугнуть, и тогда она станет своей противоположностью. Жизнь на своём пути расставляет незаметные ловушки, попав в которые можно разбить драгоценное чувство.

— Будьте чутки и внимательны, — советовала Александра Владиславовна, — не дайте оступиться друг другу. Трепетно храните любовь, в дружбе и согласии пронесите её через всю свою жизнь. Не живите только сегодняшним днём. Думать о своём будущем, а думать о будущем — это, значит, думать не только о себе лично, но ещё и о детях.

Её материнское чувство, нерастраченное в молодости, искало своего выхода, и она щедро делилась любовью и лаской с детьми актёров, близких и знакомых. С особым радушием она заботилась о моих младших, вступающих в жизнь, родственниках.

Артистка всегда была близка к театральной молодёжи. Зная по себе, как трудно было без специальной школы получить опыт сценического мастерства, она внимательно следила за первыми шагами товарищей, особенно пришедшей в театр без подготовки.

Пройдя суровую школу жизни, имея значительный культурный кругозор и накопив сценический опыт, она всегда приходила на помощь. Её советы никогда не носили характера менторства, а делались в деликатной, доходчивой форме и располагали к себе молодёжь.

Видя её отзывчивость в трудностях, окружающие её спрашивали:

— Александра Владиславовна, всегда ли Вам люди на добро отвечают добром?

— Нет! — отвечала она, — бывали редкие исключения, но это не подорвало моей веры в хорошие качества человека. Некоторые считают, что плохих людей больше, чем хороших. Это не так. Такое ложное впечатление создаётся, вероятно, потому, что всё дурное нас сильно травмирует и поэтому мы долго помним зло, а хорошее воспринимаем как обычное и не запоминаем этого.

Артистке как человеку мягкому, доброму и впечатлительному неприятности доставляли немало волнений, но она в таких случаях не опускала рук, становилась более собранной и работала с большой энергией, преодолевая все неприятности, трудности, невзгоды и лишения. А трудностей было бесконечно много: и творческих, и производственных, и бытовых, и климатических, особенно в камчатский период, когда в театрах на материке уже были созданы хорошие условия работы.

В умении спокойно и уверенно преодолевать все встречающиеся барьеры Александра Владиславовна всегда была образцом для других. Перед ней стыдно было теряться, особенно молодёжи, ныть и хныкать, она умела своим примером вселять в других гордость

за преодоление трудностей. Она часто, будучи больной, безмолвно выезжала в район и играла спектакли, глотая таблетки нитроглицерина или делая болеутоляющие инъекции при бесконечных приступах аневризмы или болях ишиаса.

Даже прикованная к постели, во время приступов ишиаса, она всегда находила себе работу для театра. Вспоминается, какие великолепно она сделала кокошники и детали царского облачения для спектакля «Василиса Мелентьева». Как мастерски она украшала их «жемчугами» и «камнями». С какой любовью она «одевала» куклы для первого кукольного спектакля на Камчатке. Неделями она, лёжа в постели, трудилась над такими работами.

Кстати нужно сказать, что, увлекаясь вышивкой, Александра Владиславовна принимала участие и своими работами в организации на Камчатке первых выставок народного творчества.

Часто во время выездного спектакля разыгрывалась пурга, приходилось оставаться на ночлег в неприспособленном холодном клубе, и пожилая артистка стойко переносила неудобства. А если всё же выезжали после спектакля, надеясь пробиться через пургу и где-либо, вдали от города, застревали в снежных наметах, она без советов и нытья отправлялась в очень трудный для неё путь через снежную топь и круговерть.

Однажды в поселке на Халактырском озере был назначен спектакль, но Камчатка была накрыта буйным циклоном. Выезд не состоялся. На следующий день снежная карусель не стихала, и командование решило перебросить артистов на аэросанях. Первым рейсом благополучно доставили в клуб детали оформления, костюмы, реквизит и часть людей. Вторым рейсом отправились артисты — благо действующих лиц было немного. Не проехав и половины пути, мотор заглох. Сколько не крутили пропеллер, сколько не толкали сани, мотор не заводился.

Время шло. Что делать? Большинство высказалось за то, чтобы идти обратно домой.

— А как же спектакль, ведь зрители ждут нас второй день, — сказала Александра Владиславовна. — Всё равно пробираться через пургу, так давайте лучше идти к цели. — С этими словами она двинулась вперёд, и все последовали за ней.

Ураганные шквалы ветра захватывали дыхание, ей было очень тяжёло, но, часто отдыхая, она продвигалась вперед. Вдруг всё вокруг озарилось ярким огненным сполохом, словно загорелось небо, заполняя весь видимый мир беснующимися в завихрениях искрящимися мириадами снежинок. Потом ноги ощутили дрожь

земли, и секундами позже со стороны вулканов донесся мощный громоподобный гул.

Извергался Авачинский вулкан. Началась незабываемая, величественная феерия разбушевавшейся природы. Самым пылким воображением невозможно заранее представить ошеломляющую картину фантастической красоты. Эстетическое наслаждение наполняло душу восторгом и вместе с тем вызывало какой-то суеверный страх. В сознание врываются картины гибели Помпеи и Геркуланума, но они не могли потушить очарования красотой взрыва титанических сил природы.

Так забывая трудности пути, мы как зачарованные дикой вакханалией световых всполохов и снежных вихрей, под оглушающий гром и свист, по дрожащему в конвульсиях земному покрову дошли до клуба, вблизи которого зрители так же любовались извержением вулкана. Этот эпизод запомнился артистам на всю жизнь, и если бы не Александра Владиславовна, мы бы вернулись в город и не увидели редчайшего фейерверка.

Идут спектакли в клубах за бухтой. Сегодня туда выезжает и Александра Владиславовна. Катер стоит на рейде вдали от берега. На маленькой лодочке на него доставили костюмы и реквизит на сегодняшний спектакль. Вторым рейсом переправляется артистка, но на полпути лодка опрокидывается и артистка по ледяной морской купели медленно, без криков плывёт к катеру, который оказался в поле её зрения, когда она вынырнула из-под воды. Кто-то на берегу завопил, что артистка Славина «утопла» и побежал искать телефон, а «утопленнице» помогли подняться на борт катера, она в кубрике переделалась в театральный костюм, и судёнышко отвалило на Тарью.

Когда на берег прибежал напуганный телефонным звонком директор, и вслед примчалась вызванная им карета скорой помощи, артистка была уже далеко в бухте. К клубу посёлка Тарья она шла уже одетой к спектаклю, чем доставила большое удовольствие мальчишкам своим необычайным стильным костюмом.

Придя в театр, Александра Владиславовна всегда у старших товарищей искала ответы на непонятные вопросы, а, получив сценический опыт, она сама щедро делилась им с молодыми товарищами. С первых дней, учась работать, она следила за репетициями и спектаклями. Эта привычка осталась у неё навсегда. Так она замечала недостатки актёров и помогала им преодолеть трудности. Хорошо зная историю, явно представляя стиль отдельных



эпох, она оказывала большую помощь молодым артистам в освоении сценического костюма прошлого.

— Мало, — говорила она, — надеть нужный костюм, надо уметь носить его. И она не уставала тренировать товарищей в освоении кринолина, шлейфа, военного костюма, плаща и других деталей.

Кругом её знаний нередко пользовались художники, режиссёры и старшие товарищи. Знание «этикета», то есть принятого порядка, образа действий, умение держать себя при разных обстоятельствах, всегда имело большое значение для творческих работников. По вопросам внешней культуры, так сказать, «правилам хорошего тона», Александра Владиславовна всегда была очень полезным консультантом.

Александра Владиславовна была жизнерадостным, общительным и обаятельным человеком, была наделена исключительной способностью располагать к себе окружающих, быстро сближаться с людьми и объединять их. Её образование, начитанность, хорошее знание французского и немецкого языков; её умение логично и непринужденно построить свою речь и найти интересную тему для беседы делали её отличным собеседником.

Она была также и хлебосольной хозяйкой. Редкие выходные дня в её квартире проходили без гостей. Обычно после премьер за лёгким ужином и чашкой чая товарищи делились своими впечатлениями о выпущенном спектакле. Иногда в предвыходные дни до утра затягивались интересные беседы о литературе, искусстве, текущих событиях и, конечно, о делах театра.

Нужно отметить, что мы с Александрой Владиславовной были людьми непьющими и беседы были всегда трезвыми. Тосты, конечно, произносились и бокалы поднимались, но вино принималось ограничено. В отличие от многих домашних вечеринок эти застолья похожи были скорее на своеобразные производственные совещания или творческие дискуссии. Любителям «излияния» эти «сухие» «бдения», как они говорили, не нравились, а квартиру артистки они иронически называли «салонем мадам Славиной», пытаясь этим как-то опорочить эти вечера.

Кстати, в этих беседах часто высказывались полезные мысли, которые потом принимались в практике работы театра, но это никогда не преследовало каких-то корыстных целей приствовавших.

Большое внимание артистка всегда оказывала вновь прибывающим актёрам. Она говорила, что встречать новых людей нужно горячим сердцем. Первые впечатления создают настроение на

дальнейшую работу, и она была права. Бытовая неустроенность работников театра, трудные производственные условия обычно пугали вновь прибывших артистов.

Артистка Валерская вспоминала: «Ещё когда мы с мужем Двиняниным ехали на пароходе, нас расстроили, говоря, что квартир в театре нет. “И не верьте, — говорили, — если вам скажут, что они скоро будут, а если и будут, то это не квартиры, а «курятники», что бытовые условия очень тяжёлые”. Сведения о здании театра и об условиях работы нас так же не радовали.

Пароход подошёл к Петропавловску в дождливый и, несмотря на лето, холодный день. Сойдя с парохода, мы через несколько шагов по пирсу влезли в грязь. Затем в сутолоке погрузили имущество на грузовик, и сами расселись сверху на вещах. Дорога была вся в выбоинах, мы подсакивали на чемоданах, едва удерживаясь в кузове. Иногда в громадных лужах машина буксовала, надрывно фыркая мотором и обволакивая нас клубами угарного газа. Это особенно обостряло наше и без того неважное впечатление от приезда.

Квартир, конечно, не оказалось. На улице Красинцев нас привели в большую чужую неуютную комнату без всякой мебели и сказали, что здесь придётся нам пожить несколько дней.

Расставив по углам чемоданы и рассевшись на них, не раздеваясь, мы долго сидели в обалдении, обдумывая, как бы скорее уехать с Камчатки обратно. Из упадочного настроения нас вывела Александра Владиславовна, пригласив к себе. Её уютная комната, вкусный обед, увлечённость Камчаткой, театром и творческим коллективом, интересный рассказ о трудном, но успешном росте театра, о гордости за свой нелегкий труд воодушевили нас с мужем. Нам уже не такими страшными казались условия работы и быта. Кто знает? Не будь этой встречи со Славиной, мы бы с мужем, вероятно, не задержались на Камчатке, но её оптимизм воодушевил нас на работу здесь».

И не только работники театра находили внимание в квартире Александры Владиславовны. У неё, как у доброго и отзывчивого человека, часто находили приют и гостеприимство, а иногда и питание люди, случайно попавшие в трудное положение. Обычным явлением было то, что за столом у неё всегда можно было видеть гостя. Нередко неделями и месяцами жили у неё или моряк, спившийся на берег, или транзитный пассажир с побережья, ждущий неделями парохода на материк, или знакомые по выездам театра, приехавшие из области в больницу, или гастролеры-арти-

сты, которым из-за отсутствия гостиницы негде остановиться, или находила у нее приют жена, убежавшая от разбушевавшегося пьяного мужа.

Она иногда на длительное время принимала у себя родственников репрессированных лиц во времена «культы личности», насколько возможно, утешала их и вселяла веру в торжество справедливости. Делалось это, как она потом вспоминала, и не без страха за себя. Противоречия в то время терзали сознание и чувства: нельзя было допустить, что её знакомые, которых, казалось ей, она хорошо знала, могли оказаться врагами народа, и трудно было не верить властям. «Бывают, — думала она, — ошибки, но почему их так много?» Иногда ночью вдруг у дома останавливался автомобиль, и страх пронизывал всё существо. «А, может быть, это за мной приехали?» — думала она.

Нужно сказать, что Александрой Владиславовной иногда овладевал страх производственного порядка. Не говоря о том, что она боялась за свои возможности справиться с новой ролью, она в некоторых случаях панически боялась микрофона. Да! Да! Да! — Микрофона!

Были случаи, когда театр сокращал количество отъезжающих на гастроли артистов, передавал на летние месяцы некоторых творческих работников для работы в студии радиокомитета. Артистка часто выступала в художественном вещании. Её речь отлично ложилась на микрофон и была выразительна. Она могла хорошо читать текст даже с листа, хотя всегда готовилась к этому. Но вот однажды, передавая в качестве диктора, политическое обозрение, она, не заметив сама, сделала оговорку, исказившую смысл статьи. После передачи ей заметили об ошибке. На следующий день, она, боясь новой оговорки, более внимательно вчитывалась в текст так же ответственного содержания, и с некоторым страхом включила микрофон. Благополучно начав чтение, успокоилась и вдруг в конце статьи опять нелепая оговорка, которую уже сама заметила. Поправилась и, — о ужас! Невпопад!

Вновь поправляется, и опять — чушь! Дочитывала она статью в ускоренном темпе, как будто за ней гнался кто-то. Перед концом снова оговорилась, но уже не поправлялась, а, сделав короткую паузу, шумно вздохнула в микрофон и скороговоркой дочитала текст. Выключив микрофон, она обильно окропила слезами листы бумаги. На этот раз её, побледневшую и растерявшуюся, уже не журили, а успокаивали. После её слёзной просьбы ей уже не поручали читать материалы политического содержания, и она

спокойно и выразительно вела литературно-художественные передачи. После длительного перерыва ей вновь доверили, а вернее, уговорили прочесть небольшую статейку. После щелчка включателя ухо слушателей из репродукторов уловило стук зубов, затем дрожащий голос диктора, робко читающего текст, и потом снова оговорки. Больше Александра Владиславовна никогда не была диктором и принимала участие только в литературно-художественных передачах.

Нужно отметить, что за всю свою долголетнюю трудовую жизнь Александра Владиславовна только один раз имела взыскание за нарушение трудовой дисциплины. Однажды она пришла в театр за сорок минут до начала спектакля вместо установленных сорока пяти. Её подвели часы. Помощник режиссера даже стеснялся подавать об этом докладную записку директору, но артистка сама попросила дирекцию объявить ей взыскание. Она справедливо считала, что это «наказание» явится лучшим примером укрепления дисциплины, которая в то время была в театре не на высоте.

Не всегда, где работала Александра Владиславовна, царила в театральных коллективах дружба и высокая творческая и моральная атмосфера. Случались и сплетни, и зависть, и склоки, и ошибки руководства в формировании составов и в распределении ролей не по деловым соображениям. В общем, жрецам искусства также свойственны человеческие пороки и ошибки.

Иногда зрители, незнакомые с театральной кухней, говорили Александре Владиславовне: «Как Вы умеете удачно выбирать себе роли!» Но они не знали, что роли распределяются, а не выбирают. Им не известно, что она по-своему характеру очень скромный и застенчивый человек. Она никогда не предъявляла претензий на нравившиеся ей роли. Ей иногда приходилось испытывать на себе явную несправедливость при распределении ролей и, не высказывая неудовлетворенности, по ночам лить слезы. Были также случаи, когда вновь приглашённые режиссёры поручали её любимую, ранее не без успеха игранную роль Кручининой из «Без вины виноватые» вновь приглашённым артисткам, хотя позже эта роль вновь переходила к ней.

Кстати сказать, в этой роли более ярко сказывалась её способность перевоплощения. Зрители воспринимали со сцены подлинную жизнь, они были, подчас буквально, потрясены правдой действия и глубиной чувств. Казалось, что слёзы страдающей матери переливаются через рампу и вызывают ответный поток слёз из зрительного зала.

Вот ещё случай: была прочитана на коллективе и принята к постановке пьеса «Мой сын». При распределении ролей высказывались мнения, что роль Марии Эстерак должна играть Александра Владиславовна, но режиссёр не «увидел» в этой роли Славину. Даже не назначил её и вторым исполнителем, хотя знал, что она мечтала об этой роли. Первой исполнительницей матери и, надо признаться, отличной исполнительницей, была артистка С. Н. Минаева. Казалось, после её отъезда с Камчатки не найти достойную замену. Но все же на роль Марии была введена Александра Владиславовна, и драматический образ матери зазвучал с новой возросшей силой эмоционального воздействия.

Эти два примера и некоторые другие дали в своём завершении моральное удовлетворение артистке, но были подобные случаи, которые так и заканчивались только ночными слезами, а играть приходилось неинтересные роли. Хотя слово «интересная роль» — это не её определение. Опять вспоминаются слова зрителей: «Вы, Александра Владиславовна, даже из небольших ролей можете выбирать очень интересные».

Эти слова говорят о серьёзном отношении артистки ко всяким ролям, независимо от их размеров, и всегда они были ярки, правдивы и убедительны. Зрители всегда были рады в любой роли и в каждом спектакле видеть артистку Славину.

### Последние годы

В последние годы у Александры Владиславовны особенно резко обострились противоречия между стремлением к творческому труду и физическим состоянием. Предельная внимательность к ней товарищей, руководства театра, городских и областных организаций, зрителей, которые постоянно при встречах подчеркивали ей свою признательность, и, наконец, получение звания заслуженной артистки РСФСР вызывали у неё, с одной стороны, ощущение неловкости и стыда, так как считала незаслуженным такое уважение и, с другой стороны, у неё появлялась непреодолимая жажда к работе, чтобы отблагодарить общественность за такое внимание и награду.

5 декабря 1951 г. у неё неожиданно открылось лёгочное кровотечение, и она на месяц слегла в постель. Приступ болезни, кроме физической боли в области аорты, принёс ей глубокие душевные страдания — она боялась, что потеряет возможность работать. Её глубоко волновало, что театр вынужден терять репетиционное

время, чтобы заменить её в спектаклях и чтобы страховать её дублёрами в новых постановках.

Врачи, зная её волнения, рекомендовали ей оставить работу, думая, что это снимет с неё сознание ответственности и принесёт покой. Это предложение врачей стала энергично поддерживать дирекция театра, может быть, заботясь при этом не только о здоровье больной, но и об экономии фонда зарплаты (к сожалению, жёсткие финансовые планы подчас у руководителей организаций оказывали немалое отрицательное влияние на моральные вопросы).

Кстати, психологическую подготовку к оставлению работы я и сам вёл уже несколько лет, и только 11 февраля 1952 г. она решилась на этот шаг. Дирекция, отдав приказ об увольнении, обещала по выздоровлении постоянно включать её на «разовую» работу.

Несмотря на советы и обещания и своё решение, она всё же восприняла уход из театра очень тяжело — как начало физической смерти. К этому времени относятся её записки ко мне. Об этих записках она предупредила меня, но просила не читать их раньше времени. К этим запискам она позже возвращалась несколько раз и кое-что меняла.

Оставление работы не принесло ожидаемого улучшения здоровья. Напротив, её самочувствие ухудшалось, и как видно из записок, она очень страдала, осознавая свою бесполезность.

Физически она, как будто, укреплялась, но во второй половине марта, идя мимо горсовета, почувствовала головокружение. Теряя сознание, она схватилась за забор, а прохожие не дали ей упасть на землю. Подхватив под руки, они внесли её в вестибюль горсовета. Кажется, не было человека в Петропавловске, не знавшего Славицу. Прежде чем пришла «скорая помощь», около неё уже сидел оказавшийся поблизости врач, и не успела карета «скорой помощи» пробиться через снега, как прибежавшие из педучилища студенты перенесли её на руках в квартиру.

Этот случай она вновь восприняла как напоминание близкого конца, но её волновала не столько смерть, сколько бесполезность и бесцельность. Привыкшая всю жизнь работать, она, чуть-чуть почувствовав облегчение, находила себе занятия. Можно было наблюдать, как она прикованная недугом к постели шила какой-нибудь чепчик или распашонку для чьего-то ребёнка, или вышила салфеточку, а, поднявшись на ноги, уходила в театр помогать костюмерной.

На лето театр выезжал в гастроль на Курилы. Александра Владиславовна, сопровождаемая Машей Джановой, пришла в театр

проводить товарищей. Как всегда, она была строго и со вкусом одета и своим приветливым, немного возбуждённым красивым лицом произвела на всех очень приятное впечатление. Всех радовала её бодрость. Озаряя ласковой улыбкой друзей, она с трогательной материнской мягкостью напутствовала отъезжающих.

Приветственным жестом руки она проводила отходящую машину, но прежде чем отъезжающие растаяли вдали, слезы градом брызнули из её глаз, и всё окружающее стало тонуть в потухающем сознании. Маша, быстро подхватив её, не дала упасть. Сознание быстро вернулось, Маша с товарищами увела её домой и уложила в постель, но через несколько дней она вновь стала работать в костюмерной, ходить на лекции и в кино, а иногда даже до поздней ночи поигрывала в преферанс. Врачи журили её за это и рекомендовали больше лежать, но ей казалось, что в постели она ещё больше ослабевает и сильнее тоскует, хотя, кажется, и тосковать-то ей было некогда. Около неё постоянно были и дочь Нина, и бывший директор театра Кира Михайлова, и, постоянно вне службы, Маша.

10 июля вечером, после лекции, Маша вновь её, потерявшую по дороге сознание, вместе с прохожими принесла домой. На этот раз Александра Владиславовна точно выполняла категорическое назначение «скорой помощи»: не подниматься с постели, и большую часть времени проводила с книгой.

В ночь на 22 июля больная долго читала. Маша в четыре часа утра, проснувшись, услышала, что Александра Владиславовна захлопнула книгу, положила на тумбочку пенсне и задула керосиновую лампу. Ещё через несколько минут какой-то непонятный страх вновь разбудил Машу. Бросившись к постели, она услышала хрипы, вырывающиеся из груди больной. Сейчас же была разбужена соседка — врач А. А. Жаворонок.

Кровоизлияние в мозг.

Прежде, чем пришла «скорая помощь», ей была сделана инъекция камфары, а вскоре у её постели были другие лучшие врачи области.

Ввиду нетранспортабельности больной надлежащий уход и медицинская помощь оказывались ей на дому. По каким-то причинам домработницы в это время не было.

Сберкасса для ухода за больной предоставила Маше отпуск, а театр в помощь ей прикрепил гардеробщицу Раю. Они неотлучно дежурили у постели. Рядом постоянно присутствовали Нина и Кира Михайловна. Дочь частенько ночевала. По несколько раз

в день заходили врачи, а каждые три часа выполняла назначения врачей патронажная сестра Галя Басманова.

Шесть суток жизнь боролась со смертью и только на седьмой день больная пришла в сознание, хотя опасность не миновала. Правая сторона была парализована, рука и нога не реагировали даже на уколы иглой. Речь почти совершенно расстроена. До первого числа больная пищи не принимала, жила только на вливаниях глюкозы.

Отозванный из гастролей первого августа, приехал я и, получив отпуск два месяца, почти неотлучно провёл у постели больной. Только через два месяца Александра Владиславовна могла с помощью сестры за стол к обеду, но держать вилку или ложку пока ещё долго не могла. Её кормили.

В середине октября она попыталась выйти на улицу, но воздух опьянил её, и она на момент потеряла сознание, но это её не огорчило. К концу ноября открылись сильные боли в правой руке, кисть сильно распухла. Боли беспокоили её до середины октября.

Если в сентябре и октябре по мере улучшения самочувствия у неё увеличивалась жажда жизни и вера в восстановление здоровья, то теперь вновь наступило разочарование. Она ослабевала, перестала подниматься с постели. Физические боли делали жизнь тягостной. Она хотела, чтобы скорее наступил конец и, как можно было догадаться, даже подумывала о добровольном уходе из жизни. Но в таких случаях она вспоминала образы Николая Островского и Маресьева. Мрачные мысли оставляли её, и она терпеливо выносила страдания, принимая пантопон в минуты невыносимых болей. Ожидая естественного конца, она мечтала о том, чтобы смерть наступила без болей, во сне.

Но как только немного восстанавливались силы, вновь просыпалась жажда жизни, вновь рождалось стремление к труду, вновь появлялись заботы, и жизнь снова приобретала интерес и смысл.

К Новому году она уже овладела вилкой и ложкой и даже пыталась браться за вышивание, но из этого пока ничего не получалось. В январе начала выходить на улицу. В первые дни проходила несколько шагов и с каждым днём увеличивала дистанцию, а 21 января самостоятельно пришла в театр. Успех после стольких разочарований вновь окрылил её. По совету врачей она упорно, по несколько раз в день, часами делала гимнастику. До усталости, до болей она тренировала парализованные речевой аппарат, руку и ногу. Она делала это с какой-то одержимостью, преодолевая боли.



Одна из её соседок, как-то сказала:

— Александра Владиславовна, вы говорили, чтобы скорей пришёл конец. Так зачем же вы изнуряете себя гимнастикой? Значит, вам всё-таки жить-то хочется!

— Нет! — ответила больная! — Мне хочется работать! Мне кажется, я мало в жизни сделала и могу сделать больше, а чтобы работать и быть полезной, надо жить.

С этого времени она уже не пропускала ни одной премьеры. В театре для нее ставился специальный раскладной кресл, этот же кресл раскидывался ей на обратном пути, на улице, если она уставала, или на нём её торжественно, как на паланкине, приносили домой. Жизненные силы брали верх, болезнь отступала. Александра Владиславовна дома занималась небольшими хозяйственными делами, помогая домработнице Тоне. Иногда выходила в большие для неё прогулки по городу. Часто ходила в театр. В таких походах её обычно сопровождала Маша Джанова. В театре она помогала костюмерной, присутствовала на репетициях, беседовала с актерами и режиссерами.

Наконец, в намеченной к постановке в Октябрьские дни пьесы Я. Гоана «Любовь на рассвете» ей поручили интересную роль бабки Алены. Но... к началу репетиций она вновь слегла и выздоровела только к премьере. Даже радость выздоровления не смягчила у неё обиды от упущенной возможности играть в спектакле. Дальше, как нарочно, она физически чувствовала себя всё лучше и лучше.

15 января на премьеру в театр она пришла даже через небольшую пургу и также благополучно вернулась домой. В такую погоду она с трудом ходила даже до кровоизлияния. Этот случай влил в неё новые моральные и физические силы, а главное, она вновь уверовала в возможность своей работы.

Днем 7 марта Александра Владиславовна с горечью говорила:

— Обычно в этот день меня на городском торжественном собрании в честь женского дня избирали в президиум. А вот уже два года я не работаю, и меня, вероятно, забыли.

— Я теперь живой мертвец, — жаловалась она. — Как тяжело, дорогие мои, чувствовать себя бесполезной, ненужной. Как нестерпимо трудно пережить свои физические силы! Я окружена вниманием и заботой. Мои родные и близкие делают всё, чтобы облегчить мои последние дни. Многие завидуют мне, что я счастлива в своей старости, и я действительно счастлива, но я недовольна тем, что своим бесполезным существованием причиняю столько забот своим близким.

Вечером она всё же попросила Машу проводить её в театр на общегородское торжественное заседание. Нарушая правила, в зрительный зал Александру Владиславовну провели и усадили в кресло в последнюю минуту, когда президиум был на месте, и было представлено слово для доклада. И только докладчик подошёл к трибуне, как с балкона кто-то из военных моряков крикнул:

— Есть предложение ввести в состав президиума пришедшую в зал заслуженную артистку республики товарища Славину Александру Владиславовну!

Последние слова потонули во взрыве аплодисментов. Работник горкома партии товарищ Шишкин помог артистке подняться с кресла и подвел её к сцене. Заместитель облисполкома товарищ Ягодинец помог ей подняться по ступенькам на сцену. Члены президиума усадили за стол. Под гул овации кто-то помогал ей вытирать слезы, кто-то ласково обнимал её и, поглаживая руку, одновременно проверял пульс. Кто-то достал из её сумочки таблетку нитроглицерина и предложил положить её под язык.

В первые минуты Александра Владиславовна оторопела: не понимала происходящего и с каким-то безмолвным удивлением подчинялась действиям окружающих. Только сидя за столом, она осознала ту громадную теплоту и внимание, которые оказаны ей собравшимися здесь лучшими людьми города. Тут обильные слезы радости бриллиантовым ожерельем покатались по её щекам, а в зале с новой силой прогремел взрыв аплодисментов.

Домой она пришла взволнованной. Овация была воспринята, главным образом, как оценка работы всего театра, а не только её трудовой жизни, но успех театра она все же считала и своим успехом.

— Я думаю, — говорила она дома, — зрители не понимают, что без товарищей, без коллектива я ничего бы не могла сделать, они за что-то относятся ко мне пристрастно. Вероятно, правда, что я счастливая. Иначе я не могу понять, почему же за успехи всего театра выбрали именно меня для присуждения почётного звания заслуженной артистки? У нас много лучших артистов.

По своей скромности она обычно стыдилась слушать похвалы в свой адрес, и если отвечала на них, то как бы извиняясь, оправдываясь в чём-то. И в то же время от того, что зрители через неё продемонстрировали сегодня своё отношение к театру, она получила громадное моральное наслаждение. На душе было радостно и празднично.

14 марта Александра Владиславовна не захотела, чтобы ей на дом присылали урну для голосования при выборах в Верховный

Совет, и своим ходом явилась на избирательный участок. Через несколько дней она посетила поликлинику и обошла многих врачей, которые были удивлены хорошим состоянием её здоровья. Они особенно довольны были тем, что эпизод в театре 7 марта, сильно взбудораживший всех присутствующих, не только не ухудшил её состояния, а, напротив, улучшил. Врачи даже порекомендовали ей пока прекратить приём всяких медикаментов. Этот факт ещё более взбодрил её.

В последние недели она много гуляла, заказала себе у портнихи новое платье. Всё больше и больше загружала себя работой, почти не ощущая усталости и недомогания. Укреплялась вера в возможность работы.

Вечером 23 марта к Александре Владиславовне заходили многие товарищи. Беседа затянулась допоздна. Маша осталась ночевать у нас. По своей инспекторской работе в сберкассе она хорошо знала окраины города и рассказывала, как они расстраиваются. Александре Владиславовне вдруг захотелось хорошенько посмотреть Петропавловск, и было решено: теперь, пока дороги ещё не раскисли и находятся в приличном состоянии, в ближайший выходной Маша возьмет такси и в порядке экскурсии поколесит с ней по городу и району.

С этим планом, радостно взволновавшем её, она легла спать. Спала спокойно, но в семь часов утра 24 марта проснулась от сильной боли в области аорты. Нитроглицерин не помогал. Через час был принят пантопон, но и он не снимал болей. Второй порошок через некоторое время тоже не оказал помощи.

Маша убежала в «скорую помощь», но дежурный врач оказался на вызове, и Александра Владиславовна терпеливо ждала его. Страх смерти длительные приступы боли у неё не вызывали, они часто случались, но сами боли были очень мучительны, хотя она переносила их молча, без стонов. Несколько раз мы с Тоней приподнимали её. Сидя, боли как будто становились терпимее, но она быстро уставала и опять ложилась.

В девять часов пятнадцать минут Маша привела из «скорой помощи» врача. Он сейчас же сделал инъекцию трёх кубиков пантопона и одного кубика атропина. Боли стали утихать. Больная дала возможность врачу внимательно осмотреть и прослушать себя. Затем была сделана инъекция камфары и кофеина, а к десяти часам боли совсем утихли, и стала наступать дремота.

Маша, издали попрощавшись, собралась идти на работу, но Александра Владиславовна подозвала её к себе и спокойно сказала:

«Может быть, мы больше не увидимся, дай я тебя поцелую, — а после поцелуя добавила: — помоги в беде Косте! Прощай!»

Врач товарищ Львова, уходя, сказала:

— Положение очень серьёзное, весь арсенал, имеющийся у медицины, использован, ставьте грелки к рукам и ногам, известите лечащего врача, и если будут назначения — вызывайте скорую.

Больной предложили покушать, но она отказалась, сказав, что сначала поспит, но всё же выпила две двадцатиграммовых ампулы глюкозы.

Пока она засыпала, я перед уходом на работу пил чай у её постели, а она слабым голосом говорила мне:

— Боюсь, что со мной случится такой приступ, когда ты будешь на гастролях. Без тебя мне страшно, а с тобой легче, и я ничего не боюсь. Ну, иди теперь спокойно, если что нужно будет, я пришлю Тоню. Мне сейчас хорошо, не волнуйся, а если будет время — прибеги с репетиции проведать. Тебе будет легче. Спасибо родной! Я, вероятно, замучила тебя? Прости! Дай, я тебя поцелую!

Ноги и руки у неё потеплели, щёки порозовели, дыхание было ровное. Губы сложились в улыбку, потом еле слышно ещё раз медленно прошептали: «Спасибо, прости!» И она зевнула, не дождав-шись моего ухода.

В середине дня я приходил проведать её. Она спала, но, услышав щелчок дверного затвора, при моём уходе проснулась.

— Кто приходил? — спросила она.

— Константин Дмитриевич, — ответила Тоня.

— Зачем?

— Проведать и сказать, что врач придёт в три часа.

— Пусть не беспокоится, мне хорошо.

Затем больная попросила помочь ей повернуться в постели. Тоня подложила поудобней грелки, и она заснула. Через некоторое время она попросила приготовить ей на обед пару яиц.

— Сейчас? — спросила Тоня.

— Нет! Я буду обедать вместе с Вами. Ещё через несколько минут она о чём-то заговорила вновь. Тоня не поняла и спросила, о чём она говорит?

— Я попала во сне в какую-то яму и никак не могу очистить её от мусора, — ответила Александра Владиславовна, — но ты делай своё дело, не обращай на меня внимания.

Тоня отошла, но услышала вновь неразборчивые слова.

— Вам что-нибудь нужно? — вновь спросила Тоня, подойдя.

— Нет, ничего не нужно, — последовал ответ. — Мне сейчас очень хорошо, а что я говорю, ты не обращай внимания — это я отвечаю своим мыслям и тут же забываю. Задерни шторы, и я скорей засну.

Закрыв световой занавес, Тоня села с книгой у её ног. Временами больная во сне спокойно говорила невнятные слова и изредка шевелила руками или ногами, а примерно в час пятьдесят минут Тоня ощутила странную пугающую тишину.

Присмотревшись, она не уловила ни малейшего движения больной и не слышала её дыхания. Вызванная соседка — медсестра Зоя Федоровна — стала слушать её.

Тут вошёл я... но уже не застал Славушку живой...

Не верилось смерти. Руки, губы были ещё теплыми, но дыхание прекратилось! Пульса нет! Случилась страшная неизбежность — скончался дорогой друг! Тихо, без страха перед смертью, с улыбкой на устах, спокойно и навсегда заснула дорогая Славушка.

Утром 26 марта робкий луч солнца, пробившись через туман в окно, прорезал зелень ветвей роз, стоящих у изголовья покойницы, и яркими пятнами заиграл в причудливых узорах красного мягкого плюша, которым был обит гроб. Под действием прохлады, струящейся из открытой форточки, легко трепетали лепестками белая роза, склонённая над усопшей.

Лицо лежавшей в гробу, утопая в цветах, казалось удивительно спокойным и ещё более красивым, чем обычно, а в губах таилась приветливая улыбка.

В двенадцать часов дня из дома, где жила артистка, гроб с телом дорогой покойницы поплыл на плечах друзей в театр — в её второй дом, которому она отдала все свои долгие годы своей трудовой жизни. При подходе процессии к зданию театра, из его зала понеслись звуки траурной мелодии, отзывавшейся в сердцах то тихой грустью, то неудержимыми рыданиями.

В зрительном зале поставлен на пьедестал гроб с телом покойной. У подножья возложены венки. У изголовья стоят родные и близкие, всматриваясь в дорогие черты. Через каждые две-три минуты сменяются в почётном карауле представители организаций, предприятий, школ и других коллективов трудящихся. В течении двух часов беспрерывно течёт в скорбном молчании широкий людской поток, и эти часы не могли вместить в свои берега всех желающих проститься с покойной. Шли люди самых разных возрастов и профессий.

Вот пожилая женщина с простым лицом и в скромной одежде выделяется из движущегося потока, останавливается у гроба,

смотрит в лицо покойной и после троекратного низкого поклона тихо говорит:

— Ты была среди нас редким гостем. Спасибо тебе за то, что ты своим трудом облагораживала наши души и согревала наши сердца.

Вот очень старая женщина с трудом поднимает на руки ребёнка, склоняется у изголовья гроба и тихо шепчет:

— Всмотрись, внучка, в лицо уснувшей тёти и запомни её. Когда ты подрастёшь, я расскажу тебе, какая она была хорошая, как она жила и работала.

Вот школьник в удивлении остановился, всматриваясь в красивое лицо усопшей, и вдруг по его лицу пробежала тень испуга, а две крупные слезы повисли на его ресницах, как бриллианты, отразив в себе радугу цветов и искры от света люстр и прожекторов.

Вот на момент задерживается женщина в рабочем костюме, внимательно всматривается в лицо умершей и говорит самой себе:

— Какая же ты оказывается простая, а мне ты казалась всегда другой — необыкновенной, какой-то возвышенной, примерной, особой.

— Спасибо тебе за твоё большое искусство, — говорит одна из проходящих. — Спасибо тебе за то, что ты учила нас любить друг друга.

— Она была, — слышалось далее, — на редкость скромным и отзывчивым человеком с большим сердцем и красивой душой.

Некоторые женщины не сдерживают своих эмоций, часто вырываются всхлипывания, и у многих катятся из глаз россыпи искрящихся слёз.

Мужчины в выражении своих чувств более сдержанны, но лица всех покрывала тень глубокой скорби.

Закрыт доступ к гробу, в зале остаются только родные и близкие. Замер стон плачущей меди, и духовой оркестр сменился рыданьем скрипки. Вот беспредельной грустью и щемящей болью в груди за безвозвратную потерю льётся из-под смычка траурная мелодия Глюка. Трудно сдержать рыдания и не омыть слезами лицо дорогой покойницы, прощаясь с ней там, где она жила в труде.

— Спасибо тебе, дорогая, за твою дружбу с простым человеком, — говорит соседка Мария Родионовна, низко кланяясь перед гробом. — Спасибо за твою доброту. Спасибо за всё, прости.

— Прости! Прости! Прости!

Плавно поднимается гроб на плечах товарищей и плывёт к выходу. Просторные площадки у дома пионеров, у кино-театра, у школы, снежные насыпи у театра, заборы у строительства и далее высокие снежные обочины дороги сплошь заполнены пришедшими проводить в последний путь любимую артистку.

— Я никогда не видел на похоронах в Петропавловске столько народа, — сказал кто-то соседу.

— Чтобы народ с такой любовью провожал человека к могиле, надо быть настоящим человеком, надо жить и работать правильно.

В ожидании выноса тела всюду возникали тихие беседы, и везде их темой была заслуженная артистка республики А. В. Славина. Рассказывались эпизоды её биографии, а главным содержанием были спектакли, в которых она играла. Много было здесь высказано прекрасных оценок её творческого мастерства.

Загремел оркестр. Людской гомон потонул в патетическом звучании похоронной мелодии. Траурная процессия тронулась от здания театра в последний путь. Проплыли над головами траурные знамёна, блеснули на алом бархате медали — свидетельство доблестного труда в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией и с милитаристической Японией.

На чёрных лентах венков читаются золотые надписи: «От коллектива горкома КПСС и горисполкома», «От коллектива редакции газеты “Камчатская правда”», «От управления культуры Камчатского облисполкома», «Товарищу — сослуживцы», «Любимой артистке — коллектив педагогов и студентов», «Дорогой, незабвенной жене и матери», «Друзья — дорогой Славушке».

Пройден последний путь к месту вечного покоя. Один за другим от имени коллективов советских, партийных и общественных организаций выступили с короткими надгробными речами товарищи Клявлиня, Шишкин и Эльманович. Они говорили о том, что ушедший от нас в небытие наш дорогой друг на своём большом жизненном пути целиком отдавал людям пытливість своей мысли, увлечённость в труде, теплоту чувств и жар своего горячего сердца. От имени сослуживцев они клялись так же упорно и честно работать. Природа словно тоже оделась в траур. Свинцовыми облаками затянулись вулканы. Потянул холодком свежий ветерок и закружились пышные снежинки, нежно касаясь лица дорогой покойницы. Сказано последнее прости родными и близкими, и крышка гроба навсегда закрыла от нас дорогой нам образ. Стук молотка острой болью отдавался в сердце. Неудержимым рыданием звенит медь оркестра.

Опущен гроб в могилу. Глухие удары комьев земли о крышку гроба и... могила поглотила в своем объятии дорогого человека, но в сознании больное воображение продолжает беседу с ним.

Спи спокойно друг! Теперь тебя ничто не потревожит. Пусть будет земля тебе пухом! Светлая память о тебе будет жить в нас

вечно! Пусть стоящие перед тобой величественные вулканы постоянно курят вечную славу труду, которому ты честно отдала всю свою жизнь. Если ты ощутишь титанические извержения раскалённых недр Земли и трепет неба, в клочущих огненных всполохах, прими их как фейерверк в честь побед нашего народа, которому ты всегда беззаветно служила.

Пусть дикие циклоны, которые пронесутся над могилой, не нарушат твоего сна и будут колыбельной песней в твоём вечном покое. Ты заслужила этот покой большой трудовой жизнью для народа, а постоянными страданиями ты заслужила искупление вины за свои ошибки. Пусть ветры, дующие со всех океанов и континентов, скорее принесут на твою могилу со всех уголков планеты вести об освобождённом труде всего человечества.

А вот докатились с далеко учебного полигона мощные раскаты артиллерийских залпов, и над головами расходящихся с кладбища людей проревела эскадрилья реактивных самолетов — это сыны народа крепят оборону родину. Прими, дорогая Славушка, этот случайный салют над могилой как воинскую честь, отданную тебе — стойкому солдату мирного труда.

Опустело кладбище. Могильный холмик утонул в густой зелени венков, цветов и траурных лент. Одинокó смотрел с обелиска портрет, обрамлённый цветами. Тоскливо было на душе. Какая-то подавленность, оцепенение и безразличие сковывали существо. И вдруг с запада сквозь мглу облаков и хороводы снежинок прорвался яркий оранжевый луч солнца и лег на могилу. Цветы — символ вечной молодости — вспыхнули яркими красками на венках и в глубине подавленного горем сознания вновь затеплилась воля к жизни, а жизнерадостный портрет на обелиске словно призывал к мужеству, к труду, к борьбе.

Пусть сегодня властвует зима и хмурится природа, но завтра неизбежно взойдёт солнце, согреет Землю, неумолимой поступью придёт весна и призовет природу к возрождению.

**Жизнь не умирает!**

Пусть велико моё горе, но я не оскорблю памяти дорогого человека безволием и отчаянием. Я не ослаблю в созидательном труде родины своего трудового напряжения. Свой упорный труд я буду считать своим лучшим памятником тебе.

Спи спокойно, родная, твой милый образ и светлая память о тебе навсегда сохранятся в моём сердце.

Рукописная помета в конце текста:

*По запискам разных годов собран [в] 1973 г.*



# ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. Е. БЫКАСОВ

## ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Эти заметки можно было начать с уведомления о том, кто где «родился, учился, женился», но никому, кроме разве что отдела кадров, это не нужно. Так что если я и буду время от времени говорить о себе, то всего лишь ради обозначения некоторых особенностей своего мышления. А пока, коль скоро речь зашла о времени, начну с немудрёной сентенции.

Время. Что можно о нём сказать? Разве только повторить избитую истину: время с годами бежит всё быстрее и быстрее. И, как я подозреваю, потому что сидеть без дела не получается. Во всяком случае — у меня. Так что порою поневоле в голову приходит крамольная мысль: а может просто следует перестать думать и делать? Глядишь, время и приостановится.

Конечно же, и эта мысль не нова. Как не ново и рассуждение об ускорении времени. Тем не менее, она подталкивает к выводу о том, что иногда всё же следует приостановиться и оглянуться. Не с тем, разумеется, чтобы задержать бег времени, а для того, чтобы проанализировать прошедшее и дать ему оценку.

Но осуществима ли сама по себе эта попытка? Вернее сказать, а существует ли вообще возможность произвести более или менее адекватную оценку прошлого, коль скоро человеческое бытие характеризуется лавинообразным появлением всё новых и новых вещей, а современная наука обнаруживает всё новые и новые явления и факты в окружающей нас действительности? Можно ли надеяться на успешный анализ прошлого в условиях, когда развитие цивилизации всё более и более подстёгивает ускорение хода времени?

На мой взгляд, вполне. Ибо притом, что на сегодняшний день на Земле уже прожило и проживает ныне не менее семидесяти миллиардов человек, все эти миллиарды жизней укладываются всего лишь в тридцать шесть сюжетов. И, следовательно, каким бы количеством новых вещей человек себя не окружал, какими бы новыми технологиями и знаниями он не овладевал, в основе его существования лежат одни и те же интересы и императивы. Так было до нас. Так есть при нас. И так будет до той поры, пока

человек остаётся биологическим существом. Более того, я думаю, что даже если человек и превратится, в конце концов, в киборга, заложенная в него мыслительная конструкция вряд ли кардинально изменит сущность мышления этих разумных механизмов...

Приостановиться и осмотреться — вот цель, которую преследуют данные заметки. Их вполне можно было бы назвать заметками предвзятого человека. Почему предвзятого? Да потому что многое из того, о чём будет сказано (а это, прежде всего, мои представления о путях развития страны и Камчатки в условиях перехода к рыночным отношениям) в той или иной форме уже публиковалось. Так что избежать предвзятости никак не получится.

Тем не менее, попытка взглянуть на вчерашние представления с позиций сегодняшнего дня, действительно, может представлять некоторый интерес. Интерес тем более оправданный, что, при всей их внешней легковесности, эти представления во многом оказались верными. А раз так, то возникает необходимость разобраться с тем, почему точка зрения неформала на некоторые узловые моменты событий оказалась более близкой к реальному развитию событий, чем позиция противостоящих ему официальных структур.

К тому же обращение к прошлому, даже в тех случаях, когда оно не очень, скажу так, приятно, в том числе и автору, полезно хотя бы тем, что оно помогает в нежелаемом прошлом увидеть ростки желаемого будущего. Или, если сказать более определённо, будущее, каким бы оно не оказалось — желаемым или не очень — наступит в любом случае. Однако без анализа нежелаемого прошлого желаемого будущего точно не будет.

Ну и, наконец, есть ещё одна причина появления данных заметок. Не успел я оглянуться, а глянь — за плечами уже семь десятков лет. И вроде как наступила пора «собирать камни». Но просто стаскивать их до «кучки» — неинтересно. Ни мне, ни, тем более, другим. А потому я попробую «подобрать» лишь те из моих «камешков», которые когда-то попали в цель, однако преодолеть броню отчуждения так и не смогли.

В отличие от обычного в таких случаях перечисления явных и не очень достижений, я остановлюсь лишь на тех из моих представлений и предположений, которые оказались наиболее близкими к реальному развитию ситуации последних двадцати пяти лет. С тем, чтобы напомнить о прошлом, для того чтобы попробовать разобраться с тем, как и почему у меня возникали «неположенные» мысли. В том смысле «неположенные», что, казалось бы,

и по долгу службы, и по общественному положению, и, наконец, по призванию мне было не до них. Однако вот появлялись они сами по себе. И никуда от этого не деться.

Но раз так, то можно предполагать, что генерация таковых мыслей есть свойство (особенность) моего мышления или результат этого мышления. И потому стоит попробовать разобраться с тем, чем эта особенность обусловлена. А для этого и нужно отступление к прошлому.

Год 1942-й. Мне почти полтора года. Мы — моя мама и я — с несколькими сотнями таких же мам и детей плывём на невзрачном пароходике на Камчатку. Плывём, спасаясь от голода, на летнюю путину. Разумеется, всё это я узнал потом. А в собственной памяти одна картинка: серое море. Низкое, серое небо над головой. Тёмный силуэт корабля напротив нашего парохода. И чувство беспредельной безысходности, исходящее со всех сторон. Буквально звериное чувство, ибо, что я мог знать и понимать в свои полтора года?

Откуда оно возникло? Как мне многим позже рассказала мама, на полпути к Камчатке наш пароход остановил японский военный корабль. Капитан, пока к нам подходила шлюпка с вооружёнными японскими моряками для досмотра, попросил тех немногих мужчин, которые плыли вместе с нами, выбросить в море оружие, если оно у кого-то имелось. И сам выбросил за борт свой пистолет.

Ну а дальше всё как в сюрреалистическом кино. Наведённые, хотя и невидимые глазом, пушки. Медленно движущаяся по глади моря на вёслах шлюпка. И полное осознание беспомощности, ибо все взрослые уже знали, что время от времени японцы спокойно, как на учениях, расстреливали наши гражданские суда. Было такое, было.

Кстати, подобное чувство мне довелось испытать ещё один раз — в 1953 г., когда умер Сталин. Причём во многом была схожа и природная обстановка. Беспредельное снежное пространство. Серое низкое небо. Абсолютная тишь перед очередной пургой. И ощущение вселенской безысходности.

Вы скажете, что, мол, такого всеобщего и необъяснимого чувства не бывает. Бывает. Вспомните совсем недавнее — в Северной Корее умер Ким Чен Ир. И взрослые люди, не стеснясь, плакали навзрыд среди белого дня от этой безысходности. А в Южной Корее и в Японии без явного повода вводится режим чрезвычайного управления. Так что есть, есть такие вещи, которые действуют на человеческую психику через подкорку.

Что же касается лично меня, то, как мне кажется, именно это ощущение полной безысходности, пережитое в столь раннем возрасте, «включило» во мне механизм интуитивной реакции на ситуацию, заложенный в нас на генном уровне, который, не будучи во время подкреплён дополнительным стимулом, постепенно отмирает. Однако мне повезло. Повезло в прямом и переносном смысле.

Дело в том, что три месяца спустя, отработав путину, мама попробовала вернуться в Москву, поскольку фронт от неё отодвинулся далеко, и жителям столицы было разрешено возвращаться домой. Но не получилось. И вот почему.

Начало осени. Снова гладь воды. Снова нависшие над самой водой серые тучи. Снова первозданная тишь, которую не только не нарушали, но даже подчёркивали звуки пластинки, раз за разом заводимой на стареньком патефоне подвыпившими на радостях мужиками. Но что особенно врезалось в память, так это круглые и лоснящиеся головы нерп, внимающих музыке. А дальше — полный провал. Абсолютно полный. Я думаю, потому что шок от дальнейшего действительно был почти запредельный. Но он же мне и помог. Не только выжить, но и, как я теперь это представляю, мыслить интуитивно.

Как вспоминала мама, подвыпившие мужики (из пятнадцати человек в лодке была только одна женщина и один ребёнок) потеряли бдительность, и лодка, шедшая к стоявшему на рейде пароходу, наскочила на корягу и перевернулась. Утонуло восемь человек. Мама, держась одной рукой за злосчастную корягу, другой придерживала меня, чтобы я не свалился с коряги в воду.

Помощь подошла вовремя. Мы не успели замёрзнуть. Но я ничего не помню. То есть был так потрясён, что в памяти от самого происшествия не осталось ни единого штришка. Во всяком случае, всю свою последующую жизнь я никогда и ни при каких обстоятельствах воды не боялся. А обстоятельства, надо сказать, случались нешуточные. Особенно когда доводилось несколько раз вытаскивать пацанов из воды, которые в страхе то душили, обхватив судорожно мою шею, то, буквально, связывали по рукам и ногам.

Ну и, наконец, последнее воспоминание о том, что послужило ещё одним дополнительным стимулом для моего подсознания. После неудачной попытки уехать в Москву мы были вынуждены (утонули заработанные деньги, кое-какие вещички и, главное, почти все документы) остаться на Камчатке. И с осени 1942 до лета 1946 г. я жил в малюсеньком национальном селеньице Корн, в котором на два или три десятка корячат разного возраста

было всего трое русских детишек — я, ещё один пацанёнок и одна девчонка.

Лукавить не стану, имён их я не помню. Но отчётливо помню, что когда нас в очередной раз отмывали, то мы — белобрысики — вдруг становились словно чужими среди маленьких корячат. Впрочем, уже через пару часов мы вновь был такими же чумазенькими, как и наши черноволосые и раскосые друзья. Тем более что и одеты мы были также как и они, а по-корякски говорили ничуть не хуже. Куда только девалось потом это знание практически родного языка? Обидно!

Но продолжу мысль о дополнительной, если хотите, подпитке моего подсознания. Четыре года я жил почти первобытной жизнью. То есть не в гости ходил к моим корякским друзьям — с утра до ночи пребывал с ними. Играл с ними в их игры, слушал их песни и сказки, ел их пищу. Вместе с ними посильно помогал взрослым во время летней рыбалки, расположенной прямо тут же, под утёсом террасы, на краю которой стоял посёлок. Я, действительно, был как они, тем более что и дома вместо матрацев на кроватях лежали олени шкуры, а на дворе, как и у них, жили на привязи ездовые собаки. Так что моя генная, как принято сейчас говорить, память постоянно получала подпитку.

Кстати, о собаках. Я думаю, что на сегодня даже среди коренных коряков мало найдётся таких, кто ещё застал и помнит собачий вой. Не плач, подчеркну, а стон, вопль собачьей души. Напомню.

Зима. Январь или февраль. Время — ближе к десяти-одиннадцати часам ночи. Полная луна и абсолютное, безмерное, безвременное «белое безмолвие» — селенье стояло на краю террасы, на которой на километры вокруг не было ни деревца, ни сколько-нибудь большого куста. И вдруг — первый собачий голос. Ещё не вой, ещё только проба. Иногда словно несколько виноватая — не рано ли? — по тональности. Но вот раздаётся второй голос. К ним присоединяется третий, четвёртый. И вскоре весь посёлок тонет в разноголосице собачьих голосов. Однако и это ещё не вой. Это всего лишь, выражаясь по-человечьи, спевка, подгонка голосов, улавливание общего настроения и постепенное приближение к апофеозу.

Но вот, наконец, все голоса сливаются в один. Да, при желании, в нём можно услышать и некоторые непопадания в общий тон, и голоса «солистов». Но, тем не менее, это уже одна общая мелодия, лишь иногда подчёркиваемая отдельным сольным воплем. Которая вскоре — на пике — разом становится единым стоном. Стоном зверей, вынужденных служить человеку. Благодарных ему

за это. И одновременно страдающих от того, что они потеряли свободу. И вот когда они в очередной раз поняли, что они потеряли, уйдя к человеку, вся эта песня превращается в один, до мороза по коже, горестный вопль.

Ближе к весне в этой песне появляется менее грустная тональность. А иногда и откровенно весёлое соло отдельных исполнителей. Но это уже не завораживает и не втягивает в себя так, как стон в середине зимы.

Слушать это можно было часами. Но даже выносливым полудиким псам такое напряжение было дано выдерживать не более получаса, а чаще — минут пятнадцать-двадцать. И вот, ближе к концу этого срока, достигнув пика, стон, хотя он и остаётся по силе прежним, как бы надламывается. Вернее, происходит нечто похожее на смену регистра при игре на органе. И мелодия вроде та же, и мощь звука не меняется, а то и возрастает. А звучание и настроение — другие. Так и в стоне собачьих голосов чувствуется уже не вселенская скорбь, а примирение со своей собачьей долей. Затем начинается снижение звука, постепенное «отключение» голосов, отдельные всплески прежнего экстаза и, под занавес, единичные взлаивания ещё не совсем успокоившихся зверей. Наконец снова наступало бесконечное безмолвие.

К чему всё это? Да к тому, что я, внук потомственного дворянина, предки которого сотнями лет жили на обжитой территории Средней Руси, для этой стаи не был чужим. Нет-нет, я даже и не пытался подвывать им. Но вместе с ними приобщался к тому, что стоит вне понимания. Не к Богу, не к «вселенскому разуму», а к беспредельности.

Кстати, очень жаль, что в ту пору не было возможности записать эту «песнь песней». Нет тех собак и уже не будет. Не будет. Ибо сейчас даже самые лучшие в мире ездовые собаки из тех полудиких псов, которые, добросовестно натягивая алыки, исполняли свою часть общей работы, без которой не выжить, превратились в партнёров по спорту. А это совсем не то партнёрство. И это не те собаки. Современные собаки настолько очеловечились, что лично я, например, откровенно радуюсь, что они (пока?) не научились говорить: уж очень много нелицеприятного наслушались бы мы — люди — в свой адрес.

Так проснулась во мне первобытная интуиция. Понятно, что далеко не полная и тонкая, свойственная нашим первобытным пращурам. И даже не та, которую я в юности отмечал у отдельных коряков при общении с ними на рыбалке или охоте. Однако,

например, на охоте, я мог неожиданно повернуть в сторону от намеченного пути, хотя для этого иногда надо был сойти с лыжни и «ухнуть» вместе с лыжами по колено в свежий снег. Но всякий раз именно там меня ожидала добыча. Даже и сейчас, после десятков лет, прожитых в городе, я нередко самым необъяснимым образом загодя чувствую перемену погоды, хотя внешне вроде бы ничего и в окружающем пространстве и не изменилось, и ничего и нигде у меня не болит.

Ну и последнее. В своё время Лев Толстой говорил (и это многократно было подтверждено психологами), что половину своего *Я* человек получает в возрасте до пяти-шести лет. Эту свою половину я получил в маленьком посёлке, в котором из-за войны почти не осталось русских, полностью жившем по законам природы. Потому что наличие огнестрельного оружия всего лишь в некоторой степени, ну хотя бы из-за крайней скудности боеприпасов, облегчало борьбу за выживание. И в этой борьбе интуитивное, на уровне инстинктов, понимание природы играло решающую роль. Я к этой интуиции прикоснулся. Хотя, несомненно, в последующем многое подрастерял.

Отставляю на время тему интуиции. Поскольку после того, как я попробовал объяснить, в том числе и самому себе, почему именно у меня проявилась способность инстинктивного ощущения сути некоторых происходящих событий (заметьте, я сказал не истины, а сути — и не всех, а только некоторых), всё сказанное просто необходимо подкрепить конкретным примером.

Одним из озарений такого рода лично для меня стала мысль о возможности распада СССР. Но прежде чем перейти к самой этой мысли, проясню предысторию её рождения.

В 1981 г., после очередного сокращения штатов, мне пришлось (ради сохранения очереди на квартиру) уйти работать в котельную Института вулканологии. Славное, надо сказать, было время. Отстояв смену, можно было часами гулять с детьми на улице. Читать книги. И думать. Поскольку, во-первых, зарабатывая на уровне доктора наук, о хлебе насущном я вспоминал лишь тогда, когда надо было сходить за ним в магазин. И поскольку, во-вторых, никакой начальник не стоял у меня над душой и не указывал, о чём в данный момент надо думать. Я просто думал. Так и попал под мой внутренний взор первый камешек из тех, которые мне хотелось бы положить на чашу весов содеянного и упущенного.

Год 1986-й. О чём только тогда не говорили в нашем обществе — о перестройке, строительстве социализма с «человеческим

лицом», экологии и приобщении к общечеловеческим ценностям. Но... почти незамеченной, вернее, практически не обговариваемой, осталась тема возникновения в разных уголках могучей, как тогда казалось, державы, межнациональных конфликтов.

Точнее, власти на эти события отреагировали. Но в том-то и дело — как? Да самым банальным, если не сказать примитивным образом. В одном месте использовали сапёрные лопатки для разгона недовольных. В другом — поменяли первых лиц. В третьем — влили дополнительные финансы. Но никто не задумывался над причинами и возможными последствиями. И вот тому убедительное подтверждение.

*«Войну мы знали по рассказам родителей, хрущёвскую оттепель не застали, вошли во взрослую жизнь в самый разгар застоя с уверенностью, что на наш век его, точно, хватит. Ошиблись, и были счастливы этой ошибкой. Понимали, нам повезло больше многих. К началу девяностых каждый из нас уже хлебнул позднесоветской жизни с её фальшью, цинизмом и смертной тоской. Нам было, что не любить и к чему стремиться. В то же время мы были достаточно молоды, чтобы попробовать себя в новой эпохе, успеть совершить в ней собственные ошибки и даже некоторые из них исправить. Во всяком случае, в девяностых нам казалось именно так. То, что произошло в стране в эти годы, было неожиданностью для всех. Не верьте тем, кто говорит сегодня, что предчувствовал перемены. Они упали на нас, как снег на голову какому-нибудь африканцу»,* — пишут на первых страницах сборника «90-е, страна» его авторы-составители [1].

Умело, надо признать, профессионалы-журналисты, попытались обойти острый угол. Вместо признания собственного и вскормившей их власти промаха в оценке ситуации воспользовались даже не сакраментальным — *«ну кто бы тогда мог подумать, что получится именно так»* — объяснением, а изящным по форме, но убогим по смыслу — национализм и развал СССР упали на страну *«как снег на голову какому-нибудь африканцу»* — пассажем.

Погрешили они против истины. Причём погрешили дважды. Ибо, во-первых, получив в начале перестройки карт-бланш (а точнее — политический заказ) на безудержную критику деятельности «музейного» Политбюро ЦК КПСС, они с прежним пылом советских времён славили «новую политику» партии в лице М. С. Горбачёва и притом славили сознательно и искренне. Ибо, во-вторых, словами *«как снег на голову какому-то африканцу»*



они всего лишь попытались свой грех (соучастие, пусть бы и невольное, в развале страны) разложить на всех нас.

Впрочем, в этом желании оправдаться перед народом и историей они отнюдь не одиноки. Вот и сейчас, в канун двадцатилетия со дня крушения СССР, некий Бурбулис, желая оправдать свою, скажу мягко, политическую слепоту, заявил на всю страну, что крушение СССР было, мол, предрешено. А те два бывших партийных функционера из трёх, которые в перерывах между расстрелом беззащитных животных Беловежской пущи и банькой с пивом, сочинили меморандум об образовании Союза Независимых Государств, убеждают нас в том, что всего лишь были вынуждены подчиниться обстоятельствам. Словно бы это не они сами эти обстоятельства породили. Я имею полное право так считать и говорить, ибо, надо отдать ему должное, один из этой троицы сумел-таки набраться мужества и извиниться перед страной за содеянное. Так что искренне скажу — мир вашему грешному праху, Борис Николаевич.

Эту точку зрения подкормленных журналистов отчасти понять можно. Действительно, в бывшем СССР подавляющее большинство людей искренне верили тому, что писали в газетах и говорили по телевидению прекраснодушные и не очень журналисты и всякого рода политиканы. Хотя были в стране личности, для которых суть происходящих событий не оказалась неожиданной. Другое дело, что их голоса, в том числе и стараниями приближённых к власти журналистов, услышаны не были. Как, в частности, не был услышан и мой голос. Вот об этом и пойдёт речь далее.

Итак, в стране объявлена перестройка с её всеобщей атмосферой надежды, с презрительной долей эйфории и несомненной гласностью. И как-то «вдруг» обнаружилось, что в СССР, оказывается, существует национализм, а реакция на эти события со стороны государства откровенно желает лучшего. Союзные власти тогда не поняли главного: прежние методы и способы разрешения межнациональных проблем — замена, например, региональной властной верхушки назначенцами из центра (как в Казахстане, где Кунаева поменяли на Колбина) — уже были не в силах остановить ход событий, грозящих развалом страны.

А события эти, действительно, оказались, как тогда говорили, судьбоносными. По всей стране прокатилась мощная волна националистических выступлений (Алма-Ата, Сумгаит, Фергана, прочие), грозящих взорвать политическую ситуацию в СССР и вызвать его распад на ряд самостоятельных государств.

В понимании остроты этой проблемы я и попробовал, было, воспользовавшись призывом властей к сотрудничеству в деле перестройки, помочь им выйти за привычные рамки представлений в сфере решения межнациональных отношений. С этой целью предложил незамедлительно отказаться от национально-территориального принципа членения страны и перейти на территориально-экономическую структуру административного управления с образованием на территории СССР не более сорока-пятидесяти губерний во главе с губернаторами. Причём, специально подчеркну, предложил это действие не как цель (самоцель), а как средство предотвращения распада страны и следующей вслед за ним разрухи.

Более или менее связно изложив эти свои представления, я разослал их в редакции нескольких «демократических», как они себя сами называли, газет, а также в ЦК КПСС и прочие властные структуры СССР и РСФСР. Как и следовало ожидать, в редакциях на них внимания не обратили. Вернее, только из «Литературной газеты» мне пришёл вежливый отказ, содержание которого предельно точно и кратко можно охарактеризовать словами классика: *«Этого не может быть никогда, потому что этого не может быть никогда»*. Хотя сейчас эти правдорубцы (смотри выше) пытаются доказать, что развал страны был абсолютной неожиданностью для всех.

Понятно, что это предостережение, не получив общественной огласки, до сознания людей, принимающих решения, дойти не могло. И не дошло. Как, впрочем, не дошло до них подобное же предупреждение второго секретаря ЦК КПСС Латвии В. Шведа, последовавшее три года спустя. Однако я и до сих пор уверен, что решишь тогда ЦК КПСС и его генеральный секретарь на переустройство управления страной, ситуацию удалось бы удержать под контролем. Ибо руководство республик и регионов в борьбе за реальную власть во вновь создаваемых властных структурах выпустило бы из себя возросший на почве стремления к личной власти дух разрушительства, в итоге приведший к развалу державы. Ну, а если бы, добавлю, М. С. Горбачёв перепоручил эту миссию Б. Н. Ельцину, которому по его характеру было всё равно, что крушить, то этот «политический бульдозер» непременно смёл бы республиканскую элиту на обочину политической сцены.

Но в том-то всё и дело, что бывший тогда ещё в силе М. С. Горбачёв оказался совершенно неспособным воспринимать что-либо идущее снизу. Что, впрочем, и понятно, ибо всю свою политическую

карьеру он сделал, заглядывая в рот вышестоящих: вначале секретаря райкома ВЛКСМ, затем последовательно — секретаря райкома КПСС, обкома КПСС, членов ЦК, генсека. Ну а когда волей обстоятельств сам стал генсеком — премьер-министра Великобритании, президента США и канцлера ФРГ. Подвизаясь таким образом во власть, можно научиться только двум вещам: «пеню с начальствующего голоса» и нежеланию слушать и слышать тех, кто стоит хотя бы на одну служебную ступеньку ниже. Будь даже таковые семи пядей во лбу, вроде А. Д. Сахарова и Е. М. Примакова. Так что ровным счётом нет ничего удивительного в том, что наш последний генсек вместо того, чтобы способствовать процветанию своей страны, начал с подачи западных лидеров рядиться в тогу мирового спасителя. Очень уж ему захотелось с подачи умной М. Тетчер приобщиться к мировой элите.

Правда, он и сам понял, что менять что-то надо, но ведь и это ему внушил Ю. В. Андропов. Да, он попытался что-то сделать, но большего делать даже не захотел. А ведь то же разделение СССР можно было осуществить иначе, и уж точно с меньшими потерями для России. Например, украинцев можно было спросить: хотите самостоятельности? Пожалуйста! Отдавайте назад Донбасс, Крым и Малороссию и будьте самостоятельными! То же самое и с прибалтийскими республиками: мы вам самостоятельность, вы нам Нарву и Вильно с Клайпедой. Да и Казахстану можно бы было заявить: вся поднятая за счёт уничтожения «неперспективных» российских деревень целина, а также разведанные нами на нефть и газ приаральские и прикаспийские территории — наши, а остальное — ваше. Я уж не говорю об уходе из Европы, когда только за объединение ФРГ и ГДР нам готовы были заплатить сто миллиардов долларов — сумасшедшие для нас по тем временам деньги (зарплата генсека составляла всего-то двести долларов в месяц).

Но не дано было человеку мыслить государственно. И в этом наша общая беда, заключающаяся в том, что у нас «наверху» всегда сидели либо руководители, либо диктаторы. То есть люди, которые либо руками водили («хотели как лучше, а получилось как всегда»), либо всех остальных под себя гнули. Подлинных же лидеров, то есть ведущих, а не пинающих, у нас, похоже, так никогда и не будет.

Правда, в 1986 г. кое-какие надежды на то, что во главе страны окажутся настоящие лидеры, появились. Но даже незабвенный А. Д. Сахаров таковым так и не стал. И не только потому, что ему этого не позволили сделать. Но и потому, что он общегуманисти-

ческие ценности поставил выше общенациональных, так и не поняв при этом, что подобные переакцентировки в сознании советских людей надо было осуществлять постепенно. То есть советских граждан, особенно из числа псевдоэлиты, надо было так же постепенно приучать к демократии, как детей приучают мыть руки перед едой. А тут сразу же захотели демократии немедленно и сполна. Забыв при этом, что там, где каждому дано свободы столько, сколько он может вынести, всегда найдутся такие, которые этой свободы захотят иметь больше, чем другие. Так что не мудрено, что мы получили именно то, что получили — демократию охлократии.

То есть, разовью мысль о государственности, беды нашей страны оказались следствием того, что одни, как Сахаров, искренне верили, что только и только общегуманистические императивы помогут стране избежать кризиса. А другие, как Горбачёв, Яковлев и иже с ними, прельщённые возможностью приобщиться к мировой элите, затеяли перестройку по чужому сценарию.

Но продолжу о реакции на моё предложение. Одни (большинство) искренне считали, что этого — распада СССР — просто не может быть. Другие (меньшинство) усмотрели в ней попытку распатать ситуацию. И лишь некоторые приняли эту точку зрения к сведению. Но и они считали, что двигаться к цели надо постепенно, хотя спасение собственной страны не терпело отлагательств и полумер.

В числе этих некоторых оказался и Совет Министров РСФСР, поручивший исполкому Магаданского областного Совета народных депутатов рассмотреть моё предложение в той его части, которая касалась объединения Магаданской области, Чукотского автономного округа и Пенжинского района Камчатской области в Северо-Восточную губернию с одновременным сокращением числа административных районов в ней как минимум в два раза.

Однако дальше этого дело так и не сдвинулось. Вернее, далее всё протекало по раз и навсегда заведённому обычаю. Магаданский облисполком перепоручил проанализировать эту идею Северо-Восточному комплексному научно-исследовательскому институту Дальневосточного научного центра АН СССР в рамках общесоюзной комплексной программы «Научно-технический прогресс» на 2010 г. Тот, не исключая, начал было эту работу. Но тут началась борьба с алкоголизмом, строительство социализма «с человеческим лицом» и прочие «важные» дела. И всем всё стало «до губернии». Тем более что автора идеи, как и водится, даже из вежливости не пригласили к участию в общем деле. Так что я, действительно,

оказался в той самой позиции стороннего наблюдателя, с которой и анализирую цепь событий тех лет.

Впрочем, сама по себе идея о переводе страны на территориальную форму управления всё же не умерла.

*«Идея упразднения национальных республик давно овладела умами отдельных политиков. “Пионером” считается В. Жириновский, предлагающий оставить в стране не то пятнадцать, не то тридцать губерний.*

*Проект укрупнения регионов с восьмидесяти девяти до двадцати восьми был разработан и в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при Российской Академии Наук. “Это плод многолетней работы, — не без гордости сказал один из его авторов Алеко Адамеску, — мы предлагаем сохранить национально-культурные особенности территорий. Но в основе деления страны должна лежать экономика”.*

*Ещё в 1998 г. учёные предложили для начала разбить Россию на семь федеральных округов. Спустя два года это стало реальностью. Не исключено, что Кремль на этом не остановится, взяв на вооружение и другие революционные идеи СОПС», — пишут создатели проекта по региональному членению страны [2].*

Не берусь судить, насколько революционны эти самые идеи. Не стану оспаривать и суждение о том, что создание федеральных округов помогло избежать самого худшего варианта — распада России. Однако замечу, что поскольку сегодня федеральные округа свою миссию выполнили сполна, то они превратились в тот самый довесок к структуре власти, который тормозит дальнейшее развитие страны, ибо две «вертикали власти» — это её отсутствие. Что и доказывается массовым неисполнением поручений президента губернаторами, оглядывающимися более на наместника (представителя президента), который рядом, чем на самого президента, который далеко. Так что пора бы оставить за этими самыми округами лишь их чисто военно-стратегические функции — и не более.

Такие вот обстоятельства скрываются за интуитивным восприятием надвигающихся событий. Скажу ещё раз, возвращаясь к мысли о том, что появляющиеся порой у нас невесть откуда непрошенные образы и идеи, — это и есть голос наших далёких предков, который как бы сам собой, помимо нашей воли, включает в нашей голове механизм подсознательного мышления.

Конечно же, чаще всего такое спонтанное появление некоей, даже не мысли, а её образа, так и остаётся неосознанным и со

временем забывается. Но иногда вызревает в идею, которой не грех и поделиться. Что я попытался, правда, безуспешно, сделать двадцать пять лет тому назад...

Но вернусь ко второму из моих «камешков», не сумевших пробить броню отчуждения. Не дожидаясь реакции на первое предложение, я пару лет спустя попытался, было, предупредить руководство страны ещё об одной опасности — возможности возникновения вооружённых конфликтов на межнациональной основе. И не просто попытался, но и назвал наиболее вероятное место нарождающегося конфликта — Нагорный Карабах.

Если бы с моей стороны дело ограничилось только самим прогнозом, то напоминать об этом нужды не было бы. Ибо наверняка были люди, в том числе и во властных структурах, которые раньше меня пытались предупредить союзное руководство о грозящих событиях. Однако в моём предупреждении главным был не сам по себе прогноз вооружённого конфликта и даже не место его возникновения, а меры по его предотвращению. Их суть заключалась в обоюдном размене территориями между Арменией и Азербайджаном с тем, чтобы Нагорный Карабах был присоединён к Армении, а Нахичеванская АССР — к Азербайджану.

Понятно, конечно же, что предложение это о размене территориями выглядело утопично, хотя бы потому, что в экономическом плане такое обошлось бы очень дорого. Ещё более понятно, что с позиции национальной политики «советского толка» этот вариант решения межнациональных проблем был просто неприемлем. А из-за необходимости для многих тысяч людей раз и навсегда покинуть веками обжитые места и могилы предков это предложение и вовсе выглядело кощунством.

Но... Но альтернативой всему этому была война. И она пришла, унеся с собой тридцать тысяч человеческих жизней [3]. А в придачу к этому — тысячи и тысячи разрушенных домов и уничтоженных могил предков.

Хочу сказать со всей определённостью: если развитие событий вокруг Нагорного Карабаха и не застало властные структуры врасплох, то показало их явную неспособность адекватно осмысливать нестандартную ситуацию. Ибо вместо принятия экстраординарных мер (взаимные уступки, и не только территорий), указом Верховного Совета СССР от 12 января 1989 г. в Нагорно-Карабахском автономном округе был создан заурядный Комитет особого управления этим анклавом. В том смысле заурядный, что, будучи создан лет на пять раньше, он, может быть, и смог в случае

грамотных действий «разрулить» ситуацию. Однако, как признался Е. М. Примаков в своей служебной записке, касающейся проблем, связанных с Нагорным Карабахом, направленной 22 августа 1989 г. М. С. Горбачёву, *«вообще-то мы катастрофически упустили время»* [4].

Но того, что понял Примаков, Горбачёву понять было не дано. И он — «столп демократии» — попытался, было, по старинке решить дело силой, введя в 1990 г. в Баку воинский контингент. Однако, уже действительно было поздно. Хотя только за одну ночь с 19 на 20 января в Баку были убиты сотни людей [3], это лишь разогрело страсти.

Так что нет ничего удивительного в том, что уже в конце января 1990 г. из Баку бежало более тридцати тысяч армян, а вслед за ними вынуждены были покинуть обжитые места армяне других районов Азербайджана. Точно так же почти полностью опустели азербайджанские дома в Шуше (Нагорный Карабах). И точно также азербайджанцев выдворяли со всей территории Армении. Ну а после начала военного конфликта люди покидали приграничные районы с обеих сторон в таком количестве, что только в Азербайджане оказалось около миллиона беженцев на восемь миллионов его жителей. Нагорный же Карабах, наоборот, остался почти без населения. Там в 2000 г. жили всего около шести тысяч армян, тогда как в самое лучшее время его население достигало ста семидесяти тысяч человек, из них 30 % азербайджанцев и 70 % армян.

Таковым оказался конечный результат провокаций одних, политической слепоты других и нежелания прислушиваться к мнению инакомыслящих третьих. Но лично я до сих пор уверен, что если бы власти тогда думали о нуждах людей, а не о своих примитивных политических амбициях, то даже в 1989—1990 гг. у них ещё был шанс убедить азербайджанский и армянский «истеблишмент» (ясно, что в разогреве событий участвовали не только и не столько властные структуры обеих республик, сколько так называемая местная «элита») пойти на трудный компромисс по обмену территорий. С тем, чтобы, «потеряв» Карабах, Азербайджан, взамен приобрёл бы более или менее равноценную территорию, соединяющую его с Нахичеванским анклавом, а Армения, уступив часть своей территории на юге, приобрела бы Нагорный Карабах. Однако псевдоэлита от подлинной элиты тем и отличается, что она свои убогие представления навязывает всем остальным и всеми способами «давит» инакомыслящих.

Что, излишне жёстко? А вы вспомните, что даже война не сумела заставить псевдоэлиты обеих — теперь уже стран — отрешиться от средневековых воззрений и амбиций. Во всяком случае, президент Азербайджана Г. Алиев, хотя и признал, будучи на смертном одре, войну роковой ошибкой, однако однозначно заявил, что Азербайджан никогда не согласится с предоставлением Нагорному Карабаху самостоятельности [3].

Да и современная «элита» Армении в этом смысле ничем от азербайджанской не отличается. И та, и другая по-прежнему обвиняют всех тех, кто призывает к цивилизованному разъезду с разменом «национальных квартир» в кощунстве. А тем самым, по существу, и та, и другая псевдоэлиты по-прежнему способствуют сохранению взрывоопасной ситуации в регионе со всеми отсюда вытекающими последствиями. Как содействовали и содействуют созданию взрывоопасных ситуаций сербские создатели идеологии ненасильственного сопротивления, потуги которых на истину в первой инстанции обернулись бомбёжкой самой Югославии, а позже — Ирака и Ливии. Зато как сладко говорили и говорят эти новые «мыслители» о ценностях свободы и преимуществах демократии...

Но вернусь к нашим пенатам. Как можно видеть, и вторая моя попытка помочь власть имущим разобраться в ситуации завершилась неудачей. Почему так произошло? Не берусь определить всех причин, но в свете своего жизненного опыта одну из них назову. Как мне представляется, одной из ведущих причин провалов регионального и союзного истеблишмента в оценке складывающейся в стране политической и экономической ситуации является то, что на подходе к «перестройке» в околовластных структурах (как, кстати, и в науке) тон стали задавать «отличники». То есть люди, вроде присной памяти Е. Т. Гайдара, наделённые несомненной способностью овладевать стандартными методами решения типовых задач, но явно обделённые умением искать и находить нестандартные выходы из нестандартных ситуаций. Если к этому добавить, что «отличники» от демократии оказались ещё более непримиримыми к инакомыслию, чем «упёртые коммунисты», то удивляться содеянному с СССР, а затем с Югославией, Ираком и Ливией не приходится.

Не приходится удивляться и тому, что «отличники» малым числом свалили такого колосса, как компартию. Они при малом их числе «кучковались» (и по-прежнему «кучкуются») в редакциях журналов и газет, заседают в разного рода экспертных



и научных советах, подвизаются в качестве рецензентов и советников различных властных структур и т. д. Такое же происходит в России и сейчас. Одних только институтов, советов и академий развития развелось столько, что их и не перечислишь, вот толку-то от них практически нет. И попадают «отличники» в эти места именно потому, что, прекрасно овладев соответствующим ремеслом, они без особого труда выдают всякого рода рецензии, рекомендации, советы, наработки, проекты, концепции и тому подобные дежурные документы, как нужные, так и не очень. А зачастую и вовсе ненужные или откровенно вредные.

Когда всё идёт по накатанной колее, такое положение вещей всех устраивает. Но когда условия резко меняются, не говоря уже о возникновении бифуркационных (бифуркация — приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров. Знание основных бифуркаций облегчает исследование реальных систем, позволяет предсказать характер новых движений, возникающих в момент перехода системы в качественно другое состояние, оценить их устойчивость и область существования. — *Ред.*) процессов, «отличники» от экономики, не умеющие думать над новыми проблемами, а тем более выдвигать, обозначать и решать их, ничем помочь не могут. И это не их вина, а их беда (и беда всего общества), что им не дано мыслить проблемно. Не дано.

Точно это же происходит сейчас и в странах развитого капитализма, где тон экономической политики уже давно определяют не производители материальных ценностей и даже не банкиры классического толка, а разного рода эксперты. Те самые «отличники от экономики», которые, не сумев осуществить ни одного конкретного проекта, поучают всех остальных, как надо правильно вести дела. Во всяком случае, в роли «гуру» современной западной экономической мысли выступают не Билл Гейтс и прочие миллиардеры, сами сделавшие себя, а начитанные клерки всевозможных экспертных бюро, советов и фондов.

На «золотом тельце» капитализма развелось столь много паразитов от экономики, что этот телец исчезался до кризисных конвульсий. А ведь ещё Генри Форд предупреждал, что нельзя отдавать производство под управление финансистов и банкиров, потому что ими движет лишь погоня за прибылью. Однако к этому гению бизнеса не прислушались, и западная экономическая наука, обслуживающая финансистов и банкиров, сначала создала извращённо-изопрённый механизм по извлечению прибыли, а затем

и вовсе стала определять экономическую политику. Что в конце и подвело западную цивилизацию к серьёзному кризису.

Это касается не только экономики, но и прочих сфер общественной жизни. И не только нашего времени, но и прошлого. Вспомним, например, февральскую революцию 1917 г., неизвестно зачем и для чего сделанную тогдашними «отличниками» от политики и экономики. Отстранить царя от власти тогдашней «элите», возомнившей себя вершителями судеб своей страны и народа, удалось, и довольно легко. Но что делать с властью, эти самые велеречивые Милюковы, Пуришкевичи, Керенские и прочие явно не знали. И, переругавшись вдрызг между собой, они попросту упустили время, чем и воспользовались большевики, сумевшие использовать всеобщую усталость от разговорной политики в свою пользу. Как успешно воспользовались пустословием М. С. Горбачёва очередные «отличники» от политики, бизнеса и производства, так же без особого труда перехватившие власть в стране и сокрушившие пусть бы и большую, но великую державу.

Точно также, начитавшись, как и их предшественники, «умных» книг о чужих проблемах, новые «отличники» не сумели, да и не могли суметь по определению, придумать ничего собственного во имя блага своей страны. Более того, набравшись информации (заметьте, я сказал не знаний, а информации, ибо информация и знание — это совершенно разные, хотя и связанные категории) про общество потребления, в котором все живут в долг, так и не поняв того, что рано или поздно его придётся отдавать, младореформаторы прописали России шоковую терапию, предусматривавшую всего лишь два исхода: или пациент выживет, или помрёт.

Россия вопреки ожиданиям «интеллектуалов» выстояла. Но вот куда ей надо двигаться, так пока и не определится. С одной стороны, команда В. В. Путина вроде бы пытается возродить величие страны. Но в то же время с прилежностью отличников, назубок выучивши стишок о рынке, она понуждает её конкурировать с развивающимися (сиречь отсталыми) странами в продаже ресурсов вместо того, чтобы состязаться с наиболее развитыми экономиками мира в повышении уровня жизни своего народа. Не в развитии современной технологии, хотя и в этом тоже, а прежде всего в повышении уровня и качества жизни людей. А время уходит. Как уходят вместе с ним и упущенные возможности.

Правда, вместе с ним уходят и наиболее оголтелые «отличники» дикого рынка. И даже есть ещё некоторая надежда на то, что им на смену придут не старательно взращённые ими за последние

двадцать лет полные неучи, а пока ещё способные самостоятельно мыслить грамотные люди. И сумеют поправить положение. Сумел же Е. М. Примаков (естественно, не один) всего за полгода с небольшим приподнять страну после дефолта 1998 г. Вот к ним я и обращаюсь с данными заметками. С тем, чтобы попробовать совместно осмыслить случившееся с нами и страной. Ибо, слушая «старые песни» о капитализме в исполнении вчерашних «отличников от социализма», враз ставшими «отличниками от рынка», приходится заключить, что разного рода апологеты рыночных отношений напрочь заговорили не только то, о чём можно и нужно было говорить, но и то, чего заговаривать ни в коем случае было нельзя.

Перейду к анализу предшествующей трёхвековой несостоявшейся попытки создания на Камчатке эффективного многоотраслевого народнохозяйственного комплекса. Ибо именно отсутствие такого анализа и послужило основной причиной принятия местной элитой в корне в условиях рынка неверной модели хозяйствования.

С 1986 г. я стал участником дискуссий, развёрнутых в местных и региональных газетах по поводу социально-экономического развития Камчатки в условиях намечающегося перехода к рыночным отношениям. Закономерно пришёл к выводу, что концепция так называемого комплексного освоения всех природных ресурсов Камчатки, натужно претворявшаяся в области на протяжении трети века, оказалась недееспособной. Настолько, что дальнейшее следование этой модели в новых политических, экономических и социальных реалиях грозило (о чём я пытался, было, предупредить) Камчатке социально-экономическим крахом.

Чтобы обосновать этот вывод, я, так и не дождавшись ни от областного партийного комитета, ни от областной администрации, ни от региональной экономической науки, ни от хозяйствующих субъектов полагающегося в таких случаях обзора (пусть бы и самого беглого) предшествующей социально-экономической деятельности, попробовал произвести таковой анализ сам. К началу 1990 г., то есть накануне опубликования официальной программы социально-экономического развития Камчатки (концепция-90), такой обзор был мною осуществлён и опубликован в виде серии газетных публикаций [5, 6, 7, 8, 9, 10]. В них был проведён не только посильный анализ тогдашней социально-экономической ситуации в Камчатской области, но и представлен комплекс конкретных мер по выходу из неё.

На основе этого обзорного материала несколько позднее мною была создана собственная «Концепция социально-экономического развития Камчатки в условиях становления рыночных отношений». В силу обстоятельств (в научных изданиях публицистические и проблемные материалы не приветствуются и до сих пор) она тоже была изложена лишь в виде газетных статей. Но суть дела от этого не меняется. И состоит она в том, что хотя дежурные статьи о так называемом «комплексном развитии» Камчатки издавались одна за другой десять последующих лет, социально-экономическая ситуация (не экономика, а ситуация) развивалась по предложенному мной сценарию. Вернее сказать, буквально всё, что предлагалось в ней сделать сознательно и заблаговременно, на деле совершалось вынуждено, под давлением тех условий и обстоятельств, о возникновении которых я и пытался предупредить местный истеблишмент.

Перейду к самой концепции. *Первое и основное её положение:* в условиях перестройки социально-экономических отношений (при переходе от линейного к бифуркационному процессу развития), модель комплексного развития, осуществлявшаяся в области на протяжении тридцати с лишним лет в целях якобы полного самообеспечения региона собственными продуктами питания и товарами повседневного спроса, окажется недееспособной именно в тот момент, когда обеспеченность этим станет вопросом выживания.

Потому что — *второе положение* — переход на рыночные отношения неизбежно приведёт к катастрофическому падению уровня производства тех отраслей, деятельность которых искусственно и старательно поддерживалась за счёт дотаций. Вот отчего — *положение третье* — мною предлагалось незамедлительно, пока ещё есть ресурсы, финансы и, главное, время, приступить к планомерному сокращению до минимума объёма производства всех дотируемых отраслей. *Положение четвёртое* гласило: в качестве наиболее оптимального способа достижения этой — сокращение убыточного производства — цели необходимо произвести организованное переселение непроизводительного контингента в регионы, где содержание одного человека обходится государству в три-четыре раза дешевле, ибо в случае экономического краха самой Камчатке своих безработных не прокормить.

И, наконец, *положение пятое*. Сквозной идеей, проходящей через всю концепцию, было представление о том, что ведущим способом сокращения непроизводительного населения области должно стать упразднение как минимум половины управленческого аппарата

региона, поскольку содержание одиннадцати районных, одной окружной и одной областной партийных, советских, профсоюзных и комсомольских структур было явно непосильным грузом для Камчатки.

Конечно же, внешне эти представления, даже сейчас, после их полного подтверждения жизнью, выглядят несколько наивными, а с чисто профессиональной точки зрения, так ещё и недостаточно обоснованными. Но суть дела как раз в том и заключается, что угадать (пусть будет так — угадать, а не предсказать) реальный ход событий — это одно, а добротню обосновать ту или иную модель — это совершенно иное. Во всяком случае, все профессионально обоснованные (с позиций вчерашнего дня, разумеется) варианты комплексного развития хозяйства области с их подчёркнутым упором на интенсивное освоение недр в условиях надвигающегося развала экономики и самой страны только подталкивали экономику региона к краху. Потому что в них не было самого главного — непредвзятого анализа результатов и следствий всей предшествующей социально-экономической деятельности в регионе. Не было, и всё тут. Так что мне довелось, хотя бы отчасти, заполнить эту лауну в построениях местного истеблишмента.

Дабы не прослыть голословным, приведу этот анализ в том виде, который несколько позднее был обобщён мною в ряде статей [11, 12, 13], предварив его предуведомлением к газетной версии этой концепции [11]:

*«Предлагаемая статья — попытка анализа тридцатилетнего периода комплексного развития народного хозяйства Камчатки. Автор её взял на себя неблагоприятную задачу восполнить пробел, допущенный профессионалами-экономистами. Не вступая в противоречие с материалами нынешней, третьей, сессии областного Совета, статья эта существенно дополняет их, обращая внимание на издержки комплексного пути развития области. А именно таковое — комплексное — развитие народного хозяйства Камчатки и предлагается положить в основу этапа становления рыночных отношений. Но, не выяснив до конца — а стоит ли комплексность сама по себе свечей? — уповать на неё было бы, по крайней мере, поспешно».*

Начал я свой анализ с утверждения о том, что развитие Камчатки невозможно представить в отрыве от двух известнейших постановлений партии и правительства «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» (1959 г.) и «О комплекс-

ном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.» (1987 г.). И в том, и в другом документе, разделённом без малого тремя десятками лет, речь идёт о комплексном развитии экономики региона и Камчатской области на длительную перспективу. И там, и там декларировались и затем проводились в жизнь одни и те же приоритеты. И поэтому бы и любопытно, и полезно проследить, к чему же привела реализация этих программ на Камчатке. Любопытно, так как всегда нелишне знать, чего же мы добились? Полезно, ибо можно было бы лучше понять, куда и туда ли ведёт нас путь комплексного развития.

С этой целью обратимся к фактам. Вот что говорится в сборнике «Очерки истории Камчатской областной партийной организации» (1986 г.) о начальном этапе комплексного развития Камчатки: *«Камчатская область в 1959 г. была районом одностороннего экономического развития. Её специализация характеризовалась использованием только рыбных ресурсов омывающих полуостров морей. Остальные отрасли экономики (строительство, местная и пищевая промышленность и т. п.) развивались в основном для обслуживания рыбаков и обработчиков Камчатки».*

И действительно, в 1950-е гг. до 83—85 % валовой продукции народного хозяйства обеспечивала рыбная промышленность. Среди остальных 15—18 % добрую половину вносили судоремонт и тарное производство. При этом строительная, лесная, пищевая индустрия, равно как сельское хозяйство развивались постольку, поскольку в них нуждались рыбаки и рыбообработчики.

Однако такая «однобокость» вовсе не мешала Камчатке долгие годы быть поставщиком валюты для всей страны. В резолюции первой Камчатской областной конференции ВКП(б), состоявшейся в декабре 1933 г., с законной гордостью говорилось о том, что полуостров является валютным цехом не только Дальнего Востока, но и всего СССР, поскольку из ста пятидесяти миллионов рублей, вырученных за продажу рыбной продукции в первой пятилетке, сто были получены от экспорта.

Так было. Но, как это зачастую бывает, хорошее решили заменить его врагом — лучшим. И во исполнение этой идеи постановлением партии и правительства от 1959 г. было решено придать народному хозяйству области комплексный характер. Настолько высокой была уверенность в правильности принятого решения, что камчатское руководство тех лет открытым текстом декларировало (из речи первого секретаря обкома КПСС М. А. Орлова на

7-й сессии Верховного Совета СССР пятого созыва): «В плане дальнейшего развития экономики Дальнего Востока видное место займёт Камчатка с её большими возможностями увеличения добычи рыбы, наличием необходимых природных и экономических ресурсов для развития многоотраслевого и экономически эффективного хозяйства (подчёркнуто мною. — В. Б.), в котором ведущими отраслями, наряду с рыбной промышленностью, могут стать горнодобывающая, топливно-энергетическая, лесная промышленность, производство строительных материалов, широко развитое сельское хозяйство и звероводство» [14].

Правда, в трезвых публикациях того времени, касающихся геологических проблем Камчатки, постоянно звучало мнение о недостаточной изученности недр области. Тем не менее, прогнозы перспектив развития горнорудной и топливно-энергетической индустрии выдавались самые что ни наесть радужные. А геологи и вовсе заявляли, что Камчатка станет поставщиком нефтепродуктов для всего Дальнего Востока.

Итак, ориентиры намечены, пути движения обозначены. На достижение целей ушло три десятка лет. Необходимо рассмотреть, что же случилось с целями и приоритетами на самом деле. Вот я и начну этот обзор с основы основ — с рыбной отрасли.

*Рыбная отрасль.* Большие возможности для резкого увеличения уровня добычи рыбы и морепродуктов у области действительно были. Судите сами (тыс. т): 1960 г. — 255, 1970 г. — 750, 1975 г. — 1 017, 1980 г. — 992,5, 1986 г. — 1 376, 1989 г. — 1 400.

Однако какой ценой далось наращивание объёмов? За этот срок практически полностью были уничтожены камбала и треска Явинской и Озерновской банок, пенжинская и жупановская сельдь, а также бристольская камбала. На грань уничтожения была поставлена олиторская и охотоморская сельдь [15]. А из океанических видов рыб уничтожены угольная, гавайская пристипома, антарктическая сквама, нототения и хек.

Тем не менее, темпы вылова продолжали расти, но теперь уже за счёт минтая, который к концу 1980-х гг. обеспечивал до 90 % объёма годового улова [16]. Но уже и состояние запасов минтая также внушало тревогу: в 1992 г. планово предполагалось снизить объём его добычи в Охотском море на 500 тыс. т, и на столько же — в Беринговом море [17].

В результате безудержного наращивания объёмов путём хищнического по своей сути лова резервов рыбы и морепродуктов для дальнейшего наращивания добычи на всём Дальнем Востоке

практически не осталось. Следует говорить о начавшемся снижении лимитов добычи, ибо максимальный объём допустимого улова оценивался всего лишь в 5—5,5, при реально имевшихся уловах в 4—4,5 млн т. Так что далеко не случайно в 1991 г. впервые после 1980 г. плановый объём добычи рыбы на Камчатке был снижен с 1,4 (в 1990 г.) до 1,215 млн т.

В этих условиях единственным способом увеличения доходности рыбной отрасли становилось более глубокое вовлечение в обработку всей выловленной рыбы, благо возможности для этого имелись. По мнению первого заместителя министра рыбного хозяйства СССР Е. Д. Ширяева, высказанному на вышеупомянутой научной конференции, поднятый на борт улов использовался едва ли не на треть.

Не менее значимой задачей развития отрасли должно было стать сохранение природного потенциала гидробионтов, в первую очередь — восстановление и воспроизводство лососёвых. Ибо всего 50—70 тыс. т ежегодно вылавливаемого лосося дают от 45 до 60 % (в денежном выражении) всей товарной продукции отрасли. Что же в таком случае сулят те более чем 500 тыс. т в год природного потенциала лосося, каковым обладают реки и озёра Камчатки [18]? Теоретически: до 2—2,5 млрд долларов в год. Есть, о чём задуматься? Есть.

*Сельское хозяйство.* В 1960 г., в самом начале интенсивного развития сельского хозяйства на Камчатке, основные фонды этой отрасли составляли всего 25 млн руб. (Кашинцев, 1981). В 1986 г. они оценивались уже в 969 млн руб., при этом в самой отрасли на 136 предприятиях работало свыше 24 тыс. чел. (Голощапов, 1987). Теперь сравним. В 1986 г. производственное объединение «Камчатрыбпром» — очень мощная и технически оснащённая организация — имело основных фондов на 1 077 млн руб. при 34 тыс. рыбаков и обработчиков (Калинин, 1987). Однако, если в том же 1986 г. Камчатрыбпром выдал товарной продукции на 1,3 млрд руб., то почти равная ему по фондовому обеспечению и всего лишь на треть меньшая по численности работающих сельскохозяйственная отрасль таковой продукции выпустила всего на 116,3 млн руб. Да и то появление этой цифры объясняется тем, что в 1986 г. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию в очередной раз были повышены на 30 %, и стоимость её сразу же возросла почти без увеличения объёма с 78,5 млн руб. в 1985 г. до 116,3 млн.

Главное заключалось не столько в этой — более чем пятнадцатикратной — разнице отдачи от основных фондов, сколько в том,



что благая цель — обеспечение населения области собственными продуктами питания — так и не была достигнута. Ибо в том же очень благополучном для сельского хозяйства 1986 г. потребности области в основных продуктах питания удовлетворялись (в %): по молоку — на 33—35, по овощам — на 40—45, по мясу — на 48—50. В будущем, ввиду уже начавшегося спада производства, нам сулили и того меньше [19].

И в самом деле, за первое полугодие 1990 г. реализация свежих камчатских овощей снизилась на 14,9, а картофеля — на 22,65 % против уровня 1989 г. [20]. То же можно сказать про молоко, мясо и яйца. При этом область приступила к плановым закупкам овощей, картофеля и мяса за рубежом. Точнее, не к закупкам, а к обмену на рыбную продукцию. И тем самым опять пришли к тому, от чего пытались уйти — к признанию несостоятельности идеи самообеспечения населения Камчатки основными продуктами сельхозпроизводства. Впрочем, это понятно, поскольку производство 1 кг мяса на полуострове обходилось в 90, а 1 кг капусты — в 5 руб. К уже исчезнувшему партийному кнуту, в 1991 г. исчез и бюрократический (дотации) пряник. Совхозам вовсе стало не с руки, да и не под силу производить сверхубыточную продукцию.

Однако и это ещё далеко не все несуразности сельскохозяйственного производства. При всех немислимых издержках, которые имелись в нём, ему официально планировались, по словам первого секретаря обкома КПСС П. П. Зиновьева, сгнать до 40 % от будущего урожая [21]. На самом же деле отходы картофеля сплошь и рядом достигали 60 % и больше [22].

Но тогда напрашивался естественный вопрос: а зачем и для чего создавалась такая могучая по фондовооружённости и численности занятых в ней отрасль? Неужто только для того, чтобы убедиться и официально признать несостоятельность самого вложения громадных средств и ресурсов в сельское хозяйство? И не просто признать, а приступить к закономерной и, как это у нас водится, планомерной закупке того же картофеля в Китае и даже (близок свет) в бывшей ГДР, отчётливо осознавая, что таковые закупки обойдутся в полтора-два раза дешевле, чем собственное производство [23].

Ну и, наконец, последний, так сказать, «грех» сельскохозяйственной отрасли — уничтожение нерестилиц в ходе проведения мелиоративных работ. С одной стороны, средства, вложенные в мелиорацию, могли окупиться в нашей области за 80—100 и бо-

лее лет — совхоз «Долиновский», например, мог окупиться только через 115 лет [24]. А с другой стороны, идея создания новых пахотных массивов изначально была порочной, ибо цена загубленных при этом лососёвых нерестилиц порой на порядок и более превышала стоимость сельхозпродукции, получаемой на мелиорированных землях. Деятельность совхоза «Рассвет», расположенного в долине р. Большой, приносила ежегодный ущерб от потери лососёвой продукции в размере 20,4 млн руб. [25]. А вот прибыли от него не было, хотя совхоз обошёлся государству в 65 млн руб. Примерно такими же «показателями» характеризовался и совхоз «Начикинский», располагавшийся на берегу богатейшей по потенциальным запасам лосося р. Плотниковой.

А теперь сравним. Весь природный потенциал лососёвых бассейна р. Большой оценивается Камчатским отделением ТИНРО в 30—32 тыс. т горбуши и 3—4 тыс. т кеты, красной, кижуча и чавычи ежегодно. Причём названное количество лосося по ценам внутреннего рынка могло бы давать до 150—180 млн руб. годового дохода. А по международным ценам (3,3 доллара за кг минимально и до 40—50 долларов максимально) это количество лосося принесло бы до 110 млн долларов. Тогда как вся, и, естественно, убыточная, продукция двух названных совхозов оценивалась всего лишь в 10—15, максимум в 20 млн руб. в год.

Мелиорация, распашка земель, вырубка лесов и прочие виды «хозяйственной деятельности» вывели на полуострове из состава действующих такое количество (и по численности, и по занимаемым площадям) лососёвых нерестилиц, которое обеспечивало не менее 50 тыс. т годового вылова этой ценнейшей рыбы. Насколько ценнейшей, можно судить по тому, что названное количество лосося по стоимости произведённой из него товарной продукции без малого в пять раз превосходило стоимость сельскохозяйственной продукции. И в полтора-два раза превышало стоимость всей товарной продукции, произведённой сельскохозяйственной, лесной, строительной, судоремонтной и прочими отраслями совместно.

Так что и с развитием сельского хозяйства, которому прочили огромное будущее (считалось, что перспективных пахотных угодий на Камчатке столь много, что их с излишком хватит для полного обеспечения бурно растущего населения области мясом, молоком, овощами, картофелем и яйцами), задуманного явно не получилось.

*Лесная отрасль.* Настоящий конфуз, иначе не скажешь, случился с подсчётом лесных ресурсов полуострова. Все радужные

виды на ведущую роль лесной отрасли в народнохозяйственном комплексе области строились на том, что в 1950-е гг. в лесные запасы Камчатки в директивном порядке были включены массивы стланиковых кустарников, которые недалновидными ботаниками были названы «стланиковыми лесами». В том смысле недалновидными, что они не учли образа мысли чиновников, которые бы обязательно использовали этот — «стелющиеся леса» — термин в пользу отраслевых интересов. И использовали, ибо на самом деле площадь истинных лесов полуострова едва достигала 18 % всей его территории, против 42,7, фигурировавших в бумагах [26].

Причём хвойные леса полуострова, на которые пришлась основная промышленная (до 90 % и более объёмов рубки) нагрузка, и вовсе занимали не более 800 (а по некоторым данным — не более 700) тыс. га. Вот уж воистину: подсчитали — прослезились.

Понятно, что этот конфуз не преминул обернуться крахом. В области в среднем ежегодно вырубалось древесины (тыс. куб. м): в 1970 г. — 820, в 1986 г. — 859, в 1988 г. — 1 042, в 1990 г. — 700, а уже в 1991 г. предстояло вырубить всего лишь 400.

Произошло явное истощение лесоресурсной базы. Что, впрочем, и понятно, так как при естественном приросте хвойных пород всего в 0,8 куб. м на гектар, ежегодная вырубка не должна была превышать 400 тыс. куб. м в год. Хотя и эта цифра, скорее всего, была завышена, поскольку ещё в самом начале XX в. лесному хозяйству ввиду малых запасов древесины и её низкому приросту предписывалось (резолуция Петропавловского уездного Совета по лесному хозяйству в Камчатской области, 1920 г.) производить вырубку леса только для внутреннего потребления. Это при том, что население области в ту пору не превышало 22—25 тыс. чел. против 470 в начале 1990-х.

Однако к этому предостережению подлинных специалистов не прислушались. Лесорубы в угоду отраслевым интересам год от года наращивали объёмы вырубки. Настолько, что отрасль стала рентабельной. Например, в 1987 г. она получила 70 млн руб. дохода при 5,3 млн прибыли. Рентабельной, подчеркну, а не прибыльной, поскольку этот результат был получен за счёт государственной дотации, составлявшей 50 коп. на каждый рубль, заработанный самой отраслью. Поэтому не приходится удивляться тому, что уже в 1991 г. вследствие начавшегося экономического спада предполагалось сократить объём вырубки до 400 тыс. куб. м. Правда, затем всё-таки довели план до 720 тыс. Но только потому, что над половиной занятых в отрасли нависла тень безработицы.

Впрочем, о безработице речь пойдёт несколько позже. А пока замечу, что, несмотря на все просчёты, лесному хозяйству до самых последних лет предписывалась одна из ведущих ролей в народно-хозяйственном комплексе Камчатки. Хотя за все тридцать лет хищнического истребления хвойных лесов его доля в общем объёме выпускаемой продукции ни разу не превысила 3—5 %. Так о какой такой ведущей роли могла идти речь? Может, о ведущем месте в зарабатывании валюты? Но и эта цель явно не оправдала вложенных средств, усилий, ресурсов и, тем более, надежд. Ибо всю ту валюту, которую получали от ежегодной реализации 90—120 тыс. куб. м круглого леса (вырубалось 230—270 тыс., так как вследствие низкого качества камчатского леса отходы составляли 50—60 %), можно было получить, ежегодно продавая в ту же Японию всего-навсего 3—4 тыс. т лосося [27].

Кстати, в 1936 г. в р. Камчатке добыли 35 тыс. т лосося, в 1988 г. — 10 тыс., в 1989 г. — 4,5 тыс., а в 1990 г. и того меньше. Это означало, что потерянные запасы лососёвых с лихвой «перекрывали» все «доходы» и от лесной отрасли, и от сельского хозяйства долины этой реки. Причём в немалой степени эти потери произошли именно потому, что слишком много распахали земли, вырубали лесов и понастроили совхозов и лесхозов.

Самое неприятное во всей этой ситуации заключалось в том, что до половины населения, так или иначе связанного с лесным хозяйством, встало перед откровенной безработицей. О чём и признался вслух А. С. Гасюк — генеральный директор «Камчатлеса» [28]. Но при этом вновь в качестве выхода из положения предлагалось восстановление почти прежних объёмов вырубки за счёт, на этот раз, каменной берёзы, в целях, как предполагалось, продажи за рубеж. Для этого уже начали, было, строить завод по производству щепы. В самый последний момент выяснилось, что она никому не нужна. А то ведь в ходе вырубки каменно-берёзовых лесов камчатские реки могли окончательно обмелеть, заилиться и обезрыбиться.

*Горнодобывающая отрасль.* Похоже, что нечто подобное тому, что произошло в лесной и сельскохозяйственной отраслях ожидало нас и в предполагаемом развитии горнорудной отрасли. Геологи настойчиво уверяли, что если вовлечь в освоение уже разведанные объекты (при условии, подчёркивали они, что доходы от разработки камчатских недр останутся для нужд области, а не уйдут на сторону), то уже через пять-семь лет жители почувствуют весомую отдачу [29]. А в перспективе от горнодобывающей отрасли

вообще можно ожидать до 2 млрд руб. ежегодного дохода. Поскольку, например, одно только Квикумское месторождение медно-никелиевых руд «стоит» более миллиарда долларов по международным ценам [30].

В общем-то, эти цифры верны. И в то же время сама по себе постановка проблемы — если, мол, мы приступим к разработке, то быть нам богатыми — в корне неверна. Во-первых, к разработке мы ещё только приступим (если приступим), а деньги нам нужны уже сегодня. Во-вторых, упование на клады, зарытые в землю, — это всего лишь перепев мотива тридцатилетней давности. Вот как этот мотив прозвучал в уже упомянутой речи М. А. Орлова: *«Камчатка из района крайне узкой специализации может быстро стать многоотраслевым хозяйством, если (заметьте, опять — если. — В. Б.) Министерство геологии и его главки по настоящему возьмутся за подробные геологические работы на территории нашей области».*

Да, министерство и его главки, надо отдать должное, тогда действительно взялись за разведку на территории области. Только в поиски и разведку золота за тридцать пять лет вложили более 300 млн руб., за счёт чего были открыты и разведаны и Агинское, и Аметистовое и прочие золоторудные месторождения и многое другое, чем сейчас так старательно козыряют сторонники создания горнорудной отрасли. Но нефти, как были вынуждены признать сами же геологи, пока нет. Да и с золотом, кроме многолетних разговоров о том, что его ох как много на Камчатке, пока ничего не получается.

Так что за тридцать с лишком лет следования провозглашённо на всю страну лозунгу о горнорудном преуспевании, в области из всех минеральных ресурсов использовались только шлаки Козельского вулкана, щебень Петровского карьера да отчасти добывались и вывозились за рубеж пемза, перлиты и бурый уголь. Правда, четверть века тому назад вдобавок к этому были возведены геотЭС. Но и только. Так о каких таких пяти-семи годах до начала получения доходов нам говорили, задам вопрос, коль скоро одна только разведка Аги длилась уже более двух десятков лет? И вопрос тем более резонный, что всё названное было разведано ещё в прошлом. На Камчатке разведка, разработка и эксплуатация всех, кроме разве что отдельных золоторудных, месторождений, в силу её крайней отдалённости, труднодоступности самих месторождений и, главное, крайней дороговизны рабочей силы обходились государству дороже, чем будет стоить полученное золото [31].

Сама по себе ставка на экспорт минеральных ресурсов порочна изначально. Область для своих нужд закупала на Сахалине уголь по 120 руб. и тут же продавала свой корфский уголь Китаю всего по 50 руб. за тонну. Понятно, конечно, что не от хорошей жизни осуществлялась такая «коммерция» — на наши рубли за границей ничего не купишь. Однако сколько бы золота и всего прочего мы не продавали за рубеж для покупки там тряпок и еды, богаче мы не становились. Во всём мире уже окончательно удостоверились, что продажа сырья только в исключительных случаях (да и то — временно) может приносить высокие и стабильные доходы. Только в исключительных. И Камчатка под этот критерий подпадала лишь одним своим ресурсом — рыбой.

Но даже и после этих очевидных просчётов в сфере экономической отдачи горнорудной отрасли, геологи по-прежнему выдавали желаемое за действительное. Наиболее наглядно это желаемое проявлялось на примере оценки экономической отдачи золотодобычи. Так, в октябре 1989 г. на 5-й региональной научно-практической конференции, посвящённой проблемам развития Камчатки, главный геолог «Камчатгеологии» В. П. Хворостов утверждал, что цена грамма золота на внешнем рынке доходила до 14—15 долларов и при этом имелась отчётливая тенденция к её повышению. А потому, продолжал он, от 15—20 т ежегодно добываемого золота область, в перспективе, может получать 200—250 млн долларов дохода, умолчав при этом, что на самом-то деле доход от добычи полезных ископаемых будет иметь государство, а не область.

Спустя год, на заседании президиума облсовета, принявшего решение считать добычу золота на Камчатке возможной, В. П. Хворостов вновь привёл названные выше цифры и упомянул о том, что имеется тенденция к возрастанию цены на золото на внешнем рынке. А ещё через год, на 7-й сессии облсовета, принявшей судьбоносное решение считать золотодобычу одним из основных направлений развития хозяйства области, он в очередной раз повторил всё сказанное ранее. Добавив к этому разве то, что на тот момент уже, якобы, имеется принципиальная договоренность с И. С. Силаевым, тогдашним председателем Совета Министров РСФСР, что область будет получать 35 % (в рублях) дохода от добычи золота за счёт оплаты ресурсов и 30 % (в валюте) — от реализации золота на внешнем рынке.

Такова была оценка ситуации главным специалистом от геологии. А вот что получилось на самом деле. В 1989 г. цена золота на внешнем рынке была равной 13 долларам за грамм, что хотя

и близко оценке В. П. Хворостова, но всё же ниже. А в следующем году эта цена упала до 11,5 долларов [32] и оставалась на этом уровне до 1992 г. включительно. Так что тенденция ценообразования на золотовалютном рынке камчатскими геологами была оценена абсолютно неверно.

То же самое можно сказать и относительно обещаний И. С. Силаева, ибо предусмотреть его исчезновение с политической арены не представляло большого труда. Пришедший ему на смену Е. Т. Гайдар вместо обещанной трети в рублях и четверти в долларах всего лишь разрешил добытчикам Магадана, да и то под угрозой остановки всей золоторудной отрасли, пользоваться всего одной десятой добытого ими золота.

Обмишулились наши эксперты от золота и в другом. На той же конференции 1989 г. я, отталкиваясь от мнения зарубежных специалистов, опубликованных в открытой печати, попытался предупредить и местные власти, и самих геологов о том, что камчатское золото государству, в общем-то, и не нужно. В том смысле не нужно, что каждые лишние 15—20 т золота (а именно столько обещали нам добывать ежегодно на Камчатке), реализованные СССР на зарубежном рынке сверх установленной для него квоты в 200 т ежегодно, неизбежно приведут к снижению цены на советское золото в полтора-два раза. И вновь камчатский эксперт (если не ошибаюсь, Н. Н. Матюшонок) в ответ самоуверенно заявил, что это не так и что вообще западные эксперты камчатским геологам и иже с ними не указ.

И что же? Уже на следующий год СССР реализовал за рубежом 234 т золота на общую сумму в 1 млрд 633 млн долларов. Если разделить одно на другое, всего лишь по семь долларов за грамм, вместо обещанных нашими экспертами четырнадцати-пятнадцати. Но при этом и В. П. Хворостов и Н. Н. Матюшонок остались в глазах начальствующих обывателей большими специалистами, а мне было присвоено звание некомпетентного журналиста.

По существовавшим оценкам, всех камчатских полезных ископаемых должно было хватить при нормальной их разработке на двадцать-двадцать пять лет. Максимум — на пятьдесят. Следовательно, не успели бы мы оглянуться (давно ли, например, был 1959 г. с его громогласным объявлением благоденствия от комплексного развития), как в очередной раз надо было снова начинать чесать затылки: а чем занять те 200—250 тыс. чел. (по подсчётам самих же геологов), необходимых для того, чтобы горнорудная отрасль выдавала продукции на два миллиарда рублей?

Так что не получалось с полезными ископаемыми ничего хорошего. И вряд ли особо стоило уповать на золото, ибо даже по самым оптимальным расчётам доход от золотодобычи не превышал бы пятьдесят миллионов долларов в год, да и то на протяжении всего лишь десяти-пятнадцати лет от начала интенсивной эксплуатации. При малой же интенсивности добычи уже и само золото будет в убытке, так как дороговизна рабочей силы и всего остального «съедала» прибыль начисто.

*Судоремонт.* Годовая продукция этой отрасли оценивалась в сто миллионов рублей. Вроде бы и неплохо. Однако дороговизна, долговременность и низкое качество производимых работ были просто вопиющи. Плавбаза «Советская Латвия» стояла на Петропавловской судоверфи три года, а ещё ей предстояло докование, которое в Петропавловске заняло бы три месяца, плюс низкое — ниже некуда — качество работ. В Приморье — сорок дней с таким же низким качеством, а в Южной Корее — всего девять суток и с отличным качеством.

Рыбаки прямо говорили о том, что им выгоднее отремонтировать суда за рубежом и платить валютой втридорога, чем ждать так долго и получать неизвестно что. Да и министр рыбного хозяйства СССР, побывавший на полуострове, заявил, что если камчатцы и впредь будут работать так же плохо, то отрасль откажется от судоремонта на Камчатке и полностью перейдёт на ремонт рыбацких судов области за границей. Тем самым министр открыто поддержал идею переориентации судоремонта за границу, высказанную мною ещё в 1988 г.

*Заключение.* Таковы лишь некоторые примеры неверной оценки потенциала природных ресурсов области и перспектив их освоения. Но поскольку эти примеры касались основных видов таких ресурсов, то их вполне достаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод — тогда, тридцать с лишним лет назад, с оценкой природно-ресурсного потенциала области не столько ошиблись, сколько поспешили выдать желаемое за действительное.

Хотим мы того или нет, но приходится признать, что так называемое идея комплексного развития народного хозяйства области на поверку оказалась несостоятельной. Ибо за тридцать с лишним лет её осуществления доля рыбной отрасли в выпуске товарной продукции как была, так и осталась равной 80—83 % в денежном выражении. Изменились лишь общие объёмы производимой продукции, а не пропорции. Но при этом в развитие идеи комплексности были вложены громадные средства, а население



области выросло более чем вдвое, достигнув 470 тыс. чел. Причём на каждые десять человек, прибывших за эти годы на Камчатку, приходилось восемь-девять её покинувших — не очень-то, оказывается, была привлекательна наша Камчатка для тех, кто хотел заработать. Но главное заключалось в том, что 54 тыс. чел., занятых в рыбной отрасли, ежегодно давали товарной продукции на 1,4 млрд руб. Тогда как остальные 170 тыс. производили её всего на 0,5 млрд руб., получая на покрытие своих издержек 400 млн руб. ежегодной дотации.

Таковыми были основные выводы, сделанные мною накануне распада СССР и краха экономики всей страны и Камчатки. Конечно же, этого моего мнения и попыток его обосновать, можно было и не слышать. И не слышали. Но куда денешься от самой действительности, когда последующие восемь лет и сельское хозяйство, и судоремонт, и строительная индустрия, и коммунальная служба Камчатки в самом прямом смысле этого слова «дышали на ладан». Основной причиной этого падения было принятие в 1989—1991 гг. экономически неоправданных решений...

Мне могут возразить, что всё это происходило в прошлом, а потом пришли другие времена, а потому всё должно перемениться к лучшему. Ну что ж, времена сейчас действительно другие. Однако вот люди, разрабатывающие и принимающие решения, остались, увы, прежними. То есть абсолютно не желающими и, главное, не умеющими критически осмысливать исходный материал и реальную ситуацию. И вот тому конкретные примеры. Уже после обрушения рубля в 1992 г. и последующего после этого обвала экономики, всё те же специалисты на полном серьёзе заявляли, что площадь хвойных лесов Камчатки составляет 800 тыс. га (Ресурсный потенциал Камчатки, 1994). Забыв упомянуть, что 300 тыс. га этих лесов уже или пройдены рубками, или сгорели в результате антропогенных пожаров, а из остальных 500 тыс. более половины приходится на труднодоступные горные территории, неудобья и водоохранные зоны рек. Следовательно, рассчитывать на сколько-нибудь весомую отдачу от лесной отрасли не приходится.

Лично я таких, вечно вчерашних, специалистов понимаю, ибо их таковыми сделало время. И в самом деле, чем, например, были для всех нас те далёкие пятидесятые и шестидесятые годы, на которые пришлось становление таких специалистов как личностей? Да, прежде всего тем, что мы оказались на какое-то время

в состоянии эйфории от разоблачения культа личности, всколыхнувших всю страну надежд на свободу и от своих достижений в космосе. Причём настолько были подвержены этой эйфории, что искренне уверовали в то, что *«нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»*. И перенесли, не могли не перенести, эту эйфорию на все наши дела и помыслы. Тем более что её нагнетание всегда было одной из основных идеологических задач власть имущих. Так что нет ничего удивительного в том, что Камчатка в попытке создать комплексное производство как в зеркале отразила это всеобщий волюнтаризм, если не сказать — авантюризм в принятии и попытках осуществления и экономических решений.

Провал всех наших экономических программ (напомню, что страна не выполнила ни одной пятилетки) обуславливался тем, что мы постоянно соревновались в «прыжках в высоту» по своим собственным правилам. Когда мы не сходили с дорожки после третьей неудачной попытки, как принято, а после первой же неудачной попытки заказывали себе новую, пусть бы всего и на сантиметр больше, высоту. А в результате, вместо того, чтобы вовремя приостановиться и потренироваться на доступных высотах, настолько загнали самих себя, что рухнули в бессилии. И поверьте, я вовсе не злорадствую — я всего лишь искренне сожалею о потраченных впустую годах и силах.

Сказанное, безусловно, не исчерпывает всех причин провалов экономики в стране и области. Другой не менее весомой причиной закидательского отношения к экономике явилось открытие алмазов в Якутии и, особенно, нефти и газа в Тюмени. Потому что именно начиная с этого момента ставка на добычу полезных ископаемых как на основу экономики, всегда свойственная и Российской Империи, и СССР, окончательно превратилась в руководящую догму. Догму, которую так «блестяще» охарактеризовал послушно-ручной академик А. Г. Аганбегян: *«Достоинство нации определяется богатством её минерально-сырьевой базы»*.

Впрочем, и до сих пор ставка на минеральные ресурсы воспринималась если как не единственный, то основной способ решения экономических проблем. словно бы и не было позади всех тех десятилетий, в течение которых блеск алмазов и шелест нефтедолларов затмевал наши глаза и уши. И затмил настолько, что СССР в конце концов развалился, а Россия вот уже двадцать лет выкарабкивается из той ямы, в которую её низвергли приверженцы сырьевой экономики.

А Китай, где минерально-сырьевая на порядок беднее таковой базы бывшего Союза, отказался от ненужных амбиций и, сделав ставку на первоочередное развитие сельского хозяйства, уверенно выдвинулся в ведущую десятку промышленно развитых стран мира, вызывая законное уважение и закономерную зависть. Ну, а Япония, где запасы полезных ископаемых мизерны, вообще несколько десятков лет шла впереди планеты всей по темпам экономического развития.

Что же касается Камчатки, то равным счётом нет ничего удивительного в том, что мы встали перед проблемой — чем же занять, да и попросту прокормить наше искусственно раздутое почти полумиллионное население. С одной стороны, подорвав свои рыбные ресурсы, область вынуждена будет сворачивать экстенсивное рыболовство и сокращать численность занятых в нём. С другой — вложив в то же сельское хозяйство столько средств, что этого хватило бы на создание второго Камчатрыбпрома, мы по многим позициям лишились так называемых централизованных поставок продовольствия. Наконец, с введением рыночных отношений, число безработных могло быстро достигнуть и двадцати, и сорока, может, даже и более тысяч человек, так как половина наших предприятий была хронически и безнадежно убыточна.

Исходя из всего этого, можно и должно сделать два основных вывода: либо комплексность народного хозяйства — идея несостоятельная и потому мертворождённая, либо вдохновители и исполнители попросту не сумели её осуществить должным образом. На мой же взгляд всё это и так, и не так. Суть вещей, скорее всего, заключается в том, что население нашей страны и, что многим хуже, её руководящая часть долгие семьдесят с лишком лет излишне примитивно (не побоюсь этого слова) руководствовались в своей деятельности примитивными лозунгами типа: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны», «Догоним и перегоним», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и «Экономика должна быть экономной», вместо того, чтобы работать с умом.

В результате поймы русских рек оказались залиты загнивающими водохранилищами, леса вырублены на корню, города и посёлки задыхаются без чистого воздуха, а вся страна встала на грань разрухи и откровенного голода, о чём уже, не стесняясь, говорили и в правительстве, и в Верховном Совете.

Вот ещё что хотелось бы отметить особо. В попытке негодными методами догнать и перегнать Америку мы многого добились.

В два раза больше плавил стали и добывали каменного угля, в полтора раза — производили чугуна и извлекали нефти. Но... расходуя ежегодно столько же энергии (а энергия — это основа основ любой цивилизации, недаром же её предлагалось сделать мерилом стоимости всех вещей и видов человеческой деятельности), сколько и США, мы производим всего 13—18 % от их валового национального продукта.

Вы когда-нибудь задумывались над этими цифрами? Ведь это при всей условности такого обобщения означает, что для того, чтобы 250 млн американцев жили так же паршиво как мы, они должны бесплатно (бесплатно!) содержать на нашем уровне 1,1 млрд китайцев и 850 млн индийцев. Только подумайте: расходуя столько же энергии, США на своей территории могли бы довольно сносно (по нашим меркам) содержать два миллиарда человек! А мне со всех сторон с неподражаемым апломбом твердили: для того, чтобы триста миллионов советских людей могли жить на своей шестой части света, так как хотя бы турки или греки, мы должны и дальше всемерно наращивать производство нефти, газа, угля, древесины, стали, чугуна и многого-многого другого. Наращивать, то есть, производство первичного сырья и вторичного полуфабриката, а не конечной и высококачественной продукции. Отчётливо осознавая при этом (и сознательно планируя), что от трети до половины этого самого сырья мы сразу же отправим в отходы.

Так что есть только один путь к выживанию в современных условиях — всемерное сокращение производства ради производства и скорейший переход к производству только действительно необходимого. И в этом смысле развитие заведомо убыточного горнорудного производства в условиях самокупаемости будет для Камчатки разорительным. Жаль, что этого не понимали наши «капитаны» от экономики, которые по-прежнему подталкивали область на комплексный путь развития. Подталкивали только потому, что ими двигала привычка жить за счёт дотаций от государства да столь же примитивный расчёт на то, что стоит только начать, а там уж государство в помощи не откажет.

Единственно верным путём дальнейшего развития Камчатки, по моему мнению, должен был стать отказ от несостоявшейся идеи комплексности и возвращение к изначальному положению вещей — к приданию ей статуса рыбного цеха страны. Потому что вопрос стоял ребром: или сохранить Камчатку как естественный питомник рыбы и морепродуктов, или в угоду ложно понимаемому

лозунгу о комплексном наращивании производства лишиться этого последнего «рыбного пирога».

В водах полуострова ежегодно добывалось более трёх миллионов тонн рыбы и морепродуктов, в том числе 70 % от тогдашней все-союзной добычи лосося, 80% минтая и 90% краба. Насколько это много, можно судить по тому, что во всех остальных внутренних водах, на шельфе и в пределах двухсотмильной морской экономической зоны страны вылавливалось чуть более двух миллионов тонн рыбы. Ещё шесть добывалось в Мировом океане и в водах других стран.

Стоимость рыбы во всём мире росла — ведь это ценнейший экологически чистый продукт питания. Так, если в 1989 г. тонна минтая стоила до 430 долларов США, то в 1990 г. она продавалась уже и по 750 и даже по 1 000 долларов. Столь же стремительно росла и численность населения планеты, прежде всего тех стран, в водах которых мы вылавливали названные выше миллионы тонн рыбы. Так что ценность рыбы только возрастала, как в прямом (стоимостном) смысле, так и в социальном выражении. И потому должно было наступить время, когда нам предложили бы либо отдавать половину и более (а не 10—15 % как тогда) от выловленной в чужих водах рыбы, либо платить за неё твёрдой валютой. А уж тогда точно никакого золота, тем более камчатского, не хватило бы для того, чтобы закупать ежегодно те три миллиона тонн рыбы, которых мы могли лишиться в камчатских водах в результате тщетных потуг непременно стать комплексными, как все. Не отдавая себе отчёта в том, что у этих всех не было как раз именно того, что отличало нас от них — рыбы.

Таким образом, все мои построения можно свести к одной фразе — программа комплексного развития Камчатки, принятая более пятидесяти лет тому назад, оказалась несостоятельной. Однако это вовсе не означает автоматического признания несостоятельности других вариантов комплексного освоения природных ресурсов территории. Оно лишь означает, что упование на новый виток развития производительных сил Камчатки по комплексному сценарию требовало и новых же контрдоводов. К изложению таких я и перехожу.

В начале сентября 1990 г. на суд областного Совета была предложена концепция развития Камчатской области, разработанная главным планово-экономическим управлением облисполкома. Интересно, что именно от работников ГлавПЭУ шла основная критика программы 1987 г. в целом и комплексной целевой про-

граммы «Лосось» в частности. А потому от их концепции следовало бы ожидать чего-то стоящего. Ан, нет. Исчерпывающую оценку этой самой «свежей» концепции дал председатель облисполкома В. А. Бирюков: «Её просто нет — и весь разговор» [33].

Но коли так, то напрашивался закономерный вывод — поскольку не было самой концепции, то, следовательно, не было и специалистов, способных её разрабатывать. Если хороший специалист может ошибаться, плохой — сочинить плохую концепцию, то никакую концепцию делает «никто». Весьма плачевный вывод для всех нас, и не только я его сделал.

Областные власти, признав отсутствие концепции, в спешном порядке предложили председателю экономической комиссии облсовета В. П. Хворостову разработать новую, подтвердив тем самым лишний раз вывод об отсутствии соответствующих специалистов в структуре облисполкома. Надо отдать должное лично В. П. Хворостову, который, будучи геологом, по-своему твёрдо и последовательно отстаивал и проводил в жизнь идею развития горнорудной отрасли на полуострове. Но в том-то и дело, что по-своему, не говоря уже о том, что сама идея не стоила приложения стольких усилий.

И в самом деле, мог ли я — простой обыватель — доверять профессионализму и здравому смыслу сторонников разработки недр Камчатки, столь рьяно ратовавших за комплексное (якобы) развитие народного хозяйства области? Уверенно говорю — не мог. И вот почему.

Я с уважением отношусь к геологам-съёмщикам Камчатки, бывшими в своё время лучшими специалистами не только в стране, но и в мире. Воспринимаю как подлинных профессионалов и геологов-поисковиков, трудами которых были открыты Агинское и Аметистовое золоторудное месторождение. Но мне трудно было воспринимать в качестве подлинных профессионалов разведчиков горнорудных запасов, так как, с одной стороны, нефть на полуострове разведывали уже более шести десятков лет, Агинское и Аметистовое месторождения — по пятнадцать-двадцать лет, а Мутновское парогидротермальное — уже двенадцать лет, и конца этому не было видно. В развитых странах на месторождениях, равных по параметрам Агинскому, от начала разведки до ввода в действие проходило максимум пять-семь лет.

Главный довод сторонников создания горнорудной отрасли: области на одной рыбе без дотаций не прожить. Можно ли этот довод считать подлинно профессиональным? Попробуем разобраться.

Да, мы действительно получали в качестве дотации до шестисот миллионов рублей ежегодно. Однако кто получал дотацию? Как известно, в рыбной отрасли Камчатки было занято около 54 тыс. чел. Отрасль давала около 80 % всей товарной продукции области в денежном (1 млрд 400 млн рублей) выражении. Остальные 170 тыс. чел. трудоустроенного населения производили менее 20 % общеобластных доходов (400 млн руб.), потребляя при этом до 80 % общеобластной дотации. Другими словами, рыбная отрасль, дававшая товарной продукции в три с половиной раз больше, чем все остальные отрасли и производства вместе взятые, получала дотаций в во столько же раз меньше, чем вся остальная многоотраслевая (комплексная) экономика.

Эти цифры самым наглядным образом иллюстрировали закон Перрета, согласно которому 80 % полученных доходов обеспечиваются 20 % процентами затраченных усилий и средств. Это ли не довод в пользу отстаиваемого мною тезиса о никчемности потуг на достижение эффективности комплексной модели развития Камчатки? В пользу этого тезиса свидетельствовал и расклад государственной дотации по отраслям.

Давайте зададимся простым вопросом: получали ли мы дотацию или зарабатывали? Если зарабатывали, то кто конкретно? Лично я считаю абсолютно непрофессиональным мнение о том, что это государство платило нам от щедрот своих. По-моему, всё обстояло как раз наоборот: нам возвращали часть того, что для нас заработали наши рыбаки. То есть, названные 600 млн руб. брались из кармана рыбаков, которым просто-напросто не доплачивали как минимум половину того, что они зарабатывали своим тяжёлым трудом. Как? Очень просто: установив расценки за сданную рыбу и произведённую из неё продукцию в полтора-два раза, а то и ниже, чем для сахалинских и приморских рыбаков. Об этом, кстати, больше всех «порадела» своя собственная — камчатская — администрация, получив от этого в своё время дивиденды в виде благодарностей и наград. Государство всего лишь отдавало нам часть того, что забрало у рыбаков.

Ещё один штрих к портрету профессионалов от «комплексности». На мой взгляд, вложение 300—400 млн руб. не в создание золоторудной отрасли, а в воспроизводство лосося, с доведением уровня его возможного вылова до 300 тыс. т в год, могло увеличить доход области на 2—2,5 млрд руб. в год, против тех 200—250 млн руб., которые нам прочили от добычи золота. Так что в этом случае зарывать деньги в землю просто не понадобилось бы.

В таком вот виде был осуществлён мною анализ тридцатилетнего развития Камчатки по пути к созданию многоотраслевого хозяйственного комплекса. Не стоит думать, что этой попыткой я выступал против всех и вся. Я выступал всего лишь против трёх вещей: непродуманных программ развития; непрофессиональной и некомпетентной аргументации в защиту таких программ; некавалифицированного осуществления даже самых лучших программ. И, как это представляется с позиций нынешнего дня, выводы из моего анализа, основанного на этих послылках, оказались вполне соответствующими реальности.

Тем не менее, то, что было ясно мне, так и не стало понятным местному истеблишменту. О чём уверенно можно судить по реакции областного партийного и хозяйственного руководства, так называемых «крепких хозяйственников» и региональной экономической науки на вызовы действительности. Об этом и пойдёт речь далее.

Напомню о принятом в 1987 г. постановлении ЦК КПСС и Совет Министров СССР «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.», ставшим очередной попыткой М. С. Горбачёва подправить своё серьёзно пошатнувшееся положение новой шумихой. Именно шумихой, и не более того, ибо всего через год Е. М. Примаков в служебной записке от 12 августа 1988 г. писал М. С. Горбачёву: *«...есть мнение, которое разделяют и руководители дальневосточных регионов, о том, что это постановление не будет выполнено, так как оно не подкреплено ни политическими, ни экономическими, ни финансовыми, ни организационными мероприятиями»* [4].

Надо ли говорить о том, что это мнение оказалось верным. Думаю, что нет. Зато непременно нужно отметить тот факт, что Примаков ошибался, когда говорил о том, что оно разделяется *всеми* руководителями дальневосточных регионов. Год спустя после появления этой служебной записки в нашей области на 5-й региональной научно-практической конференции была вновь реанимирована программа социально-экономического развития тогда ещё единой Камчатской области. Программа базировалась на положениях и представлениях упомянутого «Постановления-1987» [34].

Предоставлю слово авторам. Вот что они говорили в основополагающем тезисе этой программы, изложенном на первой странице рекомендаций названной конференции: *«Ускорение развития производительных сил Дальнего Востока является одним из*



*важнейших направлений социально-экономической политики СССР. Практическим выражением этой стратегической линии было Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19.08.87 "О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.", в котором отражены и перспективы развития Камчатской области».*

Мало того, что местные власти даже и словом не обмолвились о том, что «Постановление-87» было изначально недееспособным, они ещё и внесли в программу несколько собственных и весьма показательных дополнений. Если в союзном «Постановлении-87» речь шла о сроке до 2000 г., то создатели региональной программы размахнулись на вдвое больший. Это означало, что они, поспешив, как всегда, взять на себя повышенные обязательства, не поняли главного — того, что время таковых заявлений кончилось. Как не поняли и того, что упомянутое «Постановление-87», являлось всего лишь натужно исполненной отпиской.

Но ещё более показательной ошибкой выглядит другое порождение местной элиты. Прослышав, что в стране намечается переход на хозрасчёт и самоуправление, она решила, что в этом случае все природные ресурсы региона будут принадлежать области. Область будет самостоятельно распоряжаться произведённой из местных ресурсов продукцией, а государство по-прежнему будет обязано обеспечивать Камчатку материальными (топливо, технологическое и прочее оборудование, продовольственные и промышленные товары и т. д.) и финансовыми ресурсами.

Отталкиваясь от таковых эклектических представлений, областные власти и «выдали на гора» концепцию так называемого комплексного освоения всех видов с упором на развитие горно-рудной отрасли (прежде всего — золотодобычи), природных ресурсов. Вернее, даже не концепцию с развёрнутыми представлениями и расчётами, а всего лишь тезисы. Но как «славно» при этом делилось на уже упомянутой конференции и ещё два года спустя это самое «золотое руно».

Власти, экономисты и геологи по разным причинам не удосужились просчитать развитие социально-политической и политической ситуации в стране и регионе. И как бы не хотели этого признавать мои тогдашние оппоненты, единственным человеком, попытавшимся заняться этой — посильным анализом последствий осуществления комплексной модели хозяйствования — проблемой занялся, как тогда про меня говорили, бывший кочегар от

Академии наук. Так что, слегка поёрничаю, не так уж плоха была Академия, как об этом сейчас твердят «перестройщики» науки и образования, коль скоро даже её кочегары могли мыслить системно и проблемно.

Не стану говорить о политических и «политесных» просчётах местной элиты. Но умолчать о псевдозкономических раскладах того времени я просто не в праве. Уж больно они похожи на упования камчатских властей накануне кризиса 2008 г., когда они вознамерились, было, начать строить железную дорогу до Магадана, автобан до Анадыря и приливной энергетический кластер в Пенжинской губе. Когда я попытался сказать, что мир подходит к кризису и цена на нефть в очередной раз может рухнуть, мне буквально заткнули рот, заявив, что надо говорить о конкретных вещах, а не высказывать досужие домыслы о падении цены на нефть.

Вернусь в год 1989-й, к уже упомянутой ранее 5-й конференции, на которой была озвучена весьма показательная сентенция: *«Добыча золота в мире, в том числе и в США, возросла в последние годы в несколько раз и потому нам не резон отставать от международных тенденций»*. Показательная, прежде всего тем, что чиновник, по долгу службы определяющий перспективы развития золотодобычи на Камчатке, совершенно не отдавал себе отчёт в том, что столь резкий скачок в объёмах добычи золота непременно должен был завершиться резким падением цены на него.

Тут я на время отвлекусь на то, чтобы ответить на вполне закономерный вопрос — критиковать-де легко, а сам-то ты где был, точнее, что делал в то время? Отвечаю, лично я в то время принимал участие в работе той самой секции названной конференции, на которой обсуждались проблемы и перспективы развития горнорудной отрасли на Камчатке. Именно принимал, а не присутствовал.

В чём выразилось это участие? В том, что, владея той предельно скудной информацией, которая случайно прорывалась на страницы советских газет, я попробовал поговорить о наметившейся на мировом золотовалютном рынке тенденции к снижению цены на золото. В качестве реального её проявления привёл пример Магаданской области, где из-за убыточности золотодобычи некоторые прииски уже начали сворачиваться, а их персонал — покидать пределы области.

Геологи в ответ заявили, что поскольку я в этом деле не специалист, то моё мнение ничего не стоит. Когда я в продолжение

полемики заметил, что, в сущности, мною было всего лишь озвучено мнение зарубежных экспертов по проблемам ценообразования на золото, они столь же категорически заявили, что зарубежные эксперты им не указ. Так что, хотели бы того геологи-полевики и геологи-разведчики (которых я, в отличие от их начальства, искренне уважаю именно за профессионализм) или нет, но их официальные руководители и эксперты изрядно обмишулились. Причём играя на своём поле и по своим правилам. И это тем более обидно, что на той же конференции геологическая служба Камчатки к обсуждению экологических проблем, к которым их начальство всегда относились как к досадной помехе на пути развития горнорудной отрасли, оказались подготовленными не в пример лучше, чем так называемые «зелёные». И не только потому, что они заявили об обязательном и всемерном применении на будущих рудниках и приисках Камчатки новейшей — щадящей — технологии добычи и переработки руды. Но и потому, прежде всего потому, что они первыми в области представили вариант схемы районирования Камчатки в целях рациональной охраны её природы. По поводу отдельных положений этой схемы можно и нужно было спорить, но альтернативы ей на тот момент просто не было.

Вот отчего я на этой же конференции вполне искренне сказал, что если то, что предлагают геологи в области охраны природы, будет выполняться, то я готов с ними в этом направлении сотрудничать. За что подвергся остракизму со стороны «зелёных», многие из которых и до сих не отрешились от огульного осуждения любого вида и способа освоения полезных ископаемых. Другое дело, что сами геологи на сотрудничество со мной так и не пошли.

То есть, восприняв, с подачи нелюбимого ими самими собственного начальства, мою персону в качестве злостного врага геологической отрасли, нормальные геологи так и смогли подняться над своим предубеждением ни тогда, ни после, ни до сих пор. Например, совсем недавно один из них с детской непосредственностью заявил, что не пиши, мол, я, «дурацкие» статьи в защиту природы, то они, геологи, меня бы уважали. И тут же с упоением начал рассказывать о том, как замечательно берегут природу на тех золотых приисках Канады и США, где он по приглашению проработал несколько лет. Так и не пожелал заметить при этом того, что именно вот о таком отношении к природе, и именно на примере Канады, США и других стран я и писал в своих «дурацких» статьях.

По признанию начальника геологического отдела Комитета по природным ресурсам Камчатской области И. Д. Петренко, одного

из наиболее стойких и убеждённых сторонников развития золотодобычи на Камчатке, только за 1994—1998 гг. в развитие горнорудной отрасли области было инвестировано 48 млн долларов [35]. Насколько я могу судить, ни одна из отраслей Камчатки столько денег на развитие из-за рубежа не получала.

Получается, что, по крайней мере в экономическом плане, никто не мешал «золотым» в осуществлении их планов. Тот же И. Д. Петренко одной из основных причин отсутствия на Камчатке золотодобывающей отрасли в конце 1990-х гг. назвал не происки «зелёных», а падение цены на золото на международном рынке. Прозрел, одним словом, когда закрывать глаза на суть происходящего стало уже невозможным.

Он был далеко не единственным, кто серьёзно ошибся в оценке дальнейших перспектив золотодобычи. Например, в 1997 г. В. В. Кноль, тогдашний начальник Камчатской геолого-съёмочной экспедиции, наконец-то убедившись, что золото на мировом рынке неуклонно падает в цене, заявил: *«...при нынешней — около 295 долларов за унцию — цене на золото разговоры об его добыче приходится оставить до лучших времён»* [36].

Как можно видеть, главный геолог Камчатки не только задним числом признал необоснованность всех прежних представлений и заклинаний геологического лобби, но и отложил освоение камчатского золота на неопределённо долгое будущее. И в очередной раз ошибся, ибо *«лучшие времена»* не заставили себя ждать, так как уже в начале 1999 г. цена на золото начала расти. А сам В. В. Кноль, переквалифицировавшийся к тому времени из геолога в золотопромышленника, это самое золото стал добывать. Правда, при нынешней цене на золото впятеро большей, чем в 1989 г., ни он, ни его компаньоны, ни бывшие эксперты по золоту ни слова не говорят о том, что они приладили к камчатской экономике ту самую «вторую ногу», без которой, как твердило недалёкое геологическое начальство двадцать лет тому назад, экономике области не устоять.

Но что самое интересное, если не сказать — забавное, лично я о скором наступлении этих самых лучших времён — то есть о скором повышении цены на золото — попытался высказаться ещё в 1996 г. Но редакции двух газет отказались публиковать мою заметку, в которой на основе десятилетних циклов чередования подъёмов и понижений предсказывалось очередное возрастание цены на золото на международном рынке. Под тем предлогом, что «их» эксперты считают иначе.

Не в силу ли этой некомпетентности иностранные фирмы отказались, по крайней мере напрямую, вкладывать средства в золотодобычу на Камчатке? Понять их можно, ибо иначе поступить они просто не могли, столкнувшись с фактами абсолютно неадекватной оценки конъюнктуры на золотовалютном рынке и с таковой (огульное обвинение инакомыслящих в некомпетентности) методологией доказательства своей точки зрения.

Подытоживая обзор ситуации с развитием золотодобычи на Камчатке, стоит обратить внимание на две вещи. Во-первых, на то, что слишком долго геологическую службу олицетворяли люди, которые проявили удивительную некомпетентность в оценке стоимости золота на международном рынке и в определении тенденций его ценообразования.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, как инфантильно, вели себя высшие люди области. Именно по-детски, ибо уж кому-кому, но губернатору и его заместителю по экономике материалы по золотовалютному рынку были вполне доступны. Так что отнесись они критически к мнению экспертов от геологии и восприми лояльнее мнение инакомыслящих, то не сели бы в лужу с этим самым «судьбоносным решением».

Впрочем, эта инфантильность в оценке ситуации относится и к другим моментам принятия модели комплексного освоения природных ресурсов Камчатки, столь рьяно, а иначе и не скажешь, отстаиваемой местным истеблишментом на протяжении многих лет. О чём, лучше всего можно судить по оценке общей социально-экономической и политической ситуации конца 1980-х — начала 1990-х гг. со стороны властных структур и экономической науки области.

Обратимся к тому способу выхода из сверхкритической ситуации, который нам предлагали накануне распада СССР и крушения экономики страны. В самом конце 1989 г., когда уже явно обозначился провал доктрины построения «социализма с человеческим лицом», тогдашний начальник Главного планово-экономического управления облисполкома Б. П. Синченко, которому по долгу службы положено было иметь свой взгляд на проблемы и перспективы развития экономики области, в ответ на призыв (в том числе и мой) к переводу народного хозяйства области на самокупаемость, а всей области — на «жигитство по карману», разразился гневной филиппикой: *«Радикалы, остудите голову»* [37].

Однако менее чем через год, но уже в качестве заместителя председателя облисполкома, курирующего экономику области, он,

послушно следуя указу сверху, писал: *«Ключевым звеном должен стать переход на самоуправление и самофинансирование территории. Лишь эти принципы хозяйствования обеспечивают прямую связь между эффективностью народного хозяйства и народным же благосостоянием, возможностями для социального развития области в интересах людей»* [38].

Как видно, признавалось, что менять что-то нужно. Но власти толком не знали, чего же они сами хотят — рыночных отношений в общепринятом толковании, или хозрасчетных территорий под патронажем партийных органов. То есть они попросту не поняли, что управляемые ими территории могли стать (теоретически) хозрасчётными только в том случае, если бы парткомы, Советы и исполкомы любых уровней занялись непосредственной предпринимательской деятельностью на своей территории. Однако в условиях перехода к рыночным отношениям основными субъектами хозяйствования становились не сами по себе территории во главе с Советами и парткомами, а расположенные на этих территориях предприятия, фирмы, частные предприниматели. А тем самым всевозможные комитеты, советы и исполкомы волей или неволей отстранялись от прямой производственной деятельности.

В условиях перехода к рынку они были нужны лишь для того, чтобы рынок не захватила вакханалия вседозволенности. Власть со своими структурами в условиях рынка нужна для того и только для того, чтобы прописывать и предписывать правила игры и строго следить за их исполнением, дабы предпринимательская деятельность не перешла грани допустимого. Однако, как мы знаем, в стране именно этого — создания внятных норм и правил хозяйствования — не произошло. Что, впрочем, и понятно, так как стоящие у власти в большинстве своём ринулись делить собственность государства в свою пользу. Для чего, кстати, ни большого ума, ни, тем более, специального экономического образования не требовалось — нужна была всего лишь практическая сметка и беспринципность. Так что нет ничего удивительного в том, что вместо «социализма с человеческим лицом» мы получили капитализм в духе «коза ностра», но в российском варианте.

Но вернёмся к нашим палестинам. Для разработки программы экономического развития области внутри облисполкома был создан отдел экономического развития и рационального природопользования. Что же предлагал этот отдел? *«Ключевым звеном должен стать переход на самоуправление и самофинансирование территории. Лишь принципы хозяйствования обеспечивают*

*прямую связь между эффективностью народного хозяйства и народным же благосостоянием, возможностями для социального развития области в интересах людей».*

Высказанный принцип, может, был неплох по букве, но совершенно не соответствовал истинному развитию ситуации. Ибо толку от территориального хозрасчёта, покуда каждый не займётся своим делом: предприятия — производством, торговля — торговлей, сельское хозяйство — сельским хозяйством, исполком — социальными проблемами, а Совет — координацией и соблюдением законности и при том на каждом уровне, на каждом направлении не займётся профессионально, ждать не приходилось.

Но что следует понимать под профессиональной управленческой деятельностью? До 1989 г. это означало умение выбить фонды, лимиты и ресурсы и «освоить» их. Теперь акценты поменялись. Вместо выбивания всего и вся предлагалось выпрашивать льготы, ресурсы и лимиты. Выпрашивать. Но если выбивать можно было и без нас, простых камчадалов (то есть без того, чтобы мы знали, что и зачем), то выпрашивать без нас не получалось. Так что хотелось заручиться моральной поддержкой «обойдённых» социальной защитой камчадалов для того, чтобы продолжать делать то же самое, что управленческий аппарат делал всю свою жизнь — доставать. Не работать, а доставать.

Наглядный пример — камчатский лес. Сколько было выбито техники, в том числе и зарубежной, предназначенной только и только для примитивной рубки леса. Сколько было при этом загублено леса. А в результате лесная отрасль стала первой в области, где вопрос встал ребром: или кардинальным образом перестраиваться, или эвакуировать до половины и более населения из лесных поселков [39].

Но ничего лучшего, чем взывание к центру о помощи областные власти так и не придумали.

Не лучшим образом положение дел складывалось и в других отраслях. Настолько, что я по этому поводу высказал мнение о том, что если Совет и исполком не отойдут от прежних принципов, то в скором времени даже рыбная отрасль столкнётся с подобной же ситуацией либо в силу истощения запасов гидробиоресурсов, либо, что более вероятно, в силу завоевания рынком своих законных позиций. И тогда уже до половины населения области станет перед проблемой, а что же делать? А вернее всего — куда и на что ехать? Ибо если уж государство и область не захотели в преддверии разрухи создать три-четыре рабочих места на западе вместо

одного на Камчатке и всём Крайнем Севере, то уж содержать одного безработного камчадала вместо трёх-четырёх безработных в европейской части страны оно точно не будет. Так оно и оказалось.

Эта проблема, о которой я говорил, возражая главному экономисту области, оказалась непонятой теми, кто, называя меня экстремистом и «сталинистом» только за то, что я предлагал, пока есть время, за счёт наших же ресурсов переселять в заранее построенное жильё на «западе» не очень нужных для полуострова людей. Совершенно непонятой, потому что уже накануне распада страны и краха её экономики, нам — камчадалам, предлагали просить от щедрот правительства. Просить льгот, уменьшения налогов, повышения ставок, денег на «укрепление сейсмоопасных строений»... А ведь я уже тогда открыто говорил, что вряд ли нам пойдут навстречу, поскольку у рынка другие нормы и правила, а «центр» уже показал полное бессилие.

То есть, считал я, обращение к испрашиванию, как к ведущему способу ведения экономики области, в новых реалиях невозможно. И на то время — не ошибся. Однако ошибся в целом, так как сознательная политика, направленная на то, чтобы заставить центр раскошелиться, привела к тому, что Камчатка в очередной раз подседа на дотационную иглу. Причём, если в советские времена на каждый рубль продукции, произведённой в области, сверху приходились 50 копеек дотации, то с приходом во власть вчерашних комсомольцев краевой бюджет на 60 % (а по высказываниям некоторых чиновников — на все 80%) обеспечивается дотациями из «центра». Вот только что будет с этим самым «экономическим чудом» если в очередной раз упадёт цена на нефть, или рухнут доллар с евро? Вот вопрос, от которого никуда не уйдёшь.

Наиболее полно и наглядно эта всеобщая слепота регионального чиновничества в оценке ситуации проявилась в отношении к судьбам жителей Камчатки, которым уже в самое ближайшее время предстояло столкнуться с отсутствием работы, тепла, света и даже продовольствия. Ибо позиция местных властей по поводу предложения об организованном отселении за пределы области непроизводительного контингента, была однозначной. *«Мы никогда не пойдём на организованное переселение жителей Камчатки за пределы области»*, — заявил председатель облисполкома Н. А. Синетов в беседе с автором этих строк [40].

Впрочем, он был далеко не одинок в этом мнении. Например, год спустя второй секретарь Камчатского обкома КПСС Чернов в приватной беседе на мой вопрос — почему обком не идёт на



сокращение числа административных районов со всей их структурой? — ответил вопросом же: «А кто же тогда будет собирать членские взносы?» Вот ведь оказия какая! Уже полным ходом идёт демонтаж самой коммунистической партии, уже стали уходить из рук недалёких партийных функционеров не только рычаги власти, но и громадные финансовые ресурсы, членские взносы в структуре которых вряд ли превышали доли процента. А второе лицо области печётся о сборе нищенских взносов...

Апологеты развития на Камчатке горнорудной отрасли в конце 1991 г., всего за два месяца до распада СССР навязали (а иначе и не скажешь) местным властям решение «считать развитие золотодобычи единственным средством спасения хронически больной экономики области и её рыбной отрасли» [41]. За счёт чего население области, по их оценке, высказанной в начале 1992 г. бывшим геологом, а тогда полномочным представителем президента по Камчатской области И. А. Сидорчуком, в 2000 г. на Камчатке будет проживать не менее восьмисот тысяч, а может быть и миллион человек. Ни слова, при этом, не говоря о том, откуда возьмётся такая прорва народу, и где её будут размещать.

Известно: в 2000 г. на Камчатке жило около 370 тыс. чел., в 2012 г. — 321 тыс. Отток населения продолжается до сих пор, несмотря даже на реально начавшееся освоение недр. Причём правительство России предполагает к 2025 г. сократить население области до 200—250 тыс. чел.

Вот и получается, что, назвав предложение о заблаговременном сокращении деятельности дотируемых производств и отраслей с одновременным предоставлением (по возможности, разумеется) сокращаемым работникам жилья на «материке», кровожадным (Быкасов, де, хочет выселить нас под дулами автоматов, утверждал, например, геолог Эркенов), геологический истеблишмент элементарно просмотрел развитие ситуации в стране и на Камчатке в целом и крах своей собственной отрасли в частности. Именно элементарно, ибо чиновники от геологии несколько лет подряд обещали всем жителям области сохранить за счёт, якобы, самого скорого развития золотодобычи, экономику области на плаву. А в результате вынудили многих из своих работников буквально бежать из геологии в поисках средств для выживания.

О том, насколько глубоко погряз в этом своём ослеплении и неприятии других мнений геологический истеблишмент можно судить по тому, что даже в 1998 г., то есть в самый канун обращения руководства Камчатской области и Корякского авто-

номного округа к президенту и правительству России с просьбой о срочной эвакуации населения региона, геолог И. Д. Петренко не постеснялся употребить этот — «кровожадная концепция» термин в адрес предложенной мною за несколько лет до этого идеи организованного переселения.

К сожалению, ничуть не дальновиднее оказалась и местная экономическая наука, которая в этот ответственный момент не сумела внятно ответить на запросы времени и трезво оценить развитие социально-экономической и политической ситуации в стране и в регионе.

В 1989 г., говоря о проблемах развития Камчатки, ведущий специалист области по проблемам миграции Р. С. Моисеев заявил: *«Если сохранятся действия факторов, влияющих на формирование населения за последние два десятилетия, то численность населения области к 2000 г. может составить около 560 тыс. чел., сокрушив все прогнозы, и в первую очередь, жилищную программу, рассчитанную на 512 тыс. чел.»* [42].

То есть он считал, что население Камчатки в ближайшие десять лет будет прирастать, хотя и приводил гораздо более скромные цифры по этому поводу, чем геологи. И это притом, что уже в 1989 г. рушились экономические представления о путях и способах развития СССР и Камчатка, которых он придерживался в своей профессиональной деятельности.

В начале 1990 г. исход населения с Дальнего Востока обозначился настолько чётко, что замалчивать его стало невозможно. Тем не менее, суть проблемы, заключавшаяся не в самой реиммиграции как таковой, а в том, что именно концепция комплексного развития хозяйства, базировавшаяся на дотационном принципе финансирования, послужила первопричиной депопуляционных процессов, была не понята.

В 1994 г., после того, как область спонтанно (а не организованно) покинуло около семидесяти тысяч человек, а оставшееся в глубинке население попросту выживало при отсутствии тепла, света и еды, была разработана программа «Мигрант», предусматривавшая выезд за пределы региона к 2000 г. ещё не менее ста тысяч человек.

Если говорить об организованном отселении непроизводительного населения, то пока меня обвиняли во всех смертных грехах (дилетантстве, авантюризме, беспринципности и даже в кровожадности), в регионе не оказалось ни малейших возможностей (время ушло) для организованного переселения такой огромной по

местным масштабам — сто тысяч человек — массы людей. И программа «Мигрант» умерла, так и не родившись.

Но и только, ибо время требовало новых идей о путях развития региона, а не перепева, пусть бы и самым сладким голосом, старых песен о комплексности. И даже не заклинаний о том, что, мол, если сейчас оголить Камчатку, то потом будет гораздо труднее всё начинать сначала.

Вообще то, добавлю, мысль о последующих трудностях при возвращении к освоению региона в новые времена не лишена здравого смысла. Но, во-первых, при этом надо чётко осознавать, что в таком случае ждёт население и, главное, предоставлять ему полную информацию не только о планируемых на послезавтра перспективах развития, но и, прежде всего, об ожидаемых уже завтра трудностях. Но, во-вторых, коммунисты, и примкнувшие к ним специалисты именно на том и прогорели, что они постоянно призывали терпеть сегодняшние трудности во имя завтрашнего «светлого будущего». Сначала претерпеть террор, направленный на уничтожение самых умных представителей царской администрации, мотивируя это убогим лозунгом — чем хуже для страны, тем лучше для пролетарской революции. Затем гражданскую войну и разруху в ожидании общемировой революции, после — уничтожение своих оппонентов из партии, а заодно и всех инакомыслящих ради чистки рядов и привития псевдокоммунистического мировоззрения. И, наконец, последовательно претерпеть послевоенную разруху и трату невероятных усилий и средств на создание военной машины, способной десятки раз уничтожить всё человечество; на поднятие целины, обернувшееся уничтожением средне- и северорусской деревни; на добычу и экспорт невероятных объёмов нефти и газа, упование на отдачу от которых вот уже несколько раз, начиная с 1973 и заканчивая 2008 г., отбрасывало страну назад, а по большому счёту и послужило если не единственной, то основной экономической первопричиной распада СССР.

Получается, что предложение о заблаговременном, пока есть и финансы, и технические ресурсы, и, главное, время, переселении было не просто реальным, но ещё и гуманным. А по большому счёту — и профессиональным. Ибо, хотели бы того мои оппоненты из властных структур и их сторонники, или нет, но, не желая по началу даже говорить об организованном переселении, они, в конечном счёте, допустили вынужденное бегство за пределы области многих десятков тысяч человек.

Внушая в течение нескольких лет мысль о том, что они — специалисты и управленцы — ни за что не допустят снижения жизненного уровня камчадалов, во многом поспособствовали тому, что поверившие этим утверждениям люди остались без сбережений и потому не смогли покинуть Камчатку даже после того, когда захотели это сделать. Ну, а сами эти специалисты-управленцы, в лице областной и окружной администраций в октябре 1998 г. ввиду надвигающегося энергетического кризиса и необеспеченности населения отдалённых районов Камчатки продуктами питания, обратились к руководству страны с призывом либо оказать региону незамедлительную помощь, либо срочно эвакуировать население региона.

К сожалению, и правительство Е. М. Примакова, поднимавшее в это время обрушенную дефолтом экономику России, и окончательно сломавшийся в борьбе за личную власть Б. Н. Ельцин не решились пойти на нестандартное решение проблемы. Именно, к сожалению, ибо произведи «центр» эту — эвакуацию — операцию за счёт замены прежней структуры территориально-административного управления областью (одиннадцать районных, по одной окружной и областной администраций) одной губернской администрацией с одновременным назначением в отдельные «кусты» поселений (Елизовского, Начикинского, Большерецкого, Олюторского, Пенжинского и прочих) полномочного представителя губернатора, как когда-то предлагал лично я, он — «центр» — раз и навсегда избавился бы от необходимости содержать на Камчатке армию чиновников. Не говоря уже о том, что он тем самым создал бы прецедент, благодаря которому в дальнейшем вполне успешно мог бы отказаться от изжившего себя института «автономных» округов. Создав взамен них на всём Крайнем Севере систему подлинных, а не декларативных «территорий традиционного природопользования» коренных малочисленных народов.

Но «центр» был занят поисками наследника «царю Борису» и потому пошёл простейшим путём. Чечня к тому времени уже приучила руководство России откупаться контрибуциями за счёт народа, а не за счёт тех, кто постоянно ставил страну на колени. И потому должного решения так и не последовало. Результатом этого непродуманного, если не сказать — опрометчивого, шага стало превращение Камчатского края в самого большого (на душу населения) «деньгососа», выкачивающего из государственной казны, по разным оценкам, от 60 до 80 копеек из каждого рубля краевых расходов. И это действительно оказалось, как трубили

во всеуслышание два года тому назад, победа обанкротившейся в своих потугах на самостоятельное решение социальных проблем Камчатки местной власти над «центром». Не сумев за время от 1988 до 1998 г. верно просчитать грядущие перемены, вытекающие их перспективы и найти самостоятельное решение возникших по их же вине проблем, областные власти сперва попросили помощи у государства, а когда эту помощь получили, то тут же сообразили, что это самый удобный для них способ существования.

К концу 1991 г. перед 476-тысячным населением области замаячила проблема обеспечения работой и нормальными условиями проживания. И замаячила вполне закономерно, ибо до той поры все издержки абсолютно убыточного народнохозяйственного комплекса покрывались за счёт дотаций, размеры которой составляли 50 копеек на каждый рубль произведённой в области продукции. После обвала рубля в 1992 г. народно-хозяйственный комплекс стал разваливаться, а искусственно раздутое население начало покидать пределы области. Будь у него возможности для отъезда, то на сегодняшний день в Камчатском крае осталось бы не триста пятьдесят тысяч человек, как сейчас, а всего лишь двести. А может и того меньше.

Но, согласитесь мой читатель, не вяжется всё это с утверждением о том, что самодостаточное развитие Камчатки может быть успешным только при достаточно большом — не менее трёхсот тысяч человек — населении. Мне могут возразить, что, мол, во всём этом виноваты обстоятельства в лице дурно исполненной перестройки. Ну что ж, перестройка, а вернее сказать — разрушение всего и вся, свою, безусловно, большую роль сыграла. Однако это не означает, что тезис о необходимо большой заселённости изначально безупречен. И я попробую это показать.

Для этого обращусь к зарубежным примерам. Сорок лет тому назад, накануне первого энергетического кризиса, заставившего развитые страны перейти от безудержной эксплуатации природных ресурсов к их максимальному сбережению, Исландия, народное хозяйство которой базировалось и базируется до сих пор на освоении природных, прежде всего рыбных, ресурсов, занимала одно из первых, если не первое место по уровню жизни населения. При этом число жителей страны не превышало двухсот двадцати тысяч человек. Спустя двадцать лет, когда население Исландии выросло до двухсот пятидесяти тысяч, она по этому показателю «откатилась» во второй десяток. Ну, а сейчас, когда её население близко к трёмстам тысячам, она либо замыкает второй десяток

стран, либо, скорее всего, спустилась в третий. И всё по одной простой причине — природных ресурсов на всех не хватает.

Предвижу возражение: ведь в Исландии, кроме рыбы и дешёвых энергоресурсов, ничего нет, тогда как у нас, на Камчатке, ого как чего много! Местные экономисты считают едва ли ни главным условием эффективного развития экономики дешёвизну энергетики. Однако именно с энергетикой дела у нас обстоят самым неважным образом — дороже электроэнергия во всей России разве что только на Чукотке. Не так уж и много природных ресурсов на Камчатке. Лес — давно вырублен и выжжен. Олени пастбища и пахотные угодья запущены. Так что остаются недра, ресурсы которых по последним данным оцениваются в 54 млрд долларов.

Насколько это много? Давайте, посчитаем. Допустим, что у нас с учётом недоразведанных месторождений зарыто полезных ископаемых на 60 млрд долларов. Поскольку разрабатываться эти месторождения будут не все разом, а поочерёдно, на протяжении не менее пятидесяти лет, то стоимость их годовой добычи можно оценить в 1,2 млрд долларов дохода. Я говорю оценить, потому что оценить — это далеко не всегда получить в реальности. Напомню по этому поводу, что ни в бывшем СССР, ни в нынешней России, ни одна пятилетка не была выполнена, ни одно производство не выходило на планируемую (оценочную) производительность. Допустим, что прибыльность добычи полезных ископаемых действительно составит те фантастические 20, а то и все 25 %, которыми оперируют сторонники освоения недр. Пусть так. Но при этом не стоит забывать, что любая прибыль от горнорудной отрасли целиком и полностью уйдёт из региона. А потому, нам, камчадалам, в принципе важна не прибыль, а доходы от горнорудной отрасли. Из этого постулата и будем исходить.

Из оставшихся за вычетом 20 % прибыли 1 188 млн долларов 35 % уйдёт на уплату налогов, примерно 30 % — на производственные расходы, 35 % — на налоги и 15 % — на заработную плату. При этом, говоря о 15 % заработной платы, я сознательно преувеличиваю этот показатель. На самом деле его доля во внутреннем валовом продукте России сегодня составляет 10—12 %. Вот отчего так рвутся к нам зарубежные инвесторы — не только и не столько природные ресурсы их интересуют, сколько прибавочная стоимость, так как в развитых странах доля труда в ВВП достигает 28—33 % и более.

Продолжим перекидывать косточки счёт дальше. Допустим, что из этих 15 % заработной платы десять достанется камчадалам,

хотя практика показывает, что владельцы производств предпочитают работать вахтовым методом, так как в этом случае заработная плата, социальные услуги и все прочие издержки сокращаются, как минимум, вдвое. Следовательно, в крае останется около 120 млн долларов.

Но это, подчеркну, в случае изъятия всех, абсолютно всех полезных ископаемых, покоящихся в наших недрах. А извлечение редко достигает половины реальных запасов. К тому же, как показывает практика, запасы при разведке завышаются, как правило, вдвое. И, наконец, примерно половина имеющихся месторождений не будет разрабатываться по той простой причине, что это обойдётся дороже, чем закупать искомый продукт. Так что край в потенциале может иметь около 30 млн долларов в год. Именно в потенциале, ибо я не учитывал все прочие промахи и издержки, неизбежно возникающие при реальном освоении ресурсов.

Конечно, это весьма приличная сумма. Но примерно столько же стоит 30 тыс. т минтая-сырца. Получается не ахти как густо. Даже с учётом того, что самой территории от рыбы перепадет также не более 20 % от её реальной стоимости.

Подведу итог. Пока некто Быкасов пытался поделиться с местной элитой мыслью о том, что в той предельно критической ситуации, складывавшейся в стране, необходимо было рассматривать не только желаемые, но и самые худшие из возможных варианты развития области, чиновники и обслуживающая их экономическая наука, кроме модели экстенсивного освоения всех видов природных ресурсов, никаких других вариантов развития Камчатки не видели. Более того, в ответ на моё предложение о всемерном освобождении единственно дееспособной — рыбной — отрасли от всех обременительных для неё функций (той же социальной сферы) с тем, чтобы она могла если не уберечь область от экономической катастрофы, то хотя бы смягчить её отрицательные последствия, категорически заявляли, что *«на одной ноге»* экономике Камчатки не устоять.

И ведь *«угадали»*. Она, экономика, на *«одной ноге»* под грузом навалившихся проблем действительно не устояла. Но не потому, что нога была плоха, а потому что в отсутствии государственной поддержки крах областной экономики был неотвратим. Слепая приверженность надуманной модели комплексного развития привела к тому, что если в 1995 г. спад производства в головной — рыбной — отрасли составил 45 %, то во всех нерыбных отраслях он достиг 80—95 %. Именно слепая приверженность, подчеркну,

ибо даже после 1992 г., когда население страны разом лишилось всех своих сбережений, местный истеблишмент категорически утверждал, что положение вот-вот стабилизируется и всё вернётся на «круги своя».

Завершилось это тем, что в 1998 г. руководство Камчатской области и отделившегося от неё Корякского автономного округа обратилось к правительству и президенту России с просьбой либо предоставить региону срочную экономическую помощь в снабжении топливом и продовольствием, либо приступить к немедленной эвакуации населения. И это обращение прозвучало именно от того самого руководства, которое за десять лет до этого категорически заявляло, что на переселение оно никогда не пойдёт. И которое спустя десять лет беспомощно разводило руками — ну кто бы мог тогда подумать, что такое может произойти?

Но ведь я же подумал. Почему? И вот тут-то для ответа на этот вопрос вновь придётся обратиться к личному образу мышления.

Человечество всю свою практическую и интеллектуальную деятельность осуществляет двумя основными способами: работой по установленным правилам, для чего каждый индивид проходит соответствующее обучение; и интуитивное постижение сути происходящих процессов с одновременным эвристическим нахождением решения надвигающихся проблем.

Ни один из этих способов не является лучшим или худшим. Вернее сказать, каждый из них хорош на своём месте и в своё время. Когда обстановка устойчива и всё идёт своим чередом, первый способ, как отражение чисто профессионального подхода к достижению уже определённых целей и задач при помощи установленных алгоритмов их решения, явно предпочтительней первого, так как помогает избегать вольного или невольного волюнтаризма или, тем более, откровенного невежества. И на этой стадии развития ситуации интуитивный подход отходит на второй план.

Иное дело, когда обстановка резко и неожиданно меняется для обычных профессионалов. Тут, во-первых, именно интуитивное ощущение перемен, могущих привести к кардинальным, а тем более — к катастрофическим изменениям ситуации, призвано обнаруживать за внешне незначительными отклонениями суть надвигающихся событий. А эвристически определённые решения будущих проблем должны быть или могут стать основными способами выхода из нестандартных положений.

Конечно же, сказанное вовсе не означает, что каждое интуитивно определённое изменение ситуации верно изначально, а эвристические



установленное решение единственно правильное. Однако и то, и другое означает, что оба эти представления должны не отвергаться начисто, а подвергаться всестороннему и высококвалифицированному анализу.

Но кто призван быть третьей стороной? На мой взгляд, таковыми судьями могут быть не администраторы по должности, и не профессионалы по образованию, а люди, от природы наделённые системным мышлением. То есть владеющие не тем, якобы, системным методом, которому пытаются обучить в вузах, и который на деле чаще всего оборачивается сведением в одну кучу всех данных, к исследуемой проблеме относящихся. А тем по настоящему системным мышлением, благодаря которому между изучаемыми данными и явлениями устанавливаются очевидные, и, что намного более важно, неочевидные взаимосвязи и взаимоотношения. Как это произошло у меня тогда, когда я митинги в Фергане, Алма-Ате и Сумгаите увязал с теми глубинными процессами, которые грозили сокрушить и на самом деле сокрушили могучую державу. И как этого не произошло со всеми теми, кто бессистемно и огульно пытался отвергнуть мои представления только потому, что они были выведены не по «правилам». Не заметив при этом, что времени для соблюдения правил уже не было.

Впрочем, пора попробовать показать, почему мне, хотя я уверен, не только мне, удалось предвосхитить развитие ситуации. Дело в том, что мне от природы присущ философский склад ума. Философский не в том обыденном смысле, когда философия понимается как одна из профессий, то есть как занятие, которому можно обучить, а в том смысле, что мною движет не столько стремление к познанию самих процессов и явлений, сколько тяга к выяснению причин их возникновения. И неважно, что этот философизм стихийен, неважно, что он недостаточно подкреплён соответствующими знаниями — важно то, что он есть.

Говоря иначе, умение философски подходить к той или иной проблеме бытия, как умение петь, рисовать, танцевать и подобное — это природная данность. Ибо, продолжу сравнение, есть множество профессионалов (ремесленников в лучшем смысле этого слова), обученных более или менее хорошо петь, рисовать, танцевать, но лишь отдельным индивидам тот или иной талант дан от природы. Обучение же им нужно лишь для того, что бы отточить этот дар и при этом не повторять, по незнанию, того, что уже было сделано до них, дабы не растрчивать даром силы и время.

Другое дело, что масштаб проявления любого дарования зависит не только от его природного уровня, но и от самой возможности его приложения. Как образно сказал по этому поводу в своей повести «Яма» А. И. Куприн, самый выдающийся полководец всех времён и народов жил в Одессе. Но он так и не попал на войну, а потому был и оставался до конца дней своих обычным портным. Так вот и я до конца своих дней останусь всего лишь стихийным философом.

Но поскольку я всё же философ, пусть бы и наивный, то в очередной раз осмелюсь предложить свои решения некоторых проблем.

*Предложение первое.* Ввиду того, что мировое общество потребления, созданное «отличниками капиталистического труда», уверенно скатывается к экономическому кризису и политической анархии, следует как можно быстрее и на законодательной основе установить вдоль всех наших морских побережий пятисотмильную зону экономических интересов России. Закрепив тем самым за страной нефтегазовые ресурсы шельфа Северного Ледовитого океана и биоресурсы Баренцева, Охотского и западной части Берингова морей. Причём в качестве дополнительной меры следует предоставить Охотскому морю статус внутреннего моря России, коим оно и является на деле.

Только одним этим жизнь нефтяников, газовиков и рыбаков будет существенно облегчена, ибо им не надо будет в своих собственных водах пересекать «государственную» границу, когда они будут добираться до места работы и обратно. Будь я Президентом с большой буквы (прежде всего пекущимся об интересах граждан своей страны, а не чужих), я бы и в прочих зонах морских экономических интересов государственную границу для российских пользователей «отодвинул» до границ этих самых зон. А то ведь глупость какая-то получается — морская зона экономических интересов наша, но российские рыбаки в неё могут попасть только с разрешения пограничников и таможенников, которые, живя за их счёт, «прессуют» их «по полной программе».

Специально для «защитников» общегуманистических ценностей добавлю, что лично я что-то не помню, чтобы рыбаки Исландии (а также Канады, США, Норвегии и других стран), отправляясь ловить рыбу в своих собственных зонах экономических интересов, оформляли таможенные и пограничные бумаги. Да и в СССР с его тотальной слежкой за всем и вся рыбаки за пределы двенадцатимильной морской государственной границы ходили без всяких разрешений. И только доморощенные «демократы» опустили

до такой благоглупости, как установление таможенных заборов для жителей собственной страны на своих же акваториях, хотя в наши воды беззастенчиво лезут зарубежные пользователи.

Двадцать лет тому назад я уже предлагал сделать и то, и другое. Однако тогда защитники «общемировых ценностей» яростно возмутились, позабыв при этом, что когда в Чили ввели двухсотмильную зону, тоже поначалу было много недовольных, но ничего — примирились. И не просто примирились, а, разобравшись, что к чему, буквально кинулись создавать эти самые зоны. Причём дело доходило до прямых военных действий, как, например, во время знаменитой «тресковой войны» в водах Исландии.

Примириятся и сейчас. Тем более что этим шагом мы в зоны экономических интересов других стран не залезем — уже всё разграничено. Ну а в том, что предложение это вполне осуществимо, сомневаться не приходится, ибо нас в этом деле непременно поддержат Китай, США, Канада, Исландия, Англия, Испания, Франция, Дания, Испания, Португалия, Норвегия и некоторые другие страны, которые в преддверии всеобщего экономического кризиса свои собственные интересы наверняка предпочтут «общегуманистическим».

*Предложение второе.* Пока не поздно, нам просто необходимо создать экономический кордон на границе с Китаем. Давно пора, ибо совершенно ни к чему нам изо всех сил помогать развивать чужую экономику — следует восстанавливать свою. Да и вообще, где и почём покупать ресурсы — это дело самого Китая. Пусть покупают пока (пока действуют не от большого ума заключённые долгосрочные договоры) и у нас, но за полную цену.

И уж совершенно точно не стоит делать ставку на китайских мигрантов, как призывают некоторые, мягко скажу, горе-эксперты. Однажды мы уже обожглись на этом, когда в конце XIX — начале XX вв. мигранты из Китая заволокли, было, Приморье и Приамурье. Настолько, что когда власти России повернулись-таки лицом к интересам собственного народа, то в считанные дни было вырезано около пяти тысяч китайцев — до того они допекли местных жителей. Так что не стоит повторять ошибку вековой давности, ибо кончится это либо очередным взрывом, либо полным порабощением нашего населения. Третьего не дано по определению.

*Предложение третье.* Если и идти в чём-то навстречу интересам пресловутого «мирового сообщества», так это в решении экологических проблем. Почему бы России не объявить, что она постепенно, но, не затягивая на десятилетия, превратит свой Край-

ний Север и все приравненные к нему территории Сибири и Дальнего Востока из региона поставок за рубеж леса, газа, нефти, каменного угля и всего прочего, в общемировой экологический резерват. Заменяя при этом во всём регионе институт автономных округов и республик на институт территорий традиционного природопользования. С тем, чтобы коренное население безраздельно владело и распоряжалось своими землями со всеми их ресурсами, передавая их, если уж так захочется, в концессию на выгодных для себя условиях.

Этим шагом мы скажем мировому сообществу: будем обеспечивать вас чистым воздухом, чистой водой и экологически чистыми продуктами питания, а от вас требуем (требуем, а не просим) только одного — не лезть с поучениями о том, как нам надо жить. И это требование тем более корректно, что мировому сообществу вовсе не грех поначалу разобраться в собственных экономических, социальных и экологических сложностях.

Специально добавлю для излишне «зелёных» и чрезмерно пекущихся об экономических интересах других стран, что превращение северных территорий в общемировой экологический резерват вовсе не означает, что там ничего не будет добываться. Это значит лишь то, что там по новейшим технологиям и с соблюдением самых строгих экологических норм будут использоваться только те ресурсы (и только в том количестве), которые нужны России. Не «мировому сообществу», а только и только России.

Что же касается возможных упреков этого самого «мирового сообщества» в эгоизме, то в ответ можно заявить: вы четверть века тому назад помогли развалить СССР и теперь имеете забот больше, чем потеряли. Во всяком случае, вы — западный мир — оказались в той же ситуации, в которую попал (один на один с национализмом и терроризмом) тогда СССР. Так что если вам и нужно кого-то в чём-то упрекать, то для этого у вас есть ваши собственные (пусть бы и более профессионально подготовленные, вроде пресловутого З. Бжезинского, но столь же неумные, как и наши) «отличники» от политики, которые сознательно и старательно возвращая на территории СССР национализм и терроризм, так и не поняли, что Земля круглая, а потому выпущенная стрела всегда возвращается незадачливому стрелку в спину. Вспомните 11-е сентября 2001 г., господа...

*Предложение четвертое и последнее.* Почему бы нашим руководителям не воспользоваться моментом и слегка не «похулиганить». Например, начать демонстративно открытые переговоры

с Молдавией о том, что они признают Приднестровскую республику, а взамен содействуют ей в том, чтобы она территориально вышла к черноморскому побережью в районе устья Дуная. То есть, почему бы не предложить Молдавии отделить самостоятельным Приднестровьем эту межустьевую территорию от Украины, которой она досталась вовсе не по праву?

Что же касается реакции на это наших «западных друзей», то это вовсе не мы виноваты в том, что в Лондоне и Париже жгут магазины и автомобили, а в Греции и Испании вот-вот могут произойти дефолты. И не надо говорить о международных нормах и прочих «дипломатических» экивоках. Вспомним лучше о том, что западные страны двадцать пять лет тому назад воспользовались моментом и помогли нашим «отличникам» сокрушить СССР. Так что не грех использовать случай, коль скоро он выпал, и нам. Получится или нет — это другое дело. Но напомнить нашим «лучшим друзьям» лишний раз о том, что бумеранг имеет свойство возвращаться, будет весьма полезно.

Такие вот мысли напрашиваются в связи с двадцатилетием крушения одной из самых великих империй в истории человечества. И если лично я сожалею о чём-то, то вовсе не о том, что она рухнула. А о том, что в России на тот момент к власти пришли люди, думавшие либо о своих корыстных интересах, либо об интересах пресловутого «мирового сообщества». Тогда как думать надо было о том, как этот крах обернуть на пользу самой России. А польза могла быть несомненной, поскольку, освободившись от непомерного груза по содержанию союзных республик и коммунистического движения в десятках стран мира, Россия могла бы стать процветающей страной.

Однако, это уже история, которую писать придётся людям не моего поколения. С меня же достаточно и того, что я хоть что-то попытался сделать. Другое дело, что кремнёвыми наконечниками полемических стрел, несмотря на всю их остроту, броню официоза пробить было невозможно. Тут требовалась праща, снаряжённая мощным булыжником, которая бы сокрушила не саму броню, а её носителя. И таковая праща, умело свитая из наших «отличников» от экономики и политики и заряжённая «булыжником народного недовольства», своё дело — разрушение СССР — сделала. Хотя явно не этого хотели полные детского энтузиазма обычные москвичи и петербуржцы, толпами выходившие на площади и улицы столицы в поддержку демократии. Однако простим им этот грех, ибо они, будучи в политике даже не школьниками, а дет-

садовцами, которых на прогулку выводят, взявши за руки, не ведали, что творят.

На этом я и завершу свои несколько сумбурные заметки о времени, о событиях, о людях и о себе. Может быть, да что там, может быть, — так оно и есть, заметки покажутся излишне предвзятыми. Но, варясь в сгустке предвзятых мнений и суждений о путях развития страны и Камчатки, избежать предвзятости практически невозможно. Ну, а поскольку в мою задачу не входила цель всех и всему поучать — я всего лишь хотел попробовать всё и вся расставить по местам — то это не такая уж и большая вина...

#### ИСТОЧНИКИ

1. 90-е, страна. / Под ред. В. Игнатенко. — М.: ИТАР-ТАСС, 2005. — 346 с.
2. Национальные регионы — «под нож» // Аргументы и факты. — 2005. — № 15.
3. Аргументы и факты. — 2000. — Март. — № 11.
4. *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. — М., 1999.
5. *Быкасов В. Е.* Крайний Север: какая модель хозяйствования выгодна? // Дальневосточный учёный. — 1988. — № 30.
6. *Быкасов В. Е.* Хочу понять // Дальневосточный учёный. — 1988. — № 34.
7. *Быкасов В.* Модель завтрашнего дня // Камчатская правда. — 1989. — 25 апр.
8. *Быкасов В.* Имею программу // Дальневосточный учёный. — 1989. — № 30.
9. *Быкасов В.* Предлагаю программу // Камчатская правда. — 1989. — 6 авг.
10. *Быкасов В.* О лососе, здравом смысле и экономике // Камчатская правда. — 1989. — 29 авг.
11. *Быкасов В.* Камчатка комплексная // Рыбак Камчатки. — 1990. — 26 окт.
12. *Быкасов В.* Верно ли проложен курс // Камчатская правда. — 1990. — 8 дек., № 283; 9 дек., № 284; 12 дек., № 285.
13. *Быкасов Е.* Камчатка — край рыбный // Рыбное хозяйство. — 1991. — № 8.
14. Камчатская правда. — 1961. — 10 дек.
15. Там же. — 1989. — 13 июля.
16. Рекомендации к 5-й межрегиональной научно-практической конференции. — Петропавловск-Камчатский, 1989.
17. Камчатская правда. — 1990. — 9 сент.
18. Там же. — 1989. — 8 дек.
19. Там же. — 1990. — 7 окт.

20. Камчатская правда. — 1990. — 11 сент.
21. Там же. — 1989. — 6 дек.
22. Политический собеседник. — 1990. — № 1.
23. Камчатская правда. — 1990. — 7 янв.
24. Там же. — 1989. — 22 марта.
25. Там же. — 1989. — 15 окт.
26. Экокурьер. — 1989. — Сентябрь. — № 8.
27. Камчатская правда. — 1988. — 14 апр.
28. Там же. — 1988. — 18 сент.
29. Там же. — 1990. — 1 апр.
30. Там же. — 1990. — 26 сент.
31. Экокурьер. — 1987. — Июль. — № 7.
32. Аргументы и факты. — 1991. — № 13.
33. Камчатская правда. — 1990. — 4 сент.
34. Материалы 5-й региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 г.». — Т. 1—2. — Петропавловск-Камчатский, 1989.
35. Нужны ли Камчатке золото и газ? // Аргументы и факты — Камчатка. — 2000. — № 23.
36. *Кноль В. В.* Экологически и экономически приемлемый вариант обработки Агинского рудного месторождения // Материалы научно-практической конференции «Проблемы и направления горнопромышленного освоения Камчатской области», 15—16 декабря 1997 г. — Петропавловск-Камчатский. 1997. С. 36—38.
37. Камчатская правда. — 1989. — 28 окт.
38. Там же. — 1990. — 31 мая.
39. Лес не рубят, а щепки летят. Выступление С. Г. Шолохова, водителя Ключевского леспромхоза на XXV областной партийной конференции // Камчатская правда. — 1990. — 5 июня.
40. *Павлова О. А.* На каких «китах» стоять Камчатке? Беседа с председателем облисполкома с кочегаром // Камчатская правда. — 1989. — 23 авг.
41. Решения 7-й сессии областного Совета народных депутатов от 16 октября 1991 г.
42. *Моисеев Р. С.* Социально-экономические и экологические факторы развития региона и численность населения // Материалы 5-й региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки, прилегающих морей и развития производительных сил до 2010 года». — Петропавловск-Камчатский, 1989. — Т. 2. — С. 72.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

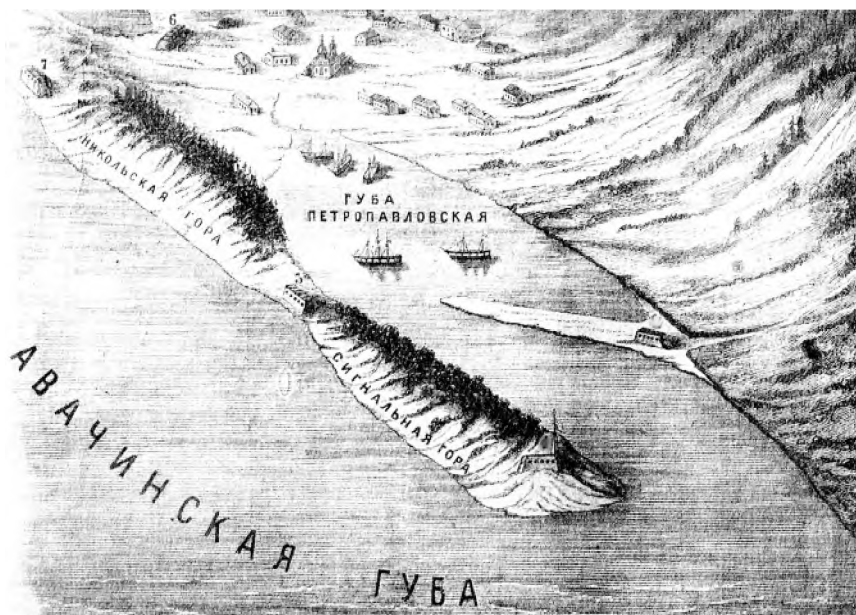
- Абакумов П. П.** — 333  
 Адамович И. А. — 367—368, 370—373  
 Азарков — 331  
 Александр I — 48, 455  
 Александр III — 164  
 Александров Т. К. — 319  
 Алексеев Ф. — 13—15  
 Андриевич — 10—11, 36  
 Анкундинов — 14, 21  
 Анкундинов (лейтенант) — 67, 68  
 Анциферов И. — 23, 25, 27  
 Арбузов — 68  
 Аренс В. — 284  
 Арсеньев В. К. — 365  
 Артамонов М. — 365  
 Артюхин В. И. — 348  
 Атласов В. — 15—22, 24—26  
**Бакланов М. И.** — 341  
 Балясников В. А. — 366  
 Басов — 41  
 Беляков А. В. — 374—375  
 Бем — 46, 116, 452  
 Беневский — 44, 45, 46  
 Бекетов П. — 11  
 Берзинь А. М. — 284, 305  
 Беринг В. — 31, 34—38, 40, 44, 49—50, 75, 162, 164, 245, 268—269, 275, 448, 475  
 Беринг Х. — 44, 454  
 Бессекерский — 289, 291, 294, 299  
 Бечевин — 41  
 Биллингс — 44, 453  
 Бирич Х. П. — 254, 256, 261, 289, 298, 305, 319  
 Бирич Е. — 301—302, 305, 311  
 Бичи Ф. В. — 94, 462  
 Богданович К. И. — 229  
 Богомоллов В. Д. — 321—322, 334—335  
 Богораз-Тан В. Г. — 208  
 Борисов — 39  
 Бочанцев М. — 195—196  
 Брусиллов — 204  
 Брызгалов И. — 23  
 Бузин Д. С. — 336, 343  
 Булат А. И. — 284—286, 301  
 Булычёв — 10, 115  
 Бурнатов А. Л. — 322  
 Бучин В. П. — 284—286  
**Вальцов** — 229—230  
 Власов А. — 308  
 Войт — 10  
 Вонлярлярский В. М. — 229—230  
 Воронин А. А. — 332  
 Вульф — 37  
**Гаврилов П.** — 64, 66, 469  
 Гагарин — 30  
 Гагемейстер — 10, 457  
 Галицкий М. Ф. — 284, 286, 296  
 Галл — 44  
 Гапанович И. И. — 289—290, 294  
 Генс — 32  
 Герасимовский — 291  
 Герман Н. Е. — 249—250  
 Гилев — 76  
 Гладюк Ф. — 285  
 Глотов — 41  
 Гожев А. А. — 367  
 Голеницев А. В. — 51, 76, 462—464  
 Голиков — 43  
 Головин В. М. — 48, 457—458  
 Гольдберг Б. И. — 340—341  
 Гонгоч — 32  
 Горовский Б. — 199, 203, 255, 263  
 Гринчук С. И. — 284—286, 304  
 Гродеков Н. И. — 9  
 Громов И. М. — 294  
 Грушецкий — 288—289, 296  
 Гузенко Е. М. — 367—368  
 Гундзи — 260, 281  
**Давыдов** — 68  
 Девьер — 35  
 Дежнёв С. — 13—15  
 Делиль — 40  
 Деуант Феврие — 63, 67  
 Димова — 193  
 Дитмар — 10, 80, 87, 90, 94, 97, 112, 116, 137  
 Дроздович М. К. — 335  
 Духовско(й) С. М. — 7, 8, 479  
 Дыбовский — 173, 192  
 Дьячков А. — 333—334  
 Дюпин С. А. — 350  
**Евреиннов** — 31, 74  
 Екатерина II — 43—45, 119, 184  
 Елагин И. Ф. — 75, 76, 449—450  
 Елизавета Петровна (имп.) — 119, 158  
 Елистратов — 75—76, 143, 151  
 Ельчин — 30  
 Енисейский И. — 29—30  
 Ермак — 11  
**Жигалов В. С.** — 367, 370, 373, 382—384  
 Жилкин — 68  
 Жихарев Н. А. — 293, 296, 303—304, 311  
**Завойко В. С.** — 52—54, 57—62, 64—66, 69—71, 116, 467—472, 480  
 Загуляев М. О. — 369  
 Зарудный — 68  
 Зими́рев — 196  
 Зиновьев М. — 20  
 Зенкевич И. — 38  
 Зуев А. И. — 310  
 Иванов С. И. — 369  
**Ивашкин-Ларичев П. Г.** — 321—322, 328, 337, 340  
 Ильин — 76  
 Ингойд — 233—236  
 Иннокентий (епископ) — 52, 465—466  
 Иосаф (иеромонах) — 38  
**Казакевич П. В.** — 72, 473  
 Казаков И. — 190



Кальвиц О. — 365  
 Калинин М. Н. — 309  
 Канач — 27  
 Качанов — 30  
 Кегель К. — 51—52, 111, 465  
 Киселёв — 55—56  
 Киселёв Л. Ф. — 298—299  
 Клерк Ч. — 452—453, 456  
 Клецин В. А. — 284—285  
 Клименко В. П. — 310  
 Климова Ф. — 194, 196  
 Кобелев — 20—21, 448  
 Кобцев А. И. — 344—345  
 Коваленко — 240  
 Кованько — 229—230  
 Козлов Г. М. — 366  
 Козыревский — 28—29, 448  
 Колесов — 20—21, 28, 30  
 Колмаков Е. А. — 343  
 Колчак — 284, 286, 298  
 Константин Николаевич (вел. князь) — 61, 69—70  
 Кораллов — 67  
 Корзухин — 229—230  
 Коркина А. — 91  
 Коробко А. Т. — 350—352, 440  
 Косыгин Н. П. — 344  
 Кошелев — 47, 50, 457  
 Крайзельман Е. М. — 287  
 Краузе М. — 322, 324  
 Крашенинников С. П. — 10, 15, 17—18, 74, 77, 88—89, 95, 97, 124, 127, 137, 151, 153—154, 156, 158—159, 179  
 Креницын — 42—43  
 Кречетов А. — 195  
 Крузенштерн И. Ф. — 48—49, 455  
 Кручина В. М. — 334  
 Кувшинников А. В. — 366  
 Куксенко К. А. — 334  
 Кулиновский Н. К. — 284, 306  
 Куренков В. И. — 438  
 Куркутский М. П. — 284, 287, 289  
 Кутенин Н. П. — 233—237  
**Лазарев М. П.** — 48  
 Лаперуз — 94, 164, 453, 464, 475, 477  
 Лаптев — 39  
 Ларин И. Е. — 316, 318—320, 326, 345  
 Лебедев — 40, 45  
 Лев А. П. — 368, 371, 378  
 Левашёв — 42  
 Ленц — 94  
 Лентайр — 233—237  
 Лессепе Ж. Б. — 453  
 Линдберг Ч. — 365  
 Лисянский — 48  
 Литке Ф. П. — 48, 76, 89, 94, 101, 462  
 Ломбак И. Я. — 343, 365  
 Лохвицкий — 61  
 Лужин — 31, 74  
 Лукашевский М. — 30—31  
 Лукомский — 344, 346—349  
 Львов И. Ф. — 294—285, 304  
**Максимова А.** — 193  
 Максutow А. — 67, 69, 470  
 Максutow Д. — 65, 69—70, 470, 472  
 Малков — 292, 298, 310  
 Мальсагов Я. — 284, 286, 296  
 Мандриков М. С. — 283, 287, 290, 292, 295, 301, 306  
 Маргаритов В. П. — 5—6  
 Мартиниан (архимандрит) — 29, 37, 39  
 Матвеев И. Н. — 343  
 Меньшиков — 35  
 Мерлин — 34—35, 105, 158  
 Миддендорф — 110, 124  
 Миронов О. — 22, 24—27  
 Михайлов — 67—68  
 Молоков В. С. — 376—382  
 Молчанов И. К. — 428  
 Морев С. Е. — 341—342  
 Морозко Л. — 16, 20, 29  
 Москвин И. — 12  
 Муравьёв-Амурский Н. Н. — 52, 54—57, 59—60, 69—71, 467  
 Мурашёв А. — 194, 196  
 Мусорин П. В. — 321  
 Мухачёв Б. И. — 290, 298  
**Невельской Г. И.** — 60, 466  
 Невесенко И. Т. — 325  
 Недозрелов — 45  
 Нейбут А. Я. — 332  
 Нестеркин — 250  
 Никаноров А. Н. — 330  
 Никитин П. М. — 367  
 Никифоров — 41  
 Никифоров С. — 38  
 Никифоров П. М. — 335  
 Николай I — 51, 115, 185  
 Николай II — 268  
 Никольский Л. С. — 366  
 Нилов — 44, 46  
 Новгородов — 32, 34  
 Ноздрин Е. К. — 341  
 Норденшильд — 279  
**Обручев** — 10  
 Олейник-Топорков А. — 332  
 Орлов В. А. — 367  
 Охалкин П. Г. — 350  
 Ошурков П. А. — 7  
**Павел Петрович** (вел. князь) — 44  
 Павлуцкий — 31—32, 34—35, 105, 119, 158  
 Павлюченко П. — 251  
 Паллас — 133  
 Пальчевский Н. А. — 10  
 Пануров В. — 251  
 Панютин И. — 22—23  
 Пармичев М. И. — 366  
 Пахомий (иеромонах) — 38  
 Перепечко И. Н. — 296, 300, 302—304, 310  
 Пересыпкин А. Н. — 334—336  
 Перфильев В. В. — 220, 482  
 Петров В. В. — 429

Песков — 76  
Петр I (Великий) — 18, 23, 30, 31, 36, 40, 74  
Петров А. — 29—30  
Петровский — 50, 457  
Петриловский — 30  
Пилкин К. — 68, 471  
Пирагис А. П. — 324  
Плениснер — 45—46  
Подгурский Б. К. — 199  
Поляков Н. А. — 346  
Помазнина Д. — 195  
Пономарёв — 41  
Попов — 65  
Попов Д. — 195  
Поротов — 30  
Порошева М. — 193  
Постельс А. — 89—90, 94, 463  
Постникова М. А. — 10  
Поярков В. — 12  
Поярков П. Д. — 348  
Прайс — 63  
Прэде М. — 250  
Протопопов — 21  
Путятин Е. В. — 62, 472  
Пушкин П. И. — 367, 370, 372  
Пчелинцев — 290, 303  
**Рейнике** — 46  
Реклю — 202, 206  
Рикорд П. И. — 50—51, 457—461  
Ритфлянд А. А. — 376  
Рожков Е. — 295, 301  
Румянцев — 48  
Рыбин — 288—289, 305, 307  
Рышков — 46  
Рябиков И. В. — 347  
Рябикова М. С. — 350  
**Савостьянов В.** — 27—28  
Савченко-Славский М. И. — 319, 336—337  
Сапожников — 34  
Сарычев — 44, 454  
Сахаров А. Г. — 333  
Свенсон — 288, 295  
Серебрянников — 41  
Серюков — 18, 20  
Сесицкая А. С. — 558  
Сильницкий А. П. — 54, 60, 481  
Синдт — 41  
Скорняков-Писарев — 35, 39  
Скрыпов — 76  
Слободчиков — 283, 296, 312—313, 336  
Словцов — 10, 36  
Слюнин — 194  
Смельский В. Н. — 312  
Соймонов — 41, 45  
Соколов К. — 30, 74  
Соколов Н. М. — 305  
Сокольников Н. П. — 217  
Сомов — 50  
Соргов А. — 296, 299  
Стадухин — 13  
Старицкий К. С. — 89, 474  
Стеллер — 40  
Струков Д. Д. — 285, 289, 301, 305  
Суворов Е. К. — 273  
Суздаев — 286, 292  
Сусметов Ф. В. — 333  
**Титов В. Т.** — 286, 288  
Тихонов С. — 250  
Ткаченко А. А. — 367—372  
Толстых — 41  
Торопов Г. Д. — 369  
Трапезников — 41  
Тренёв — 286, 291, 305  
Тюшов В. Н. — 7, 80, 90, 94, 96, 99, 193, 480  
**Уквун** — 208—209  
Усачёв Г. И. — 373  
Учватов — 288, 291  
Ушаков — 75—76  
**Фесенко И.** — 284, 286, 288, 296  
Фесун — 65, 68  
Фёдоров Ф. Г. — 428  
Филевский В. — 36—38  
Филиппеус А. Ф. — 170, 478  
Филонович В. — 250  
Фролов Н. П. — 322—324, 339, 419, 424  
**Харитонов** — 30  
Харчин — 32—33  
Хотуневский И. — 38  
Хромовский М. — 66  
Худяков — 76  
**Цапов Н. А.** — 325, 328  
**Чекмарёв В. М.** — 287, 291, 316, 346  
Червянский Н. Н. — 285  
Чередов — 39—40  
Черкатина Н. — 195  
Черных Н. А. — 294, 309  
Чириков П. — 22—26  
Чириков А. И. — 37, 49, 452  
Чичагов — 42  
Чичерин — 41—43  
Чкалов В. П. — 374—376  
Чубаров Г. И. — 333  
Чужих Г. А. — 343  
Чупров — 41  
Чурин — 212, 222, 239  
**Шавров В.** — 368  
Шатинский Ф. — 319  
Шеле(и)хов — 43, 269, 453  
Шелковников — 12, 21  
Шестаков — 31—32, 75  
Шехурдин — 32  
Шиманский Ю. К. — 7, 190, 193, 197  
Шмалёв — 35, 46, 454  
Шпанберг — 37  
Шренк — 109  
Штинников — 32—34  
**Щербаков М. П.** — 320—321  
**Эрман** — 80, 94, 101, 103, 133  
**Юрлов** — 76  
Юшина Е. — 194  
**Ярыгин Ф.** — 21  
Ярыгин Д. — 21

В. П. Маргаритов. Камчатка и её обитатели (см. ст. 5—199)



План города Петропавловска и его укреплений в 1854 г.



*Селеніи Никольскіи*

*Голландскія Муруро*

*Селеніи Накха*



*Ганачскіи гребеня*

*Селеніи Ганачи*

Камчатскіи панорамы, 1897 г.



**Потоки лавы на Западном хребте**



**Камчатское селение у подножия Корякской сопки**



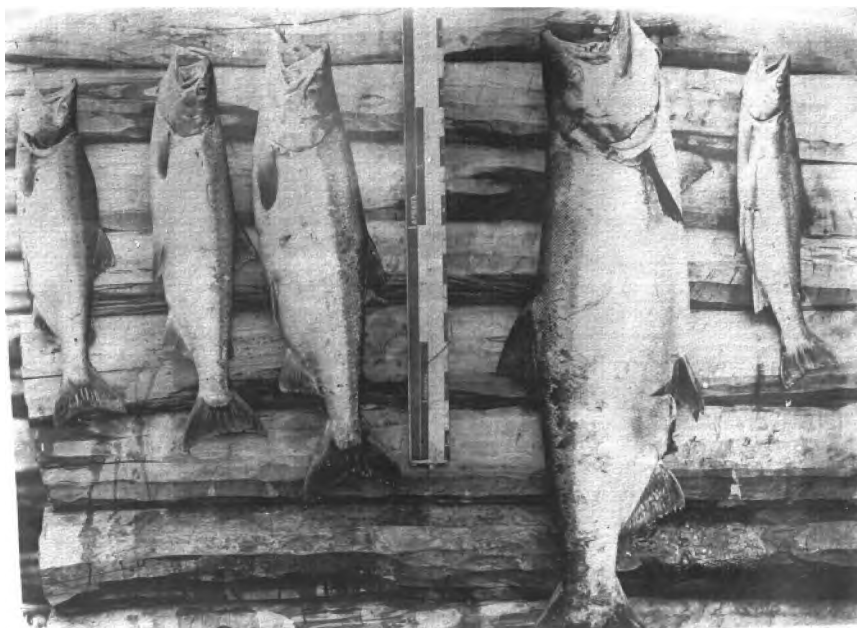
**Камчадалское селение**



**Рыбный запор**



**Ключевская сопка и селение того же имени**



Горбуша, красная рыба, хайко (кэта), чавыча, голец



Оленные коряки



Селение Мильково



Корякская шаманка



Жилище бедного камчадала



Типы камчатский жителей



Типы камчатских жителей  
(типичные камчадалы)



Верхне-Камчатское селение





Памятник «Слава»



Памятник Берингу



Памятник Лаперузу

**Б. Горовский. Забытые русские земли (см. с. 200—282)**



**Бухта Св. Павла**



**У берегов Чукотского полуострова**



**Устье реки Анадырь**



**Упряжка грузовой нарты**



**Пост Ново-Мариинск**



**В пути. Вид с мостика**



**Бухта Провидения. «Колыма»: военная и Добровольного флота**



**Чукотская байдара**



Затираемая льдами «Колыма»



Во льдах



Льды под мысом Дежнёвым



Чукотская яранга



Петропавловск. Памятник Берингу



Петропавловск. Мыс Сигнальный



Скалы «Три брата» у входа в Авачинскую губу



Петропавловский маяк



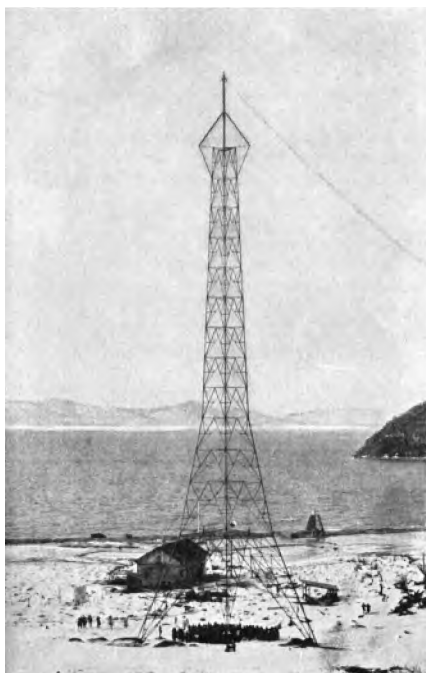
Петропавловск. Внутренний вид  
ковша



Петропавловск. Вид из ковша



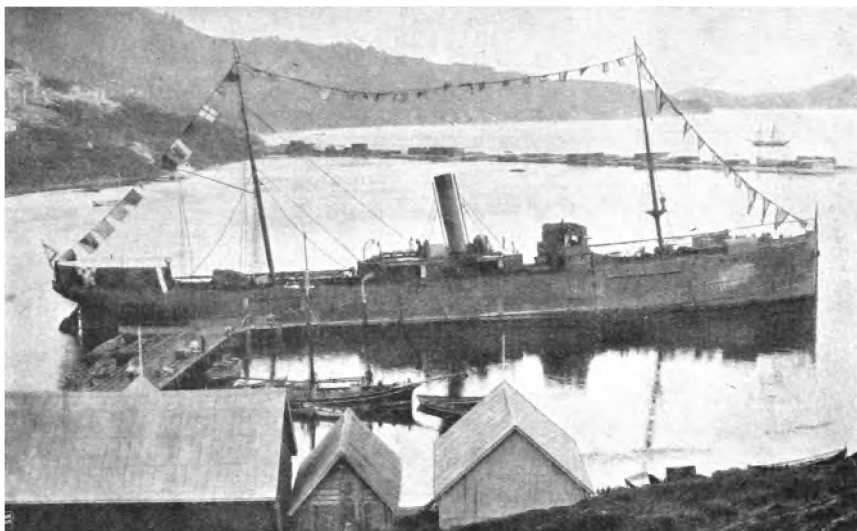
У пристани в Петропавловске. Первый снег



Петропавловск. Станция  
беспроволочного телеграфа



Петропавловск. Памятник войны  
1854 г.



Военный транспорт «Колыма» в Петропавловске



Деревня Паратунка



Горячий ключ у деревни Паратунки



Коряцкия женщины



Образцы камчатской рыбы



Русский консервный завод  
в Усть-Камчатске



Казарма японских рабочих на  
рыбалке в Усть-Камчатске



Бурун



Кунгас на гребне буруна



Пароход «Чинтуфу»



Выгрузка быка с парохода



Пароход «Транзит» в бухте Кичига  
в мае 1911 г.



Установка нового винта на «Колыме»  
взамен сломанного



Команда «Колымы» на рыбной  
ловле



О. Медный. Вид села  
Преображенского



О. Беринга. Вид села  
Никольского



О. Медный. Алеуты в одежде из  
тюленьих кишок и котиковых горл



О. Беринга. Юрта в с. Сараранном



О. Медный. Группа котиков-маток





Водопад на Командорах



О. Беринга. Северное лежбище



О. Медный. Бобровые камни



Арестованная японская шхуна  
в Авачинской губе



Арестованные японские шхуны  
в Петропавловске



Гавань Илюлюк. Американские  
охранные суда



Американской охранной крейсер  
«Maning»



Православная церковь на о. Уналашка



Иконостас Уналашкинской церкви

Вечная мерзлота любви (см. с. 283—315)



Здание Анадырского уездного ревкома и памятная доска на нём, 1960-е гг.



Члены Анадырского ревкома, декабрь 1919 г.



М. С. Мандриков, 1914 г. Я. И. Мальсагов, 1915 г. В. А. Клецин, 1965 г.



ВЛАДИВОСТОКСКИЙ  
ВОИНСКИЙ  
НАЧАЛЬНИК  
Службы записей  
13 сентября 1918 г.  
№ 6199  
Ген. Владивосток



УДОСТОВЕРЕН ИМ.

Дано сие солдату, Михаилу из Гаринского племени  
Александрову БУЛАТОВУ правами 1918 года  
за то, что он уволен из бессрочной службы  
согласно Постановления Военной комиссии С.В.Р.Д.Т.  
Владивостока 10/23 1918 г. за № 197, из чего след.  
перед со приложением кавенной печати удостоверяется.

И. Д. Военного Начальника

(подпись)

И. Д. Военного Начальника

(подпись)

Верно

Учред. окрестная

СВ. КНИЖ. КНИЖ. АН. СОВ.

22/4 января 1972



(подпись)

А. Т. Булатов в 1914 г. и его воинское удостоверение, выданное  
в г. Владивостоке 13 сентября 1918 г.



Обложки книг «Бессмертие Чукотского ревкома» (г. Магадан, 1972)  
и «Революцией рожденные» (г. Магадан, 1977)

**Красные партизаны: кто есть кто (см. с. 316—364)**



**В. М. Чекмарёв**



**И. В. Рябиков**



**И. Е. Ларин**



**Н. П. Фролов**



Г. М. Елизов



А. С. Олейник

### ТЕЛЕГРАММА

Плата.		Время прохождения
Руб. К.	изъ	Передана.
Итого	изъ	Проц.
Число слов	П. О. Д. А. Д. И.	Служб. прим. и др.

*Handwritten notes:* 3 руб. 30 коп., 30 руб., 30 руб., 30 руб., 30 руб.

*Handwritten signature:* [Signature]

Начики Старосте

*Handwritten number:* 368-870

Лукомский просится учителем вашу школу  
 Он человек хороший просю ваше общество дать  
 свое согласие послать нарту приготовить класс  
 комнату учителю точка дадим учителю продукты  
 все школьные принадлежности

6 Инспектор

*Handwritten signature:* [Signature]

Телеграмма инспектора училищ Камчатской области  
 П. Т. Новограбленова старосте с. Начики о полковнике  
 Лукомском (ГАКК, ф. П-1199. Оп. 1. Д. 631. Л. 358)



Н. П. Фролов среди сотрудников камчатской милиции, 1920-е гг.

### Силы партизан крепки

Весна 1922 года. Пробирается зеленью черемша. У партизан веселее становится на душе, хотя и подходить к концу запасы муки, пономельные из Завойкинского кооператива.

Против первоначального состава персонально участники партиотряда изменились кардинально. Жителя с. Жупаново оставили отряд еще в начале выступления. С разрешения командования отпускаются для работы на рыбалках Колыгерим и другие.

Но ядро партизанских отрядов скомпоновано довольно крепко. Отряд насчитывает в своих рядах и местных жителей — коренных камчатцев, надежных и метких бойцов. Хотя и малочислен отряд, но боевой дух его крепки.

### Партизанская печать

На Троицу партиотряд делает издучение на город. Из стоящих на рейде японских судов высаживается десант японской марской пехоты.

Партизанам ясным становится, кем спит и держится в Петропавловске Виричи и полке агити уже не делается попытки взять силой противника в городе, а партиотряд ставит себе в задачу не дать Виричу распространять свою власть дальше Сероголазки.

Зорко охраняется партизанами завойкинская дорога. С 14-й версты установлена постоянная телефонная связь с Вилкинами. По нему информируется черств. Щербакова и партизанского НАИКАРА т. Шустова население Камчатки.

Хотя и не совсем регулярно, но выдвигается гагела «Лавастя». Работа редакции слух являющейся из шпаны «Корона», как стье

### Партизаны борющиеся за власть Советов на Камчатке

Город Петропавловск	Островки
Дерно,	Ильичевы,
Ивашки,	Кобени
Вурнатов,	И.Фед.
Сазыкино,	Сиваки.
Богомолов,	Антонов Г.
Слободан,	Ильичев.
Пересвет-Салтан.	Дыбган,
Кравченко,	Колесников,
Мавраченко,	Сивяки,
Фролов.	Махаров.
Королев П.	Жупанов
Нн Николай,	Рыжков,
Эч Владимир.	Новодри.
Хаб Антон,	Наличов
Кем Трофим.	Зарин
Румянцева Александр,	Усть-Нижнетае
Шустов Александр,	Семенов В. И.
Лукашовский.	Кисельский
Сычев Е.	Шлыган
Усть-Больширский	Тельчик
Чужих Егор	Коробеко А.
Береглазна	Данил.
Брупени Василий Назар.	Дигап Фадор
Хавантерия	Остров Фриган
Лопов Марк,	Гарцев С.
Сухаров Алексей.	

Фрагменты статей и перечень партизан из газеты «Полярная звезда» № 16 за 23 февраля 1928 г., посвященной десятилетию Красной Армии

## Как организовать помощь бывшим партизанам?

Говорят о том, какую задачу явились партизаны для индустрии государства, как правдолюбцы, т. е. партизаны зная не только русской буржуазии, но и всей международной интеллигенции, но думая и течения пяти лет вездесущими способами от драмических напастей и расстройства до организации черновых сборов и земной рати и т. д., писателя на 22 февраля в 12 часов в здании ступенчатой лестницы приносилась резолюция черных пионеров.

В этой партизанской борьбе много замечено и много беззащитности и между народной интеллигенцией и чуждым защитником социалистического государства, у которых остались семьи, есть инвалиды и также за время нахождения в партизанах у многих законство разрушено и пришла в упадок — поэтому партизан в правительстве выжидают и приносят все меры и учинению материального положения партизан.

Прежде всего всех безработных партизан необходимо не устроить на соответ-

ствующие работы и более дорогие выжить на отчужденную работу. Главным образом в Горсовете должны выжить семью нуждающихся партизан и оказать индивидуальную денежную помощь. Тем партизанам, которые пробыли в лагерях и желают заняться своей семьей, необходимо координировать в общественном и массовом масштабе условия. Кредитовым и бюджетным товариществу должны выдать партизанам выданные производственные суммы из фонда бедноты. Всем ко-

ординатам необходимо было партизанам выжить, в члены конкурентов и вступить в рыночные организации, в соответствующие органы должны представлять на льготных условиях кредит для образования и воспитания молодежи. Для исполнения должны выработать перед дальнейшим ком об отпуске из состава этого фонда организации выданных партизанам, партизан и их семей, занимающихся сельским хозяйством и через РИО оказать помощь по восстановлению и учинению бед-

нящих хозяйств. В области народного образования необходимо проследить, что бы дети партизан принимались в школы и первую очередь наравне с детьми красноармейцев и ослыбко даются от платы за обучение. Все перечисленные мероприятия должны проводиться под общим руководством

Габисилкомова и Горсовета, которые являются ответственными за организацию стесненной помощи партизанам, а партизаны могут проследить за приведением в жизнь перечисленных мероприятий.

Фролов



Бывшие партизаны за учебю

## П Л Е Ж Д О Е А. Т е с л о в

Пирг не знает, что он шарманка, — Полтора остротворен в разгласе. И вкреду, ташь развращен, как слон, Зависелась смертвольные гуан. Новым вяржда много еванг дашь. Жутким плаванием в сердце аскалла... И ни бешах ни кто не улож ни севка. Ни ружь партизань помянула. И попорному шару ташько ташько... Только нощер в шаринных гуалек. Ташько слезам ошк ампела. И рожько ошк ошкранет.

## Пара слов о работе партизан С. Утколова

Отряд организован был им, что базилась зотен по инициативе Ковранского жителя Александра Навига на Прималя, Ковранский был выбран Ироковий Елю ровань Сурданов и было им несено постановление от править разваску в Тигиль. Не прислао развасчиков об ратке, партизань узнали, где назолется бандита. Ре шили ехать до сестарин, в меру сил защищать власть пробытия их на пародокат. Тогда им велем постановились партизан. Когда ушла

сест. Навилью, им по просьбе сестарин сест. Навилью, Ковранский ташь выехали на мале в Тигиль. Когда Юван П. О. та ехал в сест. Тигиль, для при зыва партизан, на меле им заставил одного бандита которого убил.

Так мы стремились во всем силе защищать власть Советов.

Был командир партизанского отряда Сурданов

## Партизаны в условиях гранданской войны

главнейшие помощники Красной Армии

Фрагмент газеты «Полярная звезда» № 15 за 23 февраля 1929 г. со статьей Н. П. Фролова

Всем партизанам, находящимся в городе Ванга обязательно без опоздания 22 февраля в 9 часов в здании ССО Секретарь Комиссии Носырев.

Объявление о сборе бывших партизан из газеты «Камчатская правда» за 22 февраля 1935 г.



И. Е. Ларин и Н. П. Фролов в Петропавловске в 1957 г.





Памятник на месте партизанской заставы на 11-м километре  
Елизовского шоссе. Фото Г. Чуркина

Начало камчатской авиации (см. с. 365—386)



Самолет Ч. Линдберга в Петропавловске, 18 августа 1931 г.



Герой Советского Союза В. С. Молоков на митинге в Петропавловске, август 1936 г.



Самолет АКО, на котором пилоты **ЖИГАЛОВ** (слева) и **КАРДАШ** (справа) летели на о. Беринга  
Лётчики АКО Д. С. Жигалов и Г. И. Кардаш и их гидросамолёт, впервые в сентябре 1936 г. достигший Командорских островов  
(рисунок из газеты «Камчатская правда»)



В. С. Молоков в Петропавловске, август 1936 г.



В. С. Молоков



Д. С. Жигалов

Александра Владиславовна Родионова-Славина (см. с. 557—605)



А. В. Славина в детстве и юности (ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 7. Ед. хр. 1—2)



Театр в г. Сумы (Украина), 1913 г. (из фондов ГАКК)

~~Состоятся под~~  
ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА  
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ  
ИМПЕРАТОРСКОЕ  
РУССКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

1913 г.

Билетъ Кандидата въ Дѣйствительные Члены

*Александръ Владимировичъ  
Славинскій*

на 1913 годъ.

За Предсѣдателя Совѣта  
Товарищъ его

*А. М. Б.*

Членъ Совѣта  
Секретарь

*В. Чернышъ*

№ 821

1913 г.

Билет кандидата в действительные члены Русского театрального общества, 1913 г. (ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 1. Л. 2)

**Пропуск**

Предъявителю сего т. *Славинскій*  
*Александръ артист. театра „Модерн“*  
разрешается свободное хождение по городу Мелитополю до 12 час. ночи, что подписями с приложением  
будет удостоверяется.



Начальник Гарнизона  
(Мелитопольский Уездвойска)

Ад'ютант

*Славинскій*

Пропуск для хождения по г. Мелитополю, 1919 г.  
(ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 1. Л. 1)



А. В. Славина, 1916 г.



К. Д. Родионов, 1924 г.



Камчатский областной драматический театр



Камчатские артисты возле своего жилища, 1940-е гг.



Камчатский областной драматический театр в год своего 25-летия, 1958 г. (из фондов ГАКК)



Заслуженная артистка РСФСР А. В. Славина в роли Евгении  
в спектакле Камчатского областного драматического театра  
«На бойком месте» (из фондов ГАКК)



АЛЕКСАНДРЕ ВЛАДИСЛАВОВНЕ СЛАВИНОЙ.

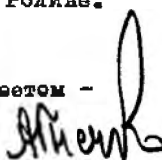
Уважаемая Александра Владиславовна от всей души  
приниму свою искреннюю благодарность ВАМ за ВАШ личный труд,  
который ВЫ проявили в оформлении золотым шитьем моего гене-  
ральского парадного костюма к ПЕРВОМУ МАЮ 1946 года.

Будучи заняты своим делом ВЫ каприи возможным за  
счет своего свободного времени своей замечательной работой  
помочь мне в оформлении костюма.

Поздравляя ВАС с всенародным радостным праздником  
Первое мая и желаю Вам доброго здоровья и успехов в Вашей  
замечательной работе на благо нашей Родины.

С горячим перьомайским приветом -

ГЕНЕРАЛ - ЛЕЙТЕНАНТ



/ А. Г Н Е Ч К О /

"29" Апреля 1946 г о д а.

г.Петропавловск на Камчатке,

Благодарность А. В. Славиной от генерал-лейтенанта А. Р. Гнечко,  
29 апреля 1946 г. (ТАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 1. Л. 12)



Похороны А. В. Славиной, 26 марта 1954 г. (из фондов ТАКК)



Могила А. В. Славиной на старом кладбище г. Петропавловска-  
Камчатского на Четвёртом километре, середина 1950-х гг.  
(из фондов ГАКК)